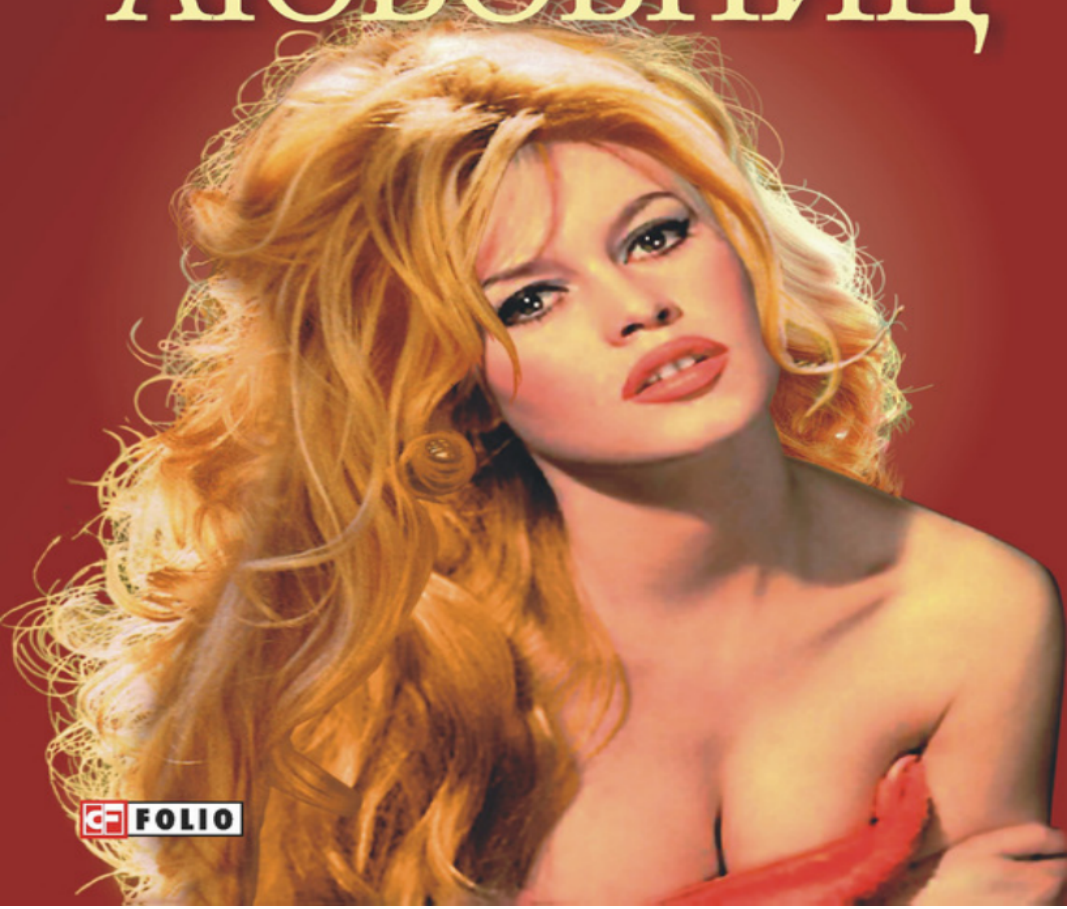
50

ЗНАМЕНИТЫХ

ЛЮБОВНИЦ



FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Очерки о знаменитых любовницах, представленные в этой книге, лишний раз убеждают в правоте этих слов. Этим знаком была Любовь, которая властвовала над ними и через них. Они жили в разное время и в разных странах; в царских одеждах или нищенских лохмотьях, в экстравагантных и смелых нарядах или скромных платьях они сразу выделялись из толпы, как бы отмеченные знаком свыше. Как бы ни была порой мучительна или безнадежна страсть, охватывающая влюбленных, как ни терзали бы их муки сомнений или ревности, нельзя не согласиться с Шарлем Бодлером, который утверждал, что «женщина — это приглашение к счастью». Рассказывая о судьбе знаменитых любовниц, авторы этой книги не столько стремились описать пикантные подробности их интимной жизни, сколько отобразить саму стихию любви, воплощением которой они являлись. Именно такими историями — романтичными или скандальными, счастливыми или трагическими — была полна жизнь женщин, о которых рассказывается в этой книге. «Любовь, которая есть не что иное, как эпизод в жизни мужчины, есть целая история в жизни женщины», — утверждала французская писательница Луиза Жермена де Сталь.

- Татьяна Иовлева, Алина Зиолковская, Ирина Рудычева
  - От авторов
  - Алиенор (Элеонора) Аквитанская
  - Андреева Мария Федоровна
  - Бардо Брижит
  - Бернар Сара
  - Борджиа Лукреция
  - Брик Лиля (Лили) Юрьевна
  - Валевская мария
  - Гамильтон эмма (леди гамильтон)
  - Д’Акоста Мерседес
  - Делорм Марион
  - Дельмас Любовь Александровна
  - Дитрих Марлен
  - Долгорукая Екатерина Михайловна
  - Дункан Айседора
  - Дьяконова Елена Дмитриевна (гала)
  - Дюплесси Мари
  - Екатерина II Великая
  - Жорж Санд

- Закревская-Бенкендорф-Будберг Мария Игнатьевна
- Изабелла Баварская
- Каллас Мария
- Кало Фрида
- Клеопатра
- Клодель Камилла Розали
- Коллонтай Александра Михайловна
- Кэмпбелл Патрик Стелла
- Ланкло Нинон де
- Ли Вивьен
- Мадонна
- Маргарита Валуа
- Мата Хари
- Мессалина
- Монро Мэрилин
- Монтеспан Франсуаза Атенаис де
- Перон Эва (Эвита)
- Пиаф Эдит
- Помпадур Маркиза де
- Сапфо
- Саломе-Андреас Лу
- Симпсон Уоллис Уорфилд
- Сталлер Илона (Чиччолина)
- Сталь Луиза Жермена де
- Стоун Шарон
- Суслова Аполлинария Прокофьевна
- Тейлор Элизабет
- Тернер Лана
- Форнарина
- Черубина де Габриак
- Шанель Коко
- Шнайдер Роми

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Татьяна Иовлева, Алина Зиолковская, Ирина Рудычева
50 знаменитых любовниц

От авторов

«Любовь, которая есть не что иное, как эпизод в жизни мужчины, есть целая история в жизни женщины», — утверждала одна из героинь этой книги, французская писательница Луиза Жермена де Сталь. Именно такими историями — романтичными или скандальными, счастливыми или трагическими — была полна жизнь женщин, о которых ведется наш рассказ. Они жили в разное время и в разных странах. В царских одеждах или нищенских лохмотьях, в экстравагантных и смелых нарядах или скромных платьях они сразу выделялись из толпы, как бы отмеченные знаком свыше. Этим знаком была Любовь, которая властвовала над ними и через них. Для одних она была смыслом жизни, для других — средством к достижению богатства и положения в обществе, третьи видели в ней источник творческого вдохновения, духовного совершенства и счастья.

Так или иначе, но каждая из этих женщин постигала науку любви по-своему, всякий раз как бы заново открывая для себя и своего возлюбленного сложный мир любовных чувств и ощущений, загораясь очередной страстью как в первый раз или сохраняя одну-единственную на всю жизнь. Ошибки и разочарования прежних увлечений исчезали для них при свете новой любви. Недаром знаменитая французская куртизанка XVII в. Нинон де Ланкло, весьма искушенная в любовных делах, мудро замечала, что «в любви, как во всем, опыт — врач, являющийся после болезни».

Большинство знаменитых любовниц покоряло сердца своих поклонников прежде всего красотой, женственностью, изысканностью манер и чувственностью. О каждой из них можно было бы по примеру известного французского литератора XVIII в. Николы-Себастьена де Шамфора сказать как о женщине, «возле которой забываешь то, что знал назубок, иными словами, все недостатки пола».

Но были среди них и такие, кто, не обладая особой внешней привлекательностью, сумели достичь вершин в искусстве любовного наслаждения благодаря уму, остроумию, сильному характеру, творческим талантам — словом, всему тому, что позволяет назвать женщину незаурядной. Именно в этом состоял основной секрет притягательности Клеопатры и Екатерины II, Луизы Жермены де Сталь и Жорж Санд, Уоллис Симпсон и Гала, Черубины де Габриак и Эдит Пиаф.

Рассказывая о судьбе знаменитых любовниц, авторы этой книги не столько стремились описать пикантные подробности их

интимной жизни, сколько отобразить саму стихию любви, воплощением которой они являлись. Той самой — всепобеждающей и безграничной, которая, по мнению Марины Цветаевой, объединяет любящих людей, «может быть в одной постели, а может быть — за тысячу верст». Именно такая «любовь не как „связь“, а как стихия» долгие годы жила в сердцах замечательной актрисы Патрик Стеллы Кэмпбелл и всемирно известного драматурга Бернарда Шоу. Из той же стихии были сотканы любовные отношения Любови Дельмас и Александра Блока, Лу Саломе и Райнера-Марии Рильке, Гала и Сальвадора Дали, вдохновившие возлюбленных на создание прекрасных произведений литературы и искусства.

Особое место в этой галерее творческих личностей занимает «любовная война» Аполлинарии Сусловой и Федора Достоевского. Она являет собой редкий пример тяжелого чувства любви-ненависти, столь характерного как для творчества, так и для личных отношений писателя.

Но как бы ни была порой мучительна или безнадежна страсть, охватывающая влюбленных, как ни терзали бы их муки сомнений или ревности, нельзя не согласиться с Шарлем Бодлером, который утверждал, что «женщина — это приглашение к счастью». Очерки о знаменитых любовницах, представленные в этой книге, лишний раз убеждают в правоте этих слов.

Алиенор (Элеонора) Аквитанская

(род. в 1122 г. — ум. в 1204 г.)

Королева Франции, а позже Англии. Славилась удивительной красотой и многочисленными любовными приключениями. История ее супружеских отношений с французским королем Людовиком VII и английским королем Генрихом II Плантагенетом считается причиной Столетней войны. Муза одного из самых известных французских трубадуров Бернарда де Вентадорна, воспевавшего fine amor — «утонченную любовь», любовь-служение Прекрасной Даме. Мать короля-трубадура Ричарда I Львиное Сердце.

Прекрасная Алиенор Аквитанская была и остается легендой, одним из символов классического средневековья. При жизни современники относились к ней по-разному. «В Антиохии все знали о распутстве этой женщины. Она вела себя не как королева, а как уличная девка», — писал монах Альберик. Но ее возлюбленный, знаменитый трубадур Бернард де Вентадорн пел:

«Я пьян от радости, я околдован вдруг.
В природе изменилось все вокруг.
Зимой я вижу, хотя сады пусты,
И красно-белые и желтые цветы.
Под зимними дождями и в ненастье
В груди моей растет и крепнет счастье.
Звучит все громче моя лира

Средь звуков чувственного мира».

Пожалуй, иного и быть не могло. По мнению современников, средневековый аскетизм боролся со своим антиподом — чувственностью, им гонимой, но проросшей изящным цветком куртуазной[1] любви, от которой было рукой подать до любви плотской. И наша Прекрасная Дама, с удовольствием принимая рыцарское поклонение, не заботясь о мнении окружающих и достоинстве своих венценосных мужей, спокойно доводила отношения до постели. Однако развратной ее вряд ли можно назвать. Она несомненно следовала велению сердца и темперамента.

А пылкий темперамент Алиенор было от кого наследовать. Ее дед, герцог Аквитанский, первый трубадур Прованса, Гийом VIII де Пуатье, так прославился любовными похождениями, что один из летописцев, подводя итог его жизни, писал: «Он долго путешествовал по свету с одной единственной целью — совращать женщин». Не отличался аскетизмом и ее отец, Гийом IX де Пуатье.

В родительском замке процветали куртуазные отношения. Любовь была возведена в ранг служения, но часто переходила за грань дозволенного церковной моралью. Весь двор пребывал в состоянии влюбленности. Немаловажную роль в этом играла и наследница герцога. Девочка в 10 лет осталась без матери, которая могла бы несколько поумерить пыл рано развившейся Алиенор. Уже в четырнадцать лет она своей красотой стала привлекать внимание рыцарей и трубадуров. В ее честь слагались стихи. А однажды и Алиенор сочинила песенку об одном из своих поклонников, в которой не обошлось без некоторой фривольности.

Летом 1137 г. девушку постигла тяжелая утрата — во время паломничества внезапно умер ее отец, и это круто изменило жизнь юной герцогини. Герцоги Аквитанские относились к числу самых богатых и могущественных феодалов Европы того времени. Им принадлежали земли графств Пуату, Овернь, Марш, Лимузен, Ангумуа, Перигор, Гасконь и Гиень. Боясь, что бароны начнут междоусобицы, герцог перед смертью направил послов к французскому королю Людовику VI Толстому и просил его взять под опеку Алиенор и ее младшую сестру Алике. Старшую дочь он предложил в жены восемнадцатилетнему дофину, которого тоже звали Людовиком.

Французские короли были много беднее герцогов Аквитанских. И потому владыка Франции пришел в восторг от

предложения. Вскоре в Бордо произошла встреча жениха с невестой. Людовик без памяти влюбился в зеленоглазую красавицу-невесту. Алиенор жених тоже понравился.

Однако брачная ночь разочаровала ее. Принц оказался не на высоте положения. Вскоре молодоженов настигло известие о смерти короля. Людовик унаследовал трон, а Алиенор стала королевой. Придворные рыцари не остались равнодушными к ее красоте, а она, привыкшая поощрять знаки внимания, не отказывала себе в этом и при французском дворе.

Король начал ревновать жену, видимо, отдавая себе отчет в собственной супружеской несостоятельности. Летом 1147 г., отправляясь в крестовый поход, он решил взять королеву с собой, чтобы предотвратить измену с ее стороны. Так Алиенор оказалась в Святой земле, где произошли события, существенно отразившиеся на истории Франции и Англии.

По дороге в Иерусалим королевская чета остановилась в Антиохии у правившего здесь дяди Алиенор Раймонда Гиенского. Ночи Алиенор проводила одна. Поэтому, когда однажды в ее спальню проник неизвестный, она разделила с ним постель. Кем был этот случайный любовник, остается невыясненным. Хронист Матье де Пари писал: «Эта сумасшедшая женщина опозорила себя, совершив супружескую измену с неверным, сыном дьявола», то есть с сарацином. Но возможно, счастливцем был сам Раймонд Гиенский, который, пользуясь куртуазными правилами поведения, открыто ухаживал за племянницей.

Через несколько дней Людовик застал их вдвоем наедине в опасной близости друг к другу. Он бросился на Раймонда, но Алиенор заслонила князя. В перепалке королева заявила, что, по-видимому, вышла замуж не за короля, а за монаха. Людовик рассвирепел. Он называл ее публичной девкой и кровосмесительницей. В ответ Алиенор ядовито заметила, что он сам является кровосмесителем, потому что между ними тоже существуют прямые родственные связи.

После этой бурной сцены Людовик решил поскорее покинуть Антиохию. Алиенор, отказывающуюся сделать это, он приказал просто выкрасть. Несколько дней супруги не разговаривали. Наконец Алиенор снизошла до примирения и супружеские взаимоотношения возобновились. После возвращения во Францию королева продолжала вести себя вызывающе, поощряя многочисленных поклонников, и Людовик решил развестись, не понимая, что вместе с женой потеряет треть Франции — принадлежащие ей графства Аквитании.

В марте 1152 г., к обоюдной радости, супруги оказались свободны. Огорчила Алиенор только необходимость расстаться с

двумя дочерьми, которые остались при французском дворе. Однако она быстро утешилась. Бывшая королева перебралась в Пуатье и создала там Двор любви — кружок молодых рыцарей, дам и трубадуров, которые вели себя в соответствии с правилами куртуазных отношений.

Вокруг бывшей королевы Франции начали виться искатели ее руки. Вскоре здесь появился молодой и красивый Генрих Плантагенет, граф Анжуйский и Туреньский. Они были знакомы еще по Парижу и, возможно, уже тогда не ограничились платоническими отношениями. Известно, что Алиенор пообещала ему свою руку, когда брак с Людовиком будет расторгнут. Граф поймал ее на слове, и 18 мая 1152 г. состоялась свадьба, в результате которой Франция получила сильного и опасного соседа.

Между тем Плантагенет, бывший внуком Вильгельма Завоевателя, имел прямые права на английский престол. Английский король Стефан сделал его своим наследником. В 1154 г., после смерти короля, Генрих Плантагенет стал Генрихом II Английским, а Алиенор вновь обрела королевскую корону. Их огромные владения на материке тоже отошли к Англии. И именно это в будущем создало предпосылки для одной из самых длительных войн в истории человечества — Столетней войны.

Между тем отношения между королем и королевой были далеки от идеальных. Теперь ревновала уже Алиенор. Генрих был женолюбив и быстро обзавелся любовницей. Узнав об этом, королева пришла в ярость и пригрозила, что задушит соперницу. Генрих, зная темперамент супруги, испугался и переселил предмет своей страсти из королевского замка в укромный домик в Вудстоке. А чтобы жена успокоилась, решил отправиться с ней во французские владения.

В Пуатье Алиенор вновь оказалась в атмосфере томного юга, любимого ею и так непохожего на сумрачную Англию. Здесь она встретилась с провансальским трубадуром Бернардом де Вентадорном. Их отношения развивались в полном соответствии с законами куртуазной любви. Поэту было предложено терпеливо ждать награду.

Три года влюбленные находились в переписке. Но вот Алиенор вновь прибыла в Пуатье на рождественские праздники. Там ее уже ждал преданный Бернард. Они стали любовниками. А вскоре королева возвратилась в нелюбимую Англию[2], везя с собой последнюю песнь Бернарда:

> «Что ж, пусть она свою любовь забудет,
> Но в сердце раненом моем

Свидетельство любви жить вечно будет».

Алиенор не забыла возлюбленного. Много раз она возвращалась в Пуатье, где ее ждал Бернард и члены нового Двора любви — двадцать дам, несколько трубадуров и рыцарей. Они следовали кодексу любви, включавшему 31 пункт, например: «Брак не может быть препятствием для любви», «Кто не умеет скрывать, тот не умеет любить», «Если ты искренне любил, то обязан хранить верность после смерти любимого (или любимой) в течение двух лет», «Любовь не терпит скупости», «Доступность в получении наслаждений уменьшает их ценность, а трудность — увеличивает», «Настоящий любовник всегда робок» и др.

Члены кружка изучали проблемы любви, обсуждая довольно деликатные вопросы и давая подчас весьма откровенные ответы для их решения. Темой одной из дискуссий, например, как свидетельствует историк Ги Бретон, была следующая: «Возможна ли настоящая любовь между супругами?» Члены Двора любви пришли к выводу: «…супруги не могут по-настоящему любить друг друга. И вот почему: любовники отдают друг другу все, взаимно и бесплатно, не будучи связанными никакими обязательствами, в то время как супруги вынуждены терпеть друг друга из чувства долга и не могут ни в чем друг другу отказать…» А на вопрос, может ли женщина отказать бывшему любовнику в близости, если вышла замуж за другого, был дан ответ: «Замужество не исключает права бывшей связи, если только сама дама не откажется от первой любви полностью и навсегда». Нет сомнений в том, что все присутствующие стремились вести себя соответствующим образом, соблюдая правила, которые даже в наше время многие сочли бы безнравственными.

Шли годы. Жизнь королевы проходила в разлуке с мужем. В Лондон она приезжала только, чтобы повидаться с детьми. От Генриха у нее было трое сыновей. Все они были очень привязаны к матери, а она защищала их от деспотичного отца. Оставленных во Франции дочерей в какой-то степени ей заменила французская принцесса Маргарита: дочь ее бывшего мужа и его новой жены была в трехлетнем возрасте просватана за ее старшего сына и, по обычаю, воспитывалась при английском дворе. Алиенор была добра к девочке и очень заботилась о ней.

Когда сыновья восстали против отца, Алиенор безоговорочно приняла их сторону. Во время военных действий королева была захвачена в плен под Шиноном и заточена в башню Солсбери. Мятеж длился два года. После примирения с сыновьями Генрих отказался дать королеве свободу. В заточении она пробыла 16

лет, до 1189 г.

После смерти отца ее освободил средний сын, Ричард, ставший королем. Ричард I Львиное Сердце был любимым сыном королевы. Рыцарь до мозга костей, он стал одним из предводителей третьего крестового похода и, возвращаясь в Англию из Иерусалима, в Германии попал в плен. Император Священной Римской империи Генрих IV скрывал это обстоятельство, и королева терзалась от неизвестности. Она разослала по всей Европе лазутчиков. Легенда повествует, что трубадур Блондио, вместе с которым Ричард часто писал стихи, услышал, как в одной из крепостей на берегу Дуная кто-то поет сочиненную им вместе с королем песню. Семидесятидвухлетняя королева сама отправилась к императору и выкупила сына за огромную по тем временам сумму — 100 тыс. марок серебром.

Теперь Алиенор могла спокойно вернуться в любимую Аквитанию. Там она и прожила остаток жизни. Умерла королева в аббатстве Фонтевро. Она прожила 82 года — прожила ярко и, если отвлечься от пуританской морали, вполне достойно. Во всяком случае, в злобных и кровавых интригах ее никто никогда не подозревал. И пожалуй, ни одна из исторических героинь того времени так ярко не воплотила в себе романтические черты эпохи, связанные с культом Прекрасной Дамы, любовью, страстью и их вечной спутницей — поэзией. Ей наверняка могли бы быть посвящены слова из песни, которую пел Ричард Львиное Сердце в заточении:

> «Нельзя, мадам, такой красивой быть.
> Кто видел вас, не мог не полюбить».

Андреева Мария Федоровна

Урожденная Юрковская, по мужу Желябужская (род. в 1868 г. — ум. в 1953 г.)

Знаменитая русская актриса Московского Художественного театра, гражданская жена А. М. Горького.

«Из взбитых сливок нежный шарф…
Движенья сонно-благосклонны,
Глаза насмешливой мадонны
И голос мягче эха арф».

Какая же женщина так пленила Сашу Черного, кому он посвятил строки этой «Почтительной акварели»? В начале стиха стоят таинственные инициалы «М. Ф.». За ними скрывается многогранная и необъяснимая в своих страстях и поступках Мария Федоровна Андреева. Для поклонников театра она — знаменитая актриса МХТ, для ценителей творчества Горького — любимая женщина, гражданская жена, друг и секретарь писателя, для старых большевиков — член партии с 1904 г., «верный солдат революции» и «товарищ Феномен»; такая разноплановая и разноликая, что по событиям ее жизни можно написать не один авантюрно-приключенческий роман.

Машенька родилась 4 июля 1868 г. в Петербурге в известной театральной семье. Ее отец, Федор Александрович Федоров-Юрковский, предпочел карьере морского офицера сценическую. Он был актером, а затем главным режиссером Александрийского

театра, где играли ее мать,

Мария Павловна Лелева-Юрковская, и младшая сестра, Надежда Юрковская (Кякшт). В их доме часто бывали видные ученые, писатели, артисты, художники. Все жили интересами театра, и судьба Машеньки была предопределена от рождения. К тому же она была прехорошенькой. Отец пытался воспитывать дочь в строгости, «требовал одевать в самые некрасивые платья», заставлял наголо состригать прекрасные рыжевато-каштановые кудри и приучал к домашнему труду. Но воспитательные эксперименты родителя сходили на нет, лишь только за ним закрывалась дверь. Бабушка, бездетная тетка и мама баловали свою красавицу как только могли. Милое детское личико рисовали Крамской и Репин — Илья Ефимович писал Машу в восемь, десять и в двенадцать лет. А когда ей исполнилось пятнадцать, она стала его моделью для донны Анны к иллюстрациям «Каменного гостя» Пушкина.

Юная красавица, окончив гимназию и драматическую школу, начала свою сценическую деятельность в 1886 г. в казанской антрепризе Медведева. Она была создана для театра: бархатный чарующий голос, пленительная грация точеной фигурки, яркий темперамент и вкрадчивая чувственность — все в ней было естественно и завораживало. А глаза искрились, словно драгоценные камни, которыми ее вместе с букетами цветов осыпали поклонники, льстя себя надеждой на благосклонность юной примадонны. Но Машенька была умной девушкой, цену себе знала, на легкий флирт не разменивалась и в спутники жизни выбрала действительного статского советника, впоследствии главного контролера Курской и Нижегородской железных дорог и статского генерала, Андрея Алексеевича Желябужского. Супруг был старше на 18 лет, но обладал приличным капиталом и покладистым характером. А главное, он был не против работы Машеньки в театре, так как и сам состоял членом Общества искусства и литературы и членом правления Российского театрального общества.

Ведение домашнего хозяйства, рождение сына Юрия (1888 г.) и дочери Екатерины (1894 г.) стали для молодой избалованной женщины серьезным испытанием, отдаляя возможность играть на профессиональной сцене. В Казани ей приходилось довольствоваться любительскими постановками. По счастью, Андрей Алексеевич получил новое назначение в Тифлис, где супруги вступили в Артистическое общество, которое объединяло лучшие театральные силы города. Они вместе выступали на сцене местного театра под общим псевдонимом Андреевы, который Мария Федоровна оставила за собой на всю жизнь.

Именно в Тифлисе взошла ее артистическая звезда. Местный театр трещал от поклонников. Темпераментные южные мужчины были опьянены ее божественной красотой и голосом. Андрей Алексеевич с неудовольствием наблюдал за ростом популярности своей супруги. За пять лет она сыграла целый ряд разнообразных ролей — от водевильных простушек до Ларисы в «Бесприданнице» Островского. Пресса отмечала не только сценический дар Марии Федоровны, но и большую музыкальность, особенно после выступления в заглавной роли в оперной постановке «Миньона» Тома. Уроки пения она брала у певицы И. М. Зарудной и имела широчайший диапазон — от нижнего соль до верхнего ля. Вскоре весь Тифлис был у ног Андреевой. В ее честь один за другим следовали обеды и банкеты. Однажды некий влюбленный грузин после витиеватого тоста осушил бокал, а затем съел его, чтобы «никто не посмел пить из моего бокала» после таких слов. Муж в этот момент случайно перехватил чувственный, призывный взгляд Машеньки, адресованный вовсе не ему. Андрей Алексеевич понял, что из Грузии пора уезжать от греха подальше, и выхлопотал перевод в Москву. Он полагал, что его импульсивную, взбалмошную по натуре жену смогут удержать рамки московского высшего общества. Как же он заблуждался!

Москва сразу наполнилась слухами о прелестной и талантливой актрисе. И следует отметить, что на сцене Мария Федоровна и впрямь была царицей. Свое театральное мастерство она шлифовала постоянно, окончила Московскую консерваторию. Ее учителем и партнером на сцене Общества искусства и литературы стал Константин Сергеевич Станиславский. Также она брала частные уроки у знаменитой актрисы Н. М. Медведевой — учительницы непревзойденной М. Н. Ермоловой. Спектакли с участием Андреевой собирали аншлаги. За три сезона Мария Федоровна сыграла одиннадцать ролей. Она дебютировала в пьесе Островского «Светит, да не греет», а затем была Юдифь («Уриэль Акоста»). Актрису хвалили за искренность, чувство меры, поэтичность и пленительную женственность. Она купалась в лучах славы, создав шекспировские образы Геро («Много шума из ничего») и Оливии («Двенадцатая ночь»). Но ярче всего ее дарование раскрылось в роли Раутенделейн в «Потонувшем колоколе» Гауптмана. Зал застывал в восхищении, покоряясь воздушному, романтическому, полному диковатой грации образу, созданному Андреевой. Ее голос, «звучащий серебристым звоном лесного ручья», зачаровывал, оставляя неизгладимое впечатление у публики.

Казалось, что еще нужно женщине — любовь зрителей,

восторженная пресса, богатый респектабельный дом, муж, получающий чины, награды и удовлетворяющий любой каприз. Высокопоставленный светский круг общения. Слава. Признание. Богатство. Сама великая княгиня Елизавета Федоровна писала портрет Андреевой. Но всего этого оказалось мало не знающей угомону душе. Семейное счастье оказалось недолговечным. Муж встретил и полюбил другую женщину, да и сама Андреева не осталась равнодушной к репетитору сына Дмитрию Ивановичу Лукьянову. Позже она скромно написала в мемуарах: «Еще в 1896 году я перестала быть женою Андрея Алексеевича Желябужского. Причины нашего разрыва были на его стороне. Я сказала ему, что соглашаюсь жить с ним в одном доме как мать своих детей и хозяйка — ради детей».

Внешне все оставалось благопристойно и вполне респектабельно: роскошная квартира, дорогие наряды и блеск драгоценностей, которые так любила Мария Федоровна. Счастливая жизнь светской женщины. Никто из друзей не подозревал, что она увлечена другим мужчиной и серьезно разделяет его революционные интересы. Андреева, со свойственной ей страстностью, включилась в подпольную работу ставропольского студенческого землячества. Свободные от сцены вечера проводила в спорах на политические и философские темы. Переводила с немецкого и тщательно изучала «Капитал» К. Маркса. Партия большевиков очень нуждалась в таком «товарище» с огромными светскими связями, и вскоре Андреева стала выполнять поручения Московского социал-демократического центра по хранению и транспортировке нелегальной литературы, принимала участие в работе Красного Креста. Пользуясь своими многочисленными знакомствами, она взяла на себя «легализацию подпольщиков, снабжение их документами и трудоустройство».

Даже бурный роман с богатым предпринимателем Саввой Морозовым был изначально запланирован В. И. Лениным и Л. Б. Красиным, чтобы выкачать из него побольше денег на революцию. Андреева и сама была заинтересована в этой интрижке — в творческом плане. Под покровительством влюбленного мецената она могла прочно занять ведущее место на театральных подмостках Москвы. Не оставляя ни подпольной, ни сценической деятельности, Мария Федоровна окунулась в создание Московского художественно-общедоступного театра, где она должна была быть единственной примой. Морозов выделил на строительство 500 тыс. рублей и стал совместно с В. И. Немировичем-Данченко содиректором и крупнейшим пайщиком МХТ. Ради прекрасных глаз возлюбленной Саввушка влезал не

только в финансовые дела театра, но и в репертуар, требуя для своей обожаемой Машеньки главных ролей. Станиславский, понимая «полезность» Андреевой, соглашался с требованиями щедрого мецената, а Немирович-Данченко отстаивал негласную царицу Художественного театра и свою ученицу О. Книппер-Чехову.

Конечно, Марию Федоровну это очень обижало, ведь она по праву была соучредительницей театра, участвовала в подготовке Устава, привлекала меценатов, договаривалась с подрядчиками. Станиславский спокойно переложил на ее плечи ведение рутинных дел и целиком отдался творчеству. Андреева несколько лет мужественно выполняла эти обязанности, лишь бы играть ведущие роли в профессиональном театре. За шесть сезонов она с боем отстояла для себя 15 главных ролей в пьесах Чехова, Островского, Гауптмана, Ибсена, Шекспира. Пресса превозносила ее до небес. Театральный критик С. Глаголь после возобновленной постановки «Потонувшего колокола» писал: «Г-жа Андреева, чудесная златокудрая фея, то злая, как пойманный в клетку зверек, то поэтичная и воздушная, как сказочная грёза». А С. Васильев в газете «Новости» добавлял, что в роли Оливии «она была так изящна и красива, настолько соответствовала шекспировскому образу, что напрашивалась на полотно художника».

Этапной ролью в творчестве Андреевой стал образ Кете в пьесе Гауптмана «Одинокие» (1899 г.) — в нем с особой силой проявилось ее лирическое дарование. В этой роли она выходила на сцену 73 раза. Известная актриса В. Л. Юрьева вспоминала свое впечатление от игры Марии Федоровны: «Я до сих пор помню лицо Кете после самоубийства Иоганнеса: Кете падает на пол с зажженной свечой, и пламя играет в ее расширенных, застывших от ужаса глазах. Вообще М. Ф. Андреева в этой роли была так трогательно беспомощна, нежна и прекрасна, что обычное сравнение страдающей женщины со сломанным цветком на этот раз вполне выражало то, что видела публика».

Актриса была несравненной Ириной в «Трех сестрах» Чехова, необузданной, демонической Эддой Габлер, сказочным Лелем, тоскующей по любви Верой Кирилловной («В мечтах» Немировича-Данченко)… В сезоне 1902–1903 гг. доминирующее положение в театре с подачи Андреевой и Морозова заняли пролетарские пьесы Горького. В «Мещанах» роли ей не нашлось. Режиссеры утверждали, что ее внешние данные не подходят для изображения людей из народа. Но в пьесе «На дне» Мария Федоровна потребовала и получила роль Наташи. Писательница Щепкина-Куперник говорила, что все герои спектакля «целиком

вырваны из жизни и перенесены с Хитровки на сцену. А посреди них, как цветок на пожарище, Наташа — Андреева, кутающаяся в свой длинный платок».

Но все чаще и чаще до Марии Федоровны доходили слухи, что она актриса «полезная», а О. Книппер — «до зарезу необходимая». Излишнее самолюбие не позволяло ей ужиться с не менее талантливой актрисой, а тем более уйти на второй план. Интриги с ее стороны и вмешательство Морозова только накаляли обстановку. Савва Тимофеевич и Немирович-Данченко — два содиректора — даже перестали здороваться. Андреева с возмущением и обидой писала Станиславскому, что он ее неправомерно обвиняет «в небрежном отношении к театру» и в том, что она стала «банальной актрисой». «Мое самолюбие не раз приносилось в жертву, раз это было нужно вам или делу». Конечно, и Станиславский, и Немирович-Данченко часто бессовестно эксплуатировали неотразимую красоту актрисы и поощряли ее связь с Морозовым, пока театр становился на ноги. А теперь Константин Сергеевич, не задумываясь, обидел Андрееву, написав ей в письме: «Отношения Саввы Тимофеевича к Вам — исключительные. Это те отношения, ради которых ломают себе жизнь, приносят себя в жертву, и Вы знаете это и относитесь к ним бережно и почтительно. Но знаете ли Вы, до какого святотатства Вы доходите? Вы хвастаетесь публично перед посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна (жена Морозова) ищет Вашего влияния над мужем. Ради актерского тщеславия Вы рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по Вашему настоянию, вносит целый капитал… ради спасения кого-то. Если бы Вы увидели себя со стороны в эту минуту, Вы согласились бы со мной…» Конечно, это было правдой. Но упрекнул ее в этом человек, спокойно получающий деньги из ее рук, которые Морозов давал только ради своей несравненной Машеньки.

Разрыв Андреевой с театром был горьким, ведь она стояла у истоков его создания, отдавала все силы служению сцене. Да, ее не хватило полной мерой на творчество. Мария Федоровна была натурой увлекающейся и верящей в свое актерское предназначение, она не понимала, как можно жить только одним театром, когда вокруг бурлят политические страсти, не могла спокойно выходить на сцену, зная, что товарищи по подполью гниют в тюрьмах. Революционная деятельность притягивала Андрееву как магнитом, щекотала нервы, требовала не меньшей отдачи, чем сцена. Мария Федоровна ушла из театра (1904 г.), написав Станиславскому — человеку, который так много значил в ее актерской судьбе: «Художественный театр перестал быть для

меня исключением, мне больно оставаться там, где я так свято и горячо верила, что служу идее… Я не хочу быть брамином и показывать, что служу моему богу в его храме, когда сознаю, что служу идолу, и капище только лучше и красивее с виду. Внутри него — пусто». Конечно, она преувеличивала, но обида клокотала в ней. Напоследок она сумела рассорить Станиславского и Немировича-Данченко и, громко хлопнув дверью, увела за собой Морозова. Савва Тимофеевич демонстративно вышел из правления театра, впрочем, он еще не догадывался, что для любимой Машеньки он тоже пройденный этап.

Актриса увлекла его планами создания нового театра совместно с Горьким, труппой Комиссаржевской и антрепризой Незлобина, с которой она играла в Старой Руссе. Эту идею по многим причинам осуществить не удалось. Андреева выступала в провинциальных театрах, по-прежнему пользовалась огромным успехом у зрителей и прессы, но после отточенных постановок МХТ наспех готовящиеся спектакли не удовлетворяли ее. Да и роль провинциальной актрисы не соответствовала ее амбициям. Кроме того, Мария Федоровна избрала для себя сцену политической борьбы. Ей импонировали экстремальные условия жизни — пароли, явки, обыски, спасение раненых большевиков (Баумана). И во всем ей помогал Морозов: субсидировал издание ленинской «Искры», газет «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве, нелегально перевозил типографские шрифты, прятал и устраивал на работу на своих фабриках наиболее ценных товарищей — словом, собственными руками «рыл яму» своему делу.

Безоглядно влюбленный Савва Тимофеевич даже не заметил, как между Марией Федоровной и его другом А. М. Горьким вспыхнуло настоящее чувство. Андреева познакомилась с Алексеем Максимовичем еще в 1900 г. в Ялте, как и в случае с Морозовым — по поручению Ленина, чтобы привлечь к революционной деятельности пролетарского писателя. «Наша дружба все больше крепла, — писала Андреева, — нас связывали общность во взглядах, убеждениях, интересах. Мало-помалу я входила во все его начинания, знала многих, стоявших к нему более или менее близко. Он присылал ко мне людей из Нижнего с просьбами устроить их, сделать то или другое… Я страшно гордилась его дружбой, восхищалась им бесконечно…» «Любезный Саввушка» был потрясен, когда на одном из приемов он прочитал дарственную надпись к поэме Горького «Человек»: «У автора поэмы крепкое сердце, из которого любимая женщина может сделать каблучки для своих туфель». Экземпляр принадлежал Андреевой. Это был жестокий удар по чувствам

Морозова, но ради счастья любимой женщины он был согласен и на роль друга.

В конце 1903 г. Мария Федоровна стала гражданской женой Горького. Он расстался с Екатериной Пешковой, законной супругой и матерью его двоих любимых детей, но сохранил с ней добрые отношения до конца жизни. Однако то, что общество могло простить пролетарскому писателю, оно не простило Андреевой. Ее адюльтер осуждали, критиковали, порицали, особенно после того как она, переложив опеку над своими детьми Юрой и Катей на свою сестру, стала жить только проблемами любовника. Мария Федоровна посмеивалась: «Вот оно, возмездие за дурное поведение! О-о-о! И как мне было весело и смешно. Весело, что я ушла от этих скучных и никому не нужных людей и условностей. И если бы я была совершенно одна в будущем, если я перестану быть актрисой, — я буду жить так, чтобы быть совершенно свободной! Только теперь я чувствую, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно…»

Наверное, это и впрямь была настоящая любовь. Андреева не прислушивалась ни к злобным нападкам, ни к голосам друзей. Для нее теперь существовали только «его голубые глаза из-под длинных ресниц и обаятельная детская улыбка». Трудно представить рядом двух столь несхожих людей. При всей страстности натуры Мария Федоровна внешне всегда была невозмутимо хладнокровна и сдержанна в эмоциях, одевалась изысканно у самых дорогих модисток и не только имела вид рафинированной светской дамы — она ею была. А «буревестник революции» был на удивление слезлив и излишне непосредствен в выражении чувств. Костюм носил «собственного изобретения» и, как вспоминал Ю. Аненков, «всегда был одет во все черное. Он носил косоворотку тонкого сукна, подпоясанную узким кожаным ремешком, суконные шаровары, высокие сапоги и романтическую широкополую шляпу, прикрывающую длинные волосы, спадавшие на уши». Даже внешне у них было мало точек соприкосновения. Образованная потомственная дворянка и писатель-самоучка…

Андреева произвела на Горького неизгладимое впечатление, увлекла революционными идеями и прониклась его устремлениями. Она пожертвовала во имя любви к нему всем: своей артистической карьерой, возможностью блистать в обществе и быть рядом с детьми, благополучным бытом. Теперь ее беспокоил его кашель, аппетит, покой и комфорт. Это стало единственной целью в жизни, и она щедро отдавала себя заботам о любимом. Правда, первое время Андреева еще довольно часто выступала в любительских труппах и всегда имела огромный успех. Но во время очередного спектакля в Риге в 1905 г. Мария

Федоровна сильно расшиблась, упав в открытый люк. Спасти ребенка, которого она ждала от Горького, врачам не удалось, да и сама она еле выжила после перитонита. В бреду Андреева постоянно звала Алешу, но рядом с ней неотлучно находился преданный Морозов. Горького арестовали в Риге при попытке навестить ее, и он мучился неизвестностью в застенках Алексеевскою равелина.

Андреева, не успев как следует оправиться после болезни, использовала все связи, чтобы вытащить Горького из тюрьмы. На нее саму в охранке было заведено не одно дело за участие в революционных событиях 1905 г. Ведь даже в московской квартире, где она проживала с Горьким, Красин изготавливал самодельные бомбы, а дом охраняли дружинники Камо. Оставаться в России было чрезвычайно опасно, и Ленин поручил Алексею Максимовичу поездку в США для сбора средств в фонд революции. Горький согласился ехать только в сопровождении «друга и товарища Маруси». Для большевиков это была двойная удача — пролетарский писатель и «товарищ Феномен» (эту подпольную кличку Андреева получила лично от Ленина), член РСДРП с 1904 г., были ударной силой. Партия очень нуждалась в деньгах. Морозовские миллионы были потеряны. Савва Тимофеевич перенес тяжелую депрессию из-за разрыва с любимой, а тут еще и забастовки на его фабриках. Несмотря на помощь революционерам, для рабочих он оставался угнетателем. Властная мать и жена объявили его душевнобольным и увезли лечиться за границу. Состояние здоровья Морозова улучшилось, но вдруг пришла трагическая весть: Савва застрелился. По всей видимости, он все же был убит, ведь свидетели видели, как после выстрела в окно выскочил рыжеволосый мужчина (по одной из версий, им был Красин). Но даже смерть Саввы Тимофеевича принесла большевикам дивиденды: свой страховой 100-тысячный полис Морозов оформил на Андрееву, она спустя год выиграла судебное дело у родственников и после уплаты всех процентов 60 тысяч рублей передала партии.

В феврале 1906 г. Горький и Андреева выехали в Америку. Мария Федоровна последний раз вышла на сцену еще в октябре 1905 г., чтобы сыграть роль Лизы — самый сложный женский образ в горьковской пьесе «Дети солнца». Теперь на многие годы ей предстояло забыть о театре. Но Андреева верила, что она — то нужное «колесико», без которого дело революции остановится, да и жизнь свою без Алексея Максимовича не представляла. Сердце болело только за детьми. Она писала сестре: «Как я плачу тяжелыми горькими слезами, когда пишу. Потому что мне мучительно, до крика хочется быть дома, с детьми, с тобой, со

всеми вами! Я хочу быть с вами, хочу, хочу, хочу, хочу! И так все чуждо и нелепо мне, среди чего я живу…»

Америка встретила их восторженно. Горький и Андреева везде представлялись супружеской парой. В их честь устраивались банкеты, пресса пестрела статьями. Но и царское правительство не дремало: через газеты пуританам-американцам сообщили, что брак этой пары не освящен церковью. Горький и Андреева оказались серьезно скомпрометированы: он — анархист и двоеженец, она — падшая женщина. Их начали травить на улицах, выселять из гостиниц: «Здесь вам не Европа». Мария Федоровна не ожидала такого позора, но после категоричного заявления Горького журналистам: «Она моя жена. И никакой закон, когда-либо изобретенный человеком, не мог бы сделать ее более законной женой. Никогда еще не было более святого и нравственного союза между мужчиной и женщиной, чем наш», — успокоилась. Шумиха постепенно утихла. Горький выступал на митингах, писал статьи в газеты, работал над романом «Мать». Мария Федоровна во всем ему помогала. Денег удалось собрать немного — всего 10 тысяч, но они блестяще справились с другой партийной задачей: им удалось дискредитировать царское правительство, и Штаты отказали России в займе в полмиллиарда долларов.

Возврата на родину теперь для них не было. Влюбленные уехали на Капри. Алексей Максимович очень нуждался в лечении, и Андреева стала для него не только секретарем, переводчиком, другом, любовницей, но и заботливой сиделкой. Многочисленных друзей и почитателей, гостивших у них, до глубины души трогало, с какой любовью эта блистательная, талантливая женщина относилась к Горькому. Саша Черный в «Почтительной акварели» заметил:

«Ей-богу, даже вурдалак
Смягчился б сердцем, если б в лодке
Услышал голос кроткий-кроткий:
„Алеша, ты б надел пиджак…“
Имел бы я такую мать,
Сестру, свекровь иль даже тетку,
Я б надевал, влезая в лодку,
Под шубу пиджаков штук с пять…»

Гостей бывало изрядно, и всех надо было принять, устроить, накормить. Несколько раз приезжал Ленин. Жили влюбленные не роскошно, но достойно. Большая часть значительных писательских гонораров перекочевывала в партийную кассу.

Мария Федоровна, привыкшая жить на широкую ногу, часто нуждалась в деньгах. Она серьезно занялась переводами произведений мужа на французский, немецкий, итальянский, которые знала в совершенстве, и с этих языков на русский («Тридцатилетняя женщина» Бальзака). Андреева собрала и перевела на русский итальянские сказки, текст которых затем отшлифовал Горький и они стали одной из его знаменитых книг. Самой большой радостью для нее были непродолжительные встречи с повзрослевшими детьми. О своих отношениях с Горьким она написала своему старому другу Николаю Буренину: «Были периоды, и очень длительные, огромного счастья, близости, полного слияния, но эти периоды всегда были бурными и сменялись столь же бурными периодами непонимания, горечи и обид». Самыми тяжелыми моментами в личной жизни Марии Федоровны были встречи с Екатериной Пешковой. Законная жена не признавала ее существования. «Меня он любил горячо, но прошлое тянуло его в сторону, а я не понимала этих возвратов. Е. П. — что! Маленькая женщина, недобрая, и мне думается, никогда не любившая Алексея Максимовича. Если бы не Е. П., вся бы жизнь Макса [сын Горького], Алексея Максимовича и моя сложилась бы по-другому». Мария Федоровна была убеждена, что только Пешкова была виновата во всех сложностях их взаимоотношений с Горьким. Своей вины она не допускала. Но, видимо, недаром она очень плотно заполняла работой каждый день, «чтобы к вечеру устать и уснуть, и не видеть снов, потому что хороших снов я не вижу…»

В феврале 1913 г., в связи с 300-летием дома Романовых, в России была объявлена политическая амнистия. Андреева смогла наконец-то вернуться домой. Ей было тяжело оставлять Алексея Максимовича, да и он сильно тосковал без нее, и она каждый день писала на Капри. Мария Федоровна оставалась под гласным надзором полиции, и зрители не дождались ее появления на московской сцене. Ей было разрешено работать в Одессе и Клеве. Мхатовцы подтвердили охранке, что Андреева необходима им на гастролях. Первое выступление в спектакле «Одинокие» показало, что ее артистическое мастерство не угасло. Киев восторженно приветствовал возвращение блистательной Андреевой на сцену. Но закрепиться в МХТ не удалось — очень много было противников ее «воцарения» в родном театре. Мария Федоровна выступала в Свободном театре К. А. Марджанова (1913 г.), сезон 1914–1915 гг. отыграла в труппе Синельникова в Клеве. Она являлась «крупным приобретением» для этих театров, но по старой привычке пыталась навязать революционный репертуар, «переосмыслить на сцене роль», что вносило дисгармонию в игру

сложившихся трупп. И все же чаще всего именно Андреева своим мастерством вытягивала весь спектакль.

В 1914 г. в Россию вернулся Горький. Они поселились в Мустамяки. Мария Федоровна много внимания уделяла его издательским делам, выступала с концертами перед рабочими, собирала средства для подпольщиков под неусыпным надзором охранки. После революции 1917 г. Андреева была назначена комиссаром театров и зрелищ в Петрограде. Здесь ее энергия, самоотдача и организационный талант нашли широчайший простор для деятельности. Она организовывала фронтовые труппы и массово-театрализованные представления, формировала революционные театры и, главное, стояла у истоков создания и принимала непосредственное участие в становлении нового классического театра — Большого драматического. На его сцену комиссар Андреева выходила властолюбивой леди Макбет, графиней де Бюри («Дантон» М. Левберг), а нежная Дездемона стала ее последней актерской работой.

Известна также и другая, но неблаговидная роль Андреевой, которую она сыграла как комиссар экспертной комиссии в распродаже художественных ценностей, включая и картины из собрания Эрмитажа. Великие произведения искусства в письме к Ленину она называла «ценным хламом» и имела «большие надежды добыть за них денег в хорошей валюте». Мария Федоровна легко освоила область внешней торговли, поэтому ее назначили заведующей художественно-промышленным отделом Советского торгпредства в Германии (1921 г.), а с января 1922 г. она параллельно занимала пост уполномоченного Наркомвнешторга по делам кинематографии за границей. Вот где ей понадобились врожденные манеры светской дамы и дипломатическое мастерство. Она прекрасно исполняла свои роли и была настолько эффектна, что даже снялась в двух немецких фильмах (1926 г.). Приняла Андреева деятельное участие и в создании материальной базы советского кинопроизводства, а ее сын Юрий Желябужский стал одним из признанных деятелей кинематографа, кинорежиссером и оператором.

Мария Федоровна по-прежнему поддерживала отношения с Горьким, но теперь это была только дружеская связь. Тема их страстной любви оказалась под негласным запретом. Двадцать лет личной жизни были посвящены Алексею Максимовичу. Отдав ему всю себя, она оказалась выброшенной из привычного ей круга и образа жизни. Недаром Буренин в 1931 г. писал ей: «Вы не могли бороться так, как вам надо было, чтобы остаться той „Марией Федоровной“, которая когда-то блистала среди звезд

первой величины… Ореол сам собой исчез, с пьедестала вы сами сошли…» Только старый друг мог так откровенно написать о жертве, которую принесла эта женщина на алтарь любви и на благо революции. Разрыв с Горьким был спокойным, без истерик. Ее место заняла другая любовница — М. И. Закревская-Бенкендорф-Будберг. Мария Федоровна продолжала любить Алексея Максимовича и даже после его смерти призналась: «Я была не права, что покинула Алексея. Я поступила как женщина, а надо было поступить иначе: это все-таки был Горький…»

Одна она не осталась. В берлинском торгпредстве с Андреевой работал бывший секретарь писателя, Петр Петрович Крючков, по-домашнему Пе Пе Крю. Они стали любовниками. Драгоценный александрит, подаренный своей гражданской жене Горьким, перекочевал на палец Петра Петровича, который был младше Андреевой на 17 лет. Человек этот был скользкий и малопривлекательный. После совместного возвращения в Россию (1930 г.) именно он принял участие в инсценировке смерти Максима, сына писателя. Этот факт всплыл спустя годы, как и то, что именно Крючков, сотрудник НКВД, передал в палату А. М. Горькому дорогую конфетную бонбоньерку с отравленным содержимым — знак внимания из Кремля. Через час писатель и двое угостившихся санитаров были мертвы. Профессор Петров «получил по заслугам» — 25 лет тюрьмы. Неизвестно, знала ли Андреева, что один ее любовник умертвил другого.

Вернувшись домой, Андреева по-прежнему мечтала выйти на сцену, но под благовидным предлогом — возраст — руководство театров ей отказало. Первое время она занималась художественными промыслами и была заместителем председателя правления «Кустэкспорт». Конечно, любую работу, которую ей поручала партия, она делала основательно, но душа тосковала о театральных подмостках. Должность директора Московского Дома ученых позволила Андреевой заняться организацией досуга людей науки и художественной работой с детьми. Но любимым ее детищем стала театральная студия А. Д. Дикого, которую она приютила в Доме ученых, с боем отстояв правомерность их «расквартирования на чужой территории». Многие студийцы и спустя годы вспоминали о живом, заинтересованном участии Марии Федоровны в их театральной жизни. Народный артист Г. П. Менглет рассказывал, каким строгим судьей и советчицей она была, как откровенно, но почему-то совсем не обидно указывала на промахи, как стремительно налаживалась дисциплина при ее приближении, что только она могла усмирить резкого, несдержанного, но необычайно талантливого режиссера Дикого. Работа с людьми и

для людей стала для нее последней отдушиной.

В 1949 г. Андреева ушла на покой. Москвичи могли часто наблюдать, как по Кропоткинской улице неспешно и одиноко прогуливалась пожилая, стройная и еще очень красивая женщина. Все торопились, проходя мимо по своим делам и не догадываясь, что это Мария Федоровна Андреева, прославленная актриса, приводившая в восторг публику еще при Александре III. Она по-прежнему была хороша, только морщины изрезали благородное точеное лицо театральной богини. И глаза, искрящиеся раньше, как драгоценные камни, были грустны, а изредка вспыхивали затаенной болью. Когда-то она была необыкновенно красива, любима и счастлива. Правда, она считала себя еще и свободной, но, как оказалось, до конца дней была очень зависима. У гроба Марии Федоровны 8 декабря 1953 г. говорили пламенные речи, вспоминали, что свою жизнь пламенная революционерка и солдат партии отдала служению народу, что она была достойна эпохи великих перемен. Но мало кто из провожающих Андрееву в последний путь знал, что революционное пламя обожгло ее увлекающуюся натуру и отобрало у этой женщины самое ценное, что было ей даровано свыше, — возможность остаться актрисой.

Бардо Брижит

(род. в 1934 г.)

Знаменитая французская киноактриса, сумевшая стать одновременно мировым секс-символом 60-х гг. и олицетворением Марианны — символом Франции.

«Когда у мужчины много любовниц, о нем говорят, что он донжуан. Когда у женщин много любовников, ее называют шлюхой… Где же справедливость?» — однажды с грустью заметила Брижит Бардо, которая до сих пор во всем мире считается олицетворением сексуальности и эротизма. В свое время зрители были настолько потрясены созданными ею экранными образами, что полностью отождествили актрису с ее героинями. Она и была такой: естественной и импульсивной, ищущей свое счастье среди всеобщего поклонения и «подглядывания в замочные скважины». Для миллионов людей Брижит стала женщиной, «которую создал Бог».

Будущая «белокурая колдунья» родилась в Париже 28 сентября 1934 г. в семье отставного военного и владельца небольшой фабрики Луи Бардо и его супруги Анн-Мари Мюсель. Она получила строгое классическое воспитание, в котором далеко не последнее место занимали хорошие манеры и навыки светской беседы. Даже трудно представить, что в детстве Брижит мучалась комплексом «некрасивости» и завидовала младшей сестренке, «хорошенькой куколке»: «Своей внешности я стыдилась. Все отдала бы, чтобы стать, как Мижану, с рыжими до пояса волосами и фиалковыми глазами и быть любимицей папы и мамы. Господи,

ну почему у меня волосы тусклые и как палки, и косоглазие, и очки, и зубы выпирают, и приходится носить проволочку! Проволочка, к счастью, ничего не дала! Зубы у меня так и выпирали, и казалось, что я надула губы, — моя знаменитая на весь мир гримаска!».

В школе маленькая Брижит училась плохо, возглавляя в классе «двоечную троицу», и ненавидела 1 октября — день, когда во Франции начинались учебные занятия. Зато в любимых танцах, которыми девочка занималась с малых лет, всегда была первой. Танцуя, она забывала о своих недостатках, комплексах и унынии: «Танец делал красивыми и душу, и тело. Мышцы растягивались и расковывались, я становилась гибкой, и стройной, и пластичной, чувствовала ритм и такт и слушалась музыки. От танцев у меня и эта посадка головы, и походка, которые называют „типично моими“. Танец же научил меня дисциплине и придал выносливости». Недаром знаменитая актриса Жанна Моро заметила на съемках «Больших маневров», что «видеть, как она ступает, равносильно восприятию великолепной музыки». Когда Брижит исполнилось 12 лет, она прошла огромный конкурс (из 150 поступавших отобрали только 10), и была принята в балетную школу, где училась у самого Бориса Князева. Балет стал ее самым большим увлечением и мечтой — девушка хотела повторить судьбу своего кумира, знаменитой балерины Анны Павловой.

Однако когда Бардо исполнилось 15 лет, ее необычную внешность заметил профессиональный фотограф Вальтер Карон, и симпатичное личико с капризно надутыми губками появилось на обложке женского журнала «Эль». Этот снимок и предложение режиссера Марка Аллегри сняться в задуманном им фильме (но не снятом) вызвал в семье настоящий скандал: «Никаких актерок в доме!» На выручку пришел дед, заявив, что «если малышке суждено стать шлюхой, она ею станет, в кино или без. А не суждено — так и кино тут ничего не сделает».

На кинопробах 15-летняя Брижит познакомилась с помощником режиссера Роже Вадимом (Вадимом Племянниковым), высоким, красивым юношей из семьи русских эмигрантов. Ее красота, упругое тело, знойный взгляд и сексуальная раскованность покорили 23-летнего молодого человека. Влюбленные поначалу не делали тайны из своих чувств и Вадим часто навещал Брижит в ее доме, но семья не очень-то приветствовала перспективу иметь такого зятя, считая его каким-то «неосновательным и несолидным», хотя и не лишенным обаяния. Родители решили отправить дочь на учебу в Англию. Для девушки это было трагедией, и Брижит совершила свою

первую попытку самоубийства, сунув голову в духовку и открыв газ. Ее успели спасти, поездку отменили, но встречаться с Вадимом до совершеннолетия запретили.

Однако влюбленную Брижит ничто не могло остановить (так будет с нею всегда). Свидания продолжались и закончились тайным абортом в Швейцарии. Начинающая актриса и школьница в то время больше мечтала иметь семью, нежели стать звездой киноэкрана. Да и первые небольшие роли ни успеха у публики, ни удовольствия не принесли («Будущие звезды», «Нормандская дыра»). Газеты лишь скупо отметили, что Бардо «очень женственна и обладает чувственной грацией». Но она не отказывалась даже от самых маленьких ролей. Молодой семье были нужны деньги. После трех лет незаконных отношений 21 декабря 1952 г. Роже и Брижит наконец-то смогли обвенчаться и были откровенно счастливы своей свободой от опеки.

Привлекательная внешность молодой актрисы постепенно сделала свое дело. От фильма к фильму росло и профессиональное мастерство. После удачной роли в «Больших маневрах» (1955 г.), где она снялась рядом с неотразимыми Жераром Филипом и Мишель Морган, Бардо получила некоторую известность и могла даже позволить себе «звездные» капризы. Так, играя роль Помпеи в итальянском фильме «Уик-энд с Нероном», Брижит по сценарию должна была принять знаменитую молочную ванну. Но вместо молока ей предложили искупаться… в крахмале. После бурной сцены, которую устроила «восходящая звезда», заявив, что не желает накрахмалиться, как воротничок сорочки, его заменили молоком, правда, не ослиным и разбавленным водой, но все же это было лучше, чем противная крахмальная жижа. Однако к концу съемочного дня Брижит пришлось плескаться уже не в тепленьком приятном молочке, а в мерзкой створоженной простокваше. На другой день «звездные капризы» закончились — актриса согласилась на крахмал.

Так продолжалось до 1956 г., когда Роже Вадим, занявшись литературной деятельностью, написал специально для жены сценарий и снял фильм «И Бог создал женщину», в котором Брижит сыграла свою первую главную роль. Эта картина решила судьбу актрисы и обрекла ее на громкую, но отчасти скандальную славу. По словам Бардо, это были самые лучшие съемки с начала ее карьеры: «Я не играла, я жила!». Действительно, выдуманную любовь своей героини актриса превратила в реальную. Она создала новый экранный тип девушки, «свой тип» — независимая, чувствующая свою власть над мужчинами, бросающая вызов лицемерной морали и живущая раскованно и дерзко.

Для молодежи Бардо стала кумиром, предметом подражания.

Впрочем, во Франции картина не имела особого успеха, зато в американском прокате пользовалось феноменальной популярностью. Она принесла продюсеру доход в 6 млн долларов. Роже Вадим был признан лучшим европейским режиссером, а Брижит — новой звездой первой величины и французской секс-бомбой. Упиваясь достигнутым успехом, Вадим сказал о Брижит: «Это создание с повадками дикой кошки… Эта девушка соткана из противоречий: бунтует против своей среды, против ханжества. Она просто рождена для любви — между тем не имеет об этом ни малейшего представления… Ты будешь недостижимой мечтой женатых мужчин». Можно считать, что именно с этого времени и начался миф Брижит Бардо — «Б.Б.», а ее личная жизнь стала достоянием прессы, падкой на скандалы.

Ее отношения с партнером по фильму Жаном-Луи Трентиньяном скрыть было невозможно. О драме, разыгравшейся на съемочной площадке между Брижит, Жаном-Луи и Роже Вадимом, моментально сообщили газеты, назвав актрису «пожирательницей мужчин», «ветреной и бесстыдной». Четыре года совместной счастливой жизни с Вадимом затмила новая любовь. «Я знал, что теряю ее, — говорил он. — Я быстро заметил, как у них рождается взаимная симпатия, любовь… Но все спустил на тормозах». Бывшие супруги после разрыва сумели сохранить хорошие отношения, а Вадим не долго был одинок. Он с легкостью покорял молоденьких актрис — Катрин Денев, Джейн Фонда… Как, впрочем, и Брижит. Новая любовь заполонила все ее существо. Она считала ее началом новой жизни, в которой у нее были только «Жан-Луи и телефон, ставший единственным источником информации».

Телесная и чувственная свобода стала основой ее экранных образов и в последующих фильмах Роже Вадима. Он как-то сказал: «Даже когда Брижит Бардо была одета в пуловер, она выглядела еще более нагой, чем если бы была на экране совсем обнаженной…» Образ «испорченной девчонки» развивали в своих фильмах крупнейшие режиссеры того времени: Рене Клеман, Луи Маль, Жан Люк Годар, Мишель Буарон, Кристиан-Жак, Жюльен Дювивье, Клод Отан-Лара. Они почитали за счастье работать с «Б. Б.»

Слава и поклонение не сделали Брижит суперзвездой в привычном понимании этого слова. Она не появлялась на публике с ног до головы в брильянтах и дорогих нарядах, ни в чем не следовала «правилам игры» знаменитостей, потому что, по ее словам, «никогда не любила ходить строем». Брижит неоднократно говорила: «Вообще не люблю проторенных дорожек. На моду мне наплевать. Потому-то и звали меня

злодейкой, провокаторшей, дурной женщиной, а я просто была сама собой». По выражению Жана Кокто, «она жила, как все, не будучи ни на кого похожей».

В быту, в семейной жизни Бардо, по собственному признанию, оставалась «домашней» женщиной и тяжелее всего переносила одиночество. Несколько месяцев одиночества приводили ее к депрессиям, и она должна была «срочно» почувствовать себя кому-то необходимой и желанной. И когда Трентиньян вернулся в отпуск с армейской службы, его место уже было занято известным шансонье Жильбером Беко. Но и его Брижит приходилось ждать — он был женат. Редкие тайные встречи вскоре перестали радовать ее и закончились новой попыткой самоубийства. Теперь в ход пошло снотворное. Только случайный звонок Жильбера спас ей жизнь. Неопределенность в любви Брижит ненавидела так же, как обманы и ожидание коротких минут близости. Тем более, что каждый ее шаг отслеживался вездесущими журналистами. «Они охотились за мной, как будто я была не человеком, а дичью, которую нужно убить… Какой-то жуткий, кошмарный сон! Ведь более двадцати лет они тщательно меня выслеживали, преследовали, распространяли обо мне всяческую ложь и небылицы, приписывали слова, которых я никогда в своей жизни не произносила, поступки, которых никогда не совершала…»

Предложения работать в кино сыпались одно за другим, и Брижит Бардо (она могла уже это себе позволить), со свойственной ей непредсказуемостью, какие-то из них отвергала, например, главную роль в фильме «Анжелика». А после блистательных комедий «Парижанка» (1957 г.) и «Бабетта идет на войну» (1959 г.) Бардо стала королевой в мире эротики. Туго обтягивающие мини-юбки, прически «а-ля Бабетта» и по-особому накрашенные губы стали модой десятилетия. Актриса не могла спокойно пройти по улице, ее преследовали толпы поклонников, а феномен «Б. Б.» принялись изучать солидные киноведы. Она не была красивее и талантливее Джины Лоллобриджиды, Элизабет Тейлор, Роми Шнайдер или Мишель Мерсье, но все же никому из них не удалось снискать у публики столь бурного почитания. Инициалы «Б. Б.» украсили престижные торговые марки ведущих фирм страны, принося Франции сказочные прибыли (говорили, что они были больше, чем все заводы по производству малолитражных «фордов»).

Нельзя сказать, что Бардо была безразлична обрушившаяся на нее популярность, но ей хотелось побыть просто любимой женщиной наедине с мужчиной, не вздрагивая и не оглядываясь на каждый шорох. Стремительно и легко пролетел роман с

итальянским актером Рафом Валлоне, и сердце Брижит занял начинающий певец Саша Дистель. В свободное от съемок время они совместно записали пластинку «Солнце моей жизни», а песня «Брижит» прославила певца на весь мир. «Он сама прелесть… — восклицала актриса, — прекрасно поет, играет на гитаре, изысканно ухаживает и утонченно любит». Но и Дистель не удержал ее сердце. Спустя годы Брижит напишет в своих мемуарах: «Свой час славы познал каждый мужчина, что-то значивший в моей жизни, будь он певцом, актером, плейбоем, художником или скульптором. Каждый думал, что этой славой обязан только себе, и каждый был жестоко разочарован, видя, как она осеняет его преемника, а ему приходится вернуться к унылым будням».

Связь с Брижит позволила Саша создать на телевидении собственное шоу. Но лишь только певец уехал на гастроли, Бардо вычеркнула его из своей жизни и с восторгом отдалась новой страсти. Красавец Жак Шарье, партнер по фильму «Бабетта идет на войну», стал ее вторым мужем. Ради него она была готова на многое, даже отважилась рожать. Ни скромную свадьбу, ни роды «засекретить» не удалось. Возле мэрии Жаку пришлось отбивать невесту от толпы, а родильный зал устроить в их парижском доме, только в соседней квартире. О переезде в больницу не могло быть и речи — дом находился в осаде. И хотя Брижит не могла просто прогуляться по улицам, подышать свежим воздухом, даже будучи беременной, она, несмотря на протесты мужа, продолжала работать над фильмом «Истина» (1960 г.). Это была единственная возможность побыть среди людей, которые не досаждали и не преследовали ее. Иногда жестокость журналистов превосходила все допустимые пределы. Однажды Брижит все же отважилась выйти на прогулку, и журналисты погнались за ней по улице. В каком-то переулке беременная женщина рухнула в мусорный бак — так ее и сфотографировали. Вернувшись домой, актриса вновь наглоталась снотворного, а Жак, узнав об этом, вскрыл себе вены. Теперь врачи спасали двоих.

Сын Николя родился 11 января 1960 г., и Брижит стала самой знаменитой матерью в мире, но материнских чувств не испытывала. Жестокость всеобщего внимания и предательство секретаря, продавшего записки о ее личной жизни прессе, заслонили успех фильма и остудили чувства к Жаку. Между ними начались скандалы, и к тому же Брижит переживала очередную влюбленность к партнеру по съемкам Сэми Фрею. Их отношения были в самом разгаре, когда Сэми забрали в армию, и актриса вновь осталась одна. Теперь Брижит решила, что никто не сможет помешать ей уйти из жизни. В небольшой деревушке, на

заброшенной ферме, где она скрывалась от ревнивого мужа и журналистов, Бардо перерезала себе вены. Ее подруга подняла на поиски всю деревню. Врачи буквально вытянули актрису с того света. Ее сыну в это время было всего девять месяцев.

С Жаком Шарье Брижит развелась, но и любовь к Сэми оказалась призрачной. Сын остался с отцом и воспитывался в его семье. «Как я могу растить ребенка, если не знаю, как жить самой…» — с болью отвечала актриса на негодование публики. Бардо хотела оставить кино, но друзья уговорили ее не совершать этой ошибки. Фильмы «Истина», «Частная жизнь», «Презрение», «Вива, Мария!», «Ромовый бульвар» доказали, что кроме эротической силы актриса наделена глубоким трагедийным даром. Ведь недаром именно ее скульптор Гурд он Аслан избрал моделью, создавая символ Французской республики. Теперь во всех префектурах страны стоит бюст Марианны — Бардо с фригийской шапочкой на голове.

За броской внешностью и сменой любовников и мужей скрывалась совсем другая женщина. Но и сама Брижит не сразу поняла это. Роман с Бобом Загури, бразильским танцором и музыкантом, начался, как всегда, внезапно. Новое чувство быстро вытеснило еще тлеющую любовь к Сэми. Брижит даже ездила к Загури на родину и с ужасом поняла, что и там ей не спрятаться от поклонников и газетчиков. Но если контакт с бразильскими почитателями ее таланта закончился для нее глубоким обмороком, то премьера фильма «Вива, Мария!» в Нью-Йорке — более плачевно. Один из фоторепортеров ухитрился щелкнуть вспышкой в нескольких сантиметрах от ее лица. У Брижит с детства один глаз плохо видел, а теперь врачи констатировали отслоение сетчатки на другом. Такого успеха стоило страшиться. Актриса очень страдала от назойливого внимания, считая, что пресса показывала публике «только одну сторону медали, пряча другую»: «…Искаженное изображение моего истинного „Я“, которое всегда швыряли на растерзание толпе, я ненавижу больше всего на свете».

Как только в жизни Брижит появлялся новый мужчина, будь то любовник или муж, пресса немедленно до мельчайших подробностей освещала очередной роман. В газетах появлялись ее фотографии с партнерами по съемкам — а среди них были Жан Габен («В случае несчастья»), Марчелло Мастроянни («Частная жизнь»), Робер Оссейн («Отдых воина») — и с друзьями. Когда журнальные обложки украсили снимки Брижит Бардо и Алена Делона в купальных костюмах, кто мог поверить, что они всего лишь хорошие друзья, если под фото стояла подпись: «Самые красивые любовники в мире». И когда жизнь их вновь сводила,

репортеры пылко распространялись о вновь вспыхнувшей страсти. Остудить их воображение не могло даже заявление жены Алена Делона: «Брижит Бардо очень симпатичная и умная актриса. В отличие от многих, она живет более порядочно…» Но пресса продолжала раздувать миф, что «Бардо — воплощение всех мужских эротических мечтаний», что «Бардо — агрессивна и ненасытна»…

В 1966 г. Брижит снова влюбилась. Французы негодовали — их «Б. Б.» вышла замуж за немца, пусть даже и миллионера, но немца. Гюнтер Сакс (Закс) шикарно ухаживал — разбрасывал с вертолета над ее виллой «Мадраг» в Сан-Тропезе сотни красных роз, в медовый месяц повез в путешествие по миру. А потом вернулся к делам, а в ее отсутствие, как обнаружила Брижит, к любовницам. Сидеть в одиночестве в его баварском поместье и слушать, как прислуга именует ее не иначе, как «фрау Сакс», знаменитая актриса не стала и вернулась в Париж. Из двух лет замужества они провели вместе не более трех месяцев, а затем расстались.

Мужчины не оставляли ее без внимания, и многим своим избранникам она приносила не только личное счастье, но и жизненный успех. Но все же для большинства она была лишь «Б. Б.» — по-французски это «игрушка, кукла». Оставаться такой на всю жизнь? Это было не для Бардо. Те, кто знал ее близко, понимали, какая глубокая пропасть лежит между мечущейся в поисках любви и счастья актрисой и ее внутренним «Я». Все признавали, что она всегда странно выглядела в артистическом мире: не блистала на фестивалях, интригами и сплетнями не занималась, никого «не сбила» на своем пути к славе и осталась в дружеских отношениях со всеми актерами, всеми мужьями и любовниками.

В 1973 г., находясь на гребне славы, в расцвете творческих сил и женской красоты, Брижит Бардо решила, что «любовь — это великий самообман. Когда тебе кажется, что ты живешь одной жизнью с другим человеком, ты оказываешься в абсолютном одиночестве…» И тогда Брижит, в отличие от своей героини Жиль из «Частной жизни», нашла для себя иной путь спасения — уйти не из жизни, а из кинематографа. Предпринимая этот важный шаг, актриса признавалась: «Я ничего хорошего не вижу в своем будущем. Нельзя все время идти против течения. Наступит момент, когда сил больше не будет, и оно тебя снесет… Нужно вовремя уйти, а еще лучше — заняться нужным делом».

И таким делом для актрисы стала защита животных. «Добрая фея животных», как ее все называют, делает многое, чтобы спасти братьев наших меньших от людской жестокости. Она основала

фонд защиты животных, носящий ее имя. Ее дом в Сан-Тропезе полон всяческой живности, которой она уделяет все свое время. Используя свою известность, Брижит Бардо решает многие важные экологические проблемы на уровне глав правительств различных стран, в том числе и России. С 1992 г. в благородной деятельности Бардо принимал участие ее четвертый муж, бизнесмен и лидер ультра-правой партии «Национальный фронт» Бернар Д'Ормаль, но и с ним через четыре года она рассталась.

«Я никогда не оглядываюсь назад, — говорит Брижит. — Живу только настоящим. Я не могу найти убежища в прошлом, даже если мне говорят, что оно достойно моего настоящего существования. Это убежище не для меня. Таков мой выбор, хотя временами бывает скучно… Но я так решила и бросила все ради животных в тридцать семь лет, когда была еще молода и красива. Я могла бы продолжать играть. Но жизнь — это твой выбор. Я хотела бы, чтобы моя любовь к животным передавалась, как передается Олимпийский огонь. Каждый должен действовать».

Сын Николя, давно обзаведшийся семьей и «наградивший» ее почетным званием «бабушка», одобряет поступок матери. Он рад, что некогда привлекавшая паломников к «телу Брижит» вилла «Мадраг» стала «теплым домом хотя бы для животных». В своей книге Бардо признается, что «всегда и во всем искала простоту… жизнь просто милая и душевная нравилась мне куда больше помпезной, ненужной, ледяной роскоши, в которую помещали меня во время поездок и съемок, думая угодить! Чем дальше я от природы, тем мне тошней». Сегодня она близка к природе, к той естественной жизни, олицетворением которой были все ее экранные героини.

Брижит Бардо, о которой несравненная Вивьен Ли сказала, что «никакая актриса со времен Греты Гарбо не была такой личностью», о которой знаменитый шансонье Морис Шевалье пропел: «Это драгоценность, которую можно сравнить только с сердцем», доказала, что она в первую очередь является символом человеческой личности и сердца. Но для миллионов поклонников постаревшая и не прячущая за косметикой и пластическими операциями свой возраст «Б. Б.» («Возрастные изменения — это так естественно») остается неизменным секс-символом XX века, все той же «полуженщиной-полудевочкой», чувственной, раскованной бунтаркой, уводящей мужчин в царство эротических мечтаний.

Бернар Сара

(род. в 1844 г. — ум. в 1923 г.)

Великая французская актриса, сказавшая о себе: «Я была одной из величайших любовниц своего века».

Маленькой девочке было всего девять лет, когда она, приняв вызов кузена, попыталась перепрыгнуть через ров, преодолеть который никому из детей не удавалось. Она разбила лицо, сломала руку, сильно ушиблась, но, преодолевая мучительную боль, кричала: «Все равно я это сделаю, вот увидите, во что бы то ни стало, пусть только попробуют дразнить меня! И всю свою жизнь я буду делать все, что захочу!» Эта сказанная в запале тирада стала основой ее жизни и бешеного успеха, а девиз «Во что бы то ни стало» — ее спасительным кругом и маяком. Может, именно благодаря этому трагическому событию мир получил «божественную Сару», о которой В. Гюго сказал: «Это больше чем актриса, это — женщина…» Бернар стала легендой театра, знаком целой эпохи. И как у каждой легенды, у нее были свои начало и корни.

23 октября 1844 г., когда родилась Сара, ее матери Жюли ван Хард (Юдифь фон Хард) было всего шестнадцать. Она была невообразимо красивой голландской еврейкой с золотистыми длинными волосами. Эта женщина была создана для любви. И в скором времени после приезда в Париж родила хиленькую девочку. Кто был ее отцом, точно не установлено. Одни биографы называют Мореля Бернара — офицера французского морского флота, другие говорят, что звали его Эдуардом и был он не то

студентом-юристом, не то инженером. Сара видела отца всего несколько раз в детстве, он умер рано при невыясненных обстоятельствах. А Жюли ван Хард превратилась в одну из самых модных и высокооплачиваемых содержанок Парижа, «даму полусвета». Заниматься ребенком ей было некогда, она путешествовала с любовниками по Европе и блистала на балах. Сара жила у кормилицы в Бретани. У этой славной женщины детей не было, и всю нерастраченную нежность она отдавала «своей Пеночке». Мама, «похожая на мадонну», появлялась, лишь когда слабая здоровьем дочка серьезно заболевала. Но Сара только и мечтала, чтобы быть рядом с ней. В пять лет она выпрыгнула из окна, сломала руку в двух местах и сильно повредила коленную чашечку, чтобы привязать мать к себе. Ей это удалось: целых два года мадам Бернар и ее любовники опекали девочку.

В семь лет Сару отдали в пансион госпожи Фрессар, который стал для нее, по ее собственному выражению, «комфортной детской тюрьмой». Затем домом для нее был привилегированный католический монастырь Гран-Шан, расположенный в Версале. Учиться Сара не любила, прилежанием не отличалась, была хиленькой от точившего ее легкие туберкулеза. Лихорадки и обмороки, сопровождавшиеся обильным кровохарканьем, обессиливали и без того слабый организм, но возникали они чаще не от простуд, а вследствие вспышек «дикого гнева», которые невозможно было унять. Монахини, чтобы привести девочку в чувство, выплескивали ей на голову ковш святой воды. Впрочем, Сара была очень отходчивой и быстро успокаивалась. В ее поведении всегда ощущался какой-то надрыв, неосознанное стремление выделиться, готовность к героическим действиям. В десять лет она храбро вытащила из заросшего тиной пруда четырехлетнюю девочку. О последствиях она никогда не думала. Живое воображение и обостренная чувствительность Сары, напичканной христианскими преданиями, привели ее к мысли стать монахиней. Мать же считала, что ей и еще двум ее внебрачным дочерям (Режина умерла молодой, Жанна стала актрисой) уготована приятная жизнь высокооплачиваемых куртизанок. Но герцог де Морни, один из любовников мадам Бернар, потрясенный грацией дикой кошки и какой-то внешней театральностью поступков 15-летней Сары, порекомендовал отдать ее в Консерваторию — актерскую школу и впервые отвез девочку в театр.

«Когда занавес медленно стал подниматься, я думала, что упаду в обморок. Ведь это поднимался занавес над моей жизнью», — записала Бернар в своих мемуарах. Непонятно, что

помогло абсолютно неподготовленной Саре пройти отбор в Консерваторию — протекция маминых друзей или все же в ней разглядели скрытое дарование. Ее внешние данные совсем не соответствовали эталону сценической красоты того времени: худая как щепка, угловатая, небольшого росточка. Но у нее было живое лицо, чудные глаза цвета морской волны — в них играли и переливались настроение и чувства, а руки и пальцы вторили им. Оказалось, что ее хрупкое тело могло звучать, как музыка, а ее голос Дюма-отец сравнивал с «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке». Но все это надо было еще рассмотреть, а первое, что бросалось в глаза, — золотистая масса пушистых волос и несдержанность эмоций. Однако теперь Сара училась прилежно, не пропускала ни единого урока. Вскоре преподаватели всерьез заговорили о ее трагедийном и комедийном даре. Единственным недостатком Сары на протяжении всей театральной карьеры оставался страх перед выходом на сцену. Даже увенчанная лаврами, она часто выходила на подмостки в таком взвинченном состоянии, что играла почти подсознательно, а после спектакля падала в обморок.

Консерваторию Бернар закончила успешно. По протекции Дюма-отца и герцога де Морни была принята в знаменитую труппу «Комеди Франсез». Первое выступление 18-летней дебютантки в роли Ифигении в одноименном спектакле прошло незамеченным. Это ее, конечно, огорчило, она надеялась на триумф, но для себя Сара «бесповоротно решила стать личностью во что бы то ни стало», как и остаться в этом театре навсегда. Последнее желание осуществить не удалось. Необузданность чувств и умение создавать себе неприятности лежали в основе ее натуры. На церемонии по случаю празднования дня рождения Мольера Бернар, защищая свою сестру, отвесила несколько звонких пощечин толстой примадонне. Дебютантка отказалась извиниться и ушла из театра.

Сара поработала немного в других труппах. Слава не спешила к ней, зато стали появляться любовники, у которых она, в отличие от матери, на содержании никогда не была. Их было много, и со всеми своими поклонниками Бернар оставалась в прекрасных отношениях даже после расставания. Первым (о котором известно) мужчиной в ее жизни стал граф де Катри — молодой, красивый, элегантный лейтенант, впоследствии занимавший высокие посты в правительстве.

Первая любовь отыскала Сару в 1864 г. Покровительствовавший актрисе Дюма дал ей рекомендательные письма для поездки в Бельгию. На одном из костюмированных

балов она познакомилась с герцогом Анри де Линем. Красавец-принц был так очарован актрисой, что заявил о готовности жениться на ней, но при условии, что она покинет театр. Сара была влюблена и согласна на все. Но как могли принять безродную актрису в одну из самых именитых семей Брюсселя! Ее уговорили не разрушать жизнь любимому человеку. Сына, родившегося спустя несколько месяцев после поездки, она назвала Морис. Это был единственный представитель мужского пола, которого она любила беззаветно и была ему свято верна. Возвращаясь после гастролей, Сара всегда думала только об одном: «Там меня ждет мое счастье! Моя радость! Моя жизнь! Все-все и даже больше!» Спустя годы Анри де Линь предложил сыну признать его и дать свое имя. Морис отказался. Его любящая мать одарила его самой громкой фамилией века — Бернар.

Долго грустить Сара не могла… Теперь перед ней была одна цель — карьера. И опять по протекции ее приняли в менее престижный, но знаменитый своими традициями театр, о котором она потом вспоминала: «Ах, „Одеон“! Этот театр я любила больше остальных. Да, я могла жить там. Более того, только там мне и было по-настоящему хорошо. Жизнь казалась мне нескончаемым счастьем».

Бернар упорно работала над собой. На сцене «прекрасно отполированный скелет», «палочка с губкой на конце», с руками, похожими на «зубочистки», превращалась то в безумную баронессу в «Маркизе де Вильер», то в менестреля Занетто в «Прохожем» Ф. Коппе. Ею восторгались студенты, ей дарили букеты и посвящали длинные поэмы, но чудесное восхождение на Олимп было прервано войной с Германией. Отправив всю семью подальше от военных действий, Сара решила остаться в осажденном Париже. Опустевший «Одеон» она превратила в госпиталь, где мужественно исполняла роль сестры милосердия. Добыча продуктов и дров для раненых в холодную зиму 1870–1871 гг. стала для нее испытанием на крепость характера. Бернар держала себя в руках, не падала в обмороки — от ее стойкости зависела жизнь других людей. Она стала настоящей патриоткой. Позже, изъездив с гастролями полмира, Сара тщательно огибала Германию.

В октябре 1871 г. «Одеон» открыл новый театральный сезон. Бернар «скакала галопом за мечтами» и ожидала явления Мессии. Для нее им стал В. Гюго и его пьеса «Рюи Блаз». 26 января 1872 г. Сара Бернар из роли королевы шагнула к титулу «звезда». Перед ее талантом преклонил колени великий драматург. Успех был оглушительным. «Туманная завеса, дотоле застилавшая от меня будущее, спала, и я почувствовала, что рождена для славы. До сих

пор я была лишь любимицей студентов, отныне я стала Избранницей Публики… Обо мне можно спорить, но пренебрегать мною нельзя».

У Бернар и раньше не было отбоя от поклонников, но теперь ее обожателями стали Гюстав Доре, Виктор Гюго, Эдмон Ростан, Эмиль Золя. Как далеко простирались их отношения, история умалчивает. Сару не оставляли равнодушной талантливые мужчины. Она была страстной любовницей, но никогда не растрачивала себя конца. Бернар обладала смесью эротической и духовной власти над мужчинами и в то же время не допускала ни малейшего посягательства на свою свободу. Это была гремучая смесь, возбуждающая сильный пол. Современники утверждали, что у нее были тысячи любовников. В одной из книг было сделано смелое заявление, что Бернар соблазнила всех глав государств Европы, включая Папу Римского. Сара ничего не подтверждала и не отвергала. У нее действительно были «особые отношения» с принцем Уэльским, ставшим позже королем Англии Эдуардом VII, и с племянником Наполеона I. Возможно, что только за невиданный талант ее осыпали драгоценностями император Австрии Франц-Иосиф, король Испании Альфонсо и король Италии Умберто. Монарх Дании Кристиан IX отдал в ее распоряжение яхту, а герцог Фредерик предоставил свой родовой замок.

В мемуарах «Моя двойная жизнь» Сара обошла стороной свою личную жизнь, чтобы не обидеть никого из поклонников. Но людская молва всесильна. Современники приписывали Бернар в любовники всех театральных партнеров. Каждый такой роман длился, пока спектакль не сходил со сцены, и тогда возлюбленный смиренно перекочевывал в разряд друзей. Чаще всего упоминаются имена прекрасных актеров Филиппа Гарнье и Пьера Бертона. О Саре и Пьере писали, что они были настолько заряжены своей страстью, что «могли бы освещать улицы Лондона» во время триумфальных гастролей «Комеди Франсез». Да, через десять лет Бернар вернулась в театр, с которого начинала. Только теперь она была звездой с капризами, и директора были вынуждены с ними считаться.

Сара не только была страстной женщиной и талантливой актрисой, но и постоянно шла на поводу у своих импульсивных и необузданных идей. Рядом с ней даже воздух был наэлектризован. «Всякий раз, когда непредвиденные обстоятельства вторгались в мою жизнь, я невольно отступаю назад… а затем очертя голову бросаюсь в неизвестность… В мгновенье ока сиюминутное становится для меня прошедшим, вызывая во мне чувство трогательной нежности как безвозвратно

погибшее. Но я обожаю также то, что будет. Будущее влечет меня своей таинственной неизвестностью». «Мадмуазель бунтовщица» (так звали актрису современники) в разгар репетиций нового спектакля могла увлечься скульптурой и ночи напролет не выходить из своей мастерской, ваяя с присущим ей пылом одну скульптуру за другой. Знаменитый Роден находил ее произведения несколько архаичными, но в таланте не отказывал. Скульптурная группа «После бури» получила награду на выставке 1878 г. и была куплена «царьком из Ниццы» за 10 тысяч франков. Кстати, красавец-натурщик, служивший Родену моделью для «Вечной весны», одно время был любовником Сары. Затем она увлеклась живописью и вместо прописанного лечения малокровия в благодатной Ментоне уехала в Бретань, без устали лазила по горам и часами не отходила с мольбертом от моря.

Любознательность и погоня за острыми ощущениями привели ее однажды в корзину воздушного шара. Сара летела на высоте 2600 м, совершенно забыв, что ее ждут зрители. Переодевшись в рабочую одежду, вместе со строителями и художниками бегала по лесам строящегося для нее особняка в центре Парижа. Она спускалась в подземную пещеру во время гастролей в США, чтобы увидеть безглазых рыб. А со знаменитого Ниагарского водопада съехала по льду на собственном пальто, увлекая за собой всю труппу.

Разве могла такая женщина не притягивать мужчин! Критик Сарсей назвал ее «чудом из чудес». Поэтому, наверное, Бернар прощали все чудачества. Правда, один из любовников оказался очень страстным и слишком глубоко вошел в роль… Великолепная Сара и блистательный трагедийный актер Жан Муне-Сюлли долго были партнерами на сцене и в постели. Их называли просто «парой», не упоминая имен. Жан был к тому же одним из самых красивых артистов того времени. Нежный и романтичный, энергичный и страстный, гордый и независимый — мужчина до мозга костей. За их романом с восторгом следил весь «Париж-сплетник». Жан был искренним в своих чувствах, а Сара, как всегда, непостоянна. Ее измена больно ударила по самолюбию актера, и в финальной сцене «Отелло» он так сильно сжал горло своей Дездемоне, что Сара почувствовала, как уплывает мир. Обеспокоенный режиссер вынужден был опустить занавес на несколько минут раньше, чтобы трагическая концовка шекспировской драмы не превратилась в реальность.

Все в личной жизни Бернар и в ее творчестве поражало эксцентричностью, но сама актриса никогда сознательно не работала на публику. Даже маленький рост и худоба Сары, талия которой равнялась 43 см, никого не оставляли равнодушным. Это

стало темой для бесчисленных шаржей и анекдотов. Один из них звучал так: «Вчера на Елисейские поля прибыла пустая карета. Из нее вышла Сара Бернар». А ее любовные похождения давали особую пищу для пересудов. Актриса признавалась: «Меня эта кутерьма ужасно забавляла. Я палец о палец не ударила, чтобы привлечь к себе внимание, но мои причудливые вкусы, худоба и бледность, а также только мне присущая манера одеваться, презрение к моде и полное пренебрежение всеми правилами приличия делали меня существом исключительным».

И актрисой Бернар была исключительной. Премьера «Федры» стала для нее подлинным триумфом. Каждый ее жест, интонация были отточены и неповторимы. Потрясающий успех сопутствовал Саре в пьесе «Иностранка» Дюма-сына. В «Побежденном Риме» Пароди 32-летняя актриса отказалась от роли юной весталки и вытребовала себе образ 70-летней Постумии — старой слепой и благородной римлянки. Окончательно Бернар завоевала сердца зрителей в 1877 г., сыграв донью Соль в «Эрнани» В. Гюго. Автор после триумфальной премьеры писал: «Вы были очаровательны в своем величии… Когда растроганные и очарованные зрители Вам аплодировали, я плакал. Дарю Вам эти слезы, которые Вы исторгли из моей груди, и преклоняюсь перед Вами». К письму была приложена цепочка-браслет с бриллиантовой подвеской в форме капли.

Бернар давно стало тесно в рамках одного театра. После неудачной постановки «Авантюристки» она написала директору: «Это мой первый провал в „Комеди“, он же станет последним». Ее пытались удержать, но, уплатив 100 тысяч франков неустойки, в 1880 г. она покинула театр, сразу же заключив длительный контракт на гастроли по США и Канаде. Перед отъездом Сара испытала свои силы с труппой, в которой играла и ее сестра Жанна, совершив турне по Англии, Бельгии и Дании. Гастроли окрестили «28 дней Сары Бернар». Успех сопутствовал ей и в Америке. С девятью спектаклями она побывала в 50 городах и дала 156 представлений. Ее работоспособность и выносливость казались безграничными.

Языковых барьеров для Бернар не существовало. Ее бы поняли, даже если бы она говорила на китайском. Лучшую актрису Франции приходилось охранять от восторженной публики. Сара побывала с гастролями в Австралии, Южной Америке, девять раз в США и трижды в России (1881, 1892, 1908 гг.). Театральная критика приняла ее изысканную манеру игры настороженно, а зрители были потрясены глубиной выплескивающихся чувств. В Санкт-Петербурге в 1881 г. Сара познакомилась с дипломатом греческого происхождения

Аристидисом (Жаком) Дамала. Этот покоритель женских сердец, по меткому выражению его знакомых, представлял собой нечто среднее между Казановой и маркизом де Садом. Сара оказалась в плену его обаяния. Дамала был моложе ее на девять лет, очень хорош собой, капризен, самоуверен и слишком развращен вниманием женщин. Бернар была настолько влюблена, что даже вышла за него замуж (1882 г.). Аристидис «ради нее» оставил службу и вступил в труппу жены. Сценические данные, кроме внешних, у него были нулевые, но Сара верила в его гениальность. Муж беззастенчиво изменял ей с молоденькими актрисами, делал огромные карточные долги, которые она безропотно оплачивала, а затем пристрастился к наркотикам. Сара упорно пыталась спасти возлюбленного и как-то в порыве гнева даже сломала зонтик о голову ненасытного аптекаря, продававшего это зелье. Все было безрезультатно. Проведя в браке всего несколько месяцев, Бернар заботливо опекала бывшего супруга до конца его дней — он умер от кокаина и морфия в 1889 г. Это неудачное супружество внесло в жизнь актрисы такой душевный разлад, что нормализовать свое состояние она смогла только работой и, конечно, новыми поклонниками.

Теперь драматурги писали пьесы под Бернар. Первым был А. Дюма-сын со своей знаменитой «Дамой с камелиями». В. Сарду создал для нее «Федору», «Тоску», «Колдунью», «Клеопатру»; Ростан — «Принцессу Грезу», «Орленка», «Самаритянку». Сара охотно появлялась на сцене и в мужских ролях: Занетто в «Прохожем», Лорензаччо в одноименной пьесе Мюссе. С присущим ей шиком и элегантностью она сыграла шекспировского Гамлета, а в 56 лет вышла на сцену в роли двадцатилетнего принца, сына Наполеона в «Орленке».

Во время зарубежных гастролей актриса зарабатывала баснословные гонорары, но чрезвычайно экстравагантный образ жизни и отзывчивое сердце сводили ее доходы на нет. Светские приемы, шикарные наряды (включая сценические), банкеты с самыми изысканными блюдами для гостей (сама она ела крайне мало) чередовались с товарищеской помощью бедствующим артистам. В 1904 г. Сара совместно с Энрико Карузо дала ряд благотворительных концертов в помощь русским солдатам, раненным в ходе войны с Японией. Во время Первой мировой войны Бернар после ампутации ноги выступала на фронте, а в поездке ее сопровождал прославленный французский генерал Фердинанд Фош. Ее милосердие распространялось и на братьев наших меньших. В одну из холодных зим Сара на две тысячи франков купила хлеба, чтобы накормить голодных парижских

воробьев.

Животных Бернар любила безмерно, в доме и в саду был настоящий зоопарк. Дюма-сын вспоминал, как однажды вместо хозяйки его встретила пума и сжевала соломенную шляпу, а затем прилетел большой попугай какаду, уселся на плечо и принялся клевать пуговицы. Со своих первых гастролей в Англии Сара вернулась с «очень забавным гепардом», белоснежным волкодавом, шестью ящерицами и хамелеоном. Она очень хотела за деньги, полученные от продажи своих скульптур и картин, купить двух львят. Но пришлось довольствоваться гепардом. Если учесть, что в доме обитали четыре собаки, удав, соколы и обезьяна, в этот зверинец можно было с успехом продавать билеты. Но Сара была не меркантильна — друзья и соседи получали это удовольствие бесплатно.

Энергия из хрупкого тела актрисы била ключом. Ей было мало собственной труппы, она мечтала о собственном театре. В 1898 г. на площади Шатле открылся «Театр Сары Бернар», который она возглавляла до 1922 г. Годы не смогли усмирить юную страстность и жажду жизни. Во время одного турне по Америке 66-летняя Сара познакомилась с американцем голландского происхождения Лу Теллегеном. Он был младше возлюбленной на 35 лет. Их связь длилась четыре года, и Теллеген признался, что это были «самые лучшие годы» в его жизни.

Бернар, несмотря на возраст, оставалась все такой же кокетливой, уверенной в своем шарме женщиной. В одной пьесе ее героине было 38 лет, а ее брату за 40. Узнав, что игравшему его артисту исполнилось 50, она в ужасе воскликнула: «Боже мой, его примут за моего отца». Самой Саре уже стукнуло ни много ни мало — 76 лет. Великая Бернар была молода душой и верила, что и выглядит соответственно. Ребенком она так часто болела, что врачи сказали, что девочка долго не проживет. Услышав приговор, Сара уговорила мать купить ей гроб, чтобы ее не положили «в какой-нибудь уродец». Этот знаменитый гроб из красного дерева сопровождал ее даже на гастролях. В нем она учила роли, фотографировалась, спала, а иногда предлагала своим поклонникам в этом узком гнездышке заняться любовью. Правда, не всем в такой обстановке удавалось доказать свою мужскую силу.

А сил Бернар хватало на все. После полета на воздушном шаре она написала очаровательную новеллу «Среди облаков», затем два романа-пособия для артистов — «Маленький идол» и «Красный двойник» и четыре пьесы для театра («Андриенна Лекуврер», «Признание», «Сердце мужчины», «Театр на поле

чести»). В 54 года Бернар стала первой великой актрисой, отважившейся появиться на экранах Парижа в сцене «Дуэль Гамлета». Ей не понравилось, как она выглядит на экране. Даже умело наложенный грим при крупном плане выдавал годы (со сцены так видно не было), а синхронный звук до неузнаваемости исказил ее по-прежнему дивный голос. Следующая попытка — экранизация пьесы «Тоска» — была настолько ужасной, что Сара совместно с драматургом

В. Сарду добилась от киностудии «Фильм д'арт», чтобы фильм не демонстрировали. После первых неудач Бернар не хотела сниматься в кино. Но была вынуждена это делать, чтобы оплачивать карточные долги любимого сына. Кредиторы держали ее в жесточайших тисках до конца жизни. И она снялась в «Даме с камелиями» и в «Королеве Елизавете» (оба в 1912 г.). После всемирного успеха этих фильмов с ее участием на экраны вышли «Андриенна Лекуврер», «Французские матери» (1915 г.) и «Его лучшее дело» (1916 г.).

Мужество этой актрисы и женщины достойно восхищения. Еще во время гастролей в 1905 г. она повредила и без того травмированное в детстве колено. Боль измучивала ее. В 1915 г. она умоляет своего врача ампутировать ногу: «…Если вы откажете, я прострелю себе колено и тогда заставлю вас сделать это». Операция была тяжелой. Ногу отняли значительно выше колена. От костылей Сара отказалась, протез сожгла в камине. На сцену ее выносили в изящных носилках. Бернар играла сидя, и зритель видел, что нет предела ее таланту и жизненным силам… Неподвижное тело заменяли руки и выразительные, как всегда, тщательно загримированные пальцы. Голос лился, завораживая своим тембром и ритмом. Сара подсознательно то убыстряла, то замедляла темп. Казалось, что зрители дышат в такт с ее речью. Эта маленькая, хрупкая героическая женщина была больше любого мужчины достойна ордена Почетного легиона (1914 г.). Она стала национальной гордостью Франции и ее символом, как Эйфелева башня и Триумфальная арка.

В 1923 г. Сара дала согласие играть в фильме «Провидица», но тяжелый приступ уремии прервал репетиции. Казалось, весь Париж столпился у ее дома. А непредсказуемая Бернар, предчувствуя приближение смерти, которую врачи пророчили ей чуть ли не с рождения, в свои последние часы на земле была занята отбором шести молодых красивых артистов. Им предстояло сопровождать эту вечно юную, страстную и неповторимо талантливую женщину в последний путь. Свой уход из жизни она обставила с присущей ей эксцентричностью и шиком. 26 марта 1923 г. в 8 часов вечера врач растворил окно и

объявил: «Мадам Сара Бернар почила…»

Незадолго до Первой мировой войны писатель Октав Мирбо спросил у актрисы, когда она прекратит освещать свою жизнь пламенем любви. Сара, не задумываясь, ответила, что когда перестанет дышать. А что еще могла сказать женщина, которая называла себя «одной из величайших любовниц своего века»?

Борджиа Лукреция

(род. в 1480 г. — ум. в 1519 г.)

Достойная дочь семейства Борджиа, ставшая игрушкой в политической игре отца и брата. Прославилась красотой, развращенностью, жестокостью и… покровительством литературе и искусствам.

Рассказ о Лукреции Борджиа нельзя не предварить историей ее рода. Без нее в личной жизни этой женщины многое может остаться неясным или неверно истолкованным.

Испанский род Борха из Хативы известен с XII века. Постепенно семейство усиливало свои позиции среди знати. А доктор права Алонсо де Борха (1378 г. р.), вовремя поддержав короля Арагонского и Неаполитанского Альфонса Y, стал его ближайшим советником, личным секретарем (1418 г.), главой богатого Валенсийского епископата (1429 г.) и наставником внебрачного сына короля. Да и сам Алонсо особой святостью не отличался. Епископ был привязан к семьям своих сестер и во всем покровительствовал племянникам. Особенно он выделял Родриго и Франциско, которые, по мнению историка А. Шакона (Чаконниуса), являлись его незаконнорожденными сыновьями, грехом кровосмешения, но этот факт остается недоказанным, хотя по тем временам в нем нет ничего необычного.

Перед мастером политической интриги кардиналом-епископом Валенсийским открылась дорога в Рим в обмен на предательство своего короля. В 1455 г. конклав избрал Алонсо Борджиа папой (так его стали называть на итальянский манер).

Он взял имя Каликст III. Год спустя Родриго и Франциско становятся кардиналами. Семейство использует все мыслимые и немыслимые средства для укрепления могущества и богатства своего клана в противовес Медичи, Сфорца, Эсте, Гонзага и за два года папства Каликста III преуспевает в этом. Особенно прочное положение обеспечил себе Родриго, образованный, деятельный, ничем не гнушающийся интриган, умело использовавший ум и связи. За 12 лет кардинальства он помог взойти на Святой престол четырем папам, получая за это доходные посты и огромные деньги. А в 1491 г. Родриго и сам надевает папскую тиару под именем Александра VI и разворачивает бурную политическую и захватническую деятельность, укрепляет власть, престиж и финансовые возможности Святого престола, и одновременно испанский клан Борджиа становится богаче и сильнее итальянских.

Но Родриго занимается не только этим. Нарушая все церковные обеты, он ведет развратную жизнь, и от многочисленных любовниц в разное время у него появляется девять детей. Но особенно он выделял Розу Ваноцци, которая родила ему Чезаре (или Цезаря, 1475 г. р.), Хуана (в литературе чаще Франческо, 1476 г. р.), Лукрецию (1480 г. р.) и Хофре (1482 г. р.). Еще будучи кардиналом,

Родриго регулярно удачно выдает любовницу замуж и ее супруги почитают свои рога за честь. К тому же он не только признает, но и узаконивает рождение всех детей, что не вызывает возражения церкви, к тому же внимательно следит за воспитанием сыновей и растит их как принцев.

Крошка Лукреция, которая родилась в аббатстве Субиако, не осталась без опеки. Сластолюбивый отец поручил дочь своей вдовой кузине Андриенне де Мила, матери юного Орсо (злые языки утверждали, что он тоже сын папы). Кардинал часто посещал ее дом, но не столько из-за дочери (она была еще мала), сколько из-за юной невесты Орсо, Джулии Фарнезе. Затем Лукреция получила образование в монастыре Св. Сикста, но в 11 лет рано расцветшая красавица была возвращена домой. Как же она похорошела: пышные светлые волосы, очаровательные линии тела, светло-зеленые глаза, призывные и томные одновременно…

У Александра VI на нее были особые виды. Лукреции предстояло подобрать выгодного в политическом плане жениха. Контракт с испанцем доном Керубино Хуаном де Сентелья был расторгнут через два месяца и заключен с другим претендентом, 15-летним доном Гаспаре, но и тут отец передумал. Он решил породниться с влиятельным семейством Сфорца. Даже не разорвав предыдущей помолвки, Лукреция становится невестой, а

затем и женой Джованни Сфорца, властителя Пезаро (1493 г.). Тщеславный, заинтригованный слухами, 26-летний вдовец и 13-летняя новобрачная после роскошной свадебной церемонии присутствуют на пиру, который продолжается почти неделю, превращаясь по ночам в настоящую вакханалию. Молодой женщине было не привыкать к подобным зрелищам, ведь два последних года она провела в доме Андриенны де Мила и Джулии Фарнезе — любовниц отца. К тому же поговаривали, что непорочная красивая Лукреция успела все же стать женой графа Аверзы, и Александр VI еле откупился от первого зятя.

Но политическая ситуация показала, что с этим браком поторопились. Почувствовав угрозу своей жизни, Сфорца удалился в свою вотчину, а Лукреция осталась в Ватикане. По Риму поползли слухи, и похоже, не безосновательные, что она стала жить с отцом и братьями Хуаном и Чезаре. Лукреция настолько расцвела и похорошела, что как замужняя, но одинокая женщина стала привлекать многих поклонников. Одна странность — ее воздыхатели вскоре умирали от ножа, даже не успев забраться в ее теплую постель. Малейшего поползновения со стороны венецианца Марчелло Кандиано и феррарца Дальберджетти было достаточно для ревнивого Чезаре, чтобы отправить их к праотцам. Пока муж находился в бегах, Лукреция родила дочь Лауру. «Да это живой портрет папы, это, конечно, его ребенок!» — воскликнул один из родственников, прелат Лоренцо Пуччи. Ребенка отдали какой-то кормилице. Когда мать перед смертью вспомнила о ней, девочки уже не было в живых. Для приличия Лукреция немного пожила с мужем в Пезаро, но жизнь там ей показалась пресной, да и родственники без нее скучали.

Война Александра VI и французского короля Карла VIII доказала папе, насколько важно для семьи укрепить свое светское влияние. 16-летняя графиня Сфорца вновь становится разменной монетой в решении этого вопроса. Напуганный постоянными угрозами, муж снова бежит из Рима. Лукреция жалуется всем, что он ее бросил. Она постаралась, чтобы до Джованни дошли сведения, что его собираются убить. Хотя муж ей и надоел, Лукреция все же пожалела незадачливого супруга, ей очень не хотелось, чтобы он стал очередной жертвой ревнивых братьев, Хуана и Чезаре, которые возненавидели друг друга. Ни один не собирался отказываться от преступной любви к сестре. Самой же Лукреции больше нравился Хуан Гандийский — он был красивее, нежнее и обходительнее напористого и грубого Чезаре. Братья уступали пальму первенства только отцу. Было мало женщин, способных отказать Родриго Борджиа. Один из современников писал: «У него проникновенный голос. Он говорит и пылко и

очень мягко одновременно. Черные глаза его великолепны. Лицо всегда приятно. Оно выражает веселость и счастье. Разговор с ним странным образом способен взволновать слабый пол. Он притягивает женщин, как магнит притягивает железо. Но ловко скрывает свои победы, и никто не знает, сколько женщин ему покорилось». И послушная дочь не отказывала ему.

Пока решалась ее дальнейшая судьба, «покинутая жена» удалилась, согласно обычаю, в монастырь Сан-Систо, где тайно принимала только Хуана. Доведенный этим до бешенства, Чезаре решился на кровное убийство. После пира у Ваноцци, на котором Лукреции удалось «примирить» братьев и они дружески расстались, Хуан отправился на любовное свидание, подготовленное Чезаре, но домой больше не вернулся. В ночь на 16 июня 1497 г. он был убит наемниками, которые сбросили тело в Тибр, да еще и в том месте, где обычно вываливают мусор. Активно начатое расследование благополучно зашло в тупик. Все в Риме знали, кто убийца, но ради чести семьи папа простил Чезаре смерть самого любимого сына и даже назначил его легатом в Неаполь. Лукреция замаливала грехи в монастыре и покидала его изредка, чтобы «утешить» папу.

Александр VI тем временем пытается добиться расторжения брака дочери с Джованни Сфорца, обвиняя его в мужской несостоятельности. Лукреция умирает от скуки. Папа шлет ей в монастырь нежные письма с обещаниями, что затворничество скоро закончится. Его постоянным и «надежным» почтальоном становится красивый и юный испанский камергер Педро Кальдес (Кальдерон), называемый еще Перотто. Ему не пришлось долго уламывать 17-летнюю красавицу, очень страдавшую без мужской компании. Но, отдавшись молодой страсти, они совершенно позабыли об осторожности и планах семьи — Лукреция забеременела. На шестом месяце в просторных одеждах прекрасная дама предстала на церемонии расторжения брака (1497 г.), где ее объявили девственницей, с согласия мужа (чем не пожертвуешь ради спасения жизни!).

Едва сообщили о разводе, как стали известны имена трех претендентов на «нетронутую» красавицу. Но пока папа решал, какой жених предпочтительней, Лукреция разрешилась от бремени мальчиком Джанни (1498 г.). Только спустя три года его рождение узаконили, причем у него появилось сразу два отца. В одной булле его признал Чезаре, а в другой — сам Александр VI. Имя Лукреции даже не было упомянуто. Матерью значилась «незамужняя женщина». А настоящий отец (а может, он и не был виновником и только попался на горячем) был вначале посажен в тюрьму, а затем «упал в Тибр против своей воли», — писал

церемониймейстер папского дворца Буркард (Бурхард). По Риму поползли скабрезные шуточки. Гуманист Саннадзаро даже сложил эпиграмму в виде эпитафии: «В этой могиле спит Лукреция, которая лучше бы звалась Тайс, потому что она была дочерью, супругой и невесткой Александра VI». Но Борджиа хранили абсолютное спокойствие, а Лукреция готовилась к свадьбе.

Наконец-то для истомившейся женщины был найден жених — Альфонсо Арагонский, герцог де Бисельи (Бишельи) — один из самых красивых принцев того времени, с любезными манерами и мягким характером, но главное — сын Неаполитанского короля, хотя и побочный. Будущий муж, подобранный братом, Лукреции очень понравился. В июле 1498 г. состоялась пышная свадьба. На вечернем маскараде Чезаре появился в костюме единорога — символа чистоты и верности. Это было очень смешно. Но этот брак оказался еще менее продолжительным, чем первый. Как ни странно, Лукреция привязалась к мужу и ждала от него ребенка. Она успокоилась после женитьбы и отъезда Чезаре, но не смогла внушить Альфонсо, что угрозы нет. Он хорошо знал, как много людей пострадало от немилости Борджиа.

Укрывшись в Дженаццано, герцог зовет к себе жену. Но Александр VI, которому дочь безропотно подчинялась во всем, назначил ее губернатором в главную папскую крепость к северу от Рима Сполетто и в Фолиньо (1499 г.). Эту должность обычно занимали только кардиналы и прелаты. На посту губернатора Лукреция пробыла всего два месяца, но, по признанию современников, успешно справлялась с обязанностями: за счет коммуны организовала корпус жандармерии для помощи полиции, обязала Сполетто и Терни заключить трехмесячное перемирие. Она была спокойна и счастлива, особенно после возвращения Альфонсо, который находился возле нее в момент рождения их сына Родриго — первого законнорожденного внука папы от всех его детей.

Лукреция только начала входить во вкус семейной жизни, как политические интересы потребовали от нее новой жертвы. 15 июня 1499 г. наемные убийцы Чезаре тяжело ранили молодого герцога, однако посчитали его убитым и бросили на мостовой. Слуги перенесли истекающего кровью господина к Лукреции, и она в течение месяца выходила его. Чезаре рвал и метал после посещения герцога, увидев заботу Лукреции. Ее он по-прежнему предпочитал жене и любовницам. Присутствовавшие слышали странные слова, сказанные им на прощание: «То, что не сделано на обед, будет сделано на ужин». И Буркард записывает в дневнике: «Учитывая, что дон Альфонсо отказывался умирать от

ран, он был задушен в своей постели». Горе Лукреции в этот раз было непритворным. Герцог стал ее первой настоящей любовью. Ее поведение вызвало раздражение папы и Чезаре, им надоели ее слезы и опухшее лицо. Вдову отправили в Непи «искать утешения», как пишет язвительный Буркард (как оказалось впоследствии, он был сторонником Джулианно делла Ровере и его словам не во всем можно доверять). Конечно, трудно поверить, что такая развращенная женщина среди своих родственников, отличавшихся бесстыдством, могла искренне горевать, но каждое свое письмо она заканчивала словами: «Самая несчастная женщина». Играть перед отцом, который утопил ее в грязи, у нее не было необходимости.

Но вернувшись в Рим, молодая вдова вновь погружается в сладострастный разврат. Ее приученное к любовным наслаждениям тело требует мужчин. Теперь, когда Чезаре далеко и воюет за земли и богатства, Лукреция и сама с успехом может справиться с любым надоевшим любовником. Для этого существует знаменитый яд Борджиа. Ее чувства обострялись до предела в предчувствии смерти воздыхателя. Отравленные фрукты, вино, подарки… А у Лукреции был еще и ключ от спальни, небольшой шип которого был покрыт ядом. Замок тугой, поклонник нетерпелив, маленькая царапина, ночь страсти, а через день-два — смерть… Не один соискатель сладостных утех был умерщвлен таким образом, об этом все знали, но тем не менее желающих не убывало. Лукреция была достойной дочерью своего отца, который разрешал трудные вопросы и сколотил огромное состояние, отравив многих отцов церкви и неугодных, но богатых гостей.

Все убийства, оргии, святотатства никого не удивляли — Рим был самым развратным городом. Недаром Петрарка писал: «Достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру». Не вызвало ни у кого возмущения, что развратная Лукреция трижды в 1501 г. управляла Ватиканом, занимала папские апартаменты (туда даже вход женщинам запрещен) и вела текущие дела Церкви. Ей всего 21 год, ее имя втоптано в грязь, но в уме ей не откажешь. Ошибок в руководстве она не допускала.

Через два года Лукреции вновь подобрали жениха. Принц, наследник герцогства Феррарского, Альфонсо д'Эсте, сын Геркулеса I. Он бездетный 24-летний вдовец. От первого брака с Анной Сфорца остались неприятные воспоминания: жена избегала близости с ним, довольствуясь черной рабыней. Представитель д'Эсте в Ватикане Д. Кастеллини доносил принцу о новой невесте, что «она несомненно красива, стала еще более величественной и кажется такой нежной, что невозможно и не

должно ее подозревать в зловещих преступлениях… Дон Альфонсо будут ею полностью удовлетворены, потому что, кроме ее совершенного изящества, скромности, приветливости и честности, она ревностная католичка и богобоязненна». Молодой герцог был заинтересован, но его отец в обмен на княжеский титул затребовал огромнейшее приданое. Александр VI выполнил все условия, тем более что сама Лукреция просила об этом, осознавая, что этот брак станет ее триумфом… Даже сыновья Джанни и Родриго получили огромное приданое, конфискованное у римских баронов.

Перед ее отъездом Чезаре устроил прощальный пир, на который пригласил для гостей 50 знаменитых куртизанок Рима. Буркард записывает: «После ужина женщины легкого поведения танцевали со слугами и другими приглашенными. Сначала они были в платьях. Потом они оказались совершенно голыми. Так как ужин был окончен, подсвечники с зажженными свечами поставили на полу. Гости принялись разбрасывать каштаны, а куртизанки собирали их, ползая между подсвечниками. Наконец на всеобщее обозрение были выставлены шелковые накидки, обувь, головные уборы — их пообещали тем, кто лучше всех продемонстрирует куртизанкам свою мужскую силу. Совокупления происходили тут же при всех в зале. Присутствующие, выступившие арбитрами, раздавали призы тем, кто был признан победителем. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руках приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому любовнику». Именно так и развлекалась римская знать и священнослужители, но у большинства историков вызывает сомнение присутствие на оргии Лукреции. Ей было не выгодно показать себя в таком свете перед феррарскими гостями.

Дорога от Рима до Феррары стала для Лукреции сказочным путешествием. Встречавший ее Альфонсо д’Эсте с первого взгляда был покорен любезной, очаровательной, блистающей умом и драгоценностями невестой. Рассказы о скабрезных похождениях лишь пробудили его желание, но притупили внимание. Вкус и радость жизни были залогом успеха Лукреции у всех представителей семьи жениха. 2 февраля 1502 г. в Ферраре состоялась пышная свадьба.

После блеска свадебных торжеств семейство д’Эсте, отличавшееся скупостью, вернулось к прежней унылой жизни в мрачном замке. У Лукреции с мужем была полная идиллия. Смуглый, широкоплечий, чувственный красавец в постели вполне устраивал пылкую жену. А пока он занимался пушками, лошадьми, турнирами, играл на виоле и расписывал фаянс,

Лукреция окружила себя избранным обществом, тяготеющим к изящной литературе. Многие были удивлены, когда среди дорогих нарядов обнаружили вполне приличную библиотеку, принадлежавшую Лукреции. В этот ее кружок избранных вошли: Николо Корреджо — поэт, певец, постановщик античных комедий (он останется преданным своей покровительнице до самой смерти); Тито Веспасиано Строцци — почтенный старец, член высшего трибунала «Двенадцати», самый знаменитый поэт Феррары, и его сын Эрколе, писавший меланхоличные стихи; а также ученый и стихотворец Антонио Тибальдео. Все это импонировало мрачному мужу, и постепенно он по-настоящему влюбился в свою жену. А еще его поразило, с каким вниманием легкомысленная, по отзывам, женщина относится к своему сыну и «племяннику» Джанни. В браке с Альфонсо Лукреция беременела 11 раз, но в живых осталось лишь четверо детей. Несмотря на огромную потерю сил и здоровья, она оставалась привлекательной женщиной, достойной внимания других мужчин. Так, нежная дружба и платоническая любовь между Лукрецией и известным поэтом, ученым и вождем гуманистов, Пьетро Бембо сменилась огненной страстью. В пылких элегиях, тонких сонетах он воспел ее красоту и ум, а свои «Азоланские беседы» — диалоги о любви — посвятил «Прекрасной даме из Феррары». Однако на какое-то время Лукреции пришлось забыть о любви к поэту: она получила ужасное известие о мучительной кончине Александра VI (18 августа 1503 г.). Мрачный Альфонсо остался равнодушным к ее горю. Лукреция ни в чем не могла обвинить отца, ведь все его преступления были совершены во имя процветания семьи Борджиа и она — незаконнорожденная дочь — теперь принцесса. Утешал ее только Пьетро, и то письмами, но герцог стал подозрительным, и вскоре переписка и любовь угасли.

После смерти папы и опалы Чезаре, против которого ополчились все обиженные, властителям Феррары недвусмысленно намекали избавиться от навязанной невестки и жены, но к ней все привязались. Лукреции только запретили привезти к себе сына и детей Чезаре, так как наследника мужу (Геркулеса II) она родила лишь в апреле 1508 г., когда брата уже не было в живых. Но запретить помогать материально и защитить их будущее ей не могли, тем более после смерти старого герцога, когда Лукреция стала правящей герцогиней Феррары. Только ее забота сохранила жизни детям Чезаре.

А на смену угасшим страстям пришла новая любовь. И хотя ревнивый Альфонсо постарался отдалить жену от испанцев и даже построил внутренний переход из официальных

апартаментов в личные покои Лукреции, она нашла себе нового поклонника — им стал ее деверь, Франциско Гонзага, маркграф Мантуанский, деликатный и внимательный. Но дальше переписки дело тоже не зашло: поклонника разъедал сифилис, и он был импотентом. Однако по приказу ревнивого мужа был убит поверенный влюбленных Эрколе Строцци.

Образ жизни Лукреции изменился, теперь над ней не довлели отец и брат, в чьих руках она была послушной игрушкой, козырной картой и в чем-то жертвой. Ведь жить среди разврата и оставаться чистой — это удел святых, а она родилась страстной женщиной. Теперь Лукреция покровительствовала поэтам и художникам, и двор д'Эсте был признан одним из самых просвещенных. Альфонсо, уезжая по делам или на очередную войну, спокойно оставлял управление герцогством на жену, которой помогал совет из десяти граждан. Пережитые совместно с мужем опасности — поход на Феррару папы Юлия II, четырехлетняя война, пленение и побег Альфонсо, отлучение его от церкви — полностью примирили супругов. Людовик XII, настойчиво требовавший дать отставку Лукреции после смерти папы, признал, что «эта женщина из тех государынь, которые достойны соперничать с королевой Франции». К тому же оказалось, что она прекрасная мать и преданная жена.

После смерти злобного Юлия II (1513 г.) папа Лев X помирился с Феррарой и Мантуей, а его личным секретарем стал поэт и старый друг Лукреции Пьетро Бембо. Прекрасная дама из Феррары очень изменилась, стала религиозной, под тонкими рубашками носила власяницу и усердно посещала церковь. Дети росли в приличной обстановке и получили надлежащее воспитание. Лукреция заранее была спокойна за судьбу каждого: герцог Геркулес II соединился в браке с Рене Французской, дочерью Людовика XII, и стал предком Генриха де Гиза; Ипполит II стал кардиналом и был одним из самых щедрых меценатов; Франческо получил титул маркиза де Массаломбарда; Элеонора постриглась в монахини и стала аббатисой монастыря Тела Господня в Ферраре. Лукреция была по-прежнему прекрасна. Людовико Ариосто, воспевший ее накануне свадьбы, вновь превозносит ее в поэме «Неистовый Роланд»: «Своей особой красотой, своей великой осторожностью она превосходит само совершенство». Жители Феррары тоже не могут нахвалиться своей госпожой.

В 1518 г. умерла 77-летняя мать Лукреции Роза Ваноцци. После смерти Александра VI, любовника и отца ее детей, она сумела заслужить всеобщее уважение и завещала все свое громадное состояние церквам, больницам и детям бедняков. По

приказу Льва X ей были оказаны почести, которых обычно удостаивались кардиналы. Лукреция не могла попрощаться с матерью — она ожидала ребенка и беременность протекала очень тяжело. Ей не было еще 40 лет, а жизненных сил у нее не осталось. Дочь умерла сразу после крещения, а у Лукреции началась родильная горячка. Она получила от Льва X полное отпущение грехов. Десять дней не отходил от ее постели муж, с которым они вместе прожили, страдая и радуясь, 17 лет.

Лукреция Борджиа умерла 24 июня 1519 г. и была похоронена в семейном склепе. Альфонсо писал своему племяннику, как тяжело ему «расставаться с дорогой и нежной спутницей, потому что она была мне дорога и мила своими добродетелями и нежностью, объединяющими нас». И это все о коварной, жестокой, развратной, не гнушавшейся убийствами, прелюбодейке… Возможно, если бы не было вокруг нее столько мерзости, она стала бы порядочной женщиной, а не ужасным призраком, проступающим через века в романе А. Дюма и в драме В. Гюго. Ведь недаром Д. Кампори в своем исследовании назвал ее «жертвой истории».

А вот герцог д'Эсте очень быстро утешился в объятиях своей любовницы, дочери чулочника. Но что не грех для мужчины, то позор для женщины…

Брик Лиля (Лили) Юрьевна

(род. в 1891 г. — ум. в 1978 г.)

Женщина, обладавшая магическим чутьем на таланты, которое ни разу не дало сбоя. Возлюбленная и единственная Муза поэта В. В. Маяковского.

История мировой литературы бережно хранит имена женщин, которые стали для влюбчивых поэтов вдохновительницами. Их образы, овеянные дымкой давно угасших страстей, проступают в рифмованных строчках чувств. Но как мало среди них тех, кому стихотворцы хранили поэтическую верность всю жизнь. Владимир Владимирович Маяковский, посвятивший все свои произведения одной-единственной женщине, Лиле Юрьевне Брик, написал ей: «Ты не женщина, ты — исключение…» И сколько бы ушатов грязи на нее ни вылили, сколько бы тонн компромата ни обнаружили, слова поэта: «Автору стихов моих Лиличке» даже спустя годы становятся оправдательным приговором. Не нам судить, была ли эта женщина достойна любви поэта. Он — не ангел, но и она — не исчадие ада.

Лиля родилась 11 ноября 1891 г. в благополучной еврейской семье, которая давно обосновалась в Москве. Глава семьи, Урий Александрович Коган, родом из Литвы, работал юрисконсультом в австрийском посольстве, был присяжным поверенным при Московской судебной палате, а также занимался вопросом оседлости евреев в столичных городах. Он увлекался литературой и состоял членом литературно-художественного кружка. В доме царил культ музыки и поэзии. Этому способствовала и мать,

Елена Юльевна (в девичестве Берман), окончившая Московскую консерваторию. Она была хорошо образована и стремилась привить любовь к искусству двум дочерям. Лили (она получила свое имя в честь возлюбленной Гете, но чаще ее звали Лиля) и младшая Эльза (1896 г. р.) с детства свободно владели помимо русского языка немецким и французским, играли на рояле и получили образование в прекрасном учебном заведении — частной гимназии Л. Н. Валицкой. Девочки были очень дружны и привлекали к себе внимание. Лили, норовистая, самостоятельная, решительно избегавшая стереотипов, сразу решила быть не «как все». Она с детства верховодила и неосознанно умела пользоваться своей красотой. Когда обожавшая ее мама с гордостью читала литературные гимназические опусы дочери, она даже не подозревала, что сочинения за нее писал… учитель словесности! Эльза, в отличие от ярко-рыжей и кареглазой сестры, была белокурой и голубоглазой красавицей, спокойной, послушной и умеющей все доводить до конца.

Привлекательность и брызжущая через край сексапильность Лили притягивали к ней взгляды не только юношей, но и взрослых мужчин, и это стало основным поводом для волнения в семье. Ей было всего тринадцать лет, когда в гимназии открылся политэкономический кружок, которым руководил не по годам серьезный, 16-летний Осип Брик. Первая влюбленность была какой-то зыбкой, неуверенной, и Лиля не предполагала, что это может перерасти в настоящее чувство. Но ее самолюбие было очень задето, когда Осип стал инициатором их разрыва. Лиля настолько расстроилась, что у нее стали выпадать волосы и начался тик. Она даже пыталась отравиться и заказала у очередного поклонника, сына фабриканта-миллионера Осипа Волка, цианистый калий. Попытка не удалась: бдительная мама заменила яд на слабительное.

Успокоилась Лиля довольно быстро и остро ощутила свое единственное предназначение: быть женщиной и обольщать сильный пол. Чувственно красивая, живая, общительная, независимая — мужчины слетались, словно мухи на мед. У нее постоянно вспыхивали серьезно-молниеносные романы. В Бельгии остался с разбитым сердцем разговорчивый студент, в Тифлисе ее осыпал подарками «богатый, воспитанный в Париже» татарин, у бабушки в Катовицах в нее без памяти влюбился родной дядя, почтенный владелец санатория в Дрездене был готов ради нее развестись с женой. Лиле пришлось прекратить так мило начавшийся флирт с Алексеем Грановским (будущим режиссером Еврейского театра в Москве), так как она очаровала молодого художника Гарри Блюменфельда и с удовольствием

позировала ему обнаженной, предвкушая, какой соблазнительной «Венерой» предстанет перед публикой. «Мама не знала со мной ни минуты покоя и не спускала с меня глаз», — вспоминала о своих проказах юности Лиля Юрьевна.

Учеба на ум не шла, хотя попытки были. После окончания гимназии в 1908 г. Лиля решила стать математиком и целый год проучилась на высших женских курсах. Архитектурному институту, где она осваивала живопись, повезло больше — ему было уделено целых два года, а затем Лиля уехала учиться скульптуре в Мюнхен. Но как можно было заниматься всерьез, если жизнь казалась беспрерывным любовным приключением! Однако связь с учителем музыки Крейном закончилась скандалом. Забеременевшую красавицу отправили в провинцию к дальним родственникам. От греха избавились неудачно, и Лиля навсегда лишилась возможности стать матерью. Но ее это не сильно взволновало, тем более что на горизонте в 1911 г. вновь появился Осип Брик, получивший к тому времени диплом юриста.

Его мало волновало ее прошлое. Он писал родителям: «Я ее люблю безумно, и всегда любил. А она меня любит так, как, кажется, еще ни одна женщина на свете не любила». Прорицательный Осип Максимович был совершенно прав — Лиля всю жизнь любила только его. Но родители не разделяли сыновнего энтузиазма, они думали, что он не подозревает о похождениях невесты. Осипа же все устраивало, ведь не случайно после свадьбы, которая состоялась 11 марта 1912 г. (по другим сведениям — 26 марта 1913 г.), молодая семья строила свои взаимоотношения «по Чернышевскому» и роман «Что делать?» стал их любимым. Супружеские узы не означали для них обоюдной верности. Лиле, всегда отличавшейся раскованностью поведения, это очень импонировало.

Вскоре Осип отошел от дел отцовской фирмы по торговле кораллами, и с началом Первой мировой войны семья переехала в Петербург. Его восторженная любовь куда-то испарилась, и Лиля признавалась, что «наша личная жизнь с Осей как-то рас-пол-злась». Но со стороны все выглядело идеально. Муж все продумал и подвел под их отношения философскую базу нигилизма и эгоизма. В своей жене он нашел то, чего ему не хватало: безудержную жажду жизни и умение превращать будни в праздники. А Лиля обрела надежного друга и стала хозяйкой, царицей и душой своего салона, где от гостей отбоя не было.

В такой дом «на огонек» к своей сестре в 1915 г. привела влюбленная Эльза своего очередного поклонника — громадного роста, громогласного молодого поэта-футуриста Владимира Маяковского. Эльза называла его своим женихом и в

доверительном разговоре поведала Лиле: «Два года я живу нашими встречами. Только он дал мне познать всю полноту любви». Она заслушивалась его стихами и верила, что такой поэзии принадлежит будущее. Эльза открыла талант, и ей очень захотелось похвастать. К сожалению, это удалось. Маяковский, ни на кого не глядя, читал «Облако в штанах». Все онемели. Поэт был неукротим, как природа, «жаловался, негодовал, издевался, требовал, впадал в истерику» и вдруг среди общего восторга шагнул к хозяйке дома, спросил: «Можно посвятить вам?» — и тут же старательно вывел: «Лиле Юрьевне Брик». Владимир Владимирович встретил ту «самую неповторимую и единственную» женщину и влюбился сразу (так всегда с ним случалось), восторженно и, как оказалось, надолго.

Маяковский забыл об Эльзе. Она безропотно смирилась со своей отставкой, вскоре вышла замуж за французского офицера Триоле. После его смерти стала женой Луи Арагона, серьезно занялась, как и муж, литературной деятельностью и создала множество романов и литературных переводов под фамилией Эльза Триоле. С сестрой и Маяковским она сохранила дружеские отношения. А поэт зачастил в дом Бриков, где этого новоявленного гения приняли с отеческой любовью. В своих чувствах он был откровенен, как подросток, жил и дышал только Лилей. А что же супруг? Осип Максимович не только первым оценил поэта (его нисколько не смутила эта страсть), но даже издал на свои деньги поэму. Лиля была вольна в своем выборе, но как опытная женщина попридержала Маяковского некоторое время на расстоянии. Он оказался под ее магической властью. Лиле нравилось это несравненное чувство поклонения, ревности, обожания и мучения. Маяковский же ненавидел свою рабскую зависимость в любви, но вырваться из тщательно сплетенных сетей не мог, да и не хотел. Лучше всего это состояние можно выразить словами самого поэта, который сравнивал свою любовь с «зубной болью в сердце».

Вскоре образовалась странная семья, которую одни называли «любовным треугольником» и с осуждением качали головами, другие восторженно говорили о «триединой жизни», о родстве душ и духовной свободе. Взаимного чувства между Маяковским и Лилей никогда не было, хотя в 1918 г. она призналась мужу в своей любви к поэту, именно к поэту, а не к мужчине. Пасынок Л. Брик в четвертом браке, В. В. Катанян, с детства наблюдавший за этой женщиной, сделал вывод, что Лиля любила только Осипа, который ее не любил; Маяковский — только Лилю, которая не любила его; и все трое жить не могли друг без друга. Но осознав, что Владимир Владимирович нуждается в обоюдной любви, она

то притягивала его к себе, пылая страстью, то становилась холодной как лед.

В разное время Л. Брик по-разному комментировала свои отношения с Маяковским. В одном из интервью, уже в 1967 г., она заявляла: «Я влюбилась в Володю, едва он начал читать „Облако в штанах“. Полюбила сразу и навсегда. И он меня тоже, но у него любовь и вообще, что бы он ни делал, было мощным, огромным и шумным. Иначе он не умел, поэтому со стороны кажется, что он любил меня больше, чем я его. Но как это измерить — больше, меньше? На каких весах? Он был для меня, как бы это объяснить, свет в окне». И в то же время Брик как-то призналась поэту А. Вознесенскому: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал». Существует и еще одно откровение: «Я была Володиной женой, изменяла ему так же, как он изменял мне, тут мы с ним в расчете. Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о „треугольнике“, „любви втроем“ и т. п. — совершенно не похожи на то, что было. Я любила, люблю и буду любить Осю больше чем брата, больше чем мужа, больше чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, ни в какой литературе. Я люблю его с детства, он неотделим от меня». Об этом же Лиля Юрьевна говорила Ф. Г. Раневской, утверждая, что могла бы отказаться от всего, в том числе и от Маяковского, чтобы только не потерять Осю.

Поведение Брик напоминало классическую формулу «собака на сене». Себя она вела раскованно, имела много любовников и не запрещала Маяковскому флиртовать с другими женщинами, но поводок был постоянно натянут. Лиля спокойно отнеслась к романам с американкой Элли Джонс, которая родила от него дочь; с подругой юности поэта Евгенией Ланг и даже поощряла его ухаживания за красавицей Наташей Брюханенко и актрисой Вероникой Полонской. Но им он не посвящал стихов. А вот в серьезность намерения Маяковского создать семью с Татьяной Яковлевой, очаровательной юной моделью фирмы «Шанель», она поверила безоговорочно. Еще бы, «Письмо Татьяне Яковлевой» и «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» были посвящены не ей. В ход были пущены все связи, подключена сестра, и мечта Маяковского об обоюдном счастье лопнула. Лиля полностью подчинила себе поэта и человека. Зачем ей это было нужно, что толкало женщину на такую жестокость? Брик хотела стать центром его жизни — и стала, но ведь она видела, не могла не видеть, что влюбленный Маяковский находится на грани нервного срыва. С 1925 г. между ними не было физической близости.

Романы Лили с ответственными чиновниками: чекистом Я. С. Аграновым, который организовал расстрел Николая Гумилева, проворовавшимся заместителем наркома финансов А. М. Красногцековым, видным государственным деятелем Киргизии Юсупом Абдрахмановым и талантливым кинорежиссером-новатором Львом Кулешовым доставляли Маяковскому огромную боль. Но в письмах к поэту она совсем другая: «Любимый мой Щеник! Я тебя ужасно крепко и навсегда люблю. Приеду непременно. Жди меня! Не изменяй!!! Я верна тебе АБСОЛЮТНО. Поклонников у меня много, но все они по сравнению с тобой — дураки и уроды. Целую тебя с головы до лап». И он в восторге отвечал: «Помни ежесекундно, что, как только ты приедешь, возьму тебя на лапы и буду носить тебя две недели не опуская на пол. Весь твой Щенок». Маяковский согласен был даже ее сумочку «в зубах носить», потому что «в любви обиды нет». А сколько ласковых имен он придумал: Лилек, Лилик, Лиленок, Лилятик, Лисятик, Лучик. Называл ее кисой, кисанькой, а себя величал «гценом» и изображал в виде большого щенка. И преданность к ней у него была щенячья. Даже после многочисленных измен, которых она никогда не скрывала, Маяковский, терзаемый болью ревности, глухо повторял: «Любить я могу только ее».

Поэт врос в семью Брик. В их общем доме бурлила художественная жизнь. Лиля была центром своего салона, где проходили заседания лефовцев (Левый фронт искусств), создавались плакаты РОСТА, здесь зародился прославленный ОПОЯЗ (Общество изучения поэтических языков). Она принимала участие во всех начинаниях: благодаря Маяковскому приобщилась к кинематографу и снялась вместе с ним в фильмах «Закованная фильмой» и «Барышня и Хулиган», в качестве помощника режиссера участвовала в постановке «Мистерии-буфф», писала киносценарии и, главное, притягивала к себе молодые таланты, поддерживала их и подчеркивала их исключительность. Но все это проходило под бдительным вниманием чекистов, которые были постоянными гостями Лилиного салона. Она и за границу выезжала по удостоверению сотрудника органов. Брик знала о всех ужасах, творящихся на Лубянке, но считала чекистов «святыми людьми». Какое место занимала Лиля в делах ЧК, до конца не известно, но то, что это была неприглядная роль, сомнений не вызывает. Наверное, таким образом она пыталась защититься от новой власти. Маяковского тоже стали обвинять, что он «ходит под чекистами», что сочиняет не по духу, а за «довольствие».

Духовный и творческий кризис достиг апогея. Лиля все видела, не могла не видеть, но вдруг укатила с Осипом (который

в 1927 г. привел в дом новую жену Евгению Соколову и прожил с нею до самой смерти) в Европу, а Маяковского не выпустили. Поэт задохнулся в своем одиночестве — без Лили его не существовало. 14 апреля 1930 г. он застрелился. В письме, написанном за два дня до смерти, первыми словами были: «Лиля, люби меня». И поэту Маяковскому муза Брик была верна. Можно, конечно, обвинить ее в меркантильных интересах, мол, жила за его счет при жизни: автомобильчик, пижамки, парижское белье, наряды, духи, да и после смерти приличная пенсия и половина авторских прав. Руководство страны выполнило последнюю волю глашатая революции: «Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Полонская (последняя страсть поэта). Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо».

На фоне всех житейских, социальных и экономических катаклизмов Брик ухитрялась жить вполне комфортабельно и пристойно. Ее не мучила совесть о безвременно ушедшем поэте, ведь любовная драма вдохновила поэта на бессмертную лирику и вокруг нее витала незыблемая слава единственной возлюбленной гения, даже правительство признало ее права как жены поэта, при живом муже. Но любые сплетни, наветы и горькая правда — ничто перед словами: «Любит — не любит. Я руки ломаю и пальцы разбрасываю разломавши» или «Если я чего написал, если чего сказал — тому виной глаза-небеса, любимой моей глаза. Круглые да карие, горячие до гари». Брик преданно носила на груди два кольца, свое и Володино. Внутри маленького по его желанию было выгравировано Л. Ю. Б., если читать по кругу, получалось бесконечное ЛЮБЛЮ.

Жизнь Лили продолжалась. Треугольник — она, Осип и его жена — вскоре превратился в квадрат. Летом 1930 г. Брик «вышла замуж» за красного командира Виталия Марковича Примакова. Никаких «поползновений на сторону» в этом браке она себе не позволяла. Благодаря мужу ее письмо о том, что Маяковского забывают, достигло вождя. Сталин назвал «безразличие к памяти Маяковского преступлением», поэта очистили от лирики и превратили в номенклатурную персону. Даже Брик была не рада, что это затеяла. Виталий Маркович одним из первых стал жертвой сталинских репрессий — в 1937 г. он был расстрелян. Семью Брик, имеющую родственников и многочисленных друзей за границей, хранила слава поэта. Сталин вычеркнул ее из списка на арест: «Не будем трогать жену Маяковского». А может, помогла и связь с НКВД.

Этими событиями Лиля была потрясена и начала пить. Ее спасли друзья и… новое увлечение. Уже 9 июля 1937 г. ее мужем стал литературовед, исследователь творчества Маяковского

Василий Абгарович Катанян, который был моложе на 13 лет. Брик совсем не смутило, что у него была любящая жена и маленький сын. Она продолжала исповедовать полную свободу в семье и не понимала, почему ее ненавидят чужие жены. Возмущенная Анна Ахматова, узнав о романе Лили со своим мужем Николаем Пуниным, оскорбленно охарактеризовала ее в дневнике: «Лицо несвежее, волосы крашеные и на истасканном лице наглые глаза». Мужчины почему-то видели совсем другое. Попытка Брик дружить с женами своих любовников потерпела фиаско. Осип еще Маяковскому объяснял: «Лиля — стихия, с этим надо считаться. Нельзя остановить дождь или снег по своему желанию». Но душеспасительные речи не действовали на женщин. Галину Дмитриевну Катанян не устроило сдавать мужа напрокат, она не поверила в слова Лили Юрьевны: «Я не собиралась навсегда связывать свою жизнь с Васей. Ну, пожили бы какое-то время, потом разошлись и он вернулся бы к Гале». Брик пыталась с ней дружить, ходить в гости, пить чай, но встречала вежливый отпор. Общались они только из-за сына, который хорошо относился к мачехе, а впоследствии столько доброго написал о ней в воспоминаниях «Прикосновение к идолам». Так Лиля стала «идолом».

Со своим четвертым мужем, В. А. Катаняном, она прожила 40 лет. Бурные романы остались в прошлом и сладко тревожили душу. А вот открывать молодые таланты она не прекращала. К Велимиру Хлебникову, Давиду Бурлюку, Борису Пастернаку, Николаю Асееву, Юрию Тынянову, Всеволоду Мейерхольду, Асафу Мессереру, Александру Родченко присоединились Лев Кулешов, Николай Глазков, Борис Слуцкий, Михаил Львовский, Павел Коган, Михаил Кульчицкий. Лиля предрекла большое будущее начинающей Майе Плисецкой: «Какое талантливое тело, какое сочетание классики и современности». В доме Брик будущая великая балерина познакомилась со знаменитым композитором Родионом Щедриным, которому Лиля Юрьевна посоветовала написать оперу о колхозе. Несмотря на премьерный провал, «Не только любовь» долго не сходила с отечественных и зарубежных сцен. Брик обладала особой интуицией. Для молодых талантов она являла собой образец женской одухотворенности, человека, умеющего ценить все прекрасное. Лиля Юрьевна хорошо разбиралась в искусстве, имела развитый художественный вкус и презирала хамство, и все попадали под ее магию. Она притягивала к себе людей искусства. Среди ее друзей были Жан Кокто, Пабло Пикассо, Игорь Стравинский, Мартирос Сарьян, Фернан Леже, Марк Шагал; она принимала у себя в доме Ива Монтана, Симону Синьоре, Жерара Филиппа, Рене Клера,

Поля Элюара, Мадлен Рено, посещала Михаила Ларионова и Наталью Гончарову. Для них Брик была не только любимой женщиной Маяковского, но и неординарным, чувствующим искусство человеком.

Как ни странно, тяжелее всего Лиле Юрьевне пришлось в период хрущевской оттепели и брежневского застоя. Никита Сергеевич по только ему ведомым причинам не продлил срок действия авторских прав на произведения Маяковского, лишив ее средств к безбедному существованию, а секретарь ЦК КПСС М. Суслов провел огромную работу, чтобы «очистить Маяковского от евреев». Даже со знаменитой фотографии, где поэт с Лилей стоят у дерева, ее убрали. В годы правления Брежнева началась откровенная травля. Ее называли «проповедницей разврата и фиктивной любовницей» поэта, винили в смерти Маяковского. Вместо подготовленного 66 тома «Литературного наследия», который включал переписку поэта с Бриками, следующим вышел 67. Лилю Юрьевну пытались не допускать на торжественные мероприятия памяти Маяковского, но тут уже возмутились литераторы К. Симонов, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, а поэт Р. Рождественский без обиняков сказал: «Если у человека 50 процентов лирических стихов посвящено Лиле Брик, то хоть мы все застрелимся, они все равно будут посвящены Брик и никому другому». Маяковский даже после смерти оберегал свою любимую. И все-таки «Барышню и Хулигана» поколение застоя не увидело.

Но, несмотря на все эти гонения, многочисленные попытки сильных мира сего очернить Лилю, без друзей и поклонников она никогда не оставалась, для каждого находила доброе слово и как гостеприимная хозяйка всегда помнила, кто и что предпочитал. До последних дней жизни она излучала неповторимое женское очарование. Лиле Юрьевне было 56 лет, когда Т. Лещенко-Сухомлина написала: «Очень медленно, восхитительно медленно она стареет и уходит… Руки стали как пожелтевшие осенние листочки, горячие карие глаза чуть подернуты мутью, золотисто-рыжие волосы давно подкрашены, но Лиля — проста и изысканна, глубоко человечна, женственнейшая женщина с трезвым рассудком и искренним равнодушием к „суете сует“. Маяковский почувствовал это как поэт и как мужчина: „Она красивая — ее, наверное, воскресят“».

Но Брик могла воскресать сама, особенно под взглядами мужчин, умеющих оценить неординарность женщины. В 1975 г., когда Лиле было уже 84 года, в ее жизни произошло два события, которые свидетельствовали, что годы не властны ни над ее притягательной магической женской силой, ни над молодостью

души и чувств. Король парижской моды Ив Сен-Лоран в аэропорту Шереметьево, рассматривая снующую толпу, с грустью отметил: «Унылое зрелище! Никогда не видел такого количества толстых женщин в темном. Не на ком глаз остановить. Вот разве на той элегантной даме в зеленой норковой шубке. Видимо, от Диора?» Он не ошибся. Лиля Юрьевна знала толк в моде и благодаря своей сестре Эльзе была в курсе последних французских новинок. С этой встречи началась их дружба. Брик покорила Сен-Лорана не только тонким вкусом, но и тем, что «она никогда не говорила банальностей, и у нее на все был свой взгляд, и с нею всегда было интересно. С Лилей Брик я мог откровенно говорить абсолютно обо всем». Всемирно знаменитый модельер с удовольствием создавал платья для нее. Ей, наверно, было очень приятно узнать, что Сен-Лоран относил ее к женщинам, которые живут вне моды. Теперь она стояла в его списке рядом с Катрин Денёв и Марлен Дитрих. Для Лили Юрьевны к ее 85-летию модельер создал праздничный наряд, в котором она должна была появиться только единственный раз — в день юбилея, а затем ему отводилось место среди редчайших моделей в музее. Но это платье «от кутюр» получило еще одну почетную роль. Именно в нем актриса Алла Демидова впервые прочитала с эстрады трагическую поэму Анны Ахматовой «Реквием». Это был не царский жест со стороны Брик, а еще одно подтверждение ее понимания таланта других.

И в последнем ее романе нет ничего удивительного. В Париже, куда она с мужем Василием Катаняном была приглашена на выставку В. В. Маяковского, в нее влюбился молодой литератор Франсуа-Мари Банье. Лиля Юрьевна настолько пленила его во время своего интервью, что 29-летний юноша «с лицом ангела и сердцем поэта» не отходил от нее ни на шаг, заваливал подарками, цветами, устраивал праздники в ее честь, а после отъезда засыпал письмами, полными нешуточного преклонения. Он прилетал с друзьями к ней в Москву, устроил шумное празднование ее юбилея в парижском ресторане «Максим». Лиле Юрьевне даже стало совестно принимать груды дорогостоящих подарков. Ах, эта «золотая молодежь»… Правда, прочитав несколько романов Банье, она очень разочаровалась, но их дружба не прекратилась.

Брик не верила в старость, и та долго обходила ее стороной. Но годы брали свое. Неудачное падение, перелом шейки бедра. В 87 лет это приговор. Когда-то она записала: «Когда застрелился Володя — умер Володя, когда погиб Примаков — умер Примаков, когда умер Ося — умерла я». Нет, она не ушла вслед за любимыми и прожила еще 30 лет, но давний сон 1930 года, в котором Маяковский вкладывает в ее руку крошечный пистолетик

и говорит: «Все равно ты это сделаешь», — оказался вещим. Самостоятельная женщина не хотела быть обузой. Она мужественно продержалась три месяца, окруженная неусыпной заботой друзей, мужа и пасынка. 4 августа 1978 г. Лиля Юрьевна написала прощальную записку: «В моей смерти прошу никого не винить. Васик! Я боготворю тебя. Прости меня. И друзья, простите. Нембутал, нембут…» Согласно воле покойной, ее прах развеяли под Звенигородом. Там посреди поля стоит огромный валун. На нем выбито всего три буквы — Л. Ю. Б.

Но, наверно, так ей было суждено на роду, что после траурных речей о ее «одухотворяющей силе», о «непоколебимой хранительнице возжженного ею огня», о «хрупкой, но не сдающейся защитнице мертвого гиганта» вновь поползли слухи. Говорили, что покончила жизнь из-за неразделенной любви к Сергею Параджанову. Мол, неспроста Брик ходатайствовала перед Брежневым о досрочном освобождении из лагерей опального режиссера. Но даже Параджанов, любящий «лжесвидетельствовать окружающим на самого себя», возмутился столь грязной инсинуации. Ну что ж, Лиля Юрьевна сумела выдержать при жизни и не такие нападки. А «мертвый гигант» по-прежнему защищает свою любимую женщину.

«Не смоют любовь
ни ссоры,
ни версты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемля торжественно стих строкоперстый,
клянусь —
люблю
неизменно и верно!»

Валевская мария

(род в 1786 г. — ум. в 1817 г.)

Вошла в мировую историю как «польская супруга Наполеона». Ее совратили политика и патриотизм, а любовь пришла позднее.

В 1961–1962 гг. во Франции получил широкую огласку процесс под названием «Дело Марии Валевской». Иск против Жана Савана, историка с мировым именем, возбудил правнук знаменитой любовницы Наполеона и автор книг «Жизнь и любовь Марии Валевской» и «Мария Валевская — польская супруга Наполеона». Граф д'Орнано обвинял секретаря

Французской академии истории, написавшего более 50 исторических трудов, в большинстве своем посвященных Наполеону и его эпохе, в примитивном плагиате. Вина Савана сводилась к копированию некоторых писем, которые, как оказалось, ретивый наследник просто выдумал. Историков уже давно смущали существенные неточности и разночтения в биографии Валевской, но ссылки правнука на письма, записки и воспоминания придавали романам историческую достоверность. Эти данные как фактические использовали многие, так как в сам архив, поделенный между наследниками, никому не было доступа. Повезло только историку-наполеоноведу Фредерику Массону, прочитавшему одну из версий воспоминаний (всего их было три — для каждого сына). В них нет ни дат, ни фамилий (одни инициалы), и написаны они Валевской по памяти перед самой смертью. Только сопоставляя их с «Мемуарами» знаменитого Констана (Луи-Констана Вери), преданного

камердинера Наполеона, и письмами людей, наблюдавших за развитием романа Марыси и Наполеона со стороны, можно восстановить, и то не до конца, «биографию» их любви.

В семье гостиньского старосты, владельца небольшого городка Кернози, близ Ловича, Мацея Лончиньского было семеро детей: три сына и четыре дочери. Мария была старшей среди девочек. Она родилась 7 декабря 1786 г. в Бродно и получила воспитание «шляхетной панянки». Ее учили французскому и немецкому языкам, музыке и танцам вначале в доме, а затем в монастырском пансионе. В нем она пробыла недолго, так как ее «политико-патриотические интересы» оказались сильнее религиозных убеждений.

Мария вернулась в Кернози в неполных шестнадцать лет, и сразу выстроилась очередь претендентов на ее руку. «Очаровательная, она являла тип красоты Грёза. У нее были чудесные глаза, рот, зубы. Улыбка ее была такой свежей, взгляд таким мягким, лицо создавало столь привлекательное целое, что недостатки, которые мешали назвать ее черты классическими, ускользали от внимания», — вспоминала мемуаристка Анна Потоцкая. Среди женихов особенно выделялся красивый и богатый юноша (имя не известно), но то, что он был сыном русского генерала, одного из тех, кто от имени царя угнетал Польшу, стало непреодолимой преградой между молодыми людьми. Остальные ухажеры были не столь богаты, чтобы брать их во внимание.

Следующий кандидат по всем параметрам удовлетворял мать Марии, Эву Лончиньску, и старшего брата Бенедикта Юзефа, который после смерти отца стал главой семьи. Богатый аристократ, владелец огромного имения Валевицы, камергер Анастазий Колонна-Валевский — чем не прекрасная партия для юной красавицы. Только невеста заливалась горькими слезами и упиралась изо всех сил, ведь жених был старше ее в четыре раза. Ближайшая подруга Марыси, Эльжуня, даже готовила побег, чтобы «избежать этого брака» и «соединиться в любви, наверное, ты догадываешься с кем». А еще она намекала на «трудное положение» Марии, ведь недаром в варшавском свете сплетничали, что в семье Лончиньских «не блюли заповедей» и что «Наполеон был последним любовником Валевской, а не первым».

Так или иначе свадьба состоялась. Невеста принесла в приданое мужу сто тысяч флоринов наличными, а спустя шесть месяцев после венчания, 13 июня 1805 г., родила сына Антония Базыля Рудольфа. Супруги поселились в чудесном имении Валевицы. «Малютку с грустными глазами» опекали

многочисленные родственницы камергера. Старый, тучный пан Анастазий был занят своей персоной: возлежа попивал пиво в подвальных помещениях дворца, слуги обмахивали его опахалами, и он ни во что не вмешивался. Жена с другими дамами создала «конспиративный центр патриотической пропаганды, в который вовлекали и дворцовую прислугу, и кое-кого из окрестных крестьян, — сообщает граф д'Орнано, — потому что в жизни у нее осталась одна цель — освобождение Польши».

В то время все поляки с нетерпением ожидали прихода французских войск. Валевская заочно преклонялась перед гением Наполеона, ведь от него зависело освобождение ее родины от гнета Российской империи. Однажды Мария с подругой втайне покинула имение, чтобы приветствовать проезжающего освободителя. Их встреча состоялась 1 января 1807 г. (по воспоминаниям Марии — в Блоне, историки называют Яблонную). Генерал Дюрок подвел к императору «блондинку с большими глазами, мягкими и наивными, полными благоговения. Ее нежная кожа, по розовому оттенку напоминающая чайную розу, алеет от смущения. Невысокого роста, но чудесно сложена, гибкая и округлая, она само обаяние», — так писал Массон. Наполеон привык к женскому преклонению перед своей персоной, но небольшое пылкое патриотическое приветствие Валевской оставило в его памяти неизгладимое впечатление. Первая встреча была недолгой, император торопился в Варшаву. Он подарил Марии один из букетов, которыми была засыпана его карета, со словами надежды на скорую встречу.

Но император не забыл маленькое дорожное приключение. Талейрану, который отвечал за «доставку» приглянувшихся красоток в спальню Наполеона, не пришлось прилагать много усилий для розыска Валевской. Его внебрачный сын, граф Флао, занявший под штаб дворец старого камергера, не прошел мимо прекрасных глаз польской провинциалочки и доложил о ней отцу. Так что министр иностранных дел вскоре «устроил» Наполеону Валевскую, ведь недаром говорили, что «у Талейрана всегда полон карман красивых женщин».

Дамы варшавского общества были удивлены, когда среди них появилась провинциальная красавица, и все сразу обратили внимание на то, что именно ее Наполеон выделяет из толпы. «Император вошел в зал, как на поле битвы или на плац, быстро и радушно; но вскоре его лицо приобрело более сладкое выражение, улыбка озарила омраченное мыслями чело». Он заметил Марию среди представленных ему женщин. 17 января состоялся бал. Валевская и Наполеон танцевали контрданс. Дамы

перешептывались о незаслуженной чести, выпавшей на долю Марии, а французские офицеры, не замечая неудовольствия императора, раз за разом переходили ему дорогу. Он даже был вынужден двух особенно ретивых отправить «по особо важным делам» прямо с бала.

Наполеон, покоряющий женщин с наскока, как крепости, был озадачен, когда его пылкие послания не нашли достойного отклика в сердце Валевской, которая незадолго до этого сама стала инициатором первой встречи. Мария же была просто напугана таким натиском. «Я видел только Вас, восхищался только Вами, жажду только Вас. Пусть быстрый ответ погасит жар нетерпения… Н.». Валевская не отвечает. Наполеон отправляет следующее письмо: «Неужели я не понравился Вам? Мне кажется, я имел право ожидать обратного. Неужели я ошибался? Ваш интерес как будто уменьшается по мере того, как растет мой. Вы разрушили мой покой. Прошу вас, уделите немного радости бедному сердцу, готовому Вас обожать. Неужели так трудно послать ответ? Вы должны мне два… Н.». И опять молчание.

Констан, камердинер Наполеона, и отвозивший письма Дюрок наблюдали, как растет нетерпение императора. Молчание распалило его страсть, он не привык к неповиновению. В третьем письме Наполеон, чтобы «утолить потребность влюбленного сердца», обещает исполнить все желания дамы, но чашу весов перевешивают слова, звучащие как шантаж: «Ваша родина будет мне дороже, когда Вы сжалитесь над моим бедным сердцем». Мария согласилась на встречу, но все время рыдала, и Наполеон не сумел ни остановить поток слез, ни переступить через него. «Орел» пожалел «сладостную, слезоточивую голубку».

На следующее утро он снова предпринял атаку: очередное письмо и бриллиантовая брошь-букет. Дорогой подарок отброшен в сторону. Для Валевской это стало оскорблением, как оплата услуг. Увидев ее на обеде без броши, император был удивлен и обижен. Ведь для него это был символ ее согласия, поэтому Мария в знак примирения приложила ладонь на место отсутствующего букета. Присутствующие, ничего не понимая, напряженно наблюдали за этим молчаливым диалогом. Одни отнеслись к поведению Валевской, как к стремительной капитуляции, другие — как к триумфальной победе, из которой следует извлечь выгоду.

А как же отнеслась к своей победе над императором «сладостная Мари»? «Храни меня Бог! Мой лоб не медный, и я никогда не буду гордиться позором, который вы зовете моим триумфом. Я могу появиться кающейся грешницей, но никак ни триумфаторшей». Она ощущала себя заложницей политических

интересов. Делегация влиятельных панов и все родственники откровенно уговаривали ее пожертвовать женской честью ради свободы Польши. Молодую женщину от имени 20 миллионов поляков укладывали в постель к мужчине, заставляли согрешить. Мария постоянно ощущала на себе пытливые, оценивающие взгляды, ей казалось, что каждый ищет на ее лице следы вчерашней встречи и позора.

Валевскую жег стыд, но второе свидание состоялось. Наполеон, разобравшись, что слезы — это не пустое кокетство, прибегает к откровенному шантажу: «Послушай, Мари! Знай, что я всегда, сочтя что-либо невозможным или труднодостижимым, стремился к этому с еще большим жаром. Меня ничто не отвратит. „Нельзя“ — пришпоривает меня, и я иду вперед. Я привык к тому, что судьба всегда уступает моим желаниям, твое сопротивление меня покоряет, твоя красота ударяет в голову, хватает за сердце. Я хочу, хорошо пойми это слово, я хочу тебя заставить полюбить меня. Мария, имя твоей родины возродится благодаря мне. Благодаря мне ее ядро еще существует. Я сделаю больше того, — император разбивает часы. — Точно так же исчезнет ее название и все твои надежды, если ты доведешь меня до отчаяния, отвергая мое сердце и отказывая мне в своем».

В его речи было столько неистовства, что Мария лишилась чувств, а одержимый страстью Наполеон воспользовался ее обмороком. Жертва была принесена. Теперь каждый вечер, соблюдая тайну, Валевскую сопровождали к любовнику. Она не уподобилась королевским фавориткам: ничего не требовала для себя и близких, избегала на людях любых проявлений чувств, а тем более демонстрации своего влияния на императора. Наполеон должен был признать, что сдалась она ради интересов Польши, а его не любит. И это подогрело его пыл. А Мария, почувствовав себя страстно желанной, постепенно оттаяла и полюбила. Что знала 20-летняя женщина об этом великом чувстве: девичьи грезы да старый муж? А 37-летний Наполеон, хоть и не блистал красотой и статью, но как мужчина был неотразим. «Я стал еще лучшим любовником, чем раньше», — откровенничал он в письме к брату Жозефу и действительно по отношению к Марии проявил себя галантным, нежным и чутким кавалером.

Вернувшись на поля сражений в Восточной Пруссии, император ежедневно находил время для писем к ней. Их строки полны изъявлений нежных чувств и ожидания встречи. А когда он в апреле 1807 г. устроился со штабом в Финкенштейне, то тут же призвал к себе Валевскую. Старший брат лично доставил Марию к венценосному любовнику в замок графа Дона. Она поселилась в

одной из комнат штаб-квартиры. Довольно непродолжительные и бурные варшавские свидания приобрели черты семейности. Три недели они делили общий кров как муж и жена. Констан вспоминал: «Мадам В. все это время проявляла самую возвышенную и бескорыстную привязанность к императору». В его отсутствие Мария оставалась без всяких развлечений и общества. Она читала или вышивала, не покидая своей комнаты, даже лишний раз не подходила к окну, скрываясь от людского любопытства. Императорская фаворитка, как утверждают историки, основываясь на книгах д'Орнано, только пыталась повлиять на Наполеона в решении польских проблем. Но неизвестно, насколько был уступчив в этих вопросах властный император. Политика в их отношениях отошла на дальний план, но Мария не стала любить его меньше после откровенного признания: «Я люблю твою страну, но мой первейший долг Франция. Я не могу проливать французскую кровь за чужое дело». Наполеон по достоинству оценил характер и поступки женщины и с каждым днем все больше привязывался к ней.

Связь Наполеона с польской красавицей всерьез обеспокоила ревнивую императрицу Жозефину. Но он быстро успокоил жену любовным посланием: «Я люблю только мою маленькую Жозефину, хорошую, надутую и капризную, которая даже ссориться умеет с обаянием, присущим всему, что она делает». А вслед уехавшей Марии в тот же день понеслось любовное письмо: «Всем сердцем я призываю близящийся день нашего соединения, когда мы снова сможем жить друг для друга». Валевская тоже была огорчена разлукой. В момент расставания она подарила любимому кольцо с надписью: «Если ты перестанешь меня любить, не забудь, что я люблю тебя». Слова шли от сердца, ее чувства ни в коей мере не были игрой — это была настоящая любовь.

Дела вынудили Наполеона отбыть в Париж, а затем на поля сражений в Австрии, и Мария с нетерпением ждала его возвращения. После победы под Ваграмом они вновь соединяются в июле 1809 г. Резиденция австрийских императоров в Шёнбрунне под Веной стала их любовным прибежищем. И хотя императорский роман ни для кого не был тайной, но по просьбе своей «сладострастной Мари» он делал все возможное, чтобы избежать лишней огласки и не дать пищи слухам, порочащим имя любимой женщины. К тому же император был счастлив — Валевская забеременела. Это событие сближало и в то же время разлучало их. Наполеон убедился, что может стать основателем династии, вопреки утверждениям Жозефины, и начал срочно подыскивать себе равную по титулам пару, предварительно

разведясь с бездетной императрицей. Претендовать на такую честь Мария не могла.

Сын Наполеона, Александр Флориан Жозеф, родился 4 мая 1810 г. в имении старого камергера, и тот признал его своим законным наследником и дал родовую фамилию Колонна-Валевский. Одновременно с появлением на свет ребенка полномочный представитель Наполеона заключил от его имени брак со старшей дочерью австрийского императора Марией-Луизой. Валевская вынуждена была еще полгода жить у мужа в Валевицах и только поздней осенью решилась перебраться с сыновьями в Париж. Несмотря на «нелады» с законным супругом, при разводе в августе 1812 г. она получила половину его состояния. Брак был расторгнут духовным и гражданским трибуналами на основании «отсутствия непринужденного согласия со стороны Валевской и насилия, учиненного над ее чувствами». Старший брат свидетельствовал на суде против себя и признал, что вместе с матерью вынудил сестру вступить в этот брак. Мария так ненавидела его, что в своих воспоминаниях не упомянула ни словом. Она называет только Теодора, с которым приехала в Париж, где уже отгремели празднества по случаю императорской свадьбы.

Роман Марыси и Наполеона закончился так же стремительно, как и начался. Император был увлечен молодой женой и с нетерпением ожидал появления законного наследника. Марии он был очень благодарен за то, что, как бывшая фаворитка, она не пыталась предъявлять каких-либо претензий и не диктовала условий. Наполеон прекрасно обустроил ее с сыновьями в чудесном особняке, платил ежемесячный пансион в десять тысяч франков и каждодневно интересовался ее пожеланиями. Генерал Дюрок лично следил, чтобы Мария ни в чем не знала отказа. Иногда камердинер тайно проводил Валевскую с сыном в Тюильри. Это были не любовные свидания, а общение родителей с сыном. Но посещения становились все реже. И все же дарственный акт Наполеона сыну от 5 мая 1812 г. на титул графа Империи, майорат в Неаполитанском королевстве и необычайная забота, проявленная в нем о правах матери, как ничто другое свидетельствуют о том, что император всегда помнил о своей подруге и что их отношения носили исключительный характер.

Парижский высший свет принял «польскую супругу Наполеона» с должным почтением. Даже Анна Потоцкая, язвительно намекавшая на «умственную безликость» Марии, вынуждена была признать, что «постоянство и бескорыстие поставили пани Валевскую в ряд интереснейших лиц эпохи. Одаренная тонким чувством правил приличия, она сумела

великолепно держать себя во Франции. Приобрела скрытую уверенность в себе, что было довольно трудно в ее двусмысленном положении. Вынужденная считаться с Марией-Луизой, очень, по словам ее окружения, ревнивой, пани Валевская сумела в самом центре Парижа заставить людей усомниться, действительно ли она продолжает поддерживать тайные отношения с императором. Потому это и была единственная любовная связь, которую Наполеон поддерживал». Единодушен в такой оценке Марии и камердинер Констан: «Мадам В. весьма отличалась от прочих женщин, дарivших своей благосклонностью императора. Те, кто имел счастье знать ее близко, наверняка сохранили воспоминания, сходные с моим, и понимают, почему я вижу столь большую разницу между мадам В., кроткой и скромной женщиной, воспитывающей в тиши своего сына, и фаворитками победителя под Аустерлицем».

Но время побед Наполеона прошло. Правда, «вторая польская война» (июнь 1812 г.) еще не предвещала краха. Мария вслед за великим полководцем посетила родину, решив вопросы расторжения брака. Но затем были Москва, Бородино и старая смоленская дорога. В декабре побежденный император бежал из России через польские земли, бросив на произвол судьбы беспорядочно отступающую армию. Свидание в Варшаве, так ожидаемое Валевской, не состоялось.

1 января 1813 г. Мария с сыновьями поспешила вслед за императором в Париж. Она не пыталась встретиться с ним, ей просто необходимо было быть рядом с любимым. Поэтому Валевская даже не обратила внимания на настойчивые ухаживания блистательного, красивого, стройного офицера-кавалериста из старинного корсиканского рода, Филиппа-Антуана д'Орнано, героя испанской и русской кампаний. Мария пленила графа еще в разгар ее романа с Наполеоном в Варшаве, и любовь его только усилилась с годами. Она почему-то окрестила его Огюстом (после ее смерти он так подписывал даже официальные бумаги), оказывала радушный прием, но в общем-то не замечала. Ее волновало, что после бегства императрицы с сыном из Парижа Наполеон остался в одиночестве и что ему плохо. Мария понимала, что любимого ожидает изгнание. Презрев все опасности, она добралась до Фонтенбло и всю ночь терпеливо ждала встречи. Ей не посмели сказать, что накануне Наполеон пытался покончить с собой. Яд оказался старый, а доктор категорически отказался дать новую дозу. «Часы тянулись бесконечно, она все ждала. Наконец стало тяжело смотреть на ее глубокое тихое страдание. Когда настал день, мадам В. покинула дворец из опасения, что ее увидят», — писал Констан.

Свидание опять не состоялось. Но Наполеон был глубоко тронут непогасшими чувствами Марии к нему: «Они достойны твоей прекрасной души и твоего доброго сердца». Но узника Фонтенбло больше заботило отсутствие каких-либо известий от Марии-Луизы. И по странному стечению обстоятельств его, «опасного возмутителя спокойствия Европы», сопровождал на остров Эльба генерал Огюст д'Орнано.

Еще дважды Валевская видела своего «невенчанного мужа». Она единственная решилась посетить Наполеона на маленьком островке в Тирренском море. Встреча 1 сентября 1814 г. была проведена втайне, теперь уже по желанию экс-императора, чтобы слухи о визите бывшей фаворитки не дошли до ушей супруги. Жители острова считали, что изгнанника посетила Мария-Луиза с сыном, которая и думать забыла о нем (она стала любовницей своего стража, генерала Нейперга). Оскорбленная такой уже ненужной секретностью, Валевская все же безропотно подчинилась. Преданность «польской супруги» была по достоинству оценена неаполитанским королем Мюратом и его супругой Каролиной (сестрой Наполеона): все итальянские владения, дарованные императором сыну, были сохранены за ним.

Последняя встреча состоялась 28 июня в Мальмезоне, после неудачной попытки Наполеона вернуть себе власть («Империя ста дней») и поражения под Ватерлоо. Казалось, что время и события не властны над чувствами Валевской. Она была согласна разделить горькую участь любимого в изгнании. Наполеон не принимает этой жертвы, он «творит свою легенду, чтобы остаться в памяти своих потомков в роли мученика и создать тем самым трон для Орленка (законный сын Наполеона, 1811–1832 гг.), а не доживать по-обывательски с одной из фавориток, будь ею даже сладостная Мари», — делает заключение французский историк Андре Кастелло.

Роман закончился, но не жизнь. Узнав о серьезном ранении на дуэли Огюста, Валевская вдруг осознает, что давно любит его, а не Наполеона. Это оказалось для нее очередным ударом. Выходив графа, она надолго уехала в Голландию (здесь Валевская мудро разместила все свои капиталы), а вернувшись в Париж, откровенно избегала контактов с ним, боясь своей репутацией фаворитки Наполеона испортить карьеру д'Орнано при новом правительстве. Но пронаполеоновски настроенный генерал сумел сделать это сам и попал в тюрьму. Мария была в отчаянии и ходатайствовала о его освобождении перед Талейраном и Фуше (Саван утверждает, что она даже обращалась к русскому царю Александру). Узник был счастлив за решеткой, потому что в

своих письмах Мария призналась, что любит его и согласна выйти замуж.

Огюста вскоре выпустили, но он был вынужден покинуть Францию и обосновался в Бельгии. Мария с младшим сыном (старший вернулся в Польшу и унаследовал имущество умершего камергера) приехала к нему. 7 октября 1816 г. в монастыре Св. Михаила и Гудулы в Брюсселе граф д'Орнано и Валевская обвенчались. Их совместная жизнь была спокойной и устойчивой. А любовь, пусть и без бурных страстей, оказалась настоящей, именно о такой Мария тосковала в юности.

«О муж мой, который является мной, в каком бы ни был ты отдалении, ты всегда со мной, — писала графиня супругу из поездки в Польшу. — Если бы я знала, что умираю, то плакала бы не от того, что ухожу из этого мира, а от мысли о твоем одиночестве после моего ухода». Мария предчувствовала свою близкую кончину. Третья беременность протекала очень тяжело из-за почечнокаменной болезни. 9 июля Мария родила третьего сына Рудольфа-Огюста. Роды окончательно подорвали ее здоровье. Она мечтала вернуться в Париж и, пока муж хлопотал перед правительством о разрешении на переезд, лихорадочно диктовала секретарю свои воспоминания. Валевская словно хотела оправдаться перед всем миром, но самое главное — перед своими сыновьями, которым еще предстояло узнать, почему их мать стала любовницей Наполеона. Патриотизм казался ей самой веской причиной. Сто пятьдесят тетрадных страниц были посвящены истории одного из самых знаменитых романов.

В начале ноября 1817 г. граф д'Орнано перевез жену в парижский особняк, подаренный Наполеоном своему сыну. 11 декабря 1817 г. Мария Валевская умерла. «Весь дом погрузился в страшное отчаяние, страдания генерала д'Орнано я не могу описать, — вспоминал Александр Колонна-Валевский, внебрачный сын Наполеона (он стал министром иностранных дел Франции при Наполеоне III). — Воистину моя мать была одной из лучших женщин, какие вообще были на свете. Я могу заявить это без всякой предвзятости». И эти слова, и любовь сына свидетельствуют, что желание матери исполнилось. Мария Валевская сумела оправдаться перед своими потомками, она вошла в историю не только как «польская супруга Наполеона», но и как достойнейшая из женщин.

Гамильтон эмма (леди гамильтон)

Урожденная Эмма Лайон (род в 1765 г. — ум. в 1815 г.)

Любимая женщина легендарного английского адмирала Горацио Нельсона. Прошла путь от безвестной горничной и кабацкой проститутки до жены английского посла лорда Гамильтона.

Если о жизни женщины пишут романы и снимают кинофильмы, если ее портреты рисуют знаменитые художники, значит, она сумела войти в историю как личность неординарная. Перед красавицей леди Гамильтон широко распахнул дверь в бессмертие легендарный британский адмирал Горацио Нельсон. Она стала последней любовью героя, но до встречи с ним изведала падения и взлеты, какие только могут выпасть на долю женщины, которая свою красоту и ум сделала ставкой в игре по имени Жизнь.

Эмма Лайон родилась в Грейт-Нестоне, графство Чешир, 26 апреля 1765 г. (по данным энциклопедии «Британика» — в 1761 г.)в семье дровосека. Отца она почти не знала, его насмерть придавило деревом в горах Уэльса, когда она была малышкой. Они с матерью остались без кормильца и крова. Мисс Кадогэн (мать Эммы носила такую фамилию) работала прислугой в Гавардене и очень нуждалась. В шесть лет девочка уже пасла овец, а чуть подросла — нянчила детей. Лишь на мгновение перед нищенкой приоткрылась другая жизнь, когда мать, получив небольшое наследство, отдала ее в пансион благородных девиц. Но мисс Кадогэн не сумела распорядиться деньгами, и Эмме

вновь пришлось вернуться к жалкому, всеми презираемому существованию.

Но в каком бы тряпье не приходилось ходить девушке, красота ее милого личика просто бросалась в глаза. Наверное, такую красавицу в небольшом городке и можно было удачно выдать замуж, но Эмма в мечтах уносилась в великолепные дворцы, где она будет жить как принцесса. В средине 80-х гг. она самостоятельно отправилась в Лондон. Эмма работала прислугой и продавщицей, а попав в дом известной куртизанки мисс Келли, познала множество соблазнов. Светские львы не обходили вниманием поразительную красоту девушки. Долго сопротивляться заманчивым предложениям она была не в силах. А роскошные наряды, которые они ей дарили, делали ее еще привлекательней.

Стремительное падение Эммы началось с доброго поступка и достаточно высокого взлета в качестве содержанки. Она долго отказывала отвратительному толстому сэру Джону Уоллету-Пойну, богатому аристократу, но, пытаясь освободить от службы на флоте своего кузена Тома Кида, который любил ее и во многом помогал, согласилась стать любовницей этого джентльмена. Затем сэр Джон ушел в плавание, выбросив беременную Эмму на улицу, как старый ненужный хлам. В 17 лет в доме матери в Гавардене она родила девочку и отдала ее на попечение в другой дом.

Любви к малышке Эмма не испытывала, уж очень та была похожа на ненавистного любовника. Принцесса вновь превратилась в Золушку, стремительно падая на самое дно. Чтобы заработать на кусок хлеба, она за гроши продавала свое тело в матросских кабаках.

Но вскоре госпожа Удача вновь повернулась к мисс Лайон лицом. Необычайную красоту лица, рук и тела, даже в обрамлении из грязного тряпья, заметил доктор Джеймс Грехэм. Он отмыл и накормил Эмму и, чтобы привлечь к себе пациентов, выставлял обнаженную девушку в виде Гигиеи — богини здоровья. Мужчины, любуясь высокой статной фигурой, слегка полноватой, но грациозной, попадались на удочку к доктору. Эмма приносила существенный доход его лечебному салону под названием «Храм здоровья».

В Эмме, выставленной на всеобщее обозрение, знаменитый портретист Джордж Ромни увидел идеал женской красоты. Мисс Лайон стала для него настоящим наваждением, и художник предложил ей за приличную плату поработать натурщицей. Ромни изобразил Эмму более чем на 50 картинах в разных костюмах и позах — от вакханки и Цирцеи до Жанны д'Арк.

Служила она моделью и знаменитому живописцу Джошуа Рейнолдсу для картины «Амур, развязывающий пояс Венеры».

В мастерской художника нашел Эмму и очередной богатый «клиент» — юный баронет сэр Гарри Фэншо, и клятвенно обещал на ней жениться. Она поверила в очередную сказку и даже сменила фамилию на Харт. Жизнь в загородном замке в Сассексе была такой, о которой Эмма мечтала с детства: слуги, роскошные наряды, балы. Но иллюзия стать в нем хозяйкой вскоре растаяла, и произошла очередная смена декораций. В 1782 г. Эмма стала содержанкой Чарльза Гренвилля из знатного рода Уорвиков. Он сразу указал на ее место — она падшая женщина, а он собирается сделать из нее приличного человека. Заполучив Эмму, Гренвилль решил для себя несколько задач: любовница имела вид дамы из высшего общества и вела его холостяцкий дом. Он даже пригласил мисс Кадогэн, которая умела поддерживать приличный уровень жизни при минимальных затратах, ведь именитый джентльмен был довольно беден. Эмму он заставил напряженно учиться, и, к его удивлению, молодая женщина делала поразительные успехи. Придя в его дом почти безграмотной, она за четыре года совместной жизни стала разносторонне образованной. Зачем Гренвиллю было нужно так ее «отшлифовывать», если он заранее знал, что «такую» в жены не возьмет? Но наивная Эмма верила, что она своим прилежанием, домовитостью и экономностью завоюет сердце мужчины, которого полюбила по-настоящему. По его приказу она бы и китайский язык выучила, только бы любил.

Как оказалось, дальний прицел у Гренвилля был. В 1784 г., в один из приездов в Англию богатого дядюшки, сэра Уильяма Гамильтона, посланника при неаполитанском дворе и молочного брата и друга английского короля Георга III, племянник продемонстрировал ему Эмму. Она постаралась понравиться старику, зная, что от его милости зависит процветание ее любимого. Бездетный Гамильтон недавно похоронил жену, был очень богат и покровительствовал племяннику. Он оценил Эмму как произведение искусства и дал понять Гренвиллю, что был бы не прочь совершить достойный обмен. На пути этой «джентльменской сделки» стояли только любовь Эммы и нежелание вызвать скандал. Было решено уговорить девушку отправиться погостить с матерью в Венецию, куда вскорости за ними приедет Чарльз. Сводник за это соглашение получил приличное вознаграждение и мог жениться в соответствии со своим положением.

Ни о чем не подозревая, Эмма с матерью 26 апреля 1786 г., в день своего рождения, прибыла в Неаполь. Сэр Гамильтон принял

ее с особым почетом и поселил в своем загородном палаццо. Она очень быстро поняла, что попала в западню. В Англию понеслись письма, полные боли. «Лошади, экипажи, лакеи, театральные представления — разве это может дать счастье? Ты один можешь дать мне его; моя судьба в твоих руках. Я уважаю сэра Уильяма и очень предана ему. Он твой дядя и друг. Но… он любит меня! Слышишь ли, Гренвилль? Он любит меня! Но никогда я не отвечу ему взаимностью! Никогда, никогда! Он проводит целые часы в созерцании меня и вздыхает при этом… Я хочу быть с ним вежлива и любезна, но не более. Я — твоя, возлюбленный. Вечно хочу принадлежать только тебе! Никто не может вытеснить тебя из моего сердца!»… «Пять лет я прожила с тобой. Зачем ты послал меня на чужбину, пообещав, что приедешь. И вот теперь мне говорят, что я должна жить с сэром Уильямом… Нет, тысячу раз нет! Вызови меня в Англию! Вызови! Вызови меня!»… «Ты позволил мне любить себя, сделал из меня хорошего честного человека, а теперь хочешь бросить? Да имеешь ли ты право на это? Есть ли у тебя сердце? Я в последний раз обращаюсь к тебе сегодня. Но теперь я ничего не вымаливаю. Пусть будет так, как ты хочешь, но, если ты не сжалишься надо мной… Ты не знаешь, каким могуществом пользуюсь я здесь! Я должна стать любовницей сэра Уильяма? О нет, Гренвилль, этого не будет никогда! Но зато случится нечто другое. Доведи меня до крайности, и ты увидишь. Тогда я поведу дело так, что сэр Уильям женится на мне!» Последнее письмо было датировано 1 августа 1786 г. Теперь за свою любовь Эмма диктовала цену высокую — законный брак.

Как ни странно, но Гамильтон вынужден был заплатить по счету. Эмма просто очаровала неаполитанский двор. Хотя она и не была представлена официально, но как гостья посланника сумела завоевать доверие короля Двух Сицилий Фердинанда и особенно его супруги Марии-Каролины. Они бы с большим удовольствием решали вопросы с умной и очаровательной «гостьей», чем с занудным интеллектуалом Гамильтоном. Там, где Эмме не хватало знаний, ее спасали природный ум и умение выкрутиться в решении любого щепетильного вопроса. Чтобы не попасть в Неаполе в опалу, 61-летний лорд Гамильтон согласился на брак. 6 сентября 1791 г. в лондонской церкви Эмма Лайон-Харт стала леди Гамильтон. Король Георг III, исходя из политических соображений, одобрил этот мезальянс.

Теперь Эмма, как высокородная дама, была не только официально признана при дворе, но и стала лучшей «подружкой» Марии-Каролины, которая фактически управляла государством вместо недалекого и ленивого супруга. Эмма как могла помогала

ей советами, отстаивая при этом интересы Англии. Сэр Уильям был доволен своей юной женой. Он и раньше не сильно обременял себя хитросплетениями неаполитанской политики, предугадывая все события на шаг вперед. Его привлекала сама Италия: море, небо, горы (на Везувий он поднимался 22 раза). Посланник серьезно занимался историей и искусством Древнего Рима и Греции, участвовал в раскопках Помпеи и Геркуланума, и ему принадлежала уникальная коллекция этрусских и греческих ваз, а также произведений великих мастеров Возрождения. Гамильтон спокойно предоставил жене вести всю предварительную работу, а за собой оставил принятие окончательных решений и погрузился в созерцание своих прекрасных сокровищ, в число которых теперь входила и полная живого огня и очарования Эмма.

Конечно, старый, но не глупый муж представлял, какая семейная жизнь его ожидает. Именно ему принадлежит фраза, полная солоноватого юмора: «Неаполь — это город, куда можно завлекать мужчин перспективой переспать с женой английского посланника». Но особо жаловаться ему не приходилось. Эмма безобидно флиртовала, и ее признали жемчужиной Адриатики. Гамильтон часто пользовался талантами жены как певицы, танцовщицы и актрисы, чтобы английское посольство стало центром общественной жизни.

Гете, часто бывавший в доме посланника, в своих «Итальянских путешествиях» записал следующее: «Рыцарь Гамильтон… нашел теперь вершину искусства и науки в красивой девушке. Он заказал для нее греческий костюм, который удивительно идет к ней; при этом она распускает волосы, берет несколько шалей и производит ряд сменяющихся поз, движений, жестов, выражений лица и т. п., так, что в конце концов начинаешь думать, будто видишь все во сне. Все, что тысячи художников готовы были создать, видишь здесь готовым в движении и в поразительной сменяемости: стоя, коленопреклоненно, сидя, лежа, серьезно, печально, задорно, ускользая, покаянно, угрожающе, пугливо и т. д. Одно следует за другим и вытекает из этого другого. Она умеет подобрать к каждому движению складки шалей и из одного и того же платка делает сотню головных уборов». Пластическое совершенство Эммы и ее поразительные мимические танцы с шалями превращали ее на сцене в ожившие скульптуры. Ею восхищались, пред ней преклонялись.

Леди Гамильтон была счастлива и беззаботно скользила по жизни, пока в сентябре 1793 г. не повстречала Горацио Нельсона, 35-летнего английского флотоводца. Чем мог привлечь

изысканную Эмму «морской волк», служивший на флоте с 12 лет и в 20 лет (неслыханное дело!) ставший капитаном военного корабля? Однако дальше продвинуться по служебной лестнице сын деревенского пастора не мог. Смелость и бесстрашие гасли в постоянных конфликтах с начальством. Но подчиненные его уважали и были преданы своему капитану. И статью своею он не блистал: худой, щуплый, ниже среднего роста. Один немецкий художник, рисуя его портрет, записал в дневнике: «Нельсон — самый незначительный с виду человек, которого я когда-либо видел; это горсть костей и высохшее тело… Он мало говорит и почти не улыбается». К тому же после любого перенапряжения (даже в постели с женщиной) с ним случались параличи и доблестный капитан… страдал от морской болезни. Но его изнутри сжигало желание славы. Честолюбивый и тщеславный Нельсон, будущая гордость Англии, весьма гордился дружбой с лордом Гамильтоном и его супругой. Да и сам он был женат и предан своей Фанни, бережно опекал ее сына от первого брака, Джошуа Нисбета, и не помышлял об изменах.

Эмма вначале просто покровительствовала своему соотечественнику и сама не заметила, когда влюбилась. Но это было скорее платоническое чувство, в нем было что-то от материнской нежности к «хрупкому, как осенний листок», человеку и его пасынку. «Леди Гамильтон необыкновенно добра и ласкова к Джошуа. Она молодая женщина безукоризненного поведения и делает лишь честь тому высокому положению, которого добилась», — сообщал Нельсон жене, следовательно, зная о ее прошлом. Эмма рассказала о себе все… и они стали друзьями.

Но лишь когда они расстались, леди Гамильтон поняла, что полюбила этого маленького человечка с храбрым сердцем. Пять лет она ждала его, писала письма, волновалась и делала, что могла, чтобы ее героя не обошли вниманием. Многие биографы Нельсона считают ее помощь несущественной, но сама Эмма только ради него терпела ухаживания Фердинанда, капризы королевы, без жалоб взвалила на себя всю переписку со средиземно-морским флотом Англии и обязанности шифровальщика. Ей было обидно, что Нельсона никак не отметили за морское сражение за Корсику, где он был ранен и ослеп на правый глаз. Поэтому после победного сражения у Сен-Винсета Эмма лично переслала принцу Уэльскому доклад адмирала противника Кордова о тактике Нельсона. Теперь его заслуги не замалчивались и на него посыпались награды.

Но после неудачного сражения у Тенерифа раненый Нельсон вынужден был покинуть капитанский мостик — нельзя быть

капитаном без правой руки. Для него это была катастрофа. И для Эммы тоже. Горацио уехал в Англию лечиться и писал унылые письма. Леди Гамильтон приложила все усилия, чтобы убедить королеву в необходимости присутствия Нельсона на Средиземном море. После его блестящей победы при Абукире (другими словами, сражении на Ниле) 11 сентября 1798 г. благодарный и осыпаемый почестями герой предстал пред ней: «Маленькая исковерканная фигурка с беспокойными движениями и пронзительным голосом, неподвижный мертвый правый глаз и пустой правый рукав, согнутый и пристегнутый под грудью, производили тягостное впечатление», — писал биограф адмирала Т. Поукок. Но только не на Эмму. Она не замечала тяжелых увечий. Муж, общественное мнение — даже это переставало для нее существовать, если рядом был ее Горацио, и конечно, она разделила его триумф. Впоследствии ее обвинили в том, что ей было мало знатности и богатства и она захотела погреться в лучах чужой славы, что влюбленный Нельсон способствовал ее возвышению, что по его представлению леди Гамильтон была награждена Павлом I Мальтийским крестом. О чем думала Эмма, никто не узнает — не все мысли можно доверить письмам, дневникам и воспоминаниям (мемуары изданы после ее смерти). А чтобы прославиться, ей вполне бы хватило ухаживаний короля Фердинанда, который обещал поднять ее до уровня мадам Помпадур. Но обещаниями Эмма была сыта. Наконец-то она полюбила и ей отвечали взаимностью. Всю свою нерастраченную нежность она перенесла на Горацио, выхаживала его словно малого ребенка, кормила из ложки бульоном и отпаивала ослиным молоком. Румянец на его щеках был для нее важнее мнения и современников, и потомков.

Проницательный лорд Гамильтон делал вид, что ни о чем не догадывается. Он предпочитал быть слепым на оба глаза, чтобы не отравлять себе последние годы жизни, тем более что в адмирале он видел опору безопасности Неаполя, а значит, и свою. И в последнем был полностью прав. А Нельсон словно прирос к леди Гамильтон. Он иногда даже игнорировал приказы под предлогом охраны презираемой им королевской семьи, лишь бы остаться рядом с любимой. Адмиралу и впрямь пришлось вывозить из Неаполя Их Величества с домочадцами, приближенными и сокровищами в Палермо, а затем возвращать обратно. Но теперь многое прощали герою, возведенному Георгом III в сан пэра с титулом «барона Нельсона Нильського и Бернем-Дорпского». Пользуясь этим, он затянул свое пребывание в Неаполе почти на два года.

Слухи о связи Горацио с «какой-то неаполитанкой» достигли

мисс Нельсон и сильно ее встревожили. Она была готова приехать в Неаполь. Эмма писала любимому: «Сколько еще времени продлится мое счастье? Если приедет та, которая имеет право на тебя… тогда моя любовь останется одинокой и мое сердце умрет под опадающей листвой…» Нельсон запретил жене приезжать, но и задерживаться в Неаполе из-за ухудшавшейся политической ситуации было невозможно. Сэр Уильям подал прошение об отпуске, а фактически это была отставка, и Нельсон сделал то же, пожертвовав положением, славой и почти готовой победой над Мальтой. 10 июня 1800 г. супруги Гамильтон и адмирал покинули Неаполитанское королевство и через всю Европу отправились в Англию.

6 ноября в Ярмуте прибытие Нельсона приветствовала огромная толпа. Его везде сопровождала Эмма. Леди Нельсон проигнорировала не только возвращение мужа, но и банкет в его честь. Возмущенный Горацио тут же поручил адвокату добиться развода. Но его желание при сложном английском законодательстве, а тем более без согласия супруги, было невыполнимо. А свобода Нельсону была очень нужна. Еще перед отъездом Эмма сообщила ему, что ждет ребенка. Он был счастлив, но осознавал, чем ему грозит признание отцовства. И так его отношения с супругой и Эммой стали темой многочисленных светских сплетен. Нельсон решился на неофициальный разрыв с женой, которую это вполне устраивало, ведь с финансовой стороны она ничего не теряла.

29 января 1801 г. Эмма родила двойню. Мальчик сразу умер, но Нельсон был все равно счастлив, что у него есть дочь. Находясь в плавании, он слал восхищенные письма и просил назвать девочку Горацией. «Жена моя! Позволь мне так называть тебя. Перед лицом Неба, в глазах Бога ты являешься ею. Моя жена, моя сердечно любимая, чудная жена! Ты должна знать, моя Эмма, что нет такой вещи на свете, которой я не сделал бы, чтобы мы могли жить вместе с тобой и нашим ребенком… Доверься мне, никогда я не обману тебя!» — так писал Горацио 1 марта 1801 г.

Но обещания обещаниями, а пока приходилось хранить в тайне от лорда Гамильтона и всего света рождение ребенка, которого отдали под присмотр миссис Гибсон. Горацию даже окрестили в возрасте двух с половиной лет, после смерти сэра Уильяма, не пожелавшего ничего знать о незаконнорожденном ребенке. И сам Нельсон числился лишь крестным малышки, доверенной его попечительству. Так и жили они в большом особняке в графстве Суррей — лорд и леди Гамильтон, Нельсон, Горация и кормилица. Старому посланнику надо же было с кем-то век доживать. Умер он в 1803 г. и, как оказалось, все знал и

ничего не простил. Все свое огромное состояние лорд оставил своему племяннику, а Эмма получила лишь 800 фунтов ренты в год. Если жить скромно, этого вполне могло хватить, но она давно разучилась считать деньги, они сыпались на нее от мужа и Нельсона, и она не задумываясь пускала их на ветер.

С 1803 г. Эмма почти не видела Горацио, который командовал средиземноморским флотом в войне с Наполеоном. Он вернулся в августе 1805 г., какой-то усталый и надломленный. 35 лет адмирал отдал морю и теперь подумывал об отставке и желал покоя в кругу любящих его людей. Но 2 сентября адмиралтейство вновь предложило ему возглавить флот и обезопасить Англию от морских посягательств Наполеона. Душа Нельсона разрывалась между семьей и привычкой к действию, жаждой подвига и славы. Эмма сказала ему то, что он хотел услышать: «Ты одержишь блестящую победу, а потом вернешься сюда и будешь счастлив». «Храбрая Эмма! — ответил Горацио. — Хорошая Эмма! Побольше бы таких Эмм, и было бы больше Нельсонов…»

Больше они не увиделись. Трафальгарская битва окончилась для Англии и Нельсона очередным триумфом. Французский флот был наголову разбит благодаря тактическому гению адмирала. Он стоял на флагманском корабле в парадном мундире, со всеми орденами и регалиями, превратившись в прекрасную мишень, словно бросал вызов смерти, которой он никогда не боялся. И она его приняла. Французский стрелок с мачты своего корабля сделал только один прицельный выстрел. Нельсон был смертельно ранен. Истекая кровью, он продолжал беспокоиться об окончании сражения и скончался, лишь узнав о победе — 21 октября 1805 г.

Получив сообщение о гибели Горацио, Эмма две недели прометалась в горячке, а затем ее охватило тупое безразличие. Очнулась она, когда ей сказали, что тело любимого доставлено на адмиральском судне в Лондон, чтобы предать торжественному погребению в соборе Св. Петра. 9 января 1806 г. Англия прощалась со своим героем. Эмму в собор не допустили, и она не смогла сказать последнее «прости» маленькому, невзрачному, но бесконечно любимому человеку.

С официальной точки зрения она была «никто» по отношению к покойному. Завещание Нельсона где-то «затерялось» и когда попало к Эмме, законной вдове и всем его родственникам уже были назначены крупные пенсии и выдана огромная сумма на покупку родового имения. Единственной дочери адмирала не досталось ничего. Леди Гамильтон напрасно стучалась в правительственные двери. В 1808 г. она решилась опубликовать «затерянное» завещание в газетах. В нем Нельсон обращался к

королю и нации с просьбой не забыть услуг той, которая помогала ему сослужить службу отечеству. Он подробно перечислял все случаи, когда Эмма своим влиянием на неаполитанскую королеву способствовала решению важных для Англии задач. Кроме того, он поручал заботам короля и нации свою «приемную» дочь Горацию. Скандал был огромный. От леди Гамильтон отвернулось все общество, ведь она опозорила имя героя.

У порога Эммы и ее дочери вновь стояла нужда. Она всегда была расточительна, а после горя и неудач пристрастилась к картам и алкоголю. Несколько раз ее выручали друзья, но все испарялось в руках Эммы, как и огромное имение Мертон-Плейс, оформленное Нельсоном на ее имя. Но в каком бы она ни была состоянии и как бы ни нуждалась, она не открыла Горации тайну ее рождения и своего позора и не прикоснулась к деньгам, оставленным отцом на воспитание дочери.

Девочка долго не знала, что она дочь легендарного героя Англии. Ее мать засасывала трясина пьянства. Затем Эмму на десять месяцев упекли в долговую тюрьму. Ей вновь помогли друзья Нельсона. Они выкупили леди Гамильтон и в июле 1814 г. отправили ее с дочерью во Францию. Сломленная неудачами, Эмма мечтала только об одном — удачно выдать Горацию замуж, чтобы она не познала то, что выпало на долю ее матери. Но не успела: дочь Нельсона вышла замуж за священника после ее смерти и прожила до 80 лет.

15 января 1815 г. леди Эмма Гамильтон скончалась в небольшой французской деревушке близ Кале. Организацию похорон взял на себя британский консул. В последний путь ее провожали офицеры стоящих в порту английских кораблей. Для них Эмма, без всяких оговорок и условностей, была единственной любимой женщиной и настоящей женой адмирала Нельсона.

Д’Акоста Мерседес

(род. в 1893 г. — ум. в 1968 г.)

Известная американо-испанская поэтесса и драматург, автор ряда киносценариев. Любовница таких знаменитых женщин, как Грета Гарбо, Эва Ле Галльен, Алла Назимова, Марлен Дитрих, Айседора Дункан.

«Какими словами мне передать читателю то разнообразие личностей, которые сосуществуют в моей душе; возможно, как и у меня, у него или у нее — в зависимости от пола — тоже живут в душе сразу несколько личностей. И сразу возникает еще одна проблема. Кто из нас принадлежит только к одному полу? Во мне временами существуют и мужчина и женщина…» — так писала Мерседес д’Акоста в черновике своих мемуаров, размышляя над неизведанными тайнами человеческой души. Подобные мысли о природе личности посещали ее очень часто. Внутренний мир этой удивительной женщины был необычайно богат и многогранен. А судьба сводила Мерседес со многими известными людьми, и каждая такая встреча несла поэтессе либо нежный роман, либо долголетнюю дружбу. Спустя много лет она с теплотой и восхищением вспоминала своих любимых.

Мерседес родилась 1 марта 1893 г. в Нью-Йорке. Она была самой младшей в многодетной семье Рикардо д’Акосты, испанского поэта и интеллектуала. Девочка воспитывалась в строгом духе испанского католичества. Назвать ее детство безоблачным нельзя. До семи лет она была уверена, что является мальчиком. Родители, страстно желавшие иметь сына, всячески

поддерживали в Мерседес эту уверенность. Они называли ее мужским именем Рафаэль и соответственно одевали. «Рафаэль» целыми днями играла с мальчишками, не подозревая, что над ее головой собираются тучи. Однажды мальчик из ее компании сказал, что в одной из игр она не может участвовать, потому что для девочки это будет трудно. Мерседес, будучи смелой и отчаянной, тут же вызвала обидчика на поединок. Но тот не стал с ней драться, а, предъявив доказательство своей принадлежности к мужскому полу, доступно объяснил, что она не может быть мужчиной, как бы ей этого ни хотелось. Мерседес в слезах бросилась к матери и потребовала у нее объяснений. «В одно мгновение абсолютно все в моей юной душе стало чудовищным, ужасающим, мрачным», — вспоминала потом поэтесса. Этот случай повлиял на всю последующую жизнь Мерседес и ее отношение к мужчинам и женщинам. Она так до конца и не признала свою принадлежность к прекрасному полу. Встречаясь с людьми, Мерседес в первую очередь искала в них личности. Будучи покорена чьим-либо обаянием или красотой, она не придавала значения тому, мужчина или женщина перед ней. Она влюблялась в человека.

«К внешней форме, демонстрирующей принадлежность нашего тела к тому или другому полу, я осталась совершенно равнодушна, мне непонятна разница между мужчиной и женщиной, и, веруя исключительно в непреходящую ценность любви, я отказываюсь понять этих так называемых нормальных людей, которые убеждены, что мужчина должен любить только женщину, а женщина — мужчину. Но если это так, то где же тогда дух, личность, ум? Неужели любовь и впрямь заключается только во влечении к физическому телу? Убеждена, что в большинстве случаев этим и объясняется тот факт, что „нормальные“ люди, как правило, обделены вдохновением, художник в них мертв, чувства в них менее обострены, чем у людей „полутона“» — так объясняла Мерседес свои многочисленные привязанности к представительницам своего пола.

Поэтесса обладала довольно нервной натурой. Она часто впадала в депрессии, нередко страдала от бессонницы и приступов мигрени. Мерседес увлекалась восточными религиями и была последовательницей Кришнамурти. Однако она никогда не верила в догмы и была убеждена в том, что из каждой религии следует черпать лишь самую суть и на ее основе вырабатывать свою собственную веру. Мерседес была необычайно сильным и волевым человеком, непокорным, готовым бороться за свои убеждения до конца. Нет, она, конечно, могла расплакаться, словно ребенок, подтверждая свое женское начало. И вместе с

тем, если Мерседес во что-то верила — это было незыблемо:

«Я никому не покорюсь,
Заветных тайн своих не выдам,
И пусть кто-то жадно и страстно
Владеет моим телом —
Мой дух
Навсегда останется девственным
И, недоступный никому,
Будет скитаться в вечности».

Судьбе было угодно создать все условия для полной творческой и духовной реализации Мерседес. Одна из ее сестер, красавица Рита Лайдиг была моделью у Саржана и Больдини. Благодаря ей поэтесса познакомилась со многими знаменитостями того времени, начиная с Родена и Анатоля Франса и заканчивая Эдит Уортон и королевой Румынии Марией. Яркая индивидуальность Мерседес способствовала тому, что она подружилась с Пикассо, Стравинским, Сарой Бернар и многими другими известными людьми. Общение с ними наложило большой отпечаток на юную поэтессу, дало ей возможность раскрыть свой литературный талант. Киносценарии и пьесы Мерседес получили популярность в творческой среде того времени. Она быстро стала постоянным участником многих светских вечеринок.

Подобно многим жителям Нью-Йорка, Мерседес обожала новшества, способные пощекотать нервы, произвести сильное впечатление. Ей нравилась атмосфера ночных клубов, всевозможные, порой и сомнительные, увеселения. Однополая любовь, которая расцветала пышным цветом в подобных заведениях, нередко влекла за собой полицейские облавы. Но запретный плод от этого казался еще слаще и желаннее, и, подогревая страсти поэтессы, воодушевлял ее на новые подвиги как на любовном, так и на литературном поприщах.

Мерседес была очень привлекательной женщиной, одевалась всегда с особым шиком — иногда только в белое, иногда в черное, либо комбинируя эти два цвета. Она обожала плащи, шляпы-треуголки и хорошо скроенные жакеты. А еще она была страстной любительницей шампанского, икры и лилий. Преклоняясь перед соблазнительными вещицами, Мерседес никогда не задумывалась об их стоимости. Так же страстно она увлекалась знаменитыми женщинами с непростым характером. Одной из первых среди них в ее жизнь вошла известная танцовщица Айседора Дункан. Мерседес впервые познакомилась с

ней в 1916 г. и на протяжении их долгой дружбы нередко оплачивала ее долги, а также отредактировала и опубликовала ее мемуары «Моя жизнь». «Немало дней и ночей мы провели вместе — ели, когда испытывали голод, спали, если нас одолевала усталость, независимо от времени суток», — впоследствии вспоминала Мерседес. Айседора часто танцевала для своей возлюбленной, а в последний год своей жизни даже сочинила для нее восторженное и весьма откровенное стихотворение:

«Изящное тело, лилейные руки
Избавят меня от никчемных забот,
Белые груди, нежны и упруги,
Влекут мой изголодавшийся рот.
Два розовых, твердых бутона-соска
Заставят забыть, что такое тоска;
Мои поцелуи пчелиным роем
Колени и бедра твои покроют,
Вкушая нектар с лепестков
Столь сладких,
Что выпить готова я все без остатка».

Среди ранних романтических увлечений Мерседес были и Мари Доро — актриса, которая то вторгалась в жизнь поэтессы, то исчезала из нее, но неизменно оставляла после себя приятные воспоминания, и Алла Назимова — русская кинозвезда. С ней Мерседес познакомилась после грандиозного бенефиса актрисы в Мэдисон-Сквер-Гарден, во время которого Назимова, одетая казаком, носилась с флагом по сцене. Мерседес зашла к ней в гримерку и… тотчас была покорена ее фиолетовыми глазами. Поэтесса также произвела большое впечатление на Назимову, которая не могла оторвать взгляда от темных локонов д'Акосты и ее стройной фигуры. Она встала и протянула руки навстречу незнакомой посетительнице. «Мы тотчас прониклись симпатией друг к другу. Я чувствовала себя с ней совершенно непринужденно, словно мы были знакомы всю жизнь», — признавалась потом Мерседес. Их роман был очень красив, но недолог. Слишком разными оказались характеры двух женщин.

Незадолго до своего бракосочетания с Абрамом Пулем, художником-портретистом, состоявшегося в мае 1920 г., д'Акоста познакомилась с Эвой Ле Галльен. Это произошло после премьеры спектакля «Лилиом», в котором молодая актриса играла главную героиню. Мерседес послала ей восторженный отзыв и пригласила отобедать. Они оказались родственными душами — их влекло друг другу не только физически, но и

духовно. Обеих объединяла надежда найти себя на театральном поприще.

Надо сказать, что замужество ничего не изменило в характере и привычках Мерседес. Ее жутко раздражало, когда о ней говорили как о миссис Абрам Пуль, и поэтесса настаивала на том, чтобы к ней обращались по ее прежней фамилии. Многочисленные подружки по-прежнему окружали Мерседес, которая неоднократно заявляла о том, что одну из них она прихватила с собой даже в медовый месяц. Абрам лояльно относился к увлечениям жены, видимо, не считая, что женщина может стать для него серьезным соперником.

Между тем Эва очень переживала по поводу этого изменения в личной жизни подруги, опасаясь, что может осложнить ее семейные отношения. Их встречи происходили украдкой, в основном в съемных квартирах Эвы, и были очень поспешными. Обе боялись стать объектом пересудов. А между встречами они вели постоянную переписку. Только в личном архиве Эвы позднее было обнаружено около тысячи страниц ее посланий к Мерседес, относящихся к 1921–1927 гг. Ответные письма она, по всей видимости, уничтожала. Молодая актриса была настолько поглощена д'Акостой, что с ужасом думала о том, что может ее потерять. А мысль о том, что Абрам обладает ее возлюбленной на законных основаниях, была для Эвы просто невыносимой. Она отчаянно ревновала Мерседес к мужу. Другим поводом для ревности служили нежные отношения д'Акосты со своей бывшей подружкой — дерзкой и необузданной американкой Билли Маккивер. Тем не менее в начале июня 1922 г. Эва и Мерседес несколько недель провели в парижском отеле «Фойо», в том самом номере, где когда-то останавливался известный любовник Казанова. Потом влюбленная парочка побывала в Венеции, Генуе, Мюнхене и Вене. А после приезда в Будапешт любовницы вынуждены были снова расстаться — дальше Мерседес отправилась в Константинополь с Абрамом.

Разлука была длительной — они встретились вновь только в новогодние дни 1923 г. Все это время Эва изнывала от одиночества, испытывала чувства ревности и обиды: ведь Мерседес не только изменяла своей верной подруге, но и делала ей немало колких замечаний, советовала для утешения найти себе кого-нибудь еще. Тем не менее их роман продолжался до 1926 г. За это время д'Акоста написала сценарий «Жанны д'Арк» и на скорую руку специально для Эвы «слепила» на редкость неудачную пьесу «Сандро Боттичелли». По замыслу драматурга актриса, исполняя роль Симонетты Веспуччи, должна была в течение одного акта позировать перед художником для полотна

«Рождение Венеры» обнаженной. И хотя нагота ее была прикрыта ниспадающими локонами и высокой спинкой стула, публика была ошарашена. Пьеса потерпела провал.

Творческая неудача не повлияла на отношения Эвы и Мерседес. После летнего отдыха они, переодевшись цыганками, сбежали от близких в Бретань, где поселились в скромном рыбачьем домике. Казалось, что их чувство разгорелось с новой силой. Эва признавалась подруге, что любит ее сильнее, чем прежде. Но теперь уже Мерседес все чаще испытывала недоверие к ее словам. По воспоминаниям драматурга Ноэля Кауэрда, обе женщины «пребывали в подавленном состоянии, во всяком случае, их то и дело кидало то в интеллектуальное уныние, то в лихорадочное веселье…» По всем признакам их связь близилась к концу. Обвиняя Эву в неверности, Мерседес называла ее «бессердечным созданием с холодным рассудком». Одним из поводов для такого обвинения послужили близкие отношения актрисы с дизайнером Глэдис Калтроп, а затем с богатой наследницей Элис Деламар. Именно эти обстоятельства имела в виду д'Акоста, когда писала в своих мемуарах: «Примерно в это время у нас с Эвой было немало причин для взаимного отчуждения». Каждая из любовниц выбрала свою дорогу — Эва полностью ушла в создание актерской карьеры, много гастролировала по стране, приобрела недвижимость, а Мерседес тем временем подружилась со звездами балета — Павловой и Карсавиной, развлекалась, крутила новые романы и создавала новые произведения.

В 1931 г. Мерседес захлестнула еще одна большая любовь. На этот раз предметом ее обожания стала известная шведская актриса Грета Гарбо, снимавшаяся в Голливуде. Роман с ней стал самым бурным в ее жизни. О нем сохранились противоречивые свидетельства. Даже в воспоминаниях самой Мерседес много неясного: некоторые приведенные ею факты не подтверждаются, другие являются плодом фантазии. Так, свою первую встречу с Гретой, которая якобы произошла еще в 1922 г. в Константинополе, она представила как «животрепещущий» эпизод: «…Однажды в фойе отеля „Пера“ я заметила женщину той редкой красоты, которая когда-либо представала моему взору. Черты ее лица и осанка отличались изысканностью и аристократизмом, и поэтому я поначалу решила, что это какая-нибудь русская княжна… Впоследствии я несколько раз встречала ее на улице. Мне просто не давали покоя ее глаза, и меня так и тянуло заговорить с ней, но я так и не осмелилась… Она производила на меня впечатление полной неприкаянности, и это чувство только усиливало мое собственное меланхолическое

состояние духа». Однако факты свидетельствуют о том, что описанная встреча — чистый вымысел поэтессы. Гарбо побывала в Константинополе только в 1924 г.

Более достоверно, что их знакомство состоялось в 1931 г. Однажды, когда д'Акоста сидела за чаем в доме Зальки Фиртель, сценаристки польского происхождения, в комнату вошла Гарбо. Эта встреча запомнилась Мерседес надолго: «Мы обменялись рукопожатием, она улыбнулась, и мне тотчас показалось, будто я ее знаю всю жизнь или, вернее, знала в моих предыдущих инкарнациях». В Гарбо ее привлекало все: прекрасные прямые волосы, удивительные глаза, в которых, как показалось поэтессе, застыла вечность, и даже шведский акцент. В какой-то момент женщины остались в комнате одни. Грета заметила на руке Мерседес тяжелый браслет. Та протянула его своей новой знакомой со словами: «Я купила это для тебя в Берлине».

Благодаря содействию Зальки Фиртель, они вскоре встретились снова. Грета прониклась к Мерседес глубокой симпатией. Она даже пригласила ее к себе домой, что делала по отношению к своим знакомым крайне редко. Готовясь к приходу Мерседес, Гарбо украсила свое жилище и разбросала по полу цветы. Вспоминая первую ночь, проведенную ими вместе, поэтесса пишет, что они засиделись допоздна, беседуя за накрытым столом: «Мы говорили о вещах… глубокомысленных и тривиальных. Затем, когда луна зашла за горизонт, а на востоке край неба озарился узкой полоской света, мы примолкли. Медленно разгоралась заря. И как только взошло солнце, мы отправились в горы, где собирали букеты диких роз». По другим сведениям, этот визит был коротким — Гарбо слишком устала накануне и поэтому без стеснения сказала своей новой подруге: «А теперь тебе пора домой!» Впоследствии эти слова превратились у них в расхожую шутку, которую они повторяли при расставании.

Их отношения были скреплены духовной близостью. Грета так же, как и Мерседес, увлекалась восточной философией, религией, много читала. Иногда их долгие разговоры затягивались далеко за полночь. Но Мерседес вдохновляли эти беседы, и после них она писала: «Хотя я не ложилась всю ночь, я чувствую себя бодрой и отдохнувшей».

Летом 1931 г. влюбленные уединились на озере Сильвер-Лейк в горах Сьерра-Невады, в небольшой бревенчатой избушке, принадлежавшей актеру Уоллесу Бири. Почти два месяца вдали от посторонних глаз вдвоем они предавались идиллии. Мерседес восторженно писала в мемуарах: «Как же описать шесть последующих волшебных недель? Даже сами воспоминания о них

служат подтверждением тому, какое счастье выпало мне тогда. Шесть бесподобных недель, что случаются лишь раз в жизни. Уже одного этого достаточно. На протяжении всего времени между Гретой и мною или нами обеими и природой не возникло ни секунды дисгармонии…» Действительно, слияние с природой было полным. Подруги жили просто и непритязательно: питались в основном форелью, приготовленной на скорую руку Гретой, много гуляли, катались на лодке, купались только обнаженными, да и вообще не обременяли себя одеждами.

После возвращения в Лос-Анджелес Мерседес и Грета долгое время оставались неразлучными. Их роман вскоре стал одним из голливудских «секретов», о котором официальные представители студии предпочитали хранить молчание. Зато в творческих кругах он был одной из центральных тем, обсуждаемых на вечеринках и светских приемах. К середине 1932 г. идиллические отношения между подругами стали портиться. Мерседес все больше узнавала в Грете малоприятных черт. Ее начали раздражать занудное перечисление Гарбо блюд, которые она не употребляла (сама д'Акоста была вегетарианкой), безжалостное отношение к животным. Она стала понимать, что Грета всегда и во всем остается северянкой, со свойственными такого типа людям трезвостью ума и замкнутостью. В свою очередь Гарбо начала тяготиться экзальтированностью и южным темпераментом Мерседес. Они нередко ссорились. Осенью 1932 г. голливудская сценаристка Анита Лоос в одном из писем писала: «Роман Гарбо и Мерседес — что ни день, то новые сюрпризы. Между ними не раз вспыхивали ожесточенные ссоры, и в конце концов Гарбо просто хлопнула дверью, даже не попрощавшись. И тогда Мерседес полетела вслед за ней в Нью-Йорк, но Грета не захотела ее видеть. Мерседес прилетела назад в расстроенных чувствах».

После этого бывшие подружки еще не раз возвращались друг к другу, но их отношения уже были далеки от прежнего романтизма. Долгое время они вели переписку, которая постепенно из любовной превратилась в обычный обмен посланиями двух пожилых амбициозных дам. Лишь малая часть этой переписки была впоследствии опубликована. Большинство же писем, как и свои стихи, д'Акоста в 1960 г. передала Музею «Розенбах» с условием, что они будут храниться запечатанными и могут быть вскрытыми только через 10 лет после того, как обе женщины уйдут из жизни. Заветная коробочка с ними была открыта только в 2000 г. В ней оказалось 55 писем, 17 открыток, 15 телеграмм и 44 стихотворения д'Акосты. Но они проливают мало света на характер интимных отношений Мерседес и Греты. Хотя, обращаясь к д'Акосте, Гарбо называет ее неизменно

«сладкой» и «милочкой», во всем остальном трудно уловить признаки чувственной любви. Но это еще не основание для того, чтобы сомневаться в правдивости слов самой Мерседес, утверждавшей, что она была любовницей знаменитой кинодивы.

После расставания с Гарбо Мерседес все больше и больше времени стала проводить в компании Марлен Дитрих, которая давно проявляла к ней знаки симпатии. Она буквально забрасывала поэтессу цветами. Мерседес писала: «Я ходила по цветам, падала на цветы, спала на них». За цветочными подношениями последовали дорогие безделушки. Наконец Мерседес сдалась, и они начали встречаться. Роман, длившийся в течение нескольких лет, проходил под знаком соперничества между Гарбо и Дитрих. Мерседес так окончательно и не решила для себя, кому из них принадлежит ее сердце и принадлежит ли. Когда Марлен предложила ей жить вместе с ней и ее маленькой дочерью Марией одной семьей, д'Акоста отказалась. Ее ветреное сердце не стремилось к семейным узам. Она всегда хотела оставаться свободной в проявлении своих чувств и желаний. В 1939 г. Мерседес познакомилась еще с одной кинозвездой — Оной Мансон, известной по фильму «Унесенные ветром», где она играла чувственную леди в алом

Белль Уотлинг. Дитрих очень переживала измену, но поэтессу только развлекала ее ревность.

Мерседес была всегда уверена в своей привлекательности и часто говорила: «Я могу отбить любую женщину у любого мужчины». Эту способность она сохранила до глубокой старости. Д'Акоста умерла в 1968 г. При жизни ее произведения — романы, пьесы, киносценарии — были довольно популярны, а стихи часто публиковались в прессе. Сегодня же ее имя известно лишь благодаря любовным связям с не менее знаменитыми современницами.

Делорм Марион

Настоящее имя — Мария-Анна Граппэн (род. в 1606 г. — ум. в 1650 г.)

Знаменитая французская куртизанка, прославившаяся во времена Людовика XIII. Героиня романа А. Де Виньи «Сен-Мар», драмы В. Гюго «Марион Делорм» и др.

Первая среди парижских кокеток времен Людовика XIII, Марион Делорм прославилась своей связью с такими известными в мировой истории людьми, как кардинал Ришелье, герцог Бекингем и фаворит короля Сен-Мар. Все ее любовники, среди которых было и немало других, более скромных смертных, делились на четыре категории: одних куртизанка ласкала по велению сердца, других — ради денег, третьих — заманивая в сети политических интриг, и наконец четвертых — от скуки. Марион Делорм нельзя отнести к тем распутницам, которыми была переполнена в те времена французская столица. Скорее эту женщину можно назвать «героиней романов», воспетой выдающимися поэтами и писателями. Такие изящные грешницы, как Марион, не порицались обществом, более того, они считались образцом всяческих добродетелей. Даже такие моралисты, как Мольер, неустанно восхвалявшие добродетели и осуждавшие пороки, не только не находили в их поведении ничего предосудительного, напротив, возводили их на пьедестал. Благодаря красоте, уму и популярности Делорм даже принимали в великосветском обществе. Подобной чести удостаивалась далеко не каждая куртизанка.

Марион Делорм родилась в Шампани, в небольшом городке Шалоне на Марне, в семье судебного пристава Грап-пэна. Она была любимым и долгожданным ребенком. До того момента, как малышка появилась на свет, ее родители прожили в браке 12 лет, все эти годы умоляя Бога о том, чтобы он осчастливил их сыном или дочерью. Когда же 48-летний Граппэн узнал, что его жена Франсуаза готовится стать матерью, его радости не было предела. Крестными новорожденной стали знатные парижские вельможи маркиз де Вилларсо и его двоюродная сестра графиня Сент-Эвремон, которые, возвращаясь из путешествия по Германии, решили передохнуть в Шалоне. Так как в городке не было ни одной приличной гостиницы, они остановились в доме судебного пристава — в единственном месте, где «можно было безбоязненно провести ночь». Желая отблагодарить хозяев за гостеприимство, аристократы окрестили их дочь, названную по желанию графини

Марией-Анной.

Девочка подрастала и хорошела день ото дня, обещая в будущем стать настоящей красавицей. Нужно ли говорить о том, что родители души не чаяли в своей дочурке и всячески баловали ее. Но в 1618 г. мать 12-летней Марии-Анны умерла, после чего все изменилось. Мэтр Граппэн по службе находился в постоянных разъездах и не мог заниматься воспитанием дочери. Девочка очутилась на попечении старой служанки, которая была очень ленива и мало занималась порученной ее надзору барышней.

Когда Марии-Анне исполнилось пятнадцать, она решила брать уроки музыки у своего друга детства Лемудрю, сына суконщика. Юноша превосходно играл на лютне, и по воскресеньям весь Шалон сбегался в собор послушать его музыку. Отец девушки, разумеется, ничего не имел против занятий с юным музыкантом, ведь каждое желание дочери было для него законом. 22-летний учитель не мог нахвалиться способностями своей прелестной ученицы. Уже очень скоро Лемудрю понял, что «если музыка придает значение жизни, то и любовь в ней занимает не последнее место». Однажды музыкант рискнул поцеловать Марию-Анну, и подобному удовольствию молодые люди стали предаваться на каждом уроке. Но дальше поцелуев дело не продвинулось. Лемудрю, который в детстве хорошо знал мать своей ученицы Франсуазу и вспоминал о ней с теплотой и уважением, решил, что «перед лицом такой женщины он никогда не позволит себе обесчестить ее дочь». Марии-Анне он с грустью сказал о том, что слишком беден, чтобы назвать ее своей женой, и слишком уважает ее, чтобы сделать своей любовницей. Объяснившись, на следующий день Лемудрю в поисках счастья уехал в Париж.

Но «зло, называемое страстью» уже пустило глубокие корни в сердечке юной красавицы, и бегство Лемудрю только усилило его. Втайне от отца Мария-Анна написала письмо своей крестной матери, которую никогда не видела, если не считать дня крестин. В нем она изложила, что очень скучает в Шалоне, и попросила разрешения погостить в Париже. Графиня Сент-Эвремон сразу же ответила согласием и прислала за крестницей экипаж. Мэтр Граппэн не хотел отпускать дочь в столицу, но не смог устоять перед ее слезными мольбами. 16-летняя Мария-Анна Грап-пэн уехала из родного города, чтобы больше никогда туда не вернуться.

Графиня Сент-Эвремон была приятно поражена красотой своей крестницы. Вопреки ее переживаниям, Мария-Анна оказалась не простоватой и неуклюжей провинциалкой, а высокой стройной девушкой с темными густыми вьющимися волосами, нежной смуглой кожей и синими выразительными глазами. К

тому же красавица спокойно и с достоинством отвечала на все вопросы, которые ей задавали, и показала себя далеко не глупой. Вечером, когда в графском доме собрались гости, все они пришли в восторг от Марии-Анны, а на следующий день в парижских аристократических салонах только и говорили о прекрасной девушке. Графиня Сент-Эвремон поздравила свою крестницу с успехом и пожелала не останавливаться на полпути. Сложно сказать, о каком пути говорила тогда крестная, но, «очевидно, не о том, который ведет в рай, так как и сама она шла дорогой, далеко не безупречной». В этом не было ничего удивительного, так как Франция в период царствования Людовика XIII была «средоточием разврата и умственного застоя». Тем не менее именно этому периоду истории мы обязаны рождением Декарта, Паскаля, Расина и Мольера! О том, что представляла собой столица Франции в те годы, когда в ней очутилась юная

Мария-Анна, очень метко написал в одном из своих стихотворений поэт Скаррон:

«Масса скученных домов,
Грязь, навоз по всем бульварам,
Церкви, тюрьмы, ряд дворцов,
Лавки с плохоньким товаром,
Люди всех мастей и лет:
Тьма святош, развратниц шайки,
Кутежей вчерашних след,
Крючкотворцы, попрошайки;
Прощелыги, шулера,
На все руки мастера, —
За „тельцом златым“ в погоне, —
Слуг, пажей, воришек рой,
Стук колес, и крик, и вой, —
Вот Париж, как на ладони!»

Мария-Анна, которая и душой, и сердцем, и телом, и умом была рождена лишь для того, чтобы жить «в свое удовольствие», чувствовала себя в Париже как рыба в воде. Неслучайно среди многочисленных парижских «куртизанок чистейшей воды» ей принадлежало первое место.

Почти через месяц после того, как Мария-Анна оказалась в столице, пришло трагическое известие о скоропостижной смерти ее отца. Девушка искренне горевала о нем, но в череде бесконечных праздников, среди шумной, веселой публики долго предаваться печали было невозможно. К тому же в ее жизни появился сын министра финансов Генриха IV Жак-Валлэ Дебарро.

Этот 25-летний красавец и богач прославился своими эпикурейскими наклонностями и соперничеством в искусстве со скабрезным поэтом Теофилем де Вио. Его веселый нрав и остроумие сразу же привлекли Марию-Анну. Со своей стороны, Дебарро моментально решил, что эта красивая девушка — «слишком хорошая добыча, чтобы выпускать ее из рук». Он предложил свои услуги в качестве учителя пения Марии-Анны, на что графиня Сент-Эвремон дала свое согласие. Таким образом ловкий повеса получил возможность ежедневно в течение двух часов проводить время с прелестной красавицей. Но его полные страсти любовные признания не производили на девушку особого впечатления. Тогда, чтобы сделать Марию-Анну своей любовницей, Дебарро решил пойти на хитрость.

Однажды, когда графиня Сент-Эвремон и ее крестница прогуливались по бульвару, несколько человек, подкупленных Дебарро, окружили дам и принялись насмехаться над ними. Но тут, словно из-под земли, появился сам устроитель скандала и с легкостью дал отпор наглецам. Затем Дебарро проводил перепуганных дам домой. По дороге «смельчак» уверял женщин, что если бы не его геройский поступок, они наверняка были бы ограблены. Графиня Сент-Эвремон и Мария-Анна не знали как и благодарить своего спасителя. Хитрец Дебарро выбрал момент и снова признался в любви юной красавице, умоляя ее не запирать двери своей комнаты. Целую неделю наслаждался он ласками благодарной Марии-Анны, вкусившей, наконец, запретный плод. Днем плут скрывался в дровяном чулане, куда любовница носила ему еду, а ночь проводил с красавицей.

Вскоре они перебрались в роскошный по тем временам дом Дебарро, который назывался «Остров Кипр». Представляя прелестную любовницу своим друзьям, Дебарро стал называть ее Марион Делорм, решив, что это имя более благозвучно, чем провинциальное Мария-Анна Граппэн. Это придуманное имя утвердилось за куртизанкой навсегда. Полгода наслаждались любовники безмятежным счастьем. Марион казалось, что она по-настоящему полюбила Дебарро, но тот не мог принадлежать лишь одной женщине. Увлеченный новыми любовными приключениями, он надолго оставлял Марион скучать в одиночестве. Разрыв, против которого богатый повеса уже ничего не имел, был не за горами. Порвать с поднадоевшей любовницей ему помог случай.

Однажды за завтраком Марион услышала о музыканте, игрой которого восхищался весь Париж. Заручившись согласием Дебарро, Марион пригласила музыканта Лемудрю (а это был именно он) в свой салон. Она встретила друга детства в

роскошном наряде, сверкая ослепительными драгоценностями. Лемудрю был поражен, узнав в этой обольстительной женщине свою бывшую ученицу Марию-Анну. Упав перед красавицей на колени, он признался ей в любви, но судьба и на этот раз не улыбнулась музыканту. Его нежные признания прервал вошедший Дебарро, все это время подслушивавший за дверью. Лемудрю позорно бежал, а между любовниками произошло бурное выяснение отношений, после чего Марион была вынуждена оставить «Остров Кипр».

Избрав для себя далеко не безупречный образ жизни куртизанки, Делорм и дальше продолжала вести свободную жизнь. Она все чаще завязывала мимолетные непродолжительные интрижки. Ее любовниками были некий Рувилль, дравшийся из-за нее на дуэли с ла Фертэ-Сенэктэром, поэт Клавдий Киллье, президент Шалле… Один сменял другого — так продолжалось до тех пор, пока обворожительная куртизанка не попала в объятия всемогущего герцога Ришелье. Кардинал обожал любовные приключения, хотя всячески скрывал эту свою страсть. В глубине его сада для тайных встреч была построена великолепная беседка. Туда, переодетая в наряд пажа, который чрезвычайно шел ей, пробиралась и прелестная Марион. Когда же каприз кардинала прошел, он остался в добрых отношениях с бывшей любовницей. Очень вероятно, что Марион Делорм являлась тайным агентом Ришелье, так как, несмотря на свою «грешную» жизнь, эта женщина пользовалась всеобщим уважением. Принимая и посещая высшее общество, она могла оказывать кардиналу немало важных услуг.

Но в 1625 г. произошло событие, которое послужило причиной разрыва всяческих отношений Делорм и ее могущественного покровителя. Ко двору Людовика XIII прибыл посланник короля Карла I, его фаворит герцог Бекингем. Он сопровождал в Лондон невесту своего монарха Генриетту, сестру Людовика XIII. Придворные были поражены привлекательной внешностью, необычайной щедростью, и главное — дерзкими ухаживаниями Бекингема за королевой Анной Австрийской. Ришелье, безумно влюбленный в свою королеву, жестоко ревновал ее к красавцу-англичанину.

Однажды, прогуливаясь по бульвару, Бекингем увидел Марион Делорм. 19-летняя куртизанка была необычайно хороша. Сопровождавший Бекингема граф ла Фертэ, содержавший в то время Марион, предложил познакомить англичанина с прелестной кокеткой, если тот заплатит ему 25 ООО экю. Бекингем без сожаления расстался с деньгами — «что значат эти пустяки в сравнении с великолепной красавицей, обладание

которой стоит вдесятеро дороже?»

Марион Делорм, отлично понимавшая намерения сгоравшего от вожделения англичанина, не очень долго томила его. Стать любовницей Бекингема мечтали все придворные дамы, и она не хотела уступать им в этом. В один из вечеров, когда после ужина гости расположились за карточными столами, Марион увлекла Бекингема в ярко освещенный будуар. Не успел англичанин вымолвить и слова, как красавица предстала перед ним в костюме Евы. Герцог замер от восхищения: даже в ослепительном свете тело Марион было совершенно.

Ришелье, узнав о том, что его бывшая любовница и тайная шпионка отдалась послу Карла I, отвернулся от нее, а Бекингема поклялся уничтожить. Кардинал свое обещание сдержал — спустя три года, в августе 1628 г. английский герцог был предательски убит неким Джоном Фельтоном.

После смерти графини Сент-Эвремон постоянные гости ее салона перекочевали в дом Марион Делорм на Королевской площади. В те годы куртизанка пользовалась покровительством маршала де Мейре. Но стоило тому однажды отправиться в поход, как красавица сошлась с министром финансов Д'Эмри. Когда вернувшийся в Париж де Мейре узнал о поведении своей любовницы, он был взбешен. «Милый маршал, — ответила на его упреки Делорм, — вы там завоевывали чужие владения, здесь завоевали ваше… Это в порядке вещей, на что же сердиться?»

Дом куртизанки посещали многие известные ученые и литераторы, среди которых были Мильтон, Декарт, Корнель и совсем юный тогда Поклен, позднее прославившийся под псевдонимом Мольер.

В начале 1641 г. «отец философии» Декарт познакомил Марион и ее гостей со своим земляком, молодым Генрихом Куафье-де-Рюзэ маркизом д'Эффиа, который в истории более известен под именем Сен-Мар. По приказанию герцога Ришелье этот человек был назначен состоять при особе Людовика XIII с тем, чтобы развлекать меланхоличного монарха, а заодно доносить о всех его планах и проектах. Сен-Мар, быстро завоевавший расположение короля и получивший от него звание «великого конюшего», надежд кардинала не оправдал. В конце концов маркиз д'Эффиа поплатился за это своей жизнью.

При первом знакомстве Марион Делорм и Сен-Мар совершенно не испытали взаимных симпатий. 20-летний красавец-маркиз относился ко всему свысока, что не нравилось куртизанке, привыкшей к тому, чтобы ею восхищались и ей поклонялись. Поначалу и Сен-Мар не испытал восторга при виде Делорм: по его мнению, насмешливая улыбка этой 35-летней

куртизанки, ее несколько резкие манеры и привычка всеми повелевать делали ее маложенственной. Но хватило лишь одной ничтожной искры, чтобы в их сердцах рагорелся огонь любви. Маркиза звали Сен-Мар, что означает «пятое марта», а Мария-Анна Граппэн родилась именно в этот день. Влюбленные усмотрели в этом предопределение судьбы. Целый месяц Сен-Мар ежедневно приходил в салон Марион. Но вот странность: куртизанка, которая никогда не заставляла ждать своих возлюбленных, более того, сама шла навстречу их желаниям, на этот раз не уступала своей страсти в течение тридцати долгих дней. Впервые полюбив по-настоящему, она испытывала чувства молодого красавца, опасаясь, что, получив желаемое, он оставит ее. Но беспокойство Марион было напрасным: фаворит Людовика XIII искренне любил ее, и эту свою любовь он унес с собой в могилу.

Желая принадлежать лишь одному «обожаемому Генриху», Марион Делорм решительно порвала все связи со своими друзьями и поклонниками. Питая страсть к роскошным туалетам, красавица каждый раз встречала молодого любовника в новом наряде. Она почти целиком промотала отцовское состояние, но от Сен-Мара отказывалась принять даже один су, полагая, что это будет означать конец их любви.

Королевский двор был взволнован скандальной связью «великого конюшего» и прекрасной куртизанки. Отвергнутые поклонники Марион Делорм и недруги маркиза распространяли нелепые слухи об их тайном браке. Они надеялись, что это опорочит фаворита в глазах Людовика XIII, и добились своего. После вмешательства короля у маркиза не было иного выхода, как пообещать порвать отношения с куртизанкой. Но, успокоив своими обещаниями взволнованного монарха, Сен-Мар и не думал расставаться с Марион. Теперь он пробирался к возлюбленной тайно. Под покровом ночи маркиз попадал в ее покои по веревочной лестнице, которую она сбрасывала ему из окна. Их счастье было не долгим… В 1642 г. Сен-Мар был арестован и доставлен в Лион, где его казнили как преступника. Последняя ночь, проведенная с любимым Генрихом, навсегда осталась в памяти Марион Делорм. «Среди ночи, — рассказывала она позднее своей подруге Нинон де Ланкло, — Генрих, думая, что ему пора выезжать, быстро оделся и уже перешагнул через балконные перила, когда на колокольне соседской церкви пробило четыре часа. До рассвета оставалось около двух часов… Тогда, схватив меня, стоявшую в одной рубашке, на руки, он отнес меня в спальню… Эти два последние часа были самыми очаровательными в моей жизни! Я была уверена, что они никогда

не повторятся… Счастье не посещает нас дважды…»

После казни Генриха Марион Делорм больше года провела в полном одиночестве, оплакивая свою первую и единственную любовь. Но однажды она вдруг с ужасом обнаружила, что ее средства к существованию почти полностью иссякли. Марион, которая больше всего на свете боялась нищеты, волей-неволей снова вернулась к беспорядочной жизни куртизанки. Она продала себя старому ростовщику, немецкому еврею Натану Розельману, жившему в Париже.

Вскоре после казни Сен-Мара умер Ришелье, затем скончался Людовик XIII и на престол взошел его малолетний сын под регентством Анны Австрийской, которая целиком находилась под влиянием кардинала Мазарини. Все эти события вызвали серьезные волнения во Франции и особенно в Париже. Марион Делорм встала на сторону врагов королевы-матери и плела интриги против Мазарини. Ее, так неосторожно прикоснувшуюся к политике, ждала неминуемая месть кардинала, если бы внезапная смерть не освободила куртизанку от этой участи. Делорм умерла в 1650 г., когда ей было всего 44 года. Забеременев в пятый или шестой раз, она использовала слишком сильное средство, желая избавиться от беременности, и рассталась с жизнью. Марион Делорм болела всего три дня и за это время исповедовалась не менее десяти раз, снова и снова вспоминая о каком-либо грехе, в котором забыла признаться.

После смерти известной куртизанки Дебарро, первый любовник Марион, написал о ней следующие строки:

«О, бедная Марион Делорм!
Очарованье дивных форм
И совершенство красоты,
Все отдала могиле ты.
Когда красавицу от нас
Уносит смерть в нежданный час,
Всегда горюю я о том,
Как о несчастии большом!»

Некоторые историки не захотели смириться с тем, что знаменитая куртизанка так рано ушла из жизни, и на свет родилась любопытная легенда, из которой следует, что Марион Делорм, стремясь избежать Бастилии, накануне ареста распустила слух о своей смерти, а сама бежала в Англию. Там она вышла замуж за богатого лорда и, овдовев в 1661 г., решила вернуться во Францию. Но по пути она попала в руки разбойников, атаман которых увез Марион в Померанию и там

женился на ней. Во время одного из нападений он был убит. Овдовев вторично, Делорм наконец вернулась во Францию, где снова вышла замуж за прокурора-фискала Франсуа Лебрэна, которого пережила, как и первых двух мужей. В 1705 г., овдовев в третий раз, 99-летняя женщина была обворована и оставлена своими слугами. Последующие восемнадцать лет своей жизни она существовала, получая от одного услужливого друга старые долги, которыми раньше пренебрегала. В 1723 г., окончательно лишившись всех источников дохода, Делорм обратилась к Людовику XV с просьбой назначить ей пенсию. «Государь, — якобы писала она, — Вы платите историкам, лгущим на прошлое, когда в Париже существует живая летопись былого, первая глава которой относится к 1606 г., и она заговорит языком правды, если Вы, ваше величество, удостоите пожаловать к ней с расспросами, так как эта летопись — старая источенная червями книга, не могущая оставить своего переплета… Мое продолжительное существование проливает немного света на минувшие царствования, но, государь, эта лампада может завтра угаснуть, за неимением масла, если Вы, ваше величество, не захотите оживить ее». Монарх несколько раз навестил старую женщину, видевшую не только его деда, но и прапрадеда, и назначил ей пенсию, которую Марион Делорм получала до конца своих дней. Старая подруга Бекингема, Ришелье, Сен-Мара и многих других, она с удовольствием описывала события, прошедшие перед нею. Легенда гласит, что знаменитая куртизанка умерла в возрасте 134 лет.

Кому и зачем понадобилось придумывать эту историю, и действительно ли она является лишь выдумкой, остается полнейшей загадкой. Но самое удивительное, что в знаменитых «Летописях Круглого Окна» можно прочитать следующую запись: «Смерть Марион Делорм, в 1741 г., за два месяца до сто тридцать пятого года ее жизни, почти удивила парижан, привыкших смотреть на эту женщину, как на незыблемый памятник, упоминая одинаково башни собора Нотр-Дам и Марион, если говорили о том, что не поддается разрушительному времени».

Дельмас Любовь Александровна

Настоящая фамилия — Тищинская (род. в 1884 г. — ум. в 1969 г.)

Известная оперная певица, муза и любовница Александра Блока, вдохновившая его на создание цикла стихотворений «Кармен», «Арфа и скрипка», «Седое утро», «Соловьиный сад».

«Я не знаю, как это случилось, что я нашел Вас, не знаю и того, за что теряю Вас, но так надо. Надо, чтобы месяцы растянулись в годы, надо, чтобы сердце мое сейчас обливалось кровью, надо, чтобы я испытывал сейчас то, что не испытывал никогда, — точно с Вами я теряю последнее земное. Только Бог и я знаем, как я Вас люблю», — писал Блок своей возлюбленной Дельмас накануне разлуки. Неведомая сила, соединившая любовников на время, снова пыталась сделать их чужими друг другу. Они уезжали в разные города. Блок предчувствовал, что это конец любви…

Жизнь Любови Александровны была вереницей ярких и красочных событий. Веселая, раскованная, бесконечно влюбленная во все окружающее и потрясающе талантливая, Дельмас не могла не привлекать внимание обожателей. Этому способствовала и ее профессия оперной певицы. А петь ей нравилось еще с детства — у них в семье пели все, а Любе говорили, что с такими вокальными данными, как у нее, грешно дальше не учиться. Благодаря матери, она прекрасно играла на фортепиано, многое знала о театре и мечтала связать с ним жизнь. Поэтому поступила в Петербургскую консерваторию. И

надо сказать, училась блестяще, вызывая восторг преподавателей. Еще во время учебы Люба спела партию Ольги в «Евгении Онегине». Дебют прошел удачно, а дирижер назвал ее «музыкальным молодцом». Так Дельмас начала выступать в маленьких оперных партиях.

По окончании консерватории она отправилась в Клев, где, начав петь небольшие партии в операх «Фауст», «Снегурочка», «Борис Годунов», продолжала совершенствовать свое сценическое мастерство, брала уроки вокала. Киевский период принес актрисе ряд ролей, ставших для нее впоследствии основными: Амнерис («Аида»), Любаша («Царская невеста»), Иоанна («Орлеанская Дева»). В 1909 г., вернувшись в Петербург, Любовь Александровна попала в поле зрения блистательного Шаляпина. Корифей сцены предложил Дельмас принять участие в заграничном турне, и она с радостью согласилась. Это была огромная школа для певицы — постоянно наблюдать искусство гениального Шаляпина. Она по-прежнему много работала над собой, ее героини были очень яркими, каждый образ, созданный Дельмас, отличался завершенностью. Особый успех принесли ей партии Маделены («Риголетто»), Полины и Графини («Пиковая дама») и конечно же Кармен. Эта роль подарила Дельмас не только славу, но и любовь.

В 1913 г. она была приглашена на роль Кармен в художественную оперу «Музыкальная драма». Дельмас только что вернулась из Парижа, где на родине Мериме и Бизе слушала всех исполнительниц Кармен. Но французские Кармен не нравились певице — в них не было внутреннего огня, а одной красивой позы для передачи образа, конечно же, недостаточно. Как показать все переживания героини? Как выплеснуть на зрителя всю бурю цыганских страстей, тем самым заворожив и покорив его? Эти вопросы всерьез волновали Дельмас. В театре репетиции шли два раза в день. Испанию изучали очень подробно: нравы, обычаи, культуру. Дирекция предоставила гравюры, кинофильмы. Постепенно у Дельмас стал складываться свой образ Кармен. Репетиции окончились, начались выступления.

Она выходила на сцену, словно колдунья, с горящими глазами и пела, вкладывая в каждую ноту частицу своей души. Страстная, яркая, непревзойденная Кармен, способная на великую любовь и жгучую ненависть. Публика, затаив дыхание, переживала вместе с героиней, радовалась и плакала с Дельмас. Это был колоссальный успех. После нескольких выступлений Любовь Александровна получила письмо — чудесный конверт с печатью А. Б. и роскошный букет алых роз. Восторженные послания были не в диковинку для певицы. Она привыкла к

страстным запискам с мольбами о свидании, к шикарным букетам поклонников. Но это письмо глубоко взволновало ее:

«Я смотрю на Вас в „Кармен“ третий раз, и волнение растет с каждым разом. Прекрасно знаю, что я неизбежно влюблюсь в Вас, едва Вы появитесь на сцене. Не влюбиться в Вас, смотря на Вашу голову, на Ваше лицо, на Ваш стан — невозможно. Я думаю, что мог бы с Вами познакомиться, думаю, что Вы позволили бы мне смотреть на Вас, что Вы знаете, может быть, мое имя. Я не мальчик, я знаю эту адскую музыку влюбленности, от которой стон стоит во всем существе и которой нет никакого исхода. Думаю, что Вы знаете это, раз Вы так знаете Кармен…»

После каждого выступления в «Кармен» Дельмас получала письма от своего нового поклонника, присылал он и стихи, посвященные ей, засыпал цветами. Она уже почти любила этого таинственного воздыхателя, но еще не была знакома с ним.

Однажды в свободный от выступления день Дельмас приехала в театр по своим делам. Дирижер подошел к ней, схватил за руку и с восторгом спросил: «А вы знаете, что в вас влюблен известный поэт Александр Блок, он сейчас в театре, хотите — я вас с ним познакомлю, он очень интересный, с такими чудными глазами». Любовь Александровна смутилась: с одной стороны, она давно ждала удобного случая для знакомства, а с другой — что-то необъяснимое творилось в ее душе. Чувства сменяли друг друга: сомнения, страх, любопытство. Она спешно покинула театр и вернулась домой. В задумчивости бродила по комнатам и… ждала его.

Через несколько дней она снова получила письмо и стихи: Блок просил позвонить ему. И Дельмас решилась. Оказалось, что этот звонок разделил ее жизнь на две половины — до встречи с поэтом и после. Любовь Александровну страшно взволновал его робкий голос на другом конце провода: «Хочу увидеть и познакомиться с вами». Они встретились. Долго молчали и рассматривали друг друга. Наконец Дельмас заговорила. Певицу интересовало, что именно в ней так привлекло Блока. Понемногу скованность прошла. Через час они уже беседовали как старые друзья. Говорили обо всем и не могли наговориться, опьяненные новым чувством, так внезапно нахлынувшим на них. Эта первая встреча надолго запомнилась обоим — розы, звонкий смех и пьянящий запах духов Кармен-Дельмас.

«Ты станешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов…»

— написал Блок, придя домой.

Как оказалось, они жили на одной улице, через несколько домов. Отдавшись своему чувству, забыв обо всем, Блок и Дельмас виделись каждый день. Им было хорошо вместе, они понимали друг друга. «Принимайте меня таким, как я есть: я — сложный, Вы — не менее сложная, чем я, но только более владеете своею сложностью», — часто говорил поэт своей возлюбленной. И Любовь Александровна соглашалась с ним — выслушивала, не судила за его взгляды, просто наслаждалась выпавшим на ее долю счастьем. Как хорошо было бродить вдвоем по спящему Петербургу, вслушиваться в гудки пароходов на Неве! Они ужинали в ресторанах, пили кофе на вокзале, ездили на Елагин остров, гуляли в парке, ходили в кинематограф, почти не расставались. Блок был опьянен ею, сходил с ума от плеч, губ, колен Дельмас. Она стала его богиней, любовницей и музой, вдохновившей на создание многих стихотворений. В глазах Блока это была самая чудесная из женщин, непревзойденная Кармен. Была ли Дельмас так потрясающе красива, как изображал ее Блок?

«Все его женщины, — отмечал Орлов, один из исследователей творчества поэта, — были некрасивы, но прекрасны, — вернее сказать, такими он сотворил их — и заставил нас поверить в его творение».

За короткое время они стали действительно близкими и родными людьми. Блок чрезвычайно все усложнял в своей жизни, брал на себя лишний груз переживаний. А Дельмас — неизменно веселая, преисполненная радостью бытия, была тем связующим звеном, которое соединяло поэта с реальным миром. Она дала ему возможность стать счастливым человеком.

Окружающие с удовольствием отмечали, как поразительно они подходят друг другу. На литературном вечере, состоявшемся в годовщину их знакомства, они выступали вместе — Блок читал стихи, а Дельмас пела романсы на его слова. Зрители были поражены этой гармоничной парой. Дельмас была особенно хороша в тот вечер в своем лиловом открытом платье. Блок смотрел на ее лицо и не мог отвести глаз, а она отвечала ему такими же страстными взглядами…

Но, к сожалению, этот роман длился недолго. Блока все чаще и чаще посещали тревожные мысли, он думал о судьбе Отечества (приближался 1917 год), вплетались в эти размышления и мысли о жене. Дельмас изо всех сил пыталась отвлечь любимого от мрачных раздумий. Тоска была противна ей, тяжелые разговоры

разрушали то светлое и легкое, что хранила она в душе. Они резко расходились во взглядах на искусство, на роль и судьбу художника в обществе. Блок считал, что удел поэта — потери и страдания, Любовь Александровна доказывала, что следует наслаждаться жизнью, отбросив грусть. Они часто спорили, понимая, что ничего не докажут друг другу. Блок решил, что пора расставаться, как бы больно это ни было. «Никогда, никогда не поймем друг друга мы, влюбленные друг в друга», — приходит он к печальному заключению.

В отношениях любовников наступил «период отлива». Нет, последние, решающие слова еще не были сказаны, но они разъехались на некоторое время. Любовь Александровна отправилась к себе на родину — в Чернигов, Блок уехал в Шахматово. Они посылали друг другу редкие письма, понимая, что прошлого уже не вернуть. Поэт был благодарен своей возлюбленной за краткий миг счастья, подаренный ему. Решив, что все закончилось, Блок вернулся к жене.

Дельмас пережила разрыв с улыбкой. В силу своего характера она сохранила к поэту дружеские чувства. Иногда они встречались, иногда певица отправляла ему корзину роз, заботилась о нем, пытаясь как-то поддержать. Но Блок, неумолимо приближавшийся к своей гибели, без энтузиазма принимал знаки ее внимания. Последние годы его жизни они практически не виделись. Иногда поэт проходил мимо ее дома, с тоской глядел в заветное окно.

Добровольно отказавшись от счастья, Блок жалел об этом до самого последнего дня. Он умер в 1921 г. Дельмас пережила его почти на полвека. А от их любви остались лишь прекрасные строки:

«О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно — я твой!
Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!
Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен…»

Дитрих Марлен

Настоящее имя — Мария Магдалена фон Лош (род. в 1901 г. — ум в 1992 г.)

Известная немецкая киноактриса, ставшая легендой и идолом киноэкрана. Автор книги «Азбука моей жизни»

(1963 г.) и мемуаров «Размышления» и «Возьми жизнь мою». Всю жизнь она состояла в законном браке, но отдавала предпочтение любовным отношениям с талантливыми, интеллектуальными мужчинами.

Если лунной ночью поднять глаза к небу, то можно погрузиться в нескончаемое звездное море. Его красота завораживает и притягивает. Астрономы упорно прослеживают зарождение, небольшой участок пути или смерть каждой звезды. Говорят, что когда звезда умирает, она прекращает пульсировать, но ровный свет летит сквозь космическую бездну еще тысячи лет. Астрологам звезды сообщают по секрету о невидимой, сокровенной сути личности. Особенно всем интересно, что же осталось «за кадром» в биографии какой-либо земной экранной звезды, что послужило причиной ее вспышки и неугасающей славы.

Астролог Феликс Величко, составив гороскоп Великой Марлен, сразу же заметил, что настоящую Дитрих не знал никто. «Очень скрытный, сдержанный человек, в тихом омуте которого водятся черти. Скорее всего, имя и фамилия у нее вымышленные, и родилась она, вероятно, в дворянской семье… У нее чувства были подчинены рассудку. В душу свою она вряд ли кого-то

пускала — это типичный одинокий путник на дороге жизни, которая, чем ближе к концу, тем ухабистее. Подсознание актрисы — это кипящий ад, причиняющий ей много страданий, начиная с разрыва с семьей и кончая одиночеством наедине с депрессивным состоянием… Марлен Дитрих сильно влекло к мужчинам, хотя бы для того, чтобы показать свою власть над ними… и наказать за дерзость. Люди с сильной Черной Луной в гороскопе, при всей их талантливости, обычно проживают трагическую жизнь. Но, к счастью, именно в творчестве могла приоткрыться плотно закрытая заслонка ее души…»

Актриса в своих сердечных и, на первый взгляд, искренних мемуарах поведала миру о том, что посчитала нужным, чтобы ее неувядаемый образ не потускнел. «Мое настоящее имя Марлен Дитрих. Это не псевдоним, как все утверждают. Спросите любую мою школьную подругу, она подтвердит вам это!» На самом же деле вторую дочь родовитого высокопоставленного военного звали Мария Магдалена фон Лош. Она родилась 27 декабря 1901 г. в маленьком городке неподалеку от Берлина. Имя Марлен девочка придумала себе в 13 лет, соединив вместе два настоящих, а сценическая фамилия БˆпсИ («отмычка» — нем.) обозначает ключ, открывающий старые замки. Детство Марлен прошло в прекрасном доме на Линденштрассе, рядом с богатым ювелирным магазином «Конрад Фельсинг», принадлежавшим по наследству ее матери Жозефине. Отец (он погиб в Первую мировую войну) и два отчима в воспитании девочки участия не принимали, всем занималась мать. Как достойная представительница немецкой аристократии, она без особой нежности и теплоты, но с исключительным вниманием следила, чтобы дочь следовала ее строгим и ясным жизненным принципам: чувству долга, любви к любому делу, верности и контролю над своими чувствами. Мать стала для Марлен образцом стойкости, а бабушка — эталоном вкуса, элегантности и очарования.

Семья ни в чем не нуждалась, и девочка получила прекрасное гуманитарное образование: хорошо знала и любила французский и английский языки и литературу, увлекалась поэзией и философией, занималась гимнастикой и, особенно серьезно, музыкой. Она часами играла на рояле и лютне, педагоги пансиона-интерната в Веймаре и профессор Флеш из музыкальной академии считали, что будущее Марлен — это скрипка. Однако музыкальное образование пришлось прервать из-за серьезного воспаления сухожилий руки. Это стало первым ударом в жизни, крушением юношеских надежд. Она перенесла его стойко, не раскисла и решила попробовать свои силы в известной театральной «Рейнхардт-школе». Актриса из Марлен

получилась на редкость заурядная. «В течение одного вечера я могла играть служанку в первом театре, затем автобусом или трамваем добиралась до второго театра, в спектакле которого играла одну из амазонок, в третьем театре, например, играла роль проститутки». На грим уходило больше времени, чем на исполнение роли. Но девиз матери: «Не расслабляйся, делай что-нибудь!» — не позволял Марлен упасть духом.

Для поисков собственного стиля и места в жизни времени у Дитрих было предостаточно, тем более что в театре она играла не ради куска хлеба. Марлен все было интересно испытать. Первые съемки в кино, первая любовь. Помощник режиссера в фильме «Трагедия любви» Рудольф Зибер был «высоким, красивым, белокурым и умным». Несмотря на протесты матери, спустя год после помолвки они поженились (1924 г.) и вскоре радовались рождению дочери Марии.

Марлен вернулась к работе в театрах, кино и выступлениям в кабаре и ночных клубах. В 1926 г. она выступала в ревю «Из уст в уста» с Клэр Вальдорф, которая ввела Дитрих в загадочный мир бисексуалов и научила ее небрежной и упрямо-нагловатой манере поведения на публике. Вместе с элегантной француженкой Марго Лион она исполняла развлекательно-лесбийский дуэт в ревю «Носится в воздухе». Презрев нормы аристократического поведения, Дитрих в коротком нижнем белье смело фотографировалась для рекламы у известного фотографа М. Бадикова.

Марлен прекрасно осознавала, что как актриса она была «полным нулем», но на одном из спектаклей своей неуловимой эротичностью привлекла внимание знаменитого американского режиссера Джозефа фон Штернберга, снимавшего в Берлине первый звуковой фильм. Он стал для Дитрих Пигмалионом, вылепившим и оживившим неповторимый экранный образ, с боем утвердив ее на роль Лолы, певички из портового кабака, в фильме «Голубой ангел». «О нет, — утверждал режиссер, — я не открыл Дитрих, я только учитель, взявший на роль прекрасную женщину, усиливший ее шарм, маскирующий ее недостатки и в результате выкристаллизовавший подлинный образ Афродиты».

Марлен беспрекословно следовала каждому его повелению: вырвала коренные зубы, чтобы на фоне широких скул образовались впадины щек, села на голодную диету, не говоря уже о таких «мелочах», как форма бровей. Лицо с «самыми голубыми в мире немецкими глазами» получило то скульптурное очертание и ореол загадочности, которые так притягивали зрителей. «Ренуар кинематографа» (так называли Штернберга коллеги) научил Марлен красоте порока, красоте искусственного

мира, он окутал ее покрывалами из газа и заставил смотреть на мир сквозь полуприкрытые веки. Она вызывающе глядела в камеру, в то время как остальные три были направлены на ее ноги — единственное, что осталось из ее родовой «конюшни». Теперь Марлен даже не приходилось играть: она стала «женщиной в стиле Рубенса, крепкой, жизнеутверждающейся, полной секса, о которой мечтали все нормальные мужчины». Ее кинообраз был обречен на успех, но он стал неотделим от Дитрих и в жизни.

Леди до мозга костей с шармом роковой женщины с тонким флером эротики — такой мистической смесью предстала она перед зрителем. «Голубой ангел» открыл ей дорогу к славе. Весной 1930 г. Дитрих, с согласия мужа, отправилась в США вслед за Штернбергом, который стал для нее всем: «исповедником, критиком, советчиком, ходатаем за меня и моих домочадцев, менеджером» и, конечно, любовником. Марлен не хранила верности своему официальному мужу, но заботилась о нем. При первой же возможности она перевезла в Америку дочку, а затем и Рудольфа Зибера и поселила их в своем шикарном особняке на Беверли Хилз, комнаты которого были обиты белым мехом. «Мистер Дитрих» спокойно играл роль подкаблучника своей знаменитой жены. Он терпел всех ее обожателей, находя утешение в объятиях русской эмигрантки Тамми (Тамары Матул) — их домработницы и няни. Маленькая Мария тоже испытывала большую привязанность к ней, чем к своей недосягаемой матери, как бы та о ней ни заботилась.

Совместные фильмы Штернберга и Дитрих («Марокко», «Обесчещенная», «Шанхайский экспресс», «Белокурая Венера», «Дьявол — это женщина»), снятые в период 1930–1935 гг., имели фантастический успех. «Загадочная леди» заставляла лица зрителей светлеть при виде ее на экране. Обаяние, шарм, чары — можно назвать как угодно — исходили от этой женщины. Кого бы ни играла Марлен — от замызганной цыганки до величественной русской императрицы, — она оставалась блистательной и стала образцом для подражания. Одновременно в ней раскрылся актерский дар. Альфред Хичкок, у которого Дитрих снялась в единственном фильме «Боязнь сцены» (1950 г.), считал, что «она профессиональная актриса, профессиональный оператор, профессиональный модельер». Все, кто работал с ней, были восхищены ее трудолюбием, энергией и умением вникать в детали. Марлен знала все о линзах, софитах, была своим человеком у осветителей, гримеров, в монтажной и реквизитной, на экране умела пользоваться взглядом, жестом, намеком, недосказанностью и, конечно, костюмом.

«Фатальная женщина» работала над своими нарядами на уровне с прославленными модельерами и обыкновенными швеями. Идеи баснословно дорогих, но неправдоподобно оригинальных нарядов всегда принадлежали ей, как и введенная для женщин мода на мужской брючный костюм. Эдит Хэд, награжденная восемью «Оскарами» как художник по костюмам, с уважением отмечала: «Платья не творятся для Дитрих, они творятся вместе с ней». Это был не каприз звезды, этого требовал образ. Портные и стилисты вспоминали, как она неподвижно простаивала семь-восемь часов на примерках, с неистощимой фантазией и с точностью до миллиметра указывала, где должна быть блестка, как сама ловко орудовала иглой, и говорили, что Марлен была для них «и кошмаром и праздником».

«Галатея», созданная гением Штернберга, с 1935 г. зажила самостоятельно, теперь она творила себя сама. Еще в начале работы в Голливуде она спросила у своего режиссера, не стоит ли ей изменить имя. Тот ответил: «Твое имя будут учить наизусть». Он был прав. Фильмы с участием Дитрих имели бешеный успех во всех странах, она была не только актрисой, она стала типом женщины — «Марлен Дитрих», тем образом, который пытались копировать, но не могли повторить. Мифическая Марлен снималась и у других режиссеров («Желание», «Ангел», «Нью-Орлеанский огонек», «Ранчо, пользующееся дурной славой», «Зарубежный роман» и др.). И даже если фильмы были не совсем удачными, ее роль была безупречна и запоминалась. Постепенно экранный образ Дитрих сменился: роковая дама уступила место интеллектуальной женщине с поразительным чувством юмора.

Неизменными оставались чары Дитрих и редкий по звучанию, гипнотизирующий голос, которым она завораживала миллионы зрителей и своих многочисленных мужчин. Эрнест Хемингуэй писал, что «если бы у нее не было ничего другого, кроме ее голоса, все равно одним этим она могла бы разбить вам сердце. Но у нее еще такая прекрасная фигура, эти бесконечные ноги (они были застрахованы Ллойдом на миллион марок) и не подверженное времени очарование лица…» Марлен тоже восхищалась Великим Хемом: «Я никогда не переставала любить его, но мы никогда не жили вместе». Телефон, письма, редкие встречи. То он был занят другой женщиной, то она не свободна. Марлен даже выступала в роли свахи и уговорила «Венеру карманного размера», Мэри Уэлш, стать женой «своей гибралтарской скалы» (так Дитрих величала Эрнеста). В своих воспоминаниях она признавалась: «Наша любовь продолжалась много, много лет (почти тридцать) без надежд и желаний. По-видимому, нас связывала полная безнадежность, которую

испытывали мы оба». Марлен везде возила фото Хемингуэя с дарственной надписью: «Моей милой капусте», и ее согревали слова одного из писем: «Я забываю о тебе иногда, как забываю, что бьется мое сердце».

Дитрих привлекали только интеллектуальные, образованные и талантливые мужчины. В Венеции в 1935 г. она познакомилась с Ремарком и последовала за ним в Париж. Марлен преклонялась перед его мужеством и талантом. «Это было изумительно. Он не тянул меня в постель. Я была рада тому, что мы могли просто сидеть и разговаривать… И засыпая, все же любить друг друга. И от этого становилось так хорошо». Когда в 1946 г. вышел новый роман Ремарка «Триумфальная арка», многие узнали в главной героине Марлен и поняли, как печально для писателя закончилась их связь: «Ты не хочешь меня потерять, но ты не хочешь потерять и другого. Вот в чем суть. Ты можешь так жить. Когда-то и я мог так. А вот с тобой не могу. Поэтому я должен избавиться от тебя. Пока еще могу». Ремарк страдал, что на протяжении нескольких лет вынужден был делить Марлен с мужем, а затем с ее новым увлечением, актером Джеймсом Стюартом.

Мистическая Марлен обольщала многих. Знаменитый шансонье Морис Шевалье ради нее развелся с женой, отказался от выгодных контрактов, но когда пришел и сказал: «Вот я, возьми меня», — оказалось, что Дитрих уже увлечена другим. Любовник Греты Гарбо, актер Джон Гилберт расторг помолвку и долго преследовал Марлен. Чтобы избавиться от надоевшего поклонника, она просто-на-просто загоняла его до предынфарктного состояния на теннисном корте. Ведь на очереди уже стояли новые, не менее знаменитые претенденты на ее сердце и тело. Дитрих не любила отказывать своим поклонникам: «Они такие милые, когда просят… А потом ужасно счастливы. Вот и нельзя отказать…»

Но самой большой любовью в жизни Марлен стал Жан Габен — молодой, ослепительно красивый блондин с синими глазами и, главное, талантливый. После непродолжительного знакомства в Берлине они вновь встретились в феврале 1941 г., когда он с трудом вырвался из оккупированной Франции. Дитрих вначале просто опекала его, как и многих других эмигрантов. К тому же она с детства очень любила Францию и все французское, а фашизм ненавидела. Любимая актриса Гитлера отказалась от его многочисленных предложений вернуться в Германию и «возглавить киноиндустрию нашего великого рейха». Для Марлен разрыв с родиной был очень болезненным, но она не только отвергла такую сомнительную честь, но и в 1938 г. приняла

американское гражданство (многие немцы до сих пор не могут простить ей этого — могила Дитрих постоянно подвергается осквернению), активно участвовала в антифашистском движении, собрала миллион долларов для нужд фронта, вступила в «Голливудский комитет», который помогал освобождать людей из концлагерей, и опекала их вдали от родины. Так и для Габена Марлен стала переводчиком, импресарио и даже кухаркой, потому что ему не нравилась американская еда.

Их знаменитый роман был продолжительным, страстным и измучил обоих. «Жан был самым чувственным, самым нежным из всех, кого я встречала, и самым жестоким. Но он всегда был прав». Поговаривали, что он даже бил «Легенду Голливуда». Марлен все прощала. Вот строчки из ее дневника: «Я думаю о нем. Я бы отдала годы своей жизни за несколько секунд встречи с ним. Жан, я люблю тебя. Я в твоей постели. Мое тело холодное, и я разглядываю его. Я не красивая. Я хотела бы быть красивой, как ты. Когда ты рядом, я могу больше не думать, не говорить. Мои глаза, мои губы, мои ноги раскроются тебе навстречу и скажут все сами. Приди и возьми меня, как ты брал прежде. Ты мне нужен, чтобы жить. Если ты захочешь ребенка, я рожу его, как если бы мы были мужем и женой. Получить развод я могла бы гораздо быстрее. Я люблю тебя каждой каплей крови в моем теле и думаю только о том, что хочу быть рядом с тобой».

Но шла война. Полный патриотизма Габен, разорвав с киностудией контракт, отправился на фронт, а следом надела военную форму и Дитрих. Три года с концертной бригадой она выступала в прифронтовой полосе в Африке, Сицилии, Италии, Исландии, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии. Своим неповторимым голосом она пела солдатам песни из своих фильмов. Зимой 1944 г., узнав, что поблизости находится танковая часть, в которой служит ее Жан, Марлен исколесила все вокруг, чтобы на минуту прижаться к нему, услышать «черт побери» и остаться стоять посреди поля «в огромной туче пыли и затихающего рокота моторов».

У знаменитой актрисы Дитрих нет ни одной престижной кинематографической награды, зато есть фронтовые: Медаль Свободы (США) и орден Почетного легиона (Франция). Жан Габен гордился своей героической возлюбленной, мечтал создать семью, жить и работать с ней в Париже. Но денежные дела, вконец расстроенные войной, обязательства Марлен перед «всеми Дитрихами», которых она содержала, заставляли ее подолгу задерживаться в Америке (во Франции они снялись в одном, увы, неудачном фильме «Мартен Руманьяк», 1946 г.). Ее «Остров счастья» по имени Жан вначале завел любовницу, а затем

женился. Марлен была в отчаянии, а он — счастлив с Доминик Фурье, родившей ему троих детей, и полностью прекратил общение с бывшей возлюбленной. Дитрих упрямо продолжала считать себя женой Габена и после его смерти в 1976 г. заявила журналистам: «Похоронив Жана, я овдовела во второй раз» (незадолго до этого скончался Рудольф Зибер).

Но одиночество Дитрих не грозило. Несколько лет у нее продолжался роман с американским актером и режиссером Юлом Бриннером, пьющим, женатым, постоянно хандрящим и тоскующим: «Я подыхаю от любви к тебе. Господи, как мне тебя не хватает. Куда бы я не пошел, без тебя это лишено смысла…» Сменил его итальянский актер Раф Валлоне: «Марлен, ты можешь находиться, где угодно, все равно ты на своем месте: в моей душе. Всякий раз, когда я ощущаю усталость от окружающей пошлости, ты вносишь в мою жизнь новые силы».

Таких писем к Марлен от разных мужчин было много. Они любили ее и преклонялись перед ней не только как перед неповторимой экранной дивой. Дитрих, будучи необычайно цельной и серьезной личностью, выдержав не один удар судьбы, оставалась доброй, мягкой, романтичной и сентиментальной женщиной, хорошим товарищем для всех без исключения, знакомых и незнакомых людей. Она жертвовала огромные суммы детским домам и больницам, помогала кому только могла. Режиссер Б. Уайлдер, снимавший Марлен в фильме «Свидетель обвинения» (1957 г.), писал, что «в действительности она была сестрой милосердия и домашней хозяйкой… Матерью Терезой, только с красивыми ногами. Стоило осветителю на лесах чихнуть, как она неслась в гримерную за каплями и таблетками». Такую будничную Марлен любили все без исключения и удивлялись, что после серии неудач в кино, где неумелые режиссеры пытались тиражировать образ певички Лолы, она сумела отказаться от ролей, которые давно переросла, и начать жизнь заново на эстраде.

С музыкальным шоу Дитрих объездила весь мир: от Лас-Вегаса до Москвы. Она появлялась в узком луче света на сцене, красивая, элегантная, шикарно одетая, и пела песни военных лет и из своих фильмов. Марлен работала с огромной самоотдачей, хотя впервые как солирующая певица выступила в 52 года. «Ее голос — спокойный альт, который иногда переходит в шепот, то вдруг срывается в звенящий баритон. Она как бы проговаривает песни. Временами трудно понять слова, но это не имеет значения. Видеть Марлен — такая же радость, как и слышать. Она неподражаема. Ее манера исполнения изысканна, странновата и все же лирична. Она прославляет любовь так, как это никому из

певцов ее поколения не удавалось». Так писал после посещения концерта Дитрих влиятельный критик Элиот Нортон.

Десять лет во всех гастрольных поездках Марлен сопровождал Берт Бакарак, композитор, импровизатор, талантливый пианист. Почти тридцатилетняя разница в возрасте не смущала молодого мужчину, он был пылко влюблен в прекрасную и нестареющую женщину. И она, согретая его искренним теплом, была бесконечно счастлива. «Я стирала ему рубашки и носки, сушила его смокинг в театре в перерыве между представлениями. Он благосклонно принимал все. Он удивительный человек, я хочу, чтобы об этом знали все». Но счастье, как и прежде, оказалось изменчивым. В жены Берт выбрал молодую. Разрыв был болезненным и поверг Марлен в тяжелейшую депрессию, она стала злоупотреблять спиртным. Но Дитрих выдержала и этот удар и еще десять лет с потрясающим успехом выступала на эстраде. На киноэкране зритель вновь увидел ее только дважды. В антифашистском фильме С. Крамера «Нюрнбергский процесс» (1961 г.) она создала абсолютно новый, далекий от ее привычного имиджа образ. На закате своей карьеры актриса Дитрих полностью взяла реванш над мифической дивой. Фильм «Прекрасный жиголо — бедный жиголо» (1978 г.) запомнился зрителям песней «Всего лишь жиголо» в исполнении Марлен.

В 1975 г. Дитрих вынуждена была сойти с эстрады. Во время концерта в Сиднее, будучи нетрезвой, она неудачно упала на сцене и получила тяжелый перелом шейки бедра. Спустя четыре года — еще один серьезнейший перелом ноги, после которого она уже не могла самостоятельно передвигаться. Марлен поселилась в своей небольшой парижской квартире. И даже ближайшие друзья не подозревали, что «великолепная Дитрих» прикована к инвалидному креслу, а последние пять лет — к постели. По телефону она убеждала всех, что не страдает от одиночества. Марлен писала мемуары, как всегда много читала и очень страдала от невнимания дочери — неудавшейся актрисы, но благополучной жены и матери четырех сыновей. Дитрих каждый день звонила ей, лишь бы услышать ее голос.

Великая актриса избрала для себя добровольное затворничество — «голубой ангел» не мог упасть со своего пьедестала. Марлен с присущим ей мужеством «держала удар». Но предательства дочери пережить не смогла. Мария в 1992 г. издала книгу «Моя мать Марлен», написанную в худших традициях бульварной литературы. Даже падкие на «жареное» журналисты, следящие за каждым шагом «недосягаемой, как миф, Марлен», признали, что половина изложенных фактов —

злостный вымысел. Сердце матери, прочитавшей это «произведение», не выдержало.

Марлен Дитрих скончалась 6 мая 1992 г. и согласно ее последней воле была похоронена в Берлине рядом со своей матерью. Три державы — США, Франция и Германия отдали дань уважения и признания легендарной киноактрисе, неповторимой певице и мужественной героической женщине, укрыв ее гроб государственными флагами. И только ни один из ее возлюбленных не склонил в печали голову. Мистическая Марлен пережила их всех и… себя.

«Поэтому я хочу приветствовать не только твою красоту, сколько душу. Она светится в тебе, как луч света в морской волне, светящейся волне, приносящей издалека, словно подарок, свой свет, свой голос… — писал Жан Кокто. — От блесток „Голубого ангела“ до смокинга „Марокко“, от неказистого черного платья „Обесчещенной“ до пышных перьев „Шанхайского экспресса“, от бриллиантов „Желания“ до американской военной формы, от порта к порту, от рифа к рифу, от мола к молу носится на всех парусах фрегат, Жар-птица, легенда-чудо — Марлен Дитрих».

Долгорукая Екатерина Михайловна

(род. в 1847 г. — ум. в 1922 г.)

Русская княжна. После четырнадцати лет любовной связи с государем Александром II стала его женой, получив титул светлейшей княгини Юрьевской.

Вряд ли сейчас кто-то помнит о том, что 15 февраля 1922 г. ушла из жизни последняя русская — по крови — царица. Она умирала далеко от России, в Ницце, на собственной вилле Жорж, где провела более тридцати лет своей жизни. Всеми забытая на чужбине, эта женщина благодарила судьбу за то, что никто не тревожит ее воспоминаний. Сама же она никогда не забывала о том, кого так самозабвенно любила. Не было дня, чтобы она не молилась за упокой души раба божьего Александра и ждала лишь часа, когда соединится с ним на небесах. Снова и снова она уносилась памятью в ту далекую пору, когда была молода и счастлива, любила и была любима…

Их первая встреча произошла случайно. В августе 1857 г. недавно ставший императором Александр II направлялся на маневры, проходившие под Полтавой (по другим данным, где-то на Волыни), и остановился в поместье князя Михаила Долгорукого, Тепловке. 10-летняя Катя очень хорошо запомнила высокого видного мужчину с пышными усами и ласковым взглядом. В ту пору Александру II было 39 лет. Впервые Катенька увидела императора, когда гуляла в саду. Он подошел к ней и спросил, кто она такая, на что девочка важно ответила: «Я — Екатерина Михайловна». «А что ты ищешь здесь?» —

полюбопытствовал царь. Слегка смутившись, она ответила: «Мне хочется видеть императора». Это рассмешило Александра Николаевича, и, как передает его биограф Морис Палеолог, он усадил Катюшу на колени и немного поболтал с ней. На следующий день, встретив девочку, государь изысканно-любезно, словно она была знатной дамой, попросил ее показать ему сад. Они долго гуляли вместе. Для Катеньки этот день остался памятным на всю жизнь. С тех пор ей иногда приходилось видеть императора; она знала о его особом расположении к их семье. Отец Катеньки, принадлежащий к древнему роду князей Долгоруких, рано умер, оставив множество долгов. Чтобы оградить семью от настойчивых кредиторов, Александр II взял Тепловку под свою «императорскую опеку». В числе всевозможных расходов государь полностью оплачивал и расходы по содержанию шестерых оставшихся после смерти князя детей — четверых сыновей и двух дочерей.

Когда подошло время, Екатерину вместе с ее младшей сестрой Марией определили на учебу в Смольный институт. Обе девушки были прелестны и выделялись среди других редкой красотой. Лицо старшей, Екатерины, в обрамлении густых каштановых волос, казалось словно высеченным из слоновой кости. По традиции царь часто посещал Смольный институт, который находился под патронатом императорской семьи. Встретив здесь однажды Екатерину Долгорукую, он узнал в ней ту самую милую девочку из Тепловки. Все чаще Александр II стал бывать в Смольном. Было заметно, что девице Долгорукой государь оказывает особое расположение.

Когда Екатерина окончила институт, ей было всего семнадцать. Она продолжала жить в Петербурге, поселившись у брата в доме на Бассейной. Однажды, прохаживаясь в сопровождении горничной по Летнему саду, Екатерина встретила императора, тоже совершавшего здесь прогулку. Александр II подошел к девушке и, не обращая внимания на прохожих, долго гулял с ней. В этот день, осыпая Екатерину изысканными комплиментами, 47-летний император впервые признался ей в любви. Слишком юная, чтобы обрадоваться вниманию старого, по ее мнению, государя, поначалу девушка не ответила на его чувства. Но пройдет год, и княжна Долгорукая сама полюбит Александра Николаевича — «то ли от жалости и сострадания к влюбленному в нее взрослому человеку, то ли потому, что просто пришло время влюбиться и ей». Нежные ухаживания, робкие ласки… это было так несвойственно опытному ловеласу Александру Николаевичу, который привык брать объект вожделения без промедления. Все больше и больше попадала

Екатерина под обаяние этого немолодого, немного усталого человека. Ее растущая любовь к нему становилась настолько сильной и всепоглощающей, что она не понимала, как могла противиться этому чувству в течение целого года. А потом было то самое свидание в одном из павильонов Петергофского парка, которое останется в памяти княжны до самой ее смерти. Тогда, 1 июля 1867 г., она, девятнадцатилетняя, трепещущая от страха, отдалась своему возлюбленному Саше, царю Александру II. В этот же день она услышала его торжественную клятву: «Увы, я сейчас не свободен. Но при первой же возможности женюсь на тебе, ибо отныне и навеки считаю тебя своей женой перед Богом…»

Тайная связь Александра II и молодой княжны не осталась незамеченной, хотя говорили о ней полушепотом, ведь судачить о личной жизни государя было небезопасно. К тому же при дворе никто и предположить не мог, что новое увлечение императора окажется столь серьезным. До того Александр Николаевич слыл отчаянным сердцеедом: одно любовное приключение быстро сменяло другое. Пожалуй, самой серьезной его связью, если не считать супруги Марии Гессенской, в которую он поначалу был страстно влюблен, а потом быстро охладел, была связь с 20-летней княжной Александрой Долгорукой, дальней родственницей Екатерины Михайловны. Роман с этой красивой и умной женщиной оборвался внезапно по непонятной причине. За ним последовали новые мимолетные увлечения. И вдруг такое глубокое и всепоглощающее чувство. Любовь к Екатерине Долгорукой стала для царя смыслом всей его жизни. Ничто: ни власть, ни политика, ни даже семья — не волновали его так, как эта женщина. Александр Николаевич сам признавался ей, что отныне в его жизни других женщин не существует. «Она — его кумир, его сокровище, вся его жизнь!» «Александр Николаевич, — писал Морис Палеолог, — сумел создать из неопытной девушки упоительную возлюбленную. Она принадлежала ему всецело. Она отдала ему свою душу, ум, воображение, волю, чувства. Они без устали говорили друг с другом о своей любви».

Биограф Александра II писал, что эта поздняя любовь государя стала главным импульсом его жизни: она отодвинула на второй план обязанности супруга и отца, оказала влияние на решение многих политических проблем, подчинила все его существование вплоть до самой смерти. Государь безгранично доверял своей возлюбленной: он посвящал ее в международные проблемы, она была в курсе даже таких вопросов, которые являлись государственной тайной. Нередко Екатерина Михайловна помогала найти Александру Николаевичу верное решение или подсказывала ему нужный ход.

Если государь совершал поездки за границу, Екатерина Михайловна тайно следовала за ним. В мае 1867 г., когда Александр II по приглашению Наполеона прибыл в Париж, чтобы посетить Всемирную выставку, туда же приехала и княжна. Поселившись в скромном отеле «Польз», вечерами она тайком пробиралась к возлюбленному в Елисейский дворец, где была его резиденция. Император под видом обыкновенного посетителя тоже приходил в отель на Ванд омской площади, где в одном из номеров его ждала Катюша. Когда влюбленным случалось разлучаться, Александр Николаевич писал княжне пылкие письма, в которых, словно юноша, снова и снова признавался ей в любви. Чтобы не расставаться с любимой и чтобы она могла постоянно находиться при дворе, государь сделал ее фрейлиной императрицы. Княжна Долгорукая нередко украшала своим присутствием приемы и балы, она прекрасно танцевала. Но в основном Екатерина Михайловна вела скромный и замкнутый образ жизни — она никогда не присутствовала на званых обедах, не посещала театр.

В сентябре 1782 г. Екатерина призналась царю, что беременна. «Слава Богу! — по-детски обрадовался государь. — Хоть этот-то будет настоящий русский. Хоть в нем, по крайней мере, течет русская кровь!» Своего первенца Катя родила в Зимнем дворце, в апартаментах, где проходили ее тайные встречи с императором. Новорожденному сыну дали имя Георгий. Через год в тайной семье государя появилась дочь Ольга, еще через год — дочь Екатерина. Четвертый ребенок Александра II и Екатерины Михайловны умер, прожив всего несколько дней.

Спустя двенадцать лет после начала их связи император поселил Екатерину Долгорукую в Зимнем дворце. «Смятенной душой он невольно стремился к единственному человеку, пожертвовавшему для него своей честью, светскими удовольствиями и успехами, к человеку, думающему об его счастье и окружившему его знаками страстного обожания. Княжна Долгорукая сделалась для него столь необходимой, что он решил поселить ее в Зимнем дворце…» — писал М. Палеолог. Государь распорядился, чтобы для княжны выделили и меблировали покои. Екатерина Михайловна поселилась в комнатах, расположенных как раз над теми, которые занимала страдающая от чахотки императрица Мария Александровна. Государыня встретила такое соседство стоически, хотя знала о роковом романе мужа гораздо подробнее, чем многие придворные дамы. Но ни единым словом не дала она знать о своих невыносимых муках, ни разу никому не пожаловалась, ни с кем не разделила свою боль. Детям не было сказано ни одного

дурного слова ни об их отце, ни о княжне Долгорукой. Лишь однажды у государыни вырвались такие слова: «Я прощаю оскорбления, наносимые мне как императрице. Но я не в силах простить мучений, причиненных супруге». Мария Александровна знала, что неизлечимо больна. Возможно, мысль о приближающейся смерти помогала ей хранить самообладание. Императрица умерла 3 июня 1880 г., вскоре после того, как у Александра Николаевича и княжны Долгорукой родилась дочь Екатерина. На отпевании супруги в соборе Петропавловской крепости император выглядел потерянным, глаза его были заплаканы. Никто не сомневался в искренности переживаний Александра Николаевича, но, наверное, более всего его мучило чувство безмерной вины перед этой женщиной. Во время болезни Марии Александровны не было дня, чтобы он не пришел справиться о ее здоровье. Правда, многие видели в этом лишь дань приличию. Но кто может заглянуть в человеческую душу?

Спустя месяц после похорон Александр II сказал Екатерине: «Петровский пост кончится в воскресенье, 6-го. Я решил в этот день обвенчаться с тобой перед Богом». Даже ближайшие друзья пришли в ужас, когда узнали о том, что царь решил венчаться. «Венчание вдогонку похоронам» шло наперекор всем русским традициям, соблюдение которых было святой обязанностью государя. Несмотря на то, что никогда еще за всю историю династии Романовых ни один царь не венчался подобным образом, Александр II не изменил своего решения. Ничто не могло остановить его: ни падение собственного престижа, ни возмущение и даже презрение общества. Выждав ровно 40 дней траура, «раб Божий благоверный государь император Александр Николаевич обручился с рабой Божьей Екатериной Михайловной». Скромный обряд совершился в походной церкви, размещенной в одном из залов Царскосельского дворца. Наконец Александр Николаевич смог исполнить клятву, данную когда-то возлюбленной: при первой же возможности жениться на ней, ибо навеки считал ее женой своей перед Богом. Когда церемония завершилась, государь сказал любимой: «Как долго я ждал этого дня! Целых четырнадцать лет. Я боюсь своего счастья. Я боюсь, что меня Бог скоро лишит его».

В тот же день Александр II подписал указ о вступлении его в морганатический брак с княжной Долгорукой с предоставлением ей титула и фамилии светлейшей княгини Юрьевской. То же имя и титул получили их дети. «Император пожелал сделать меня своей супругой, я вполне счастлива и никогда не позволю себе выйти из этой скромной роли», — объявила придворным Екатерина Михайловна. При дворе заговорили, что уже заказан

вензель для новой императрицы — Е III. На сцену русской истории вот-вот должна была взойти Екатерина Третья…

Сразу после заключения брака государь поспешил обеспечить материально свою жену и детей, у которых не было никакого личного состояния. Согласно составленному им завещанию, положенная в банк сумма в размере трех миллионов трехсот двух тысяч девятисот семидесяти рублей в процентных бумагах являлась собственностью княгини Юрьевской и их общих детей. Поспешность, с которой император заботился о будущем своей семьи, была совсем не случайна. И дело здесь не столько в возрастной разнице супругов, сколько в ежедневной опасности, которой подвергался Александр II.

К этому времени на государя началась настоящая охота. Уже пять раз его, освободившего от крепостной зависимости 200 миллионов крестьян, пытались убить. Страна покрылась обширной сетью тайных организаций. Слово «террорист» прочно вошло в обиход людей. Первый выстрел в царя-реформатора (пожалуй, самого либерального из всех российских самодержцев) раздался 4 апреля 1866 г. Член подпольной группы, 26-летний террорист Каракозов промахнулся. Год спустя поляк Березовский пытался снова выстрелить в царя из пистолета, но и его пули прошли мимо. Террор нарастал с каждым годом: «борцы за народное дело» совершали все более изощренные покушения. Но каждый раз Александр Николаевич чудом спасался от смерти, словно чья-то неведомая рука отводила от него беду. Причину своего спасения государь видел в жертвенном чувстве безоглядно доверившейся ему женщины, Екатерины Долгорукой. Он считал, что «это Катя своей поломанной жизнью, слезами, тоской, отречением от спокойной женской доли, ловя со всех сторон насмешливые взгляды, искупает его тяжелый грех, вымаливая ему жизнь у Господа». Всякий раз, когда его так и влекло в смертельную западню, ее «воля, каприз, сумасбродное желание оборачивались спасением». Однажды бомбу подложили на петергофской дороге, по которой должен был следовать царский экипаж. В последнюю минуту Екатерина настояла, чтобы Александр Николаевич отменил поездку в Петергоф, предложив ему просто прогуляться по лесу. Вместо императора, княжны и их детей на петергофской дороге погибли бедные олени. В следующий раз Екатерина Михайловна, сопровождавшая Александра II в железнодорожном путешествии, уговорила его перебраться в другой поезд — туда, где находился их багаж. Снова государь подчинился своему ангелу-храните-лю, и, как оказалось, не напрасно: через полчаса стало известно, что в вагоне, в котором они были поначалу, взорвалась бомба.

Седьмое покушение, оборвавшее жизнь государя Александра Николаевича, произошло 1 марта 1881 г. Уезжая на традиционный воскресный смотр караула в Михайловский манеж, как тогда говорили «на развод», император сказал своей жене, что после возвращения они пойдут гулять в Летний сад. На церемонию Александр II выехал в закрытом экипаже в сопровождении семерых терских казаков. За царской каретой в двух санях ехали трое полицейских, в том числе и начальник охраны государя полковник Дворжицкий. Полиции стало известно, что именно в эти дни будет предпринята попытка нового убийства царя, поэтому были соблюдены все меры предосторожности. Министр внутренних дел Лорис-Ме-ликов, прекрасно осознававший всю степень опасности, убеждал государя не выезжать в Михайловский манеж. Умоляла его не подвергать свою жизнь риску и Екатерина Михайловна. Но Александр Николаевич возразил: «А почему же мне не поехать? Не могу же я жить как затворник в своем дворце?» — и отправился на смотр. Во время церемонии он выглядел спокойным и уверенным, не подозревая, что жить ему осталось всего несколько часов. Возвращаясь в Зимний, царский кортеж выехал на набережную Екатерининского канала и поехал вдоль сада Михайловского дворца. Несколько полицейских агентов, расставленных по маршруту следования царя, наблюдали за улицей. Они видели мальчишку-подростка с салазками, двух или трех солдат и молодого человека со свертком в руках. Когда царский экипаж поравнялся с этим человеком, тот бросил сверток под ноги лошадей. Раздался оглушительный грохот, звон разбитого стекла. Когда густое облако дыма рассеялось, люди увидели: в луже крови лежали подросток, двое казаков из сопровождения, рядом — убитые лошади. Александр Николаевич остался цел и невредим. Его уговаривали скорее сесть в сани и покинуть место происшествия, но император ринулся к пострадавшим. Он успел сделать несколько шагов, как к нему из толпы приблизился невзрачный человечек и бросил под ноги царю сверток. Раздался страшный взрыв. Император и его убийца, которым оказался народоволец Гриневицкий, лежали на снегу, оба смертельно раненные. Зрелище было ужасающим. Государь истекал кровью, его разорванная, обгоревшая одежда обнажала раздробленные кости ног. «Скорее во дворец… Там умереть…» — шептал раненый.

Царя уложили в сани полковника Дворжицкого и увезли во дворец. Когда княгине Юрьевской сообщили о случившемся, она, не теряя самообладания, бросилась помогать медикам. Увы, усилия хирургов оказались тщетны. Прожив после ранения девять

часов, император скончался. Руки женщины, которую он так любил, навсегда закрыли ему глаза. В книге «Роман императора» М. Палеолог писал о княгине Юрьевской накануне погребения государя: «Она принесла сплетенный из дивных волос, составляющих ее славу, венок и вложила в руки усопшего. Это было ее последним даром».

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая, светлейшая княгиня Юрьевская овдовела спустя неполных девять месяцев после венчания с российским императором Александром II.

После смерти мужа Екатерина Михайловна была выслана из России, «для сохранения всеобщего спокойствия». Поначалу она приезжала на родину — молодая императорская чета относилась к ней с вниманием и участием. Но со временем в царской семье ее стали встречать лишь с холодной вежливостью. Понимая, что никому в России не нужна, княгиня на родину больше не приезжала. Все эти годы она жила затворницей: сторонилась новых знакомств и старых приятелей, бежавших от революции, почти никогда не получала писем… С особой радостью восприняла Екатерина Михайловна весть о том, что в Петербурге на месте убийства Александра II воздвигнут величественный Храм Спаса на Крови. Этот храм — единственный сохранившийся в России памятник царю-освободителю. Для Екатерины Долгорукой он стал не только данью памяти покойного государя, но, как ей думалось, символом их трагической любви.

Дункан Айседора

(род. в 1877 г. — ум. в 1927 г.)

Известная американская танцовщица, одна из основоположниц танцевального стиля «модерн», автор мемуаров «Моя жизнь», «Танец будущего»; в 1921–1924 гг. жила в России, была женой Сергея Есенина.

«Танец и Любовь — моя жизнь», — говорила величайшая из американок, покорившая своим искусством весь мир Айседора Дункан. Она была человеком, для которого понятия любить, дышать и танцевать были неразрывны. Любовь делала Айседору счастливой и несчастной одновременно. «Она давала ей силы, чтобы жить, и убивала», — говорили современники.

Типичная американская звезда, Айседора Дункан прошла путь от полуголодного ребенка до вершины мировой славы. Детство и юность будущая танцовщица провела там, где родилась, — в Сан-Франциско. Родители Айседоры развелись, когда она была еще грудным ребенком. Ее мать, Мэри Дора Дункан, растила своих четырех детей одна. Несомненно, именно она была первой духовной наставницей Айседоры. Учительница музыки, Мэри Дора научила своих детей чувствовать, любить и понимать прекрасное. Вечерами она играла им Бетховена, Шуберта, Шумана, Моцарта, Шопена, читала вслух Шекспира, Бернса или Китса. «Именно ее собственный прекрасный и беспокойный дух сделал нас артистами», — писала Дункан.

«Все мое детство, казалось, прошло под мрачной тенью таинственного отца, о котором никто не заговаривал, и ужасное

слово „развод“ запечатлелось на чувствительной поверхности моего разума», — вспоминала Айседора. Возможно, поэтому еще маленькой двенадцатилетней девочкой она приняла решение, что будет бороться «против брака, за освобождение женщины, за право каждой женщины иметь ребенка или нескольких детей, когда ей этого захочется». Дункан сохранила эти убеждения на всю жизнь, признавая только свободную любовь. Лишь однажды она изменила своему принципу, выйдя замуж за Сергея Есенина.

Семья Айседоры жила бедно, но детей не тяготило это состояние. «Я решительно не помню, чтобы мы страдали от нашей бедности дома, — вспоминала Дункан, — там мы воспринимали ее как нечто естественное. Страдала я только в школе. Для гордого и чувствительного ребенка система общественной школы, какой я ее помню, являлась такой же унизительной, как исправительный дом… Я не завидовала богатым детям, а, напротив, жалела их. Я поражалась мелочности и вздорности их жизни, и по сравнению с детьми миллионеров я, казалось, была в тысячу раз богаче всем, что делает жизнь достойной». «Самая отважная из всей семьи», Айседора начала самостоятельно зарабатывать уже в 10-летнем возрасте. Школа танца, которую она организовала вместе с сестрой Элизабет, приносила скромный, но стабильный доход. Уже тогда маленькая танцовщица мечтала о своем, созвучном ее внутреннему ощущению и самой природе, танце: «Я не знала, каким он будет, но я стремилась к неведомому миру, в который, я предчувствовала, смогу попасть, если найду ключ». Пройдут годы, и в выросшей Айседоре окрепнет редкий дар отображать гармонию чувств в танце. «Айседора Дункан танцует все то, что другие люди говорят, поют, пишут, играют и рисуют. Музыка претворяется в ней и исходит от нее», — напишет о ней позже поэт Максимилиан Волошин.

Во всем мире Айседора Дункан еще при жизни была признана королевой танца «модерн». Ее свободные, чувственные движения, отвергающие всяческие правила, доводили зрителей до состояния духовного экстаза. В легкой, почти прозрачной тунике, босоногая (что было в диковинку!) Айседора приводила публику в неописуемое изумление. «…Она была предтечей. Что бы она ни делала, все делалось с огромной легкостью — так, по крайней мере, казалось. Именно это придавало ей видимость силы. Она выпустила танец в наш мир в твердой уверенности, что творит великое и истинное. Так и было. Она отбросила балетные юбки и балетные мысли. Она отвергла обувь и чулки. Она надела какие-то лоскуты, которые на вешалке более всего походили на изорванные тряпки; когда же она надевала их, они

преображались. Обычно театральные костюмы преображают исполнителей, но теперь она, надевая эти лоскуты, преображала их. Она превращала их в чудеса, и они говорили при каждом ее шаге», — вспоминал талантливый театральный постановщик Гордон Крэг.

«…Я всегда оставалась верной своим возлюбленным и, вероятно, не покинула бы ни одного из них, если бы они оставались верными мне. Полюбив их раз, я люблю их поныне и навсегда», — писала Айседора Дункан. В своей жизни Айседора любила многих мужчин, но всегда эта беззаветная любовь оказывалась роковой. «Над ее любовью словно тяготело проклятие. Все ее романы заканчивались катастрофой», — рассказывала преданный друг танцовщицы Мэри Дести.

Айседоре было 11, когда у нее появилась «великая тайна» — она впервые по-настоящему влюбилась. Ее первой любовью стал один из старших учеников, которых она обучала искусству танца. Молодой «изумительно красивый» химик с восхитительным именем Вернон целых два года волновал сердце маленькой танцовщицы. Любовное увлечение закончилось, когда Вернон женился на «некрасивой девушке из Оклендского общества». Впоследствии Айседора написала в своих воспоминаниях: «Я была безумно влюблена и полагаю, что с тех пор никогда не переставала быть безумной влюбленной».

В 18 лет она чуть было не вышла замуж за поляка Ивана Мироцкого. В те годы Айседора переживала тяжелые времена, тщетно пытаясь завоевать своим талантом Чикаго. Рыжебородый Иван Мироцкий был бедным художником из среды «богемцев». «Он один из всей толпы, перед которой я танцевала в те дни, понимал мои танцы и мое творчество… Тогда я еще не соприкасалась ни с каким из физических воздействий любви, и прошло много времени, прежде чем я узнала о той страсти, которую я внушала Мироцкому. Этот человек лет сорока пяти влюбился бешено, безумно в наивную невинную девочку, какой я тогда была», — вспоминала Дункан. Непримиримая противница брака, Айседора Дункан едва не стала женой бедного поляка. «Не потому, что я верила в брак, — объясняла она, — но я считала в то время это необходимым, чтобы доставить удовольствие своей матери. Я еще не вполне взялась за оружие для защиты свободной любви, за которую сражалась впоследствии». Свадьба не состоялась, так как выяснилось, что Мироцкий уже женат. Мать Айседоры настояла на разлуке влюбленных. Этот неудавшийся роман положил начало череде разочарований в личной жизни.

Вслед за Мироцким в жизни Айседоры появился мужчина, оставшийся в ее памяти и автобиографии как Ромео. Она

встретила его весной 1902 г. в Будапеште, где триумфально прошел ее первый сольный концерт. «Овации после концертов, беззаботные люди вокруг, теплая истома проснувшейся природы — все пробуждало сознание, что мое тело не только инструмент, выражающий священную гармонию музыки». И хотя ее роман с молодым и талантливым актером Оскаром Бережи промелькнул, как молния, Айседора писала в своих воспоминаниях: «О молодость и весна, Будапешт и Ромео! Когда я вспоминаю вас, мне кажется, что все произошло не в давние времена, а прошлой ночью». Пережив это увлечение, Айседора дала себе клятву «никогда не покидать искусства ради любви».

Она отправилась в Байрейт, край Рихарда Вагнера, одного из любимых ею композиторов, где ее ожидало новое любовное приключение. Немецкий историк искусств Генрих Тоде, страстно влюбившись в молодую танцовщицу, ночами простаивал под ее окном. По признанию самой Айседоры, в их отношениях не было ничего от земной страсти. «Тем не менее, — писала актриса, — его общение со мной сделало все мое существо настолько чувствительным, что достаточно было одного прикосновения, иногда только взгляда, чтобы вызвать у меня острейшее удовольствие любви, имевшее такое же отношение к фактическому удовольствию, какое бывает, например, во сне… Чувства, о существовании которых я прежде не знала, пробуждались под его взглядом. Он настолько завладел моим сердцем, что казалось, только и можно было смотреть ему в глаза и желать себе смерти. Духовный транс, который он внушил мне, постепенно уступил место обостренному состоянию неукротимого вожделения». Соединить духовную страсть и страсть физическую влюбленным так и не пришлось. Айседора очень болезненно переживала разрыв, но понимала, что ее «бесплотная любовь» к Тоде обречена.

В 1904 г. во время своего первого гастрольного турне по России Дункан познакомилась с Константином Станиславским. «Резкий снежный воздух, русская еда, особенно икра, действительно совершенно исцелили мой изнурительный недуг, вызванный духовной любовью к Тоде. И сейчас все мое существо жаждало общения с сильной личностью. Когда Станиславский стоял передо мной, я видела ее в нем», — вспоминала танцовщица. Однажды увидев Дункан на сцене, Станиславский уже не мог пропустить ни одного ее концерта. «Потребность видеть ее часто диктовалась изнутри артистическим чувством, близкородственным ее искусству», — говорил он. Реформатор театра оказался весьма консервативен в отношениях любви. Дункан писала в своей автобиографии: «Как-то вечером я

взглянула на его прекрасную, статную фигуру, широкие плечи, черные волосы, и что-то восстало во мне против того, что я всегда исполняю роль Эгерии[3]. Я положила руки ему на плечи и, притянув его голову к своей, поцеловала его в губы. Он с нежностью вернул мне поцелуй. Но принял крайне удивленный вид, словно этого он менее всего ожидал. Он отпрянул и, недоуменно глядя на меня, воскликнул: „Но что мы будем делать с ребенком?“ „Каким ребенком?“ — воскликнула я. „Как каким? Нашим, конечно. Видите ли, я никогда не соглашусь, чтобы мой ребенок воспитывался вне моего надзора, а это оказалось бы затруднительным при моем настоящем семейном положении“. Необычайная серьезность, с которой Станиславский произносил эти слова, очень рассмешила Айседору. „Но хотя мне было и смешно, — уточняла артистка, — я была раздосадована и даже рассержена“. Она еще не раз пыталась „атаковать“ Станиславского, но „добилась лишь нескольких нежных поцелуев, а в остальном встретила твердое и упорное сопротивление, которое нельзя было преодолеть“. „Я окончательно убедилась, что только Цирцея могла бы разрушить твердыню добродетели Станиславского“». Роман не состоялся.

По возвращении в Берлин Дункан познакомилась с другим великим режиссером-реформатором, любовь к которому затмила все вокруг. Гордон Крэг, которого Айседора считала «одним из необыкновеннейших гениев нашей эпохи», был властителем театральных дум. «В лице Крэга я нашла сверкающую юность, красоту, гений. Я нашла в Крэге ответную страсть, достойную моей. В нем я встретила плоть от плоти моей, кровь от моей крови». Но после первых нескольких недель безумной страсти между ними завязалась отчаянная борьба. «Моим уделом было вдохновить великую любовь этого гения, и моим же уделом оказалась попытка примирить продолжение моей собственной артистической деятельности с его любовью. Немыслимое сочетание. Жить с ним означало отречься от своего искусства, от личности, более того, может быть, и от самой жизни и рассудка. Жить без него означало пребывать в состоянии постоянного уныния, мучиться ревностью, для которой, увы, у меня, казалось, были все основания». Крэг настаивал, чтобы Айседора оставила артистическую карьеру. Стоит ли говорить о том, что это было невозможно. Союз, подтачиваемый «творческими ссорами», а затем и ревностью, распался достаточно быстро. «И все же Гордон Крэг ценил мое искусство, как никто другой его никогда не ценил. Но его самолюбие, его ревность как артиста не позволяли ему признать, что какая-нибудь женщина может действительно быть артисткой», — писала Дункан. Плодом этой недолгой, но

страстной любви стало рождение дочери, которой отец дал поэтичное ирландское имя Дирдрэ. «О женщины, зачем нам учиться быть юристами, художниками и скульпторами, когда существует такое чудо! Теперь я знала всепоглощающую любовь, перед которой бледнеет любовь к мужчине».

Долгие годы Дункан была одержима идеей создания собственной танцевальной школы. Учредить «школу для молодежи всего мира» танцовщица решила в Германии, которая, по ее мнению, была в те годы центром философии и культуры. Сорок детей не только обучались искусству танца, но и были полностью на ее обеспечении. Неудивительно, что средств на покрытие всех расходов не хватало. Однажды Айседора сказала своей сестре: «Так не может продолжаться! Если мы хотим, чтобы школа продолжала существовать, то должны разыскать какого-нибудь миллионера». Вскоре слова, сказанные в шутку, танцовщица начала повторять всерьез. Желание осуществилось — Айседора встретила Париса Юджина Зингера, сына известного производителя швейных машинок. Утонченный и благородный, к тому же блистательный красавец, он был одним из самых состоятельных людей Европы. Все расходы по содержанию школы Зингер взял на себя. Постепенно доверие и благодарность, которые поначалу Айседора испытывала к этому человеку, переросли в более глубокое чувство. Лоэнгрин, как называла возлюбленного Айседора, преподносил роскошные дары, устраивал в ее честь приемы и маскарады, окружил нежнейшей заботой. Впервые она могла совершенно не задумываться о деньгах. Лоэнгрин и Айседора были счастливы, когда родился сын Патрик. «Искусство, успех, богатство, любовь и, главное, прелестные дети… Какой пустой и мрачной была бы без них жизнь, ведь дети больше, чем мое искусство, в тысячу раз больше, чем любовь любого мужчины, наполняли и увенчивали мою жизнь счастьем», — признавалась Айседора. Но счастье ее было коротким. Жизнь потеряла всякий смысл, когда 6-летняя Дирдрэ и 3-летний Патрик погибли, утонув в упавшем в Сену автомобиле. Есть ли на свете большее горе, чем смерть детей?! Айседора Дункан прошла через это немыслимое испытание и нашла в себе силы пережить его. Чего ей это стоило, знала только она сама. «Если бы горе постигло меня в моей жизни раньше, я могла бы его преодолеть; если бы оно пришло позднее, то не явилось бы для меня столь ужасным, но в ту минуту, в расцвете сил и энергии, оно совершенно разрушило мои силы и стойкость. Если бы хоть великая любовь поглотила и унесла меня прочь, но Лоэнгрин не отвечал на мой призыв». После всего случившегося Зингер заболел, а вскоре совершенно неожиданно покинул

Айседору. Но эта удивительная женщина поняла его и, наверное, простила: «Моя печаль… моя напряженная скорбь были слишком сильны, чтобы Лоэнгрин мог их выносить». Впоследствии Айседора и Парис встретились снова, но их отношения уже были скорее искренней дружбой, чем любовью.

Айседора понимала: чтобы пережить весь этот ужас, она «должна отыскать какой-нибудь путь к жизни». Элеонора Дузе, ее верный и преданный друг, говорила артистке: «Айседора, вы должны вернуться к вашему искусству. В этом единственное ваше спасение». Чтобы хоть как-то притупить сковавшее ее горе, Дункан изъездила на своем автомобиле всю Швейцарию и Италию. Но свое спасение она нашла в том, что всегда составляло смысл ее жизни, — в искусстве и любви. Айседора с еще большим энтузиазмом принялась обучать своих учениц, «щедро отдавая им все, включая заботу об их питании, одежде и всем том, о чем могла заботиться самая любящая мать».

Но образы собственных погибших детей продолжали преследовать ее. Однажды, прогуливаясь в одиночестве по морскому берегу, Айседора увидела впереди Дирдрэ и Патрика. Она бросилась за ними, но видение растворилось в морских волнах. Почувствовав, что сходит с ума, Айседора в отчаянии бросилась на землю и зарыдала. Очнувшись, она увидела человека, который сочувственно гладил ее по голове. «Могу ли я что-нибудь для вас сделать, помочь вам?» — произнес он. «Да, — сказала Айседора. — Спасите меня… спасите больше, чем мою жизнь… мой разум. Подарите мне ребенка». Вспыхнувшее чувство дало ей надежду и вернуло желание жить. В молодом итальянском скульпторе Анджело Айседора увидела свое избавление «от горя и смерти». Она почти уверилась в том, что ее новая любовь одержит победу над скорбью. Но ее иллюзия длилась недолго. Молодой итальянец был помолвлен и принадлежал к семье строгих правил. Объяснившись с Айседорой в письме, он навсегда попрощался с ней. «Но я вовсе не сердилась на него. Я чувствовала, что он спас мой разум», — вспоминала Дункан. Кроме того, эта короткая связь принесла Айседоре сына. Но счастье снова лишь на миг озарило ее жизнь. Мальчик, в котором заключались все надежды и чаяния Айседоры, умер через несколько часов после рождения.

Скорбь по погибшим детям не покидала Дункан до конца ее жизни, она нередко стояла на грани самоубийства. «Помоги мне покинуть этот проклятый мир, — умоляла она Мэри Дести незадолго до своей смерти. — Я не могу больше жить ни одного дня в мире, полном золотоволосых детей. Это выше человеческих сил. Ни алкоголь, ни возбуждение, ни что-либо другое не могут

облегчить чудовищную боль, которую я ношу с собой 13 лет».

После смерти новорожденного сына усталая, покинутая, больная Айседора снова проводила свои дни в угрюмом однообразии. В это мрачное время, словно «ангел света», возник перед ней пианист Вальтер Руммель. «Когда он явился, мне показалось, что молодой Лист сошел с полотна. Он был высок, худощав, блестящий локон спускался на высокий лоб, а глаза были похожи на прозрачные источники сияющего света. Вдохновляемая его игрой, я слагала новые танцы. Так началась самая чистая любовь в моей жизни», — вспоминала танцовщица. Нежного и мягкого Вальтера Айседора называла «мой архангел». В этом человеке она нашла сострадание и утешение, которые были ей так необходимы. Но, увы, и эта любовь закончилась для Айседоры муками ревности и отчаянием: Вальтер оставил ее, влюбившись в одну из молоденьких учениц ее школы. «Весь мой опыт меня ничему не научил, и это открытие явилось для меня тяжелым ударом. Конечно, я и прежде в своей жизни испытывала тяжкие страдания, которые причиняют когти зеленоглазого чудовища ревности, но никогда еще мной не владела такая неистовая страсть, как сейчас. Я любила и в то же время ненавидела, и это испытание внушило мне глубокое сочувствие и понимание тех несчастных, которых невообразимые пытки ревности подстрекают к убийству любимого человека», — признавалась Дункан. В очередной раз она пришла к заключению, что для нее «мир и любовь умерли».

Помимо любовников были в жизни танцовщицы и любовные отношения с женщинами. Известно, что с 1916 г. долгая нежная дружба связывала ее с поэтессой Мерседес д'Акостой. Впоследствии та вспоминала: «Немало дней и ночей мы провели вместе, ели, когда испытывали голод, спали, если нас одолевала усталость, независимо от времени суток». Айседора часто танцевала для своей возлюбленной, а в последний год своей жизни даже сочинила для нее восторженное и весьма откровенное стихотворение. Видимо, чувство к Мерседес дало Айседоре все то, чего ей так недоставало в отношениях с мужчинами, — тепло, ласку, понимание.

В 1921 г. знаменитая танцовщица получила от Советского правительства приглашение приехать в Россию. Эта страна всегда казалась Дункан царством гармонии и братской любви, идеальным государством, и потому она с радостью дала согласие «работать для будущего русской республики и ее детей». «Она чувствовала себя на пути к раю, где царит чистая любовь, гармония и товарищество, где нет глупых условностей, где каждый человек отдает все лучшее, что в нем есть, на службу

человечеству и где все дети станут учениками ее великой школы», — писала Мэри Дести. Дункан прожила в России три года, которые, по ее словам, стоили всей остальной жизни. Танцовщица считала, что именно в России она достигла наивысшей самореализации. Заботы об организации школы танца для детей, гастроли и выступления, «разочарования и надежды, связанные с попытками обрести нового зрителя, творить новое искусство в свободной стране» — все это составляло жизнь американской танцовщицы в России. И конечно, драматичная любовь к Сергею Есенину, которая сыграла странную роль в ее судьбе. Эту историю любви и преклонение перед русской революцией у нас вспоминают чаще, чем яркую творческую жизнь великой артистки.

Они познакомились на одной из вечеринок, где собрались молодые московские поэты и артисты. Айседоре — 44, Есенину — 26. Эта встреча по-разному описана во многих мемуарах. По одним свидетельствам, это было внезапно вспыхнувшее романтическое чувство, по другим — страсть в угаре пьяной оргии. Мэри Дести так описывает это знакомство: «Дверь с треском распахнулась, и перед Айседорой возникло самое прекрасное лицо, какое она когда-либо видела в жизни, обрамленное золотыми блестящими кудрями, с проникающим в душу взглядом голубых глаз. Поэта и танцовщицу не понадобилось представлять друг другу. Это была судьба. Она открыла объятия, и он упал на колени, прижимая ее к себе с возгласом: „Айседора, моя, моя!“ Они не знали языка друг друга, и большая часть их общения состояла из жестов. „Есенин — Ангел“ — писала на зеркале губной помадой Айседора. Она искренне восхищалась талантом, юностью, красотой русского поэта: „Есенин — великий поэт! Он — гений! Я поеду с ним в Европу и Америку, я прославлю его на весь мир!“» В 1922 г. Айседора Дункан вышла за Сергея Есенина замуж и приняла советское гражданство. Она настаивала, чтобы теперь ее называли не «Дункан», а «Есенина».

Сложно понять истинную природу их драматичных отношений. Айседоре многое приходилось прощать Есенину: пьяные дебоши, грубость, оскорбления. В то же время Сергей мог быть необычайно нежным, трогательным, любящим. Как писал И. Шнейдер, поэт был человеком «необыкновенной впечатлительности, все его ранило, возбуждало, все могло овладеть им сразу, целиком». Многие не понимали странной жертвенной любви Айседоры. «Такая, как ее, любовь к этому двадцатисемилетнему ребенку необъяснима», — писала М. Дести. Эта неистовая и мучительная страсть не могла длиться долго.

Постоянные скандалы, приступы ревности, которые в течение трех лет сотрясали их жизнь как в России, так и во время поездки в Европу и Америку, измучили обоих. Как писала Е. Стырская в своей книге «Поэт и танцовщица», «Любви двух великих людей суждено было стать великим поединком». Все окончилось жестокой телеграммой: «Я люблю другую, женат и счастлив…» Есенин действительно весной 1925 г. женился на Софье Толстой, внучке великого писателя. Но счастье его было недолгим — в декабре того же года поэта не стало.

«Ожившая статуя», «божественная босоножка» Айседора Дункан была вдохновительницей многих великих творцов. Ей посвящали свои строки М. Волошин, С. Соловьев и многие другие поэты и писатели. «…Она о недосказанном. В ее улыбке — заря. В движениях тела — аромат зеленого луга. Складки туники, точно журча, бились пенными струями, когда она отдавалась пляске вольной и чистой», — так писал о танцовщице А. Белый. В молодости Айседора была частой гостьей в студии талантливого художника Эжена Каррьера, который сказал о ней: «Эта молодая американка произведет революцию в мире!» Для гениального Родена Дункан стала не только источником вдохновения, но и объектом сильной, пусть и мгновенной, страсти. Свою первую встречу с прославленным скульптором Айседора откровенно описала в автобиографии: «Он начал мять все мое тело, словно оно было из глины. Из него излучался жар, опалявший и разжигавший меня. Меня охватило желание покориться ему всем своим существом, и действительно я бы поступила так, если бы меня не остановил испуг, вызванный моим нелепым воспитанием. Как жаль! Как часто я раскаивалась в этом ребяческом ложном понимании, которое лишило меня случая отдать свою девственность самому великому Пану, могучему Родену. Я встретилась с Роденом лишь спустя два года… Впоследствии в течение многих лет он был моим другом и учителем».

Ее не стало сентябрьским днем 1927 г. «Прощайте, мои друзья! Я иду навстречу славе!» — это были последние слова великой артистки. Через несколько минут Айседора Дункан погибла, задохнувшись в петле своего длинного шарфа, намотавшегося на колесо машины, в которой она ехала. Трагедия произошла в Ницце, где находилась знаменитая студия танцовщицы. «Женщина-сенсация, женщина-миф, первая вакханка модерна, последняя нимфа Ионии»… Она промелькнула словно комета, успев оставить после себя шлейф домыслов и загадок. В памяти людей Айседора Дункан навсегда останется первой звездой восходящей танцевальной эпохи XX столетия и великой женщиной, которая беззаветно дарила миру свое прекрасное

искусство и свою любовь.

Дьяконова Елена Дмитриевна (гала)

(род. в 1894 г. — ум. в 1982 г.)

В историю искусства вошла как муза сюрреалистов, источник вдохновения Поля Элюара, Сальвадора Дали, Макса Эрнста и других художников и поэтов.

Елена Дмитриевна Дьяконова, вошедшая в историю мировой поэзии и живописи под именем Гала, принадлежит к тем особенным женщинам-музам, которые не просто вдохновляли великих творцов, но и имели на них невероятное влияние, помогая ярче и полнее раскрыться их таланту. Поль Элюар, Макс Эрнст и Сальвадор Дали называли ее своей «единственной музой, гением и жизнью». Свой жизненный путь Гала выбрала сама. Это был путь женщины, существование которой определялось судьбой избранного ею мужчины. Но Гала никогда не была пассивной и смиренной спутницей жизни гения. «Рецепт этой музы прост, но действие его намного эффективнее, чем у обычных муз, — писала ее биограф Доминик Бона. — Гала недостаточно того, что она вдохновляет художника, — она укрепляет его веру». Для любимых ею мужчин она была «мотором, дающим им возможность летать». Внутренняя сила этой женщины заставляла их поверить в свое дарование и творить, возносясь к вершинам совершенства. Силой и самой большой слабостью Гала всегда была любовь. Без любви она чахла и, как сама говорила, превращалась в «пустячок». По мнению Д. Бона, «любовь для нее является насколько физической, настолько и духовной, она для Гала священный культ. Гала решила себя ему посвятить и делала это со всей преданностью, на

какую была способна». Всю свою долгую жизнь эта незаурядная женщина жила любовной страстью, и именно она давала смысл ее существованию.

Та, которой суждено было стать «одной из ключевых фигур на перекрестке искусства и секса», родилась на берегу Волги, в татарской столице Казани. С давних времен на Руси женщины из Казани имели легендарную репутацию: султаны рекрутировали их в свои войска, так как считали, что в сладострастии им нет равных.

Мать Елены Антонина, в девичестве Деулина, имела четверых детей. После смерти мужа Ивана Дьяконова, который был чиновником в министерстве сельского хозяйства, она вторично вышла замуж. Московский адвокат Дмитрий Ильич Гомберг заменил ее детям родного отца. Елена искренне любила своего отчима и даже взяла себе в отчество его имя. О своем казанском и московском детстве, да и вообще о России Гала никогда не вспоминала. Она была очень скупа на откровения о своем прошлом. Уехав из России 20-летней девушкой, Гала мало интересовалась родиной и посетила ее лишь однажды, много лет спустя. Рано и бесповоротно лишившись уз, связывающих ее с семьей, она всю жизнь утверждала, что ей не свойственна ностальгия. «Я не имею никаких воспоминаний ни о чем», — говорила Гала.

Впервые она надолго покинула свою семью в 1913 г., отправившись лечиться от туберкулеза в один из самых дорогих пансионатов Швейцарии. Хотя врачи утверждали, что болезнь Гала находится в зачаточном состоянии и у нее есть шансы на выздоровление, в то время она часто думала о смерти, полагая, что дни ее сочтены. Возможно, этим объясняется неукротимая жажда жизни Гала, которая, несмотря на внешнюю суровость и строгость этой женщины, всегда отличала ее.

Нелюдимая, раздражительная, сдержанная до холодности, одинокая девушка — такой была 19-летняя Елена Дьяконова, когда приехала в Швейцарию. Оказавшаяся надолго отрезанной от семьи и предоставленная самой себе, она осталась наедине со своим недугом. Называя себя, девушка представлялась окружающим не Еленой, а Гала, делая ударение на первом слоге. Так называла ее мать, а имя Елена, которое дал ей отец, осталось лишь в документах. Странное имя Гала, такое редкое, что кажется выдумкой, отличало девушку от других, делало ее особенной. Для нее было немаловажно знать, что «так не называют больше никого».

В санатории Гала встретилась с Эженом Гренделем, известным в истории как поэт Поль Элюар. Невинный флирт

молодых людей положил начало настоящему чувству. Нежные любовные послания, совместные прогулки, чтение романов и стихов делали их счастливыми. Объединенные радостью жизни, влюбленные забывали о том, что больны. Русский акцент и черные колдовские глаза Гала делали ее экзотичной и притягательной для хрупкого 17-летнего юноши. Для него, еще совсем мальчишки, Гала — «уже почти женщина». С первых дней романа с юным поэтом она поняла, что перед ней необыкновенный талант. Этот волшебный дар распознавать божественную искру в мужчинах Гала сохранит на всю жизнь. Но она умела не только безошибочно почувствовать в человеке особый дар, а и «побудить его обладателя развиваться, стремиться к совершенству, к вершинам творчества». Можно сказать, что благодаря встрече с этой необыкновенной женщиной состоялось рождение Эжена Гренделя как поэта. «Два этих события неотделимы друг от друга, — писала Д. Бона, — как если бы любовь к Гала пришла к нему через поэзию и любовь к поэзии через Гала». Для Элюара она стала не только музой, но и самым пристальным критиком, самым первым и самым внимательным слушателем. Ей, разделяющей все его творческие порывы, поэт отныне будет посвящать свои самые сокровенные мысли. «Тело ее — золотая поэма, Бесстрастное, роскошное и гордое, презирающее собственную плоть», — писал Грендель. Образ этой русской со странным именем стал для юного поэта излюбленным фантазмом. В его мечтаниях она представала не 19-летней целомудренной девушкой, а чувственной женщиной: «неуловимой», «манящей», «презрительной», «бесстрашной».

21 февраля 1917 г. 23-летняя Гала стала женой Эжена Гренделя. За год до этого «реалистка и мечтательница, фривольная и прилежная», вся созданная из противоречий Гала уехала из России в Париж к своему возлюбленному. Необъяснимую, загадочную, непредсказуемую и переменчивую, поначалу ее не приняли в семье Гренделей за свою. Мать Эжена называла Гала «эта русская». Состояние подавленности, тревоги, частые приступы неврастении говорили о том, что перед ней вовсе «не классическая, разумная и простая девушка», которую она хотела бы видеть рядом со своим единственным сыном. В семье Дьяконовых-Гомберг тоже не одобрили любовное увлечение Гала, уверяя, что «в двадцать лет не стоит думать о совместном будущем с первым возлюбленным». Влюбленным пришлось немало побороться за свою любовь, сопротивляясь силе родительского авторитета. Для Гала мечта о воссоединении с поэтом-французом стала «вызовом семье, сражающемуся миру, собственной слабости и болезни». Ничто не могло заставить ее

отречься от любви и ничто не занимало ее больше, чем любовь. «Я люблю только тебя, — писала она своему возлюбленному на фронт. — У меня нет никаких способностей, ни ума, ни воли — ничего, ничего, кроме любви. Это ужасно. Вот почему, если я потеряю тебя, то потеряю себя саму тоже, я уже не буду больше Гала — я буду бедной женщиной, каких существуют многие тысячи. Нужно, чтобы ты понял раз и навсегда, что во мне нет ничего от меня самой: всем, что есть во мне, полностью владеешь ты. И если ты меня любишь, ты сбережешь свою жизнь, потому что без тебя я как пустой конверт. Ты в ответе за мою жизнь». В 1918 г. Гала родила дочку, которую отец назвал нежным, ласкающим слух именем Сесиль. Но в роли матери она «не слишком стремилась усердствовать»: довольно равнодушно относилась к ребенку, и девочка жила на полном попечении бабушки.

Гала была из тех женщин, кто «безжалостным критическим взглядом следит за своей внешностью, не довольствуется первой победой и относится к любви как к длительному крестовому походу». Женщина до кончиков ногтей, она оставляла за собой привилегию быть красивой. Гала расходовала массу денег на духи и дорогие наряды, говоря Элюару: «Верь мне: все это, чтобы нравиться тебе!» Она носила красивые, подчеркивающие фигуру костюмы, сшитые в дорогих ателье, меховые аксессуары, пелерины, украшения — все то, что делало ее обольстительной и элегантной. Преданный муж заботливо удовлетворял любые прихоти своей капризной жены, делая бесконечные покупки. Он превосходно знал все ее размеры, ее вкусы и говорил: «Я хочу, чтобы у тебя было все, что можно иметь, все самое красивое». Элюары не умели и не хотели экономить: дорогие рестораны, трехзвездочные отели, роскошные туалеты требовали огромных затрат. При такой ненасытной потребности в комфорте и развлечениях, при такой беззаботности состояние отца Поля Элюара, Клемана Гренделя, быстро таяло.

Гала холила свое тело, руки ее всегда были безупречны. Лицо этой женщины трудно было назвать красивым: слишком длинный нос, тонкие губы и близко посаженные глаза делали ее похожей на хищную птицу или грызуна. Но когда Гала желала очаровать мужчину, она просто сводила его с ума. Она была непревзойденной кокеткой и умела соблазнять мужчин. Непостижимым образом в этой женщине соединилось несоединимое — решительность, недюжинная сила и упрямство «железной леди» с легкомысленностью и врожденным кокетством опытной обольстительницы. Гала по-королевски ненавидела будничные рутинные дела — домашнее хозяйство, уборку и

кухню. Повседневная жизнь казалась ей банальной и скучной, не похожей на ее «чудесные» мечты. «Вот что она любит делать дома: мечтать, читать, переставлять мебель, примерять и перекраивать платья, а еще заниматься любовью», — писала Д. Бона.

Свою невинность до брака Гала с лихвой компенсировала последующей сексуальной свободой. Ее сексуальный аппетит граничил с нимфоманией. Репутация нимфоманки, возможно, преувеличенная, плотно приклеится к Гала в сороковые годы, когда ей будет уже под 50. Ее называли «самкой-завоевательницей», которая словно хищная птица охотится на проходящих мимо юнцов. Гала всегда любила мужчин младше ее по возрасту, и со временем эта тенденция усилилась. Чем старше она становилась, тем более молодели ее «желаемые, реальные и потенциальные любовники». Уильям Ротлейн, с которым Гала познакомилась в 1963 г. и который потряс ее своим сходством с молодым Дали, был на 46 лет младше ее. Их страстный роман, продолжавшийся три года, оборвался, когда Ротлейн умер от передозировки наркотика. Последним фаворитом Гала стал американец Джеф Фенхолдт, исполнивший главную роль в рок-опере Вебера и Райса «Иисус Христос — суперзвезда». Она помогала Джефу в его песенной карьере, купила ему студию звукозаписи и дом за 1,25 млн долларов, делала бесконечные дорогие подарки, среди которых были и картины Дали. Гала лелеяла его, как когда-то лелеяла Дали, снова и снова повторяя, что он самый лучший и гениальный. Для страдающей от старения женщины этот посредственный, по общему мнению, актер стал королем «ангелов».

Гала не сдерживала своей свободы и в те годы, когда жила с Элюаром. После оргий втроем с художником Максом Эрнстом она сожалела о том, что «некоторые анатомические особенности» не позволяли ей заниматься любовью с двумя мужчинами одновременно. Макс Эрнст, немецкий художник-сюрреалист, вошел в семью Элюаров на правах «второго мужа» в начале 20-х гг. Это был скандальный союз, со сложными и двусмысленными отношениями, объединивший двух лучших друзей и женщину, ставшую их общей женой. «Вы не знаете, что такое быть женатым на русской женщине! Я люблю Макса Эрнста намного больше, чем Гала», — говорил Элюар. Это его откровенное признание гораздо глубже и трагичнее, чем признание «обманутого и несчастного мужа». «Гала не стала яблоком раздора. Она — залог их дружбы, она их взаимная мена, их общая женщина. Любя ее, они любят друг друга», — так характеризовала их отношения Д. Бона. Гала плохо переносила свою двойную любовь. Она желала бы выбрать кого-то одного, но, обычно такая решительная, на этот раз не

могла сделать выбор. Ее брак стал браком втроем. Три человека жили под одной крышей «в муках, причиняемых любовью и дружбой». «Возмутитель спокойствия» Эрнст попал под очарование «русской женщины» и французского поэта сразу, как только познакомился с ними. В годы их совместной жизни художник писал свои картины на одном дыхании. Его работа «Прекрасная садовница» является самым лучшим примером любовных отношений с Гала. Для этой картины модель позировала обнаженной. На берегу озера женщина выставляет напоказ свое стройное тело со вскрытым животом, низ которого закрывает голубка. У «Прекрасной садовницы» странная судьба: картина была в 1937 г. представлена на Мюнхенской выставке «дегенеративного искусства», а затем бесследно исчезла. Предполагается, что полотно было уничтожено нацистами. Эрнст, как и Элюар, испытал на себе «необыкновенную соблазнительную силу Гала, он не мог ей противостоять, он стал ее добровольной жертвой». Но в его картинах эта женщина предстает совершенно иной, нежели в стихотворениях его друга — сюрреальной или ирреальной.

«Элюар всегда описывал и воспевал Гала только как женщину в большей или меньшей степени чувственную, кокетливую, возвышенную, деспотичную и изменчивую в соответствии с красками их совместной жизни, — писала Д. Бона. — Эрнст, напротив, ее преображает. Он представляет ее по-другому: конечно, в женском облике, но как бы упавшей из другой галактики, освобожденной от законов тяготения: закрученной вокруг одной линии или висящей в воздухе, со вскрытым животом, с красными волосами, без глаз или покрытой насекомыми…» Лучшим доказательством этим словам служит сборник стихотворений Элюара «Вместо молчания», проиллюстрированный Эрнстом. Гала была героиней и музой этой книги. «Я замкнулся в своей любви, я грежу», — написал поэт рядом с одним из нарисованных Эрнстом лиц Гала. Влюбленным и слишком светлым стихотворениям Элюара соответствуют «сумасшедшие» рисунки Эрнста — «хоровод острых, злых, неприятных лиц, передающих на каждой странице без нежности, без ласки его восприятие Гала». Все двадцать рисунков художника изображают лицо «русской колдуньи», увенчанное густой копной черных волос.

Поль Элюар, до безумия любивший жену, не отрицал, что в его жизни помимо нее было множество других женщин. Но все эти мимолетные, случайные связи никогда не заменяли ему «вечной и лучезарной» любви к Гала. «Я обожаю тебя наравне со светом, которым ты являешься, отсутствующим светом. Все

остальное только, чтобы скоротать время, — говорил ей Поль. — Ты моя настоящая Реальность, моя Вечность». Он был убежден, что Гала — его жена навечно, женщина, которая всегда будет рядом. «Ты во всем, что я делаю. Твое присутствие во мне — высший закон. У меня лишь одно желание: видеть тебя, касаться тебя, целовать тебя, говорить с тобой, восхищаться тобой, ласкать тебя, обожать тебя, смотреть на тебя, я люблю тебя, я люблю только тебя: прекраснейшую и во всех женщинах я нахожу лишь тебя — всю Женщину, всю мою такую большую и такую простую любовь». Судя по письмам Поля, Гала всегда была «неотделима от его любовных игр, необходима ему для плотских утех». Она приходит к нему в эротических видениях, осязаемая даже в грезах. «Я мечтаю о тебе. Ты всегда здесь, ужасная и нежная королева из королевства любви… Только в тебе из моих желаний рождаются волшебные грезы, только в тебе моя любовь омывается любовью».

Элюар был уверен, что его узы с Гала настолько прочны и неразрывны, что никакие взаимные любовные авантюры не способны разорвать их союз. Но если его любовные приключения никак не сказывались на самой глубокой и главной любви в его жизни, то приключения его жены медленно разрушали их совместное прошлое. Гала была способна жить только настоящим, и это пугало Элюара. Его «нежная, суровая, сладострастная, очень умная и очень дерзкая властительница» была совершенно невосприимчива к сожалениям и угрызениям совести — чувствам из прошлого, которое всегда было Гала безразлично. Началом конца отношений Гала и Элюара стало появление в их жизни еще одного великого мастера XX века — Сальвадора Дали.

С испанским художником Гала познакомилась в Кадакесе летом 1929 г. На побережье Каталонии Гала приехала с мужем и дочерью, чтобы вместе провести «семейные каникулы». Героем этих каникул стал «господин здешних мест», еще мало кому известный 25-летний Сальвадор Дали. Поначалу тощий «бесноватый южанин» с иссиня-черными напомаженными волосами не произвел на скучающую Гала никакого впечатления. Более того, этот странный молодой человек показался ей «невыносимым» и «неприятным». Каталонец же, напротив, сразу обратил внимание на Гала и решил завоевать ее благосклонность. Женщине оставалось лишь медленно пасть перед очарованием этого человека, в котором удивительным образом смешались дикая робость и любовная тирания. Поначалу неприступная и высокомерная, вскоре Гала заинтересовалась экстравагантным художником, который тронул ее «своими странностями, своей душевной чистотой, своими повадками дикого кота».

Гала была на 10 лет старше Дали, и рядом они выглядели как моложавая мать и взрослый сын. Если верить словам художника, то до встречи с ней он никогда не был близок с женщиной. «Никогда в жизни еще я не занимался любовью, — признавался он на страницах своей книги „Тайная жизнь Сальвадора Дали“. — Мне казалось, что для этого акта требуется ужасная сила, диспропорциональная моей физической мощи: это было не для меня». В таинство любви его посвятит Гала, опытная и зрелая женщина. С самой первой встречи Дали почувствовал физическое влечение к ней, хотя видел в новой знакомой «скорее не женщину, а явление». Он смотрел на нее оценивающим взглядом художника на прекрасно сложенную, стройную натурщицу: «Углубление спины было крайне женственным и грациозно соединяло сильный и гордый торс с очень изящными ягодицами, которые осиная талия делала еще более желанными». Впоследствии Дали говорил, что полюбил Гала еще задолго до того, как увидел: ему часто снился сон о маленькой девочке-незнакомке, которую он обожает. Одетая в шубку, она катится в санях по снегу. Гала — это выросшая русская девочка, явившаяся из сновидений. И потому с первого мгновения знакомства Дали был уверен, что встретил «Женщину с большой буквы, Женщину Вечную, предназначенную ему изначально, про которую он вдруг — словно на него находит озарение — понял, что эта Женщина — его судьба». Для Сальвадора Дали будущее стало немыслимо без его богини: «Гала стала солью моей жизни, огнем, в котором закалилась моя личность, моим маяком, моим двойником, она — это я…Я люблю Гала больше, чем отца, больше, чем мать, больше, чем славу, и даже больше, чем деньги», — скажет потом художник.

И женщина, которой больше всего нравилось быть обожаемой, расцвела в лучах восхищенных и восторженных взглядов художника. Она чувствовала себя властительницей, королевой. Дали сходил с ума от любви, он боготворил Гала, не переставая петь ей дифирамбы. Но если в словах художник возносит Гала до небес, то в картинах он изображает ее «с беспощадным реализмом, без особой нежности». Интерпретируя образ любимой так, как ему подсказывало его безудержное воображение, Дали все же представляет Гала такой, какая она есть на самом деле, — телом и душой, с «безжалостной точностью и маниакальной тщательностью» подчеркивая слишком крупные черты лица своей возлюбленной. Высокомерная, царственная и уверенная в себе, Гала выражает безразличие и презрение даже в самом красивом и проникновенном портрете, который называется «Галарина». Но и лишенная очарования, в картинах Дали она

привлекает своей загадочностью и колдовством.

С самого начала своих отношений с художником Гала с присущей ей дьявольской интуицией сразу угадала в нем незаурядную личность. Но вряд ли эта женщина, которую грядущие поколения назовут «корыстной, скупой и в высшей степени амбициозной», делала ставку на его будущую мировую известность. В первые годы их совместной жизни Гала приходилось бороться с денежными трудностями и нищетой так, как никогда в жизни. Она осознанно посвящала жизнь «человеку, не способному обеспечить материально свое существование, человеку, который, как ребенок, зависел от нее». С момента возникновения их союза все финансовые проблемы решала она сама. Пытаясь избавить своего гения от денежных затруднений, она рекламировала в галереях его рисунки. «Дали необходимо спокойствие, а следовательно, деньги, чтобы рисовать», — рассуждала Гала. Она всюду сопровождала художника, помогая ему победить робость и слишком явное дикарство, соглашалась со всеми его решениями, капризами и безумствами. «Через хитросплетения поэтической жизни и жизни светской она проходит как цельная личность, полностью разделяя идеи Дали, даже самые нелепые и ужасные из них», — писала Д. Бона. Если бы художник не относился к Гала так благоговейно и трепетно, словно к королеве, имеющей над ним безмерную власть, можно было бы думать, что Гала служила ему. Гала вела себя скромно: в то время как другие старались блистать, она держалась в тени. Молчаливая и загадочная, она полностью сосредоточилась на своем спутнике, желая как бы вдохнуть в него свою силу. Теперь рядом с ней был не просто любимый мужчина — это был «ее ребенок, человек, которым она должна заниматься и которому должна быть предана». Что бы ни говорил и ни делал Дали, она всегда была солидарна с ним: «она его половинка, спаянная с ним, живущая в нем, неотделимая от него». У него было полное право говорить, что «Гала предана ему фанатично». От своих слов, в которых художник выразил свою признательность Гала, он не отречется никогда: «Мировую славу я завоевал только с помощью Бога, света Ампурдана и повседневного героического самоотречения необыкновенной женщины — моей жены Гала».

Последним прибежищем Гала стал замок Пуболь, расположенный недалеко от Кадакеса. Этот мрачноватый дворец, купленный Дали в 1968 г. специально для жены, стал для стареющей музы тихой гаванью. Здесь же, в склепе замка 11 июня 1982 г. Гала была похоронена. Смерть ее стала самой большой утратой в жизни испанского художника.

Однажды С. Дали написал в своем дневнике: «Спасибо, Гала!

Это благодаря тебе я стал художником. Если бы не ты, я бы никогда не поверил в свое дарование». Любовь была смыслом существования этой незаурядной женщины, обладающей удивительной способностью к полному самоотречению. Это чувство было самым бесценным и всеобъемлющим даром в жизни прославленной Музы.

Дюплесси Мари

Настоящее имя — Альфонсина Плесси (род. в 1824 г. — ум. в 1847 г.)

Прекрасная французская куртизанка, вдохновившая своего любовника А. Дюма-сына на создание романа и драмы «Дама с камелиями», а композитора Джузеппе Верди — на написание оперы «Травиата».

Андре Моруа в предисловии к биографическому роману «Три Дюма» написал: «Судьба отца служила постоянным уроком сыну. Расточительный отец породил бережливого сына, отец легкомысленный — сурового резонера. После бурно проведенной юности Дюма-сын решил перестроить жизнь в соответствии со своими принципами. Он потерпел неудачу, и в этом заключается драма его жизни. Дюма-сын разыгрывал в жизни одну из драм Дюма-сына».

Любовь к знаменитой парижской куртизанке Мари Дю-плесси стала одним из актов этой драмы. Но занавес для Дюма-сына был еще не единожды поднят. Он выходил на поклоны, принимал овации публики и поздравления друзей. Но той, чья судьба стала фактически трамплином для его литературного взлета и, в общем-то, безбедной жизни, рядом с ним не было. Она сгорела как бабочка на костре веселой парижской жизни. И памятником ей стала не надгробная плита, а роман (1848 г.) и пьеса (1852 г.) Дюма-сына «Дама с камелиями» и бессмертная опера Джузеппе Верди «Травиата» (1853 г.).

Детство Альфонсины Плесси было безрадостное. Ее отец, Марен Плесси — бродячий жестянщик из деревушки Сен-Жермен-де-Клерфёй в Нижней Нормандии, был взбешен, когда 14 января 1824 г., вместо ожидаемого мальчика, на свет появилась она. Простить жене рождение второй дочери он не мог и своей жестокостью и злобностью довел мать Альфонсины, Мари Дезайенс, до могилы. Девочке было всего восемь лет, когда скряга-отец, слывший к тому же колдуном, отправил ее к сестре матери. Мадам де Буазер племянница тоже была не нужна. Она не отказывала ей в куске хлеба, но нелюбила, уделяя внимание только своим трем детям.

Предоставленная себе самой, Альфонсина все время проводила на улице и вскоре заметила, какими жадными взглядами награждали ее деревенские мужчины. Никто из взрослых не вел с ней задушевных бесед о морали и нравственности, но когда она согрешила с симпатичным лакеем с

соседней фермы, возмущенная тетушка тут же вернула юную грешницу к отцу. Марен Плесси, не долго думая, отдал дочь для услады семидесятилетнему богачу Плантье. Строптивая Альфонсина через два месяца без гроша за душой сбежала от сластолюбивого старца. Трактирщик из Эксме — небольшой деревушки близ Орна — с удовольствием предоставил веселой красавице работу. Днем она подавала посетителям еду, а ночью — свое тело. Другого способа заработать на жизнь Альфонсина не знала.

Через год ее «трудоустройством» вновь занялся отец. Но богатый фабрикант из Тасе был настолько скуп и капризен, что она вскоре «уволилась по собственному желанию». Бездушный отец тут же перепродал ее цыганам. Странствуя по Франции с кочевым табором, Альфонсина усовершенствовалась в любовных изысках, присовокупив к своим знаниям цыганские страсти. Добравшись до Парижа, цыгане отдали ее в обучение к модистке. Жалкие гроши, которые она зарабатывала иглой, не шли ни в какое сравнение с доходами от ночных похождений по злачным уголкам столицы. Студенты и мелкие чиновники без сожаления расставались с деньгами: ночь, проведенная с Альфонсиной, того стоила. Девушке нравились эти мимолетные романы с юными, ею выбранными кавалерами.

Шестнадцатилетняя красотка приглянулась и состоятельному владельцу ресторана «Пале-Ройяль». Мсье Нолле решил, что такой «жемчужине» нужно и достойное обрамление: поселил Альфонсину в небольшой, но хорошенькой квартирке, приодел и решил вывести в свет. Почти сразу он был вынужден расстаться со своей пассией. Герцог Аженор де Гиш, элегантный молодой лев из Политехнической школы, был в восторге от своего «приобретения». За три месяца он истратил на Альфонсину десять тысяч франков, и когда она вошла в знаменитую «инфернальную ложу» Оперы, у мужчин перехватило дыхание. Грациозная, как лань, с тонкими чертами лица и точеной фигуркой, Альфонсина вызывала зависть: мужчины завидовали герцогу, а женщины — ее совершенной красоте. Самые элегантные дамы полусвета Алиса Ози, Лола Монтес и Атала Бошен вынуждены были признать, что появилась соперница, равная им.

Вот и сбылись мечты деревенской девчонки: дорогие наряды, меха, драгоценности, мужское внимание и преклонение. Однажды она откровенно призналась знаменитой французской актрисе де Жюдит: «Вы хотите знать, почему я продалась? Потому что честный труд никогда не дал бы мне той роскоши, к какой я так стремилась, которой так жаждала. Что бы вы там не думали обо мне, я никогда не была ни алчной, ни корыстолюбивой. Мне лишь

хотелось узнать, как живут люди высшего общества…»

Альфонсина чувствовала себя достойной этой жизни, полной услады, круговорота светских развлечений, дорогих апартаментов с мебелью в стиле «ампир» и богатых поклонников, которые обеспечивали ей блистательное будущее. Юная, но необразованная красавица с непостижимой скоростью переняла от своих мужчин светские манеры и изысканную речь и теперь ей, как даме полусвета, не пристало зваться плебейским именем. Она страстно мечтала купить себе участок земли в Плесси, близ родного Ноана, и поэтому заранее незаконно изменила не только имя, но и фамилию на дворянскую. Так появилась Мари

Дюплесси — самая знаменитая куртизанка Парижа первой половины XIX века.

Любовь Мари стоила очень дорого. Быстро разорившийся герцог де Гиш вынужден был уступить ее более богатому кавалеру. От виконта де Мериль она забеременела и, чтобы не смущать общество своей испорченной фигурой, почти год прожила в Версале, в стороне от светских развлечений. Мари родила мальчика и, веселая и беззаботная, вернулась в Париж. Сына забрал к себе де Мериль, будущий префект Бургундии, и больше она о ребенке ничего не знала.

Ее вновь окружили самые блистательные мужчины — Анри де Контад, Фернан де Монгион, Эдуард Делессер и десятки других. Но не только на безделушки тратила Мари заработанные любовью деньги. Лучшие парижские репетиторы обучали ее изысканному французскому, игре на фортепиано, литературе, искусству танца. На полках ее библиотеки рядом с душещипательными романами стояли книги Рабле, Сервантеса, Скотта, Гюго, Дюма-отца, Ламартина и Мюссе. Поэтому никого не удивляло, что в ее изысканно роскошном салоне можно было встретить не только светских львов, но и литературную гордость Франции — Эжена Сю, Роже де Бовуара, Альфреда де Мюссе. Мари неплохо разбиралась в литературе и любила хорошую поэзию. Когда модная куртизанка садилась за фортепиано и исполняла задумчивые баркаролы и волнующие сердце вальсы, ощущалось, как глубоко она чувствует музыку. Поэтому к Мари относились со смешанным чувством уважения, восхищения и жалости, что не обделенная талантами девушка занялась таким ремеслом.

Но другой жизни для себя она не хотела. Уже через три года Мари называли самой красивой и элегантной женщиной Парижа, королевой французских бульваров. «В ней сквозила такая изысканность, которой нельзя научиться, она не утрачивала своей тактичности при любых обстоятельствах, — отмечал в своей

книге „Англичанин в Париже“ А. Вандам. — Она никогда не позволяла себе ни одного грубого слова. У Лолы Монтес, ее главной соперницы, не было ни одного друга, у Мари Дюплесси — ни одного врага. Но даже в самых веселых и шумных компаниях она оставалась спокойной, безучастной, часто подолгу молчала, о чем-то размышляла, порой впадала в меланхолию. Она знала, что больна, что скоро умрет, и эта грозная мысль постоянно сверлила ее мозг, лишала радости наслаждения жизни… Ее содержал тогда какой-то аристократ-иностранец, любивший ее как дочь».

Бывший русский посол в Париже, барон фон Штакельберг, познакомился с Мари на водах в Спа, где она лечилась от туберкулеза. Взяв ее на содержание, он проявил себя как поборник нравственности и пообещал пожизненную ренту любого размера, если Мари прекратит заниматься проституцией. Его это, конечно, не касалось. Может, поэтому юная куртизанка распустила слух, что между нею и бароном нет любовной связи, а материальная помощь бескорыстна, так как она напоминает ему рано умершую дочь. Щедрость старца не знала границ: прекрасный дом на улице Мадлен, роскошная двухместная карета, пара чистокровных лошадей, мебель в стиле Людовика XIV, кресла с дорогими гобеленами из Бове, шифоньеры работы Ризенера, севрский фарфор и море цветов… Роскошь, достойная королевы.

Многочисленные поклонники начали называть Мари не иначе, как «Дама с камелиями». Она очень любила все цветы, но тяжело переносила их благоухание. А белоснежные камелии, изящные и хрупкие, как и она сама, издавали легкий аромат свежести. «Ее заточили в крепость из камелий», — тонко заметил французский писатель А. Гуссай. Мари тяготилась обещанием, данным ей барону. Свободолюбивая, порывистая, она привыкла к поклонению и светским развлечениям. Жизнь в золоченой клетке была ей скучна, как и давно надоевший нудный старик, твердящий о добродетели с масляным от похоти взглядом. Респектабельной женщиной Мари стать не удалось. Сила привычки взяла верх. Барон сердился, что птичка ускользнула от него и вновь стала вольной королевой полусвета.

Сентябрьский вечер 1844 г. Мари провела в Опере, как обычно, привлекая к себе внимание сильной половины. Ни одна из красавиц не могла соперничать с ней. Головы мужчин были повернуты к ее ложе, как подсолнухи к солнцу. Заехавший поразвлечься среди смазливых девиц, Дюма-сын был просто околдован. «Она была высокой, очень изящной брюнеткой с белоснежно-розоватой кожей. Головка у нее была маленькая,

продолговатые, как миндалины, глаза, казалось, были подернуты голубоватой эмалью, как у японок, только они были не неподвижными, а юркими и живыми, а главное, в них чувствовался гордый взгляд; красные, вишневого цвета губки и прелестнейшие на свете ровные зубки. Вся она напоминала собой хрупкую статуэтку из прекрасного саксонского фарфора. Узкая талия, лебединая шея, поразительное выражение чистоты и невинности во всем облике, байроническая, загадочная бледность, длинные локоны, ниспадающие на английский манер на плечи, декольтированное платье из белого атласа, бриллиантовое колье, золотые браслеты на руках, — все это делало ее царственно прекрасной». Так описал Александр Дюма-сын свой первый восторг от встречи с Мари.

Обворожительная женщина покинула театр в сопровождении брюзжащего барона, не дождавшись окончания спектакля. Дюма-сын с приятелем тут же разыскали знакомую, которая могла бы ввести их в дом к известной куртизанке. Но Мари была не одна, барона заменил «очередной граф». Она выпроводила богача, а молодых людей приняла любезно, веселилась без меры, пила шампанское и даже ругалась, как грузчик. Александр никак не мог понять ее настроения, не мог понять, понравился ли он. Они с Мари были одногодками. Дюма-сын был привлекательным молодым человеком, полным сил и здоровья. Курчавые светло-каштановые волосы обрамляли покатый лоб и аристократическое холеное лицо. Ни единая черта не напоминала, что он внук черной рабыни. Александр одевался с большим вкусом и часто не по средствам, держался надменно и своими неистощимыми, чаще всего колючими остротами веселил одних и доводил до белого каления других. Как и отец, он пользовался популярностью у женщин, но словно бы стеснялся этого. Александр всегда помнил, что был незаконнорожденным ребенком и что Дюма-отец бросил их с матерью и признал его только в семилетнем возрасте.

К женщинам Дюма-сын относился с жалостью, но сам был не без греха. Вот и теперь к прославленной куртизанке его привело ошеломляющее чувство влюбленности. Оно тут же сменилось щемящей жалостью. Ужин подходил к концу, когда полыхающая румянцем Мари выбежала из-за стола. Надрывный кашель совершенно обессилил ее. Забота, проявленная Александром, шла от чистого сердца. Мари это почувствовала и сразу дала понять, что лучше ему в нее не влюбляться. «У вас будет незавидная любовница: женщина нервная, больная, грустная; а если веселая, то печальным весельем. Подумайте только, женщина, которая харкает кровью и тратит сто тысяч франков в год! Это хорошо для богатого старика, но очень скучно для такого молодого человека,

как вы. Все молодые любовники покидали меня».

Предостережение, казалось, нисколько не смутило Александра. Он жалел всех обездоленных женщин, как и свою мать, которую очень любил. Благородный и снисходительный молодой человек считал их жертвами общества и выказывал уважение. Наверное, именно этим он привлек к себе Мари, ведь денег у него не было, за каждым франком он обращался к отцу. Капризы «Дамы с камелиями» стоили недешево, а отказывать себе она давно разучилась. Мари вновь почувствовала себя юной гризеткой, гуляла с Александром по бульварам, нежно называла придуманным именем Аде (сокращение от А. Дюма), а ночью отдавала свое хрупкое тело с такой страстью, что это было настоящим «пиршеством плоти».

Им было хорошо вдвоем, но очень недолго. Мари отказала всем богатым клиентам, но жить продолжала на широкую ногу. Это смущало Александра. Он любил страстно и боялся быть обманутым. И чем больше молодой человек задумывался, тем неприятней ему казалась действительность. Он хорошо знал, как ловко Мари умела отказаться от надоедливого любовника, ссылаясь на болезнь или уже занятый вечер. Когда ее спрашивали, почему она так часто обманывает, то Мари смеясь отвечала, что «от лжи зубы белеют».

Несколько коротких месяцев незамутненных чувств сменились длинными тягостными месяцами недоверия. Мари почувствовала его отчуждение. «Дорогой Аде, почему ты не даешь о себе знать и почему не напишешь мне обо всем искренне? Мне кажется, что ты мог бы относиться ко мне как к другу. В ожидании вестей от тебя нежно целую тебя как любовница или как друг — по твоему выбору. В любом случае остаюсь преданной тебе. Мари».

Как считали современники, Дюма-сын был от природы наделен тем душевным теплом, которое исходило и от его отца. Только рядом со старшим Дюма можно было отогреться и простить ему многие чудачества, а сын не умел передавать свое тепло другим. Злопамятный пессимист, благоразумный моралист, человек долга — все эти черты представляли странный коктейль в его характере. Он и любил с оглядкой, и сам себя корил за это. Писательница графиня Даш, хорошо знавшая отца и сына, тонко подметила: «Сын Александра Дюма, банкира всех тех, кто никогда не отдает долгов, не мог бросать на ветер ни своих экю, ни своей дружбы. Крайняя сдержанность Александра — следствие полученного им воспитания и тех примеров, которые он видел. Жизнь его отца для него — фонарь, горящий на краю пропасти. Вы не найдете у него внезапного горячего порыва, свойственного

Дюма-отцу. Он холоден внешне и, возможно, охладел душой с того времени, как в его сердце угас первый порыв страстей».

В отношениях с Мари между любовью и благоразумием победило благоразумие. Содержать привыкшую к роскоши куртизанку он был не в состоянии, как и что-либо изменить в ее жизни. 30 августа 1845 г. Александр написал ей прощальное письмо. «Дорогая Мари, я не настолько богат, чтобы любить вас так, как мне хотелось бы, и не настолько беден, чтобы быть любимым так, как хотелось бы вам. И поэтому давайте забудем оба: вы — имя, которое вам было, должно быть, почти безразлично; я — счастье, которое мне больше не доступно. Бесполезно рассказывать вам, как мне грустно, потому что вы и сами знаете, как я вас люблю. Итак, прощайте. Вы слишком благородны, чтобы не понять причин, побудивших меня написать вам это письмо, и слишком умны, чтобы не простить меня. С тысячью лучших воспоминаний. А. Д.» Любовь еще долго тлела в душе Аде и образ Мари занимал его воображение, но сердце его не разбилось. Только любовницу он теперь выбрал себе попроще — актрису театра Анаис Льевен.

Мари же привыкла к непродолжительным любовным связям — это был ее удел. Она и Дюма-отцу глазки строила. «О сегодняшней любви она помышляла не больше, чем о завтрашнем увлечении, — писал французский критик Ж. Жанен в предисловии к пьесе Дюма-сына „Дама с камелиями“. — У нее, по сути дела, была душа гризетки, которая пыталась внедриться в тело куртизанки». Если у Мари и осталась рана в сердце, нанесенная разрывом с Аде, то этого никто не заметил. Она так же блистала в свете и вскоре нашла ему полноценную замену.

Ференц Лист — великий венгерский музыкант, «прекрасный, как полубог», как раз в этот момент оказался в «глухом одиночестве» после 14-летней связи с Мари д’Агу. Ференц по достоинству оценил не только упорство и уверенность Дюплесси в своей неотразимости, но и тонкий вкус, изысканные манеры, ум и чувство юмора. О его музыке она могла говорить часами. Мари удалось «убрать с дороги» еще одну претендентку на сердце Листа — Лолу Монтес, каким-то образом убедив ее отказаться от притязаний на любовь композитора. Впервые «королева бульваров» ревновала и верила всем обещаниям, которые щедро раздавал Ференц. Но даже романтическое путешествие по странам Востока, о котором так мечтала Мари, оказалось очередным замком из песка.

Да и жизнь Дюплесси все больше напоминала неумолимые песочные часы. Она чувствовала, как капля за каплей истекают ее жизненные силы, как мало времени остается для веселой жизни.

Судьба подарила ей последнюю встречу, последнюю возможность любить и быть любимой. Весь Париж с восторгом наблюдал, как Мари отбила любовника у своей старинной соперницы Алисы Ози, и заключал пари, насколько долго продлится эта экстравагантная связь «Дамы с камелиями» и графа Эдуарда Перрего. Теперь каждый ее наряд стоил не менее десяти тысяч франков. Глядя на счастливую Мари, всем становилась ясно, что ее воздыхатель не только щедр к своей фаворитке, но и без оглядки влюблен. Эдуард, по мнению света, повел себя более чем странно. Он не только отправился с ней в путешествие по Англии, но и 21 февраля 1846 г. в Лондоне сочетался с Мари гражданским браком.

Наконец-то мечта Дюплесси о дворянстве исполнилась. Мари поспешила украсить дверцы своей кареты графскими гербами, но оказалось, что кое-какие формальности не были соблюдены, и брак во Франции был признан недействительным. Супруги расстались по обоюдному согласию, вернув друг другу свободу. Граф Перрего никому не сообщил подробностей столь скоропалительного брака: может, он хотел привязать к себе легкомысленную возлюбленную или выполнил желание женщины, предчувствующей свою кончину. В свете поговаривали, что у него серьезные финансовые проблемы и Дюплесси осталась без материальной помощи.

Для самой Мари последний год был очень грустным и тяжелым. Чахотка приобрела скоротечную форму. Мари таяла на глазах, но продолжала вести привычную ей богемную жизнь, танцевала на балах, посещала модные курорты. Долги графини Дюплесси росли с катастрофической быстротой. Всего за год все ее богатство, состоявшее в основном из драгоценностей, словно испарилось. В доме появились «налой, крытый трипом» и «две позолоченные Девы Марии». Многочисленные друзья почему-то забыли дорогу в ее уютное гнездышко. Последний раз ее видели в Опере в конце января. Два лакея внесли в ложу тень от женщины, некогда блиставшей своей красотой. В руках у нее был громадный букет белоснежных камелий. Больше она не покидала свой дом и никого не принимала. Мари отказала в последнем свидании даже Эдуарду Перрего.

3 февраля 1847 г., когда парижские улицы кружились в веселом карнавале, Мари тихо угасла. «Ее утонченный вкус проявился даже в ее последней воле: она завещала похоронить себя на рассвете, в каком-нибудь уединенном, даже таинственном месте, без особой помпы и шума». Эта часть завещания была выполнена. Ее тело, подарившее мужчинам столько ласки и удовольствия, все засыпанное белыми камелиями, сопровождали

до Монмартрского кладбища только два человека: Эдуард Перрего и Эдуард Делессер.

Аде в это время путешествовал по Алжиру и Тунису. О смерти своей бывшей возлюбленной он узнал только по прибытии в Марсель. Все всколыхнулось в нем. Дюма-сын признавался самому себе, что так и не смог забыть эту изумительную женщину, в которой греховность и праведность были нерасторжимы. Он успел к распродаже имущества куртизанки. Чарльз Диккенс сообщал о своих впечатлениях от аукциона в письме: «Там собрались все парижские знаменитости… Глядя на всеобщую печаль и приглушенное восхищение, можно было подумать, что умер национальный герой или Жанна д'Арк». Все вещи ушли с молотка по баснословным ценам. Александр смог купить на память только золотую цепочку Мари. Часть денег, полученных от распродажи, пошла на уплату долгов, а остальные, согласно завещанию, предназначались для племянницы — дочери ее сестры Флорины — с единственным условием: никогда не приезжать в Париж.

Дюма-сын не находил себе оправданий, перечитывал письма Мари, а однажды в театре услыхал, как одна из билетерш вспомнила о «Даме с камелиями». Он заперся в отеле «Белая лошадь» и за две недели написал свой первый роман (1848 г.), принесший ему не только мировую славу, но и трогательную благодарность женщин. По признанию Дюма-сына, образы литературной героини Маргариты Готье и реальной Мари Дюплесси совпадают лишь в начале и в конце повествования. Центральная часть романа была плодом его воображения. Маргарита более благородная, романтичная, нежная и готовая на самопожертвование ради любимого человека. Именно такими писатель видел женщин полусвета.

Пьеса А. Дюма-сына «Дама с камелиями» и опера Д. Верди «Травиата» также имели ошеломляющий успех. Знаменитый французский писатель Т. Готье написал после первого же спектакля: «Мари Дюплесси, наконец, удостоилась памятника, которого мы все для нее добивались (пьеса некоторое время была запрещена к постановке). Бессмертная история влюбленной куртизанки, ты всегда будешь искушать поэтов!» Его слова оказались пророческими. С появлением кино и телевидения было создано около 30 версий этого романа. Первая появилась в эпоху немого кино в 1907 г., где Маргариту Готье играла Сара Бернар. Фильмы на этот сюжет были созданы в Китае, Мексике, Венесуэле, Америке, Италии, Испании, Германии. 150 лет не сходит со сцен драматических и оперных театров красивая история любви под названием «Дама с камелиями», подарившая

Мари Дюплесси бессмертие.

Екатерина II Великая

(род. в 1729 г. — ум. в 1796 г.)

Принцесса София Августа Фредерика Амалия Анхальт-Цербстская. Российская императрица с 1762 по 1796 гг. Пришла к власти в результате переворота, который привел к свержению ее мужа, российского императора Петра III. Проводила политику просвещенного абсолютизма. В эпоху, когда фаворитизм стал обычным явлением при королевских дворах Европы, прославилась большим количеством фаворитов. Оставила большое литературное и эпистолярное наследие, состоящее из беллетристических, публицистических, научно-популярных сочинений и мемуаров.

Одним из главных упреков в адрес Екатерины являются ее многочисленные любовные связи. Даже ссылка на то, что фаворитизм был достаточно распространенным явлением при дворах той чувственной и далеко не пуританской эпохи, не обеляет ее в глазах современников и потомков. Отсюда — огромное количество исторических анекдотов, дешевых фильмов и романов, созданных для развлечения обывателей, и пасквилей, сочиненных в угоду политической конъюнктуре. Однако что бы ни утверждали любители исторической клубнички, при ближайшем рассмотрении эта сторона жизни русской императрицы далека от ординарности и банального разврата.

Портреты Екатерины и свидетельства современников говорят о том, что внешне она не была наделена классической красотой, но обладала огромным обаянием и привлекала внимание мужчин

даже в преклонные годы. Письма современников-мужчин отмечают сильное впечатление, производимое на них сочетанием ума, черт лица, легкой походки, тембра голоса, грациозности движений императрицы.

Сама Екатерина писала о том, что за всю жизнь имела 20 любовников. Некоторые исследователи увеличивают это количество до 22–23, а отдельные монографии, в сущности, являющиеся политическими пасквилями, и бульварные издания готовы приписать ей чуть ли не половину придворной челяди. На самом деле любовные связи императрицы не выходили за рамки придворной морали XVIII в. Иначе Екатерина, чрезвычайно заботящаяся о впечатлении от своего правления в настоящем и будущем, не выставляла бы напоказ подробности своей интимной жизни. И уж совсем к числу небылиц следует отнести сообщения об оргиях, интимных контактах с животными и т. п., которые связывают с именем императрицы. На самом деле любовные связи Екатерины имели совершенно иную подоплеку. Чтобы понять это, следует проследить всю историю ее жизни.

Будущая российская императрица Екатерина II родилась в Штеттине (совр. Щецин, Польша) 21 апреля (2 мая) 1729 г., в юные годы звалась Софией Августой Фредерикой Амалией и носила титул принцессы Анхальт-Цербстской. Ее отец, Христиан Август Анхальт-Цербстский, принадлежал к числу многочисленных германских принцев, большинство из которых, кроме титула, ничего не имели и вынуждены были служить при дворах своих более счастливых собратьев. Поэтому Христиан Август сначала был генерал-майором прусской армии и командовал полком, а позже стал прусским фельдмаршалом и губернатором Штеттина.

Мать девочки, Иоганна Елизавета, была принцессой Голштинского дома и через многочисленных родственников находилась в родстве со многими королевскими и герцогскими домами Европы. Она была красива, легкомысленна и не единожды давала повод к подозрениям в супружеской неверности. Это породило слухи о том, что настоящим отцом Софии Августы Фредерики Амалии был прусский король Фридрих II, что, однако, не подтверждено серьезными исследователями.

Отца София очень любила, а к матери относилась холодно. Взбалмошная Иоганна Елизавета постоянно раздавала пощечины детям, в семь лет забрала у дочери все игрушки и заставляла ее целовать край платья у знакомых дам, чтобы подавить в девочке зарождавшееся чувство гордости. В результате с ранних лет ее старшая дочь приучилась скрывать свои чувства. Между тем

девочка имела живой и независимый характер, была умна и любознательна.

От природы подвижная, принцесса несколько лет была вынуждена носить корсет, так как в семь лет от приступа сильного кашля ее скрючило. Врачи не могли справиться с болезнью, поэтому лечил ее штеттинский палач. Именно он сделал корсет и натирал девочке плечо и позвоночник своей слюной.

Болезнь прошла как-то сама собой. Но за эти годы принцесса пристрастилась к серьезному чтению и приобрела привычку обдумывать прочитанное. Все многочисленные немецкие принцессы готовились к тому, чтобы составить приличную партию, и едва ли не каждая из них мечтала о троне какого-нибудь государства. При такой конкуренции в эпоху Просвещения, когда вся Европа была охвачена благоговейным восторгом перед наукой и искусствами, уровень образования и хорошие манеры могли сыграть решающее значение, и родители заботились об образовании дочери. Домашние учителя помогли Фике (так звали принцессу домашние) овладеть французским и немного английским языками, обучали ее основам истории, географии, богословия, музыке и т. п.

Вместе с матерью, любившей перемену мест, будущая императрица много путешествовала. В 1739 г. она побывала в Эйтине, куда съехались члены Голштинского дома. Здесь она впервые увидела юного герцога Карла Петера Ульриха, который благодаря кровным связям мог претендовать сразу на две короны — шведскую и российскую. Слабый и хилый родственник не понравился принцессе. К тому же вокруг говорили о его скверной привычке постоянно напиваться за столом. Но именно на этого герцога пал выбор русской императрицы Елизаветы, не имевшей собственных детей, когда пришло время позаботиться о наследнике престола. Она вызвала племянника из Голштинии, крестила его в православие под именем Петра Федоровича и сделала великим князем.

Теперь наследника нужно было женить. Среди европейских принцесс кандидаток было множество. Но Фридрих II Прусский особенно рекомендовал принцессу Ан-хальт-Цербстскую, и Елизавета вняла совету. 17 января 1744 г. вместе с матерью пятнадцатилетняя София Августа Фредерика Амалия отправилась в далекий Петербург.

По всей видимости, сердце юной принцессы в то время не было совершенно свободным. В своих «Записках» она сообщает, что в нее был влюблен один из братьев матери. А в некоторых публикациях утверждается, что София состояла в любовной связи

с неким графом Б. Это, однако, следует отнести к числу многочисленных вымыслов о любовных похождениях императрицы. Через несколько лет после заключения брака по приказу свекрови, встревоженной отсутствием наследников у великокняжеской четы, молодая женщина была подвергнута медицинскому освидетельствованию. Было установлено, что бывшая София Августа Фредерика, а теперь перешедшая в православие великая княгиня Екатерина оставалась девственницей: ее инфантильный муж не мог исполнять супружеские обязанности.

С первых же месяцев брака, состоявшегося в 1745 г., Екатерина оказалась в достаточно сложном положении. И не только из-за мужа. Елизавета невзлюбила невестку. Она казалась императрице слишком умной, а поэтому опасной. В этом определенную роль, видимо, сыграла и мать Екатерины, которая сумела перессориться со многими придворными и раздражала Елизавету, постаравшуюся быстро избавиться от новоиспеченной родственницы. Екатерина жила в атмосфере постоянной слежки и недоброжелательства, хотя не имела недостатка в нарядах и драгоценностях. Ей не дали даже оплакать умершего отца, так как свекровь заявила, что нечего горевать о человеке, который не был королем. Но Екатерина сумела не сломаться, заслужила уважение народа, обеспечила себе круг друзей и, по традиции той эпохи, обзавелась любовниками.

По ночам несколько приближенных тайно собирались в ее покоях, устраивали веселые пирушки. Иногда Екатерина, разумеется, тоже тайно, покидала дворец и отправлялась к друзьям. Все это оставалось незамеченным и сходило с рук.

Однако отношения с мужем и свекровью не улучшались. Парадный портрет великокняжеской четы из собрания Государственного Русского музея, написанный Г. Х. Гроотом, говорит о многом. Даже не зная истинной подоплеки взаимоотношений между супругами, можно заметить присутствие антагонизма между ними. С одной стороны — явно нездоровый[4] взгляд Петра и тронутые циничной улыбкой губы. С другой — твердый прямой взгляд Екатерины и плотно сжатые губы, еле сдерживаемая неприязнь. Один — воплощение самодовольства и наслаждения от власти над вверенной его заботам женщиной, другая полна скрытой решимости, ума и воли.

На брачном ложе Петр играл с куклами-марионетками или солдатиками, а шокированная этим Екатерина изгоняла его из спальни. Елизавета же посылала девушку, которая должна была прятаться ночью под кроватью супругов, а потом доносить «его высочество с ее высочеством совокупляется ль…»

После уже известного читателю факта медицинского освидетельствования великой княгини Петру была сделана операция. Теперь он мог выполнять свой супружеский долг. В результате 20 сентября 1754 г. Екатерина родила сына, нареченного Павлом. Однако к этому времени она уже имела в любовниках молодого гвардейца Сергея Салтыкова, что дало повод к версии о том, что унаследовавший после Екатерины престол император Павел не был сыном Петра III. Вопрос этот и поныне остается без ответа. Тем более что в мемуарах Екатерины есть намеки на то, что ее свели с Салтыковым специально, по приказу Елизаветы, дабы обеспечить рождение наследника трона. В то же время некоторые исследователи считают, что все это придумано императрицей, чтобы поставить под сомнения права сына на престол. Биографы отмечают внешнее сходство Павла с Петром III.

Как бы то ни было, но Елизавета была рада рождению внука. Она тут же забрала его у невестки и воспитывала сама. Именно это, видимо, стало в будущем причиной довольно сложных отношений между императрицей и ее наследником. Они всегда были чуждыми друг другу, а боязнь матери претензий сына на трон усиливала антагонизм между ними в последние годы жизни императрицы.

Салтыкова спешно отослали за границу, откуда вскоре дошли слухи о его многочисленных любовных похождениях. Но Екатерина уже нашла ему замену в лице молодого польского дипломата Станислава Понятовского. Однако от Понятовского Елизавета тоже постаралась избавиться. Тогда в жизни Екатерины появился Григорий Орлов — бретер, силач, герой Семилетней войны, один из самых красивых мужчин своего времени и «авантюрист в Европе из первейших». Дело дошло до рождения у них в апреле 1762 г. сына Алексея, отданного на воспитание в чужие руки. Впоследствии он получил титул графа Бобринского, а Павел I признал в нем единоутробного брата.

К моменту смерти Елизаветы, последовавшей 25 декабря 1761 г., отношения между Екатериной и Петром совсем испортились. Петр обзавелся любовницей — отличавшейся редкой некрасивостью фрейлиной Елизаветой Воронцовой. Было весьма вероятно, что новый император отошлет жену в монастырь, а императрицей сделает Воронцову. Во всяком случае он неоднократно заявлял об этом, а однажды даже решил заключить жену в крепость, но придворные отговорили его от этого скандального шага. Екатерине, давно нашедшей сторонников среди придворных и военных, отрицательно относившихся к вечно пьяному и невоздержанному императору,

слишком увлеченному прусскими порядками, не оставалась ничего, кроме переворота.

Безмерно преданный Екатерине, Орлов привлек к заговору своих братьев и других сторонников великой княгини из числа гвардейцев. 28 июня 1762 г. брат Григория, Алексей Орлов, разбудил Екатерину и отвез ее в казармы Измайловского полка. Там ее провозгласили императрицей. То же повторилось в казармах Семеновского полка. Солдаты и офицеры сбросили введенную Петром ненавистную им форму прусского образца и надели русские мундиры. Вскоре в Казанском соборе духовенство тоже провозгласило Екатерину императрицей, а в Зимнем дворце началась присяга гражданских и военных чинов.

Утром в мундире Преображенского полка, чрезвычайно шедшем ей, Екатерина верхом во главе войск направилась из Петербурга в Ораниенбаум, чтобы арестовать мужа. После неудачной попытки вступить в переговоры Петр направил жене письмо с отречением.

Свергнутого Петра отправили в небольшое местечко Ропшу, находящееся неподалеку от Петербурга. В начале июля охранявший бывшего императора Алексей Орлов неожиданно прислал Екатерине письмо, написанное в большой спешке и великом испуге. Он сообщил о внезапной смерти Петра. Тот, будучи пьяным, якобы впал в буйство, а когда его схватили, внезапно умер. Официальной же причиной смерти, сообщенной за границу, был назван приступ геморроидальных колик, которыми уже давно страдал бывший император, и прилив крови к мозгу (т. е. инсульт). Екатерина тоже была перепугана и очень боялась, что ее сочтут виновной в смерти мужа. Подозрение в этом падает тенью на ее имя, но так и остается только подозрением. А сам факт смерти Петра был воспринят в России и за границей вполне спокойно.

Пылкий Понятовский, обожавший Екатерину, рвался в Петербург. Но рядом с ней уже находился Григорий Орлов, которому она была обязана троном. Боясь за свое положение, увлеченная красавцем-графом, она пригрозила бывшему любовнику тем, что их обоих могут убить. Станислав Август остался в Польше. Позже русская императрица посадила его на польский трон, но потом, преследуя государственные интересы России, приняла участие в разделе Речи Посполитой, фактически лишив Понятовского королевской власти.

Последнее свидание бывших любовников состоялось в Каневе, куда Екатерина заехала во время путешествия по Южнорусским губерниям, а Понятовский приехал специально для встречи с ней. При свидании императрица и король вели себя

подчеркнуто официально. Станислав Август дал бал в честь бывшей возлюбленной, на который прийти она отказалась. Все это стоило королю 3 миллиона золотых и наверняка «миллиона терзаний».

Но подобные предательства для Екатерины нехарактерны. В ее отношениях к фаворитам всегда проглядывает пылкость влюбленной женщины. Позже, как правило, она сменялась трезвой оценкой личных качеств возлюбленного. Но при расставании Екатерина всегда щедро награждала бывших фаворитов.

Очевидно, что из всех многочисленных любовных связей именно с Орловым императрицу связывало самое горячее чувство. Недаром время их близости составило около 13 лет, с 1759 по 1772 гг., несмотря на то что фаворит, как свидетельствуют очевидцы, позволял себе даже бить свою государыню.

Григорий считался не только одним из самых красивых мужчин при российском дворе, но также отличался искренностью, скромностью, добротой и изяществом манер. Братьев Орловых Екатерина задарила сверх меры. Однако в отличие от других фаворитов, Григорий, получивший титул князя, продолжал жить достаточно скромно, не удосужившись сменить в своем не слишком роскошном доме даже мебель. Скорее всего, он был начисто лишен какого-либо честолюбия, а это среди придворных и даже родных братьев создало фавориту репутацию глупого человека.

Возможно, на дипломатическом поприще и при дворе на фоне корыстолюбивых придворных, которыми славился блестящий век Екатерины, он выглядел действительно глупо. Однако Григорию хватило ума и мужества в 1771 г. быстро и успешно справиться с чумным бунтом. Недаром на закате их любви проницательная Екатерина писала, что «природа наделила его [Григория] всем, как со стороны внешности, так и со стороны сердца и ума. Это — баловень природы, который, получив все без труда, сделался ленивцем».

Несомненно, в длительности этого романа большое значение имела и чувственность обоих. Иностранные послы и соотечественники ставили Орлову в вину «любострастие». К интимным отношениям с женщинами он, видимо, относился, как к еде и питью, не делая разницы между финками, калмычками и фрейлинами. В результате Орлов влюбился в свою тринадцатилетнюю двоюродную сестру, Екатерину Загряжскую, склонил ее к физической близости и, в конце концов, женился на ней с согласия императрицы.

Вероятно, Екатерина навсегда сохранила нежные чувства к Орлову. Судя по письмам, она очень тяжело пережила сумасшествие и смерть своего бывшего фаворита, последовавшую в 1783 г., через 10 лет после разрыва. Однако в момент расставания ее самолюбию наверняка был нанесен существенный удар.

Судя по всему, оскорбленное самолюбие императрицы нашло выход в выборе следующего фаворита, Васильчикова. Он явно был сделан впопыхах — в отместку Орлову.

Васильчиков, конной гвардии поручик, ничем непримечательный, уже на первых порах вызывал у Екатерины раздражение. «Скучен и душен», — писала она про любовника и опасалась, что он либо «сделает ее навек бесгцастной», либо «укоротит ее век». Промучившись два года с этим человеком, Екатерина отделалась от него домом в Петербурге, подарком в 50 тыс. рублей, серебряным сервизом на 24 персоны, бельем к столу и набором кухонной посуды. На смену скучному Васильчикову в феврале 1774 г. пришел блистательный Потемкин — один из самых талантливых государственных деятелей екатерининской эпохи.

Без сомнения, скромный вахмистр, а потом светлейший князь Священной Римской империи, Григорий Александрович Потемкин-Таврический занимал в жизни Екатерина особое место. Иначе не написала бы она пронизанные глубоким чувством слова: «Ласка наша есть наичистейшая любовь, и любовь чрезвычайная». Но к нему она испытывала чувство, обусловленное не только страстью, но и глубоким уважением к личным качествам и талантам любовника. Недаром в 1785 г., через 10 лет после сближения, в письме Гримму императрица заметила: «Надо отдать ему справедливость — он умнее меня, и все, что он ни делал, было глубоко обдуманно». Несмотря на то что их физическая близость продолжалась неполных три года, в течение 16 лет, до самой смерти, князь был главной опорой императрицы и некоронованным королем Российской империи.

Ряд свидетельств, правда, до сих пор документально не подтвержденных, говорит о том, что в конце 1774 или в начале 1775 г. в небольшой церкви Св. Самсония на Выборгской стороне (Петербург) состоялось венчание российской императрицы Екатерины Алексеевны и Григория Александровича. Венцы над ними держали камер-фрау, горничная императрицы Мария Саввишна Перекусихина, племянник Потемкина граф А. Н. Самойлов и Е. А. Чертков.

Двое из них получили на руки списки с брачной записи. Экземляр Перекусихиной попал к внуку Екатерины, Александру I,

и хранился в царской семье. Список, хранившийся у Самойлова, был положен с ним в гроб. Третий список сначала находился у Потемкина, а после его смерти попал к племяннице и возлюбленной князя, Александре Васильевне Браницкой. Ее дочь, Елизавета Ксаверьевна Браницкая, в замужестве графиня Воронцова, свято хранила завещанную матерью шкатулку с бумагами. Когда графиню встревожило повышенное любопытство знакомых (среди них был и А. С. Пушкин) к документам, содержание которых должно было оставаться тайной, она попросила мужа по пути из Одессы в Крым бросить их в море, что и было выполнено. Таким образом, все три документа, скорее всего, погибли. Однако письма самой императрицы к Потемкину косвенно подтверждают факт венчания. Ну как еще можно расценить обращение: «Мой единственный, мой любимый, а я жена твоя, связанная с тобой святейшими узами»? Ни один из фаворитов, даже Орлов, никогда не удостаивался ничего подобного.

Несомненно, Потемкина Екатерина ценила более всех приближенных. Об этом свидетельствуют строки, написанные ею в 1791 г., уже после его смерти: «С прекрасным сердцем, он соединил необыкновенно верное понимание вещей и редкое развитие ума. Виды его всегда были широки и возвышенны. Он был чрезвычайно человеколюбив… а в голове его непрерывно возникали новые мысли».

Но Потемкин был ревнив и вспыльчив. Неуемный характер требовал такого же неуемного поля деятельности. Он часто покидал императрицу, чтобы положить к ее ногам Крым, возводил на юге дворцы, крепости и целые города — Екатеринослав (совр. Днепропетровск), Херсон, Николаев и гордость российского флота, Севастополь, — строил черноморский флот, с триумфом закончил русско-турецкую войну 1787–1791 гг.

В отсутствие князя Екатерина увлекалась другими мужчинами. Так же вел себя и Потемкин. Оба не ставили это друг другу в вину. Однако появление в покоях императрицы «молодого Аполлона» Платона Зубова сильно обеспокоило князя. Но тревожился он не за свое положение, а за императрицу. Недаром писал: «Грабят тебя братья Зубовы, матушка! Из разоренной Польши по 200 тыс. тянут!» Однако Екатерина, увлеченная 23-летним Зубовым, умиленная мнимой влюбленностью и преданностью нового фаворита, писала Потемкину: «Люблю очень это дитя. Он ко мне очень привязан и плачет, как ребенок, если его ко мне не пустят». Но тут же добавляет: «Воля твоя во всех распоряжениях, кроме тебя, никому не вверяюсь».

Внезапная смерть Потемкина от «гнилой горячки» в октябре 1791 г. потрясла Екатерину. Она плакала и отчаянно кричала. Врачи пустили кровь, а потом дали императрице снотворного. Но эти средства помогли мало. В дневнике ее секретаря появилась запись: «Теперь не на кого опереться». Сама она через ритуальные девять дней сказала: «Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал. Его не можно было купить».

Екатерина как будто разом состарилась, много молилась, часто повторяла: «Заменить его невозможно», а Зубова, которого очень интересовали бумаги и личная переписка князя, к бумагам покойного не допустила. Тем не менее «шустрый Платоша» продолжал оставаться возле императрицы все пять последних лет ее жизни.

Молодой человек сознательно шел на связь с женщиной, бывшей на 40 лет старше его. Весной 1789 г. он, будучи секунд-ротмистром Конного полка, уговорил своего покровителя Николая Салтыкова отправить его командовать конвоем, который должен был сопровождать Екатерину на отдых в Царское Село. Офицер был очень красив и понравился императрице. Она оставила его при себе.

К концу жизни Екатерина стала безобразно толстой. Ее одолевали многие болезни. Ножки, когда-то пленявшие современников, сильно отекали и превратились в безобразные тумбы. Она еле передвигалась. Готовясь к посещению императрицы, вельможи на лестницах делали специальные пологие скаты. Такой же скат был сделан и в личных покоях императрицы в Царском Селе. По нему ее в кресле-каталке вывозили в сад. Преодолеть ступеньки ей было не под силу. И все же даже в это время Екатерина могла сохранить своеобразную красоту, обаяние и умела, как свидетельствуют современники, держаться «пристойно и грациозно». Тем не менее при таком состоянии она вряд ли была способна на физическую близость с мужчинами. Так что в последние годы Зубов, видимо, стал просто привязанностью старой женщины, нашедшей утешение в возможности поставить на ноги своего любимца. Хитрости Зубову было не занимать. Прикидываясь тихим, скромным и недалеким, он сумел усыпить бдительность придворных, создать у Екатерины впечатление, что является защитником трона и ее жизни, оттеснить соперников, собрать целый букет различных должностей и получить титул светлейшего князя. Тем не менее власть Зубова продержалась недолго.

5 ноября Екатерина внезапно потеряла сознание, а утром следующего дня умерла, так и не придя в себя. Ее наследник отправил в отставку большинство екатерининских вельмож,

оставив при себе только князя А. А. Безбородко, бывшего после Потемкина вторым лицом в государстве, которого Зубов с помощью интриг пытался отстранить от власти.

Нельзя не подчеркнуть, что Екатерина в течение всего своего царствования вела себя в соответствии с нравами, принятыми при европейских дворах, да и вообще в высшем обществе эпохи Просвещения, отличавшимися чувственностью и стремлением к образу жизни «естественного человека» (вспомним творения Вольтера, Руссо, Дидро и появившиеся именно в это время романы маркиза де Сада, пользовавшиеся огромной популярностью и находившие много подражателей).

Несомненно, Екатерина во всех проявлениях своей натуры оставалась женщиной, хотя силой духа и умом превосходила многих мужчин. Кто знает, как сложилась бы ее судьба, если бы в браке она обрела любовь, к которой всегда стремилась. Неудачное супружество наложило отпечаток на всю ее жизнь. В письмах к Потемкину именно так объясняет она причину многочисленных связей с мужчинами. «То было, Бог видит, — пишет она, — не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если б я в участь получила смолоду мужа, которого любить могла, я бы вечно к нему не переменилась…»

Видимо, недаром в начале своего царствования императрица имела намерение сочетаться браком с Орловым. Но ей намекнули на то, что во главе империи не может находиться графиня Орлова. Позже Екатерина, по-видимому, сочеталась брачными узами с Потемкиным, думая, что так она может реализовать свое стремление к прочному союзу с мужчиной, равным ей по уму и способностям.

Таким образом, Екатерину, вопреки расхожему мнению, вряд ли можно обвинить в банальном разврате. Ее мемуары, письма и поступки свидетельствуют о естественном стремлении к счастью и, как это ни парадоксально, о чисто материнском отношении к фаворитам. Недаром каждого из них она стремилась поднять до своего духовного уровня, обучить навыкам государственного управления. В противном случае не было бы Потемкина и Орлова, не было бы высказываний императрицы о рано умершем Ланском как о человеке, подававшем большие надежды в качестве государственного деятеля. Не будь этого, все они остались бы на уровне забавных игрушек, ничего не решающих в государстве. Те же из фаворитов, которые не смогли подняться до уровня государственных деятелей, быстро исчезали со сцены, уступая место другим претендентам. Тем не менее Екатерина, скорее всего подсознательно, не терпела мужского главенства. Только этим можно объяснить историю ее взаимоотношений с

Потемкиным, судя по письмам, беззаветно ею любимым.

Жорж Санд

Настоящее имя — Аманда Аврора Лион Дюпен, в замужестве Дюдеван (род. в 1804 г. — ум. в 1876 г.)

Известная французская писательница, автор романов «Индиана» (1832), «Орас» (1842), «Консуэло» (1843) и многих других, в которых создала образы свободных, эмансипированных женщин. Жизнь ее походила на не менее увлекательный роман, героями которого в разное время были Ж. Сандо, А. де Мюссе, Ф. Шопен.

«На закате своих дней прошу Вас наградить меня орденом Почетного легиона. Тем самым Ваше императорское величество удостоило бы меня высочайшей милости… Осмелюсь также напомнить Вашему величеству о несчастьях, постигших меня в супружестве, которые принадлежат истории…» Это письмо написал Наполеону III старый Казимир Дюдеван, известный лишь тем, что был законным мужем Жорж Санд. Действительно, жена причинила ему немало страданий (он, впрочем, в долгу не остался). Она носила мужской костюм, не бывала дома по полгода, имела огромное количество любовников и, что самое ужасное, была писательницей! Но обо всем по порядку.

Настоящее имя Жорж Санд — Аманда Аврора Лион Дюпен. В ее жилах текла кровь аристократов и актеров, святош и цыган… Ее отец, офицер наполеоновской армии, женился на женщине легкого поведения Софии-Виктории. От этого брака и родилась Аврора. Поначалу родные отца не признавали девочку, и ее воспитывала рано овдовевшая мать. Потом опеку над ней взяла

бабушка — Мария-Аврора Дюпен де Франкёй, жившая в своем имении под названием Ноан. И с этого момента в душе девочки начался раскол: она просто обожала свою оставшуюся в Париже мать и любила бабушку. Но эти две женщины терпеть друг друга не могли. Однажды госпожа Дюпен рассказала четырнадцатилетней внучке всю правду о «безнравственной» Софии-Виктории. Это был тяжелый удар для Авроры. Тогда она взбунтовалась впервые и незамедлительно была отправлена учиться в женский Августинский монастырь.

В имение она вернулась уже «девушкой на выданье». «Неблагодарность, эгоизм и грубость мужчин внушают мне отвращение», — говорила Авроре бабушка. Но разве могла с этой мыслью согласиться юная француженка, мечтающая о том единственном мужчине, который повел бы ее под венец. С одной стороны, желающих сделать это могло бы быть немало: графская внучка, богатая наследница — лакомый кусочек для каждого. Но, увы, ее родословная была несколько «подпорчена» по материнской линии. Потому к Авроре сватались в основном немолодые люди, для которых женитьба не могла уже повлиять ни на карьеру, ни на положение в свете. Все они получили отказ. Аврора не спешила с выбором. Ведь живя у бабушки, она была практически сама себе хозяйка. А после тяжелой болезни графини она взяла на себя управление поместьем.

Вскоре Аврора стала в Ноане и Ла Шатре «местной достопримечательностью». Эта чудачка ездила по ночам верхом, одевалась в мужской костюм, увлеклась анатомией, в ее комнате появился настоящий скелет. В это время в жизнь Авроры вошел Стефан Ажассон де Грансань, смуглый красавец, графский сын и в то же время бедный студент. Авроре его порекомендовали как учителя анатомии и остеологии. Он, конечно, влюбился в удивительную девушку. Но брак между ними по ряду причин был невозможен, и Аврора пресекла ухаживания этого молодого атеиста. Как оказалось, до поры до времени.

«Ты теряешь своего лучшего друга», — сказала внучке госпожа Дюпен де Франкёй и умерла. В Ноан тут же примчалась мать Авроры. Наконец-то она могла почувствовать себя свободно в этом шикарном поместье. Вскоре София-Виктория увезла дочь в Париж. Там Аврора познакомилась с Казимиром Дюдеваном. Его отец был прославленным бароном, мать — простой служанкой. Уже одна эта ущербность рождения должна была сблизить молодых людей. Впрочем, Казимир на жизнь не жаловался: барон признал его своим сыном и помогал материально.

«Ты был моим покровителем, добрым, честным, бескорыстным, который никогда не говорил мне о любви, не

думал о моем богатстве и очень умно старался предостеречь меня от разных бед, которые мне угрожали… Встречаясь с тобой ежедневно, я узнавала тебя все лучше и лучше и оценила все твои хорошие качества; никто не любит тебя так нежно, как я…» — писала Аврора, мысленно обращаясь к Казимиру. 10 сентября 1822 г. они обвенчались и уехали в Ноан.

Молодожены были счастливы. Аврора оказалась хорошей хозяйкой. Не прошло и года, как их семейство пополнилось маленьким Морисом. Но что-то было не так. Физическая близость не приносила радости Авроре, а духовной между мужем и женой просто не было. Они будто разговаривали на разных языках. Через много лет Аврора скажет: «Мы воспитываем своих дочерей как святых, а затем случаем их, как молодых кобылок». Аврора не желала быть «кобылкой». Муж не внушал ей возвышенных чувств, и она полюбила другого. Им стал Орельен де Сез, человек, который мог понять ее душу. Речи о физической измене пока не было. Влюбленные вели очень романтическую переписку. Когда Казимир узнал об этом, Аврора убедила его, что испытывает к Орельену исключительно платонические чувства, и написала мужу «Исповедь» на восемнадцати листах. В ней она раскрывала причины семейного разлада: «Когда мы разговаривали, особенно о литературе, поэзии или нравственном совершенстве, ты даже не знал имен писателей, о которых я говорила, и ты называл мои рассуждения глупыми, а чувства экзальтированными и романтическими. Я перестала говорить об этом, я испытала настоящее горе от сознания, что наши вкусы никогда не сойдутся…» Казимир был в полной растерянности. Он боялся потерять Аврору и даже начал читать «умные книги». В каком бы обществе ни появлялись супруги Дюдеван, Аврора оказывалась в центре внимания. Окружающие восхищались ее образованностью, умом, внешностью. Пропасть между простаком Казимиром и его разумной женой увеличивалась с каждым днем. И дело было вовсе не в Орельене… В этом отношении Казимир мог быть спокоен — Аврора так и не перешла грань супружеской измены, она даже писала любимому только с ведома мужа.

Казимиру казалось, что жена перестала уважать его. Он начал пить. И в это время Аврора встретила друга своей молодости — того самого Стефана де Грансань. Теперь он жил в Париже, занимался наукой и лишь изредка заезжал в Ла Шатре.

Чахоточный, полубезумный ученый произвел на романтичную Аврору неизгладимое впечатление. Однажды она уехала в Париж, чтобы якобы поправить здоровье. И вернулась уже беременной. Родившуюся 13 сентября 1828 года девочку назвали Соланж. Казимир, судя по всему, не испытывал никаких

иллюзий по поводу отцовства. Но больше всего он боялся разговоров в обществе, потому молчал, пил, развлекался со служанками. А Орельен де Сез ушел в прошлое. Он так и не смог понять и простить Аврору, уверявшую его в целомудрии, даже супружеском…

Новая любовь пришла в жизнь Авроры летом 1830 г. Жюль Сандо, «маленький Жюль», девятнадцатилетний паренек, розовощекий, светловолосый, вызывал в душе Авроры смешанные чувства — ей хотелось стать для этого мальчика любовницей, матерью, защитницей. Впервые она увидела его в гостях у друзей. Жюль не обратил никакого внимания на эту красивую умную женщину, которой восхищалась вся местная молодежь. Естественно, это задело Аврору, она перешла в наступление, и вскоре сердце Жюля было у ее ног. Более того, госпожа Дюдеван сама попала в сети: «Если бы вы знали, как я люблю это милое дитя, как с первого же дня его выразительный взгляд, его порывистые и открытые манеры, его робкая неловкость покорили меня…» Ради этого «ребенка» она оставила собственных детей и отправилась в Париж. Мужу Аврора безапелляционно заявила: «Я хочу получить пансион, я еду в Париж; дети останутся в Ноане». Месяцев через шесть она обещала вернуться. Казимиру ничего не оставалось, кроме как проглотить эту горькую пилюлю, ведь он дорожил хотя бы видимостью брака.

В столицу Франции Аврора приехала не с пустыми руками. Еще в Ноане она написала роман «Эмме». Однако заработать на нем денег не удалось. Редактор сатирической газеты «Фигаро» Латуш предложил ей работу. Вскоре Аврора «протащила» в редакцию и Жюля. Любовники стали писать вместе, подписывая общие творения именем Ж. Сандо. Они были счастливы. Правда, новые парижские друзья Авроры недолюбливали Жюля. Один из них писал: «Это был человек безграничного ума, но у него было черствое сердце, он был исполнен мелкого тщеславия и ложного честолюбия».

Весной 1831 года Аврора вернулась домой, как будто и не было этой парижской зимы. Но и в кругу семьи она не забывала о любимом. Женщина писала одному из столичных знакомых: «Поручаю вам обнять моего маленького Жюля и не дать ему умереть с голоду, по его привычке». Местные кумушки смаковали ее безнравственность. Но это не слишком расстраивало Аврору, как и мнения солидных семейных мужчин — она даже не пыталась хоть как-то скрыть супружескую измену: «Когда мою судьбу мерят тем же аршином, что и судьбу их порядочных женщин, я горжусь тем, что это меня унижает. Как плохо они меня знают! Им нужно только одно, чтобы у меня была

незапятнанная репутация! Они опускают глаза, когда обо мне говорят как о женщине. Друзья… прощают нам все, кроме потери репутации в глазах общества…» Вернувшись в Париж, Аврора вместе с Жюлем написала роман «Роз и Бланш». В этом творении было много «сырых» мест, он был не в меру романтичен, а иногда и скабрезен (там, где авторство принадлежало Жюлю), но на этот раз романом заинтересовались издатели. Более того, его довольно быстро раскупили.

Из следующей поездки в Ноан Аврора привезла дочь (подлинным отцом которой был, конечно, Жюль, а официальным — Казимир) и… новый роман — «Индиана». Но как подписать это произведение? Жюль Сандо не принимал участия в его написании и не хотел считаться его автором. Аврора же боялась, что читатели просто засмеют произведение, написанное женщиной. Что ж, решила писательница, тогда я стану мужчиной. И назвалась Жорж Санд. Это был не просто псевдоним: Аврора так сжилась с ним, что о себе всегда говорила в мужском роде. Бальзак так написал об «Индиане»: «Эта книга является реакцией правды против фантастики, современности против средневековья, личной драмы — против тирании исторического жанра… Я не знаю ничего, что было бы написано так просто, задумано так восхитительно. События следуют одно за другим, теснят друг друга, безыскусственно, как в жизни, где все сталкивается, где часто по воле случая совершается больше трагедий, чем мог бы придумать Шекспир».

Но если в творческом плане у новоявленного писателя Санда все было в порядке, то в сердечных делах — не очень. Между любовниками начались раздоры. «Сначала это были сцены, возникавшие совершенно непонятно почему и кончавшиеся рыданиями и ласками, — легкие грозы, играющие в любви — пока к ним не примешиваются слезы — ту же роль, что и ливень для земли в сильную жару. Вскоре, однако, разразились такие грозы, когда слова взрывались в воздухе и поражали, как молния…» — писала Аврора. В начале 1833 года она рассталась с Сандо. Жюль попытался покончить жизнь самоубийством, но принял слишком большую дозу ацетата морфия, и его вырвало.

В чем же была причина этого разрыва? Возможно, ответ на это Аврора попыталась дать в своем новом романе «Лелия». Главная его героиня — женщина, не знающая любви. Она холодна, потому что никто не способен растопить лед ее души: «Чувственное желание зажигало мою душу и парализовало силу чувств прежде, чем разбудить их; это была яростная вспышка, она овладела моим мозгом, сосредоточившись исключительно там. И во время величайшего напряжения моей воли немощная жалкая

кровь леденела в жилах…» Ни один мужчина не мог доставить Лелии удовольствия. Не с этим ли сталкивалась и Жорж в отношениях с мужчинами? Фигурирует в романе и другая женщина — куртизанка Пульхерия, познавшая сполна сладость чувственной любви. Прототипом этой героини, видимо, была близкая подруга писательницы Мари Дорваль, известная романтическая актриса. Стоит заметить, что если Жорж Санд отличалась эксцентричным поведением, то ее наперсница не отставала от подруги. Взять хотя бы историю знакомства двух знаменитостей: Мари буквально влетела в квартирку Жорж с криком: «Вот и я! Это я!» Вскоре женщины подружились. Санд нашла в подруге те качества, которыми, увы, сама не была наделена: «Она! Бог вложил в нее редкий дар — умение выражать свои чувства… Эта женщина, такая прекрасная, такая простая, ничему не училась; она все отгадывает… Я не знаю, какими словами объяснить мою холодность, какое-то несовершенство моей натуры… И когда эта хрупкая женщина появляется на сцене… тогда знаете что мне представляется?.. Мне кажется, что я вижу свою душу…» Вне сцены «душа», правда, не отличалась мягкостью характера, от Мари нередко можно было услышать словечко, которое могло смутить любого мужчину. Безудержно страстный и в то же время несколько циничный нрав она, видимо, унаследовала от родителей, актеров бродячей труппы. Многие мужчины отдали ей свое сердце. Среди любовников Дорваль был кавалер Мальтийского ордена граф де Виньи. Ему дружба Мари и Жорж откровенно не нравилась. Он ревновал. И это и не удивительно, если де Виньи прочел письмо Санд к его любовнице: «Я вас сегодня не увижу, моя дорогая. Нет мне сегодня счастья! В понедельник, утром или вечером, в театре или в вашей постели, непременно приду обнять вас, сударыня, иначе натворю безумства!.. Прощайте, моя прекрасная…» Однажды граф даже запретил Мари отвечать на послания «этой Сафо», «этой чудовищной женщины», одевавшейся с некоторых пор преимущественно в мужское платье. Думается, все подозрения ревнивого «мальтийца» были беспочвенны. Жорж в это время переживала более чем странные отношения с Проспером Мериме. Однажды она предложила собрату по перу «любовь-дружбу». «Я думала, — писала Санд, — что он обладает секретом счастья, что он мне откроет его… что его пренебрежительная беззаботность вылечит мою ребяческую чувствительность». Они поднялись к ней в квартиру в тот же вечер. Осадок от этой встречи у обоих остался отвратительный…

Следующей попыткой Жорж Санд найти женское счастье стал талантливый молодой поэт Альфред де Мюссе. Ему было

двадцать три года, он был ослепительно красив и избалован женским вниманием. Поэт много пил, употреблял опиум, предпочитал дамам из высшего общества проституток. Однако ему понравилась Жорж. «Когда я увидел ее в первый раз, она была в женском платье, а не в элегантном мужском костюме, которым так часто себя безобразила. И вела она себя также с истинно женским изяществом, унаследованным ею от своей знатной бабушки. Следы юности лежали еще на щеках, великолепные глаза ее ярко блестели, и блеск этот под сенью темных густых волос производил поистине чарующее впечатление, поразив меня в самое сердце», — писал Мюссе. Вскоре Жорж называла его «мой мальчуган Альфред». Это именно он написал для «Лелии» богохульные стихи, которые в романе поет один из героев. Но не стоит думать, что Мюссе сразу сразил Санд. Женщина воспринимала его лишь как интересного собеседника, талантливого поэта… К тому же ей были неприятны постоянно доходившие до нее слухи о распутстве молодого человека. Но стоило Альфреду написать: «…Жорж, я люблю вас, как ребенок…», и неприступная крепость пала. Ведь он задел самые нежные струны ее души — струны материнства. «Он любит меня, как ребенок! Боже мой, что он сказал… Понимает ли он, какую боль причиняет мне?» — такой была реакция Санд. Вскоре Альфред поселился в ее квартире.

Совместная жизнь двух творческих людей всегда удивительна. У Жорж и Альфреда были абсолютно разные представления о литературном труде. Мюссе писал: «Я работал целый день, вечером я сочинил десять стихов и выпил бутылку водки; она выпила литр молока и написала половину тома». Это, конечно, трудно назвать идиллией, но скоро и от нее не осталось следа. Жорж то и дело упрекала поэта в лени. Раздраженный Альфред «бил» гораздо больнее, утверждая, что «она никогда не способна была доставлять любовные наслаждения». В декабре 1833 года любовники отправились в Италию. Когда они приехали в Венецию, Мюссе сказал Санд: «Жорж, я ошибался, я прошу у тебя прощения, но я не люблю тебя». Они не разъехались, просто заперли дверь между комнатами. Так в одном из самых романтических мест Европы влюбленные стали просто друзьями.

Ситуацию изменил один неприятный инцидент. Шлявшийся по венецианским притонам Мюссе ввязался в драку. В отель он явился весь в крови, и в тот же вечер его сразила непонятная болезнь. Альфред был страшен. Казалось, он сошел с ума. Жорж обратилась за помощью к молодому доктору Пьетро Паджелло. Двадцать дней они не отходили от постели больного. Мы не знаем, как развивались их отношения, но однажды Жорж

передала лекарю письмо. «Будешь ли ты моей опорой или повелителем?.. Ты меня желаешь или ты меня любишь?.. Я не хочу знать, как проходит твоя жизнь… Спрячь от меня свою душу, чтобы я всегда могла считать ее прекрасной…» 29 марта выздоровевший Мюссе уехал в Париж. Один. Жорж «задержалась» в Венеции еще на пять месяцев. Здесь она закончила роман «Жак» и начала «Письма путешественника». Каждое утро Пьетро уезжал за город, чтобы преподнести любимой живые цветы. Погостив полгода в Италии, Жорж решила вернуться домой. Ведь она так долго не видела своих детей! Доктора женщина, конечно, взяла с собой. Но Паджелло не сомневался, что развязка близка: «Я на последней стадии безумия… Завтра я выезжаю в Париж; там мы расстанемся с Санд». Так и случилось. Во Франции Жорж и Альфред снова встретились. Былая страсть вспыхнула с прежней силой. А Пьетро купил в Париже несколько редких медицинских книг, инструменты и вернулся в Венецию.

Последние мгновения любви Санд и Мюссе были столь же трогательны, сколь и горьки. Альфред заболел, и Жорж, забыв о гордости, под видом служанки пошла в дом его матери, чтобы ухаживать за любимым. Госпожа де Мюссе сделала вид, что не узнала ее. Альфред выздоровел и снова переехал на квартиру Санд. Но счастью уже не суждено было поселиться здесь. Скандалы и примирения сменяли друг друга, как день и ночь. Во время одной из ссор Жорж отрезала свои волосы и отослала Альфреду. В конце концов Санд сбежала в Ноан. А в 1837 году Альфред Мюссе написал книгу о ней — «Исповедь сына века». А она только в конце пятидесятых годов смогла рассказать об отношениях с поэтом в книге, которая так и называлась — «Она и он».

В том же году Санд повстречала Шопена. Она уже практически была в разводе с Казимиром. Позади был бурный, но непродолжительный роман с известным адвокатом «Мишелем из Буржа» — непримиримым республиканцем, очень некрасивым мужчиной, обретавшим очарование только во время своих красноречивых выступлений. Но все эти перипетии, равно как и предыдущие романы, казались лишь жалкой прелюдией нарождавшегося чувства. Этим чувством была любовь к гениальному композитору.

Завоевать его было нелегко. После первой встречи с Жорж Фредерик так отозвался о ней: «Какая несимпатичная женщина эта Санд! Она действительно женщина? Я готов в этом усомниться…» Но вскоре он совсем в других выражениях писал об экстравагантной француженке: «Она проникновенно смотрела мне в глаза, пока я играл… В моих глазах отражались ее глаза;

темные, страстные, что они говорили? Она облокотилась на пианино, и ее ласкающие взоры отуманили меня… Я был побежден!.. Она меня любит… Аврора, какое очаровательное имя!» В то время Фредерик собирался жениться на молодой польке Марии Водзинской, но та предпочла болезненному музыканту графа. Но Санд сумела утешить гения. Она увезла своих «троих детей» (Мориса, Соланж и… Фредерика) далеко от досужих парижских взглядов — на Майорку.

Испания встретила их солнцем и теплом. Но вскоре начался сезон дождей, и снятый Санд деревенский дом оказался сырым, холодным, открытым всем ветрам. Шопен стал кашлять. Местные жители тотчас решили, что у музыканта страшная заразная болезнь, и хозяин неуютной хибары буквально выставил французов на улицу. К счастью, они нашли себе новый приют — келью в заброшенном Вальдемозском монастыре. В это время Санд проявила потрясающую силу духа: она сама готовила еду, ухаживала за больным Шопеном, гуляла с детьми, переделывала «Лелию», писала новый роман. А Фредерик сочинял музыку и играл на пианино, которое необычная семья привезла с собой из Франции. В этом романтическом жилище родились одни из самых прекрасных баллад Шопена. Но состояние его здоровья с каждым днем ухудшалось. Диагноз, поставленный ему местным лекарем, был неутешительным — горловая чахотка. Санд собрала вещи и повезла «детей» домой. Дорога оказалась очень трудной для Фредерика: в Барселоне он чуть не умер. «Семья» на зиму остановилась в Марселе, так как парижский февраль мог убить Шопена. И только в конце мая 1839 года Жорж, Фредерик и дети отправились в Ноан.

С Шопеном Санд прожила несколько лет. Они то наслаждались покоем в имении, то собирали шикарные салоны в Париже. Среди их гостей бывали Гейне, Мицкевич, Делакруа, Бальзак, Лист, Берлиоз. «Мои пальцы мягко скользят по клавишам, ее перо стремительно летает по бумаге…» — писал в дневнике Фредерик. Они были такие разные! Шопен — сдержанный в общении с другими, Санд — всегда способная на всяческие выходки. Одна из посетительниц салона писательницы так описывала окружение Жорж Санд: «Толпы невоспитанных мужчин, стоя перед ней на коленях, объяснялись ей в любви, затягиваясь табаком и брызгая слюной. Один грек говорил ей „ты“ и обнимал ее… „Причуды дружбы“, — говорила тогда с мягким и спокойным презрением эта поразительная женщина…» И несмотря на все это Жорж и Фредерик были счастливы. Расстались они только в 1846 году. Причины этого неясны и запутанны. Немало поспособствовала этому и повзрослевшая

Соланж, которая кокетничала с любовником матери. Но скорее всего, между композитором и его музой просто охладели чувства…

Впоследствии биографы Шопена часто рисовали Санд как слишком сильную для тонкой души музыканта женщину, как тирана, отнявшего почти девять лет жизни гения. Но стоит заметить, что «сандовский» период — один из самых плодотворных в творчестве композитора. К тому же вполне вероятно, что именно материнская забота Жорж в годы их совместной жизни спасала от гибели этого болезненного человека. Он умер в 1849 году…

А Жорж Санд прожила еще немало лет. Она успела и написать, и пережить несколько романов. Старость Жорж Санд была овеяна спокойствием. «Старая женщина, что ж, это другая женщина, это мое другое „я“, которое только начинает жить и на которое мне еще нечего жаловаться. Эта другая женщина не знает о моих прошлых ошибках. Она их не знает, потому что теперь не могла бы их понять, а также потому, что чувствует себя неспособной повторить их… Она искупает все зло, которое делала другая, и помимо всего этого, она ей прощает то, что та, другая, мучимая угрызениями совести, не могла сама себе простить…» О каком зле говорит Жорж? Она была достаточно честной и сильной, чтобы расставаться с мужчинами в тот момент, когда умирает любовь. А окружающие называли это жестокостью. Она искала единственного, «идеального» любовника, а все говорили: «Госпожа Дюдеван развратна». Она носила мужской костюм и мужское имя, но всегда оставалась Женщиной.

А Казимир Дюдеван ордена так и не получил…

Закревская-Бенкендорф-Будберг Мария Игнатьевна

(род. в 1892 г. — ум. в 1974 г.)

Одна из самых ярких и загадочных женщин XX века. Возлюбленная английского дипломата Роберта Брюса Локкарта, писателей Максима Горького и Герберта Уэллса.

Ее называли графиней Закревской, графиней Бенкендорф, баронессой Будберг; считали агентом трех разведок: английской, немецкой и советской; она является переводчицей более шестидесяти томов произведений русской литературы на английский язык. А еще подозревают, что она отравила А. М. Горького… Муру (так называли ее близкие) при жизни сопровождало такое количество всевозможных слухов и домыслов, что во все это трудно поверить. Причем она не только не старалась опровергнуть их, но и всячески поддерживала. Можно даже сказать, что львиная доля связанных с ее именем легенд возникновением своим была обязана самой Марии Игнатьевне, артистически перекраивавшей свое прошлое, свободно обращавшейся с фактами и окутывавшей туманом настоящее. То ли было что скрывать, то ли жизнь научила: чем меньше правды — тем больше уверенности в собственной безопасности. После ее смерти разгадок тоже не нашлось. Рукописи и личный архив Муры сгорели в 1974 г., а тех, кто мог бы пролить свет на ее тайны, в живых практически не осталось, да, пожалуй, и не было человека, знавшего о ней всю правду.

Современники считали ее правнучкой (или праправнучкой) Аграфены Федоровны Закревской, жены московского губернатора, которой Пушкин и Вяземский писали стихи. В действительности же она была младшей дочерью черниговского помещика и судебного деятеля Игнатия Платоновича Закревского, который вел свой род от малороссиянина Осипа Лукьяновича и не имел никакого отношения к губернатору графу Арсению Андреевичу, женатому на Аграфене. Впоследствии Игнатий Платонович перевез семью в Петербург и поступил служить в Сенат. Мария и ее старшие сестры — близнецы Анна и Александра (Алла) — начальное образование получили в Институте благородных девиц. Доучиваться Муру отправили в Англию, где в то время служащим русского посольства в Лондоне был ее сводный брат, Платон Игнатьевич (от первого брака И. П. Закревского). Эта поездка во многом определила дальнейшую судьбу девушки, так как здесь она встретилась с огромным количеством людей из лондонского высшего света: политиками, писателями, финансовыми магнатами. Здесь же состоялось ее знакомство с будущим мужем, начинающим дипломатом Иваном Александровичем Бенкендорфом — прибалтийским дворянином, потомком графского рода, титула, однако, не имевшим. Они обвенчались в 1911 г., а через год Иван Александрович был назначен секретарем русского посольства в Германии, и молодые переехали в Берлин. В 1913 г. в семье родился первенец, названный Павлом. Мария Игнатьевна ждала второго ребенка, когда началась война. В августе 1914 г. Бенкендорфы были вынуждены вернуться в Россию. Они сняли квартиру в Петербурге, где жили Закревские, ив 1915 г., родив девочку Таню, Мура, подобно другим дамам высшего круга и женам крупных чиновников, прошла ускоренные курсы сестер милосердия и начала работать в военном госпитале. Иван Александрович служил в военной цензуре в чине поручика, мечтая вернуться к дипломатической карьере. Но после Февральской революции 1917 г. стало ясно, что в ближайшее время мечты его вряд ли осуществятся, и Бенкендорф на все лето вывез жену и детей с гувернанткой в Эстонию, где под Ревелем (современный Таллинн) у него было родовое поместье.

Наступила осень, а возвращение все откладывалось. Тому причиной была тревога, буквально витавшая в воздухе. Многие из балтийской знати потянулись на юг России, некоторые уезжали в Швецию. В октябре Мура решилась на шаг, не сделай она которого, возможно, и говорить сейчас было бы не о чем. Несмотря на уговоры мужа и родственников, она вернулась в Петроград, намереваясь по возможности спасти квартиру,

которой грозило уплотнение, и выяснить на месте, насколько плохи дела в столице. Она все еще раздумывала, остаться в городе или вернуться к семье, когда из Эстонии пришло страшное известие: перед самым Рождеством мужики из соседней деревни зверски убили Ивана Александровича и сожгли дом. Гувернантке Мисси с маленькими Павлом и Таней удалось сбежать и укрыться у соседей. Прошлая жизнь рухнула, отныне перед Мурой стояла одна задача: выжить! Очень скоро ее выселили из квартиры, возвращение в Ревель стало невозможным: поезда не ходили, где-то там, между нею и детьми пролегла линия фронта, причем никто не знал, где именно; кто друг, кто враг — все смешалось, и помощи просить было не у кого. Брат — за границей, сестры — на юге России, подруг и знакомых она не находила — кто уехал, кто умер. Одна, без денег и теплых вещей, без драгоценностей, которые можно было бы продать или обменять, в городе, где продукты стали неимоверно дорогими, а жизнь совершенно обесценилась, Мура не нашла для себя ничего лучше, как обратиться в английское посольство. Ей казалось, что это единственное место, где ее помнят, любят, где ее утешат и обласкают. Она нашла там нескольких друзей, которых встречала в Лондоне, и ей действительно были рады.

В ту пору в Петроград вернулся Роберт Брюс Локкарт, в прошлом генеральный консул Великобритании в Москве, ныне прибывший как специальный агент, как осведомитель, как глава особой миссии для установления неофициальных отношений с большевиками, а попросту — разведчик, шпион. Он получил известные дипломатические привилегии, в том числе мог пользоваться шифрами и дипкурьерами. Локкарту шел тридцать второй год. «Он был веселый, общительный и умный человек, без чопорности, с теплыми чувствами товарищества, с легким налетом иронии и открытого, никому не обидного честолюбия», — пишет Нина Берберова, автор книги о жизни Марии Бенкендорф «Железная женщина». В Лондоне Локкарт оставил жену и маленького сына, но его семейная жизнь не удалась. Встреча с Мурой в британском посольстве значила для него гораздо больше, чем простое увлечение. Впоследствии в «Мемуарах британского агента» (1932 г.) Локкарт отмечал: «Что-то вошло в мою жизнь, что было сильней, чем сама жизнь. С той минуты она уже не покидала меня, пока не разлучила нас военная сила большевиков». Пытаясь разобраться в своих чувствах, он записал в дневнике: «Руссейшая из русских, к мелочам жизни она относится с пренебрежением и со стойкостью, которая есть доказательством полного отсутствия всякого страха. <…> Ее жизнеспособность, быть может, связанная с ее железным

здоровьем, была невероятна и заражала всех, с кем она общалась. Ее жизнь, ее мир были там, где были люди, ей дорогие, и ее жизненная философия сделала ее хозяйкой своей собственной судьбы. Она была аристократкой. Она могла бы быть и коммунисткой. Она никогда бы не могла быть мещанкой. <…> Я видел в ней женщину большого очарования, чей разговор мог озарить мой день». Для Муры Локкарт стал первой и единственной любовью, так суждено было случиться, что в годы всеобщего крушения она испытала самое сильное и глубокое чувство в своей жизни.

15 марта 1918 г. вслед за советским правительством Локкарт переехал в Москву, ставшую столицей Советской России. В апреле к нему присоединилась Мура — отныне они жили вместе на квартире в Хлебном переулке, около Арбата. Недолгое счастье закончилось в ночь с 31 августа на 1 сентября, когда отряд чекистов под руководством коменданта Кремля Малькова провел в квартире обыск и арест всех, кто там находился, в том числе и Марии Игнатьевны. Дело в том, что, испугавшись распространения большевистской угрозы, американские, французские и английские дипломаты объединились с российскими контрреволюционерами и организовали заговор, известный теперь как «заговор трех послов», номинальным руководителем которого считался Локкарт. Как позже выяснилось, оперативное руководство осуществлял известный ас шпионажа Сидней Рейли, но в историю заговор вошел все-таки под названием «Заговор Локкарта». По некоторым российским источникам, Локкарта арестовали в ту же ночь и после установления личности отпустили, британские же авторы пишут, что в квартире в момент ареста госпожи Бенкендорф его не было. Через три дня разведчик обратился в Комиссариат по иностранным делам с просьбой об освобождении Муры и получил отказ, после чего пошел прямо на Лубянку к грозному заместителю председателя ВЧК Якову Петерсу, чтобы заявить о непричастности Марии к заговору, где и был арестован. Трудно представить, что опытный разведчик не предполагал подобного развития событий, а значит, жизнью он рисковал ради свободы любимой женщины. Вскоре Закревская была освобождена, а 22 сентября Мура и Петерс, к удивлению Локкарта, появились у него в камере, причем держались вполне дружески. Надо сказать, что камерой место заключения дипломата можно назвать с большой натяжкой: его содержали в небольшой уютной квартире бывшей фрейлины императрицы в Кремле. Он свободно читал газеты, из которых узнал, что в Лондоне в ответ на его арест посажен в тюрьму первый советский посланник в Англии Максим Литвинов.

Заключение Локкарта длилось ровно месяц. Мура приходила ежедневно, приносила еду, книги, по распоряжению начальства их оставляли вдвоем. Похоже, с Петерсом у нее уже существовала некая тайная договоренность, и Закревской многое дозволялось. В конце сентября Локкарт был освобожден и выслан из страны «в обмен на освобождение российских официальных лиц, задержанных в Лондоне», и только затем заочно осужден и приговорен к расстрелу. 2 октября 1918 г. Локкарт вместе с другими освобожденными из-под ареста англичанами и французами выехал из столицы.

Вновь перед Мурой встал вопрос: как жить дальше? Основным чувством, охватившим ее после разлуки с Локкартом, было отчаяние. Не находя причин оставаться дольше в Москве, на последние деньги она купила билет до Петрограда. Девятнадцатый год — страшный год. Для тех, кто остался в городе, с трех сторон окруженном фронтом Гражданской войны, — это был год голодной смерти, сыпного тифа, лютого холода в разрушенных домах, безраздельного царствования ВЧК. Мура нашла приют в квартире бывшего генерал-лейтенанта А. Мосолова, с которым была знакома по работе в госпитале в 1914–1916 гг. Но маленькая комната за кухней, где когда-то жила прислуга, не решала всех проблем. Не имея прописки, а следовательно, и продовольственных карточек, Мура впервые подумала о необходимости заработка. Кто-то сказал ей, что Корней Иванович Чуковский, с которым она встречалась в «прошлой» жизни, ищет переводчиков с английского на русский для нового издательства, основанного Алексеем Максимовичем Горьким. Надо отметить, что Мария Игнатьевна с русским языком «не дружила»: говорила с сильным акцентом, а фразу строила так, будто дословно переводила с английского — ее зачастую принимали за иностранку. Такая особенность была скорее искусственно выработанной («для шарма»), чем естественно приобретенной, и, видимо, Чуковский обратил на нее внимание, так как переводов не дал, но нашел кое-какую конторскую работу, выхлопотал новые документы (в них она фигурировала под девичьей фамилией), а летом повел к Горькому.

Алексей Максимович жил в большой многокомнатной квартире, плотно заселенной разнообразным народом. Наверное, каждый мог обитать здесь сколь угодно долго, если приходился «ко двору». Мура пришлась. Но даже после «официального» предложения переехать в квартиру не спешила, понимая, что ждет ее не простая перемена места жительства, но переход к новой жизни: ночевала то здесь, то у Мосолова. Немаловажным обстоятельством было и то, что место подле великого

пролетарского писателя в то время занимала М. Ф. Андреева, его друг, помощник, секретарь и неофициальная жена. Только после разрыва Горького с ней Мура решилась на переезд. Зато уже через неделю после окончательного переселения она стала в доме совершенно необходимой: взяла на себя работу секретаря писателя, переводчика его писем, машинистки. Постепенно в ее руках оказались и все домашние дела. У плиты она, конечно, не стояла — Алексей Максимович держал прислугу, — но вполне могла считаться хозяйкой. Вхождение Марии Игнатьевны в мир Горького было связано для нее со многими приобретениями, но прежде всего, конечно, с открывшейся возможностью ощутить, благодаря поддержке писателя, не только почву под ногами, но и войти в среду группировавшейся вокруг него творческой интеллигенции (Ф. И. Шаляпин, А. А. Блок, В. Ф. Ходасевич, А. А. Белый, Е. И. Замятин, А. Н. Толстой и др.), приобщиться к ее ценностям, творческому труду, расширить круг знакомств и впечатлений. Она умела внимательно слушать Горького, слушать молча, смотреть на него умными, задумчивыми глазами, отвечать, когда он спрашивал, что она думает о том и об этом. Поэт В. Ф. Ходасевич, частый гость в доме, так описывал Марию Игнатьевну: «Личной особенностью Муры надо признать исключительный дар достигать поставленных целей. При этом она всегда умела казаться почти беззаботной, что надо приписать незаурядному умению притворяться и замечательной выдержке. Образование она получила „домашнее“, но благодаря большому такту ей удавалось казаться осведомленной в любом предмете, о котором шла речь».

Надо ли удивляться, что отношения между Закревской и Горьким вскоре стали максимально близкими, впрочем, их интимный союз никогда не афишировался. Не так давно опубликованная переписка писателя с Марией Игнатьевной дает возможность понять труднопостижимую линию ее поведения в длительной истории общения с Горьким, имеющей начало, кульминацию и спад, осознать как незаурядную индивидуальность с сильным характером, со своим складом ума, правилами жизни, привычками, увидеть за маской «железной женщины» человека, который в полной мере сумел оценить дружбу с Алексеем Максимовичем и ответить на его глубокую привязанность многолетней, выдержавшей проверку временем, преданностью. Уже на склоне лет, подводя итоги прожитому, на вопрос английского телевидения «Была ли встреча с Горьким большим событием в вашей жизни?» она ответила: «Да, это было поворотным пунктом. Он был подобен крепости в те дни. Люди обращались к нему за помощью и утешением».

К сожалению, в коротком очерке невозможно далеко углубиться в исследование взаимоотношений Марии Игнатьевны со столь крупными личностями, какими были А. М. Горький или, скажем, Герберт Уэллс, посетивший Россию вместе со старшим сыном в конце сентября 1920 г. Он остановился у своего давнего друга Горького, все в той же большой и густонаселенной квартире, потому что приличных гостиниц в то время было не найти. Каково же было его удивление, когда он застал там Марию Бенкендорф, которую встречал еще перед войной, в Лондоне. Сейчас Уэллс увидел ее не в открытом вечернем туалете с бриллиантами, а в скромном платье, и тем не менее должен был признать, что Мура не утратила ни своего очарования, ни жизнерадостности — в сочетании с ее природным умом они делали ее поистине неотразимой. Собратья по перу проводили долгие вечера в откровенных беседах. Переводчицей, разумеется, была Мура. Днем она водила английского писателя по Петрограду, показывая достопримечательности северной столицы. Некоторые западные биографы Уэллса полагают, что впервые они тесно сблизились именно в это время.

В декабре 1920 г. Мура предприняла попытку нелегально пробраться в Эстонию, чтобы узнать о детях, но была задержана, и Горький сразу же поехал в петроградскую ЧК. Благодаря его хлопотам Муру выпустили и даже дали разрешение уехать, чем она и воспользовалась месяц спустя. Собирался за границу и Алексей Максимович с домочадцами — ему уже неоднократно и очень настойчиво советовали отправиться на лечение.

В конце января 1921 г. Мария Закревская вышла из поезда в Таллинне и тотчас была арестована. На первом же допросе она узнала о себе многое: она работала на ВЧК, жила с Петерсом, с большевиком Горьким, ее прислали в Эстонию как советскую шпионку. Тут же выяснилось, что едва до Таллинна дошло известие, что она собирается приехать, родственники ее покойного мужа И. А. Бенкендорфа обратились в Эстонский Верховный суд с прошением о немедленной ее высылке обратно в Россию и о запрещении свидания с детьми. Лишь невероятная удача в выборе адвоката — а Мария просто ткнула пальцем в предоставленный список — спасла ее от нежданных проблем. В считанные дни адвокат добился ее освобождения, отмены запрета видеться с детьми, изгнание ей тоже больше не грозило. Попутно он дал Муре дельный совет, который она поначалу совершенно не приняла во внимание: выйти замуж за эстонского подданного, разом решив вопросы гражданства, а вместе с тем и беспрепятственного перемещения по Европе. Много позже этот адвокат, имя которого остается неизвестным, признался Муре: «Я

все это делаю для моего любимого писателя. Для мирового автора „На дне“ и „Челкаша“». Но в тот день, когда Мария покинула место заключения, она была бесконечно далека от мысли о новом замужестве — Мура спешила к детям. Старая верная гувернантка Мисси, воспитывавшая еще дочерей Игнатия Платоновича Закревского, жила в том самом бенкендорфском особняке, который наполовину выгорел в ночь гибели Ивана Александровича. Дети были здоровые, как пишет Н. Берберова, «выросшие на свежем масле, куриных котлетах и белой булке», и Мура с удовольствием общалась с ними.

Приблизительно через полгода Мария Игнатьевна «созрела» для нового брака: ее виза, даже дважды продленная стараниями того же адвоката, грозила все же закончиться; Горький вот-вот должен был выехать из России, и чтобы встретиться с ним, Муре требовалась известная свобода передвижения. Сыскался и жених: непутевый отпрыск известной семьи Будбергов Николай — бездельник, шалопай, лишенный наследства и всяческих связей с семьей, но сохранивший титул барона и готовый поделиться им с Мурой, если она, в свою очередь, согласится «помочь материально». Деньгами поддержал ее Горький, и в начале 1922 г. Мария Закревская-Бенкендорф стала баронессой Будберг. Новоиспеченный муж в тот же день уехал в Берлин, и Мура, можно сказать, больше его не видела. Позже Николая снабдили некоторыми деньгами и отправили в Аргентину, там его след и теряется.

Тем временем Горький был уже в Германии и энергично хлопотал за Муру, которую предложил властям назначить за границей его агентом по сбору помощи голодающим России. Позже Мария Игнатьевна стала литературным агентом Алексея Максимовича. Писатель дал ей доверенность на заграничное издание своих книг и уполномочил договариваться об условиях их перевода. Вместе с ним Будберг была занята выпуском литературного журнала «Беседа» и разделяла с ним все волнения и огорчения, связанные с выходом в свет, к сожалению, всего нескольких его номеров. В июне 1922 г. Мура вновь взяла хозяйство в доме Горького в свои руки. Вернее, не в доме, а в пансионе или гостинице, поскольку писатель переезжал с одного курорта на другой в надежде справиться с болезнью — застарелым туберкулезом. Но здоровье упорно не желало возвращаться, и к марту 1924 г. были выхлопотаны визы в Италию — к теплому морю, в мягкий средиземноморский климат, в страну, которую Алексей Максимович очень любил. Надо сказать, что все биографы Горького единодушно утверждают, что 1921–1927 гг. были одними из счастливейших в жизни писателя.

Лучшие вещи его были написаны именно в это время, и, несмотря на болезни и денежные заботы, была Италия, и была рядом Мура — подруга, вдохновительница и просто любимая женщина. Это ей Горький посвятил свое последнее и самое значительное произведение — 4-томный роман-завещание «Жизнь Клима Самгина», и ее портрет стоял у него на столе до последних дней.

В конце двадцатых годов Горький принял решение вернуться в СССР. Мария Игнатьевна не только не отговаривала его, но и всячески поддерживала эту мысль. Она рассуждала здраво: тираж его книг на иностранных языках катастрофически падал. А в России его стали забывать, и, если он не вернется в ближайшее время, его перестанут читать и издавать и на Родине тоже. Перед отъездом Алексей Максимович передал Муре часть своего итальянского архива, ту, что составляла переписка с литераторами, приезжавшими из Союза в Европу с жалобами на советские порядки, — ее нельзя было везти в СССР. Мура не последовала за Горьким в Москву из опасения, что ее присутствие может «поставить его в неловкое положение». Это официальная версия. Возможно, у нее были и другие, более веские основания не возвращаться. Итак, в апреле 1933 г. их пути разошлись: Мура с чемоданом бумаг убыла из Сорренто в Лондон, а Горький отправился в Россию. Однако разъезд не означал разрыва отношений. Продолжалась переписка, и последовали новые встречи, последняя из которых состоялась в 1938 г., когда по просьбе умирающего писателя ее вызвали в Москву — попрощаться. Долгое время бытовавшее мнение о причастности Марии Будберг к якобы насильственной смерти Горького сегодня кажется безосновательным, так же как и утверждение, что, будучи сотрудницей НКВД, Мура тогда же привезла из Лондона ту часть секретного горьковского архива, которую он ей оставлял на хранение. Некоторые исследователи уверены, что упомянутый архив так и не попал в руки Сталина. Сама Будберг настаивала на том, что чемодан с рукописями и письмами Горького пропал в Эстонии, где она его оставила перед войной. Кстати, последние архивные открытия доказали, что Мура никогда не была агентом НКВД.

Важнейшим правилом жизни Марии Игнатьевны было не выпускать из рук отвоеванные у жизни радости комфорта и общения с людьми своего уровня. Она никогда не теряла приобретенных друзей, не прекращала общения с возлюбленными. В свое время Мура приложила немало усилий к тому, чтобы разыскать Локкарта, и наконец ей это удалось. Они встретились в Вене. И хотя прежней близости не возникло, их приятельские и деловые отношения с тех пор не прерывались.

Еще живя в Италии, втайне от Горького она бывала в Лондоне и встречалась с Гербертом Уэллсом. С 1933 г. Мура окончательно перебралась в английскую столицу (еще раньше, в 1929 г. она перевезла туда из Эстонии детей и Мисси). К тому времени Уэллс не только овдовел, но и рассорился с последней возлюбленной. Он оставил дом на юге Франции, снял квартиру в Лондоне и переехал туда на постоянное жительство. Его роман с Мурой, начавшийся, возможно, еще в 1920 г. в России, стремительно набирал обороты. Надо сказать, что знаменитый фантаст и женолюбцем был фантастическим. Его многочисленные романы и любовные связи были в Лондоне притчей во языцех. Уэллс вообще был очень чувственным человеком. Он постоянно нуждался в новых источниках творческой энергии, стимулах и впечатлениях. Одним из таких источников становились для него новые любовные увлечения. Недостатка в женщинах, желающих разделить с ним досуг, он не испытывал никогда. Мура при желании легко могла бы стать очередной миссис Уэллс, если бы к этому времени не научилась превыше всего ценить независимость. «Она проводит со мной время, ест со мной, спит со мной, но не хочет выходить за меня замуж», — жаловался писатель. Тем не менее Мария Игнатьевна была очень привязана к Уэллсу, хотя, возможно, и не так сильно, как он к ней. Во всяком случае, она всеми силами старалась отвлечь друга от мрачных мыслей, посещавших его все чаще. Припадки бешенства разрушали его прежнюю репутацию великолепного, остроумного рассказчика. Он еще полыхал и кипятился, но физически и духовно превратился в раздражительного больного старика. Сказывалась копившаяся годами усталость от чересчур бурной жизни, к тому же вторая половина литературной биографии Уэллса сложилась неудачно — его дарование начало угасать, слабые книги выходили одна за другой. Автор все более погружался в раздумья о необходимости отказаться от беллетристики и сочинять только социологическую прозу и трактаты о будущем едином мироустройстве. Но сильным философом и социологом он никогда не был, и теперь над ним смеялись, а он выходил из себя… Когда в 1934 г. близкий друг Уэллса, английский писатель Сомерсет Моэм спросил Муру, как она может любить этого толстого и очень вспыльчивого человека, она со свойственным ей остроумием ответила: «Его невозможно не любить — он пахнет медом».

Мура и Уэллс жили раздельно, но очень много времени проводили вместе, посещая друзей, выставки, театры. Престарелый ловелас, а ему было уже под семьдесят, утешал себя тем, что Мура не выходит за него из-за сложностей с разводом,

поскольку ее муж, барон Будберг, был еще жив. Впрочем, символическую свадьбу они все-таки сыграли. На торжестве в одном из ресторанов лондонского Сохо присутствовали сыновья Уэллса с женами и близкие друзья — всего было разослано около 30 приглашений. Когда гости собрались и выпили за здоровье и благополучие новой семьи, Мура встала и сказала, что это всего лишь розыгрыш.

Уэллс умер 13 августа 1946 г. (в сентябре ему должно было исполниться 80 лет). После кремации оба сына — Энтони Уэст и Джип — отбыли на южное побережье Англии, на остров Уайт. Там они наняли двухвесельную шлюпку, вышли в море и развеяли прах отца над водами Ла-Манша. Все было сделано так, как он хотел. По завещанию, составленному незадолго перед смертью, деньги, литературные права, дом были поделены между ближайшими родственниками — детьми и внуками; прислуга и близкие не были забыты. Муре Будберг он оставил 100 ООО долларов.

После войны она жила в Лондоне совершенно свободно, без денежных затруднений. Сын держал ферму, дочь вышла замуж. Мария Игнатьевна несколько раз ездила в СССР как британская подданная. Шли годы, десятилетия. Теперь Мура выглядела стареющей аристократкой: увешанная тяжелыми бусами, в длинных широких юбках, она говорила басом, курила сигареты и пересыпала речь непечатными английскими словами. Любила соленые анекдоты и по-прежнему имела многочисленный круг знакомых. В конце жизни она очень растолстела, общалась больше по телефону, много пила и не скрывала, что для того, чтобы нормально «функционировать», ей нужен алкоголь.

За два месяца до смерти сын, бывший уже на пенсии, взял Марию Игнатьевну к себе в Италию. 2 ноября 1974 г. в лондонской «Таймс» было напечатано известие о ее кончине и длинный некролог, в котором воздавалось должное женщине, в течение сорока лет находившейся в центре английской аристократической и интеллектуальной жизни: Мура была писательницей, переводчицей, консультантом кинорежиссеров, чтецом рукописей для издательств на пяти языках и т. д. «Она могла перепить любого матроса… — говорилось в некрологе, — среди ее гостей были и кинозвезды, и литературные знаменитости, но бывали и скучнейшие ничтожества. Она была одинаково добра ко всем… Ее близким друзьям никто и никогда не сможет заменить ее». Тело было перевезено в Лондон. В православной церкви на отпевании в первом ряду стояли французский посол в Лондоне господин Бомарше и его жена, за ними многочисленная английская знать, кое-кто из знати

русской, а также дети и внуки Муры.

Так закончилась жизнь «русской миледи», «красной Мата Хари», как ее называли на Западе, вдохновительницы таких непохожих друг на друга писателей, «железной женщины» Марии Закревской-Бенкендорф-Будберг. По словам нашего современника, писателя-фантаста Кира Булычева, она принадлежала к типу женщин, «судьба которых укладывалась в рамки понятия „он избрал меня, и нет в том моей вины“», и потому они были совершенно беззащитны перед будущим и перед судом потомков.

Изабелла Баварская

(род. в 1371 г. — ум. в 1435 г.)

Королева Франции. Жена французского короля Карла VI Безумного. Весной 1403 г. объявила себя регентшей. Прославилась развратным образом жизни и рядом кровавых преступлений. Свои многочисленные любовные связи использовала в борьбе за власть.

Изабелла Баварская, более известная под именем королевы Изабо, слывет одной из самых мрачных фигур европейской истории. Дурную славу ей создали жестокость, эгоизм, страсть к интригам, неуемное властолюбие и невероятная по тем временам распущенность. Недаром подробностями ее альковных похождений заинтересовался сам маркиз де Сад, написавший «Секретную историю Изабеллы Баварской, королевы Франции», которая впервые была опубликована только в 1953 г.

Прелюдией к появлению Изабеллы на исторической сцене послужила смерть французского короля Карла V. На смертном одре он пожелал, чтобы его наследник, тоже Карл, женился на одной из немецких принцесс. Регент при двенадцатилетнем дофине, герцог Бургундский, Филипп Смелый, сразу же начал поиски невесты. Длились они несколько лет. Наконец выбор регента остановился на Изабелле, дочери герцога Баварского, Стефана II.

К герцогу было направлено посольство. Послы были уверены в успехе. Дочери бедного, по меркам французов, провинциального властителя предлагалась корона сильнейшего в Европе государства. Однако герцог, зная об обычае подвергать невесту

короля деликатному осмотру, чтобы убедиться в ее девственности, решил отказать сватам. Эту процедуру он считал унизительной и, вероятно, не без оснований, боялся, что его дочь будет с позором возвращена в родительский дом. Кроме того, до него доходили слухи о странностях юного короля, связанных с повышенными сексуальными потребностями.

Несмотря на отказ, Филипп возобновил предложение через герцогиню Брабантскую. Та уговорила Стефана согласиться. Герцог, однако, поставил условие. Прежде чем вопрос будет решен окончательно, Изабелла и Карл должны были «случайно» встретиться, не подозревая о планах на их счет.

Встреча должна была произойти в монастыре Святого Иоанна под Амьеном. Но предварительно Изабо заехала к герцогине Брабантской, чтобы получить несколько уроков этикета. Знатная сваха не поскупилась на советы. Кроме того, она одарила Изабо модными нарядами. Те, которые девушка взяла с собой, не годились для пышного французского двора.

15 июля 1385 г. Изабелла прибыла в Амьен и была представлена королю. Влюбчивый Карл был потрясен красотой пятнадцатилетней кузины (Изабо приходилась ему двоюродной сестрой). Королю так не терпелось овладеть невестой, что он решил жениться немедленно. Пренебрегая обычаем, он настоял на том, что свадьба состоялась через два дня здесь же, в Амьене. В результате невеста не смогла подготовить себе даже платье для венчания, а придворные дамы остались без полагающихся в таких случаях пышных туалетов.

Утром, после бурно проведенной ночи, молодожены отправились в замок Боте-сюр-Марн, бывший постоянной резиденцией Карла VI. И уже через несколько дней юная королева поняла, что дела у ее мужа ведутся из рук вон плохо. Семнадцатилетний Карл не желал заниматься ничем, кроме развлечений далеко не невинного характера. Оргии в замке были делом обычным. Правда, после женитьбы он остепенился — чувственная Изабо вполне удовлетворяла его потребности, — однако придворные продолжали вести прежнюю жизнь.

Государственными делами король не занимался. Все находилось в руках трех его дядей — герцогов Бургундского, Анжуйского и Беррийского, которые не стеснялись запускать руки в королевскую казну. Изабелла быстро сообразила что к чему, но, будучи достаточно умной, вида не подавала.

Через некоторое время Карл отправился воевать. Роль верной жены, тоскующей по ночам в одиночестве, не устраивала молодую королеву. Вскоре она обратила внимание на молодого красивого придворного Буа-Бурдона и начала оказывать ему

знаки внимания. Молодой человек долго не раздумывал. Он признался королеве в любви, и в эту же ночь они стали любовниками.

Любовная связь оказалась для Изабо полезной во многих отношениях. Буа-Бурдон ввел ее в курс всех дворцовых интриг. Однажды Изабелла заявила ему, что король слишком слаб и управлять государством должна она. А через некоторое время сообщила любовнику план устранения регентов. Она решила привлечь на свою сторону брата короля, герцога Туреньского.

Буа-Бурдон был поражен столь быстрым превращением «простушки» в искушенную интриганку. Он боялся, что герцог вытеснит его из сердца королевы. Но Изабо успокоила его, сказав, что связь по расчету не помешает им предаваться любви в свое удовольствие.

Очень скоро пятнадцатилетний герцог Людовик Туреньский был соблазнен. Не осталась равнодушной к красивому мужественному юноше и королева. Но утром она не забыла, как бы между прочим, заметить, что необходимо прекратить те безобразия, которые творятся при дворе. Догадливый герцог тут же согласился с ней и предложил объединить усилия, чтобы устранить регентов. Изабелла осталась довольна. Оставшись одна, она быстро оделась и отправилась к Буа-Бурдону, чтобы сообщить о результатах. Следующая ночь была подарена ему.

Впрочем, королеву занимали не только интриги. Двух любовников и мужа ей оказалось недостаточно. Чтобы развлечься, Изабелла по примеру многих королев средневековья организовала Двор любви. Но как же отличался он от двора уже упоминаемой Алиенор Аквитанской! Там царило служение любви, члены кружка следовали специальному кодексу, который нельзя было нарушить, не лишившись при этом чести. Здесь же каждый стремился выставить на всеобщее обозрение свои пороки. Когда король уезжал,

Изабелла устраивала «праздники». Гости являлись на них, одевшись в очень своеобразные маскарадные костюмы. Например, наклеивали перья на голое тело. А кое-кто обходился вообще без одежды. «Праздник», как правило, заканчивался оргией.

Страстные бессонные ночи, казалось, только увеличивали энергию королевы на политическом поприще. Склонив на свою сторону кардинала Лаона, в 1388 г. она с его помощью добилась того, что власть перешла к королю. Фактически это означало то, что править он будет лишь по указке королевы.

Между тем странности короля постепенно усиливались. Летом 1392 г. Карл окончательно сошел с ума. Он начал произносить безумные речи и бегать по улицам, «спасаясь» от

придворных. Современники считали, что причиной этого стал сильный испуг. По наущению Изабо герцог Туреньский устроил так, что на дороге к королю внезапно подбежал нищий и сказал, что тому необходимо спасаться, так как его предали. Карл впал в буйство и успел убить несколько человек, прежде чем его схватили.

Однако любовники просчитались. Все вокруг были уверены, что король не может больше править. Но когда королева предложила сделать регентом герцога Туреньского, дядюшки короля воспротивились. По их мнению, герцог был слишком молод. В результате бразды правления вновь оказались в руках прежних регентов.

Тогда Изабелла решила убить мужа. В этом случае герцог мог бы стать королем. Немного пришедший в себя, Карл решил устроить шутовское празднество. Несколько придворных оделись дикарями и начали танцевать «сарацинский танец». На них было надето полотно, облитое смолой, к которому была прикреплена пакля. Герцог Туреньский как бы случайно уронил факел, и через мгновение всех танцоров охватил огонь. Короля спасла герцогиня Беррийская. Она накрыла его своими юбками и сбила пламя. Однако потрясение не прошло даром. Разум Карла вновь помутился. Король не узнавал жену и вел себя агрессивно.

Изабелла вместе с герцогом перебралась в замок Барьбьет, оставив мужа на попечение нерадивых слуг. Несчастный безумец ходил в лохмотьях, зарос, завшивел и покрылся прыщами. Когда он вновь пришел в себя, Изабо вернулась. Даже не позаботившись о смене неимоверно грязных простыней, она улеглась с мужем в постель, чтобы ласками и уговорами вытребовать у Карла герцогство Орлеанское для любовника, в чем, конечно, преуспела.

Новоявленный Людовик Орлеанский и Изабелла постепенно прибрали власть к рукам. Их связь не была секретом ни для придворных, ни для народа Франции. Все возмущались распутством, которое царило при дворе. Но недовольных по приказу королевы немедленно отправляли в тюрьму.

Но вот до Изабо стали доходить слухи о многочисленных изменах герцога. Оскорбленная Изабо начала задумываться о мести. Своим орудием она избрала герцога Иоанна Бургундского по прозвищу Бесстрашный. Этот алчный и коварный человек давно видел в Людовике главное препятствие в борьбе за трон. Кроме того, он знал, что герцог Орлеанский соблазнил его жену. С известием об этом Иоанн отправился к королеве и предложил убить Людовика. Вместе они разработали коварный план и взялись за его исполнение.

В назначенный день Изабелла попросила Людовика провести

у нее вечер. Ласковыми упреками она вызвала у неверного любовника раскаяние. Вскоре оба оказались в постели. Но в это время раздался стук в дверь и вошел камердинер короля, посвященный в детали заговора. Как было заранее условлено, он сказал, что герцога срочно вызывает король. Людовик привел в порядок одежду и поспешил во дворец Сен-Поль. По дороге на него напали люди Иоанна и убили.

Однако скрыть участие герцога Бургундского в этом преступлении не удалось. Нашлись свидетели, видевшие, как убийцы скрылись в его дворце. Иоанну пришлось бежать во Фландрию. Через некоторое время он все же вернулся во Францию, и в стране вспыхнула междоусобица между его сторонниками и сторонниками семьи Орлеанца.

Тогда Иоанн предложил Изабелле соблазнить сына покойного, герцога Филиппа Орлеанского, чтобы узнать его тайные замыслы. В этом она преуспела, но не смогла сделать его игрушкой в своих руках.

Безнаказанность окончательно вскружила голову королеве. В сопровождении нескольких придворных дам по ночам она часто покидала дворец. Переодевшись проститутками, женщины искали приключений и, конечно, находили их. Об этом доложили королю. Ему также сообщили, что главным доверенным лицом королевы во всех делах такого рода является по-прежнему остававшийся ее любовником Буа-Бурдон. Карл немедленно отправился в Венсенский дворец, где находился в это время двор королевы. Первым, кого он встретил, оказался Буа-Бурдон. Фаворита схватили и заключили в тюрьму. На допросе он рассказал много. Так много, что король приказал зашить любовника жены в мешок и утопить в Сене.

Сын Карла и Изабеллы, дофин Карл, посоветовавшись с коннетаблем Франции, графом Арманьяком, приказал похитить мать, чтобы воспрепятствовать новым интригам и позорящим королевскую семью поступкам. Припрятанные ею богатства были конфискованы, а сама Изабо оказалась в Туре под усиленной охраной. В заточении она горько сетовала на то, что ее похитители не дали ей захватить с собой наряды и драгоценности.

Казалось, власти и похождениям королевы пришел конец. Однако она сумела призвать на помощь герцога Бургундского, послав ему свою золотую печать. Тот не стал медлить и вскоре освободил любовницу. Тут же королева вступила в открытую борьбу с мужем и сыном, которого люто возненавидела. Она объявила себя регентшей королевства, связалась с английским королем Генрихом V (напомним, что между Францией и Англией

шла Столетняя война). Английскому монарху была предложена рука дочери королевы, Екатерины. Этот брак автоматически делал его наследником Карла. В 1420 г. в Труа на этих условиях был заключен мирный договор. Вскоре Генрих женился на Екатерине и, согласно договору, был признан регентом и наследником французского престола.

Так Изабелла лишила сына Карла перспективы стать королем. Но ее противники продолжали его поддерживать. Тогда королева начала распускать слухи о том, что король Карл не является отцом дофина. Этому охотно верили. Принц и сам начал сомневаться в своем праве на трон. Успокоить его смогла только Орлеанская Дева, уверившая

Карла в том, что он — законный наследник престола. Тем не менее его сын, Людовик XI, считавший свою бабушку «отъявленной шлюхой», как-то заявил, что не знает наверняка, кто же на самом деле был его дедушкой.

Это, однако, случилось намного позже. А в описываемое время главной целью королевы было уничтожение сына. И она послала герцога Бургундского захватить Карла. Попытка не удалась. Приближенные дофина убили Иоанна, когда он попытался выполнить желание Изабеллы.

Смерть любовника потрясла Изабо. Она понимала, что никогда больше ни один мужчина не станет любить ее. Только Иоанн, надеясь на поддержку и в силу привычки, продолжал сохранять интимные отношения с ужасно растолстевшей и обрюзгшей Изабеллой. Отныне королеву поддерживала только ненависть к сыну. В борьбе с ним она решила опереться на Филиппа Бургундского, сына Иоанна Бесстрашного. Тот пылко влюбился в ее дочь, нежную и добрую Мишель. Изабо с радостью согласилась на их брак, но вскоре заметила, что юная герцогиня Орлеанская, очень любившая брата, старается примирить его с мужем. Тогда Изабелла, не дрогнув, отравила дочь. Неизвестно, догадался ли герцог о преступлении тещи. Тем не менее его отношение к ней круто изменилось в худшую сторону.

Осенью 1422 г. умер Карл VI. В результате интриг Изабо на трон Франции претендовали двое: дофин Карл и сын незадолго до того тоже умершего Генриха Английского, десятимесячный Генрих VI. Страну терзала война. Но Орлеанская Дева сумела захватить Орлеан, воодушевить французов на сопротивление англичанам и короновать Карла в Реймсе.

Власть ускользала из рук Изабеллы. В последний раз она ввязалась в борьбу, попытавшись убить Филиппа Бургундского, признавшего Карла VII своим королем. Но заговор не удался, и ей пришлось укрыться в своем дворце в Париже. Приближенные

оставили королеву. Народ ее презирал и ненавидел. Изабелла была вынуждена донашивать старые платья, ломала голову над тем, как оплатить еду и дрова. Наконец, 30 сентября 1435 г. она умерла. В последний путь покойницу провожали только слуга и священник. А парижане лениво судачили о похождениях жестокой королевы Изабо, употребившей свою красоту во зло всем, кто с нею сталкивался.

Каллас Мария

Настоящее имя — Сесилия София Анна Мария Калогеропулос (род. в 1923 г. — ум. в 1977 г.)

Одна из блистательных оперных певиц XX в., любовница известного судостроительного магната Аристотеля Онассиса.

«Ты не верил, что я могу умереть от любви. Знай же: я умерла. Мир оглох. Я больше не могу петь. Нет, ты будешь это читать. Я тебя заставлю. Ты повсюду будешь слышать мой пропавший голос — он будет преследовать тебя даже во сне, он окружит тебя, лишит рассудка, и ты сдашься, потому что он умеет брать любые крепости. Он достанет тебя из розовых объятий куклы Жаклин. Он за меня отомстит…» — это строки из письма, написанного Марией Каллас своему возлюбленному Аристотелю Онассису после того, как он покинул ее и женился на вдове американского президента Джекки Кеннеди. Певица пыталась начать новую жизнь без него, все забыть, много работала, изредка записывала пластинки. Но обмануть свое сердце Марии не удавалось — мысли все время возвращались к любимому человеку и дням, которые они провели вместе…

Настоящее имя этой замечательной оперной дивы — Сесилия София Анна Мария Калогеропулос. Она родилась 3 декабря 1923 г. в семье греческих эмигрантов, которые в поисках лучшей доли переехали в Америку. Здесь отец девочки открыл аптеку и сменил свою фамилию на более простую — Каллас. Кризис 1929 г. принес ему колоссальные убытки и в конце концов разорил. Мать Марии, Евангелия, не пожелала остаться с

человеком, который не может обеспечить семье достойную жизнь, и, забрав детей, вернулась в Грецию. Спустя некоторое время она приняла решение сделать свою Марию знаменитой певицей, потому что девочка мгновенно запоминала и пела все песни и арии, звучавшие по радио. Отношения между матерью и дочерью складывались непросто: Евангелия родила ее в надежде притупить тоску по любимому умершему сыну, но этого не произошло. Мария всегда ощущала, что мать не любит ее, а лишь удовлетворяет свои честолюбивые устремления, используя талант своего ребенка. Каллас позже вспоминала о своем детстве: «Только когда я пела, я чувствовала, что меня любят». Она росла очень стеснительной и неуклюжей. Пытаясь восполнить отсутствие материнской ласки и как-то смягчить свою незащищенность, Мария много ела, что привело к избыточному весу. Надо сказать, корни многих ее психологических проблем — чувства неуверенности в себе, разных страхов, стремления постоянно самосовершенствоваться, депрессий — росли из несчастливого детства, наполненного тяжелой работой и репетициями. Девочка не любила мать и очень скучала по отцу, считая его такой же жертвой Евангелии, какой являлась сама.

Формальное музыкальное образование она получила у оперной певицы Эльвиры де Идальго, которая разглядела в близорукой неловкой девочке настоящую жемчужину и приложила максимум усилий к тому, чтобы развить ее способности. Позднее Мария скажет: «За всю свою подготовку и за все мое художественное воспитание как актрисы и человека музыки я обязана Эльвире де Идальго». Эта талантливая женщина и педагог преподала Каллас основы бельканто и обучила тонкостям актерского мастерства.

Мария вполне оправдала надежды своих учителей и деспотичной матери. В возрасте 16 лет она завоевала первый приз в консерваторском выпускном конкурсе и начала зарабатывать деньги своим голосом. Через некоторое время Каллас спела свою первую партию в настоящей опере «Тоска». Дебют Марии состоялся в Италии в августе 1947 г. в «Джоконде». Юная певица покорила публику и критиков своим потрясающим сопрано и яркой индивидуальностью. Ей предрекали большое будущее, и Каллас решила сделать Италию своим домом. Одна за другой следовали новые роли, слава Марии росла. Несмотря на то что она была очень полной и имела отвратительную привычку грызть ногти, у нее появилось множество поклонников, среди которых оказался и итальянский промышленник, миллионер Джованни Баттиста Менегини. Он был старше Марии почти на тридцать лет и являлся холостяком лишь по той причине, что не встретил

достойной пары. Улыбчивая и бесконечно талантливая Каллас покорила его сердце. Немаловажную роль в этом сыграла и природная расчетливость Менегини, который отлично понимал, что эта молодая певица — тот капитал, который со временем обернется верной прибылью. Баттиста стал серьезно ухаживать за ней. Будучи человеком консервативным, он пошел по традиционному пути: дарил цветы, подарки, приглашал девушку в дорогие рестораны. Каллас льстило внимание такого серьезного человека. Кроме того, она чувствовала себя с ним полностью защищенной от агрессивного окружающего мира. Баттиста не спешил делать предложение — он привык тщательно взвешивать свои поступки. Их встречи продолжались два года. Однажды Мария, серьезная, как школьница, сказала своему поклоннику: «Нас всюду видят вместе. Ты меня компрометируешь. Ты или должен на мне жениться, или перестать за мной ухаживать».

Менегини недолго думал и 21 апреля 1949 г. повел Марию под венец в маленькой церквушке Св. Филиппа в Вероне. Приготовления к свадьбе заняли несколько часов, в течение которых жених сообщил родственникам свое окончательное решение, купил любимой шелковое платье и договорился со знакомым священником. Единственными гостями на свадьбе были двое быстро найденных свидетелей.

Обе семьи не одобрили этого поступка. Евангелия считала, что дочь допустила ошибку, выйдя замуж не за грека, который к тому же старше ее более чем в два раза, а родственники Менегини были уверены в том, что молодая актриса польстилась на его деньги. Впрочем, молодожены не обращали никакого внимания на бессмысленные упреки. Мария была счастлива — она наконец обрела определенную стабильность в жизни. Муж стал для нее любовником, отцом, менеджером, руководителем и врачевателем. Однажды она сказала о нем: «Я поняла, что это тот человек, которого я ищу, уже через 5 минут после нашего знакомства… Если бы Баттиста захотел, я тут же без всякого сожаления оставила бы музыку. В жизни женщины любовь значительно важнее, чем любой профессиональный триумф».

Супруги поселились в своем доме в Милане. Роль образцовой жены и хозяйки пришлась по вкусу Каллас. Она требовала от слуг четкого выполнения своих обязанностей и устраивала им разносы, если, например, не находила молочных продуктов строго на верхней полке холодильника. Многие знакомые считали обстановку их дома не слишком утонченной, а порой и безвкусной. Так, режиссер Франко Дзефирелли, побывав у них в гостях, был шокирован обилием позолоты, украшениями в стиле рококо, финтифлюшками в ванной комнате и херувимчиками в

бреющем полете на обоях. Все это очень напоминало апартаменты Марии Антуанетты, но Каллас была довольна. Она чувствовала себя среди этих вещей настоящей оперной примадонной. Баттиста заботился об уюте их жилища, покупал новейшую бытовую технику и баловал свою Марию, которая не стеснялась в расходах и не отказывала себе в удовольствиях. Так, ее вкус требовал 150 пар обуви, в гардеробе певицы никогда не было двух одинаковых платьев, а число головных уборов превысило 300, включая самые немыслимые. Опытный парикмахер постоянно делал Каллас новые прически под разные настроения. Она часто меняла цвет волос и перепробовала практически все возможные оттенки — от блондинки до брюнетки. Менегини во всем потакал своей молодой жене, не забывая и о ее карьере, делая все от него зависящее, чтобы обеспечить ей максимум комфорта на гастролях. Баттиста улаживал все технические вопросы, вел переговоры, изучал контракты. Кроме того, он всерьез занялся здоровьем Марии. В течение 1954 г. они добились двух вещей: за несколько месяцев Каллас похудела со ста килограммов до шестидесяти и покорила одну из главных сцен мира — миланский «Ла Скала». Эпитеты «непревзойденная», «неподражаемая» стали сопутствовать ей не только в Италии, но и в лондонском «Ковент-Гарден», и в нью-йоркском «Метрополитен-Опера», парижском «Гранд-Опера».

Мария Каллас в новом облике еще больше завораживала публику и привлекала внимание поклонников. Но ни она, ни ее муж не могли заподозрить друг друга в измене.

Когда любимая уезжала на гастроли, а Менегини по каким-либо причинам не мог ее сопровождать, он каждый раз звонил ей в отель, а певица, поговорив с заботливым мужем, садилась за стол и писала ему длинные письма, в которых подробно рассказывала о прожитом дне. Баттисту интересовала каждая минута ее жизни, он даже просил пересылать ему газетные статьи, в которых упоминалось о ее выступлениях. Мария чувствовала себя маленькой девочкой рядом с сильным и любящим отцом-великаном.

Их брак напоминал прочное судно, которое уверенно бороздит бурный океан жизни. Быть может, в нем не было страсти и особенного романтизма, но зато в отношениях между супругами присутствовало нечто более важное для Марии: надежность, стабильность и защищенность — то, чего певица была лишена долгие годы. В течение раннего периода брака она часто заговаривала о ребенке, но Баттиста опасался, что это повредит ее карьере. Постепенно она прекратила эти разговоры. Жизнь вошла в колею и представляла собой четко отлаженный

механизм: репетиции, блестящие выступления, новые контракты. Ровно в полночь молчаливая и совершенно обессиленная Каллас ложилась в постель, чтобы наутро продолжить забег к вершине Олимпа. Итак, Мария была поглощена творчеством, Баттиста заботился о жене и ее карьере. Они были по-своему счастливы. Казалось, ничто не предвещает катастрофы…

В 1957 г. во время кинофестиваля в Венеции известная фельетонистка и устроительница вечеров Эльза Максвелл познакомила Марию Каллас с могущественным судостроительным магнатом Аристотелем Онассисом. Они обменялись любезностями, необходимыми в подобных случаях, и разошлись в разные концы зала. А спустя полтора года, посетив триумфальную для Каллас «Медею», Аристотель пригласил Марию с супругом в круиз на своей яхте «Кристина». Баттиста согласился — жене требовался отдых и новые впечатления. Менегини даже не подозревал, что это путешествие положит конец их браку.

Онассис нажил сказочное состояние во время Второй мировой войны, поставляя нефть в воюющую Европу. Он добился всего, о чем только можно было мечтать — денег, власти. Не хватало только одного — славы. Воплощением ее была Мария Каллас — талантливая, красивая, перед которой преклонялись, которую обожествляли. Однажды встретив ее, Аристотель уже не мог позабыть глаза прекрасной гречанки. Он решил во что бы то ни стало завоевать сердце примадонны.

«Кристина» напоминала роскошный плавучий дворец в пять этажей. Гости с утра до вечера купались в бассейне, отдыхали в удобных шезлонгах. На борту яхты постоянно устраивались вечеринки, королевой которых Онассис делал Марию. Она окончательно потеряла голову: легкий ветер и солнце преобразили ее. Хотелось любви и счастья — такого же бесконечного, как море. Аристотель был нежен и предупредителен с Марией, оказывал певице многочисленные знаки внимания, засыпал цветами. Его супруга Тина и Менегини были обеспокоены, но надеялись, что это лишь минутное увлечение двух соотечественников.

Через две недели после начала путешествия «Кристина» бросила якорь в Эгейском море. Менегини и Онассисов пригласил в свою резиденцию Патриарх Константинопольский, назвал Марию великой певицей, а Онассиса — новым Улиссом и благословил их, не обратив никакого внимания на Тину и Баттисту.

Возвратившись на яхту, Мария уже почти не обращала внимания на своего супруга. Часто после шумных вечеринок он

возвращался в свою каюту один — Каллас оставалась наверху танцевать с Аристотелем.

Однажды ночью, когда Баттиста снова лег один, в каюту бесшумно проскользнула какая-то женщина. Приглядевшись, он узнал в ней жену хозяина яхты. «Баттиста, — срывающимся то ли от плача, то ли от ярости голосом произнесла Тина. — Я хочу тебе кое-что сказать. Там, наверху, твоя Мария нежится в объятиях моего мужа. Хочешь, пойди полюбуйся. Впрочем, тебе уже вряд ли удастся получить ее обратно, уж я-то его знаю».

Менегини принял это известие стоически. Он прекрасно понимал разницу в возрасте со своей супругой и был склонен на многое закрыть глаза. Но по прибытии домой Мария сообщила ему, что влюблена и собирается развестись, чтобы начать новую жизнь. «Я остаюсь с Онассисом. Я поняла, что больше не люблю тебя», — ровно сказала она мужу. «Мария, опомнись! С каким таким Онассисом ты остаешься? Ведь он женатый человек, у него двое детей!» — увещевал супругу потрясенный Баттиста. В эти минуты он совершенно не думал о нанесенном ему оскорблении — слишком велико было желание оградить жену от беды. Но у Марии и в мыслях не было прислушаться к его советам: всепоглощающая страсть сжигала ее, страсть первой настоящей любви. Онассис открыл для нее новый мир неизведанных чувств и переживаний, научил наслаждаться физической любовью. Приходя к ней, он говорил комплименты, собственноручно делал ей педикюр, расчесывал ее длинные черные волосы. Он понимал, что Марии хотелось бы найти в нем и друга, поэтому делал вид, что ему интересно слушать ее болтовню и вздохи.

Тем временем дела Марии расстраивались — без опытного менеджера срывались спектакли, происходили досадные сбои в таком отлаженном когда-то расписании. Она все меньше и меньше пела, и неудивительно: мысли Каллас были заняты вспыхнувшей любовью и Онассисом. Он развелся с женой, но не спешил делать предложение своей любовнице. Мария страдала от этого, не понимая, что произошло в их отношениях. Онассис стал груб, раздражителен. К этим неприятностям певицы прибавилась новая — стал пропадать голос. Врачи не смогли дать объяснения, что именно произошло и в чем причина, а Мария была твердо уверена, что это боги прогневались на нее за прелюбодеяние и развод с мужем.

11 декабря 1961 г. Каллас пела в «Ла Скала» арию Медеи. Она знала, что любимого нет в зале. В эти мгновения Мария с ужасом почувствовала, что не может петь дальше. После этого провала ей пришлось выслушать обвинения Аристотеля. «Ты — ничтожество», — бросил он в лицо своей любовнице.

Подобные ссоры были на протяжении всего их романа. Они сменялись столь же бурными примирениями. Страсть Аристотеля была недолговечна, но вместе с тем он осознавал, что никто и никогда не понимал и не любил его больше, чем Мария. Они были под стать друг другу — сильные, красивые греки. Но это равноправие и мешало их отношениям.

Когда Мария поняла, что беременна, она с радостью сообщила об этом своему любовнику. Ответ был страшен: «Аборт». И несмотря на жгучее желание иметь ребенка, она повиновалась. Позднее Мария проклинала Аристотеля за этот приказ, но больше всего она ненавидела себя за свое бессилие перед ним.

В августе 1968 г. на «Кристине» между любовниками произошла еще одна ссора. Аристотель грубо прервал рассуждения Марии и сказал ей, чтобы она возвращалась домой. «С меня довольно! Больше ты меня не увидишь!» — в отчаянии крикнула Каллас.

Через несколько месяцев она узнала о том, что ее возлюбленный женится на вдове американского президента Жаклин Кеннеди. Это известие повергло Марию в шок. Радость и пьянящее чувство освобождения от того, кто отнял у нее голос и стал между ней и музыкой, сменились глубоким отчаянием. Сердце останавливалось от горя. «Обратите внимание на мои слова. Боги будут справедливы. Есть на свете правосудие», — пророчески сказала она посыльному.

Через некоторое время после свадьбы с Жаклин Аристотель снова вернулся к Марии. Он на коленях просил у нее прощения и каялся в том, что сделал. Каллас смотрела на него и понимала, что Онассис — ее единственная любовь — все, что осталось в жизни. Мария простила его и приняла обратно. Но проклятия, которые она обрушила на любимого человека, получив сообщение о его свадьбе с Жаклин, видимо, сделали свое дело: брак Онассиса принес ему лишь боль и разочарование. Но боги не остановились на этом — вскоре в авиакатастрофе погиб любимый сын Аристотеля Александрос. Узнав о его смерти, Онассис поседел за одну ночь. После этой трагедии жизнь потеряла для него всякий смысл и даже любовь к Марии не удерживала на этом свете. Уставший от жизни, в 1975 г. он умирал в американской больнице. В последние минуты он думал о Марии, снова был с ней вместе и умер с ее именем на губах.

Через два года Каллас последовала за ним. За полгода до сердечного приступа, который унес ее жизнь, она попросила последнего секретаря Онассиса Кики Мутсатсоса организовать для нее поездку на могилу Аристотеля. Вот как вспоминал он об

этом: «…17 сентября 1977 г. мы с Марией прилетели на остров Скорпиос, где находится фамильный склеп Онассисов. Каллас прибыла на остров в непроницаемых черных очках и с букетом белых роз в руке. Когда мы дошли до склепа, она обернулась ко мне и презрительно проговорила: „Уйдите. Я хочу попрощаться с ним один на один“. Она пробыла в склепе около получаса. Лишь в самолете она сняла очки, повернула ко мне полные слез глаза и сказала: „Вы знаете, у нас с Ари ничего не было в целом мире, кроме друг друга. Я всю жизнь пишу ему письма… — и после долгой паузы добавила: — Ничего. Осталось недолго. Скоро мы встретимся“».

В последний путь Марию провожали цветы от Онассиса. Такова была его воля — быть вместе с любимой на ее пути в вечность, чтобы там соединиться уже навсегда…

Кало Фрида

Полное имя — Магдалена Кармен Фрида Кало-и-Кальдерон (род. в 1907 г. — ум. в 1954 г.)

Необычайно талантливая мексиканская художница, жена Диего Риверы и любовница Льва Троцкого.

«Моя жизнь — это серьезная история. Мое творчество — словно проводник боли», — так писала в своем знаменитом «Дневнике» легендарная женщина Мексики — Фрида Кал о. О ней написаны десятки объемистых романов и искусствоведческих трудов, поставлены драматические и оперные спектакли, а в настоящее время идет съемка сразу трех художественных фильмов. Но все это лишь попытка ухватить суть, разгадать главное — тайну ее магической притягательности. В какой-то мере это даже дошло до абсурда. «Фридомания» захлестнула Западный мир: американские феминистки называют ее своей предтечей, ею восторгаются бисексуалы, художники-сюрреалисты зачислили художницу в свой лагерь, картины Кало оцениваются в миллионы долларов. Ах, как бы повеселилась эта жизнерадостная женщина, узнав, что она приравнена к богам последователями ее стиля из числа богемы: сооружены «алтари Фриды», а религия носит название «калоизм». А может, гордо отвернулась бы от этих изысков (как в свое время от сюрреалистов), потому что жила в мире, где все было реально — боль, искусство, любовь.

Венгерский еврей Вильгельм Кало из Баден-Бадена покинул Германию и обосновался в Мексике накануне XX столетия. В Мехико он устроился продавцом в ювелирный магазин, женился,

овдовел, поместил двух дочерей от первого брака в монастырь и вновь обзавелся семьей. Вильгельм превратился в Гильермо и сменил профессию — стал известным фотографом, посвятившим свое творчество новой родине, и построил большой «голубой дом» — дом цвета мечты — в Койоакан, пригороде столицы. Его вторая супруга, Матильда Кальдерон-и-Гонсалес, в чьих жилах текла испанская и мексиканская кровь, родила четырех дочерей: Матильду, Адриану, Фриду и Кристину. Конечно, Гильермо мечтал о сыне, но единственный мальчик умер, и отец всю свою любовь перенес на Магдалену Кармен Фриду, которая родилась 6 июля 1907 г. Она росла порывистым, лукавым и по-мальчишески независимым ребенком-сорван-цом. Матери девочка побаивалась и величала ее «мой босс», а отца любила всем сердцем и с восторгом следовала за ним во время съемок.

На одной из таких прогулок семилетней Фриде показалось, что она сильно ушибла ногу «о толстые корни дерева и упала, оглушенная болью». С этого дня и до конца жизни ей пришлось жить в мире не утихающих болей. Из этой муки преодоления страданий Фрида выросла в стойкую и мужественную, радующуюся жизни и искрометно веселую женщину. А пока диагноз врачей был малоутешительный — полиомиелит. Почти год она не выходила из дому. Правая ступня атрофировалась, а нога стала короче и тоньше. Дети дразнили ее: «Фрида — деревянная нога», она взрывалась от гнева, глаза из-под торчащей челки метали молнии. Девочка усиленно занималась спортом, вела себя дерзко и независимо, водилась только с мальчишками и даже сколотила уличную банду, которая промышляла воровством фруктов и пакостила учителям. Из инвалида Кало превратилась в заводилу, а лишняя пара чулок (в любую жару) скрывала от любопытных взглядов ненормальную худобу ноги.

Отец не скупился: оплачивал лучшие спортивные и учебные заведения, врачей. Он чувствовал ответственность за свою любимицу. В 1922 г. Фрида выдержала серьезные вступительные экзамены в Национальную подготовительную школу, чтобы впоследствии заняться медициной. Для того времени это было необычно для женщины. Но Кало не особенно заботилась о чужом мнении и всегда поступала, как считала нужным. Она выглядела стройным тоненьким подростком и притягивала внимание каким-то еще скрытым женским очарованием. Красота ее была одновременно дикой и строгой, ей было чуждо кокетство. Фрида не придавала значения физической ущербности и не боялась выделиться среди однолеток. Девочки одевались в школу, как взрослые дамы, а Кало ходила в строгой, как сказали бы у нас, пионерской форме. Ее глубокие черные глаза под сросшимися

бровями, необычайно длинные роскошные черные волосы и веселая улыбка притягивали взгляды молодых людей. Способствовало этому и неизменное дружелюбие и пытливый ум девушки.

Наблюдательная Фрида во всем искала красоту. Однажды она просидела три часа в школьном амфитеатре «Боливар», наблюдая, как уверенно ложатся на стену мазки, как сочетаются краски под кистью художника-монументалис-та Диего Риверы, что не мешало ей кричать ему вслед с остальными учащимися: «Пузан!» А однажды Кало заявила друзьям, что «непременно выйдет замуж за этого мачо и родит ему сына». Наверное, первая часть фразы прозвучала в урочный час. Но пока Фриде было не до художника. Она была влюблена в самого блестящего юношу своего круга, Алехандро Гомеса Ариаса, и он отвечал ей взаимностью. Они виделись каждый день и каждый день писали друг другу, потому что так хотела веселая, открытая счастью Фрида.

17 сентября 1925 г. влюбленная парочка села в битком набитый автобус, чтобы добраться до дома. На перекрестке автобус столкнулся с трамваем. Алехандро выбросило через окно. Он остался невредим и кинулся искать Фриду. Она лежала на автобусной площадке. «Поручень проткнул меня, как клинок пронзает быка». Юноша, ни на секунду не потеряв хладнокровия, перенес ее на вынесенный из кафе бильярдный стол. Какой-то мужчина вырвал железо из ее тела. «Фрида закричала так, что заглушила сирену подъехавшей кареты Красного Креста», — вспоминал Ариас.

Врачи не дали Кало никаких надежд. Травма была ужасающей: «перелом четвертого и пятого поясничных позвонков, три перелома в области таза, одиннадцать переломов правой ноги, вывих левого локтя, глубокая рана в брюшной полости, произведенная железной балкой, которая вошла в левое бедро и вышла через влагалище. Острый перитонит». Молодая жизненная сила превозмогла смерть, но казалось, что уже ничто не сможет поднять на ноги изувеченное тело. Фрида лежала, тупо уставившись в потолок, и слушала свою боль, пока сестре Матильде не пришло в голову приделать к кровати («ящику», «гробу», «темнице») балдахин, да еще и с зеркалом, чтобы больная могла видеть себя.

«Зеркало! Палач моих дней, моих ночей… Оно изучало мое лицо, малейшие движения, складки простыни, очертания ярких предметов, которые окружали меня. Часами я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Я видела себя. Фрида изнутри, Фрида снаружи, Фрида везде, Фрида без конца… И внезапно, под властью этого всесильного зеркала, ко мне пришло безумное

желание рисовать. У меня было достаточно времени не только на то, чтобы проводить линии, но и на то, чтобы наполнить их, придать им смысл, форму, содержание. Понять их, проникнуться ими, сплавить, изогнуть, разорвать, связать… И как все начинающие художники, я выбрала единственную модель — самое себя. Меня часто спрашивали о том, почему я так настойчиво пишу автопортреты. Во-первых, у меня не было выбора, и это, возможно, главная причина того постоянства, с которым я обращалась к теме своей собственной личности во всех произведениях…»

На первом автопортрете, подаренном Алехандро, Фрида предстает идеальной девушкой — красивая, бесстрастная, она смотрит прямо в глаза. Родители отправили юношу в Европу, чтобы разлучить его с изувеченной возлюбленной. Когда он вернулся в 1927 г., Фрида уже была на ногах. Их исключительная задушевная дружба возобновилась, но Алехандро женился на другой женщине. Это вдребезги разбило девичьи грезы, но не дух Кало. Она серьезно увлеклась живописью, рисовала портреты близких, друзей, автопортреты и с присущей ей неукротимостью влилась в политическую (в 1929 г. вступила в коммунистическую партию) и артистическую жизнь Мехико. Надев мужской костюм (возможно, это была попытка замаскировать корсет, который она была вынуждена носить), выглядевший на ней весьма экстравагантно, она появлялась на многолюдных собраниях и вечеринках и легко сходилась с различными людьми. Часто видела она и Диего Риверу. Однажды Фрида отважно пришла к знаменитому художнику в Министерство образования, где он расписывал стены, заставила его спуститься с лесов, чтобы «услышать честное мнение» о своих работах. Ривера был порядком удивлен мастерством (живописи Кало специально не училась) и оригинальностью произведений. Он сказал: «Продолжайте. Ваша воля приведет вас к собственному стилю», — и напросился в гости, чтобы посмотреть остальные работы. Это был лишь предлог.

21 августа 1929 г. 22-летняя Фрида и 43-летний Диего поженились. Это была странная пара — «голубка и слон». За спиной у жениха — бурное прошлое. Когда он жил в Париже, был женат на русской художнице Ангелине Беловой, но изменял ей с Марией Стебельской, которая родила ему дочь. Однако вернувшись в Мексику, о них и не вспоминал. Вторая жена, мексиканка Гваделупе Марин, родила ему двух дочерей. Она была женщиной страстной и властной, но тоже не сумела удержать Риверу, любовницей которого становилась любая натурщица. Огромный, толстый, с выпученными, как у жабы,

глазами, он ворвался в жизнь Фриды, «как красочный вихрь, полный неожиданностей». Диего же был покорен юной изысканной и очень красивой женщиной. Она была ярким сплавом западной культуры и мексиканского темперамента, открытой, задорной, приветливой. Тот, кто называл их союз загадочным, считал очередным розыгрышем, глубоко ошибался. «И говоря о нашем союзе с Диего, быть может, чудовищном, но все же священном, скажу: это была любовь».

Но Ривера никогда не был верным мужем, и Фрида многое прощала, страдала молча, ведь Диего всегда возвращался к ней. Однако сам он был болезненно ревнив. Однажды, застав жену в мастерской наедине с американским скульптором Исамой Ногучи, он чуть не застрелил бедолагу. Всей душой и телом Фрида привязалась к своему необузданному мужчине. Несмотря на мучительные боли, она сопровождала его в Нью-Йорк и Детройт, где Ривера выполнял заказные росписи. И сама работала столько, сколько позволяло здоровье. А еще Фрида мечтала о ребенке, но многочисленные травмы не дали ей счастья материнства. Три выкидыша — море боли и отчаяния, которое выплеснулось в картинах. Вот полотно «Больница Генри Форда»: обнаженная Фрида лежит на железной кровати, живот вздут, волосы в беспорядке. Слезы заливают щеки, кровь — белую простыню. Рука удерживает шесть нитей, тянущихся к шести символам, означающим ее состояние горя, потери и боли. Все идеи ее картин зашифрованы в деталях, фоне, фигурах, расположенных рядом или нарисованных на лбу. Символика имела глубокие национальные корни и опиралась на традиции индейской мифологии доколумбового периода. Преодолевая мучительные страдания, Фрида никогда не вовлекала в свои проблемы других людей. Она любила бывать в хороших компаниях, всегда искрилась юмором, заразительно хохотала, подшучивала над собой, но в искусстве была предельно честна, откровенна и серьезна. Она изображала «свою реальность» без всяких моральных и эстетических преград, и ни на одном из автопортретов Фрида не улыбается. Только по ним можно определить, каких усилий ей стоило жить.

1934 г. был тяжелым испытанием для Фриды: третья тяжелая беременность вновь закончилась выкидышем, ей удалили аппендикс, ампутировали пальцы правой ноги. Диего стал жаловаться, что лечение «садит его на мель». В довершение ко всему после бурного романа со скульптором Луизой Невелсон он совратил младшую сестру Кало, Кристину. Жизнь превратилась в ад, и Фрида вначале ушла на другую квартиру, а затем уехала в Нью-Йорк. Она готовила себя к неизбежному разрыву, но жить

вдали от Диего долго не смогла. Он был ее самой большой радостью и самым большим испытанием. Да и средств к существованию у нее не было, так как свои работы она еще не продавала. Все было мучительно.

В 1937 г. мексиканское правительство, по ходатайству Риверы, предоставило политическое убежище Льву Троцкому — «трибуну русской революции», изгнанному Сталиным из СССР. Диего находился в больнице, и Троцкого с женой Натальей встречала Фрида. Она поместила их в своем «голубом доме», выстроенном ее отцом для большой семьи, а теперь пустующем. Мать умерла, сестры вышли замуж, с одной из них доживал свой век Гильермо, а Фрида с Диего все никак не могли найти компромисс между любовью и свободой.

Кало почти мгновенно пленила старого революционера. Он влюбился, как гимназист. Его жизнь изгнанника не допускала ни веселья, ни легкомыслия, которыми искрилась Фрида. Легкий флирт был окутан тайной. Пылкие записки передавались в книгах, общались они на английском, которого не знали Диего и Наталья. Любовь с оглядкой — это волновало Фриду, привыкшую открыто выражать свои чувства. Затем было тайное свидание наедине в загородном поместье Сан-Мигель Регла. Тревогу забила прозревшая супруга Троцкого, и он с трудом вымолил прощенье у женщины, разделившей с ним все тяготы изгнания. Лев Давыдович попросил Фриду вернуть его письма. Но одно так и осталось заложенным в книгу: «Ты вернула мне молодость и отняла рассудок. С тобой я, 60-летний старик, чувствую себя 17-летним мальчишкой. Я хочу слиться с твоими мыслями и чувствами. О моя любовь, мой грех и моя жертва! Осыпаю поцелуями каждую клеточку твоего тела…» Остальные письма Кало отдала без сожаления. Этот необыкновенно умный человек, хотя и был сильной и притягательной личностью, заменить Диего не мог. Одна из подруг слышала, как Фрида, утомленная тайным романом, восклицала: «До чего мне надоел этот старик!»

Ривера, как и положено самоуверенным мужьям, узнал об измене в последнюю очередь. Некоторые историки предполагают, что получи знаменитый монументалист сведения о флирте Фриды вовремя, то Сталину не пришлось бы подсылать к изгнаннику Рамона Меркадера в 1940 г.: Диего отправил бы Троцкого на тот свет тремя годами раньше. Но тем не менее после убийства Льва Давыдовича Ривера оказался под подозрением и вынужден был с помощью своих любовниц Полетт Годар и Ирены Богус скрываться в Сан-Франциско до окончания следствия.

Но Фриде давно уже было не до измен и ревности Диего —

она целиком отдалась творчеству и напряженно работала, готовясь к своей первой выставке в Нью-Йорке, которая состоялась в ноябре 1938 г. В галерее Джульен-Леви было экспонировано 25 картин. «Несмотря на мое недомогание, настроение было прекрасным, меня охватило редкое ощущение свободы от того, что я вдруг оказалась далеко от Диего. Мне захотелось сбросить с себя его эмоциональное давление, испробовать свои чары и самоутвердиться. Я, наверно, казалась всем распущенной. Ничуть не смущаясь, переходила от одного мужчины к другому. В тот вечер, когда открылась выставка, я была крайне возбуждена. Разоделась в пух и прах, и это произвело фурор. В галерее было полно народу. Люди проталкивались к моим картинам, которые, видимо, потрясли их. Это был полный успех…» Половина работ Кало была продана.

И сама Фрида не была обойдена вниманием. Роман с блистательным американским фотографом Николасом Мюреем «вылился в истинную любовь». Он был добр, нежен, внимателен и заботлив и стал настоящим утешением для женщины после необузданного Диего. Воспрянув духом, Кало отправилась в Париж, где «отец сюрреализма» Андре Бретон организовал выставку «Вся Мексика». Он представил не только работы Фриды, но и предметы индейских культов и народных промыслов. Сама экспозиция коммерческого успеха не имела (одну картину Кало купил Лувр), но работы Фриды и она сама стали сенсацией пресыщенного искусством Парижа. Уникальность и загадочность художницы оставили глубокий след в памяти богемы. А потрясенный Пабло Пикассо признался Диего в письме: «…Ни ты, ни Дерен, ни я не в состоянии написать такое лицо, какие пишет Фрида».

Фурор произвело не только творчество Фриды, но и ее наряды. Сразу после свадьбы она сменила мужские костюмы на мексиканские длинные яркие красочные платья с ручной вышивкой и нижними юбками, стрижку — на длинную прекрасную косу с лентами, добавив ко всему этому неизменные шали и тяжелые ремесленные украшения. Обложку журнала «Вог» украсила тонкая изящная рука Кало, унизанная оригинальными кольцами. Знаменитая модельер Эльза Чапарелл (Скьяпарелли), любительница всего необычного и шокирующего, создала «платье сеньоры Риверы» и духи «Шокинг».

Ах, какое фантастическое настроение было у Фриды от такого разностороннего признания и успеха, она почти забыла Диего и на крыльях любви летела в Нью-Йорк! Но здесь ее ждало горькое разочарование: Николас собрался жениться на другой женщине. Особенно мучительно было думать, что всему виной ее разбитое

тело, которое то привлекало, то отталкивало мужчин. И если бы не творчество, кто знает, выдержала ли бы Фрида очередной удар? «Порой я спрашиваю себя: не были ли мои картины скорее произведениями литературы, чем живописи? Это было что-то вроде дневника, переписки, которую я вела всю свою жизнь. Мое творчество — самая полная биография, которую я смогла написать. Живопись захлестнула меня. Я лишилась троих детей и многого другого, что могло бы заполнить мою кошмарную жизнь. Думаю, что нет ничего лучше творчества».

Фрида заполняла свои дни рисованием и общением. Друзья (в том числе и Николас Мюрей) помогали ей материально. Большая картина «Две Фриды» постепенно приобретала законченную форму. Ее символика ясна без пояснений: две женщины теснятся в одном теле, в чем-то дополняя, а в чем-то мешая друг другу. Кало, как всегда, изображала события внутренней жизни, а с 1939 г. она словно раздвоилась. Одна Фрида согласилась на развод с Риверой, а вторая — мучительно продолжала любить. «Никто никогда не поймет, как я люблю Диего. Я хочу только одного: чтобы никто не ранил его и не беспокоил, не лишал энергии, которая необходима ему, чтобы жить. Жить так, как ему нравится… Если бы я обладала здоровьем, я хотела бы целиком отдать его Диего…»

Чтобы заглушить боль разлуки, Фрида работала как никогда. Зимой 1939–1940 гг. она создает «Автопортрет с обезьянкой», «Автопортрет с короткой стрижкой», «Автопортрет из шипов и колибри». Она чувствовала себя одинокой, хотя от недостатка внимания мужчин никогда не страдала. Страстно влюбленный в нее знаменитый мексиканский поэт Карлос Пеллисер посвятил возлюбленной один из лучших своих сонетов. Не были равнодушны к ней и женщины. Лесбийские любовные связи с Полетт Годар,

Долорес Дель Рио и Тиной Модотти большинство биографов отрицают. Они считают, что эти измышления связаны с тем, что Кало была сторонницей свободной любви. Свои похождения она тем не менее тщательно скрывала от Диего, зная, что такое его ревность. Но теперь Ривере пришлось смирить свою ярость: официально они были разведены.

Хайнц Берггрюэн, богатый американский коллекционер живописи, навестил Фриду в больнице. Его околдовала невероятная красота этой измученной, но стойкой женщины. Влечение было обоюдным и закончилось не только сексом на больничной койке, но и стремительным отъездом полных страсти любовников в Нью-Йорк. Фрида отдалась на волю судьбы, а Диего словно очнулся от сна. Он понял, что теряет Фриду, писал,

звонил, умолял вновь пожениться. Хайнц обеспокоенно следил за напором бывшего мужа. И не напрасно. Фрида не смогла устоять. «Диего — монстр и святой в одном лице» был ее судьбой. Берггрюэн, расстроенный, исчез из жизни Кало, даже не попрощавшись.

В декабре 1941 г. Фрида и Диего вновь поженились. Впервые Кало выдвинула ряд условий: никаких измен друг другу, ревности, терпимость, материальная независимость. «Я так счастлив был вернуть Фриду, что согласился на все», — вспоминал Ривера. Они снова были вместе «и уже навсегда, без ссор, без всего плохого — только для того, чтобы сильно любить друг друга». Жизнь женщины обрела устойчивость, мучительная любовная зависимость от Диего переросла в спокойное чувство. Фрида продолжала рисовать, а с 1942 г. совместно с мужем начала преподавать в школе искусств «Эсмеральда». Здоровье все чаще и чаще подводило ее. Корсеты — гипсовые, кожаные, стальные (некоторые весили до 20 кг) — только поддерживали ее многострадальное тело, но боли не смягчали. В 1945 г. операция на позвоночнике в Нью-Йорке, через год — в Мехико и запредельная боль, которую снимали только сильные дозы морфия, да и тот она плохо переносила. Картины этого периода полны муки, красоты и символики («Думая о смерти», «Диего в моих мыслях», «Невеста, испугавшаяся при виде открытой жизни», «Раненый олень»). В 1944 г. Кало заканчивает картину «Сломанная колонна»: обнаженная Фрида плачет, ее тело, стянутое металлическим корсетом, вдоль позвоночника рассечено, открывая вместо позвоночника сломанную античную колонну.

Все чаще Кало беспокоят мысли о смерти. Ей приснился умерший отец и предсказал год ее смерти. Физические силы на исходе, и духовные тоже иногда не выдерживают. С 1950 по 1951 г. Фрида перенесла семь операций на позвоночнике (всего за ее жизнь их было 32), совершила несколько попыток самоубийства, а однажды, доведенная до отчаяния, чуть ли не сожгла себя заживо. По первому зову сиделки Диего срывался с работы и несся в «голубой дом», в крохотную спаленку, где на потолке порхали большие, яркие нарисованные бабочки, чтобы успокоить, приласкать, влить силы в такую дорогую ему женщину. «Мой крылатый Диего, моя тысячелетняя любовь», — шептала Фрида, забываясь в беспокойном сне.

В 1953 г. случилась очередная трагедия: из-за начавшейся гангрены Кало ампутировали правую ногу. Словно в утешение художнице, 13 апреля в Мехико открывается ее первая ретроспективная выставка. Публика нервничала, все волновались,

сможет ли Фрида найти в себе силы посетить экспозицию. Сирена «скорой помощи» и рев мотоциклетного эскорта возвестили о прибытии Кало. На носилках ее внесли в зал галереи и уложили на кровать. Вокруг были ее картины. Десятки Фрид с серьезными, скорбными лицами, без улыбок смотрели на свою создательницу. Она, красиво одетая, с уложенными волосами, лежала на спине и пыталась смеяться, радоваться окружившим ее людям. Лицо сводили судороги боли, но Фрида была счастлива: рядом находились Диего и картины — вся ее жизнь. Больше ей ничего не надо было. Кало до дна испила радость, любовь, счастье и боль, отмеренные ей судьбой.

«Но несмотря ни на что, несмотря на это раненое тело, заточенное в уродливые гипсовые или железные пластины, я должна признать, что была в своей жизни „отчаянно любима“, как выразился однажды Бретон. Тлацольтеотл, богиня Любви, должно быть, была со мной. Катастрофа столько определила в моей жизни: от живописи до умения любить. Страстное желание выжить породило большую требовательность к жизни. Я очень многого ждала от нее, каждую минуту сознавая, что могу все это внезапно потерять. Для меня не существовало полутонов, я должна была получить все или ничего. Отсюда эта неутомимая жажда жизни, жажда любви».

13 июля 1954 г., после перенесенного воспаления легких, Фрида Кало скончалась. «Голубой дом», где покоится урна с ее прахом, стал музеем знаменитой художницы. Картины Фриды — гордость и национальное достояние Мексики. О жизни, любви и творчестве этой мужественной женщины стоит писать книги, снимать фильмы, чтобы проникнуться необычайной силой духа, но испытать все, что выдержала она, не дай бог никому.

Последняя работа Кало — натюрморт с аппетитно разрезанными арбузами — называется «Да здравствует жизнь!» Это для людей. А для себя — последняя строчка в дневнике: «Надеюсь, что уход будет удачным, и я больше не вернусь». Так написала женщина, которая была счастлива в творчестве и «отчаянно любима».

Клеопатра

(род. в 69 г. до н. э. — ум. в 30 г. до н. э.)

Египетская царица. Последняя правительница в династии, основанной военачальником Александра Македонского Птолемеем. Возлюбленная Гая Юлия Цезаря, жена Марка Антония.

…Надеяться больше было не на что. Еще несколько дней назад Клеопатра угрожала Октавиану сжечь себя вместе со спрятанными в специально построенной усыпальнице сокровищами, если тот не окажет ей обещанное снисхождение. Но сегодня в руках врага ее дети — он убьет их, если лишится вожделенной добычи. К этому дню царица готовилась давно: спускалась по ночам в подвалы дворца и смотрела, как испытывают на рабах различные яды. Она убедилась, что самая безболезненная смерть — от укуса египетского аспида: человек быстро погружается в глубокий сон и уже не просыпается. К тому же по египетским верованиям укус аспида сулил бессмертие. Клеопатра с «милостивейшего» разрешения Октавиана посетила могилу Антония, а вернувшись в усыпальницу, приняла ванну и изысканно пообедала. Затем она написала письмо Октавиану, в котором просила похоронить себя рядом с супругом. Две верные рабыни, решившие разделить участь госпожи, натерли ее благовониями, причесали, нарядили в царские одежды. Убранство завершила корона Птолемеев — пусть ненавистный враг помнит, кого намеревался с позором провести, как рабыню, в цепях за своей триумфальной колесницей…

Род Клеопатры — эллинистических царей Египта — восходил

к Птолемею I Лагу Сотеру (Спасителю). Будучи одним из полководцев Александра Македонского, после его смерти он предложил разделить империю между военачальниками, превратив ее в «федерацию сатрапий», и претворил в жизнь свою концепцию, завоевав страну фараонов в борьбе с Антигоном Одноглазым и Деметрием Полиоркетом. В 304 г. до н. э. он официально принял царский титул и обосновался в Александрии Египетской, населенной в основном греками, македонянами, евреями, где снискал славу мудрого, просвещенного правителя. В частности, его повелением была учреждена знаменитая Александрийская библиотека. Потомки Птолемея Сотера приняли египетскую традицию заключать браки с собственными братьями и сестрами, чем окончательно подорвали репутацию династии в глазах всего античного мира, но зато заслужили уважение подданных: египтяне считали, что таким образом сохранялась божественная сущность царствующего дома. Ко II в. до н. э. выдающиеся правители эллинистического Египта сошли с исторической сцены, а их место заняли распутные и изнеженные цари, больше думающие о собственных удовольствиях, чем о престиже государства.

Птолемей XI Авлет («Флейтист») «прославился» далеко не блестящими умственными способностями, пристрастием к игре на флейте и непомерной жестокостью, за что был ненавидим всеми. Неумелым правлением он довел Египет до того, что вскоре ситуацию в стране полностью контролировали римские ростовщики. Он даже передал одному из них главный финансовый пост страны. Александрийцы подняли восстание, и в 58 г. до н. э. «Флейтист» был изгнан из Египта, а престол заняла его старшая дочь Береника IV, царствовавшая вместе с мужем Архелаем.

Младшая дочь Птолемея XI Клеопатра, что в переводе означает «славная по отцу», родилась в Александрии. Поэзия, искусства, науки находили приют в этом городе, и при дворах египетских царей насчитывалось немало выдающихся поэтов и художников. Девочка была не слишком красивой, зато весьма смышленой и живой. В ней рано проявились хитрость и удивительное умение обольщать людей, добиваясь желаемого. Вероятно, Клеопатра сама воспитывала себя и училась самостоятельно. Она знала множество языков, была знакома с греческой литературой и философией. Врожденная любознательность подтолкнула девушку к изучению сильных и слабых сторон человека, а безмерное честолюбие заставило использовать полученные знания для достижения поставленных целей. Известный древнегреческий историк Плутарх так

описывает царицу: «Красота этой женщины была не той, что зовется несравненной и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами…»

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Не так давно сотрудники Британского музея в Лондоне получили доказательства того, что несколько статуй, ранее считавшихся изваяниями других египетских цариц, на самом деле являются прижизненными скульптурами Клеопатры в разном возрасте. Они, как и сохранившиеся монетные изображения, подтверждают слова Плутарха о внешности царицы: у Клеопатры были неправильные черты лица — крупный нос, острый подбородок, — придававшие ей, однако, особое очарование, усиленное умело нанесенной косметикой. Конечно, все начиналось с глаз. Клеопатра подводила их черной краской, которая звалась мастим (в переводе «цвет, делающий глаза говорящими»). А чтобы глаза говорили не какими-то намеками, а убедительно, как оратор на форуме, палочкой из слоновой кости она поверх мастима наносила еще и зеленую краску, приготовленную из эфиопского малахита, замешанного на ливанском масле.

Обратимся вновь к нашему повествованию. Низвергнутый Птолемей бежал в Сирию под защиту римских легионов. Посулив римлянам баснословную по тем временам сумму — 10 тысяч таланов золота, — он четыре года спустя вернулся в Александрию вместе с войском, которым командовал тогда еще молодой Марк Антоний. Заняв престол, «Флейтист» первым делом велел казнить Беренику. Став таким образом старшей в семье, Клеопатра была обречена править Египтом. В 51 г. до н. э. Птолемей Авлет умер. По завещанию царя и древнему египетскому обычаю, трон наследовали старшие брат и сестра, став мужем и женой. Малолетний супруг Птолемей XII Дионис ни по возрасту, ни по складу характера не был способен управлять страной. В отличие от него, Клеопатра мечтала создать сильную и мощную державу, границы которой превосходили бы границы государства первых Птолемеев. Для этой цели она считала возможным применить любые средства.

Наставником юного царя был хитрый и ловкий евнух Потин,

мастер политических и дворцовых интриг. Но он не мог открыто сесть на трон, поскольку не имел наследников и возможности основать новую династию, отодвинув в сторону Птолемеев. Зато его вполне бы устроило от имени своего несмышленого подопечного управлять Египтом. Далеко идущие планы Клеопатры шли вразрез с его собственными притязаниями если не на престол, то на власть в стране. И Потин начал собирать при дворе людей, которые были готовы поддержать его в борьбе с царицей. Клеопатра обратилась за поддержкой к Риму и даже направила верные ей войска навстречу ожидаемым римским легионам. Воспользовавшись ситуацией, Потин совершил государственный переворот. Клеопатра бежала в Сирию, где на границе с Египтом стояла ее рать. Царице удалось убедить военачальников выступить в поход на Александрию. Ей навстречу двинул армию Птолемей Дионис, поддавшись на уговоры властолюбивого евнуха.

Тем временем в Риме полыхала борьба за власть. Летом 48 г. до н. э. произошло знаменитое Фарсальское сражение между войсками полководцев Гнея Помпея и Гая Юлия Цезаря, исход которого разрешил спор о владычестве над огромной державой в пользу Цезаря. Помпей бежал в Египет в надежде найти там убежище, но был вероломно убит. Цезарь, преследуя врага, во главе большого флота вскоре прибыл в Александрию, где получил от царедворцев Птолемея XII голову и перстень соперника. Отказавшись от страшного дара, он, по рассказам биографов, оплакал гибель Помпея.

В завещании Птолемея Авлета было сказано, что гарантом его воли о престолонаследии является Рим. Помня об этом, а также и о том, что долг царствующего дома в 10 тысяч таланов так и не был выплачен, Цезарь вызвался уладить спор между братом и сестрой в надежде вернуть деньги и потребовал, чтобы обе стороны распустили армии и явились в Александрию на его суд.

…Легенда гласит, что однажды ночью в покоях Цезаря появился скромно одетый человек, неся на плече свернутый ковер. На все вопросы охраны следовал лаконичный ответ: «Это подарок Цезарю». Перед глазами изумленного римлянина и его приближенных из расстеленного на мозаичном полу роскошного ковра появилась очаровательная молодая женщина. Слуга, сицилиец Аполлодор, почтительно склонившись перед незнакомкой, произнес: «Клеопатра»…

О подробностях той ночи история умалчивает, но уже на следующий день Цезарь объявил Птолемею, что он должен помириться с сестрой и разделить с нею власть. Обманутый в

своих ожиданиях, царь сорвал с головы корону, бросил ее на пол и с криками «Меня предали! К оружию!» выбежал из дворца. Недовольные присутствием римлян, подстрекаемые Потином александрийцы словно только и ждали этого призыва. Вспыхнул мятеж, очень быстро переросший в настоящую войну, названную впоследствии Александрийской. Всю зиму 48/47 г. до н. э. римский отряд во главе с Цезарем выдерживал осаду в резиденции египетских царей. Опасаясь, что его флот, блокированный в гавани, может достаться врагу, полководец приказал поджечь его. Огонь перекинулся на берег, уничтожив множество зданий, тогда же серьезно пострадала городская библиотека. Когда прибыло подкрепление, Цезарь разбил восставших и египетскую армию: Птолемей Дионис утонул во время бегства, Потин погиб, а Арсиноя, младшая сестра Клеопатры, выступавшая на стороне мятежников, была пленена, а затем выслана за пределы страны.

По праву победителя Юлий Цезарь мог объявить Египет римской провинцией, но вместо этого посадил на трон Клеопатру, обязав, однако, в угоду местным обычаям, а также во избежание лишних разговоров и недовольства, взять в мужья и соправители другого брата, Птолемея XIII Неотероса, который был на два года младше предыдущего царя. Брак этот, как и якобы совместное правление, был фиктивным. По сути, Клеопатра стала возлюбленной римского полководца и, если верить словам одного из античных авторов, «сохранила верность ему и всегда оставалась в его ставке». Умная, сладкоголосая, специально обученная искусству любви египетская царица оказалась той женщиной, расстаться с которой никак не решался даже весьма искушенный в амурных делах Цезарь. Уже давно неотложные дела требовали его непременного присутствия в Риме, а он все медлил с отъездом. Время проходило в пирах и увеселениях, на корабле с богатыми покоями римлянин готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии — Клеопатра мечтала показать своему покровителю все красоты любимой родины, — если бы войско не отказалось за ним следовать (по другим сведениям, это путешествие все же состоялось). Лишь грозные вести с востока о нападении на римские владения боспорско-понтийского царя Фарнака заставили Цезаря вспомнить, что он воин не только на любовном фронте. Оставив в Египте три легиона — «защищать нашей военной силой царей, сохраняющих верность нам, а в случае их неблагодарности той же военной силой карать их», как писал античный историк, — Цезарь покинул Александрию.

Летом 47 г. до н. э. Клеопатра родила 53-летнему Цезарю, не имевшему законных наследников, своего первого ребенка —

сына, и назвала его Птолемеем Цезарем, добавив к этому имени еще два титула: Филопатор и Филометор («Любящий отца» и «Любящий мать»). Александрийцы, а позднее и римляне называли его насмешливо: Цезарион («Цезаренок», «Цезареныш»). Подобно величайшим царям древности, мальчик был торжественно объявлен сыном вселенского бога Амона-Ра, который вошел в покои царицы в облике римского полководца и наградил своего отпрыска «жизнью, здравием, благополучием, миллионами лет на престоле Хора». Сама царица провозгласила себя новым явлением богини Изиды, родившей земле Хора — властителя, ниспосланного стране солнечным божеством…

Тем временем Цезарь одержал ряд блестящих побед и весной 46 г. до н. э. возвратился в Рим, пригласив туда же Клеопатру стать свидетельницей своего триумфа. Ее путешествие в Вечный город поэт того времени назвал «паломничеством любви и смерти». Горожане ахнули, увидев кортеж чужеземной царицы: колесницы, сверкающие золотом, черная река рабов-нубийцев, ручные газели, антилопы и гепарды. «Египетская богиня» в царских одеждах со священной золотой змеей на лбу, а также ее блистательный двор и окружение — выдающиеся музыканты, философы и художники — одновременно восхитили и вызвали зависть римских матрон, которым подобная роскошь и просвещенность показались слишком вызывающими.

Цезарь, накануне провозглашенный диктатором и заменивший собственное имя Гай на титул императора, поселил гостью на роскошной окруженной садами вилле на правом берегу Тибра, и этот уютный уголок царица почти не покидала в течение всего пребывания в Риме, принимая с наступлением темноты в своих покоях возлюбленного. Как ни мудр, ни дальновиден был император Юлий Цезарь, но, ослепленный любовью и практически безграничной властью, он стал неосмотрителен. Маловероятно, что приближенные не предостерегали его: роман с египетской царицей зашел слишком далеко и добром не закончится — диктатор ничего не желал видеть и слышать. Был подготовлен законопроект, по которому Цезарю (имевшему, кстати, супругу — Кальпурнию, происходившую из знатного патрицианского рода) позволялось иметь несколько жен, как это принято у властителей Востока. Поползли слухи о стремлении его к царской власти, о намерении провозгласить наследником сына Клеопатры, а столицу из Вечного города перенести в Александрию. В обществе, особенно в республиканских кругах, назревало недовольство. В Риме никто не придавал значения тому, сколько любовниц имел Цезарь, однако столь явно выказанные намерения относительно египтянки наносили

оскорбление Республике. Когда же в храме Венеры на Капитолии, согласно древней египетской традиции, была поставлена золотая статуя царицы в облике богини Изиды и ей воздали божественные почести, к оскорблению народа добавилось оскорбление богов. Наиболее убежденные и решительные из носителей республиканских и национальных идей пошли на соглашение друг с другом и решили умертвить диктатора. Организаторами заговора были Кассий и Марк Юний Брут, а идейным вдохновителем — Марк Туллий Цицерон. 15 марта 44 до н. э. на заседании сената заговорщики набросились на императора с кинжалами. Согласно легенде, увидев среди убийц Брута, которого он считал своим близким другом, Цезарь воскликнул: «И ты, Брут!» — перестал сопротивляться и упал к подножию статуи Помпея.

Убийство Цезаря означало для Клеопатры крушение всех надежд. Она срочно покинула Рим, получив напоследок неприятное известие: своим наследником Цезарь назначил внучатого племянника, девятнадцатилетнего Гая Октавия (будущего Октавиана Августа), усыновленного им в завещании, о Цезарионе же не было сказано ни слова.

Вернувшись в Александрию, Клеопатра проявила себя как мудрый правитель и мужественная женщина. Она ликвидировала римские займы и реформировала налоговую и денежную системы. Дошедшие до нас распоряжения царицы говорят о попытках оградить население от незаконных поборов и требований чиновников. Большое внимание уделялось сельскому хозяйству. В течение нескольких лет Египет из разоренной податями второстепенной державы превратился в богатую и могущественную страну. Тем не менее народ относился к правительнице по-разному. Не будучи популярной в Александрии, она пользовалась поддержкой старых египетских жрецов и местного населения, особенно в Верхнем Египте. Это и не удивительно. Имея македонские, греческие и иранские корни, Клеопатра вела себя как преемница фараонов, постигала прошлое своей страны, знала «божественные слова» — ее старинный язык, и всячески демонстрировала единение с древними богами и владыками. Она восстановила обряд коронования в Мемфисе, построила храм в Гермонтисе; статуя ее в виде богини Хатор красовалась в храме в Дендере.

В 43 г. до н. э., накануне своего совершеннолетия, умер Птолемей XIII. Поговаривали, что супруга-сестра его отравила, но дальше слухов дело не пошло, и Клеопатра продолжала царствовать, сделав соправителем малолетнего Цезариона. К этому времени политические разногласия в Риме между

приверженцами и убийцами Цезаря завершились образованием триумвирата: Антоний, Октавиан и Лепид после победы над Кассием и Брутом разделили между собой империю. Марк Антоний, родственник и воспитанник покойного диктатора, отбыл на восток, в город Таре в Киликии (юг современной Центральной Турции), оставляя запад Октавиану. Вскоре Клеопатра принимала послов, прибывших с повелением явиться к новому владыке азиатских провинций Рима для разбирательств по поводу возводимых на нее обвинений в поддержке Кассия. Однако царица не спешила с отъездом. Женщина «до мозга костей», она быстро поняла, с кем имеет дело. Талантливый полководец, храбрец и виртуоз на поле боя, Антоний был и оставался грубым солдафоном: недостаточно образован, в политике — недалек, в желаниях — неумерен, к тому же хвастун и честолюбец. Все это Клеопатра, знаток человеческой природы, несомненно приняла во внимание, готовясь к назначенной встрече. Если Антоний называл себя в греческих городах Малой Азии «новым Дионисом», то и царица предстала перед ним как новая Афродита.

…Однажды осенним утром 41 г. до н. э. жители Тарса покинули дома, рынки и лавки и помчались в порт, несметной толпой запрудив едва не проломившуюся пристань: к городу приближалась ладья «с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты… Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какой изображают ее живописцы, а по обе стороны ложа стояли мальчики с опахалами — будто Эроты на картинках. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты Нереидами и Харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам» — так описывал Плутарх прибытие Клеопатры…

Ошеломленный Антоний, вопреки установленному протоколу, принял приглашение отобедать в роскошных апартаментах царицы. Обо всех претензиях к Египту он тотчас забыл. Победоносный воитель был обезоружен и пленен прелестями египтянки и беспрекословно позволил ей увезти себя в Александрию, вероятно, в качестве военного трофея. Но и в пылу любовного сражения Клеопатра ни на миг не забывала о своих интересах. Еще будучи в Тарсе, она добилась того, что Антоний собственным декретом признал Цезариона наследником египетской короны, а также настояла на смертной казни ее сестры Арсинои, скрывавшейся в храме Артемиды в Милете.

Справедливости ради надо отметить, что Клеопатра никогда

не была той доступной женщиной, образ которой иногда бытует в сознании наших современников. Как ни странно, царица, чье имя стало символом женских чар, была, прежде всего, властным политическим деятелем. Для осуществления первоочередной задачи — сохранить за Египтом независимость — мало было завоевать благосклонность влиятельного покровителя, необходимо было как можно дольше удерживать его подле себя. И если Юлия Цезаря удалось приворожить умом и образованностью, к «новому Дионису» требовался совсем иной подход. Клеопатра, как никто другой, понимала это и повела себя соответственно, «сообщая все новую сладость и прелесть любому делу или развлечению, за какое ни брался Антоний, ни на шаг не отпуская его ни днем, ни ночью, крепче и крепче приковывая к себе римлянина. Вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, бывала в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда в платье раба он бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шутками хозяев — людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать». Так писал Плутарх.

Зиму 41/40 гг. до н. э. Антоний провел в Александрии как частное лицо в бесконечных пирах, костюмированных шествиях, военных играх (надо полагать, не только военных, поскольку в 40 г. до н. э. он стал счастливым отцом царственных близнецов: мальчика, получившего имя Александр Гелиос, и девочки — Клеопатры Селены). Тем временем в Риме традиционно сражались за власть: Октавиан рассорился с женой Марка — Фульвией и его братом — консулом Луцием Антонием. Весть о поражении родственников в этой борьбе вырвала героя-любовника из объятий египетской царицы и заставила поспешить в столицу империи спасать собственную судьбу. Конфликт уладили (смерть Фульвии облегчила примирение), и новый союз был скреплен браком Антония со сводной сестрой Октавиана — Октавией, женщиной добродетельной и уважаемой. Образцовое супружество продолжалось до тех пор, пока Антоний не оказался вновь на Востоке. «Любовь к Клеопатре, — сообщает Плутарх, — эта страшная напасть, так долго дремавшая и, казалось, окончательно усыпленная здравыми рассуждениями, вспыхнула вновь и разгоралась все жарче по мере того, как Антоний приближался к Сирии».

Да-а, романтиком был этот Плутарх… Есть основания предполагать, что «безумная страсть», якобы снедающая Антония, была далеко не единственной причиной его сближения с царицей. Так же, как, собственно, и Клеопатра, он преследовал (и если не в

первую очередь) политические цели. Дело в том, что Рим вот уже не первый год воевал с Парфией, и Антоний усиленно готовился к очередному походу. Но для осуществления этих планов ему не хватало средств, а найти их можно было в покоях царственной египтянки. В 37 г. до н. э. Клеопатра, откликнувшись на просьбу полководца, направилась в Лаодикею (ныне Латакия, Сирия), чтобы доставить припасы для его армии, и встреча после долгой разлуки, надо полагать, была бурной — по возвращении в конце лета в Александрию она родила сына, названного Птолемеем Филадельфом. В обмен на согласие материально поддержать парфянскую кампанию Антоний отдал царице часть территории Финикии и северной Иудеи, обещал жениться и узаконить детей (они вступили в брак позже, вероятно, в 36 г. до н. э.). Однако любвеобильный триумвир переоценил свою стойкость к чарам хитроумной Клеопатры: оказавшись в Египте, он вновь предался необузданным удовольствиям, пренебрегая интересами государства. В 36 г. до н. э. Антоний предпринял-таки поход против парфян, но без успеха; вернувшись оттуда с величайшими потерями, он в 34 г. до н. э. хитростью захватил в плен царя Армении Артавасда, которого обвинил в измене, и эту сомнительную победу отпраздновал великолепным триумфом в Александрии.

…На серебряном возвышении стояло два золотых трона — для Клеопатры и Антония, именовавших себя отныне новыми Изидой и Осирисом. Клеопатра и Цезарион были объявлены «царями царей» и получали в совместное правление помимо Египта Кипр и Келесирию (Южную Сирию). Александру Гелиосу были отданы Армения, Мидия и Парфянское царство (как только оно будет завоевано), Клеопатра Селена становилась владычицей Киренаики (Ливии), а Птолемей — Финикии, Сирии и Киликии…

Узнав, что Антоний раздает египтянам имперские земли, римляне пришли в негодование. В 32 г. до н. э. неверный супруг прислал Октавии разводное письмо, и это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Октавиана, авторитет которого к тому времени значительно возрос. Будущий Август выступил в сенате с обличительной речью против беспутного любителя восточных женщин и даже решился на крайне рискованный шаг: заставил жриц-весталок выдать его завещание, из которого стало известно, что огромное наследство Антония доставалось детям от египетской царицы и что его тело надлежало похоронить в Александрии. Избегая гражданской бойни, хитрый Октавиан от имени сената объявил войну… Клеопатре.

Антоний тогда находился в Мидии, и царица, узнав о войне,

присоединилась к нему уже в Эфесе. Зиму 32/ 31 гг. до н. э. они провели на Самосе в увеселениях. Вначале 31 г. до н. э. весь двор прибыл в Афины, где был встречен с великим радушием — на греческом Востоке с именем египтянки связывались надежды на освобождение от римского владычества. 2 сентября 31 г. до н. э.

в Адриатике у мыса Акций (ныне Акра Николаос) произошло морское сражение, которое решило разом все судьбы — и Клеопатры, и Антония, и всего Египта. Наиболее распространено мнение, что в самый разгар битвы царица не совладала с нервами и покинула поле боя, развернув находящиеся под ее командованием корабли к берегам Александрии. Существует, однако, и другая трактовка событий, согласно которой во время сражения эскадра египетской царицы по тщательно продуманному плану должна была быстро поднять паруса и, не ввязываясь в бой, вырваться из Актийского залива, где совместный флот супругов был блокирован полководцем Октавиана Марком Випсанием Агриппой. За ней должны были последовать, сдерживая противника, корабли Антония. Основная цель маневра состояла в том, чтобы вырваться из блокады с наименьшими потерями, сохранить как можно больше воинов для дальнейшей борьбы — Клеопатра блестяще справилась с этой задачей и спасла почти весь свой флот. О том, что произошло дальше, разногласий не существует: Антоний вместо того, чтобы продолжать руководить сражением, оставил свои корабли на произвол судьбы и бросился вдогонку за царицей… Лишившийся командования флот после отчаянного сопротивления был разгромлен. 19 легионов и 12 тыс. конницы, оставшись без военачальника, перешли на сторону Октавиана. Роковая для Антония роль, которую Клеопатра сыграла в этой войне, нередко преувеличивается. Однако несомненно то, что ее присутствие в ставке полководца отвратило от него многих прежних союзников.

После поражения у мыса Акций, как водится, обвинив во всем жену, Антоний искал утешения в вине, царица же лихорадочно искала пути к спасению. Она понимала, что дни независимости ее государства сочтены, но не думала сдаваться и занялась укреплением обороны Египта: вербовала союзников, раздала оружие народу и, чтобы поднять дух войск, записала Цезариона в солдаты. Одновременно она готовила побег: в самом узком месте, отделяющем Средиземное море от Красного, решила перетащить волоком свои корабли, погрузить на них воинов и казну и отплыть на поиски новых земель, вероятнее всего в Индию. Но боги отвернулись от «царицы царей»: когда суда уже тащили по перешейку, набатейские арабы, подстрекаемые римлянами, сожгли флот Клеопатры. Она предприняла отчаянную попытку

договориться с Октавианом, но плата за пощаду оказалась непомерно велика — убить супруга. В августе 30 г. до н. э. римские войска подошли к стенам Александрии. Остатки армии Антония изменили своему полководцу; сам он, обманутый слухами о смерти Клеопатры, предпринял попытку покончить с собой, бросившись на меч, и умер на руках любимой. Надеяться больше было не на что.

…Неизвестный крестьянин под вечер 12 августа 30 г. до н. э. принес Клеопатре корзину сладких фиг. Увидев подношение, царица громко воскликнула: «А, вот и она!» Затем легла на золотое ложе и, раздвинув в корзинке фрукты, увидела под ними крепко спящего, свернувшегося кольцом аспида. Золотой шпилькой она уколола змейку, которая, зашипев от боли, ужалила подставленную руку…

Когда римские офицеры ворвались в царскую усыпальницу, они увидели лежащую на роскошном ложе мертвую Клеопатру в золотых одеяниях богини Изиды. Один из римлян спросил рабыню Хармиону, которая, слабея на глазах от укуса змеи, оправляла царскую корону: «Хорошо ли поступила твоя госпожа, Хармиона?» «Превосходно, ибо стала достойной преемницей многих владык», — ответила верная служанка и упала замертво у ног своей повелительницы. Плутарх писал, что Октавиан, «хотя и был раздосадован смертью Клеопатры, не мог не подивиться ее благородству и велел с надлежащей пышностью похоронить тело рядом с Антонием. Почетного погребения были удостоены по его приказу и обе доверенные служанки». Цезарион и Антулл, сын Антония и Фульфии, были казнены, как возможные претенденты на власть, остальные дети, рожденные Клеопатрой, остались в живых.

Со смертью последней египетской царицы закончилась эпоха эллинистических держав. В Средиземноморье установилось безраздельное римское господство. Но древнее египетское поверье оказалось правдой: в творениях поэтов, художников, кинематографистов Клеопатра обрела бессмертие!

Клодель Камилла Розали

(род. в 1864 г. — ум. в 1943 г.)

Знаменитая женщина-скульптор, муза и вдохновительница Огюста Родена.

Когда речь заходит о Камилле Клодель, так и хочется сказать: «Не родись красивой, а родись счастливой», — и добавить: «А также умной, талантливой и верящей в свое гениальное предназначение», — ведь в нашем мире женщина долгое время могла стать лишь тенью мужчины, но никак не самодостаточной личностью.

Камилла Розали родилась 8 декабря 1864 г. в довольно большом, но ничем не примечательном городе Фер провинции Шампань. Ее отец, Луи-Проспер Клодель, был чиновником, а мать Луиза (в девичестве Серво) происходила из рода зажиточных буржуа и владела в местечке Вильнев землей и домом. Здесь и обосновалась семья, которая вскоре пополнилась еще одной дочерью, Луизой-младшей и сыном Полем. Обстановка в доме была постоянно накалена, в нем бушевали бури. Луи-Проспер, вежливый и любезный в обществе, в семейном кругу давал волю своему скверному характеру. Мать замкнулась в молчаливой покорности и детей лаской не баловала, воспитывала их в строгости, смирении и послушании. Но примерным поведением радовала ее только Луиза-младшая. Камиллу она вообще не понимала: игрушками не забавляется, с подружками не болтает, лепит из неподатливой глины всевозможные фигурки или часами любуется очертаниями скал. Девочка и Поля увлекла в какой-то

зыбкий мир мечты, зажгла в нем искру веры в его гениальность. Ее влияние на брата было столь велико, что впоследствии, став знаменитым поэтом, драматургом, писателем, академиком и послом Франции, он признавал, что своим успехом обязан сестре. Камилла и сама верила в свое высокое предназначение. Со всей пылкостью детской натуры она отдавалась одной всепоглощающей страсти — ваянию. Отец, мать, сестра и брат были обречены позировать девочке, которая отважно бралась за живую натуру, даже не получив ни одного урока рисования, не то что лепки. Ее маленькие ручки с поистине недетским усердием и терпением оживляли глину.

В семь лет Камиллу определили в Школу Сестер христианской доктрины в Барле-Дюк, но из-за частых переездов отца по делам службы в дом для обучения всех детей взяли наставника, господина Коллена. Классическое образование Камиллы дальше основ латыни, орфографии и арифметики не пошло. Но она много и бессистемно читала, отдавая особое предпочтение античной литературе. Отсюда у нее был редкий для того времени культурный уровень.

Скульптуры 15-летней Камиллы «Наполеон», «Бисмарк», «Давид и Голиаф» привлекли внимание критика М. Морхардта и поразили выразительностью и зрелостью исполнения известного скульптора Альфреда Буше, который сыграл значительную роль в становлении ее как мастера, когда Луи-Проспер перевез семью в Париж, чтобы дать детям первоклассное образование. Камилла настояла на обучении ваянию в Академии Коларосси (Школа изящных искусств для девушек была закрыта) и на курсах Буше. Удивительно, но вздорный по характеру отец поддержал ее в этом странном для добропорядочной девушки начинании, тогда как мать никогда не простила дочери ее самобытности и свободомыслия. Камилла с тремя подругами-англичанками сняла мастерскую и увлеченно совершенствовалась в сугубо мужском искусстве. Яркое дарование девушки было столь многообещающим, что покровительствовавший ей Буше продемонстрировал ее работы директору Школы изящных искусств П. Дюбуа. Реакция того показалась Клодель более чем странной: «Ваша подопечная брала уроки у господина Родена», — заявил он. Это, конечно, был комплимент начинающему скульптору, но только Камилла это имя слышала чуть ли не впервые. Ее работы «Поль Клодель в 13 лет», «Старуха Элен» заявили о рождении нового гения в искусстве скульптуры.

В 1881 г. Альфред Буше в качестве премии Салона получил право поездки в Италию и уговорил Родена взять к себе самую талантливую из своих учениц. Скульптор долго отказывался,

потому что для него женщина и искусство были несоединимыми понятиями. Увидев Камиллу, Огюст слегка опешил, ощутив прилив внезапного, давно позабытого волнения перед красотой. Все многочисленные натурщицы и возлюбленные знаменитого скульптора меркли рядом с элегантной, изящной и необычайно привлекательной девушкой. Все в ней было гармонично. «Прекрасный лоб над дивными глазами, того густо-синего цвета, который часто встречается в романах и столь редко в жизни, большой чувственный, но еще и очень гордый рот, густая копна каштановых волос, спадающих до поясницы. Вид, впечатляющий дерзостью, прямотой, превосходством и веселостью», — так описывал 20-летнюю Камиллу ее брат Поль и такой ее увидел сорокалетний Роден. В тот же миг он вновь почувствовал себя мужчиной, полным страстей и желаний.

Камилла же за неуклюжестью этого коренастого, грубоватого, энергичного человека с широкими мускулистыми плечами и рабочими руками, которые свидетельствовали о недюжинной силе, увидела великого творца. Его гибкие кисти, искусные пальцы, не прекращая, поглаживали, разминали и лелеяли глину. «Вулкан», — подумала Камилла. «Нет, скорее Мефистофель», — сменила она мнение, обжигаясь о его почему-то презрительный взгляд. Выслушав унизительные реплики и зажав свою гордыню в кулак, она согласилась на все условия мастера: быть секретарем, убирать мастерскую, строить каркасы и подмостки и даже выносить мусор — лишь бы стать его ученицей, потому что те работы, которые «толпились» в мастерской, не только поразили ее совершенством: они были близки юной художнице своим стилем и передачей чувств.

Клодель работала вдвое больше других, успевая при этом делать наброски и лепить. Падая от усталости, она слышала от мэтра лишь советы, указания и грубоватые приказы и окрики, но ощущение, что он неотрывно наблюдает за каждым ее жестом, не оставляло ее ни на минуту. Камилле импонировали его увлеченность, трудолюбие, вечная неудовлетворенность достигнутым. Она начала лепить его бюст. Огюст сразу оценил ее мастерство и стал уделять девушке все больше внимания, а потом неожиданно предложил посетить его третью, секретную мастерскую, где он работал для души и обычно принимал любовниц. Роден долго ждал этой минуты, старательно убеждая себя, что испытываемое им волнение связано лишь с неукротимым желанием лепить с Клодель. Этот нелюбезный, с колючим взглядом человек был тонким ценителем юной красоты. Всякий раз он готов был преклонить колени перед ослепительной наготой женского тела, которое сравнивал с солнечным светом.

Клодель согласилась быть не только ученицей, но и натурщицей. Ее внешность, в первую очередь, будоражила и вдохновляла его как художника. Он работал упорно, доводя Камиллу до изнеможения, обращался с неприсущей ему вежливостью и долго не решался попросить ее позировать обнаженной. Он терпеливо ждал и получил заслуженную награду. Ее тело оказалось столь же прекрасно, как и лицо. Это была фигура, достойная мрамора. Вид обнаженной Камиллы необычайно волновал его, разжигая страсть желания. Но Огюст вынужден был вновь избрать выжидательную тактику, так как девушка выглядела благородной и неприступной.

Долго позировать Родену и при этом оставаться холодной и бесчувственно отстраненной Камилла не могла. У мастера был особый стиль работы: он заставлял обнаженных натурщиков свободно двигаться по мастерской, застывать в неожиданных позах, и руками, словно слепой, прикасался и ощупывал каждую мы ищу, чтобы потом воплотить это в скульптуре. Под его сильными и чуткими пальцами девушка трепетала, волны еще не изведанных чувств охватывали ее. Камилла первая сделала шаг к физической близости. Роден понимал, что ее порыв — это романтическая любовь, от которой нет спасенья, но отказаться от такой прекрасной возлюбленной не мог. Им было хорошо вдвоем. Каждую ночь они наслаждались телесной близостью, а днем работали бок о бок, делясь своими помыслами, удачами и разочарованиями. Это была духовная и физическая идиллия. Родену льстило, что его избранница, которую он страстно полюбил, не только прекрасна, но и хорошо образованна, начитана и оригинальна в своих суждениях. Огюст с гордостью появлялся с нею в обществе, знакомил с высокопоставленными чиновниками, знаменитыми писателями и художниками.

Камилла нравилась Родену всем. Не то что Роза Бере, с которой он прожил 20 лет: безграмотная тихая мышка, давно утратившая красоту и привлекательность. Огюст встретил ее, когда у него за душой не было ничего, кроме таланта. Эта женщина стала его первой (бесплатной) натурщицей и, благодаря своей крестьянской бережливости, обеспечивала ему сносную жизнь многие годы. Она была верной, кроткой, терпеливой и ничего особого взамен не требовала — лишь немного любви и внимания. А Роден все не удосуживался оформить их отношения официально и признать Огюста-младшего сыном. Тот так и числился в незаконнорожденных и носил фамилию матери.

Клодель долгое время терпеливо сносила этот семейный треугольник, живя надеждой. Роден ничего не собирался менять в своей жизни. Роза его обслуживала, вела хозяйство, и он

предоставлял ей защиту и дом. Камиллу он просто любил, она стала его самой ценной моделью и Музой. Клодель позировала для многих его скульптурных групп и бюстов: «Рассвет», «Радуга», «Мысль», «Франция», «Данаида», «Вечная весна». По мнению Родена, она должна была этим гордиться, а его отношения с Розой принимать как должное, а лучше и вовсе не обращать на «такие мелочи» внимания.

Первой забила тревогу Роза, почувствовав полное отсутствие интереса Огюста к себе как к женщине. Она не просто любила Родена, она боготворила его и боялась потерять. Перестала устраивать сложившаяся ситуация и Камиллу. Женщины ненавидели друг друга, и каждая пыталась завладеть Огюстом целиком. Но не тут-то было. Он не собирался отказываться ни от «прислуги», ни от «совершенной женщины». Его все вполне устраивало. Роден никак не мог взять в толк, почему он должен принадлежать только одной, ведь они такие разные, что и речи не может быть о каком-либо соперничестве. Но для Камиллы быть «совершенной женщиной» означало стать законной супругой Огюста. Мысль о том, что она должна на равных делить его с другой, приводила ее в неистовство. Камилла понимала, что жалость к Розе может оказаться сильней любви. Роден категорически отказался расстаться с ней. Он удалил Розу в новый дом в деревне, поехал с Клодель на отдых, который она восприняла как медовый месяц, но так ничего и не изменил в положении обеих.

В лихорадочной творческой деятельности проходили годы. Вначале Камилла жила в доме родителей, а в 1888 г., презрев все условности, перебралась в новую мастерскую Родена на бульваре Итали, в обветшалый роскошный особняк, окруженный запущенным садом, который некогда был любовным приютом Жорж Санд и Альфреда Мюссе. Их отношения учителя и ученицы давно переросли в творческий симбиоз. Любовный роман стимулировал слияние в искусстве. Камилла стала незаменимой помощницей великого скульптора, с чьим мнением он считался в первую очередь, да и сама плодотворно трудилась, создавая прекрасные произведения. За это время она выработала и отшлифовала свой стиль, который был очень близок к роденовскому, но отличался мягкостью и изяществом. Среди дошедших до нашего времени произведений бюсты сестры «Луиза» и зятя «Фердинанд Массари». Портретный бюст «Поль Клодель в 16 лет» до сих пор представлен в музеях мира (в копиях) как один из лучших образцов скульптуры XIX в.

Но если своими произведениями Клодель сделала лишь один шаг к известности и признанию, то у Родена на этот период

приходится взлет популярности. Помогая ему в работе, Камилла с каждым годом все четче осознавала, что она может так и остаться в тени великого скульптора. Когда в 1888 г. Клодель выставила свое первое большое произведение «Забвение», критики увидели в нем отголоски роденовского «Поцелуя», для которого она служила моделью. Во всех ее скульптурах видели заимствование и копирование. «Свои произведения я извлекаю из себя самой, страдая скорее избытком, нежели нехваткой идей», — пыталась отстоять Клодель свою самобытность. В настоящее время искусствоведы утверждают, что многие из ранних работ Камиллы — «Девушка со снопом», «Этюд мужской головы», «Молящаяся» — стали основой или частью роденовских скульптур «Галатея», «Скупость и роскошь», «Крик», и с уверенностью могут указать в произведениях мастера участки тела (руки, ноги), вылепленные ею. Клодель овладела всеми премудростями лепки и стала скульптором самого высокого класса, как форматор не знала себе равных, а мрамор тесала с такой точностью, какой не достиг и сам Роден.

Уязвленное творческое самолюбие и безуспешные попытки разорвать любовный треугольник часто доводили Клодель до истерик и состояния депрессии. Камилла не раз порывалась уйти, но, услышав слова Огюста: «Я не могу без тебя, дорогая», — оставалась, чтобы вновь жить несбыточными надеждами и лелеять свою боль. На совместной выставке Родена (36 скульптур) и Клода Моне (70 картин) была представлена всего одна работа Клодель — «Бюст Родена». Обида иссушала женщину, она жаждала славы и признания. Огюст не замечал мучений Камиллы, в ее присутствии он постоянно испытывал такую полноту чувств, что задумываться о мучающих любимую проблемах ему было недосуг. Разве он не увековечил их любовь и ее образ в веках? Один вид скульптурной группы «Поцелуй» доставлял ей самой физическое наслаждение. Фигуры сплетенных в объятиях любовников были совершенны. Даже себя Огюст изобразил не «рыжим гномом», а прекрасным юношей, каким чувствовал себя рядом с возлюбленной. Дни счастья и надежд сменялись безудержным гневом и упаднническим настроением. Особенно стало невозможно продолжать эти отношения после того, как в период 1890–1892 гг. (по данным биографов) Камилле пришлось прервать беременность, что оставило в ее душе очередную незаживающую рану. Роден и с Огюстом-младшим никогда не ладил, а очередной незаконнорожденный ребенок был ему совершенно не нужен. Скульптуры Клодель «Выздоровление», «Прощание», «Девочка из Иллет» стали отголосками этого горького для женщины события.

Камилла уже давно поняла, что обречена не только их любовь, но и развитие ее творчества. Через 15 лет «совместной» жизни она решилась на разрыв. Можно лишь удивляться, как надолго хватило ее терпения. Камилла чувствовала себя раздавленной и несчастной. Ей было больно уходить. Она сроднилась с мастерской Родена — этой обителью любви и творческих исканий — и ощущала, что режет себя по-живому. Но чаша терпения переполнилась. Рядом с Огюстом Клодель теряла себя и больше не знала душевного покоя. Грех гордыни не позволил ей смириться и полностью отдаться чувству, жить ради любимого человека. Она так долго мечтала стать женой знаменитого скульптора, но не для того, чтобы греться в лучах его славы, а самой заслуженно вознестись к вершинам, стать равной с ним. Они были словно созданы Богом друг для друга: талантливые, трудолюбивые, полные идей, дерзкие в своем творчестве. Но хрупкое равновесие духовных и любовных отношений постоянно подтачивалось обоюдной рассудочностью. Каждый искал свою выгоду. Роден не желал терять ни домашнюю терпеливую Розу, которой в прошлом был многим обязан, ни прекрасную возлюбленную. Камилла тоже не была ослеплена настоящей любовью и, отдавая, хотела щедро получать. Она позабыла свои слова: «Я не хочу разбивать твою жизнь, я хочу лишь вдохновлять тебя». Теперь же она с горечью осознала, что, увлеченная страстью, обманывала себя. Ей была нужна определенность. Кто она? Ни жена, ни любовница, ни содержанка и даже не скульптор. Только тень гениального Родена, которому она со злобой бросила в лицо: «Я пожертвовала своей карьерой ради твоей».

Это было жестоко и не до конца справедливо: Огюст прошел трудный путь к признанию и только к 40 годам стал знаменит и на него посыпались государственные и частные заказы. Он всего достиг самостоятельно, а вот Камилле помогал во всем: мастерская, материалы, нужные знакомства. Не будь она так запальчива в своих амбициях, Роден дал бы ей все шансы на успех. Но важнее всего, даже любви, в его жизни было творчество. С беспощадной ясностью Огюст подвел итоги их романа: он никогда ничего не обещал Камилле, она себя обманывала, более того — хотела соперничать с его работой, и это настоящее предательство. Если он и использовал свою ученицу, то и она не была святой в этом отношении.

После разрыва Роден был оглушен, сердечная рана не зажила до конца его жизни. Он не понимал случившегося, но, с детства привыкнув преодолевать трудности, продолжал работать. Успех его персонального павильона на Всемирной выставке в Париже в

1900 г. был огромным, скульптор был награжден тремя орденами Почетного легиона. Деньги теперь текли к нему рекой, и от заказчиков не было отбоя.

Слухи об их разрыве всколыхнули весь Париж. А что же Клодель? Уходя от Огюста, она твердила себе: «Если я останусь — это убьет меня». Но разрыв оказался губительным для нее, стал крушением всех надежд. Потеряв любовь и связь со своей духовной половиной, Камилла оказалась беспомощной и одинокой в поистине мужском искусстве, требующем не только таланта, но и огромных денежных средств, которых у нее не было. Первые два года Клодель продолжала видеться с Роденом, а он надеялся на чудо — что она вернется. Но с 1895 г. Камилла отказалась от какого-либо общения с ним. Известно о ее непродолжительной связи с Клодом Дебюсси, в то время еще никем не признанным композитором. Некоторые биографы считают, что разрыв с Роденом был связан с этим романом. Но для Клодель это оказалось мимолетным увлечением, которое потрясло Дебюсси, не затронув сердца Камиллы, поглощенной сведением счетов с Огюстом. Композитор тяжело переживал: «Ах! Я по-настоящему любил ее, и любил с еще более горестным пылом оттого, что чувствовал по явным признакам: она никогда не согласится отдать кому-то всю душу, и сердце ее всегда выходило неуязвимым из любых испытаний на прочность! Теперь остается узнать, было ли в ней то, чего я искал! Или в ней вообще ничего не было! Несмотря на это, я плачу об утрате этой Грезы Грез!» Свое «Прощальное письмо незнакомке» Дебюсси посвятил Клодель.

Камилла, решившись быть независимой в творчестве, сняла собственную мастерскую и первые годы успешно работала, воплотив в мрамор задуманные еще при Родене «Вальс» и «Клито». Представленные в Салоне 1893 г., они были признаны настоящими шедеврами. Нехватка средств вынудила ее обратиться к малой пластике. «Болтушки», «Глубокая задумчивость» (или «Камни»), «Поющий слепой старик» стали новым словом в искусстве скульптуры. Портретные бюсты Л. Лермитта и его сына, графа Мегре, «Поль Клодель в 43 года», пять заказных работ на античные сюжеты свидетельствовали, что Клодель сумела выработать собственную классическую манеру, отличную от роденовской.

Все годы Огюст пытался анонимно помочь Камилле, хотя особой щедростью никогда не отличался, договаривался об организации выставок, статьях о ее творчестве. Роден безоговорочно признавал гениальность Клодель. Он продолжал беспокоиться о ней и в письме к писателю Октаву Мирбо с болью

говорил: «Что до мадмуазель Клодель, чей талант достоин Марсова поля… Все как будто считают, что она моя протеже, когда это непризнанный талант… я уверен, в конце концов ее ждет успех, но бедная художница будет несчастна, еще несчастнее потом, узнав жизнь, сожалея и плача, осознав, может быть, слишком поздно, что она стала жертвой собственной гордыни; она художник, честно работающий, но, может быть, ей придется пожалеть о силах, растраченных на эту борьбу и запоздалую славу, раз за них приходится расплачиваться болезнью». Но стоило Камилле узнать о его участии, как она все решительно отвергала. Она даже отказывалась экспонировать свои работы, если на выставке будут представлены скульптуры Родена, который стал для нее символом неудач. И если Дебюсси говорил о ее неуязвимом сердце, то психика Камиллы сильно пострадала в результате разрыва. Она по-прежнему пользовалась признанием в художественных кругах, но успеха у широкой публики не имела. Клодель не давала покоя слава Родена, но свою удачу и успех она отпугивала сама. Камилла всегда была довольно замкнутым человеком, а теперь и вовсе стала избегать общества. К 1905 г. она превратилась в абсолютную затворницу. Заказчики покинули ее. Переписка Клодель этих лет полна просьб о помощи. И только от Родена она ничего не принимала, обвиняя его во всех своих бедах. Это стало ее навязчивой идеей, толкающей разум в темную пропасть. Во всех остальных вопросах она оставалась абсолютно адекватной. Понимала, что из-за суровой нищеты выглядит совсем неприглядно. Так, в ответ на приглашение очередного Осеннего салона Камилла пишет с достаточной долей юмора, что не может появляться на публике в тех туалетах, которыми располагает: «Я как Ослиная Шкура или Золушка, обреченная стеречь золу у очага, но не надеюсь на появление феи или прекрасного принца, которые бы превратили мою одежку из шкуры или золы в платье цвета времени».

Все чаще Клодель влезает в долги и преследуется кредиторами вплоть до суда. Отец и брат втайне от двух Луиз помогали ей деньгами. Да и сама она зарабатывала, создавая прекрасные предметы прикладного искусства в стиле модерн (пепельницы, лампы). На жизнь этих средств хватило бы с лихвой, но на дорогостоящую скульптуру — никак.

С 1905 г. затворничество Камиллы приобретает маниакальный характер. В каждом посетителе она видела роденовского шпиона и вора ее идей. Клодель никак не могла смириться с тем, что духовная и творческая общность принесла славу только Огюсту, в то время как она оказалась в нищете. Это было непосильным испытанием для гордой и одинокой души.

Рассудок Клодель не выдержал. Она очень нуждалась в дружественном родственном участии и боялась его принять, видя во всем происки Родена, наживающего на ее идеях миллионы. Своим внешним видом и поведением она отталкивала от себя не только заказчиков, но и друзей. Один из них, Анри Аслен, рассказывал: «Однажды утром, когда я пришел позировать, дверь мне открыли лишь после долгих переговоров: наконец передо мной предстала Камилла, мрачная, растрепанная, дрожащая от страха и вооруженная палкой от метлы, утыканной гвоздями. Она сказала мне: „Сегодня ночью двое мужчин пытались взломать ставни. Я их узнала: это итальянские натурщики Родена. Он приказал им меня убить. Я ему мешаю: он хочет избавиться от меня“».

Мания преследования и слепая ненависть к Родену медленно убивали разум Клодель. С 1905 г. она стала каждое лето уничтожать все созданные за год работы. Ее мастерская — двухкомнатная квартира — была похожа на мусорную свалку. Иногда Камилла исчезала из дома и где-то бродила месяцами. Единственный человек, от которого она могла бы принять помощь, — ее брат, но он был далеко: Поль с 1895 по 1909 гг. постоянно находился за границей. Вернувшись, он был потрясен состоянием сестры: «Безумная Камилла… огромная, чумазая, без умолку говорящая монотонным металлическим голосом». Соседи непрестанно жаловались на нее, а она, ничего не замечая, заживо сжигала себя, разорвав все дружеские связи, отгородив себя от мира и творчества. В редкие минуты просветления она создала два варианта «Зрелого возраста» (1895, 1898 гг.) и «Необиду» (1908 г.), принадлежащие к числу самых выразительных композиций, а затем все, что выходило из-под ее пальцев, было ею же уничтожено.

В марте 1913 г., через неделю после смерти отца, мать, никогда не понимавшая свою дочь-бунтарку, и брат, в котором она зажгла искру веры в его высокое предназначение, были вынуждены принять трагическое для Камиллы решение и подвергнуть ее принудительной госпитализации.

Тридцать долгих лет провела Клодель в приюте для душевнобольных Мондеверг близ Авиньона. Она взывала к родным о помощи все эти годы: «Если бы я снова могла вернуться к нормальной жизни, то счастье мое было бы слишком велико, чтобы посметь хоть в чем-то вас ослушаться. Я так настрадалась, что не решилась бы и шага лишнего сделать…» Казалось, абсолютно ясная речь и полное понимание окружающей обстановки. Но это было так, пока она не вспоминала о Родене. Камилла боялась, что он подошлет к ней людей и отравит, и

поэтому сама варила себе картошку и яйца. Она отказалась перейти в палаты с более мягким режимом, потому что туда был свободный доступ посетителей. Ей приносили глину, но та засыхала бесформенными глыбами. Страх, что ее работы будут украдены и послужат для обогащения «проклятого художника» — «мерзавца Родена», так и не оставил ее.

В этих страшных условиях Камилла пережила мать, сестру и Родена. Он умер в ноябре 1917 г. и был с почестями похоронен в своем имении рядом с Розой Бере, которая была вознаграждена за долготерпение и за две недели до своей кончины стала законной супругой великого скульптора. Но он, умирая, в бреду звал свою другую жену — Камиллу.

Камилла Розали Клодель скончалась в своем печальном приюте 19 октября 1943 г. Могила ее не сохранилась. А все работы гениальной женщины-скульптора были размещены в отдельном зале музея Родена. Так они воссоединились в бессмертии.

Коллонтай Александра Михайловна

(род. в 1872 г. — ум. в 1952 г.)

Журналист, публицист, революционный, партийный и государственный деятель. Первая в мире женщина-дипломат в ранге чрезвычайного и полномочного посла. Вся ее жизнь — истинно мужская попытка примирить врожденную полигамность с вынужденной моногамией. Оправдывала себя литературным талантом и организаторскими способностями.

Весной 1903 г. в одно из петербургских издательств вошла изящная, нарядно одетая дама и попросила дать ей прочитать гранки выходящей в свет книги «Жизнь финляндских рабочих». На титульном листе этой книги стояло имя «А. Коллонтай». Редактор, с удивлением взглянув на посетительницу, заявил: «Я хотел бы, чтобы гранки прочитал сам автор исследования». Опытный работник издательства не мог поверить, что книга на такую серьезную и скучную тему могла быть написана столь молодой и с виду несерьезной женщиной.

Александра Коллонтай родилась 19 марта 1872 г. в Петербурге в семье полковника Генерального штаба (позже генерал-майора) Михаила Алексеевича Домонтовича, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. В своих мемуарах А. Коллонтай написала так: «Маленькая девочка, две косички, голубые глаза. Ей пять лет. Девочка как девочка, но если внимательно вглядеться в ее лицо, то замечаешь настойчивость и волю. Старшие сестры говорят про нее: „Что она захочет, того всегда сумеет добиться“. Девочку зовут Шура Домонтович. Эта

девочка — я».

Ее мать, дочь финского торговца лесом, Александра Александровна Масалина была замужем за военным инженером Мравинским, от которого у нее были две дочери и сын. Однажды на балу она встретила сорокалетнего полковника М. Домонтовича. «Мои родители… — вспоминала А. Коллонтай, — с первого взгляда страстно влюбились друг в друга, и мама настояла на разводе, что в то время было крайне трудным делом. Развод мог тянуться много лет, если не было так называемой „руки“ в священном синоде. То, что моя мать, имея троих детей от первого мужа, решилась на развод, было в то время актом большого мужества. Многие с интересом и симпатией следили за их „романом“. Другие их осуждали. Роман кончился удачно: мать и отец поженились и любили друг друга до своих последних дней».

У генеральской дочери Шурочки было все, что полагалось детям привилегированного сословия: своя комната в доме-особняке, няня-англичанка, приходящие учителя. Получив домашнее образование, А. Домонтович сдала экзамен на аттестат зрелости при 6-й мужской гимназии в Петербурге и получила право быть учительницей. Будущее у нее было вполне определенное: богатый и влиятельный муж, дети, балы при дворе и поездки за границу.

Любимым занятием Шурочки в ту пору были балы, а любимым партнером по танцам — Ванечка Драгомиров. Ей казалось, что она влюблена, но когда Драгомиров сделал ей предложение, шестнадцатилетняя Александра рассмеялась ему в лицо. Отвергнутый любовник застрелился.

В семнадцать лет Шура отказала молодому генералу Тутолмину, адъютанту императора Александра III: «Мне безразличны его блестящие перспективы. Я выйду замуж за человека, которого полюблю». Ни тогда, ни впоследствии слова Александры не расходились с делом.

В 1891 г. в Тифлисе Шура познакомилась со своим троюродным братом по отцу — Владимиром Коллонтаем. Они продолжали встречаться в Петербурге, куда Владимир приехал учиться в Военно-инженерной академии. «Среди беззаботной молодежи, окружавшей меня, Коллонтай выделялся не только выдумкой на веселые шутки, затеи и игры, не только тем, что умел лихо танцевать мазурку, но и тем, что я могла с ним говорить о самом важном для меня: как надо жить, что сделать, чтобы русский народ получил свободу. Вопросы эти волновали меня, я искала путь своей жизни…Кончилось тем, что мы страстно влюбились друг в друга». Два года спустя, несмотря на

отчаянное сопротивление всей семьи, она стала его женой.

В 1894 г. у Александры родился сын, которого она назвала в честь деда Михаилом. Родители немного успокоились: дочь пристроена, правда, не так, как хотелось, но Коллонтай человек порядочный, перспективный, к тому же в Шурочке души не чает. В августе 1897 г. Владимир писал жене из Берлина: «Я еще раз повторяю, что ты для меня остаешься единственным человеком, которого я безгранично люблю и для которого согласен на все». Обычная женщина довольствовалась бы этим простым семейным счастьем — но только не Александра.

«Мое недовольство браком началось очень рано. Я бунтовала против „тирана“. Так называла моего мужа». Еще одно любопытное признание, сделанное годы спустя: «…любила своего красивого мужа и говорила всем, что я страшно счастлива. Но мне все казалось, что это счастье меня как-то связало. Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполоняли весь день, и я не могла больше писать повести и романы, как делала это, когда жила у родителей. Но хозяйство меня совсем не интересовало, а за сыном могла очень хорошо ухаживать няня. Как только маленький сын засыпал, я шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина».

Роковую роль в судьбе Александры Коллонтай сыграла большевичка Елена Стасова, которая убедила младшую подругу, что семья и тюрьма — суть одно и то же. Только вырвавшись из этой темницы, можно заняться настоящим делом. Под «настоящим делом» обе, естественно, понимали революционную деятельность. Постепенно А. Коллонтай приходит к выводу, что любовь к сыну — простой эгоизм, а любовь к мужу — ненужная роскошь.

В это время в ее жизни появляется еще один мужчина — друг мужа, офицер Александр Саткевич. С этого момента Шуру Коллонтай начали волновать проблемы свободы любви и теория «любовного треугольника». В 1898 г., через пять лет после свадьбы, она рассталась с Владимиром Коллонтаем, оставив ему сына, а себе — его фамилию. «Мы разошлись не потому, что разлюбили друг друга, — писала Александра. — Меня увлекала волна нараставших в России революционных событий».

Летом А. Коллонтай уехала в Швейцарию, чтобы получить образование, но, заболев нервным расстройством, вынуждена была переехать в Италию. Здесь она писала статьи для газет и журналов, которые никто не печатал. Нервное расстройство прогрессировало, врачи рекомендовали вернуться домой. Приехав в Россию, Александра последний раз попыталась наладить семейную жизнь с Владимиром, который в это время тяжело

болел. Но роль заботливой жены быстро ей наскучила, а возобновившиеся тайные свидания с А. Саткевичем ставили перед ней неразрешимые проблемы.

Александра нашла выход из сложившейся ситуации: она окончательно порывает с мужем и уезжает за границу, где пробудет с небольшими перерывами почти до 1905 г. В Цюрихе она посещала лекции в местном университете на факультете экономики и статистики у профессора Г. Геркнера, в Лондоне встречалась с социалистами Сиднеем и Беатрисой Вебб, в Берлине — с К. Каутским и Р. Люксембург, в Париже — с семейством Лафаргов, в Женеве — с Г. Плехановым. Писала пламенные статьи, выступала с речами на встречах единомышленников, занималась сбором средств на партийные нужды.

Центральной темой ее политического интереса стал женский вопрос. Тем временем Владимир Коллонтай стал генералом и женился на другой женщине (Марии Ипатьевне, дочери генерал-майора Скосаревского), которая стала фактической матерью его сына от первого брака.

Вернувшись в Россию, А. Коллонтай принимает деятельное участие в революционных событиях 1905 г. Она участвует в демонстрациях рабочих, пишет и распространяет подпольные листовки, выступает на митингах, работает в меньшевистском центре. В этот период Александра встречает своего следующего любовника — редактора первой российской легальной газеты социал-демократов Петра Маслова. Роман с популярным экономистом, который был готов ради нее бросить семью, быстро начал тяготить Шуру Коллонтай. Их связь превратилась в тривиальный адюльтер, а о браке с ним она и слышать не хотела.

В середине декабря 1908 г., во время подготовки к работе I Всероссийского съезда женщин-равноправок, ее бурная антиправительственная деятельность наконец надоедает властям. Александра Коллонтай вынуждена бежать за границу, где она пробудет до марта 1917 г. География ее турне по Европе обширна: Германия, Англия, Франция, Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Бельгия, Италия. Она читает лекции, пишет книги и принимает участие в социалистических конгрессах и конференциях. Здесь же она встречает революционера-пролетария Александра Шляпникова, ради которого и бросает Петра Маслова. По приглашению Американской социалистической партии Коллонтай дважды посещает Соединенные Штаты, где, «агитируя против войны», объезжает более ста городов и поселков.

В 1915 г., вовремя сориентировавшись, Александра бросает

меньшевиков и переходит в стан большевиков — к Ленину. Как признавалась Коллонтай позже, ей «был ближе большевизм, с его бескомпромиссностью и революционным настроением». Правильность выбора подтвердилась: как только она вернулась в Россию, ее сразу же избрали депутатом исполкома Петроградского Совета. В этом качестве она ездила на станцию Белоостров встречать Ленина, прибывшего из Швейцарии в опломбированном вагоне. В Петроград они возвращались в одном купе — Ленин, Н. Крупская, И. Арманд и А. Коллонтай.

В Петрограде Александра Михайловна занимается революционной агитацией балтийских моряков. Генеральская дочь призывает «братишек» к мировой революции и… к свободной любви. Ее страстный призыв не остался без ответа: появления на кораблях «агитатора Саши» матросы всегда ждали с нетерпением. В этот период в ее лице ярко проявился тип жрицы теоретического разврата, которая исповедовала теорию «стакана воды» — мгновенного удовлетворения половых потребностей. По ее глубокому убеждению, в новом обществе, которое еще предстоит построить, институт семьи и брака отомрет, а женщина будет независима, эмансипирована и по-мужски свободна в выборе партнера.

Октябрьский переворот 1917 г. произошел при непосредственном и деятельном участии Александры Коллонтай. Ночь на 25 октября она провела в Смольном — штабе большевистского восстания. На следующий день было сформировано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, куда пламенная революционерка вошла в качестве народного комиссара государственного призрения — так тогда называлось учреждение, ведавшее социальным обеспечением. В эти насыщенные событиями дни она познакомилась с матросом Балтийского флота

Павлом Ефимовичем Дыбенко, который попал вместе с ней в правительство молодой республики, став народным комиссаром по морским делам. Именно этот человек сыграл решающую роль в победе большевиков: это по его приказу десять тысяч революционных матросов появились на улицах Петрограда, а крейсер «Аврора» и десять других кораблей вошли в Неву.

«Наши отношения всегда были радостью через край, наши расставания полны были мук, эмоций, разрывающих сердце. Вот эта сила чувств, умение переживать полно, горячо, сильно, мощно влекли к Павлу», — вспоминала А. Коллонтай. Когда ее спросили: «Как вы решились на отношения с Павлом Дыбенко, ведь он был на семнадцать лет моложе вас?» — она не задумываясь ответила: «Мы молоды, пока нас любят!» Записью брака П. Дыбенко и А.

Коллонтай была начата первая книга актов гражданского состояния родины победившего пролетариата.

«Я не намеревалась легализовать наши отношения, но аргументы Павла — если мы поженимся, то до последнего вздоха будем вместе — поколебали меня», — писала А. Коллонтай. Кроме того, положение членов правительства ко многому обязывало — «важен был моральный престиж народных комиссаров», на которых уже косо смотрели окружающие.

Это была странная пара: элегантная аристократка и «богатырского вида» крестьянский сын с грубыми чертами лица и манерами портового грузчика. Счастливое «единство и борьба противоположностей» продлились шесть лет, после чего А. Коллонтай решила расстаться и с этим мужем.

Через некоторое время П. Дыбенко стал засыпать ее телеграммами и письмами, в которых он жаловался на свое душевное одиночество и упрекал в несправедливом к нему отношении. «Письма были такие нежные и трогательные, — писала А. Коллонтай, — что я проливала над ними слезы и уже начала сомневаться в правильности моего решения разойтись с Павлом». Но в счастливом неведении она оставалась недолго: доброжелатели сообщили, что ее бывший муж, переезжая от одного места службы к другому, возит с собой «красивую девушку», которая уже давно выполняет в доме обязанности жены.

Известие так потрясло поборницу свободной любви, что ночью с ней случился «сердечный приступ и нервный припадок». А Павел Дыбенко еще неоднократно, до самого ареста и выхода постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1938 г., в котором он обвинялся в «систематическом пьянстве и морально-бытовом разложении», пытался возобновить отношения с А. Коллонтай. Но она уже выбросила его из своей головы.

В ноябре 1918 г. на первом Всероссийском съезде работниц и крестьянок А. Коллонтай выступает с докладом «Семья и коммунистическое государство». Затем выходят ее брошюры «Новая мораль и рабочий класс», «Работница за год революции», «Положение женщины в связи с эволюцией хозяйства» и другие. На партийном съезде в марте 1919 г. она говорит: «Не нужно забывать, что до сих пор, даже в нашей Советской России, женщина трудового класса закрепощена бытом, закабалена непроизводительным домашним хозяйством, которое лежит на плечах. Все это мешает ей отдаться активному участию в борьбе за коммунизм и строительной работе. Мы должны создавать ясли, детские садики, строить общественные столовые, прачечные, то есть сделать все для слияния сил пролетариата — мужского и

женского, чтобы совместными усилиями добиться общей великой цели завоевания и построения коммунистического общества».

Претворяя на практике свои теоретические «находки», однажды А. Коллонтай отдала распоряжение организовать на территории Александро-Невской лавры общежитие для инвалидов. Уполномоченная комиссия с помощью красногвардейцев и матросов не смогла выломать запертые ворота лавры и разогнать собравшуюся толпу разбушевавшегося народа. За проведение этой неудачной операции нарком призрения А. Коллонтай получила нагоняй от Ленина: «Как вы могли предпринять такой шаг, не посоветовавшись с правительством?» А когда стало известно, что за этот случай церковные власти предали ее анафеме, Ленин пошутил, что теперь Александра вошла в историю в одной компании со Степаном Разиным и Львом Толстым.

После смерти И. Арманд, с осени 1919 г. Александра Коллонтай получает высокий партийный пост — возглавляет женотдел ЦК партии и активно работает в комиссии по борьбе с проституцией при наркомате социального обеспечения.

Партийная феминистка А. Коллонтай призывала не только к социальному раскрепощению женщины, но и утверждала ее право на свободный выбор любви. Об этом она писала в своих популярных произведениях — сборнике «Любовь пчел трудовых» (английский перевод озаглавлен «Свободная любовь») и повести «Большая любовь». Наиболее ярко идеи Александры Коллонтай прозвучали в нашумевшей в те годы статье «Освободите крылатого Эроса». Если в 1917 г. большевистский агитатор Саша призывала революционных солдат и матросов к мировой революции и свободной любви, то шесть лет спустя, уже в мирное время, она бросила клич не сдерживать своих сексуальных потребностей, раскрепостить инстинкты и дать простор любовным наслаждениям.

Идеи половой вседозволенности находили поддержку у новой власти. Так, в 1924 г. издательство Коммунистического университета им. Свердлова выпустило брошюру «Революция и молодежь», в которой были сформулированы 12 «половых» заповедей революционного пролетариата. Среди них был и такой перл: «Половой подбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально-полового завоевания».

Но как только большевики укрепили свою власть, «крылатому Эросу» тут же подрезали крылья. По мнению партийных идеологов, строители нового общества не должны растрачивать

свою энергию на сексуальные забавы. Все силы трудящихся направлялись отныне на строительство нового государства. А любить полагалось не женщин, а партию большевиков и ее вождей. Реформаторские идеи Александры Коллонтай увяли на корню, закончилась ее работа и на женском фронте. Ее перебросили на работу во внешнеполитическое ведомство.

Дипломатическая карьера А. Коллонтай началась 4 октября 1922 г., когда она отправилась торговым советником в Норвегию. В мае следующего года ее назначили главой торгпредства, а затем и полномочным представителем СССР, после того как норвежское правительство признал о Советский Союз. Переговоры, верительные грамоты, приемы, подписание договоров, визиты — новая жизнь мадам Коллонтай увлекала ее. Дело спорилось, у нее явно были способности дипломата.

В Норвегии ее другом, помощником и советником стал французский коммунист, секретарь советской миссии Марсель Боди, который был на двадцать один год младше ее. Очевидно, он и был последней любовью пятидесятилетней Александры Коллонтай. Связь с французом резко оборвалась после того, как о ней стало известно в Москве в ведомстве Ежова.

Осенью 1926 г. А. Коллонтай получила назначение полпреда и торгпреда СССР в Мексике, но тамошний климат оказался слишком тяжелым для ее здоровья, и через год она вернулась в Норвегию. После очередного разговора со Сталиным, в апреле 1930 г. она становится посланником СССР в Швеции.

Шведы встретили ее настороженно: в 1914 г. королевским указом она была выслана из страны «на вечные времена» за антивоенную агитацию. Теперь пришлось отменять собственный указ, чтобы не раздувать международный скандал. Отказать во въезде послу Советской России в современных условиях было уже невозможно.

В Стокгольме при вручении верительных грамот А. Коллонтай обворожила семидесятилетнего шведского короля Густава V, а все газеты отметили броский туалет советского посла — русские кружева на бархатном платье. Муза Канивез, бывшая жена Ф. Раскольникова (друга и «соратника» Петра Дыбенко по разгону Учредительного собрания и расстрелам рабочих демонстраций и флотских офицеров) так вспоминала о первой встрече с Александрой Коллонтай: «Передо мной стояла невысокая, уже немолодая, начинающая полнеть женщина, но какие живые и умные глаза!..»

Во время официального обеда А. Коллонтай пожаловалась новой знакомой: «Во всем мире пишут о моих туалетах, жемчугах и бриллиантах и почему-то особенно о моих манто из шиншилл.

Посмотрите, одно из них сейчас на мне». И Муза увидела «довольно поношенное котиковое манто, какое можно было принять за шиншиллу только при большом воображении…»

В Швеции А. Коллонтай работала до изнеможения: добилась подписания договора о возвращении СССР золотых запасов, помещенных правительством Керенского в шведские банки, участвовала в работе Лиги Наций, проводила переговоры и консультации с финским правительством о выходе Финляндии из войны. Постоянная напряженная работа не прошла бесследно — ее здоровье было подорвано.

Первый раз недуг сразил ее летом 1942 г., когда она работала, не зная отдыха ни днем ни ночью: это был самый тяжелый период для Советского Союза, воюющего с фашистской Германией. В середине августа, когда положение на фронте было критическим, А. Коллонтай, как обычно, работала в своем кабинете. Когда вечером она подошла к лифту, чтобы подняться в свою комнату, ей стало плохо. Врачи констатировали левосторонний паралич. Тем не менее А. Коллонтай оставалась на посту чрезвычайного и полномочного посла до марта 1945 г., когда за ней из Москвы прислали военный самолет и увезли ее на родину.

Последние семь лет Александра Коллонтай жила в Москве. Некогда активная, неугомонная женщина была прикована к инвалидной коляске, но продолжала выполнять функции советника Министерства иностранных дел СССР. Нередко до поздней ночи можно было видеть свет в окнах ее квартиры на Калужской улице.

В марте 1952 г. А. Коллонтай готовилась к своему восьмидесятилетию. Не дожив несколько дней до юбилея, она скончалась от инфаркта. Как заметил И. Эренбург, «ей посчастливилось умереть в своей постели», в отличие от подавляющего большинства ее друзей, с которыми она в молодости «делала революцию». Похоронена Александра Михайловна Коллонтай на Новодевичьем кладбище в Москве рядом с могилами Г. Чичерина и М. Литвинова.

В одной из записных книжек последних лет, размышляя о пережитом, она писала: «Во мне было много контрастов, и жизнь моя соткана из периодов, резко отличных друг от друга… Я обладала и до сих пор обладаю талантом „жить“. Много достигла, много боролась, много работала, но и умела радоваться самой жизни во всех ее проявлениях».

Кэмпбелл Патрик Стелла

(род. в 1865 г. — ум. в 1940 г.)

Знаменитая английская театральная трагедийная актриса. Любимая женщина Бернарда Шоу.

Автор мемуаров «Моя жизнь и кое-что из писем» (1922 г.).

У многих народов мира существует поверье, что от имени ребенка зависит и его судьба. Интересно, задумывались ли об этом 21-летний Джон и 17-летняя Мария Луиджа Джованна Таннеры, когда 9 февраля 1865 г. нарекли свою дочку Беатрис Стеллой. Первое имя звучит на итальянский лад как Беатриче — так звали возлюбленную Данте, а Стелла переводится с латинского как «звезда». Девочке и впрямь было суждено стать звездой английского театра и любимой женщиной прославленного драматурга Бернарда Шоу.

Отец Стеллы был человеком легкомысленным, безвольным, расточительным и к тому же невезучим. Вскоре после рождения дочери и двух сыновей он разорился окончательно, но пристроился со всеми своими домочадцами неплохо — у своего деятельного, предприимчивого и холостого брата Гарри Таннера. Отца Стелла почти не видела, он постоянно где-то ловил за хвост удачу, и его племянникам заменил дядюшка. Девочка была искренно привязана к нему и своей красивой, но всегда грустной матери. Мария Луиджа Джованна принадлежала к знатному, но обедневшему итальянскому роду (ее отцом был граф Анджело Романи). Среди женщин своего круга она выделялась образованностью и культурой: знала итальянский, греческий и

арабские языки, любила музыку и поэзию, переводила для детей на английский Данте и Ариосто и прекрасно пела. «У меня был отец, читавший только Дарвина и говоривший только о Дарвине, и мать, которая любила Данте, прежде всего Данте, и чья душа была пронизана красотой», — писала впоследствии Стелла Бернарду Шоу. Ее воспоминания о детстве отрывочны. Особенно ей запомнились арабские скакуны деда, верблюды и слоны, восточные базары и посещения своих шести теток по материнской линии, которые проживали в Европе.

Но если бы не Гарри Таннер, девочка так и осталась бы неучем. Она очень недолго посещала брайтонскую школу. Там ей было скучно. Дядюшка занялся ее образованием сам и особенно преуспел в литературе. А живя в течение года в Париже у тетки, девушка усердно посещала музеи, совершенствовалась во французском языке и серьезно занималась музыкой с известными педагогами. На вопрос: «Кем быть?» — Стелла ответить не успела. В 17 лет она безоглядно влюбилась в Патрика Кэмпбелла, который был старше ее на три года, и вышла замуж. Чувства были настолько сильны, что девушка не заметила, насколько новоиспеченный муж похож на ее легкомысленного отца. Беспечный молодой человек любил цветы и птичек, коллекционировал бабочек, хорошо пел и танцевал — не слишком много достоинств, чтобы создать семью. Через три года, когда иллюзии растаяли, на руках миссис Патрик Кэмпбелл были двое маленьких детей — сын Бео и дочь Стелла — и неприспособленный к жизни муж, который твердо решил, что удача ожидает его не где-нибудь, а в южных странах — колониях Англии. Многие годы она получала от супруга письма: то наивно-восторженные, то жалобно-беспомощные. Но если он мог позволить себе «искать удачу», то Стелле пришлось много и тяжело трудиться, чтобы содержать себя, детей, а заодно и высылать деньги Патрику на его очередные «прожекты» разбогатеть. Муж регулярно писал то об охоте на гиппопотамов (вот радость детям!), то о разработке алмазных шахт, лишь изредка вспоминая, что жена пытается выжить в одиночку: «Что я за животное: оставил тебя одну сражаться со всеми испытаниями и невзгодами». Стелла оказалась на удивление стойкой, мужественной и любящей женщиной. Она годами ждала своего Патрика. Ее близкие друзья говорили, что она отдала себя без остатка — всю свою любовь, нежность, сострадание, понимание и боль — мужу и от нее осталась одна великая актриса.

Финансовые проблемы заставили Стеллу искать заработка. С ее внешними данными, прекрасным голосом, музыкальным чувством слова и врожденным артистизмом у нее был один путь

— на сцену. Дебют в 1886 г. состоялся совершенно случайно. Кто-то из знакомых уговорил ее заменить заболевшую актрису в любительской постановке. После нескольких спектаклей в 1888 г. Стелла заключила контракт и дебютировала на профессиональной сцене в Ливерпуле в комедии «Холостяки». Условия договора показались ей просто сказочными. В жизнь вошла сумятица постоянных разъездов. Стелле пришлось обратиться за помощью к дяде, чтобы он позаботился в ее отсутствие о матери и детях. Многочисленные родственники были не в восторге от ее затеи. Парижская тетя писала с негодованием: «Ты совершила безумный поступок: тебя ждут стыд, унижение от того, что ты выставляешь себя на позор перед добропорядочными людьми». Но Стелла не унывала и не отказывалась ни от каких ролей: выступала во всех жанрах, пела куплеты, играла в пантомимах.

Как актриса, Кэмпбелл сразу же обратила на себя внимание. Притягательность красоты лица и фигуры, незаурядное оригинальное дарование и какое-то тревожное обаяние несла она на сцену. Но главное, была искренна в каждой роли и серьезно относилась к любой пьесе. Она нравилась зрителям. Стелла вспоминала о дебютных выступлениях: «Когда я вышла впервые на сцену, то почувствовала, будто зрители очень далеко от меня и надо непременно дотянуться до них, приблизить их к себе». Это желание и стало основой ее драматической неповторимости. Но вхождение в «актрисы» было для нее большим испытанием. Отсутствие профессиональной школы оборачивалось огромным перерасходом сил. Стелла играла 8–9 раз в неделю, утром и вечером. Свободные от выходов на сцену дни были заняты утомительными переездами. Как-то она тяжело заболела и потеряла голос. Речь вскоре восстановилась, но петь, как прежде, Стелла уже не могла. Даже будучи прославленной актрисой, она работала с такой же нервной и физической отдачей. К тому же, совершенствуя свое мастерство, миссис Кэмпбелл обнаружила в себе стойкость характера и большую внутреннюю силу. Тяжело приходилось тем, кто пытался противостоять ей в работе. Характер Стеллы стал неуравновешенным. Вспышки гнева и «капризы» во время репетиций обрастали легендами. Ничто и никто не могли помешать ей сыграть роль так, как она ее чувствовала и видела.

Три года колесила Стелла по стране. 1 августа 1891 г. состоялся ее дебют в Лондоне в мелодраме «Зов трубы». Во время премьеры случился казус. Стелла в роли Астреи — покинутой мстительной, полубезумной женщины — вышла на сцену и почувствовала, как к ее ногам падает юбка. Ничуть не

смутившись, она подхватила ее и весь акт играла, придерживая рукой. Сила магнетического воздействия на зрителя была такова, что все было принято как должное. Никто даже не хихикнул. Ее эмоциональная, нервная игра была совершенной.

Спустя два года «миссис Пат», как ее прозвали лондонцы, стала одной из самых модных и популярных актрис английской сцены. Роль Паолы во «Второй миссис Тенкерей» Пинеро была первой звездной ролью актрисы. Она раскрыла в героине пьесы такие глубины, которые тревожили и притягивали внимание зрителей трагизмом звучания. Бернард Шоу, внимательно наблюдавший за триумфальным взлетом Кэмпбелл, утверждал в одной из критических статей, что своей игрой Стелла сумела «бог знает в какой раз растрогать зрителя». Но спектакль получился настолько совершенным благодаря «вредному» характеру актрисы, идущей в трактовке роли наперекор идеям автора и режиссера. Они были вынуждены во всем согласиться с ней. После триумфального успеха этой постановки Стелла каждую роль репетировала самостоятельно, чтобы раскрыть в образе то, что почувствовала стихийно, на подсознании. Особенно хорошо ей удавались роли женщин с «трещинкой» в сердце. Но оказалось, что ее сценическое дарование глубоко специфично и то, что прекрасно воспринималось зрителем в спектаклях современного репертуара, давало сбой в классике.

Быть звездой английской сцены и не играть в пьесах Шекспира — немыслимо. Стелла проявила на редкость субъективное трактование драматургии прославленного автора. В ее Джульетте (1895 г.) проглядывало что-то греховно-притягательное, завлекающее, по-итальянски экспансивное, но в глазах жил страх и беспокойная обреченность. «Актриса изображала настроение, а не страсть», — констатировал Шоу. Такая Джульетта ему понравилась, покорила грацией движений, виртуозностью владения телом и голосом. Стелла даже музыку шекспировских строф передавала по-своему. И привычно мягкую, изящную Офелию (1898 г.) Кэмпбелл играла на критической ноте гибели человеческого разума. Это был надрыв чувств, настоящий разлад душевных сил. Только голос Шоу противостоял общей нелицеприятной критике: «Патрик Кэмпбелл с присущей ей смелостью, которая несносна, когда актриса делает неверные вещи, на этот раз сделала верную вещь: она представила Офелию по-настоящему сумасшедшей». В роли леди Макбет (1898 г.) она попыталась заворожить зрителей неразделимостью любви, коварства и искусительства. Ее вновь не поняли. В общем, шекспировской актрисой Стелле стать не удалось: она была слишком современна, эффектна и экстравагантна для классики.

Зато в очередной пьесе Пинеро «Знаменитая миссис Эббсмит» (1895 г.) она выплеснула такую экспрессивность, стремление довести человеческие страсти до накала, что успех был оглушающим. Доверяясь своей интуиции, «она властно отбрасывает в сторону пьесу и своей игрой окончательно вытесняет автора и этим спасает его от провала. Она создает иллюзию жизни и заставляет нас испытывать самые разнообразные и волнующие чувства. Мы верим, что ее прекрасные безумные глаза действительно устремляются в загадочное прошлое, что ее трепетные раскрывшиеся губы предвкушают близкое будущее, что тонкая игра ее рук и напряженная сдержанность тона вызваны загадочным настоящим. Конечно, мы ждем: вот-вот родится великая трагедия!» — писал Б. Шоу, признавая миссис Кэмпбелл «гениальной актрисой».

Столь пристальное внимание к Стелле со стороны прославленного драматурга, театрального критика и публициста было связано не только с ее профессиональной деятельностью. Как женщина, она глубоко запала в его душу и сердце. Конечно, в первую очередь она потрясла его как актриса. Он капитулировал перед ее талантом и признал, что стоило Стелле на сцене «сверкнуть глазами», как тут же «все нормальные мужчины лишались способности правильно оценивать художественные достоинства этого произведения». Шоу называл это воздействие «трагическим ослеплением». И хотя сам не причислял себя к «нормальным мужчинам» и заводил «театральные романы» в виде многолетней переписки с актрисами Эллен Терри, Флоренс Фарр и другими, но «эпистолярная любовь» с «беломраморной красой» — Стеллой Патрик Кэмпбелл — в его жизни и творчестве заняла совершенно исключительное место.

Знаменитый драматург был женат и договорился с Шарлоттой Шоу, что между ними не будет супружеской близости. Он не признавал любви, основанной на сексуальной почве, а ценил ее обрамление. Жена проявляла заботу и уход за его персоной, и Шоу ничего не собирался менять в своей личной жизни. Стелла же была верна своему непутевому мужу. Наконец-то через семь лет странствий, в 1894 г. Патрик возвратился в Англию и теперь жил в тени и на деньги своей знаменитой супруги. Стелла давно утратила все пылкие чувства и опекала мужа по привычке, с большей любовью относясь к своему новому увлечению — домашним собачкам. Но после гибели Патрика в 1900 г. в англо-бурской войне взаимное влечение между Стеллой и Бернардом Шоу вспыхнуло с новой силой.

Любила ли актриса прославленного писателя? Это до сих пор остается в значительной мере загадкой. Конечно, ей льстило

столь откровенное преклонение с его стороны, но она понимала, что флиртует он в интересах дела — для работы ему было необходимо состояние влюбленности. Шоу и сам признавал: «Женщины многое теряют на мне… Я их надуваю по-крупной. В моих карманах полным-полно разменной монеты любви, но это необычные деньги, а фальшивые — у них волшебный курс. Любовь же дает мне развлечение, восстанавливает силы». Стелла отвечала ему той же монетой. Она его дразнила и притягивала к себе, особенно потешаясь над его строгим распорядком дня и нежеланием расстроить жену. Шоу рассказывал своему биографу Х. Пирсону, как миссис Кэмпбелл задерживала его, не отпуская домой к жене: «Стелла пришпиливала меня к месту и творила чудеса — лишь бы я опоздал к обеду. Дело доходило до настоящей потасовки. Только научившись выворачивать ей руки, я нашел на нее управу. Один раунд нашего матча действительно закончился на полу. Мы дрались, как звери… Она заходила безбожно далеко».

Но несмотря на все причуды и подтрунивания со стороны «злючки Пат», письма Шоу становились все более призывными и страстными, хотя в них звучала скрытая, а иногда и откровенная ирония над своим увлечением. Стелла, удерживая относительную дистанцию, все сильнее разжигала затаенную страсть. Она продолжала лицедействовать не только в любви, но и на сцене. После триумфа в «Пелеасе и Мелисанде» Метерлинка в 1898 г. (в мужской роли выступала великая Сара Бернар), в «Маленьком Эйолфе» (1897 г.) и «Гедде Габлер» (1907 г.) Ибсена и «Свыше наших сил» (1901 г.) Бьёрнсона миссис Пат завоевала право именоваться первой трагической актрисой Англии. Но влюбленный Шоу приходил в ужас, когда им приходилось работать вместе. Stella Stellarum — звезда звезд, Беатричиссима, Дражайшая лгунья, Благословеннейшая доводила драматурга и режиссера Шоу до белого каления. Она все привыкла решать сама и в узде ходить отказывалась.

Бернард Шоу ничем не мог привязать Стеллу к себе. С 1902 по 1912 гг. она большую часть времени провела на гастролях в Америке, наспех создавая труппы, основанные на «однозвездной системе». Режиссеры сбегали от «злючки Пат», не выдерживая ее несносного характера. Успех сопутствовал Стелле, но материального достатка не обеспечивал. Богатый деньгами и связями Шоу не раз пытался помочь ей, но актриса не хотела попадать ни в какую зависимость. Наконец драматург создал для Благословеннейшей свою самую популярную пьесу — «Пигмалион». Предложение сыграть разбитную юную простолюдинку цветочницу Элизу поначалу шокировало

«смуглую лондонскую леди». Спектакль уже с успехом шел на сценах европейских стран, но в Англии Шоу берег эту роль для сомневающейся 47-летней миссис Пат. Он, как ребенок, радовался, что завлек ее предстоящей работой, которая у него самого сразу же вылетела из головы: «Я мечтал и мечтал и витал в облаках весь день и весь следующий день, так, словно мне еще нет двадцати. В голову не лезло ничего, кроме тысячи сцен, героиней которых была она, а героем я. А мне ведь уже вот-вот стукнет 56. Никогда, наверное, не происходило ничего столь смехотворного и столь чудного. В пятницу мы пробыли вместе целый час: мы посетили лорда; мы ездили на такси; мы сидели на скамейке в Кенсингтон-сквере; и годы спадали с моих плеч, как одежда. Я уже 35 часов нахожусь в состоянии влюбленности; и да простятся ей за это все ее грехи!»

Между первым чтением пьесы и премьерой прошло два года. За это время Стелла успела вновь уехать из Англии, попасть в серьезную автомобильную аварию, заново научиться ходить, сыграть в пьесе «Обожаемая» и только затем обратиться к Элизе. Она, может, и дальше оттягивала бы этот момент, но серьезные материальные проблемы вынудили ее приступить к работе, а может, и трогательные, нежные, бодрящие письма Шоу: «Мы так безумно давно не встречались с вами, мне нужно сказать вам миллион разных вещей. Например, что вы мой самый успокоительный друг и самый будоражащий перл моей души и что я буду восхищаться вами всегда, пусть вы добры ко мне или злы, — пока не высохнут моря, все будет жить любовь моя».

Шоу вновь млел от счастья рядом с любимой женщиной, водил ее на прогулки в парк, заставлял заниматься там физкультурой, доставляя удовольствие зевакам. Дни репетиций навсегда остались в памяти Стеллы: «Любовь к вам пустила ростки в моем сердце, а корни их в благодарности. Я не забыла вашей доброты и заботы, когда была больна и вы предложили мне помощь». Актриса постаралась, чтобы это время запомнилось и Шоу. Репетиции начались с очередного каприза. Стелла бросила всех и уехала в Сэндуич, чтобы остаться наедине с ролью. Уязвленный писатель разбушевался не на шутку: «И эту бездушную женщину я должен буду вести через всю пьесу, которую она изо всех сил старается погубить, ей должен буду льстить, усмирять ее и уговаривать, когда ей вздумается ринуться с обрыва и головой в море».

Шоу никак не мог поверить, что его бросили, и ринулся вслед. Но вновь натолкнулся на отказ на продление «минут влюбленности». Шоу был очень обижен, а «злючка Пат» ко всем его огорчениям добавила очередную порцию неприятностей.

Накануне премьеры «Пигмалиона», 7 апреля 1914 г. она тайно вышла замуж за Джорджа Корнуолиса Уэста, который был такой же ветреный и беспомощный, как и первый муж, к тому же на десять лет ее моложе. Он растрогал Стеллу рассказами о несчастной личной жизни, а после свадьбы предоставил ей возможность, стыдясь и краснея, расплачиваться за результаты своих коммерческих махинаций. Брак вскоре распался.

Но как бы ни был разочарован Бернард Шоу ветреностью своей «Звезды», он продолжал любить ее, заглушая свое самолюбие колкими выпадами в ее адрес. Но и она не молчала: «Вы и ваше сквернословие в стиле XVIII века… Вы потеряли меня, потому что никогда и не находили… Но у меня есть мой маленький светильник, один огонек, а вы загасили бы его своим эгоистическим фырканьем — вы, изящный обольститель, вы, дамский угодник, вы, драгоценное сокровище дружбы, — и все же для вас я поддерживаю огонек светильника, боясь, что вы заблудитесь во мраке!..» Они остались друзьями.

Роль Элизы Дулиттл стала вершиной творческой карьеры Стеллы. Но образ «однозвездной гастролерши» тускнел с годами. Шоу продолжал писать любимой обо всем на свете, и она была благодарна, что он не забывает ее. Жизнь Стеллы складывалась нелегко: в Первой мировой войне погиб ее сын Алан Бео; дочь стала слабой актрисой, а в личной жизни повторила судьбу матери; на роли приглашали более покладистых, хотя и менее знаменитых актрис. Шоу писал о Стелле: «Весь земной шар был у ее ног. Но она поддала ногой этот шар и уже не могла достать его оттуда, куда он откатился».

Но Стелла не жаловалась. Она училась «привыкать к бедности и неудобствам». Актриса с радостью ухватилась за предложение лондонского издателя написать мемуары. Чтобы какое-то время продержаться на плаву, она продала свой огромный дом в столице и поселилась в небольшом загородном коттедже. Миссис Пат умела находить радость в жизни. Теперь она с удовольствием «играла» роль писательницы и, как оказалось, очень удачно. В 1922 г. вышла ее книга «Моя жизнь и кое-что из писем». В нее вошли и некоторые страницы «эпистолярного романа» с Шоу, совместно отобранные и отредактированные. Остальная переписка, согласно общему решению, могла увидеть свет только после их смерти.

Получив деньги за книгу, Стелла вновь отправилась странствовать. Самыми значительными творческими достижениями актрисы в 1920-е гг. стали роли фру Алвинг в «Привидениях» и Эллы Рэнтхейм в «Иуне Габриэле Бормане» Ибсена. С ней по-прежнему не уживались режиссеры. «Лебединой

песней» миссис Кэмпбелл стала роль Анастасии в пьесе «Матриархат» по роману Штерн. В последний раз актриса вложила в роль всю себя, свое сердце и душу, договорив за автора все недосказанное. Здесь с особой наглядностью проявилась «мрачная пламенность» и трагизм таланта Стеллы Патрик Кэмпбелл. Шоу признавал, что она произвела настоящую сенсацию даже в пьесе, не стоящей ее дарования и личности, «а также той легенды, с которой связано ее имя». Он переживал за ее судьбу. Его угнетало продолжительное отсутствие любимой, но непокорной женщины. «Разумеется, мы просто пара клоунов, но почему, и почему вы не извлекаете из меня никакой пользы, тогда как я столько от вас почерпнул. Гесиона Хэшбай в „Доме, где разбиваются сердца“, змея в „Мафусаиле“, которая в моем воображении всегда говорит вашим голосом, Оринтия — все вы, не считая к тому же Элизы, которая была просто шуткой. Вы — женщина-вампир, я — ваша жертва; между тем я сосу вашу кровь и жирею, а вы все теряете!» — писал Шоу после премьеры его пьесы «Тележка с яблоками» (1929 г.). Образ главной героини Оринтии, которую играла другая актриса, был полностью списан со «злючки Пат». Она запоздало негодовала, что он выставил напоказ их отношения, а писатель отшучивался: «Разве вы не знаете, что, хотя вы и удивительная женщина, как о том кричат все ваши почитатели, жить с вами под одной крышей несладко; более того, невозможно. Либо то, либо другое — иначе не бывает. Я написал великолепный ваш портрет, да простит мне Бог! И вы должны подчиниться правилам игры. Нельзя допустить, чтобы мы вошли в историю под знаком сплетни и ядовитой клеветы. Пусть мир над нами смеется, но пусть это будет смех веселый, а не грязный. Наши роли — прекрасные роли…»

Жизнь Стеллы постепенно катилась к финалу. К 60 годам она стала тучной, но не утратила своего обаяния. Живя в Америке, актриса изредка выходила на сцену и снималась в кино, пыталась давать уроки дикции и декламации, но с ее характером педагогика была несовместима. Вернуться в

Англию миссис Пат не могла по очень прозаической причине — расстаться с любимым песиком Мунбимом было выше ее сил (чтобы ввезти животное в Англию, требовалось на целый год сдать его в карантин). Шоу тосковал и негодовал, но перекроить любимую женщину не мог, и она по-прежнему категорически не принимала помощь. Из-за собачки она отказалась от роли в фильме «Майор Барбара», которую для нее выхлопотал Шоу, зная о ее бедственном положении. Только в 1939 г. Кэмпбелл перебралась во Францию и жила в самых дешевых пансионатах, где никто не догадывался, что под именем миссис Уэст (фамилия

второго мужа) имеют честь принимать лучшую театральную актрису Англии.

9 апреля 1940 г. Стелла Патрик Кэмпбелл скончалась в пансионате местечка По, где была и похоронена. И тогда все разом вспомнили о ней. Голоса критиков и коллег по сцене звучали, как дружный хвалебный хор. В статье Шоу слились воедино трезвый взгляд, любовь и обида: «Она очаровала и меня среди прочих; но я не смог прожить с ней и недели; так что из этого ничего не вышло». Но на вопрос, как он относится к мемуарам миссис Пат, честно признался, что без нее они для него ничего не значат.

Эпилогом «эпистолярной любви» прославленного драматурга Бернарда Шоу и знаменитой актрисы Стеллы Патрик Кэмпбелл стала пьеса Джерома Килти «Милый лжец». Ее успех на сценах театров мира превзошел все ожидания. В основу пьесы легла 40-летняя переписка «Милого Лжеца» и «Дражайшей Лгуньи». Все ее волшебство заключалось в том, что оба персонажа произносили текст, где каждое слово, каждая фраза целиком и полностью принадлежали реальным людям и были написаны ими самими. Капризное и парадоксальное развитие личных взаимоотношений, тяжкие драмы, пережитые обоими, творческие удачи и поражения, обоюдная неуступчивость, мягкая насмешливость и беспощадный сарказм — все было в письмах. Их необычная «эпистолярная любовь» — это больше, чем слова на бумаге, это больше, чем 40-летнее объяснение в любви в непривычном понимании этого чувства. Это «какая-то чудесная разновидность отношений…»

Ланкло Нинон де

Настоящее имя — Анна де Ланкло (род. в 1616 г. — ум. в 1706 г.)

Знаменитая французская куртизанка, которая никогда не продавала свою любовь, хотя и была прозвана современниками «царицей куртизанок». Она жила по законам чувств, привлекая к себе мужчин не только красотой и раскованным поведением, но и незаурядным умом и удивительной скромностью.

«Еще в детстве я часто задумывалась о несправедливости судьбы, предоставившей все права мужчинам и совершенно забывшей о нас, — с тех пор я стала мужчиной», — вспоминала одна из самых очаровательных женщин XVII в. Нинон де Ланкло. И с чего бы это в юной головке поселились столь серьезные мысли?

Анна родилась в Париже 15 мая 1616 г. в обеспеченной семье туреньского дворянина Генриха де Ланкло, а ее мать происходила из древнего орлеанского рода Ракони. Характеры этой супружеской четы были абсолютно несовместимы, но жили они без скандалов, словно в разных измерениях. Отец проводил время весело и беззаботно, как философ-эпикуреец, не тяготясь моралью и мнением общества. Его жена была женщиной строгих правил. Свою безукоризненную нравственность и религиозность она пыталась вложить в дочь и мечтала, что Нинон, как ласково называли девочку в детстве, посвятит себя служению Богу. Только второй монахини не хватало Генриху де Ланкло в доме, и он внушал дочери, что жизнь должна быть наполнена радостью и

удовольствием.

Хорошенькой, как куколка, Нинон больше пришлась по душе легкомысленная философия отца. Музыка, пение, танцы, декламация стали ее любимыми «предметами» обучения. Учителя называли ее «восьмым чудом света». К получению других научных знаний Нинон относилась серьезно, как ко всем делам, но без особого воодушевления. Благодаря изумительной памяти ее прелестная головка была наполнена множеством сведений, но особое место было отведено элегическим, любовным и шуточным стихотворениям, а также «греховным цитатам» из популярных в то время книг, таких как «Искусство нравиться и любить», «История знаменитых своим легкомыслием или любовью женщин». Видя перед собой пример матери, иссушенной молитвами и постами, рано расцветшая красавица решительно последовала по стопам отца.

Генрих де Ланкло ввел дочь в «Дом Эпикура», где царили легкие нравы, чувство преклонения перед прекрасным. Нинон как-то сразу затмила всех ярких дам этого салона. Кавалеры наперебой предлагали ей руку и сердце, и тут впервые девушка проявила чисто мужской ум и характер: она не намерена была связывать себя брачными оковами и кому-либо подчиняться даже ради любви. «Женщина благоразумная не избирает себе мужа без согласия своего рассудка, как любовника без согласия своего сердца», — такими словами отстаивала Нинон покушение на ее свободу, на закабаление собственного «я». Отец мог гордиться своей дочерью. Она была оценена мужчинами и женщинами как «полное собрание человеческих совершенств».

В неполные 16 лет Нинон доказала, какой она волевой и трезвомыслящий человек. В один год ушли из жизни родители, оставив дочери приличное состояние. Она не стала искать помощи, защиты и опеки у других, не поддалась ни малейшей растерянности. Трезво взвесив свое положение, Нинон обратила наследство в «пожизненную ренту», что позволило ей ежегодно получать 10 тыс. ливров. Она вела дела разумно, и хотя ни в чем себе не отказывала, на протяжении всей жизни была не только хорошо обеспечена, но и имела возможность помогать друзьям в трудную минуту.

Нинон купила на улице Турнелль уютный домик, в который на «огонек» ее ума и красоты «слетались гости». Их называли «турнельскими птицами», и они гордились этим прозвищем, как и знакомством с хозяйкой салона. Впрочем, девушку окружили не столько поклонники, сколько умные, интересные люди: Дебарро, Буаробер, супруги Скаррон, Дезивто, Саразэн, Шапель, Сент-Эвремон, Лабрюйер, Мольер. Они смотрели сквозь пальцы на

любовные похождения красавицы, а с удовольствием общались с радушной и остроумной хозяйкой. По своему мировоззрению Нинон в наше время была бы причислена к проповедницам женской эмансипации. Но в XVII в. даже понятия такого еще не существовало. Поэтому откровенные речи о праве женщины на свободный выбор в любви и необязательность брака воспринимались гостями салона с откровенным восторгом. Конечно, Нинон не боролась за равноправие полов, как оголтелые феминистки, а их поведение вызвало бы у не умеющей притворяться девушки резкое неприятие, ибо она обожала мужчин. Но никогда Нинон не отдавалась по расчету, не была ни у кого на содержании, не приняла ни одного ценного подарка, кроме цветов. По сути, «царица куртизанок» ею не являлась. Она царствовала в умах и сердцах мужчин, привлекая и удивляя их своей раскованностью и одновременно пристойностью.

«Скромность везде и во всем, — любила повторять Нинон. — Без этого качества самая красивая женщина возбудит к себе презрение со стороны самого снисходительного мужчины». Но и лицемерия в чувствах и поступках она не терпела. Если Нинон любила, то не боялась признать это, а если чувства остывали — то была столь же откровенна.

Первой любовью Нинон стал робкий Гаспар Колиньи, герцог Шатильонский. Он три недели скромно ухаживал за ней, не посягая на ее прелести, позабыв при этом, что идут переговоры о его браке с сестрой герцога Люксембургского, Елизаветой-Анжеликой де Монморанси. Гаспар был настолько очарован, что согласился бы скорее умереть, чем отказаться от Нинон. Трезвомыслящая девушка понимала, что в знатности она не может соперничать с невестой из рода Монморанси, да и замуж не стремилась. Поэтому она отдалась по любви. Затем пожар в душе угас, «каприз тела» был удовлетворен и Нинон отпустила огорченного отставкой возлюбленного на свободу, ни о чем не сожалея.

«Женщины чаще отдаются по капризу, чем по любви», — глубокомысленно изрекала де Ланкло, отказывая очередному поклоннику или расставаясь с ним после бурного романа.

В 1636 г. о двадцатилетней красавице с восторгом говорил весь Париж. Через известную куртизанку Марион Делорм, которая чуть ли не стала ее ближайшей подругой, Нинон получила предложение от всесильного Ришелье. Кардинал решил за 50 тыс. франков купить любовь независимой прелестницы. Оскорбленная такой дерзостью, Нинон вернула деньги, заявив, «что она отдается, но не продается». Этот поступок вызвал бурю восхищения, подтвердив в очередной раз: Нинон живет для

любви, но не за ее счет. Да и в большинстве случаев ее любовь была скорее «капризом тела», нежели серьезным чувством. Эту прихоть она удовлетворяла с удовольствием для обеих сторон, хотя и постоянно разочаровывала своих партнеров непостоянством.

В 24 года Нинон, следуя своим «капризам», увлеклась 19-летним графом Филибером де Граммоном. Юный повеса был настолько привлекательным и внешне невинным, что она старалась не замечать, что транжира и кутила живет за ее счет, пока не поймала на отвратительном примитивном воровстве. Порочный ангел украл из ее шкатулки сто пистолей в надежде, что красавица спит после бурно проведенной ночи, а утром с удивлением узнал о своей отставке. Потрясенный граф потребовал объяснений. И получил их. «Ответ в вашем кармане», — сказала Нинон, не принимая оправданий. Красота и сексуальная привлекательность партнера были для нее ничто по сравнению с нечестностью.

Слава неотразимой красавицы росла. Дамы высшего общества почитали за счастье быть принятыми в ее салоне. Матери приводили в пример ее изящные манеры дочерям на выданье и мечтали, чтобы Нинон ввела девушек в свой круг. К чести де Ланкло, дальше передней она их не пускала. Манеры манерами, а нравы и разговоры в ее салоне — не для монастырских воспитанниц.

Нинон умела расположить к себе людей, но завистников и врагов у нее тоже было в достатке. Некоторые сумели «натравить» на куртизанку поборницу нравственности, вдовствующую королеву Анну Австрийскую. Нинон высочайше было предложено добровольно отправиться в монастырь кающихся девушек. Она ответила посланцу ее величества, что уже давно не девственница, каяться ей не в чем, а если и пойдет в монастырь, то только в мужской, например к кордельерам. Решительно настроенная королева-мать уже была готова пресечь неповиновение, но тут Нинон на выручку пришел бывший любовник — герцог Энгиенский, принц Конде. Их роман продолжался всего три недели. Прямолинейный, грубоватый «бог войны» не вдохновил ее в постели, но Нинон умела расставаться со своими мужчинами так, что они навсегда оставались ее друзьями. Герцог поведал регентше о пренебрежительном отношении куртизанки к посягательству Ришелье на ее тело. Этого было достаточно, чтобы усмирить гнев царственной особы и вернуть ее милость к де Ланкло. Это событие только усилило влияние Нинон на умы парижан и показало, кто является настоящим другом.

Де Ланкло и сама умела дружить. Друзья ценили ее

преданность. Большинство из них считали, что она намного лучше и душевнее, чем кажется на первый взгляд. Но в любви Нинон была ветреной и ее любовные клятвы силы не имели. Это испытал на себе маркиз Эрм де ла-Шатр де Савиньи, один из самых красивых вельмож при дворе Людовика XIV. Систематически изменяя жене, знаменитой писательнице того времени, он отчаянно ревновал свою любовницу, рисуя страшные картины предательства Нинон. От расстройства Эрм даже заболел. Чтобы доказать свою верность, красавица обрезала свои роскошные волосы и отослала ему. Выздоровление было стремительным, и любовное упоение длилось целую неделю. Затем Савиньи отбыл на поле брани в Германию. На прощание Нинон по его требованию подписала вексель-клятву в верности и две недели не выходила из дома. Посетившего ее графа де Мюссана она приняла довольно неучтиво. И тут разразилась августовская гроза. Раскатов грома и вспышек молний Нинон боялась панически. А в объятиях мужчины было совсем не страшно, и ночь пролетела незаметно. Наутро она рассказала новому любовнику историю с векселем. Вскоре по Парижу пошла гулять поговорка «Славный вексель у де ла-Шатра», которую употребляли в разговоре о доверчивых глупцах.

У маркиза оказалось достаточно чувства юмора, и он вернул вексель с припиской: «Оплачено после банкротства». История их любовной связи имела оригинальное продолжение спустя 24 года, когда на смену отцу подрос сын. Нинон не прилагала никаких усилий, чтобы пленить юношу. Маркиза де Савиньи в шутку называла любовницу мужа и сына «своей невесткой», хотя была младше ее на 10 лет.

Время было не властно над красотой и темпераментом де Ланкло. «Изящная, превосходно сложенная брюнетка, с цветом лица ослепительной белизны, с легким румянцем, с большими синими глазами, в которых одновременно сквозили благопристойность, рассудительность, безумие и сладострастие, ротиком с восхитительными зубами и очаровательной улыбкой. Нинон держалась с благородством, но без гордости, обладая поразительной грацией манер». Такой запомнилась де Ланкло своим современникам. Они же и рассказывали легенду, как однажды в ее доме появился странный старичок по имени Ноктамбуль и предложил куртизанке на выбор: высшее превосходство, несметные богатства или вечную красоту. Удивленная Нинон пожелала остаться неотразимой. Для этого ей не пришлось заложить свою душу, а лишь написать свое имя на деревянной дощечке. Старичок пообещал, что он навестит ее еще раз за три дня до смерти. Желание Нинон исполнилось. Она не

утратила своей обворожительности до глубокой старости.

Де Ланкло редко вспоминала об этом приключении. Ей было некогда — она любила. В 32 года Нинон оказалась перед выбором. Два друга — граф д'Эстрэ и аббат д'Эффиа — были молоды и хороши собой. Чтобы не рассорить их и самой не грустить в одиночестве, она дарила себя одному днем, а другому — ночью. «Плодотворное сотрудничество» закончилось… рождением сына. «Я знаю, что мой сын принадлежит одному из вас, — заявила Нинон желающим признать свое отцовство друзьям, — но которому, и сама не знаю!» Судьбу ребенка решил жребий. Счастливый граф д'Эстрэ воспитал мальчика, он стал блестящим морским офицером и раз в год посещал салон Нинон, чтобы подарить ей очередную лютню и поболтать со знаменитой куртизанкой. Он и не предполагал, что это была его мать.

После родов де Ланкло стала еще привлекательней. Ее салон всегда был полон, и она блистала в нем красотой и умом. Посетители ловили каждое ее слово, но не дай бог было попасться ей на язычок. Даже Людовик XIV, безапелляционно заявлявший: «Государство — это я», вынужден был считаться с мнением Нинон. Король-солнце называл ее «совестью государства», прислушивался к ее мнению и очень сожалел, что куртизанка отказалась пополнить ряды его лицемерных придворных.

От наблюдательной Нинон не могли укрыться лживость и скудоумие высшего света. Ее остроумных замечаний и эпиграмм боялись не на шутку. Она произвела неизгладимое впечатление на Мольера, который неоднократно представлял ее в своих пьесах как врага лицемерия и ханжества. В доме у Нинон Мольер впервые прочитал своего «Тартюфа», а прекрасная Селимена в «Мизантропе» списана с хозяйки салона.

1653 г. стал для Ланкло годом любви и потерь. Она вновь ждала ребенка, но это ее вовсе не радовало. Зато в восторге был будущий отец — добропорядочный богатый вдовец, маркиз де Жерсей. Он увез Нинон в загородное имение, окружил заботой и вниманием, а сам вынужден был покинуть ее по делам службы. Пять месяцев одиночества были для нее сущей пыткой. Скучая, она бродила по парку и однажды познакомилась со скромным молодым человеком. Он представился Аристом, а Нинон впервые не решилась назвать свое настоящее имя. Она влюбилась. Это был не «каприз тела», а настоящее глубокое чувство, существование которого она всегда отрицала. Нинон была счастлива. Время летело незаметно: они читали, пели, играли на лютне и просто разговаривали. Арист считал Нинон супругой маркиза и молча страдал. Де Жерсей, застав их вместе, сразу понял, что теряет

любовницу, и срочно увез ее в Париж. Нинон не сопротивлялась, но попыталась разыскать юношу. Через несколько дней он сам навестил ее в знаменитом на весь Париж доме. Арист был печален и пришел, чтобы попрощаться навсегда. Нинон не сумела ни объясниться, ни задержать его — от избытка чувств она лишилась сознания. Тем же вечером ей подали записку: «Сударыня, до сих пор я не знал вашего настоящего имени, узнав его, все мои надежды рухнули. Я мечтал о бесконечной любви, чтобы безраздельно владеть вами, но это невозможно для прекрасной Нинон. Прощайте, забудьте меня, если уже не забыли. Вы никогда не узнаете моего имени и никогда больше не увидите. Арист». Настоящая любовь обошла де Ланкло стороной, но ее мягкий свет еще долго согревал ей душу.

Рождение ребенка радости не принесло. Материнские чувства в Нинон не пробудились. Маркиз забрал сына к себе. Спустя годы де Ланкло вновь повстречала своего бывшего любовника и познакомилась с сыном, который носил имя Альберт де Вилье. Ничего не подозревающий о своем происхождении юноша безумно влюбился в свою мать, которой шел 51 год. К чувствам Альберта она относилась как к обычной забаве, но затем вынуждена была открыть ему правду. Это откровение так потрясло юношу, что он покончил с собой. Де Ланкло оплакала смерть сына, но своим привычкам не изменила. Третий ребенок Нинон родился мертвым, когда ей было 55 лет. Говорят, ребенок был настолько красив, что убитый горем отец, принадлежавший к королевской семье, приказал забальзамировать крошку. Нинон же утешилась быстро.

Именно честностью в любовных и человеческих отношениях, взаимопониманием и бескорыстностью де Ланкло привлекала к себе людей. За эти качества ей многое прощалось. В Нинон не было никакого жеманства, позерства и всяческого романтического бреда. Иногда выбор куртизанкой мужчин был достаточно оригинален, но никогда — скучен и банален. Так, Сент-Эвремон, известный как талантливый панегирист и непревзойденный парижский кутила, ненадолго привлек внимание обворожительной женщины. Он был некрасив, ужасно нечистоплотен, к тому же от него исходил стойкий запах псарни, так как он спал и ел с дюжиной своих собак. Нинон постоянно подтрунивала над грязнулей, пока они были вместе, но Сент-Эвремон не обижался — ведь Нинон говорила правду в глаза. Убедившись, что его не перевоспитать, она дала ему отставку. Даже за годы изгнания, проведенные в Англии, он не забыл ее и считал лучшим своим другом и умнейшей женщиной Франции.

Еще один из любовников Нинон, из числа придворных Конде,

некто Гурвиль вынужден был бежать из Франции, попав в немилость к кардиналу Мазарини. Он решил разделить свои деньги и отдать на хранение известному своей святостью настоятелю монастыря и легкомысленной любовнице. И что же он обнаружил по возвращении: монах бесстыдно присвоил 20 тыс. экю, а Нинон просто указала на шкатулку. Бывший любовник взял деньги там, где и положил. Нинон и не подумала ими воспользоваться, хотя его место уже давно занял другой мужчина. Гурвиль восторженно рассказывал всему Парижу, как он потерял любовницу и приобрел друга. Нинон, которая не видела в своем поступке ничего «героического», с тех пор называли еще и «прекрасной хранительницей шкатулки».

Шли годы, а Нинон все так же привлекала внимание мужчин. Она увлекала в омут страсти изящных красивых юношей, таких, как граф Фиеско. Ей было 70 лет, когда юный граф Шерлеваль убил на дуэли своего кузена, молодого барона Сигизмунда Банье, узнав, что отказавшая ему Нинон одарила любовью его родственника. Свидание с вечно юной куртизанкой, продолжавшееся всего четыре часа, барон оплатил жизнью.

Аббат Жедуаэн, последний поклонник де Ланкло, был ее ровесником. Она целый месяц томила влюбленного и осчастливила его в день своего 80-летия. Но даже в столь почтенном возрасте, когда люди ищут себе пару, чтобы скрасить одинокую старость, Нинон осталось верной себе. Безумную ревность Жедуаэна она расценила как давление на свою независимость и через год рассталась с ним. Одиночество «царице куртизанок» не грозило: все любовники стали ее верными друзьями и не забывали свою подругу. Нинон по-прежнему была в центре внимания и обрастала новыми знакомыми. Ее маленький домик напоминал «гнездо для турнелльских птиц». Однажды в нем читал свои первые стихи 10-летний Мари Франсуа Аруэ. Наблюдательная Нинон безошибочно определила в нем незаурядный талант и личность. В своем завещании она оставила мальчику две тысячи франков для покупки книг. Он вырос и стал прославленным философом и писателем, известным всему миру под псевдонимом Вольтер, и навсегда сохранил в душе добрые воспоминания о женщине, которую называл не иначе, как «моя красивая тетя».

Нинон прожила 90 лет и скончалась 17 октября 1706 г. Ее последними словами были: «Если бы я знала, что все так кончится, я бы повесилась». Оригинальная фраза для женщины, прожившей жизнь в собственное удовольствие и по «своему сценарию».

Аббат Шатанеф, один из друзей Нинон де Ланкло, написал

эпитафию и в десятке строк охарактеризовал и воздал должное этой незаурядной женщине.

«Все убивает смерть своим холодным взором;
Нинон, что целый век беспечно прожила,
Скончалась только что и в вечность отошла,
Покрыв прекрасный пол и славой и позором.
В желаниях своих границ не признавая,
Стремясь к наслажденьям всей душой,
Для дружбы преданность и верность сохраняя,
Любовь считала лишь забавою пустой,
Распутство согласив с величьем гордой Геры,
Она сумела нам наглядно показать,
Как могут в существе одном торжествовать
Минервы строгий ум и прелести Венеры».

Ли Вивьен

Настоящее имя — Вивиан Мэри Хартли (род. в 1913 г. — ум. в 1967 г.)

Знаменитая английская актриса, обладательница премий «Оскар» за роль Скарлетт О'Хара в фильме «Унесенные ветром». Вторая жена известного актера и режиссера Лоренса Оливье.

Когда Вивиан Мэри Хартли впервые увидела Герберта Ли Холмана, она сразу же была покорена его манерами настоящего англичанина, высокой, статной фигурой и обворожительной улыбкой. «Я обязательно выйду за него замуж», — прошептала она подругам. В ответ на их замечание, что Герберт уже почти помолвлен с другой девушкой, Вивиан только рассмеялась: «Пустяки, ведь он еще незнаком со мной!» Такой она была во всем — красивая, смелая, умеющая использовать свою привлекательность в нужный момент и извлечь максимум выгоды из любой ситуации, подчас не желая мириться с условностями и общественным мнением.

Шел 1932 г. За плечами Вивьен была жизнь в монастыре Святого Сердца в Гохэмптоне, куда шестилетнюю девочку отправили родители, комедийная школа в Париже. Несмотря на веселый нрав и общительность, в душе девушка была очень одинока и мечтала о семейном счастье рядом с любящим и верным супругом. За те долгие годы, которые она провела вне родительского дома, в ее воображении родился образ прекрасного принца, сочетающий в себе благородство, мужественность и интеллигентность. Этот человек должен был заменить отца, с

которым Вивиан была разлучена, умного, верного друга, способного понять и дать хороший совет, и даже в чем-то Бога, который может осуществить все мечты, найдет ее в этом мире и поставит рядом с собой. Восемнадцатилетняя Вивьен возложила все эти трудные роли на Холмана, предоставляя ему право увести ее от повседневных забот в мир грез и романтической любви. Однако будущий супруг не предполагал о подобных размышлениях своей невесты. Главным в браке он считал соответствие характеров и соблюдение приличий. Его дом должен был быть похож на прочный корабль, уверенно следующий своим курсом, а жена — стать олицетворением спокойствия и умеренности во всем, хорошей матерью будущим детям и гостеприимной хозяйкой. Герберт и не подозревал о тех испытаниях, которые послала ему Судьба в лице очаровательной Вивиан. Они встречались и были поглощены друг другом настолько, что явные расхождения во взглядах на жизнь казались лишь маленькими неприятностями.

Холман мог дать Вивиан то, чего ей так не хватало, — семейный уют, тепло и счастье. Разница в возрасте — 14 лет — не смутила молодую девушку. Спустя некоторое время после знакомства они поженились. Муж любил и оберегал свою Вивиан. Но, будучи человеком консервативным, Герберт считал, что ей следует все время посвящать семье. Он требовал от нее педантичного послушания и убеждал бросить занятия в Академии драматического искусства, куда Вивиан поступила незадолго до свадьбы, и перестать участвовать в спектаклях. Но она и не собиралась прислушиваться к его словам. Даже на последних месяцах беременности продолжала играть. Так, в спектакле по пьесе Бернарда Шоу «Святая Иоанна» Вивиан исполняла роль Жанны д'Арк. Перед глазами изумленных и восхищенных зрителей представала такая картина — на освещенной сцене стояла на коленях и молилась Орлеанская Дева с… огромным животом. Роды были тяжелыми, и Вивьен с маленькой дочкой вернулась из больницы только через три недели. «Больше никогда, — сказала она матери, — это жуткая вещь».

После рождения дочери Вивиан окончательно убедилась, что не создана для семейной жизни. Все мечты, связанные с Гербертом, рассыпались, словно карточный домик. Слишком страстно она хотела стать актрисой. Да и не могла удовлетворить молодую, умную, широко образованную женщину роль обычной домохозяйки, предложенная мужем. Она хваталась за любую работу, связанную со съемками. Сначала снялась в нескольких рекламах и киноэпизодах, а затем и в главных ролях в фильмах «Сельский сквайр» и «Джентльменское соглашение».

О ней заговорили как о молодой, подающей надежды актрисе. Главная роль в спектакле «Маска добродетели» подтвердила мнение о таланте Вивиан. Знаменитый актер того времени Дуглас Фэрбенкс говорил о ней: «Я впервые увидел ее в „Маске добродетели“ и разделял всеобщий энтузиазм, рожденный ее ошеломляющей красотой, очаровательной индивидуальностью, неповторимым тембром голоса, удивительным талантом и тем, что она, бесспорно, обладала качеством, которое Ноэл Кауард называл „классом звезды“». Премьера, сделавшая Вивиан звездой, вдребезги разбила последние надежды Холмана на спокойную семейную жизнь… Он больше не мог оказывать никакого влияния на жену, которая с головой ушла в работу и все время посвящала реализации творческих планов. Единственным воплощенным ею условием мужа был псевдоним — Герберт считал, что даме из благородного семейства не пристало выступать на сцене под своей фамилией. Слегка видоизменив свое имя и взяв вторую фамилию мужа, Вивиан Хартли превратилась в Вивьен Ли.

В 1934 г. она познакомилась с молодым и самым многообещающим актером Англии Лоренсом Оливье. Актриса была покорена его красотой и талантом. Словно в забытьи, Вивьен прошептала: «Вот человек, за которого я выйду замуж». Эти слова она произносила второй раз в жизни и в это мгновение совершенно не думала о том, что у нее есть семья, да и Оливье женат на известной актрисе Джилл Эсмонд. Он сам с первой минуты их знакомства был заворожен обаянием Вивьен. Однако их роман завязался чуть позднее — на съемках фильма «Пламя над Англией», в котором она играла роль королевской фрейлины, а он — офицера, у которого с фрейлиной роман… Любовь, так неожиданно вспыхнувшая в их сердцах, стерла грани между фильмом и реальностью. Они были настолько поглощены друг другом, что не замечали ничего вокруг. «Видеть их вместе значило видеть чудо», — говорили окружающие.

Но съемки закончились, и им пришлось расстаться. В какой-то мере оба даже хотели этого, понимая, что у их любви нет будущего. Оливье и Вивьен предприняли ряд попыток забыть друг друга. Так, Лоренс поехал со своей женой отдыхать на Капри, а Ли с другом семьи — в Рим. Но через несколько дней актриса заявила, что намерена ехать вслед за возлюбленным. Их встреча в отеле расставила все точки над «1»: оба поняли, что жизнь друг без друга не имеет никакого смысла…

Однако Холман отказался давать развод, и жена Лоренса последовала его примеру. Мать Вивьен также стала на сторону ее законного супруга и заявила, что развод — это великий грех, которому нет прощения. Почему любовь, самое прекрасное и

святое чувство на земле, — грех, это Вивьен было очень трудно понять. Ей казалось, что наконец, после долгих лет сомнений и исканий, она встретила именно того мужчину, о котором мечтала. И отказаться от этого человека ради соблюдения приличий, вернуться к нелюбимому мужу она не могла. Вивьен вступила в открытый конфликт со всеми, кто пытался убедить ее, что не следует разрушать жизнь своей семьи и семьи Лоренса. В атмосфере всеобщего непонимания Ли глубоко страдала. У нее случился первый нервный срыв. Иногда ей казалось, что она скоро поддастся на уговоры матери и друзей и вернется в семью, иногда — что ни за что в жизни не оставит Лоренса, свою самую красивую мечту. Быть может, любовь, подверженная стольким испытаниям, и угасла бы в груди другого человека, но сильная натура Ли взяла верх — она приняла решение ни за что не отступать. «Если любовь грех, то мир перевернулся», — рассудила актриса. Она прекратила посещать церковь, начала курить. Пытаясь забыть все неурядицы личной жизни, окунулась в работу, которая стала для нее своеобразным спасательным кругом среди океана всеобщего осуждения и непонимания.

Любовники часто снимались вместе, но старались ничем не выдавать своих чувств. Эта жестокая игра продолжалась несколько лет — находиться рядом с любимым человеком и делать вид, что он тебе безразличен, выходить утром из одного номера и ехать на киностудию в разных автомобилях, здороваться в павильоне кратким кивком головы… Вивьен чувствовала, что сходит с ума от горького спектакля, в который превратилась ее жизнь. Но в январе 1937 г. прошла премьера «Гамлета» с Лоренсом Оливье в главной роли. Он потребовал, чтобы роль Офелии играла Ли, и продюсеры согласились. В ходе гастролей любовники еще больше сблизились и окончательно решили не возвращаться в свои семьи. Встреча Джилл с Вивьен не принесла покинутой жене никаких результатов, а лишь убедила, что Лоренс для Ли не просто увлечение, а настоящая любовь, за которую актриса намерена сражаться до конца. И хотя Джилл, возлагая большие надежды на это свидание, взывала к материнским чувствам Вивьен и просила не лишать их с Лоренсом сына родного отца, Ли ответила решительным отказом. Больше никто и ничто не сумеет разлучить ее с любимым.

Через некоторое время Оливье купил дом в Лондоне, где поселился со своей возлюбленной. Затем они отправились в Венецию. Это путешествие принесло обоим огромную радость и стало настоящим медовым месяцем — наконец они остались вдвоем и могли, никому не известные, бродить по улочкам, любуясь старинными домами и наслаждаясь своей любовью.

Вивьен была счастлива — сбылась мечта маленькой девочки о красивом, сильном, талантливом принце, который уведет ее за собой в мир грез.

По возвращении на родину оба принялись за работу. В это время студия «МГМ» занялась подготовкой к экранизации нашумевшего романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Вивьен была абсолютно уверена, что роль Скарлетт — ее. Однако продюсер картины Дэвид Селзник не разделял этого мнения, считая, что в Голливуде могут обойтись и без Ли. Тем более не хотел он слышать об Оливье в роли Ретта Батлера. Пока актеры строили честолюбивые планы, над их головами собирались тучи. В декабре 1937 г. почти одновременно Джилл и Холман в очередной раз отказались предоставить им развод. Покинутые супруги втайне надеялись, что роман их половинок пройдет сам собой и они вернутся в семьи. Спекулируя на том факте, что у Вивьен — маленькая дочь, а у Лоренса — сын, Джилл и Герберт пытались разлучить любовников. В этой обстановке Оливье стал раздражительным и ревнивым, даже запрещал возлюбленной встречаться с дочерью. Вивьен замыкалась. Мечты снова столкнулись с реальностью, и она опять находилась на грани нервного срыва. Свое состояние актриса усердно скрывала под маской презрения ко всему и всем.

Однажды, не выдержав нахлынувшей тоски, Вивьен позвонила одному из журналистов «Таймс» и пригласила его в дом Оливье. В ходе интервью она откровенно рассказала о сложившейся ситуации. «Мой муж и его жена договорились не давать нам развода — это единственная причина нашей жизни в грехе», — сказала она. Общественность ответила молчанием, предоставив Лоренсу и Вивьен возможность самим разбираться в своих проблемах.

Селзник по-прежнему не присылал Вивьен вызов. Она активно работала, снималась в шекспировских пьесах, словно пытаясь забыть о своих проблемах. Близилась разлука с любимым, которому предложили роль в «Грозовом перевале». Лоренс сел на лайнер «Нормандия» и отплыл в Америку. Что ж, работа прежде всего, и Вивьен не собиралась его останавливать. Одиночество и чувство ненужности, а также уговоры матери вернуться к мужу постепенно разрушали упорство Ли. И быть может, она уже и не стала бы дожидаться Лоренса, но в дело вмешался Его Величество Случай. В ходе съемок Оливье сильно подвернул ногу. Узнав об этом из письма, Вивьен в одно мгновение оказалась в Лос-Анджелесе рядом с возлюбленным. Именно здесь Оливье и познакомил свою любимую с братом Селзника Майроком, который пришел в восторг от красоты и

обаяния Вивьен и конечно же помог ей получить заветную роль. Впрочем, Селзник и сам прекрасно понимал, что лучше Ли Скарлетт никто не сыграет. Смущало продюсера лишь то обстоятельство, что одна из самых стоящих ролей в американском кино достанется иностранке. Тем не менее в январе 1939 г. начались съемки. Оливье, который так добивался для Вивьен этой роли, однако, был огорчен, когда она подписала контракт, означавший новую разлуку.

А Вивьен, казалось, и не входила в образ Скарлетт, а была ею самой. Все сцены с ее участием были сыграны на одном дыхании. Премьера фильма стала настоящим событием в мире кино. «Нью-Йорк Таймс» так писал о главной героине: «Скарлетт Вивьен Ли так прекрасна, что едва ли требует от актрисы таланта, и так талантлива, что не требует от исполнительницы подобной красоты. Еще ни одна актриса не соответствовала роли в такой степени».

В феврале 1940 г. Вивьен получила «Оскара» за эту роль. Но после покорения Голливуда и прихода всемирной славы в их отношениях с Лоренсом появились первые трещинки. Он был изумлен триумфом своей возлюбленной, «не ожидал, что она способна на это». Тщеславие Лоренса было серьезно задето и тем, что его называли «Мистером Скарлетт О'Хара», и тем, что несмотря на свои успехи, он еще не обладал подобной премией…

В Европе уже шла война, когда, неожиданно для всех, Джилл и Холман решили предоставить развод своим супругам и сделали это без всяких условий. Лоренс и Вивьен сразу же поженились. Статуэтку Оскара актриса спрятала: она всеми силами старалась поддерживать в муже чувство превосходства, восторгалась его красотой и талантом, безгранично любя и веря. Когда он решил попробовать себя в качестве режиссера и поставить «Ромео и Джульетту», Вивьен поддержала его. Роль Джульетты принесла ей новый успех, а Лоренс в роли Ромео не произвел на публику никакого впечатления. «Не обращай внимания на критиков. Ты был великолепен», — утешала Вивьен мужа, который, впрочем, не нуждался в ее поддержке. Он тяжело переживал неудачу, начал пить и ругать жену, часто доводя ее до истерики. Внешне они оставались счастливой парой, и лишь одному Богу было известно, что на самом деле происходило в их сердцах.

Постепенное охлаждение мужа, его нелепое ревностное отношение к ее успехам делали Вивьен несчастной. В 1945 г. у нее обнаружился туберкулез. К этой беде вскоре прибавилась новая: во время съемок «Клеопатры» Вивьен упала и у нее случился выкидыш. Потеряв ребенка, которого они вместе с Лоренсом так ждали и который мог спасти их отношения, актриса

замкнулась, у нее началась депрессия. Прошло время, прежде чем она смогла вернуться к нормальной жизни.

Болезнь Вивьен и душевные волнения, которые переживал сам Лоренс, толкнули его на постановку «Ричарда III». Актер вложил в трагическую роль короля всю душу, все переживания личной жизни. Спектакль имел оглушительный успех. Наконец исполнилась давняя мечта Оливье — он затмил свою жену.

К весне 1946 г. Вивьен выздоровела и стала приводить в порядок свой старинный замок «Нотли». Она пыталась создать уютное гнездышко для любимого, как-то украсить и разнообразить жизнь шумными вечеринками. Гости с удовольствием посещали этот радушный дом. Прекрасные отношения сложились у актрисы и с сыном Лоренса, но все это веселье не радовало Оливье. Он часто срывал раздражение на жене. Любовь потихоньку уходила. Они все чаще ссорились, в гневе обвиняя друг друга в изменах и оскорбляя. Только на сцене оставаясь прежними, играя в любовь, они напрочь забывали о разладе в реальной жизни. Так долго продолжаться не могло.

Лоренс избегал откровенного разговора. Поговаривали, что у него появилась любовница, но Вивьен отказывалась в это верить. Понимая, что муж — человек творческий, которому необходимы новые ощущения, она допускала, что в жизни Оливье возникло несерьезное увлечение. Ей не хотелось верить в то, что их любовь, ради которой они столько пережили, прошла. Вивьен по-прежнему очаровывала зрителей, была гостеприимной хозяйкой в доме. Она улыбалась, пытаясь скрыть боль и обиду, которые поселились в ее душе. Лишь самые близкие друзья знали, как нелегко ей приходится. Мужественная женщина инстинктивно пыталась защитить себя от новой боли. Каждый раз она с надеждой заглядывала в глаза любимого, выискивая хотя бы тень былой любви. Но Оливье не вносил ясности в эту ситуацию. Похоже, что он сам еще ничего не решил.

В день сорокапятилетия Вивьен Лоренс преподнес ей два сюрприза — шикарный «роллс-ройс» и… предложение развестись. Поначалу она восприняла этот удар спокойно, но ночью стала колотить в дверь комнаты Оливье и выкрикивать ругательства. Он силой отволок ее в спальню и швырнул на кровать. Она ударилась виском об угол тумбочки… Все обошлось, но Лоренс не захотел оставаться с женой под одной крышей. Он уехал и поселился в Нью-Йорке вместе с новой возлюбленной — молодой актрисой Джоан Плоурайт, которая впоследствии стала его третьей женой.

Вивьен тяжело переживала разлуку с любимым, но, несмотря на это, нашла в себе силы и продолжала сниматься в кино, играть

в спектаклях. Позднее, переосмыслив прошлое, она сказала о своем браке: «…нельзя строить дом на песке или на несчастье двух других людей. Мы были красивы, полны амбиций, мы жили друг другом. Это было эгоистичной „экспроприацией“ и обратилось в пыль».

В конце 1960 г. они развелись. Так закончилась легенда о большой любви двух великих актеров, которая в течение долгого времени восхищала весь мир.

Вивьен прожила еще 7 лет. Она до конца оставалась веселой, жизнерадостной, ничем не выдавала своих внутренних переживаний. Болезнь, потрясение, которое она испытала после ухода мужа, подтачивали силы актрисы. Вивьен Ли умерла в 53 года. На панихиде по ней один из известнейших актеров Англии Джон Гилгуд завершил свою речь об актрисе шекспировскими строками, посвященными Клеопатре: «Что же, смерть, гордись, — Ты овладела женщиной, которой подобных нет».

Лоренс Оливье пережил Ли на 23 года и был счастлив в своем новом браке. Он обрел в лице Джоан прекрасную жену и стал отцом троих детей: Джули-Кейт, Ричарда и Теймсин. Вспоминал ли он о своей Вивьен? Никто не знает. История их отношений, в течение долгих лет завораживающая весь мир, окончилась слишком прозаично — любовь не выдержала испытаний, но навсегда осталась прекрасной сказкой о чувствах двух замечательных людей XX века.

Мадонна

Настоящее имя — Луиза Вероника Чикконе (род. в 1958 г.)

Американская поп-певица и актриса, автор книги «Секс» (1992 г.).

«Я не чародейка, но я искусна в любви.
Я буду твоим путеводным лучом
в сумраке.
Я изменю твою жизнь, я — отрава
и цветок,
Отдайся, повинуйся, отдайся
и позволь мне действовать.
Я буду любить тебя, я очарую тебя,
я научу тебя любви…»

Это слова одной песни из нашумевшего альбома Мадонны «Эротика» (1992). Его выход совпал с публикацией скандальной книги певицы «Секс». Америка, которую, казалось бы, ничем не удивишь, была потрясена откровенными фотографиями и высказываниями певицы, без стеснения раскрывшей все свои эротические фантазии. Пикантная книга в сочетании с не менее чувственной музыкой из ее альбома сделали свое дело — популярность певицы резко возросла. Мадонна в очередной раз использовала свой проверенный временем метод покорения публики — шокировала ее, приправив все скандалом.

Однако знание подобной стратегии пришло к звезде не сразу.

И не всегда ее путь был усеян розами. Свою карьеру Мадонна начинала более чем скромно.

Луиза Вероника Чикконе родилась в Америке в 1958 г. в многодетной семье итальянского эмигранта. Когда девочке исполнилось пять лет, умерла ее мать, и ей пришлось взять на себя солидную долю обязанностей по дому. Жизнь Золушки не удовлетворяла ее свободолюбивую натуру, поэтому по окончании средней школы она покинула родительский дом и с 35 долларами в кармане отправилась на поиски своей судьбы. Несмотря на юный возраст, девушка уже умела танцевать, неплохо петь, а также трезво оценивать окружающую действительность и была намерена добиться в этой жизни успеха, славы и денег — ведь она темпераментна, раскованна, знает, как понравиться мужчинам, и уверена в своей красоте. Маленький рост — 154 см — не является помехой: Мадонна считала, что ее правильные черты лица и стройная фигура — то, что может существенно пригодиться в достижении целей. Используя все свои козыри, будущая звезда принялась за дело.

В 1978 г. она поступила на хореографические курсы Элвина Эйли. Учеба стоила немалых денег, кроме того, необходимо было как-то зарабатывать на жизнь, и Мадонна, недолго думая, приняла предложения многочисленных журналов и режиссеров порнофильмов. Забыв о каких-либо комплексах, она позировала обнаженной перед камерой и пользовалась успехом.

Проучившись год у Эйли, певица устроилась на работу в диско-шоу «Патрик Хернандес», с которым выехала на гастроли в Париж. В этой поездке Мадонна познакомилась с Дэном Гилроем. Молодые люди понравились друг другу и стали встречаться, а по возвращении в Нью-Йорк организовали поп-группу «Брекфаст-клаб». Именно с этим коллективом связаны первые успехи Мадонны-певицы. Их отношения с Дэном продолжались недолго, через некоторое время певица нашла нового бойфренда, барабанщика Стефена Брэя, с которым основала новую музыкальную группу и записала несколько кассет. Удача сопутствовала молодой певице — один из сборников попал в руки известного продюсера Марка Каминса, который добился того, чтобы Лэйбл «Sire Records» подписал с Мадонной контракт. Последующие пять лет стали годами расцвета ее карьеры. Песни этой талантливой исполнительницы лидируют в хит-парадах Америки, а дебютный альбом «Мадонна» (1983 г.) попадает в Top 40. Откровенные видеоклипы привлекали внимание зрителей. Публика была восхищена новой звездой, которая, попирая чувства благовоспитанных леди и джентльменов, без стеснения проделывает на сцене и с экранов телевизоров самые смелые

вещи. Она меняет прически, наряды, цвет волос и любовников так часто, что это не укладывается в голове среднестатистического обывателя. Никогда не угадаешь, какой будет Мадонна в следующий раз — демоном, ангелом, женщиной-вамп или скромной школьницей. Ее сексуальность и энергия покоряют и вместе с тем повергают в шок. Не все критики одобряли подобную экстравагантность и раскованность, но даже самые строгие из них не могли не признать того факта, что Мадонна — красива, талантлива и, несомненно, добьется колоссального успеха в шоу-бизнесе.

Уверенная в себе, Мадонна предпринимает следующий шаг — ищет роль в более или менее серьезном фильме. В конце 1984 г. она снимается в картине «В поисках Сьюзен», где ей предоставляется очередная возможность продемонстрировать свои внешние данные и раскрепощенность. Через несколько месяцев певица принимает участие в съемках фильма «Шанхайский сюрприз», во время которых знакомится с известным «голливудским кумиром» Шоном Пенном. Чем именно покорил этот задира сердце своенравной поп-дивы, понять трудно. Как говорила сама Мадонна: «Когда я смотрела на него, прищурив глаза, мне казалось, что он похож на моего отца в молодости». Возможно, это стало одной из причин начала их романтических отношений. Быть может, Шон привлек певицу своей развязностью, свободолюбием? Они в чем-то напоминали друг друга: оба страстные, смелые, раскрепощенные. Шон ненавидел журналистов и набрасывался на них даже в присутствии своей невесты. Он страшно ревновал Мадонну к этим «писакам», постоянно кружившим вокруг звезды. Однажды чуть не перевернул вагончик, в котором Мадонна давала интервью одному из корреспондентов. Сцена прекратилась лишь тогда, когда перепуганная певица выскочила из своего ветхого убежища и успокоила любимого.

Несмотря на то что Шон обожал скандалы, выпивку и оружие, Мадонна все-таки согласилась выйти за него замуж. Ее неудержимо влекло к этому, без сомнения, талантливому, но вместе с тем дикому и необузданному мужчине. Их свадьба также ознаменовалась громким скандалом. По задумке влюбленной парочки, на торжестве должны были присутствовать лишь самые близкие люди. Однако вездесущим журналистам совершенно не хотелось упускать возможность поприсутствовать на таком мероприятии или хотя бы сделать несколько фотографий. Шон разработал хитроумный план защиты от непрошеных гостей, но папарацци удалось обмануть его. В самый трогательный миг, когда молодые обменивались обручальными кольцами, над их

головами раздался рокот нескольких вертолетов. Словно гигантские стрекозы, они нависли над изумленными участниками церемонии. Тогда супруги Пенн спустились на пляж и стали выводить на песке ругательства, адресованные назойливым фотокорреспондентам. Когда и это не помогло, разгневанный Шон выхватил револьвер и разрядил его в вертолеты, страшно ругаясь и сожалея, что не удалось сбить хотя бы одну летающую машину. Свадьба надолго запомнилась всем присутствующим, а экстравагантные кадры украсили ведущие журналы мира.

Практически с первого дня совместной жизни супруги начали выяснять отношения. Пенна серьезно задевал тот факт, что его жена намного знаменитей и богаче его. Он решил во что бы то ни стало заставить ее отказаться от карьеры и посвятить себя семье, родить ребенка. Но певица не слушала мужа. Она считала, что ребенок может навредить планам и испортить фигуру. Мадонна не собиралась ничего менять в своей жизни даже во имя любви. Как и раньше, она прежде всего думала о бизнесе, новых проектах. Постоянные ссоры заставили ее искать развлечений на стороне, и певица завела себе… любовницу — Сандру Бернхард. Шон был разъярен. Если бы она встречалась с другим мужчиной, то это было бы оскорблением для него, но у всех на глазах флиртовать с девушкой, целоваться с ней и меняться нарядами, — такого Шон не мог понять и простить своей любимой. Их семейная жизнь была похожа на корабль среди бурного океана. В минуты примирения они клялись, что все изменят, бросят случайных любовников. Они все-таки продолжали любить друг друга. Однако и в самые страстные мгновения Мадонна не забывала принять противозачаточную таблетку. Это жутко возмущало Шона, и на следующий день все вновь повторялось: скандалы, разбитая посуда, сломанная мебель…

Рождество 1989 г. стало настоящим кошмаром для Мадонны. Проведя сочельник с какой-то стриптизершей, Шон приехал в дом своей жены в Малибу пьяным и в очередной раз стал выяснять отношения. Поведение Мадонны настолько разъярило его, что он крепко связал певицу и в течение нескольких часов бил и истязал ее, подогревая себя новыми порциями алкоголя. Каким-то чудом освободившись, она выскочила из дома и заперлась в автомобиле, откуда и вызвала полицию. Полицейские примчались и разоружили разбушевавшегося супруга, после чего отвезли его в участок.

Через неделю Мадонна подала прошение о разводе, и суд удовлетворил его. Пытаясь забыть любимого мужчину и свой неудачный брак, она с головой окунулась в работу, а чтобы

развлечь себя, купила великолепный особняк, расположенный высоко на Голливуд-Хиллз, и занялась его обустройством в соответствии со своими вкусами.

Певица, как всегда, осталась верна себе: дом изобилует дорогими картинами ведущих абстракционистов. Продолжая эпатировать публику, Мадонна развесила по всем стенам изображения обнаженных людей в самых причудливых позах. Посещение подобной галереи, по утверждению поп-звезды, является своеобразным тестом для любого гостя. Если кому-либо не нравятся подобные вещи, то он не может быть другом певицы. Люди, окружающие ее, должны быть свободными и уметь выражать свои желания, а секс, по мнению певицы, — лучший способ это сделать.

Немного успокоившись после развода, Мадонна всерьез задумалась над изменением своего имиджа. Вызывающие наряды и экстравагантные прически, кожаное белье, цепи и похабные выражения стали уступать место шикарным вечерним платьям и красиво уложенным белокурым волосам. Поп-звезда на глазах превращалась в настоящую Мэрилин Монро. Как бы для того, чтобы полностью «войти в роль», она закрутила роман с Джоном Кеннеди — сыном убитого президента США. Но на самом деле не все было так просто, как Мадонна хотела представить. Ей уже давно хотелось стать дамой из высшего общества, а сделать это можно только с помощью самого видного жениха Америки. Она решила заполучить Кеннеди, родив от него ребенка, но это оказалось очень сложным предприятием. Кеннеди в объятиях Мадонны не терял головы и всегда предохранялся. Кроме того, он встречался с другими женщинами и всячески давал понять поп-диве, что ее мечтам не суждено осуществиться. В свою очередь его мать, Жаклин Онассис, была категорически против этого брака. Она сыграла немаловажную роль в том, что летом 1990 г. Джон Кеннеди предложил Мадонне положить конец их отношениям.

У певицы не было ни желания, ни времени горевать по поводу этого разрыва. Она снова прибегла к старому средству — работе и начала сниматься в боевике «Дик Трейси». На съемочной площадке актриса познакомилась с одним из известнейших актеров и режиссеров Голливуда Уорреном Битти. Они стали любовниками. Битти был почти в два раза старше Мадонны, но это ее не смущало. В душе певицы давно поселилось жгучее желание родить ребенка от приличного человека. Но Уоррен, как и Кеннеди, не разделял ее планов. Актриса решила не углубляться в эти бесперспективные отношения и отправилась в турне. И если раньше она слыла сексуальной революционеркой,

то на этих гастролях превзошла саму себя. Словно придя к выводу, что от мужчин нет никакого толку, Мадонна возобновила отношения со своей давней подружкой — лесбиянкой Сандрой Бернхард, а кроме того, практически каждый день меняла любовников, среди которых были как состоятельные люди, так и негры из беднейших нью-йоркских кварталов. На сцене певица также вела себя вызывающе, черпая энергию из благородного возмущения пуритан. Чего стоило только сожжение ею креста, получившее грозные отповеди со стороны Ватикана. Кажется, нет ничего такого, что бы не могла она вытворить. Там, где появлялась Мадонна, — обязательно возникал скандал. Но оргии в компании «голубых» и «розовых», недвусмысленные высказывания и смелые выходки уже не приносили ей удовлетворения. Тогда-то она и снялась в скандально-знаменитом документальном фильме «В постели с Мадонной» и выпустила книгу «Секс». Многие осуждали после них певицу. Но эти нападки она объясняет так: «Меня наказывают, потому что я незамужняя женщина, потому что я сильна, потому что я богаче, потому что я сексуальна и потому что я говорю то, что думаю. Я не делаю ничего особенно отличного от того, что делают другие, но я говорю об этом… меня обвиняют, потому что моя жизнь сексуальна, потому что я этим удовлетворена и говорю об этом».

Лишь только улеглась шумиха вокруг книги и фильмов, Мадонна снова стала задумываться над тем, что пора родить ребенка. Она составила список из 10 претендентов на роль отца ее малыша. Среди них оказались и Ричард Гир, и Хью Грант, и Антонио Бандерас. Перепробовав практически всех, разочарованная Мадонна пришла к выводу, что белые мужчины ни на что не годны, и принялась, по ее словам, искать «жеребца другой масти». Но и знаменитый баскетболист негр Деннис Годман надежды ее не оправдал.

Вконец расстроенная, в 1996 г. она приступила к съемкам фильма «Эвита», в котором играла главную роль, и вдруг неожиданно для себя поняла, что беременна. И что самое интересное, отцом родившейся вскоре дочери Мадонны, Лурдес, стал ничем не примечательный человек — тренер певицы, кубинский велосипедист Карлос Леон. Именно он выполнил ту роль, с которой не могли справиться именитые претенденты. А поскольку надобности в нем уже не было, Мадонна отказала ему в отцовских правах.

В августе 2000 г. певица родила сына Рокко, а в декабре того же года вышла замуж за его отца, британца Гая Ричи. Материнство и брак с талантливым кинорежисером, который снял ее в нескольких своих фильмах, смягчили имидж Мадонны,

но не изменили ее желания продолжать эпатировать публику. Она, как и прежде, совершенно спокойно может прокатиться на велосипеде совершенно обнаженной.

Без сомнения, Мадонна — одна из ярких женщин нашего времени. Открытая, смелая, сексуальная, она с головой бросается в самые рискованные предприятия и выходит победительницей из любых передряг. Она живет так, как считает нужным, находясь в гармонии с собой. Мадонна называет себя «сексуальной революционеркой», пропагандирует свободу во всем, в том числе и в любви, которая может изменить человека и сделать его счастливым. Об этом и многом другом она пишет в своей новой книге «Мадонна говорит».

Маргарита Валуа

(род. в 1553 г. — ум. в 1615 г.)

Дочь Генриха II и Екатерины Медичи.

С 1572 г. — жена короля Наваррского. Наиболее темпераментная и бесстыжая королева Франции с огромным «послужным списком» любовников.

«Господь в своем творении начал с меньшего и несовершенного, а кончил большим и совершенным. Он создал мужчину после других тварей, женщину же сотворил после мужчины, поэтому она является более совершенной и ей принадлежит право на свободу выбора в любовных отношениях», — так писала королева Марго в одном из своих писем, обосновывая права прекрасной половины человечества на свободную любовь и самовыражение. Ее считали одной из первых феминисток, потому что как бы ни складывалась жизнь королевы, она всегда выступала за независимость женщин и оставалась верна своим принципам и пристрастиям. Роль рабыни, беспрекословно выполняющей волю мужа-господина, была противна Маргарите. Следовать велениям своей души и тела — только таким способом, по ее мнению, можно раскрыть свою сущность.

Несомненно талантливая, красивая и обаятельная, эта женщина одним своим взглядом могла воспламенить любого. О Марго говорили, что она обладает скорее божественной, нежели человеческой красотой и создана для погибели мужчин, которые сходили с ума от ее темных волос, глаз цвета черного янтаря и

ослепительно белой кожи. Сама королева вполне осознавала свою привлекательность и умело использовала ее в достижении нужной цели, завораживая и покоряя мужчин, а нередко доводя до безумства и гибели.

Многочисленные любовники, однажды познав ласки страстной королевы, уже никогда не могли ее позабыть. О встрече с ней мечтали герцоги, принцы, послы, поэты, офицеры, но Маргарита отдавала предпочтение только самым блестящим кавалерам, красивейшим и нежнейшим поклонникам, таким же темпераментным и ненасытным в любовных ласках, как и она сама.

Маргарита Валуа родилась 14 мая 1553 г. в одной из королевских резиденций Сен-Жермен-ан-Лей. В шестилетнем возрасте девочка осталась без отца — он погиб во время рыцарского турнира. Весь груз забот о государственных делах и судьбе семьи лег на плечи вдовствующей королевы Екатерины Медичи, которая была достаточно властной и жестокой женщиной, непреклонной защитницей интересов династии. Занятая государственными проблемами, она все же позаботилась о том, чтобы четверо ее сыновей и единственная дочь получили соответствующее их положению воспитание и образование. С Маргаритой занимались лучшие учителя того времени. Латыни, математике и физике ее обучал профессор Сансского коллежа месье Миньон. Выдающийся поэт Пьер Ронсар умело руководил первыми опытами принцессы в области стихосложения. Не менее известный музыкант Этьен де Руа обучал ее пению, а придворный шут Поль де Реде — танцам. И нужно сказать, труды их не пропали даром. Девочка с удовольствием читала и музицировала, решала задачи и пела. А сложение стихов доставляло ей особое удовольствие. Спустя много лет Маргарита будет создавать прекрасные стансы и посвящать их своим возлюбленным. Она станет настоящей жемчужиной французской короны, ибо ее красота, ум, элегантность и таланты будут вызывать восторги не только пылких юношей, но и умудренных опытом мужчин. Но это — в будущем. А пока девочка покоряла своим живым умом и любознательностью лишь строгих учителей, схватывая на лету их объяснения.

Екатерина Медичи всячески поощряла и поддерживала все увлечения дочери. Но детство Маргариты было отнюдь не безоблачным. На ее глазах разыгрывалась страшная гражданская война, в которую было втянуто практически все население Франции — война между католиками и протестантами, сотрясавшая страну почти полстолетия. Под влиянием этих событий люди, окружающие юную принцессу, становились год от

года все более завистливыми и недоверчивыми. Подозрительность и недоброжелательство царили и в кругу королевской семьи.

После гибели отца на французский трон взошел старший брат Маргариты — Франциск. Но ранняя смерть оборвала и его правление. Преемником Франциска стал Карл-Максимилиан, а два других брата и сама Маргарита должны были искать удачу вне французского королевского дома. Что касается принцессы, то она изначально не имела права на престол — ведь он наследовался только по мужской линии. Семейные невзгоды, постоянные интриги, невольной участницей которых она становилась, ускорили ее взросление. Марго много размышляла о происходящих вокруг событиях и делала свои выводы. Вражда между братьями повергала ее в глубокое отчаяние. Екатерина Медичи то отталкивала, то приближала к себе дочь, которой часто приходилось исполнять роль придворного дипломата, пытающегося наладить взаимоотношения в семье.

Между тем красота Маргариты проявилась очень рано. Она сочеталась с чрезвычайным темпераментом, из-за чего злые языки часто обвиняли ее в том, что первый любовник появился у нее в одиннадцать лет. К тому же поговаривали о любовных связях принцессы с родными братьями — Карлом, Генрихом и Франциском, что являлось верхом бесстыдства и вело к кровесмешению. Но было ли это на самом деле — трудно сказать. Известно лишь, что первая настоящая любовь пришла к Маргарите, когда ей исполнилось восемнадцать. Возлюбленным молодой девушки стал ее кузен, герцог Генрих де Гиз — двадцатилетний красавец и блестящий кавалер. Молодые люди всем сердцем полюбили друг друга и не скрывали чувств, целиком отдаваясь своей страсти. Совсем потеряв какую бы то ни было стыдливость, забыв о необходимости соблюдать приличия, они наслаждались своей любовью, предаваясь любовным утехам в самых неожиданных местах — в саду, на лестнице и даже в коридорах Лувра, где их неоднократно заставали придворные. Маргарита была счастлива и мечтала о свадьбе с Гизом, который стал первым претендентом на ее руку. Однако такое положение дел не устраивало Екатерину Медичи. В предложении пылкого любовника дочери она усматривала амбиции дома Гизов и ответила решительным отказом. Закрывая глаза на любовные похождения Маргариты, вдовствующая королева понимала, что между развлечениями в саду и государственными делами — огромная пропасть. Замужество же Маргариты было чрезвычайно важным вопросом, который мог решить многие политические проблемы французского двора. Красота и ум принцессы делали ее

завидной невестой, своеобразным товаром, который надлежало продать по наиболее выгодной для Франции цене. Поэтому Екатерина Медичи была разборчива в выборе мужа для дочери. Ей не хотелось принять поспешное неправильное решение. Отказ матери стал для Маргариты настоящей трагедией — с ее мнением не посчитались, грубо разрушили мир ее первой любви, разлучили с Гизом. Екатерине Медичи пришлось долгие часы провести в комнате дочери, успокаивая и уговаривая ее согласиться на разлуку с любимым, доказывая, что для члена королевской семьи государственные интересы должны стоять выше личных. Наконец, Маргарита согласилась. Но она твердо решила для себя, что, жертвуя своим счастьем, никому не позволит отобрать у нее право на свободу чувств и желаний. Отныне она всегда будет руководствоваться этим принципом.

Один вариант замужества сменялся другим. Среди претендентов на руку принцессы были: дон Карлос — старший сын испанского короля Филиппа II, сам Филипп II, принц Себастьян — сын португальской королевы и многие другие. Но Екатерина Медичи остановила свой выбор на Генрихе Наваррском, сыне королевы Наварры Жанны д'Альбре и кузене Маргариты. Брак с протестантом был похож на компромисс в борьбе между католиками и протестантами, кроме того, сулил корону наследнице французского дома. Маргарита не испытывала никаких чувств к наваррцу, но долг требовал самопожертвования, и она дала согласие на брак, сохранив за собой при этом право на свободу чувств, желаний и вероисповедания. «Я согласна и буду повиноваться супругу и его матери в разумных вещах, но не сменю веры, в которой была воспитана, даже если мой муж станет монархом всего мира», — ответила Маргарита будущей свекрови, предпринявшей попытку убедить принцессу принять веру мужа.

Союз Марго и Генриха Наваррского стал настоящим событием для Франции. «Наша свадьба, — писала невеста в своих мемуарах, — совершалась с таким триумфом и великолепием, как никакая другая, король Наварры и его свита были в богатых и красивых одеяниях, а я — по-королевски — в бриллиантовой короне и горностаевой пелерине, трен моего голубого платья несли три принцессы. Свадьба совершалась по обычаю, предусмотренному для дочерей Франции». Придворный праздник по этому случаю удался на славу. Казалось, ничто не могло омрачить всеобщего ликования и состояния какой-то надежды на будущее, конец гражданской войны и распрей среди членов правящей династии. Но в ночь с 20 на 21 августа 1572 г. разыгралась страшная трагедия, вошедшая в историю под названием Варфоломеевской ночи — кровавая расправа

католиков над прибывшими на свадьбу вместе с Генрихом Наваррским гугенотами. Своего мужа и его приближенных Маргарита спрятала в покоях и тем самым спасла их жизни.

Семейная жизнь королевы Марго с первых дней складывалась неудачно. Политические интриги сделали ее титул чисто номинальным. «Королева без королевства», — часто с горечью думала Маргарита, понимая, что Екатерина Медичи проиграла эту партию и замужество не принесет никаких политических выгод. Это лишь угнетало молодую королеву — брак, заключенный по расчету, не давал никакого удовлетворения и не оправдывал себя. Отсутствие любви и какого бы то ни было влечения к мужу сделали пыткой исполнение супружеских обязанностей. Маргарита никому не признавалась в своих страданиях и в условиях невозможности развода пыталась как можно лучше играть роль супруги. С каждым днем эти бесплодные отношения между Генрихом и его молодой женой ухудшались. Нет, между ними не было ненависти, но чувство безысходности и ощущение того, что рядом — абсолютно чужой человек, которому никогда не стать близким и любимым, не покидало супругов. Они решили положить конец своим страданиям и не стеснять друг друга в выборе любовников. Каждый вечер чета отправлялась вместе в королевскую опочивальню и укладывалась спать в разные кровати, думая о своем. Наконец, между ними установились деловые и даже дружеские отношения. Супругов объединяли интересы страны и народа, они могли часами обсуждать политические вопросы, но сердца их принадлежали другим. У Генриха появились многочисленные фаворитки, а Маргарита продолжала блистать при дворе, участвовать в многочисленных балах и маскарадах. Ею любовались, восхищались ее красотой и манерами. Мужчины стремились завоевать ее расположение, поэтому выбрать нового любовника не составляло для королевы труда. Предпочтение она отдала Жозефу Бонифацио сеньору де Л а Молю, красивому и статному провансальцу, блестящему поклоннику и дамскому угоднику. Когда он впервые увидел ее на балу в элегантном платье, то сразу влюбился. На его страстный взгляд Маргарита ответила ослепительной улыбкой, подошла и взяла за руку. Через некоторое время у придворных появился очередной повод для сплетен — новая любовная связь королевы. Любовники не стеснялись в проявлении своих чувств, и часто Екатерина Медичи, проходя мимо комнаты Маргариты, откуда доносился шум, только осуждающе качала головой.

Любовь приносила Марго колоссальное удовлетворение. Она была достаточно изобретательна и проявляла в постели все свое

мастерство, лишая рассудка своих поклонников. Утонченным ласкам королева училась у астрологов, изучала древние книги. Для всех любовников она заказывала у придворного повара остро приправленные блюда, разжигающие желание и повышающие мужскую силу. Желая похвастаться белизной кожи, королева велела горничной застилать постель черным муслином. Ла Моль был настолько опьянен ее ласками, что совершенно потерял голову и однажды поведал своей любовнице о заговоре, в подготовке которого помогал Генриху Наваррскому. Маргарита, помня о своем долге, обо всем рассказала Екатерине Медичи. Через некоторое время Ла Моля казнили и Марго осталась в одиночестве.

Но пылкая королева и не помышляла о том, чтобы проводить свои дни в горьких раздумьях. В ее жизни появлялись все новые и новые любовники, как правило, бравые красавцы, славившиеся неистощимой мужской силой. В их объятиях она забывала о сложных взаимоотношениях в семье — с Генрихом Наваррским возникли новые проблемы. Отвергнутый супруг, который проводил время не хуже Маргариты и, казалось, соперничал с ней в количестве внебрачных связей, вдруг заговорил о необходимости иметь наследника. Свободная любовь, которую исповедовала королева, никоим образом не была совместима с материнством. Но Маргарита всерьез задумалась о ребенке — под угрозой находилось ее положение королевы. Однако приговор придворных врачей был неумолим: Маргарита бесплодна и никогда не подарит королю наследника. Ранее поощрявшая супруга на любовные приключения, Маргарита стала ненавидеть всех его любовниц, которые могли родить и подталкивали Генриха на развод с бесплодной женой. Королева не только стала участвовать в придворных интригах, но и сама частенько разжигала новые дворцовые войны. Но судьба уже готовила новый удар — Генрих Наваррский бежал из Лувра, оставив жену в качестве заложницы в родной семье. Проведя два года в столь шатком положении и досыта насладившись своими поклонниками, Маргарита отправилась к супругу в Нерак.

Старый замок Генриха Наваррского не отличался уютом и роскошью, которые так любила Марго, поэтому она с воодушевлением принялась за благоустройство своей обители. Королева привлекла в замок весь цвет протестантской интеллигенции. В ее салоне собирались известные поэты и философы, дипломаты и певцы. Очень скоро люди, окружавшие Генриха Наваррского, — некогда строгие и суровые в проявлениях своих чувств, вошли во вкус веселых балов и свободной любви, проповедуемой Маргаритой. Маскарады,

пикники и литературные вечера стали привычными в замке короля Наварры, а у королевы появился новый любовник — герцог Булонский. Развлечения, которые устраивала молодая пара, требовали больших денежных затрат, но Маргарита не собиралась обращаться за средствами к мужу, предпочитая одалживать необходимые суммы у бесчисленных поклонников, причем некоторые из них из-за непривлекательной внешности или в силу своего возраста не подходили на роль любовников. В то время как королева развлекалась с молодыми мужчинами, более пожилым поклонникам приходилось разоряться, втайне надеясь на взаимность и понимая, что этой мечте не суждено осуществиться. Один из них, вконец обиженный таким положением вещей, отправился в Лувр и рассказал брату королевы, Генриху III, о разврате, царящем в замке наваррца.

Маргарите было приказано срочно вернуться в Париж. Королева не без сожаления рассталась с любовниками и отправилась домой. Ее встретили холодно и, спустя некоторое время, снова решили отправить к мужу. Однако Генрих Наваррский попытался извлечь из этой ситуации максимум выгоды: он требовал компенсации за прием Маргариты, заставляя ее пребывать в унизительном ожидании окончания переговоров. Но она не поддавалась унынию и, бросив вызов противоборствующим сторонам, устремилась в Ажан, в стан противников обоих королей. С этого момента начался новый этап в жизни Маргариты Валуа — этап долгих скитаний из одного замка в другой. Генрих III разгромил мятежников, а свою сестру, словно преступницу, доставил в замок в Уссоне.

За спиной Маргариты в это время плелись многочисленные интриги, Генрих Наваррский, подстрекаемый своими фаворитками, стремился оформить развод, Екатерина Медичи подумывала о том, чтобы заточить дочь в монастырь. Но судьба распорядилась иначе — свое заключение в замке Уссон Маргарита превратила в настоящий праздник. Однажды утром она попросила передать маркизу де Канильяку, губернатору Уссона, что желает поговорить с ним. Придя в покои королевы, де Канильяк застал ее в постели почти обнаженной. Маркиз был сражен наповал столь дерзкой выходкой очаровательной пленницы, влюбился в нее и стал для Марго не только любовником, но и преданным рабом. Он выполнял малейшие прихоти своей возлюбленной. Маргарита со всей страстью отдалась любовным забавам, не забывая о творчестве. В короткий период ей удалось преобразить мрачный замок. Обожавшая чтение, она пополнила библиотеку сочинениями известных писателей и превратила свою обитель в новый Парнас, приглашая

в созданный ею салон поэтов, философов и художников. Излюбленной темой бесед стала природа любви, которая всегда интересовала королеву. Она активно защищала единство души и тела, полностью отрицая невинную любовь.

В Уссоне Маргарита узнала о смерти своей матери и об убийстве брата, Генриха III. К престолу уверенно шел ее муж, который для достижения своей цели не брезговал и вероотступничеством. Маргарита, умудренная жизненным опытом, поняла, что борьба окончена и нет смысла сражаться с более сильным противником. Она немедленно дала согласие на развод и объявила себя сторонницей нового короля. В благодарность за это Генрих IV изъявил желание стать настоящим покровителем для бывшей жены — ей были оставлены все титулы и земли, а также пожалован приличный пенсион. Кроме того, Маргарите предоставили право построить свою резиденцию напротив Лувра. Ее двор по-прежнему привлекал к себе поэтов и музыкантов, а также философов, которые посвящали королеве свои труды. Но, увлекаясь науками и искусством, она не забывала, впрочем, и о плотских наслаждениях. В объятиях стареющей королевы оказывались то страстные пажи, то влюбленные певцы.

Годы изменили Маргариту, превратив эту некогда красивую женщину в грузную даму. Только прекрасные карие глаза и привычка роскошно одеваться выдавали в ней бывшую красавицу.

В последние годы жизни Маргарита Валуа много внимания уделяла посещению церкви и благотворительности. Предметом ее особой заботы стали обитатели тюрем и госпиталей. Она никогда не отказывала людям, нуждавшимся в помощи, оставаясь для всех милостивой и доброй королевой.

В конце 1613 г. Маргарита заболела воспалением легких и уже не смогла оправиться. Через полтора года — 27 мая 1615 г. королева умерла.

Последняя из династии Валуа осталась в памяти потомков такой, какой она и была при жизни — любвеобильной, веселой и грустной, страстно любящей и до глубины души ненавидящей. Покровительница науки и искусства, она всегда оставалась верна себе и своей философии плотской любви.

Мата Хари

Настоящее имя — Маргарет Гертруда Зелле, в замужестве Мак-Леод (род. в 1876 г. — ум. в 1917 г.)

Скандальная экзотическая танцовщица, «кровожадная пожирательница мужчин» и их состояний, авантюристка экстракласса, чье имя стало нарицательным синонимом женского шпионажа.

«Я прочел все, что было написано о знаменитой танцовщице-шпионке, но ничуть не продвинулся в своем расследовании. Я до сих пор не знаю, что именно сделала Мата Хари. По правде говоря, никто не знает, что сделала Мата Хари! Спросите любого рядового француза, спросите французского интеллигента, в чем заключается преступление Мата Хари, и вы обнаружите, что он этого не знает. Но он абсолютно убежден в том, что она виновна, хотя и не знает, почему», — написал французский журналист П. Аллар, внимательно изучив материалы по обвинению этой женщины в шпионаже почти через два десятилетия после ее казни.

Вот уже 85 лет сторонники и противники Мата Хари ведут споры и выдвигают различные доводы и аргументы. В последнее время большинство все же склоняется к мнению ее обвинителя во время слушания дела — Андре Морне, считавшего, что «показаний не хватило даже для того, чтобы отстегать кошку». Но, тем не менее, Мата Хари, которую больше всего на свете интересовали богатые любовники, собственный комфорт, признание публики и материальная независимость,

безоговорочно остается в списке роковых женщин. Ее сексуальная привлекательность и раскрепощенность были приравнены мужчинами к силе военного оружия. Они, конечно, больше осведомлены в этом вопросе. Ведь это мужчины высоко оплачивали ее сексуальные услуги, вербовали как шпионку-соблазнительницу, а затем обвинили и расстреляли по законам военного времени. Они же создали потом миф о величайшей преступнице XX века. Впрочем, Мата Хари сама срежиссировала свою судьбу.

Будущая зачинательница страстных эротических танцев и стриптиза Маргарет Гертруда родилась в августе 1876 г. в Леувардене, на севере Голландии, в семье Адама Зелле, преуспевающего мастера женских шляпок, и Атье ван дер Мелен. Отец баловал единственную дочь. Она росла прехорошенькой и сдержанным поведением не отличалась. В 1891 г. умерла мать. Обанкротившийся к тому времени отец завел новую семью, а дочку отправил к строгому крестному отцу, господину Виссеру, в Снек. Здесь Маргарет почти сразу отличилась. Директор школы стал жертвой ранней сексуальной притягательности своей ученицы: он поддался соблазну и совратил 15-летнюю девочку. Учебу ей пришлось оставить, но Маргарет из этого события сделала только один вывод: замечательные физические и внешние данные обеспечивают ей власть над мужчинами.

Девушку угнетал постоянный надзор, и, чтобы зажить самостоятельно, она решила срочно выйти замуж. Среди многочисленных газетных объявлений ей приглянулось письмо от «молодого, красивого, отважного офицера с великолепным будущим», который искал спутницу жизни. Через шесть дней после знакомства они обручились, а через четыре месяца обвенчались (1895 г.). Правда, Рудольф Мак-Леод оказался лысеющим, любящим выпивку и женщин нахалом без финансовых перспектив и был старше 19-летней новобрачной на 22 года. Он-то и жениться не собирался, а лишь поразвлечься во время отпуска, но удивительная сексуальная самоуверенность и откровенная чувственность Маргарет вскружили ему голову. Рудольф попался и в течение девяти лет супружеской жизни сгонял злобу на жене.

Молодая семья отправилась в далекую Голландскую Ост-Индию к месту службы Мак-Леода. Через полтора года родился сын Норман Джон (1897 г.), а спустя год — дочь Жанна-Луиза, которую чаще звали Нон. Жизнь, по отзывам обеих сторон, была сплошным кошмаром. Рудольф не стеснялся в выражениях: «вонючая нахалка», «негодяйка с растленной душой», «кровопийца» — так он отзывался о жене в письмах к своей

сестре. Сам же вел себя как ему заблагорассудится. Его приятель Б. Верстер признавался, что и после женитьбы Мак-Леод продолжал навещать проституток и даже заразил жену кожной болезнью, от которой ее тело покрылось язвами.

«Поведение госпожи Мак-Леод, несмотря на многочисленные грубые публичные оскорбления, оставалось безупречным… Ее брак с неуравновешенным, легко возбудимым Мак-Леод ом был обречен на неудачу», — констатировал их домашний врач Рельфзем. Конечно, Маргарет вовсю строила глазки увивающимся вокруг нее офицерам, но не больше. А вот как мать она не состоялась. Рудольф же был заботливым и любящим отцом. Он тяжело перенес смерть сына. Это была странная история. Нянька из местных жителей (или ее любовник) подсыпала всей семье какой-то яд, но умер только Норман. Большинство посвященных считали, что это была месть за то, что хозяин забрался в ее постель.

После этой трагедии трещина между супругами превратилась в пропасть. Мак-Леод беспробудно пил, бил жену, угрожал расправой. Маргарет находилась в полной материальной зависимости от мужа. Покинуть острова Ява и Суматра и вернуться в цивилизованную Европу она не могла. Наконец Маргарет надоело быть примерной супругой, и она стала совращать одного молодого офицера за другим. Они соперничали за право обладать женой сослуживца. Постоянные скандалы не устраивали командование, и капитан Мак-Леод в 1901 г. был отправлен в Голландию.

Семья поселилась в Амстердаме. Жизнь по-прежнему не складывалась. В один из августовских дней 1902 г. Рудольф вышел с дочерью на прогулку и больше к Маргарет не вернулся. Она, не долго думая, уехала в Париж и попыталась стать натурщицей. Но ее красивое гибкое тело почему-то не вдохновило художников, а известный импрессионист Гийоме назвал ее грудь «плоской». Может быть, поэтому, даже полностью обнажаясь, она никогда не открывала грудь, прикрывая ее пластинами филигранной работы в виде ракушек.

Вторую попытку покорить Париж Маргарет предприняла в 1904 г. Вначале она устроилась в школе верховой езды при знаменитом цирке Молье. Он же посоветовал ей воспользоваться преимуществами своего тела, роста (175 см), красоты и раскованности, а также знаниями обычаев и танцев Востока. В Европе в это время был настоящий бум на все восточное, и танцевальный дебют «леди Мак-Леод» в шикарном парижском салоне мадам Кириевски имел феноменальный успех. Маргарет построила танец на слиянии экзотики и эротики. Избранные

гости с восторгом наблюдали, как под завораживающую музыку двигалась в ритуальном танце женщина, вся укутанная в газовые покрывала различных цветов, которые символизировали «красоту, любовь, целомудрие и страстность». И в танце она передавала эти чувства. Покрывала в неистовстве слетали, гирлянды цветов ложились под ноги, и перед зрителями и статуей Будды замирала в экстазе прекрасная обнаженная женщина.

И если Айседору Дункан именовали «весталкой», то Маргарет — Венерой. Но это имя не подходило для восточной танцовщицы. Один из ее поклонников, богатый промышленник и владелец музея искусства Востока, мсье Гиме не только помог ей в становлении карьеры, но и в выборе подобающего имени. Мата Хари — «око дня», «рассвет», «глаз утренней зари» или просто «восходящее солнце». С завидной легкостью Маргарет отбросила свою прежнюю биографию и всей кожей вросла в новую легенду. Теперь Мата Хари заявляла о себе то как о яванской дочери европейских родителей, то как о дочери 14-летней храмовой танцовщицы из Джаффиапатаина в Южной Индии, умершей во время родов. Она поведала, что ее вырастили жрецы храма в Канда Свани, и уже в 13 лет она обнаженная исполняла ритуальные танцы в храме. А затем в нее влюбился английский офицер и увез в Европу. Если у кого-то и возникали сомнения в правдоподобности этих фактов, то, увидев чувственные выступления Мата Хари, раскрепощенность поз и «священный экстаз», они уже не сомневались. Вот когда Маргарет пригодилось увлечение на островах представлениями яванских баядер из групп Сусухана Солоса и султана Джогджа!

Полное перевоплощение Мата Хари состоялось 13 марта 1905 г. в Музее Гиме. Нагая, она танцевала среди восточных статуй и сокровищ, и казалось, ее вели незримые языческие духи. В течение этого года Мата Хари 30 раз выступала в избранных салонах Парижа, в домах барона Ротшильда и знаменитой актрисы С. Сорель и даже перед королевскими особами.

Эротические танцы с элементами стриптиза были возбуждающей новинкой и принесли Мата Хари скандальную славу и богатых любовников. Париж был покорен. Вслед за ним склонился Мадрид (1906 г.). Ее выступления в опере Монте-Карло в балете Ж. Массне «Королева Лахора» пользовались огромным успехом. «Я был счастлив, когда видел, как она танцует», — писал стареющий Жюль Массне, а Джакомо Пуччини присылал после каждого спектакля цветы. Оба композитора пополнили список ее любовников. Теперь Маргарет делала то, что хотела, ибо была абсолютно свободна: она получила официальный развод с мужем и дочери тоже была не нужна.

В августе 1906 г. Мата Хари с успехом гастролировала в Берлине, а в сентябре — в Вене. Иногда, уступая протестам церкви, она была вынуждена прикрывать тело облегающим трико. Кстати, все парижские суды также вынесли запрет на танцы в обнаженном виде, но это не коснулось Мата Хари. Ее не преследовали, во-первых, как яванскую танцовщицу, а во-вторых, она обзавелась таким количеством высокопоставленных любовников, что власти не могли к ней подступиться. Среди ее поклонников были военный министр Франции А. Мессими, кронпринц Германии и барон Г. Ротшильд. Мата Хари путешествовала по столицам Европы, а вездесущие репортеры неутомимо подсчитывали, чего у нее больше — коробок со шляпками или любовников.

В числе наиболее настойчивых поклонников был состоятельный немецкий офицер и землевладелец Альфред Киперт. Его сменил весьма обеспеченный французский финансист и политик Феликс Ксавье Руссо. Как и большинство ее любовников, он был женат, но это не помешало ему поселить Маргарет в своем замке на Луаре. Ради Ксавье она «была готова отказаться от карьеры», но как только дела его пошатнулись, благодаря непомерному стремлению танцовщицы к роскоши, и он обанкротился, красавица с янтарным телом тут же разлюбила его. Постоянным любовником Мата Хари был барон Эдуард Виллен ван дер Капеллен, полковник голландской кавалерии. Как никто другой, он обеспечивал ей предельно щедрое содержание. Второй секретарь французского посольства в Гааге Анри де Маргери стал для Маргарет тем человеком, к которому она не раз обращалась за всевозможной поддержкой. Впрочем, для всех своих любовников Мата Хари оказывалась желанной женщиной даже спустя годы. Никого из них не смущал тот факт, что прекрасная танцовщица «любила» одновременно многих, но ни к кому не была привязана. Так, однажды она поселила в отеле рядом со своими апартаментами Маргери и маркиза де Бофора, богатого бельгийского офицера, и никого не обидела и не обделила вниманием. Все ее романы сразу становились достоянием гласности.

Мата Хари всегда удавалось заполучить в свои сети тех мужчин, которые могли обеспечить ей роскошную жизнь и защиту. Ее тело было «ходовым товаром» и в то же время «явлением искусства». В 1907 г. она была настолько богата, что могла себе позволить выступать только в благотворительных представлениях. Маргарет настолько вошла в роль яванской танцовщицы, что откровенно нападала на конкуренток, «которые расплодились, как грибы после дождя» и использовали в своих

выступлениях элементы восточного танца. «Меня, родившуюся на Яве среди пышной тропической растительности, с раннего детства посвящали в глубинное значение этих танцев, имеющих культовый, религиозный смысл… Восточные танцы, которые я видела и которым училась на своей родной Яве, — фыркала она, — вдохновлены цветами, из которых и черпают свою поэтичность».

Но Мата Хари, которую величали «Звездой танца», никогда не забывала, что она самоучка. Профессиональные танцовщицы не могли сравниться с ней только по одной причине — до откровенного стриптиза они не опускались. Она признавалась: «Я никогда не умела танцевать. А если люди приходили на мои выступления, то этим я обязана только тому, что первой отважилась предстать перед ними без одежды». Врожденный талант и раскованность поведения были основой ее успеха. Газета «Курьер франсэ» писала, что Мата Хари, даже оставаясь неподвижной, околдовывала зрителей, а уж когда танцевала, то ее чары действовали магически. «Ля пресс» добавляла: «Мата Хари воздействует не только движениями своих ног, рук, глаз, губ. Не стесненная одеждами, Мата Хари воздействует игрой своего тела». И спрос на это тело был высок.

В 1908 г. на студенческом приеме Маргарет доказала, что и задрапированная с головы до пят в строгое платье она неподражаема. Ее магия не распространялась только на профессионалов. Даже уроки балетного мастерства не помогли ей войти в труппу «Русского балета» С. Дягилева. В данном случае «подлинных секретов индусского танца» и «янтарного тела баядеры» оказалось недостаточно.

Но до 1914 г. танцовщица не жаловалась на отсутствие успеха у публики. Она была желанна на всех сценах Парижа, включая подмостки «Фоли Бержер» и «Олимпии», и Монте-Карло. После выступления в знаменитом миланском оперном театре «Ла Скала» (1911–1912 гг.) и в апартаментах принца ди Сан-Фаустино в палаццо Барберини в Риме, где она танцевала «Саломею», авторитетная итальянская газета назвала ее «мастером танцевального искусства, наделенной даром мимической изобретательности, неисчерпаемой творческой фантазии и необыкновенной выразительности». Приглашения и деньги сыпались как из рога изобилия. Настоящий фурор произвела Мата Хари, когда «проиллюстрировала» лекцию П. Оливье, посвященную яванским, индийским и японским храмовым праздникам.

Но когда Маргарет минуло 35 лет, она почувствовала, что закат близок. Спрос на «восточное» падал, но зато стремительно

возрастал ранг ее любовников. Кто сам не поддавался соблазну, того она брала штурмом, как в свое время генерала Мессими. Он хорошо знал репутацию «кровожадной пожирательницы мужчин» и «финансовой транжирки», но устоять перед ее магией был не в силах. Она просто не могла существовать без богатых и влиятельных мужчин, иначе она бы не была Мата Хари.

Франция и весь мир жили в предчувствии войны, но только не Маргарет. Накануне Первой мировой войны она добилась ангажемента в Германии. В Берлине Мата Хари первым делом возобновила любовную связь с Альфредом Кипертом и получила на свои расходы 100 тыс. марок.

Такие же суммы, присланные в 1908 и 1909 гг., были впоследствии предъявлены ей в качестве обвинения, что она работала на германскую разведку задолго до начала войны. К ее поклонникам прибавились начальник зарубежного отдела полиции фон Грибель и австрийский офицер барон Фреди Лазарини.

Из-за войны гастроли в берлинском театре «Метрополитен» были отменены. Но, в отличие от ее «драгоценного багажа», Маргарет не удалось выехать во Францию. Деньги растаяли, пока шло переоформление документов. Она поселилась в Гааге и, благодаря стараниям банкира Генриха ван дер Шелька и барона Капеллена, жила в роскоши, но, по ее меркам, — скучно. Останься Мата Хари в Голландии, она бы выжила, но ей хотелось в Париж. Война Маргарет не интересовала, она волновалась за свой исчезнувший багаж. В это же время странствующая артистка привлекла внимание немецкой разведки. По их мнению, она была идеальным агентом. В вербовке Мата Хари приняли участие руководитель информационной службы в Амстердаме консул К. Г. Крамер, руководитель службы разведки полковник Николаи и барон фон Мирбах. По словам Маргарет, она согласилась заняться шпионажем в пользу Германии, так как эта служба высоко оплачивалась. С ней был проведен ускоренный инструктаж и, снабженная деньгами и особыми химическими чернилами, артистка отбыла в Париж.

Обширные связи Мата Хари в различных министерствах, включая, конечно, военное, могли обеспечить ее достаточным количеством секретной информации. Только вот, по свидетельству любовников, которые были привлечены к следствию, кроме постели и денег ее ничто не интересовало. «Разведывательная поездка» в Мадрид с целью наблюдения за железнодорожными узлами и перемещением эшелонов и войск больше походила на вояж и воссоединение с испанскими любовниками. Конечно, она писала донесения и получала

очередные вознаграждения, но, по мнению Марты Ришар, с успехом работавшей двойным агентом: «Мата Хари была прекрасной танцовщицей, но ей не хватало ума и выдержки, которые так необходимы для выполнения заданий секретной службы».

Большинство исследователей склоняются к мысли, что Мата Хари только числилась в шпионках, ибо мужчинам так было легче оплачивать из казны ее любовные утехи. Она регулярно навещала своих любовников по обе стороны фронта, так как люди в форме и особенно при деньгах были ее слабостью. Кстати, часто Маргарет совершенно бескорыстно спала с солдатами и офицерами воюющих сторон. «Для меня офицер — это иная раса… И мне было совсем неважно, кто они — немцы, итальянцы, французы». Слежка показала, что в ее постели побывали военные различных родов войск почти из всех государств Европы. Но если мужчина был ей неприятен, тут уже не помогали ни погоны, ни деньги.

Связь между сексом и шпионажем во Франции имела глубокие корни. И чем любвеобильней становилась Мата Хари, тем больше подозрений она вызывала. Волна шпиономании захлестнула всю Европу и с головой накрыла подозрениями танцовщицу. Все контакты Маргарет отслеживались британскими и французскими спецслужбами. Не прошла без внимания и ее встреча в Мадриде с военным атташе германского посольства, майором Калле и появление у танцовщицы «ничем не оправданных доходов». Сама Мата Хари чистосердечно считала, что все полученные суммы были оплатой за ее интимные услуги.

Когда Маргарет исполнилось 40 лет, она влюбилась в капитана Первого русского особого императорского полка Вадима Маслова. Он был беден, и Мата Хари решила заработать денег, чтобы в дальнейшем оставаться верной Вадиму. Позже она написала, что он стал для нее не просто очередным любовником, а человеком, ради которого она была «готова пройти сквозь огонь». Всем сердцем Маргарет рвалась к нему. Война по-прежнему оставалась для нее чем-то второстепенным. Узнав, что возлюбленный находится в госпитале в прифронтовой зоне, она «подняла» всех знакомых, чтобы добиться пропуска. Так Мата Хари вышла на Жоржа Ладу, главу отдела разведки и контрразведки Франции. Он давно отслеживал все связи артистки, и теперь в его голове созрела идея — предложив Мата Хари миллион франков, превратить ее в двойного агента. За такие деньги, за возможность безбедно зажить с Вадимом она, наверное, и на десять разведок работала бы. Ведь впервые любимый мужчина официально предложил ей выйти за него

замуж. «Я хочу быть достаточно обеспеченной, чтобы не обманывать Вадима с другими», — откровенно призналась Маргарет Ладу. Она пообещала даже соблазнить кронпринца и добыть планы верховного главнокомандования, касающиеся ближайшего наступления, сообщив: «Я уже однажды была его любовницей, и новая встреча с ним теперь зависит только от меня. Немцы обожали меня, относились ко мне как к королеве, в то время как для вас я ничто, просто шлюха. Если бы вы только видели наши оргии в Берлине, когда они валялись на полу, у меня в ногах, словно рабы, и я разжигала их животные желания».

Хитрый Ладу даже не выдал аванса. Мата Хари предстояло отработать обещанную сумму. Но все как-то не складывалось. По дороге в Германию ее арестовали в английском порту Фалмут. Оказывается, Маргарет приняли за немецкую шпионку К. Бендикс. Она откровенно призналась, что работает на французскую разведку, и сослалась на Ж. Ладу. Удивленный такой открытостью, шеф Скотланд-Ярда отпустил ее, а Ладу пришел в бешенство. Ведь он, несмотря на все предупреждения, завербовал женщину, которая считалась немецкой шпионкой и была совершенно не в силах хранить тайны.

Арест стал для Мата Хари случайным недоразумением. Отозванная Ладу в Мадрид, она преспокойно сообщает немцам о своих приключениях в Англии и кучу всякой чепухи, в том числе, что никакого наступления не предвидится, а в Париж отправляет важные сведения о немецких подводных лодках у берегов Марокко. Французская сторона полностью игнорирует ее сообщения, но Маргарет не замечает сгущающихся вокруг нее туч. Она прекрасно проводит время с испанским сенатором доном Эмилио Хуноем и оставляет без внимания его слова, что ему рекомендовали отказаться от дружбы с ней. Вернувшись в Париж, она узнает от Вадима, что даже в русском посольстве его предостерегли от каких-либо контактов с «опасной шпионкой». После его отъезда Маргарет, поняв, что их роман подошел к грустному завершению, ведет жизнь, полную бурных развлечений.

Любви нет, денег нет, и она принимает решение вернуться в Гаагу к щедрому барону Капеллену. Но утром 13 февраля 1917 г. «мышеловка захлопнулась». Мата Хари была арестована в роскошном номере отеля «Элизе Палас». Обыск не дал никаких компрометирующих результатов. Обнаруженные флаконы с «чернилами для тайнописи» оказались обыкновенными противозачаточными средствами. У следователя П. Бушардона было очень мало фактов против «шпионки»: расшифрованные немецкие радиоперехваты об агенте Н21, перемещения которого

совпадали с поездками артистки, данные банков о поступлениях на ее имя значительных сумм и все. Все оправдания Мата Хари, что деньги она получала в обмен на свои ласки, а информация противнику не имела ничего общего с военными тайнами, для следователя стали дополнительным пунктом обвинения. Он с первой минуты не скрывал своего отвращения к ее образу жизни. Для него Мата Хари была куртизанкой, грубой и вульгарной особой, а следовательно — опасной преступницей.

Восемь месяцев провела Маргарет в женской тюрьме Сен-Лазар. Она настаивала на своей невиновности, доказывала, как много ценной информации передала шефу французской разведки Ладу. Это стало еще одним пунктом обвинения — двойной агент. По ее делу были допрошены десятки высокопоставленных военных и гражданских чиновников. Все они единодушно отрицали виновность Маргарет, доказывали, что она никогда не пыталась добыть «сколько-нибудь полезной информации» и «ничто не испортило того хорошего впечатления об этой даме», которое у них сложилось.

Отношение следствия к Мата Хари было явно пристрастным. За просчеты и неудачи на фронте кто-то должен был заплатить. Слушание проходило при закрытых дверях, материалы следствия хранились в тайне, адвокату подсудимой разрешили присутствовать только на первом и последнем допросе. Голландское посольство так и не получило вразумительного ответа о вине своей гражданки, а ее официальные и личные письма были просто приобщены к делу.

Прокурор А. Морне в обвинительной речи был неумолим: «Мата Хари стала причиной гибели 50 тыс. наших солдат, не говоря уже о тех потерях, что понесли мы по ее милости на море». Таким образом, ее обвинили в «массовых убийствах», и Третьим французским трибуналом она была приговорена к высшей мере — расстрелу. Маргарет не могла поверить в это. Тюрьма стала для нее жестоким испытанием. Привыкшая к роскоши и поклонению, она плакала и увядала в ней, как южный цветок без солнца. Прошение о помиловании было отклонено, и это вернуло ей в последнее мгновение чувство собственного достоинства. Мата Хари даже пришлось утешать двух монашек, которые находились неотлучно при ней на протяжении всего следствия.

Старичок-адвокат Клюне был в отчаянии, что не смог защитить Маргарет. Он даже сообщил, что она ожидает от него ребенка. По французским законам, беременная женщина не может быть казнена. Мата Хари отказалась от этой последней спасительной соломинки. Она давно знала, что смерть неизбежна, ведь недаром перед самым арестом змеи, всегда послушные

магнетическому взгляду своей хозяйки, перестали ей повиноваться.

Утром 15 октября 1917 г. элегантно одетая Мата Хари (но не в дорогих мехах на голое тело, как сообщали некоторые хроникеры) доказала, что «знает, как умирать». Она попрощалась с монашками и священником, отказалась от повязки на глаза. Прекрасная искусительница мужчин видела, как дрожали ружья в руках солдат, как офицер взмахнул саблей. Прозвучали выстрелы, и она медленно, словно нехотя, осела на землю. Жизнь, полная тайн и интриг, завершилась. Куртизанка, зачисленная в шпионки, стала жертвой патриотических чувств.

Сенсационная книга Ж. Ладу (кстати, смещенного со службы за серьезные просчеты в работе), вышедшая в 1932 г., подавала дело Мата Хари как одну из великих побед Франции. Потом на ее основе сняли фильм, в котором Грета Гарбо представила женщину, проповедовавшую в жизни свободную любовь, как зловещее чудовище, от которого спасли мир. Но еще очень долго то в одном, то в другом месте люди будто бы видели экзотическую танцовщицу и верили в ее чудесное спасение. Мало кто знал, что прекрасное при жизни янтарное тело, как невостребованное родственниками, было передано студентам-медикам для анатомирования…

Мессалина

(род. ок. 25 г. — ум. в 48 г.)

Третья жена римского императора Клавдия. Знаменита своим распутством, властолюбием и жестокостью.

Мессалина… Это имя стало нарицательным. «Форма сексуального поведения женщины, испытывающей потребность в частой смене сексуального партнера», названа медиками «комплексом Мессалины». Мессалиной восхищенно-презрительно называют женщину, слишком часто предающуюся безудержной страсти (в русском языке, правда, есть и другое, не менее звучное слово)… Чем же она, прожившая немногим более двадцати лет в необозримо далекие времена, «заслужила» столь прочную и нелестную славу? Если вести речь о распутстве, то история знает и не такие примеры: по слухам, римская императрица Юлия Старшая имела 80 тысяч партнеров, французская актриса XVIII в. мадемуазель Дюбуа — 16 527 по составленному ею самой каталогу. Говорят, что у Валерии Мессалины было 8 тысяч любовников, но кто их считал? Если вспоминать о властолюбии, то взять хотя бы Агриппину Старшую, последнюю жену императора Клавдия, которая, по словам Тацита, «вершила делами Римской империи отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина… а держала узду крепко натянутой, как если бы она находилась в мужской руке». Что же касается жестокости, то венгерская принцесса XVI–XVII вв. Эльжбет Батори, на чьей совести ни много ни мало 650 умерщвленных зверскими пытками девушек, или печально известная Дарья

Салтыкова (1730–1801 гг.), по прозвищу Салтычиха, собственноручно замучившая в своем подмосковном имении 138 крепостных, куда более «достойны» внимания. Почему же именно Мессалина вошла в историю с несмываемым клеймом «Распутная. Властолюбивая. Жестокая»? Прежде чем попытаться дать ответ на этот вопрос, ознакомимся с теми немногими сведениями о ее жизни, которыми мы располагаем благодаря римским историкам, в частности Гаю Транквиллу Светонию и Корнелию Тациту, жившим на рубеже I–II вв. Это их трудами Валерия Мессалина прославлена как одна из самых развратных женщин Древнего Рима. Ни в коем случае не пытаясь защищать любвеобильную императрицу, будем все же иметь в виду, что дошедший до нас образ явно искажен политической сатирой, несомненно присутствующей в опусах древнеримских авторов.

Мессалине суждено было родиться не в самое лучшее время. С 31 г. до н. э. начинается новая страница римской истории — история империи. Конец I в. до н. э. — начало II в. — время ранней империи, или принципата (от лат. *princeps* — первый среди равных, первое лицо в списке сенаторов; принцепсом называли императора), расцвета рабовладельческих отношений. Римское государство превращается в огромную империю, включающую Восточное Средиземноморье, Северную Африку, большую часть Европы. Вместе с притоком со всех уголков необъятной державы богатств многих стран и народов начинается деморализация нравов и, как следствие, — разложение семьи. Время чистых идеалов и добродетелей осталось далеко позади. «Будущие поколения ничего не прибавят к нашей развращенности; пусть наши потомки найдут что-нибудь новое, порок дошел до предела — он может только уменьшаться», — писал римский поэт-сатирик Ювенал. Публичный разврат принял колоссальные размеры. Дошло до того, что быть хорошим семьянином стало просто «неприличным». Говорят: рыба гниет с головы… Еще Октавиан Август, издавший ряд строгих законов против распутства, сам отнюдь не следовал этим предписаниям. У него было множество любовниц, как девушек, так и замужних женщин, которых подыскивали ему друзья. Император Тиберий, чья похотливость могла посоревноваться с патологической жестокостью, под старость уединившись на острове Капри, предался безудержному разврату. Его преемник Калигула, безумец и извращенец, за четыре года правления умудрился навлечь на себя всеобщую ненависть, растратить огромные средства, накопленные его предшественниками, и погрязнуть в таких пороках, что его имя стало синонимом кровосмешения, убийства и тирании. Стоит ли удивляться, что среди императоров

династии Юлиев-Клавдиев (от

Цезаря до Нерона) ни один не умер своей смертью. Пришло время, когда насилие и преступления стали чуть ли не нормой. Так, в доме Агриппины Старшей только одна женщина скончалась по естественным причинам, все остальные были зарезаны, отравлены, заморены голодом. Согласно Плутарху, почти в каждом семействе были совершены убийства жен, матерей, сыновей; братоубийств также было множество.

В настоящее время трудно даже представить, до какой степени была развита в римлянах страсть к зрелищам. Это было то врожденное зло, которым каждый, по словам Тацита, страдал еще в утробе матери. «Богатые и знатные, — отмечал римский историк III в. Аммиан Марцеллин, — ни о чем больше не говорят, как только о лошадях и ристаниях, о великолепных постройках и редких лакомствах, а праздная толпа, по-видимому, живет только для того, чтобы пить, играть в кости и гоняться за зрелищами и скачками. Ее храм, ее обиталище, ее народное собрание, цель всех ее желаний — арена цирка». Да, таким предстает перед нами Рим — развратным, властолюбивым, жестоким, и Мессалина лишь неразумное дитя его.

В 37 г. римский сенат при всеобщем ликовании народа вручил полномочия принцепса 25-летнему правнуку Августа Гаю Цезарю Германику по прозвищу Калигула (Сапожок), и впоследствии не раз пожалел об этом. Годы его правления — время насилия, кровавых расправ и изощренного разврата. Трудно сказать, что направляло поступки Калигулы, — психическая болезнь или неверно истолкованное понятие власти, но он повел себя так, словно задался целью установить, существует ли предел вседозволенности. Он развлекал себя тем, что устроил во дворце бордель, где «девочками» служили жены сенаторов, держал в спальных покоях специально обученных псов, с которыми вынуждал совершать половые акты самых знатных женщин Рима, имел своеобразный отряд, состоящий из мальчиков, гермафродитов, карликов — исключительно для сексуально-экзотических целей. В качестве одной из статисток в бесконечных эротических постановках Калигулы дебютировала при дворе и Валерия Мессалина.

Дочь консула Валерия Мессаллы Барбата и Домиции Лепиды в свои четырнадцать лет «была на редкость красивая девушка, стройная и проворная, с черными, как агат, глазами и копной черных кудрявых волос. Она почти все время молчала и улыбалась загадочной улыбкой…» — такой, по мнению писателя Роберта Грейвза, впервые увидел Мессалину будущий супруг. Необычайную красоту этой женщины подтверждают и единичные

дошедшие до наших дней прижизненные изображения, среди которых мраморная голова в Мюнхене, где присутствует несомненное сходство с Октавией, сестрой Августа, прабабкой Мессалины по отцовской и материнской линии. Надо сказать, что по сравнению с женщинами других древних культур римлянки были достаточно образованны, но знания, даваемые им, предполагали прежде всего необходимость их применения в семье: это языки (латынь, греческий), античная литература, а также арифметика. В богатых домах у девочек были свои гувернантки, которыми чаще всего становились греческие рабыни. Для будущей матроны приглашался специальный преподаватель танцев, так как особым достоинством для римлянки была благородная походка. Поощрялись занятия музыкой, пением, а также обучение игре на струнных музыкальных инструментах. Можно предположить, что такого рода образование получила и Мессалина, хотя прямых указаний на это нет. В некоторые тонкости, что могли пригодиться молодой очаровательной девушке для успешной придворной карьеры, ее, по-видимому, посвятила мать, не отличавшаяся ни хозяйственностью, ни добродетелью.

В 39 г. по прихоти Калигулы Валерию выдали замуж за его дядю, Клавдия, который был старше невесты более чем в три раза и служил посмешищем всего двора. Дело в том, что в детстве он перенес паралич и в семье считался умственно неполноценным. Собственная мать называла его уродом среди людей, которого природа начала и не закончила, и, желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: «глупей моего Клавдия». По словам Светония, он заикался, страдал избыточным слюноотделением, сильным хроническим насморком, постоянным нервным тиком, часто объедался и был склонен к пьянству. Бедному Клавдию особенно доставалось на обедах во дворце Калигулы. «Так, если он опаздывал к назначенному часу, то он находил себе место не сразу, да и то разве обойдя всю палату. А когда, наевшись, начинал дремать — это с ним бывало частенько, — то шуты бросали в него косточками фиников или маслин, а иной раз, словно в шутку, будили хлыстом или прутьями; любили они также, пока он храпел, надевать ему на руки сандалии, чтобы он, внезапно разбуженный, тер себе ими лицо», — пишет Светоний. Но именно репутация глупца, которую он сам, как рассказывал позднее, всячески поддерживал, спасла ему жизнь при императоре-садисте. Светоний упоминает также, что «был он высок, телом плотен, лицо и седые волосы были у него красивые, шея толстая», и далее: «К женщинам страсть он питал безмерную, к мужчинам зато вовсе был равнодушен» — редкий феномен

среди римских правителей. Однако самым замечательным в Клавдии был высокий уровень эрудиции. Плиний Старший, чрезвычайно просвещенный человек, причислял его к сотне выдающихся ученых той эпохи. Клавдий создал римскую историю в сорока трех книгах на латинском языке, продолжавшую труд Тита Ливия, а также историю этрусков в двадцати книгах и историю карфагенян в восьми книгах на греческом языке, а еще восемь книг автобиографических мемуаров и ученое сочинение «В защиту Цицерона». Он также написал исторический труд о романском алфавите, к которому добавил три буквы, хотя вскоре они были вновь упразднены.

Брак с Мессалиной был уже третьей попыткой Клавдия обрести покой и любовь в семье, до этого он развелся с двумя женами — ему надоели постоянные ссоры и откровенный разврат. Первоначально их семейная жизнь была ровной и безоблачной. На свет появилась прелестная девочка, названная Октавией. Когда же Мессалина была на исходе второй беременности, произошло событие, круто изменившее жизнь супругов. 24 января 41 г. Гай Калигула убедился, что терпение римской знати не бесконечно: он был убит заговорщиками, и императором провозгласили Клавдия, что оказалось полной неожиданностью прежде всего для него самого. А на двадцатый день правления нового принцепса горячо любимая молодая жена родила ему наследника — Британика (в определении времени и очередности рождения детей существуют разногласия). На этом, можно сказать, тихое семейное счастье и закончилось.

Став «у руля», Клавдий с головой погрузился в дела государства, изрядно «потрепанного» предыдущим правителем. Поначалу Валерия рьяно взялась помогать ему. Так, ее обязанностью было следить за назначением военачальников, судей и губернаторов провинций, а также за списками по предоставлению римского гражданства. Но вершить историю было не в характере Мессалины. Куда более интересовал ее вопрос, чем, став императрицей, она может порадовать лично себя. И очень скоро она нашла немалые выгоды в своем нынешнем положении. Получив «боевое крещение» на пирах Калигулы, по сути, в подростковом возрасте, Мессалина, созревшая телом, с рано разбуженной чувственностью, но умом ребенка, вполне могла воспринимать все происходящее в покоях безумного императора как должное. То, что двенадцатилетний возраст для римских девушек считался уже пригодным для вступления в брак, совсем не подразумевает соответствующего умственного развития. И нет ничего удивительного в том, что обретение статуса «первой леди государства» Мессалина

расценила как аналог вседозволенности. Молодость, красота, жаждущее наслаждений тело плюс разум шестнадцатилетней девчонки минус крепкие моральные устои, и все это помноженное, нет, возведенное в степень безграничной власти — кто устоял бы в подобной ситуации! Было и еще одно обстоятельство, сыгравшее в свое время дурную шутку и с Калигулой, и со многими другими власть имущими и до и после Мессалины, — это извечное, неистребимое раболепие придворного окружения. Случались, конечно, и исключения: те, кто предпочел смерть потаканию прихотям взбалмошной императрицы — ну, они и умирали, но об этом чуть позже.

Итак, получив доступ к судьбам сограждан, Мессалина развила бурную деятельность по расчищению «жизненного пространства». Первыми в списке попавших в немилость стояли те, кто мог войти в оппозицию ее влияния на Клавдия. Сполна досталось его племяннице Юлии Ливилле, дочери горячо любимого брата, покойного Германика. Мессалина обвинила ее в прелюбодеянии с Сенекой (тем самым: сенатором, философом и писателем). А когда наказание за этот проступок в виде ссылки показалось ей недостаточным, она приписала Юлии новое злодеяние — покушение на жизнь царствующей четы — и добилась-таки ее казни. Такая же участь постигла и командующего императорской гвардией Юста, которому инкриминировалась подготовка к вооруженному восстанию, хотя на деле вся его провинность заключалась в том, что он, как и Ливилла, намеревался открыть глаза Клавдию на истинную сущность Мессалины. А ей действительно было чего опасаться.

Вскоре после рождения второго ребенка Валерия объявила мужу, что желает иметь отдельную спальню — якобы таким образом она стремится избежать новой беременности. Заняв покои в дальнем крыле дворца, императрица распахнула двери опочивальни всем желающим. Патрициям, простолюдинам, гладиаторам, актерам и гвардейцам — в этом списке был даже один из парфянских послов — она без разбора даровала свои милости. Скромные, робкие и просто порядочные завлекались обманом, а то и приводились под конвоем. Красавец-мим Мнестер не слишком рвался на царственное ложе, справедливо опасаясь последствий. Тогда Мессалина нажаловалась мужу, что дерзкий лицедей не подчиняется ее воле, дескать, не желает позабавить ее величество актерским мастерством. «Послушай, ничтожный грек, — сказал Клавдий, почесывая ветвистые рога. — Изволь запомнить: если госпожа Мессалина велит тебе что-нибудь сделать, ты обязан повиноваться ей, и беспрекословно. Что бы она ни приказала, и все, что она прикажет». «Повинуюсь, цезарь», —

ответил Мнестер… С тех пор случалось не раз, что он не появлялся на сцене, хотя его имя значилось на афишах, и его отсутствие необъяснимым образом всегда совпадало с головной болью Мессалины, не позволяющей ей пойти в театр.

В 43 г. Клавдий предпринял успешную военную экспедицию в Британию, а покинутая супруга предалась неистовому разврату. Говорят, пресытившись дворцовыми утехами, она «пошла в народ». Ювенал, сочась желчью, пишет, что чуть ли не каждую ночь «Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;//Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась//В теплый она лупанар (публичный дом), увешанный ветхим лохмотьем,//Лезла в каморку пустую свою — и, голая, с грудью//В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициски…//Ласки дарила входящим и плату за это просила». Хрестоматийной стала история, рассказанная римским писателем Плинием Старшим, о том, как Мессалина вступила в состязание с самой известной в Риме проституткой и превзошла ее, ибо «на протяжении двадцати четырех часов совокупилась двадцать пять раз».

Это действительно смешно, но, по словам Грейвза (а он уверяет, что опирался на труды множества античных авторов), Клавдий передал жене «большую часть своих обязанностей блюстителя нравов». Вероятно, именно в этом качестве Мессалина посвящала все свободное время проверке морального уровня сограждан, а заодно и карала тех, кто, с ее точки зрения, недостаточно «соответствовал». Жизнью платили и надоевшие любовники за излишнюю пылкость, и те, кто не пожелал удовлетворить ненасытную похоть императрицы — за неуместную холодность. К последним относился и экс-консул Аппий Юний Силан, которого Мессалина сначала женила на своей вдовой матери и поселила во дворце, к себе поближе, а затем оговорила и подвела под казнь, когда он наотрез отказался разделить ложе со своей падчерицей, сказав, что он человек влюбчивый, но не нечестный. Вслед за ним в Царство мертвых отправился любимый «советник по ученым делам» Клавдия, вольноотпущенник (бывший раб, получивший свободу) Полибий, так как Мессалина привела доказательства, что он продает право римского гражданства и кладет деньги в свой карман (между нами говоря, этим вовсю занималась сама императрица). Показательна история Валерия Азиатика, дважды избиравшегося консулом, отличившегося в походе против британцев, которого Мессалина задумала погубить, по словам Тацита, «зарясь на сады, разбитые в свое время Лукуллом и доведенные Азиатиком до поразительного великолепия». Он был обвинен в заговоре против Клавдия, «в развращении воинов, которые, получая от него деньги и

предаваясь распутству, превратились в толпу разнузданных негодяев, затем в прелюбодейной связи с Поппеей (речь идет о Поппее Сабине, теще будущего императора Нерона) и, наконец, в недостойном мужчины разврате». Выступление Азиатика в свою защиту заставило разрыдаться даже Мессалину, однако, выбегая из покоя, чтобы смыть слезы, она не забыла шепнуть обвинителям наказ «никоим образом не дать подсудимому ускользнуть». Учитывая прошлые заслуги, Азиатику была дарована «милость» покончить с собой. «Проделав обычные гимнастические упражнения, обмыв тело и весело пообедав, он напоследок сказал, что для него было бы гораздо почетнее погибнуть от коварства Тиберия или от вспышки ярости Гая Цезаря (Калигулы), чем из-за того, что его оболгали женщина и мерзостный рот Вителлия (приспешника Клавдия), и затем вскрыл себе вены, осмотрев, однако, до этого свой погребальный костер и приказав перенести его на другое место, дабы от его жара не пострадала густая листва деревьев: таково было его самообладание в последние мгновения перед концом», — пишет Тацит.

Судя по всему, Мессалина нашла для себя верный способ решать все «наболевшие» вопросы — головы летели направо и налево. Одним словом: «Нет человека — нет проблемы». Причем сценарий был всегда один и тот же — до скучного примитивный: замыслив избавиться от очередного неугодного лица, она придумывала невероятные злодеяния, якобы совершенные или планируемые, подкупала или запугивала свидетелей и, заручившись поддержкой советников легковерного Клавдия, припадала к его ногам, вдохновенно громоздя ложь на ложь и щедро перемежая заготовленные обвинения клятвами в безмерной любви и неустанной заботе об императорском благополучии. Поверить в ее искренность мог лишь тот, кто очень хотел верить, однако влюбленный Клавдий раз за разом заглатывал наживку и подписывал смертные приговоры, что называется, не глядя. Действительно, долгое время Мессалина пользовалась безграничным доверием, вплоть до того, что получила разрешение применять от имени принцепса дубликат его личной печати для всех писем и документов. И весь этот «дилижанс» плавно катился по наезженной дорожке: Клавдий старательно закрывал глаза на очевидное, Мессалина — открывала объятия и рубила головы, советники — набивали карманы. Все были довольны.

Идиллию, как водится, нарушила женщина. Нет чтобы развратничать себе потихоньку — глядишь, и до внуков бы дотянула, — так что вытворила эта сумасбродка? Она влюбилась!

Сегодня трудно сказать, овладело ли императрицей глубокое настоящее чувство, но вот голову она потеряла — это точно. Как нельзя лучше эту ситуацию описывает Тацит. По его словам, Мессалина «воспылала к Гаю Силию, красивейшему из молодых людей Рима, такой необузданной страстью, что расторгла его брачный союз со знатной женщиной Юнией Силаной, чтобы безраздельно завладеть своим любовником. Силий хорошо понимал, насколько преступна и чревата опасностями подобная связь, но отвергнуть Мессалину было бы верной гибелью, а продолжение связи оставляло некоторые надежды, что она останется тайной. Привлекаемый вместе с тем открывшимися пред ним большими возможностями, он находил утешение в том, что не думал о будущем и черпал наслаждение в настоящем. А Мессалина не украдкой, а в сопровождении многих открыто посещала его дом, повсюду следовала за ним по пятам, щедро наделяла его деньгами и почестями, и у ее любовника, словно верховная власть уже перешла в его руки, можно было увидеть рабов принцепса, его вольноотпущенников и утварь из его дома». Вскоре Силий, чувствуя, как с каждым днем их положение становится все более шатким, стал убеждать возлюбленную «узаконить отношения», то есть заключить брак по всем правилам и устранить Клавдия, не дожидаясь, пока он умрет от старости. Ведь в этом случае Мессалина сохранит прежнее могущество, к которому добавится и безопасность. И ведь уговорил-таки, мерзавец! На исходе лета 48 г. ничего не подозревающий император отправился совершать традиционные жертвоприношения в близлежащую приморскую Остию…

Далее события принимают столь фантастический оборот, что, опасаясь обвинений в извращении фактов, предоставим слово Тациту, который и сам сомневается, поверят ли ему: «Я знаю, покажется сказкой, что в городе, все знающем и ничего не таящем, нашелся среди смертных столь дерзкий и беззаботный, притом — консул на следующий срок, который встретился в заранее условленный день с женой принцепса, созвав свидетелей для подписания их брачного договора, что она слушала слова совершавших обряд бракосочетания, надевала на себя свадебное покрывало, приносила жертвы пред алтарями богов, что они возлежали среди пирующих, что тут были поцелуи, объятия, наконец, что ночь была проведена ими в супружеской вольности. Но ничто мною не выдумано, чтобы поразить воображение, и я передам только то, о чем слышали старики и что они записали».

Грейвз рассказывает удивительную историю о том, что Клавдий, поверивший вымыслу Мессалины о якобы предсказанной астрологом скорой смерти ее мужа, в попытке

обмануть судьбу согласился на развод и новый ее брак, чтобы отвратить и перенести на другого угрозу опасности, причем самолично участвовал в выборе нового супруга и даже присутствовал на свадьбе. Вероятно, писатель основывался на словах Светония: «На свадьбе Мессалины с ее любовником Силием он (Клавдий) сам был в числе свидетелей, подписавших брачный договор». Однако факт этот вызывает сомнения, поскольку об участии Клавдия в свадьбе Мессалины не упоминается более нигде.

Как полагается, за бракосочетанием последовало удалое пиршество. Шла пора сбора винограда, и молодожены устроили шумную Вакханалию. «Женщины, облачившись в звериные шкуры, тут же плясали и прыгали, как приносящие жертвы и исступленные вакханки; сама Мессалина с распущенными волосами, размахивая тирсом, и рядом с нею увитый плющом Силий закидывали голову в такт распевавшему непристойные песни хору», — пишет Тацит.

Но не всем было весело на этом празднике. Три советника Клавдия — вольноотпущенники Каллист, Нарцисс и Паллант, — пользовавшиеся огромным влиянием при дворе, не разделяли всеобщей радости. Их терзали опасения за свою судьбу: если Силий совершит государственный переворот и станет принцепсом, они потеряют все могущество, если же поддержать Клавдия — месть разгневанной Мессалины будет страшна. Кому, как не им, знать об этом: ведь они были участниками многих ее козней и к тому же ее любовниками. Взвесив все «за» и «против», они решили идти на риск, постаравшись, однако, максимально обезопасить себя. Нарцисс, как самый хитрый и изворотливый, взялся довести дело до конца. Он склонил двух любимых наложниц Клавдия донести императору обо всем происшедшем, собрал влиятельных людей, подтвердивших их слова, и заодно рассказал о прежних многочисленных супружеских изменах Мессалины. Затем, взяв на себя командование гвардией, направил в столицу офицеров для ареста участников злополучных брачных торжеств. Императорский кортеж еще не тронулся из Остии, а этот приказ был уже выполнен. Испуганная Мессалина поторопилась навстречу мужу (надо полагать, бывшему), чтобы показаться ему и, как это не раз бывало, в личной беседе развеять все его сомнения. Также у въезда в Рим разгневанного отца должны были ждать его дети — Октавия и Британик, однако Нарцисс не допустил этого. Умело поддерживая обиду и ревность обманутого супруга своевременной демонстрацией памятной записки с перечислением любовных связей жены, он повез окончательно ошалевшего Клавдия в дом Гая Силия, где

предъявил его же собственных рабов и утварь из царского дворца, затем, не дав опомниться, доставил к преторианцам, живописно обрисовал ситуацию — и вот уже верная императорская гвардия требует назвать имена виновных и подвергнуть их наказанию. Суд был скорым. Силий, державшийся твердо, попросил лишь не тянуть с казнью. «Под шумок» лишились головы еще множество человек, занесенных Нарциссом в списки любовников Мессалины, в том числе и несчастный Мнестер — не помогли и его причитания, что он, дескать, лишь выполнял личное распоряжение Клавдия во всем подчиняться прихотям императрицы.

Мессалине так и не удалось встретиться с мужем. Удалившись в сады Лукулла, она не оставляла попыток спасти свою жизнь и сочиняла слезные мольбы. Тем временем Клавдий, удовлетворенный устранением соперника и обильным ужином, велел передать несчастной (как утверждают, он употребил именно это слово), чтобы она явилась на следующий день представить свои оправдания. Гнев его остывал, а любовь возрождалась. Но Нарцисс был начеку. Он быстро нашел военного трибуна и нескольких центурионов и велел им умертвить Мессалину, якобы по приказу принцепса. Тацит сообщает, что грозные посланцы нашли отчаявшуюся женщину «распростертою на земле и рядом с ней ее мать Лепиду, которая, не ладя с дочерью, пока та была в силе, прониклась к ней состраданием, когда она оказалась на краю гибели, и теперь уговаривала ее не дожидаться прибытия палача: жизнь ее окончена, и ей ничего иного не остается, как избрать для себя благопристойную смерть». Осознавая неотвратимость расплаты, Валерия схватила кинжал, но никак не могла решиться на последний взмах, прикладывая его дрожащей рукой то к горлу, то к груди. Тогда трибун пронзил ее ударом меча. Тело Мессалины отдали для погребения матери, а пировавшему Клавдию сообщили, что он вдовец. Как это случилось — умолчали, а он и не спрашивал…

Думается, теперь можно сделать попытку ответить на вопрос: «Почему именно Мессалина была навечно заклеймена эпитетами „распутная, властолюбивая, жестокая“?» Своим беспрецедентным, выставленным напоказ всему Риму браком с Гаем Силием она бросила дерзкий вызов обществу! И общество в лице своих историков «подняло перчатку», несколько сгустив краски в описании и без того не безупречной жизни императрицы. А если принять во внимание уже упоминавшийся факт, что жизнеописание Мессалины нам известно лишь со слов античных авторов, чья объективность неоднократно ставилась под сомнение более поздними исследователями, то события предстают

несколько в ином свете.

Крайне любопытны выводы, сделанные историком-антиковедом А. В. Коптевым на основании анализа работ Тацита. Оказывается, с правовой точки зрения брак Мессалины и Силия не нес в себе ничего предосудительного, и смерть их была не следствием порочности и нарушения законности семейных уз императора, а произошла в результате интриг Нарцисса в борьбе за власть и влияние на принцепса. Мессалина, по-видимому, дала развод Клавдию, и нет никаких оснований утверждать, что она не имела права этого делать. Жречество, окружение, армия и народ выступали в роли свидетелей при этом браке и не видели в нем нарушения каких-либо юридических или нравственных норм. Другое дело, что разводное письмо Мессалины Клавдию могло не дойти до адресата и осесть в руках интригана Нарцисса, контролировавшего каждый шаг императора. Что же касается умерщвления несчастной женщины, то это было откровенно противозаконное убийство, закамуфлированное заботами об интересах государства. Видимо, для его оправдания и проводилась столь настойчиво мысль о порочности императрицы. «В эпоху Светония и Тацита, — пишет Коптев, — случай брака Гая Силия с Мессалиной уже воспринимался как нечто противоправное, поскольку фигура принцепса заметно обособилась от массы граждан в правовом отношении. Общество легко восприняло официальную версию о развращенности Мессалины, а ее право на столь же легкий развод с принцепсом, как со всяким другим гражданином, было просто затушевано традицией».

Монро Мэрилин

Настоящее имя — Норма Джин Бейкер Мортенсон (род. в 1926 г. — ум. в 1962 г.)

Американская киноактриса, секс-символ Америки 1950-х гг.

Мерилин Монро… До сих пор это магическое имя привлекает всеобщее внимание в гораздо большей степени, чем имя любой другой женщины. Оно и сейчас символизирует совершенную женственность, красоту и сексуальность. Обычно кумиры недолго царствуют на пьедестале — их свергают и тут же забывают, а «Белую Богиню», как называли актрису ее поклонники, помнят до сих пор. В чем секрет столь необыкновенной популярности Мэрилин Монро? В какой степени этим феноменальным успехом актриса обязана своему таланту, а в какой — влиятельным мужчинам, в объятиях которых она побывала? Люди спорят об этом до сих пор, часто забывая о том, что за раздутым поклонниками образом «голливудской богини» скрывалась земная женщина, которая, став символом любви, по сути, всю свою недолгую жизнь оставалась невообразимо одинокой.

Одиночество и неприкаянность были ее верными спутниками с самого детства. На протяжении всей своей жизни Мэрилин Монро не уставала твердить журналистам и просто знакомым людям о том, какое трудное, полное лишений детство у нее было. Излюбленной ее темой была тайна рождения, и, раскрывая ее в очередной раз, Мэрилин преподносила свою историю, приправив новыми фантазиями и выдумками. Одно время она утверждала, что осталась без родителей еще в младенческом возрасте, за что

актрису называли «самой одинокой девушкой Голливуда». Близкая подруга кинозвезды Эми Грин не раз говорила, что «Мэрилин была большой мастерицей на выдумки, особенно когда хотела шокировать, вызвать интерес». Но в главном Мэрилин не лукавила: история ее появления на свет действительно была окружена тайной, а детские годы прошли безрадостно.

Норма Джин Бейкер Мортенсон родилась в Лос-Анджелесе. По иронии судьбы госпиталь, в котором она появилась на свет, находился в двух шагах от «фабрики звезд» — Голливуда. Мать будущей звезды, Глэдис Монро, работала там монтажницей. К моменту рождения дочери она уже дважды побывала замужем и родила двоих детей, которых растили родственники. О том, кто был отцом Нормы, достоверно неизвестно. Он ушел от Глэдис еще до того, как та родила малышку, и больше никогда не появлялся в их жизни. В детстве Норма говорила своим подругам, что ее отцом был известный актер Кларк Гейбл, с которым в последние месяцы своей жизни ей довелось сниматься в фильме «Неприкаянные».

Семьи как таковой у маленькой Нормы не было. До семилетнего возраста она жила с матерью, которая мало занималась ее воспитанием, так как большую часть времени проводила на работе, зарабатывая на хлеб, или ухаживала за больными родителями. Но едва девочке исполнилось 7 лет, как в ее жизни все изменилось. В тот период Глэдис переживала глубочайшую депрессию, которая в конце концов сменилась приступами неудержимой ярости и безысходности. После того как она набросилась на подругу с ножом, ее поместили в психиатрическую клинику. За исключением коротких перерывов, Глэдис пролежала в лечебницах для душевнобольных на протяжении почти всей жизни Мэрилин.

За годы детства Норма сменила десять приемных родителей, два года провела в сиротском приюте Лос-Анджелеса, пока не оказалась под опекой Грейс Мак-Ки, у которой прожила четыре года. Как только девушке исполнилось 16 лет, опекунша поспешила вытолкнуть свою воспитанницу во взрослый мир и выдала Норму за соседского сына, 21-летнего Джима Дагерти. О своем раннем замужестве Норма Джин рассказывала в первые дни своей славы: «…Это было как уединение в зоопарке. Фактически наш брак походил на дружбу с сексуальными привилегиями. Позже я узнала, что в большинстве случаев так оно и есть. Я была особенной женой. Я терпеть не могла взрослых… Мне нравились мальчики и девочки, которые были младше меня. Я играла с ними в игры до тех пор, пока не приходил мой муж и не начинал звать меня в постель». У Джима Дагерти сложилось иное

впечатление об их взаимоотношениях, о чем он публично рассказал лишь в 70-е гг… «Наш брак, — говорил он, — должно быть, был заключен кем-то, кто был без царя в голове, но когда наше партнерство с Нормой Джин состоялось, ни у меня, ни у нее не было претензий друг к другу». В начале семейной жизни жена-подросток была совершенно неприспособлена к ведению хозяйства. Но постепенно юная Норма всему научилась, и, по словам Дагерти, у нее были «все задатки хорошей жены».

Через год после женитьбы Джим отправился служить в торговый флот, а Норма — работать на авиационный завод Рейдио Плейн. Она красила фюзеляжи, проверяла парашюты, и многие мужчины обращали внимание на красивую молоденькую работницу. «На заводе я носила комбинезон, — вспоминала позднее актриса. — Меня удивило, что это было обязательным. Надеть на девушку комбинезон — это все равно что заставить ее работать в гимнастическом трико, особенно если девушка знает, как правильно носить его. Мужчины перешептывались у меня за спиной, как когда-то перешептывались ребята из старших классов. Вероятно, я вела себя неправильно, раз мужчины на заводе пытались назначить мне свидания и покупали вино. Я не чувствовала себя замужней женщиной».

В 1944 г. Норме Джин предоставился шанс изменить свою жизнь и она не преминула им воспользоваться. Это произошло, когда на Рейдио Плейн появился рядовой Дэвид Коновер, чтобы сделать «фотографии хорошеньких девочек» для журнала «Янки». Увидев 19-летнюю Норму Джин, Коновер сказал, что ее место на обложке журнала, а не на военном заводе. И вскоре она действительно стала «девушкой с журнальной обложки». После того как несколько ее снимков попали на стол фотоагентства «Голубая книга», Норма начала довольно успешную карьеру фотомодели. Фотографии светловолосой красавицы с прекрасной фигурой и белоснежной кожей были вполне респектабельны и помещались в основном в журналах для женщин — «Пик», «Суон», «Сэр» и др. Скандальная история появления Мэрилин Монро в пресловутом «обнаженном» календаре была еще впереди.

Окрыленная своим успехом, Норма Джин стала задумываться над тем, чтобы сняться в кино. Позднее она вспоминала: «Глядя в голливудскую ночь, я любила думать: „Тысячи девчонок сидят в одиночестве, подобно мне, и мечтают стать кинозвездами. Но мне не стоит из-за них беспокоиться. Я мечтаю сильнее других“. Вскоре после того, как распался ее 4-летний брак с Джимом Дагерти, она переехала в Голливуд. Сняв меблированную комнату, Норма начала самостоятельную жизнь. Свое двадцатилетие девушка встретила, не имея за душой ничего,

кроме заветной мечты. Вскоре ей удалось получить место статистки на студии „XX век — Фокс“. Бен Лайон, возглавлявший в те годы актерский отдел киностудии, стал первым покровителем начинающей актрисы. Он же дал ей новое, звучное имя — Мэрилин Монро. Можно было бы сказать, что с этого момента кончилась история Нормы Джин и началась другая — восхождения к славе голливудской дивы Мэрилин Монро. Но это было не так. По словам самой Мэрилин, „грустная, ожесточенная, так быстро повзрослевшая девочка“ — Норма Джин всегда продолжала жить в ее сердце. „Сейчас, когда меня окружает такой успех, — вспоминала потом Монро, — я иногда чувствую, что смотрю на мир ее испуганными глазами. Она еще говорит во мне: „Я никогда не жила, меня никогда не любили“, — тогда я ощущаю смятение и начинаю думать, что эти слова произношу я“».

Получив несколько эпизодических ролей, Мэрилин начала учиться актерскому мастерству в Актерской лаборатории и театральной школе. Годы спустя актриса скажет: «Я-то знаю насколько я была заурядна. Я почти физически ощущала в себе отсутствие таланта… Но боже мой, как мне хотелось учиться! Измениться к лучшему! Больше ничего мне не надо было. Ни мужчины, ни деньги, ни любовь, только умение играть». Мэрилин не оставила занятий и тогда, когда через год ее уволили со студии. В это время она подрабатывала фотомоделью и, вероятно, некоторое время была девушкой по вызову. Существуют многочисленные свидетельства о том, что реальным шансом продвижения Мэрилин в кино могла стать для нее торговля собственным телом. В частности, Эми Грин говорила: «Действительно, создавалось впечатление, что дорогу она себе проложила, переспав со всеми». За два года до своей смерти Мэрилин призналась: «Роль в картине или контракт на какую-нибудь работу является для девушки важнее всего на свете, важнее даже еды. Она может ходить голодной, спать в мешке, но согласна на все — только бы получить роль. Я это знаю, потому что мне приходилось делать и одно, и другое, и притом множество раз. И я спала с продюсерами, и я буду лгуньей, если скажу, что нет». Хотя долгое время в своих публичных высказываниях Мэрилин это отрицала, утверждая: «Голливуд — это место, где тебе заплатят тысячу долларов за поцелуй и гроша ломаного не дадут за твою душу. Я это знаю потому, что я слишком часто отвергала первое предложение, а моя душа не продается. Меня тошнит от мужчин, пытавшихся делать мне предложения. Я давала отказы…» Но не только благодаря сексу, как это принято считать, Мэрилин добилась феноменального

успеха, став признанной королевой Голливуда. Актеры, которые снимались с ней на одной площадке в первые годы ее карьеры, вспоминали, что «много работали все, но столько, сколько она, никто». Тяжелый труд и тот фантастический блеск, который исходил от Мэрилин Монро даже в ее самых банальных ролях, вознесли ее на вершину мировой славы.

Среди ее любовников были и молодые, и не слишком влиятельные мужчины, но мужчины, которые имели «хоть какой-то вес в ее глазах», как правило были старше. «Ненадежность — вот что сводит меня с ума, — откровенно признавалась Мэрилин. — Меня всегда привлекали зрелые мужчины, потому что у молодых не хватает мозгов, они чаще всего стремятся заигрывать, но на деле даже не думают обо мне. Они приходят в сексуальное возбуждение только потому, что я кинозвезда. Более зрелые мужчины добрее, они больше знают, а те, с которыми я была знакома, были еще к тому же в бизнесе важными людьми и старались помочь мне». Но среди мужчин актриса искала не только могущественных покровителей; она стремилась найти опору, поддержку, искреннюю любовь.

В 1954 году Мэрилин стала женой знаменитого спортсмена, итальянца Джозефа Пола Ди Маджо. Богатый 37-летний король бейсбольной площадки повел свою королеву под венец после двух лет ухаживаний. В качестве свадебного подарка Ди Маджо подарил невесте кольцо из белого золота, усыпанное бриллиантами, а Мэрилин преподнесла будущему мужу свои «обнаженные» фотографии из скандально известной календарной серии, которые считались слишком откровенными и не были опубликованы.

Отношения между молодоженами стали сложными почти сразу: слишком разными людьми были Мэрилин Монро и Джо Ди Маджо. Писательница Шейла Грехем, которая общалась с ними в первые месяцы их совместной жизни, отмечала: «Они были равны в славе, но только не в привычках. Опрятность Джо граничила с манией. На его туалетном столике все было разложено по алфавиту: А — аспирин, Б — бритва и т. п. Мэрилин можно было отыскать, следуя за вереницей разбросанных повсюду вещей: чулок, лифчика, носового платка и, наконец, сумочки. Он все время пытался муштровать ее, но у него ничего не выходило. В своих отношениях они дошли до того, что без крика уже не могли разговаривать». И все же брак, продлившийся всего девять месяцев, был ярким. Вспыхнув ослепительным светом, страсть кинозвезды и знаменитого спортсмена тут же погасла. «Нет ничего радостного в браке с электрическим светом», — сказал Ди Маджо годы спустя. Тем не менее он так и не смог забыть

Мэрилин: в будущем он еще не раз будет предпринимать попытки вернуть бывшую жену, за что приобретет репутацию человека, «пронесшего пламенную любовь к Мэрилин до самой ее кончины и дольше». Каждую неделю он отправлял ей цветы, которые она так любила, а потом, когда ее не стало, продолжал приносить их на ее могилу. Он был единственным из мужей Монро, кто пришел проводить ее в последний путь.

Не успев расторгнуть брак с Ди Маджо, Мэрилин заговорила о новом замужестве. Ее следующим избранником стал известный американский кинодраматург Артур Миллер. «Он увлек меня тем, что умен, — признавалась актриса в одном из многочисленных интервью. — У него ум сильнее, чем у любого из мужчин, которых я когда-либо знала. Он понимает и поощряет мое стремление к самосовершенствованию». Принимая ухаживания Артура Миллера, Мэрилин, как и прежде, не отличалась постоянством в любви. В это же время она сблизилась с одним из самых знаменитых киноактеров тех лет Марлоном Брандо. Их любовные отношения постепенно прекратились, так как Мэрилин приняла решение предать гласности свой роман с Миллером, но дружбу с Брандо она поддерживала до конца своих дней.

Брак с Миллером, продлившийся почти 5 лет, стал самым продолжительным замужеством кинозвезды. Так долго бок о бок она не жила ни с кем из других мужчин. Несмотря на сложность семейных отношений, Мэрилин не раз говорила о том, что испытывала к мужу искреннюю любовь и благодарность: «Я люблю мужчину, а не его ум. Артур Миллер, который привлек меня, был человеком, излучавшим тепло и дружелюбие. Артур помог мне переделать себя. У меня всегда была неуверенность в себе. Артур помог мне преодолеть это чувство». В браке с ним Мэрилин впервые в жизни чувствовала себя защищенной — «словно она после холода очутилась в тепле». Но и этот союз, в котором она, казалось, обрела счастье в любви, не оправдал ее надежд. В конце концов супруги поняли, что только разыгрывают «гармоничный с виду брак». Годы спустя Мэрилин с горечью заметит: «Я не привыкла ощущать себя счастливой, поэтому никогда не относилась к счастью как к само собой разумеющемуся. Знаете, я думала, что брак способен сделать это». Закат брачного союза Монро с Миллером наступил после того, как актриса начала сниматься в фильме «Займемся любовью» вместе с французским киноактером Ивом Монтаном, который стал ее очередным любовником. После развода Мэрилин чувствовала себя опустошенной и одинокой.

Личная трагедия Монро усугублялась еще и тем, что она так и не смогла иметь детей, о чем очень сожалела. В браке с

Артуром Миллером она очень хотела иметь ребенка, но все ее беременности заканчивались выкидышами. По признанию самой Мэрилин, к 29 годам она сделала тридцать абортов. Тоска по нерожденным детям привела к тому, что актриса много времени и средств тратила на благотворительность и помощь сиротским приютам. Всю жизнь она была очень привязана к детям своих мужей и любовников, бережно храня у себя их фотографии. Артур Миллер говорил: «Чтобы лучше понять Мэрилин, нужно увидеть ее среди детей. Они ее любят. В ее отношении к жизни есть что-то от их простодушия и прямолинейности». «Одинокий, заброшенный ребенок» всегда жил в Мэрилин, беззащитной и уязвимой. Режиссер Джошуа Логан однажды сказал о Монро: «Меня начинают душить рыдания, когда я по-настоящему думаю о ней, мне кажется, ей в жизни не выпало и двух дней счастья или удовлетворения, если не считать времени, когда она работала».

Со временем ее внутреннее одиночество и неудовлетворенность собой и собственной жизнью привели к тому, что окружающие стали всерьез беспокоиться о психическом здоровье Мэрилин. «Она была больна, — вынес свой вердикт давний друг актрисы Норман Ростен, — и не только физически и психически, но больше всего была больна ее душа, основной источник желаний. В ее глазах не было света». С юных лет Мэрилин Монро постоянно преследовали мысли о смерти, несколько раз она пыталась покончить жизнь самоубийством. «Дайте мне умереть. Я хочу умереть. Я заслужила смерть. Что я натворила со своей жизнью? Кто у меня есть?» — говорила она, в очередной раз оказавшись на пороге отчаяния. С 28 лет Мэрилин Монро находилась под присмотром психиатра. По свидетельствам близких, в ту пору, когда созданный Голливудом образ актрисы поднимался все выше, в реальной жизни она «медленно сползала к поражению»: «Она уже была не девушкой из мечты, а женщиной тридцати двух лет от роду, употреблявшей алкоголь, да еще в чрезмерных дозах, женщиной, которая к тому же знала, что пропадает». Мэрилин стала не только много пить, но и вовсю злоупотребляла барбитуратами и наркотикосодержащими медикаментами. Все это сказывалось и на ее личных отношениях с людьми, и на профессиональной деятельности. Один из режиссеров, снимавший актрису, сказал: «…С Мэрилин было трудно потому, что она совершенно непредсказуема…»

Являя собой мешанину чувств и настроений, Монро не укладывалась в общепринятые нормы и стандарты. «Как можно заключить Мэрилин в какую-то оболочку? Чем лучше узнаешь людей, тем более сложными они вам кажутся. Если бы она была простой, помочь ей не составило бы труда», — сказал однажды

Артур Миллер. Те, кто стремились разобраться в том, какой на самом деле была Монро, в итоге приходили к выводу, что в полной мере это не удастся никогда. Одни видели в ней великую актрису, другие — бездарность с ангельской внешностью. Для одних Мэрилин была законченной эгоисткой, которую ничего не интересовало, кроме собственной внешности, для иных — бескорыстным и щедрым другом. Она имела несметное количество любовников, за что ее называли нимфоманкой, и в то же время мечтала о браке с единственным мужчиной и материнстве. Оставаясь наедине, она читала философские труды и занималась разведением цветов, одновременно предаваясь дурману алкоголя и наркотиков. «…Ее не так-то легко постичь. Ее можно зримо представить себе, отчетливее, чем кого бы то ни было, но рано или поздно начинаешь понимать, что это не значит знать ее», — сказал о Мэрилин Генри Джеймс.

Каким бы клубком противоречий не представлялась сущность Монро, ни у кого нет сомнений в том, что эта женщина обладала какой-то магнетической тайной, вложенной не только в ее тело, но и в душу. Один из многочисленных любовников кинозвезды, модельер Билл Травилла сказал: «В этой девушке было такое, что нельзя не любить. Опаздывая на утреннее свидание, она могла позвонить в три и сказать, что уже в пути, а ты прождешь ее до семи. Она была единственной женщиной из всех, кого я знал, рядом с которой мужчина чувствовал себя высоким, красивым, обаятельным, благодаря немигающему взгляду ее глаз, заглядывающих вам прямо в душу. С ней у вас возникало чувство, что вы у нее единственный, даже если это было не так».

Мэрилин прекрасно сознавала, какое действие она оказывала на мужчин. Фотограф Ф. Холсмен, много раз снимавший ее, вспоминал: «Когда она встречала мужчину, которого не знала, то чувствовала себя уверенной и защищенной только тогда, когда понимала, что желанна для него; поэтому все в ее жизни было направлено на то, чтобы спровоцировать это чувство. Талантом в этой области она обладала недюжинным. Я помню, как сам испытал нечто подобное, находясь в ее крошечной квартирке со своим ассистентом и исследователем из „Лайфа“. Каждый из нас чувствовал, что, если двое других уберутся, произойдет что-то невероятное». Понимала Мэрилин и то, что не только в жизни, но и в кино в ней видят прежде всего «сексуальный стимул», а не личность, не актрису. Не случайно режиссер Джин Негулеско, снимавший Монро в фильме «Как выйти замуж за миллионера», сказал ей: «Мэрилин, не старайся изображать секс. Ты сама и есть секс. Ты воплощение секса». Но ей хотелось стать «настоящей играющей звездой», а не просто «самой сексуальной штучкой в

кино со времен Джин Харлоу». Однажды Мэрилин сказала: «Я хочу быть художником, а не эротической причудой. Я не хочу, чтобы меня подавали публике как целлулоидное средство, усиливающее половое чувство. Первые несколько лет меня это устраивало. Но сейчас многое изменилось». Все же ей приходилось довольствоваться тем, что слава ее как секс-символа была гораздо шире, чем слава киноактрисы. Из года в год Мэрилин Монро исполняла бесхитростные роли соблазнительных глупышек. Лишь однажды ей удалось выйти за рамки привычного амплуа сексапильной обворожительной красотки — в фильме «Неприкаянные» (1961), который стал последним в ее жизни.

Знаменитая британская актриса Констанс Кольер, у которой Мерилин Монро брала уроки актерского мастерства, сказала о своей ученице: «О да, в ней что-то есть, она красивое дитя. Но я не могу назвать ее актрисой, во всяком случае в традиционном смысле слова. То, чем она владеет, — эта аура, это свечение, этот трепетный ум — может так и не проявиться на сцене. Все это так хрупко и неуловимо, что может быть ухвачено только камерой. Это — как колибри в полете: только камера в состоянии запечатлеть поэзию этого. Тот, кто полагает, что эта девушка просто вторая Харлоу или шлюха, или что там еще, — просто безумец. Я надеюсь и молю Бога, чтобы она прожила как можно дольше, чтобы раскрепостить странный чудный талант, который ищет выхода в ней, подобно заточенному в темницу духу».

Но словам К. Кольер не суждено было сбыться — по злой прихоти судьбы актриса ушла из жизни, когда ей было всего тридцать шесть. Трагические обстоятельства ее смерти еще больше усложнили разгадку тайны, именуемой Мэрилин Монро. Существует несколько версий о причине кончины кинозвезды. Согласно одной, она покончила с собой, приняв смертельную дозу снотворного, по другой — произошла трагическая ошибка, в результате которой актриса переоценила свою восприимчивость к лекарству и приняла слишком много таблеток. Не менее распространенной версией является предположение о том, что Монро была убита. Эту версию прежде всего связывают с именем братьев Кеннеди, которые якобы поспешили избавиться от своей любовницы, беспокоясь, «как бы та не вышла из-под контроля и не распустила язык». Но официального подтверждения она не получила. Достоверно известно лишь одно — роман с президентом США Джоном Кеннеди, а затем и с его братом Робертом — «все это легло в основу того мифа, которым стали последние дни Мэрилин Монро». Что касается обстоятельств и причин смерти кинозвезды, то они засекречены до сих пор и вряд ли кому-нибудь удастся установить истину.

С тех пор как Мэрилин Монро стала «национальным достоянием, утешением государственного масштаба», жизнь ее напоминала качели, возносившие ее на вершину триумфа и низвергавшие в бездну печали, а окружающий мир жадно наблюдал за всеми перипетиями ее судьбы. Наиболее точно отношение к ней выразил Берт Стерн, один из фотографов, которому множество раз позировала актриса, сказав о ней: «Она была светом, и богиней, и луной. Даль и мечта, тайна и опасность. А также все остальное в придачу, включая Голливуд и девчонку из соседнего дома, на которой мечтает жениться каждый парнишка».

Монтеспан Франсуаза Атенаис де

(род. в 1641 г. — ум. в 1707 г.)

Амбициозная фаворитка Людовика XIV, знаменитая дворцовая интриганка. Для поддержания своего влияния на короля не гнушалась прибегать к «черным мессам».

Король Франции Людовик XIV был любвеобильным мужчиной. Мимолетные увлечения и долголетние связи оживляли будни, наполненные заботами о государстве. Его многочисленные фаворитки, каждая в силу своих амбиций, оказывали влияние не только на образ жизни королевского двора, но и на внутреннюю и внешнюю политику страны. «Я всем приказываю: если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более 24 часов для того, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение». Так говорил Людовик своим придворным, но дворяне и чиновники всех рангов обхаживали королевских фавориток, во всем потворствуя им, прислушивались к их пожеланиям, преследуя свои корыстные цели.

Особое влияние на короля оказали три абсолютно разные по характеру женщины. С Луизой де Лавальер короля связывали 10 лет «искренних чувств». «Хромоножка из Тура» просто любила Людовика, отличалась простотой и скромностью и, по отзывам известной писательницы того времени маркизы де Савиньи, «стыдилась быть любовницей, быть матерью, быть герцогиней». Маркиза Ментенон использовала ум, хитрость, показные

благочестие и добродетели, чтобы оттеснить других женщин и «приковать» Людовика к себе. Она достигла своей цели. Луиза де Лавальер была первой в цепи долговременных привязанностей короля-солнца, Франсуаза де Ментенон — последней. А между ними была «эпоха Монтеспан», любовницы-госпожи, некоронованной королевы.

Франсуаза Атенаис происходила из старинного аристократического рода Тонешарант, ветви знаменитых Рошешуаров. Ее родители, отец Габриэль де Рошешуар, герцог де Мортемар и мать Диана де Грансель, по обычаям того времени, воспитывали дочь в монастыре. Легкомысленным нравом и желанием жить в свое удовольствие Франсуаза походила на отца. Он считал свой брак счастливым, потому что пока жена дни напролет молилась в церкви, они не виделись, да и ночью не встречались — это время герцог посвящал кутежам.

В 19 лет Франсуазу отправили в Версаль. Она стала одной из придворных дам королевы Марии Терезии и сумела внушить одинокой и набожной женщине, что и сама является образцом всех добродетелей. В 1643 г. Франсуаза вышла замуж за знатного дворянина маркиза де Монтеспана. Он был в восторге от своей очаровательной супруги и очень любил ее. Желание юной маркизы жить на широкую ногу и блистать при дворе очень быстро истощило семейный бюджет. Прозябать в нищете рядом с любящим мужем было не по ней. Франсуаза решила привлечь внимание короля к своей персоне. Роскошная жизнь ничего не требующей Лавальер не давала ей покоя. Она упорно стремилась к своей цели — занять место первой фаворитки короля. Понятие «совесть» никакого смысла для Монтеспан не имело. Она вошла в доверие к Лавальер и тут же начала отпускать в присутствии короля колкие, меткие и умные замечания в ее адрес. Мелкие злобные проделки Франсуазы смешили завистливых придворных и привлекали внимание Людовика. Монтеспан, несомненно, была умна и понимала, что стремительной победы ей не одержать, ибо король был привязан к Луизе.

Но время и камни точит… Яркая темпераментная Франсуаза была полной противоположностью Лавальер. Она отличалась особо изящными манерами, совершенной красотой лица: ярко-голубые глаза, белокурые роскошные волосы, точеный профиль. Ни загадочной бледности, ни приторной томности. Пышное тело ее источало призыв и страсть. Как только Франсуаза почувствовала, что Людовик проявляет интерес к ее прелестям, то отбросила в сторону все церемонии. Очаровательная соблазнительница не колебалась ни минуты, когда король предложил ей разделить с ним ложе. Теперь оставалось только

закрепить свой успех. Маркиза решила, что жизнь короля должна быть полна веселья и развлечений, и приложила массу усилий, чтобы каждая их встреча превратилась в праздник. Так, военный поход Людовика в 1667 г. в Бельгию напоминал увеселительный вояж на фоне сражений.

Теперь в Версале было две королевские фаворитки. Король никак не мог расстаться с Лавальер, как и отказаться от удовольствии наслаждаться обществом Монтеспан. Он обрек двух женщин на «мирное сосуществование» и поселил в смежных покоях. Для Луизы это было настоящей трагедией, ведь она любила Людовика. Монтеспан же получала удовольствие от такого соседства: устраивала общие обеды и чаепития, прогулки, игры в карты, наслаждаясь от унижения своей соперницы. Она с удовольствием узнала, как однажды король, переодеваясь в комнате Лавальер и выслушивая робкие упреки, бросил ей на колени маленькую собачонку со словами: «Держите, мадам, вот ваша компания! Этого вам достаточно», — и удалился на весь вечер к Франсуазе. Салон Луизы опустел — все придворные переметнулись на сторону новой фаворитки.

Монтеспан, ощутив свою власть над королем, не заботилась о соблюдении хотя бы внешних приличий. С 1668 г. их связь приобрела открытый характер. Единственным препятствием для воцарения Монтеспан оставался муж. Маркиз не был согласен с Мольером, чьи строки: «Делить супругу с Юпитером не позорно», — предназначались именно ему. Он упорно не хотел уступать любимую женушку даже королю и не испытывал благоговейной радости от того, что он рогоносец по королевской милости. Непокорный супруг откровенно порицал поведение Людовика при дворе, вламывался в комнату законной жены и угрожал забрать детей, которые по закону принадлежали ему, а не их отцу-королю. Чтобы остудить его пыл, Людовик приказал бросить маркиза в Бастилию, но в предчувствии скандала в обществе освободил и отправил в поместье. Здесь обманутый муж устроил показательные «похороны» супруги. При этом, чтобы войти в часовню для отпевания, он приказал настежь распахнуть двери и громогласно сообщил собравшимся (в том числе двоим общим детям): «Мои рога слишком велики для такого узкого прохода». Гроб предали земле и на камне высекли имя маркизы. Через несколько лет, после всех скандалов, получив от короля значительную материальную компенсацию на достойное воспитание детей, маркиз Монтеспан согласился на расторжение брака.

К тому времени Франсуаза безраздельно владела сердцем короля. Идя на поводу у своей новой фаворитки, он заставил

Лавальер стать крестной матерью одной из своих дочерей от Монтеспан. Испытав такое унижение, Луиза умолила короля отпустить ее в монастырь. Так с 1674 г. при дворе наступила «эпоха Монтеспан». Она одна занимала 20 комнат в Версале, тогда как Мария Терезия с придворными дамами — всего десять. Шлейф королевы нес обыкновенный паж, а маркизы — старшая статс-дама герцогиня де Ноай. Семья короля и фаворитка молились рядом в церкви. Тщеславная Монтеспан добилась возвышения и высоких титулов для своей родни. Золотой дождь пролился на семейство Рошешуар, ее отец стал губернатором Парижа, а брат — маршалом Франции.

Власть королевской фаворитки была неограниченной. Генералы, министры, послы, прежде чем явиться на прием к королю, посещали его любовницу, чтобы затем не попасть впросак со своими предложениями. Впасть в немилость у Монтеспан было равносильно отставке и изгнанию. Капризы и приказы «кусающейся» Франсуазы исполнялись мгновенно и безукоризненно, так как ее злого языка все боялись, и не без основания. Фаворитка не отличалась деликатностью и благородством характера, хотя в уме и наблюдательности отказать ей было нельзя.

Король не жалел денег на свою любовницу. Генеральному контролеру финансов Кольберу было поручено оплачивать из государственной казны все ее расходы. А «аппетиты» у Монтеспан были непомерные. Вскоре у нее появился свой двор, свои корабли на море, оснащенные и вооруженные за счет государства, не говоря уже о множестве дорогих украшений и нарядов. Франсуазе оказывали королевские почести, когда она прибывала в какой-либо город. Король сформировал для ее личной охраны особый отряд из представителей лучших дворянских семей. Чтобы заслужить покровительство королевской фаворитки, придворные тоже не скупились на подношения. Маркиза де Савиньи так описывала платье, подаренное одним из богатых кавалеров: «Золото на золоте. Вышитое золотом, окаймленное золотом, а все это перевито золотом, и все это перемешано с золотыми вещичками, а все вместе составляет платье из необыкновенной ткани. Надо быть волшебником, чтобы создать такое произведение, выполнить эту немыслимую работу…»

Слова короля в письме к Кольберу: «Продолжайте угождать ей всегда», — были восприняты всеми чиновниками как приказ. По желанию Монтеспан близ Версаля, в Клании, возвели хорошенький домик. Но маркиза заявила, что ей не пристало жить в помещении, пригодном разве что для оперной певички. Здание снесли, а на его месте возвели роскошный дворец,

который обошелся французской казне в 28 млн ливров, здесь же затем разбили великолепный сад. Размах фаворитки был поистине королевским, ведь на содержание всего королевского флота (для сравнения) в год отпускалось 12,5 млн ливров.

«Король должен быть весел», — решила Франсуаза и, не задумываясь, расходовала на празднества баснословные суммы. Да и сама любила поразвлечься. Людовик с удовольствием наблюдал, как его легкомысленная фаворитка забавляется словно дитя, запрягая в миниатюрную карету шестерку… обыкновенных мышей, или заботливо обхаживает в своих золоченых покоях своих любимец — козочек. Монтеспан, чтобы потешить короля, устраивала живые карточные игры, где в роли карт выступали придворные дамы и кавалеры. Людовик сравнивал ее с «играющим ребенком». И это «дитя» увлеченно проигрывало в карты целые состояния. В одну из новогодних ночей маркиза спустила 600 тыс. ливров, а еще через три месяца государственная казна оплатила ее карточный долг в размере 4 млн ливров.

Монтеспан царила и властвовала. «Султанша», как ее называли при дворе, позволяла себе не только решать судьбы придворных, даровать состояния и титулы, изгонять в опалу, разорять, но даже подшучивать над королевой. Марии Терезии приходилось обращаться к фаворитке, чтобы через нее добиться какой-либо королевской милости. И когда Людовик приказал удалить от жены всех испанских фрейлин, Монтеспан, по просьбе королевы, «ходатайствовала» перед ним, и Марии Терезии высочайше позволили оставить одну из них.

Единственным, во что Франсуаза старалась не вмешиваться, оставалась политика. Но дворцовые интриги были ее стихией и, конечно, малейшее ее неудовольствие кем-то или чем-то было подобно «государственному перевороту». Многие завидовали власти королевской фаворитки, и поэтому она внимательно следила за своими «подданными». А те, в свою очередь, наблюдали за сменой интересов короля, чтобы вовремя высказать почтение новой пассии монарха. Но свою власть Мантеспан уступать не собиралась.

Поволноваться Франсуазе все же пришлось. Женолюбивый Людовик, хотя и был привязан к ней, увлекался и другими женщинами. Королю никто не отказывал. За 16 лет «царствования» Мотеспан не раз пришлось отстаивать свое право на короля. Принцесса Субиз родила ему сына. Мимолетные увлечения графиней Граммон, госпожой де Людр и девицей Гедам болезненно ударяли по самолюбию «султанши». Но особенно заставила ее поволноваться юная маркиза Фонтанж,

серьезно претендовавшая на место фаворитки. В этот раз Монтеспан была спасена только благодаря тяжелой беременности своей соперницы, которая выглядела измученной и непривлекательной. Ребенок родился мертвым, а через два года скоропостижно скончалась сама маркиза. Препятствия больше не существовало. Однако фаворитка не теряла бдительности.

По Версалю поползли зловещие слухи о тайных «черных мессах», в которых принимала участие Монтеспан. Трижды в заброшенной церкви Сен-Марсель кровь некрещеного младенца лилась на обнаженное тело Франсуацы, трижды аббат Гибур служил дьявольскую мессу. О чем просила темные силы королевская фаворитка? Она молила оставить ей власть над королем, избавить от соперниц, сделать королеву бесплодной.

Зловещие чары или жизнерадостный характер Монтеспан вновь и вновь соединяли любовников. Страсть вспыхивала с новой силой. Чувственные удовольствия завершились рождением восьмерых детей. Шестерых из них король признал официально, а зрелого возраста достигли только четверо. Людовик любил внебрачных детей больше, чем единственного законного наследника, осыпал их милостями и титулами. Луи-Август, герцог де Мень (1670 г. р.) уже в детские годы получил высокие воинские звания. Его сестра Луиза-Франсуаза, мадмуазель де Нант (1673 г. р.) стала женой Людовика III, герцога Бурбон-Конде. Франсуаза-Мари, мадмуазель де Блуа (1677 г. р.) вышла замуж за Филиппа II герцога Орлеанского, впоследствии регента. Луи-Александр, граф Тулузский (1676 г. р.) в семь лет получил звание адмирала Франции, а в 18 — титул герцога и пэра Дамвиля. Все дети носили королевскую фамилию де Бурбон, и хотя имя матери было тоже хорошо известно, но в церковных документах оно не значилось. Церковь и так вынуждена была закрывать глаза на прелюбодеяние. Для воспитания королевских отпрысков Монтеспан уговорила Людовика взять свою близкую подругу, вдову поэта Скаррона, Франсуазу д'Обиньи. Фактически «султанша» сама проложила дорогу своей будущей сопернице.

Король начал уставать от капризной, требовательной, непомерно жадной фаворитки. Миловидная вдова Скаррон казалось ему тихой заводью — внимательная, заботливая к детям, непритязательная и внешне богобоязненная, она расчетливо оплетала сетями Людовика под боком у ничего не подозревающей Монтеспан. От амбициозной интриганки устал не только король, она измучила весь двор. Церковь настойчиво требовала отдалить не знающую стыда и совести фаворитку. Даже знаменитая парижская куртизанка Нинон де Ланкло открыто порицала в своем салоне «зарвавшуюся» Монтеспан и нерешительного

короля. Людовику были неприятны эти нападки на свою персону, но сразу оборвать свою связь с Франсуазой он был не в силах. Он привык к этой красивой, изящной, всегда излучающей веселье женщине. Изысканный образ жизни, который фаворитка ввела при дворе, хранил особый отпечаток ее собственной привлекательности и вкуса.

Отношения между королем и Монтеспан начали давать первые серьезные трещины. Но когда в апреле 1675 г. Франсуаза покинула Версаль и уехала в Париж, Людовик вернул ее. И как только король вновь приближал ее к себе, она спешила взять реванш — доказать придворным свое могущество. Никто не сочувствовал ее шаткому положению, хотя были люди, особенно среди представителей литературы и искусства, которым она сделала немало добра.

Монтеспан покровительствовала Рассину и Буало, добилась пенсии для старого Корнеля и помогала Люли. «Она всегда была превосходной великосветской дамой, — объективно писал Сен-Симон, — спесь ее была равна грации и благодаря этому не так бросалась в глаза…» Монтеспан становилась все более раздражительной и злобной. Ведь теперь все чаще она оказывалась в роли Лавальер — служила фоном для восхождения новой фаворитки.

Падению власти Франсуазы способствовало и разразившееся в 1677 г. скандальное «дело о ядах», в котором фигурировали 147 именитых фамилий, в том числе и Монтеспан. Под пытками знаменитая парижская изготовительница ядов и чародейка Катрин Монвуазен открывала зловещие подробности о приворотных зельях, любовных напитках, предназначавшихся для короля, об отравленных перчатках для маркизы Фонтанж, изготовленных по заказу Монтеспан. Очередная сессия вновь восстановленной «огненной камеры» — Чрезвычайного трибунала к началу 1680 г. отправила на костер 35 человек. Людовик пришел в ужас от открывшихся фактов. Дрожала и Монтеспан, обвиненная в страшных преступлениях против короля. За нее вступились могущественные Кольбер и Лувуа и даже добились ее свидания с Людовиком. Маркиза сумела умилостивить короля, частично отвести подозрения и даже остаться при дворе. Ей только пришлось оставить роскошные апартаменты и поселиться в более скромных, в стороне от королевских. Ее покои перешли в распоряжение сына Монтеспан, герцога Менского. Воспитанный вдовой Скаррон, ставшей новой фавориткой короля, он не испытывал к матери родственных чувств, как, впрочем, и другие дети.

Лицемерная дружба двух Франсуаз переросла в скрытую

ненависть. Маркиза Ментенон (Скаррон) давно безраздельно завладела помыслами короля. В 1683 г. (по другим данным— 1684 г.), после смерти Марии Терезии, впавший в религиозность Людовик тайно обвенчался с очередной могущественной фавориткой, хотя публично их союз так и остался неузаконенным.

Маркизе Монтеспан не было больше места не только в сердце короля, но и при его дворе. Она покорилась своей судьбе и с 1692 г. вела уединенную жизнь в своих многочисленных поместьях. В деньгах она не нуждалась. Людовик был щедр к ней как во времена любви, так и после, назначив достойную пенсию. В последние годы жизни Монтеспан постоянно терзал страх приближающейся смерти. Она поселилась в основанном ею монастыре Святого Иосифа. Вымаливая прощение у Бога, забытая королевская фаворитка измучивала себя молитвами, истощала постами, каялась и во искупление грехов носила подвязки и пояс с железными гвоздями. Умерла Франсуаза Атенаис де Монтеспан в 66 лет, раскаявшись во всех злодеяниях и получив отпущение грехов.

В 1792 г. из королевского архива было извлечено «дело о ядах», полное ужасающих подробностей, которое, несмотря на приказ Людовика XIV, мэтр Габриэль Никола Ларейни не сжег. Монтеспан предстала миру как не гнушающаяся ничем отравительница. Современные историки и юристы скрупулезно изучили многочисленные материалы следствия, и многие обвинения в ее адрес отпали. Доказано, что она не пыталась отравить короля и не замышляла убийств своих соперниц. Но в «черных мессах» и колдовских сеансах Катрин Монвуазен фаворитка принимала участие. И значит, среди найденных в саду чародейки из Сен-Жермена 2500 закопанных детских трупиков были и невинно убиенные по злой воле Монтеспан. Но черные силы не помогли ей сохранить ни любовь короля, ни власть.

Перон Эва (Эвита)

Настоящее имя — Мария Эва Дуарте Перон (род. в 1919 г. — ум. в 1952 г.)

Легендарная аргентинка, прочно обосновавшаяся в официальной истории своей страны, где до этого не упоминалось ни одного женского имени. Любовница и жена президента Аргентины, имевшая официальный титул Духовной воительницы нации; Золушка, которую народ при жизни прозвал «Принцессой бедняков», а после смерти почитает как святую.

Короткая, но бурная жизнь Эвиты Дуарте была чередой превращений: незаконнорожденная дочь фермера и кухарки, неудавшаяся актриса, содержанка, общественный деятель. Она пробивала себе дорогу с помощью многих мужчин, пока не встретила полковника Хуана Перона и не оказалась вместе с ним на вершине власти, став женой президента и первой дамой Аргентины. Немало соотечественников по сей день боготворят ее, но есть и те, кто ее ненавидят. Вокруг ее имени продолжают бушевать политические страсти, оценивая через «призму Эвы» прошлое и настоящее страны.

Природа наделила эту женщину привлекательной внешностью и сложным характером. Она могла быть очаровательной и великодушной, и одновременно — мстительной и злопамятной; не прощала обид и хорошо помнила добро.

Эвита родилась 7 мая 1919 г. на ферме в 300 км от Буэнос-Айреса в семье скотовода Хуана Дуарте и эмигрантки из Испании

Хуаны Ибаргурен. Родители Эвы находились во внебрачной связи в течение 15 лет, вплоть до смерти главы семейства. После похорон Хуана сразу же объявилась его законная жена, а матери Эвы с пятью детьми пришлось оставить дом и искать себе другого покровителя.

Семья переехала в небольшой железнодорожный поселок Хунин, где при поддержке местного политического босса многодетная мать открыла пансион. Число клиентов пансиона росло по мере того, как подрастали ее дочери. Вскоре три старшие дочери были выданы замуж за холостых постояльцев. Однако такая судьба совсем не прельщала юную Эву — она серьезно мечтала стать великой актрисой. Как только ей исполнилось шестнадцать лет, она сбежала в Буэнос-Айрес с заезжим исполнителем модного танго.

Претендентка в актрисы появилась в столице без средств, связей и образования, единственное, что у нее было, — это железный характер и твердое желание стать знаменитой. Эва пережила лишения и голод, непонимание и отчуждение, насмешки над ее деревенскими манерами и акцентом. В поисках средств к существованию ей пришлось довольствоваться третьестепенными ролями субреток с мизерной оплатой во временных театральных труппах. Обычно путь подобных Эве провинциалок, приехавших в Буэнос-Айрес и испытавших крушение надежд и иллюзий, заканчивался на панели. Однако такой поворот событий в жизни Эвы никто впоследствии не мог ни подтвердить, ни опровергнуть. Сама она не любила вспоминать о своих первых шагах в артистической карьере.

Ее первым любовником стал издатель популярного журнала «Синтониа» Э. Картулович, благодаря которому перед Эвой открылись двери киностудии и театральных салонов. Она стала сниматься в кино, но быстро поняла, что успех заключается не столько в таланте, сколько в умении подать себя. С этой целью Эва часто появлялась на показах в городских домах моды, благодаря чему приобрела внешний лоск, элегантность и превратилась в красивую молодую особу. Теперь она смогла позволить себе переехать в дорогой квартал столицы и вести соответствующий ее положению образ жизни. Но когда ее брат, работавший в банке, был уличен в растрате, Эва продала свои туалеты, съехала с дорогой квартиры и потратила все свои сбережения, чтобы оплатить его долги.

Вскоре Эва нашла себе нового спонсора — мыльного фабриканта, готового оплачивать ее сольную программу. Так она получила место ведущей актрисы в радиотеатре национальных радиокомпаний «Радио Бельграно». Эта работа принесла Эве

популярность в стране. Ее фотографии появились на обложке журнала «Антенна», а в интервью актриса признавалась, что любит спокойную жизнь домохозяйки и ценит домашний очаг. Идеи женских прав ее пока не волновали, она врастала в имидж идеальной аргентинской женщины.

Когда в 1943 г. в стране произошел военный переворот, Эва поняла, что очередного покровителя следует искать среди пришедших к власти генералов. Ее новым любовником стал министр связи полковник А. Имберт, в подчинении которого находились все радиостанции Аргентины. Это обстоятельство упрочило положение первой актрисы, но Эве хотелось большего. Она решила проявить себя в общественной деятельности, проникнув в верхние эшелоны власти, мир интриг и политики.

Подходящий случай вскоре подвернулся. На благотворительном вечере, посвященном солидарности с жертвами землетрясения, куда Эва приехала вместе с полковником Имбертом, среди звезд театра и кино она заметила более известного полковника, одного из лидеров военного правительства — Хуана Перона. Он сидел в первом ряду зрителей. Выбрав подходящий момент, Эва направилась к сидящей рядом с ним известной актрисе, с которой сама была едва знакома, и попросила представить ее Перону. А когда та отошла к микрофону, Эва заняла ее место. Вечер закончился в одном из прибрежных отелей, куда они потом возвращались не раз.

Связь 49-летнего полковника и 24-летней актрисы не нравилась военному окружению Перона. Офицеры презрительно называли Эву полковницей, а их жены — публичной женщиной. Так как в Аргентине не принято жениться на любовницах, то для того, чтобы завоевать Перона, Эве пришлось стать общественным деятелем, проявив для этого всю свою железную волю, закаленную в борьбе за существование.

Для этого Эва поселилась в соседней с Пероном квартире и организовала там салон для его соратников. Непосредственно вошла в курс всех интриг, появлялась с ним на профсоюзных собраниях и в рабочих кварталах. Поддерживая деятельность Перона на посту государственного секретаря по делам труда и соцобеспечения, Эва использовала свои выступления на радио. Передача «Пять минут для народа» на «Радио Бельграно» сделала актрису Эву Дуарте любимицей аргентинцев, они ласково называли ее Эвитой. В своих выступлениях она пела гимны беднякам, учила ненависти к богатству, а иногда даже плакала в эфире. Ей верили миллионы людей, чувствуя искренность в словах диктора. Очень быстро голос Эвиты стал олицетворять

«голос народа».

Когда очередной военный переворот 9 октября 1945 г. привел к отставке Перона и заключению его в тюрьму, Эвита тут же лишилась работы на радио и в театре. У нее уже не было другого выхода — она должна была стать политиком, чтобы защитить себя и своего любовника.

Эвита сделала ставку на профсоюзы и новое поколение городского пролетариата — так называемых «безрубашечников». Своими пламенными речами она смогла поднять на помощь Перону сотни тысяч аргентинцев. И уже 17 октября небывалое массовое стихийное выступление «безрубашечников» привело к освобождению Перона из тюрьмы. На следующий день Мария Эва Дуарте и вдовец Хуан

Доминго Перон поженились. Теперь Эвита уже в качестве законной супруги сопровождала кандидата в президенты на всех предвыборных митингах и поездках в агитпоезде по стране, фактически возглавляла его предвыборный штаб и выступала на встречах с избирателями.

Так Эва Дуарте прошла свой тернистый путь к власти от «полковницы» до «президентши». Она появилась вопреки всем прежним канонам и неписаным правилам аргентинского общества. Внебрачная дочь сельского фермера и кухарки, внучка помещичьего кучера вознеслась беспримерно высоко, нарушив все правила игры. Она превратилась в Эвиту — любимицу «безрубашечников». А для аргентинской аристократии, партийных и профсоюзных чиновников она стала госпожой Первой дамой республики. Эта двойственность ее нового положения сказалась в будущем на ее общественной деятельности, политическом портрете и даже внешнем облике.

Проблема с сомнительным прошлым жены президента разрешилась созданием культа «идеальной блистательной пары». Согласно сложившемуся мнению Хуан был образцом мужчины и идеалом нации, Эва — прекрасной латиноамериканской женщиной, хранительницей национальных и семейных ценностей. В Голливуде потом возник кинематографический эталон: высокий красивый брюнет с мужественными чертами лица и хрупкая красавица-блондинка. Атрибуты культа относились к ним обоим.

Идеализировалась даже личная сторона взаимоотношений этой пары. Как истинный кабальеро, президент всегда вставал при появлении жены, а при уходе провожал до дверей и целовал руку. На публике они расточали друг другу комплименты. Любовь с большой буквы стала вскоре частью их мифологии, а некоторые ее выражения пережили самих героев. Например, одна из фраз в предсмертной речи Эвиты: «Не плачь, Аргентина! Я

оставляю тебе самое дорогое, что у меня есть, — Перона».

Жена президента, вероятнее всего, оставалась верной ему на протяжении всей их совместной жизни. Однако широкую огласку получил факт, о котором журналистам стало известно со слов греческого миллиардера А. Онассиса, одного из самых богатых и влиятельных в мире людей. По его утверждению, они были любовниками во время двухмесячного турне Эвиты по Европе в 1947 г., куда муж отправил ее с дипломатической миссией. За один проведенный в ее обществе вечер Онассис подарил Эвите чек на 10 тысяч долларов, о чем впоследствии, смеясь, вздыхал.

Некоторая часть аргентинцев считала союз президентской четы всего лишь расчетом, а кто-то видел в нем любовную историю красивой молодой женщины и зрелого мужчины. Но, видимо, доля расчета в их браке все же была. Перон был самоуверенным и тщеславным человеком, он быстро шел к вершине, но ему не хватало хватки, присущей его кумирам — Франко, Муссолини и Гитлеру. Он был полон планов, но реализовать их сам не умел. Ему нужен был человек, который сумел бы построить крепкий фундамент для его правления. И Эвита это понимала. Она подобно бульдозеру расчищала Перону дорогу и вскоре стала фактически управлять страной, не занимая при этом ни одной официальной должности в правительстве.

Реализуемая президентом программа, в создании которой большую роль сыграла Эвита, сулила всяческие блага трудящимся Аргентины: впервые в мире здесь вводились тринадцатая зарплата, оплаченный отпуск, медицинское страхование, защита права на труд. Не были забыты и богатые люди страны: Перон предложил им в добровольно-принудительном порядке поделиться своими доходами с бедняками.

Эвита взяла на себя заботу о профсоюзах, которые она стремилась превратить в партию власти. Жена президента стала не только «голосом народа», но и «мадонной профсоюзов» с огромным чиновничьим аппаратом, который помогал ей управлять страной. У Эвиты появилось могущество, и она пользовалась им в полной мере. Используя свое положение, она сосредоточила в своих руках самые авторитетные средства массовой информации: три газеты и четыре радиостанции. Она разогнала все театры, где когда-то не поверили в ее актерский талант, и стала утверждать в стране все киносценарии после того, как осуществила свою давнюю мечту — снялась в кино в главной роли. Тем временем народ требовал от возглавляемых Эвитой профсоюзов все больше реальной поддержки, огромные очереди просителей жаждали конкретной материальной помощи. При

катастрофическом опустошении казны нужно было найти выход из сложившейся ситуации.

И решение было найдено. Президентским указом учреждается фонд социальной помощи Марии Эвы Перон, основанный на принципе взаимной помощи: каждый трудящийся отчисляет в него свой взнос и, когда нужно, берет из него по потребностям. В первое время фонд довольно успешно работал. Но через несколько лет им стали управлять профсоюзные функционеры, многие из которых не побрезговали запустить туда руки. Да и сама Эвита не раз приникала к этому источнику. Она построила резиденцию фонда в Буэнос-Айресе, с виду напоминающую античный храм, появлялась в обществе в роскошных туалетах и щеголяла богатейшей коллекцией изумрудов, сапфиров и бриллиантов. Жена президента, вся усыпанная драгоценностями, ездила на шикарном «роллс-ройсе» в городские трущобы раздавать пособия семьям бедняков.

По оценкам некоторых экспертов, Эвита присвоила около 100 миллионов долларов, которые были надежно упрятаны в швейцарские банки. Не отставал от супруги и президент. С его легкой руки в фонд Эвы Перон были направлены деньги других общественных фондов Аргентины, а также отчисления от проведения национальных лотерей. Важной статьей дохода президента были и взятки от предпринимателей за выдачу разрешений на импортно-экспортные операции. Одновременно диктаторский режим был вынужден тратить огромные суммы на содержание армии и полиции.

Но, несмотря на такое благоприятное развитие событий, вскоре стало очевидно, что Эвита очень устала. Возможно, это были первые признаки случайно обнаруженного у нее рака крови. Ее прооперировали, но из больницы вышла лишь ее тень, способная принимать только восхищение и обожание толпы. Их старательно обеспечивал Перон, как бы возвращая ей долги и памятуя о том, что Эвита заставила Аргентину полюбить его.

Между тем надвигались новые президентские выборы, а страна все глубже погружалась в экономический кризис. В прессе развернулась кампания нелицеприятной критики президентской четы, но у неугодных изданий попросту изымают всю бумагу. Диктат Перона начинает проявляться во всей красе. Вдобавок ко всему он решил выдвинуть Эвиту на пост вице-президента. Это было уже слишком. На стенах появились примечательные лозунги: «Да здравствует Перон — вдовец!»; против Эвиты выступила даже католическая церковь.

Мешать мужу на выборах Эвита не собиралась и, недолго думая, отказалась принять предложение Конфедерации труда

выдвинуть свою кандидатуру на пост вице-президента страны. Ее ответ, известный в Аргентине как «исторический отказ», прозвучал в обращении к народу по радио: «У меня не было и нет в настоящий момент никаких личных амбиций кроме одной: когда будут писать достойную Перона прекрасную главу в истории страны, пусть вспомнят, что рядом с Пероном была женщина, которая посвятила себя донесению до него чаяний народа; женщина, которую народ называл ласково Эвита. Вот все, кем я хотела бы быть».

В октябре 1951 г. состоялось публичное чествование умиравшей Эвиты. Прежде чем предоставить ей слово, Перон попросил многотысячную толпу соблюдать тишину, чтобы были слышны ее слова. Пока она говорила в микрофон слабеющим голосом, муж стоял рядом и поддерживал ее за талию. Но даже в такой момент она не утратила своей истовой веры в лидера и призвала народ к бдительности, к готовности умереть за Перона. Сцена, когда президент прикреплял высший орден страны на ее груди, а Эвита рыдала на его плече, как и весь этот траурный прижизненный митинг, сохранены для потомков в кинохронике. Впечатления людей, прощавшихся со своим кумиром, до сих пор передаются в Аргентине из поколения в поколение.

Подавив попытку военного переворота, Перон победил на выборах осенью 1951 г. А Эвита занялась книгой «Смысл моей жизни». Последний раз на публике она появилась 4 июня 1952 г. во время церемонии принесения Пероном президентской клятвы, но к тому времени врачи уже запретили ей любые передвижения. Эва умирала в страшных мучениях, лежа в самой скромной из президентских резиденций в окружении родных и соратников по борьбе. Она сама отдала указания, как забальзамировать ее тело, и точные инструкции о своем посмертном туалете, прическе и макияже.

Эвита скончалась 26 июля 1952 г. Страна погрузилась в траур. У многих к чувству скорби добавилось ощущение, что вместе с их любимицей хоронят и сам режим Перона. Толпы аргентинцев нескончаемым потоком шли к телу Эвиты и искренне плакали, ведь они так ее любили…

В течение суток тело Эвиты забальзамировал испанский патологоанатом Р. Ара, проходивший стажировку у специалистов московского Мавзолея. Врач заверил Перона, что тело не разложится никогда. Некоторое время останки Эвиты хранились как священная реликвия в часовне центрального здания Всеобщей конфедерации труда. В 1956 г. они были похищены военными, совершившими переворот и свергнувшими Перона. Около года гроб с телом путешествовал по казармам, складам, помещениям

армейской разведки и частным домам. Все сохранялось в глубокой тайне, а перемещения были вызваны страхом, что упорные поиски тела сторонниками Перона могут привести к успеху. Однажды даже случилась трагедия: майор Арандия, в доме которого был спрятан саркофаг, услышав ночью подозрительный шорох, открыл огонь из пистолета и застрелил собственную жену.

У нового президента Аргентины генерала П. Арамбуру возник план захоронения останков Эвиты за пределами страны. С огромными предосторожностями, путая следы, они были перевезены в Милан и тайно похоронены под чужим именем. Поиски места захоронения Эвиты продолжались четырнадцать лет. Они увенчались успехом только тогда, когда после очередного военного переворота группа коммандос выкрала бывшего президента П. Арамбуру, под пытками заставила покаяться в содеянном и затем казнила. В 1971 г. останки Эвиты возвратили Перону, а после его смерти опять перезахоронили.

После кончины Эвы Перон ее культ принял новые формы обожествления. При жизни сторонники называли ее символом социальной справедливости, а после смерти объявили заступницей перед Богом. Профсоюзы обратились к папе Пию XII с просьбой канонизировать Эвиту как святую, однако получили дипломатичный отказ. Ватикан сообщал, что ему известна благотворительная деятельность Эвы Перон, но нет сведений о ее духовном подвиге во имя церкви. Тем не менее в Аргентине отправление культа Эвы уже осуществлялось. Оно началось с патетической траурной церемонии, когда приверженцы Эвиты впряглись в артиллерийский лафет, на котором находилась под стеклянной крышкой хорошо видная всем «спящая принцесса бедняков».

Вдовец, оповестивший граждан, что «Эвита ушла в вечность», никак, однако, не мог убедить народ, что она действительно умерла. Без его пламенной подруги аргентинцы перестали воспринимать должным образом его самого. Чтобы освободиться от этого призрака, Перон после месячного траура перестал упоминать имя своей жены при выступлениях и в официальных документах. Но ему так и не удалось освободиться от этой заслонявшей его тени ни на президентском посту, ни в изгнании, куда он был отправлен после свержения военными в 1955 г., ни после собственной смерти.

В 1973 г. Перон вернулся на родину и во второй раз стал президентом Аргентины. Его третья жена Исабель (дочь разорившегося банкира, танцовщица варьете и аполитичная посредственность) тщательно копировала Эвиту. Она красилась в

золотистую блондинку и зачесывала волосы, как ее предшественница. Ее личный секретарь, слывший колдуном, совершил мистический ритуал по передаче энергии от Эвиты к Исабель, после чего образ Перона стал двоиться в глазах его сторонников: Эвита воплощала теперь светлую сторону его личности, а Исабель — теневую. Под руководством мужа ей удалось стать вице-президентом страны, более того, после смерти Перона в 1974 г. она автоматически заняла его президентское кресло. В память о своем супруге Исабель первым делом сделала то, что не успел сделать Перон: она вернула саркофаг с телом Эвиты в Буэнос-Айрес. Но это ей не помогло. В марте 1976 г. во время очередного военного переворота ее отправили в изгнание.

Интерес к феномену Эвиты не угасает и по сей день. Причем это касается не только ее родной Аргентины, но и других стран и континентов. Во всем мире издано множество биографических книг, написанных видными историками, появились различные художественно-документальные киноленты, драматические пьесы, мелодрамы и мюзиклы. Среди наиболее известных пьеса «Бриллиантовая орхидея» Дж. Уолдерса и Р. Ли, итало-аргентинский фильм «Эвита — супруга генерала Перона» режиссера Э. Миньоджи, американский фильм «Последнее танго» режиссеров Дж. Т. Хеккерта и Дж. Р. Роджера, рок-опера «Эвита» Т. Райса и Э. Л. Уэббера, а также снятый А. Паркером по ее мотивам кинофильм «Эвита» с популярной певицей Мадонной и Антонио Бандерасом в главных ролях. Но, несмотря на литературный, кинематографический, театральный и эстрадный бум, никто так и не сумел рассказать всю правду о жизни этой удивительной женщины и, тем более, разгадать тайну ее магического воздействия на людей.

Пиаф Эдит

Настоящее имя — Эдит Джованна Гассион (род. в 1915 г. — ум. в 1963 г.)

Великая французская эстрадная певица, гордость Франции, символ ее культуры, явление мирового музыкального искусства.

Главной темой песен Пиаф была любовь. Трагическая, изломанная, несчастная, дерзкая, всем своим порывом противоположная мелкому благополучию и мещанской благопристойности. Любовь — рок, любовь — испытание, любовь — проклятие, ниспосланное судьбой. Такой была и ее жизнь.

Личная жизнь Эдит Пиаф не пример для подражания. В ней было все: и дружеские отношения, и мимолетные увлечения, и конечно любовь. Едва кончалась одна большая любовь, начиналась другая. В этом у нее было свое правило: «Женщина, которая позволяет, чтобы ее бросили, — круглая дура. Мужиков пруд пруди, вон сколько их по улицам ходит. Только нужно найти замену не после, а до. Если после, то тебя бросили, если до — то ты! Большая разница».

Этот принцип Эдит всегда применяла с сознанием исполняемого долга. Ни один мужчина не мог ее переделать. И если находился такой, кто пытался ее бросить, он попадал впросак — она уже давно была на несколько корпусов впереди. Пока новый любовник еще не мог жить с нею под одной крышей, она молчала, держала при себе старого, считая, что в доме всегда должен быть мужчина: «Дом, где не валяется мужская рубашка, где не натыкаешься на носки, галстук, висящий на спинке стула

еще теплый пиджак, — это дом вдовы, в нем тоска и мрак».

Эдит появилась на свет 19 декабря 1915 г. в три часа ночи под фонарем около дома номер 72 на улице Бельвиль в Париже. Роды принимали двое полицейских — «скорую помощь» вызывать было уже поздно. Будущая эстрадная звезда родилась в цирковой семье акробата Луи Гассиона и певицы Аниты Майар в не очень подходящее время. Шла Первая мировая война, и отец, выбравшийся по случаю в отпуск, сразу же после рождения дочери вернулся в окопы кормить вшей. Мать через два месяца отдала девочку своим родителям-алкоголикам и забыла и о муже и о ребенке: она была «настоящая актриса, но у нее не было сердца».

Когда Луи Гассион в 1917 г. смог приехать в очередной отпуск, он увидел свою дочь в таком состоянии, что пришел в ужас: «головка, как надувной шар, руки-ноги, как спички, цыплячья грудь». Недолго думая, отец забрал ребенка и отвез его к своей матери в Нормандию — у него даже мысли не было отдать ее в приют. Здесь в городке Бернейе бабушка Луиза служила кухаркой у своей сестры Мари, которая содержала публичный дом.

«Мадам» Мари и ее девицы были в восторге от маленькой Эдит. «Ребенок в доме — это к счастью!» — считали они. Им с трудом удалось отмыть ее от грязи, и тут выяснилось, что у девочки катаракта — она ничего не видит. Малышка оставалась слепой в течение трех лет, и все это время ее новая большая семья не теряла надежды на ее выздоровление. Сначала Эдит возили по врачам, а потом одной из девиц пришла в голову мысль съездить на богомолье к Святой Терезе в Лизье.

Праздник Успения Богородицы 15 августа 1921 г. все девицы во главе с «мадам» провели в соборе, где они молились о здоровье их любимицы. И чудо произошло. Через неделю после посещения Святой Терезы ребенок прозрел. Потрясение было настолько велико, что «заведение» во второй раз закрыли на целый день и закатили пир без мужчин, но с шампанским.

Так Эдит обрела зрение, но вскоре лишилась уютного дома, где ее все очень любили. Не дав девочке проучиться в школе и года, под давлением кюре и «приличной» общественности Луи Гассион был вынужден забрать ее из «неприличного дома». С восьми до четырнадцати лет он таскал за собой Эдит по кабачкам и бистро, по городским улицам и деревенским площадям — война окончилась, и он снова стал уличным акробатом. Позже Эдит говорила: «Я столько исходила с папой дорог, что у меня ноги должны были бы стереться до самых колен».

Ее работа заключалась в сборе денег. «Улыбайся, — учил

отец, — тогда больше дадут». Уже тогда Эдит пробовала петь перед завсегдатаями кафе, что гарантировало Луи ежедневную выпивку. Он давно отказался от мысли сделать из нее гимнастку: «У этой девочки все в горле и ничего в руках!» — говаривал он. Первый раз Эдит спела на улице, когда ей было девять лет. Песенка, с которой она дебютировала, называлась «Я потаскушка».

В пятнадцатилетием возрасте Эдит надоело бесплатно работать на отца и терпеть его подружек, постоянно сменяющих друг друга. Она пробовала разносить молоко, мыла полы и понимала, что это все не для нее — она мечтала петь на улице. Но для того, чтобы не выглядеть в глазах прохожих обыкновенной попрошайкой, нужно было найти аккомпаниатора. Как-то раз Эдит встретила музыканта-самоучку по имени Раймон, с которым она некоторое время выступала в солдатских казармах и на площадях.

Скоро она стала петь самостоятельно, а потом уговорила свою сводную сестру Симону Берто уйти от пропойцы-матери и работать вместе. Ко времени их встречи Эдит уже знала множество мужчин. Первого она не помнила, о втором могла сказать только то, что он научил ее играть на банджо и мандолине. Вокруг нее всегда крутились мужчины, но больше всего уличной певице нравились солдаты Иностранного легиона, колониальных войск и моряки: «Если на тебя смотрит парень, ты уже не пустое место, ты существуешь. С ними можно и похохотать и побеситься, солдаты — легкий народ».

Однажды вечером в 1932 г. в бистро возле форта Роменвиль Эдит встретила своего Малыша — светловолосого паренька Луи Дюпона, который был на год ее старше. Несмотря на то что у Эдит было множество поклонников в близлежащей казарме, Луи стал ее первой настоящей любовью. С того вечера она начала жить вместе с Малышом под одной крышей, потому что он был первым, кто ей это предложил. О женитьбе вопрос не стоял, но уже через два месяца Эдит забеременела.

Будущий папаша ревновал свою подружку и частенько поколачивал. Их взгляды на жизнь были диаметрально противоположны — Эдит рвалась на улицу, а он хотел, чтобы она сидела дома. Даже рождение их дочери Сесель не смогло изменить ситуацию: Эдит снова стала петь на улицах, поздно возвращалась домой, что приводило к частым ссорам и дракам, которые заканчивались в полицейском участке. Долго так не могло продолжаться. Окончательно они расстались после того, как Эдит устроилась на работу в кабаре «Жуан-ле-Пэн» на улице Пигаль — в самом центре парижского «дна».

Ее новыми друзьями стали проститутки, грабители, сутенеры, торговцы краденым, шулера. Постоянного дома у нее теперь не было — она кочевала из отеля в отель, снимая комнату на ночь, где Сесель могла спокойно спать. Утром Эдит укладывала ее в коляску и целый день возила с собой по городу. Несмотря на такой беспорядочный образ жизни, девочка росла здоровой и веселой. Однажды Малыш выкрал дочку из отеля, надеясь, что Эдит вернется к нему. Но такие номера с ней не проходили — она вычеркнула его из своей жизни.

У Малыша Сесель пробыла недолго: в два с половиной года она заболела менингитом и умерла. Эдит в это время было девятнадцать лет. На похороны не хватало десяти франков, и Эдит в первый раз пошла на бульвар: «Тем хуже… я это сделаю». В номере отеля клиент поинтересовался, зачем она этим занимается. Услышав, что стоявшая перед ним малолетка только что потеряла дочь, он выругался, положил на стол крупную купюру и ушел.

Через несколько дней Эдит уже не вспоминала об умершей дочери — улицы днем, кабаре ночью — жизнь продолжалась как прежде. Однажды в октябре 1935 г. она выступала на Елисейских полях, и здесь на улице Труайон в ее судьбу вмешался случай — ее заметил владелец фешенебельного кабаре «Жернис» Луи Лепле. Исполнение песни Жана Ленуара «Как воробышек» так поразило его, что он тут же предложил уличной певице работу.

Молодой артистке нужно было подобрать звучное сценическое имя. Папашу Лепле осенило: «Ты настоящий парижский воробышек, и лучше всего к тебе подошло бы имя Муано. К сожалению, имя малышки Муано уже занято. Надо найти другое. На парижском жаргоне „муано“ — это „пиаф“. Почему бы тебе не стать Мом Пиаф?» Так с его легкой руки Эдит Гассион стала именоваться Малюткой Пиаф.

Через неделю в кабаре «Жернис», которое посещали аристократы, деятели литературы и искусства, состоялся дебют Пиаф. После первой же песенки раздался шквал аплодисментов. Успех Пиаф превысил все ожидания Лепле: «Порядок. Она их покорила…» Это был самый трудный момент за всю ее карьеру, но до самой смерти она считала его самым прекрасным. Она опьянела от счастья.

С работой все было в порядке, но в личной жизни в это время Эдит просто «сошла с рельс». Это был период бурного увлечения моряками, легионерами и разными проходимцами, которые поджидали ее после концерта у дверей кабаре.

Каждый день, в течение семи месяцев Эдит не жалела на своих дружков заработанных с таким трудом денег — они

пропивали все до последнего су. Она была по-своему счастлива: «Любовь — это не вопрос времени, а вопрос количества. Для меня в один день умещается больше любви, чем в десять лет. Мещане растягивают свои чувства. Они расчетливы, скупы, поэтому и становятся богатыми. Они не разводят костра из всех своих дров. Может быть, их система хороша для денег, но для любви не годится».

Ночью 6 апреля 1936 г. все рухнуло — папаша Лепле был убит в своем доме людьми, которые составляли в последнее время окружение Эдит. Некоторые из них были даже ее любовниками. Газеты взвыли — такая сенсация — певица причастна к убийству своего хозяина. Однако полиции не удалось ничего доказать, и Пиаф выпустили на свободу. Но от нее уже все отвернулись: «Как жаль, что ты потеряла своего покровителя. Только он один и мог поверить в тебя. Теперь тебе один путь — обратно на мостовую».

В Париже Эдит объявили бойкот, и она уехала в Брест петь в антрактах между фильмами в местном кинотеатре. Здесь она осталась верна себе — в первый же вечер завела знакомых среди моряков. «Славные ребята, они не задавали никаких вопросов», но вели себя так, что распугали всех штатских зрителей в кинотеатре. В итоге дирекция осталась недовольна работой Пиаф и не продлила ей контракт. В провинции тоже ничего не получилось…

Казалось, что второй раз подняться с самого дна Эдит уже не сможет. Но ее выручил старый приятель Реймон Ассо — «длинный, худой, нервный, с очень черными волосами и загорелым лицом» — он стал для нее другом, учителем, импресарио и, конечно, любовником. Именно Реймон сделал из «Малютки Пиаф» «Эдит Пиаф», что было очень нелегко. Он буквально учил ее читать и писать — Пиаф не понимала некоторых слов в собственных песнях и не могла без ошибок дать автограф, кроме того, она не разбиралась в нотной грамоте. Реймон учил ее хорошим манерам и терпеливо объяснял, как следует вести себя в жизни, за столом, с людьми.

В их отношениях взлеты сменялись падениями, но все же Эдит повторяла: «Как я его люблю! Он заставляет меня делать все, что хочет». Реймон Ассо отшлифовал ее биографию и создал «стиль Эдит», написав для нее несколько шлягеров. Ассо был первым мужчиной из тех, кого знала Эдит, интересы которого простирались дальше желания выпить, погулять или заняться любовью. Он был ей необходим, и она не могла без него обойтись, чтобы вырваться из мира прошлой уличной жизни.

Реймон любил Эдит как свою жену, как свое творение и как

своего ребенка, но понимал, что ничто не может ее удержать. Они расстались через полтора года после ее триумфального дебюта в самом знаменитом парижском мюзик-холле «АВС» на Больших бульварах. «Вчера во Франции родилась великая певица…» — писали газеты. Блестящей победой она во всем, исключая разве что свои вокальные данные, была обязана Реймону Ассо, и Пиаф всегда помнила об этом. Каждый раз, когда он в ней нуждался, она оказывалась рядом. Но любовь прошла, и в этом Эдит никогда не шла на компромисс. Ей нужно было новое, свежее чувство: «Любить по-настоящему можно, только когда чувствуешь это как в первый раз. Когда любовь остывает, ее нужно или разогреть, или выбросить. Это не тот продукт, который хранится в прохладном месте!»

Следующей любовью Эдит Пиаф стал певец Поль Мерисс. Он поразил ее воображение, его поступки были непредсказуемы: «Если за завтраком он вдруг стал бы есть орхидеи, она восприняла бы это нормально». Отношения между ними были непростыми — слишком разным был темперамент, но, несмотря на постоянные ссоры, они не расставались.

В 1940 г. Эдит познакомилась с драматургом Жаном Кокто, который стал ее добрым другом. Он искренне хотел помочь Эдит наладить нормальные отношения с Полем. Для этого он написал одноактную пьесу «Равнодушный красавец», сюжет которой был взят из рассказа Пиаф об их с Мериссом жизни, и предложил им сыграть это в театре. «Все очень просто, — уговаривал он Эдит, — Поль ничего не говорит, а ты играешь сцену, которую устраиваешь ему каждый день». Некоторые друзья Пиаф сомневались в успехе и даже в день премьеры предрекали провал. Выйдя на подмостки, начинающая актриса от волнения вдруг забыла все слова, но, взяв себя в руки, она отыграла спектакль на одном дыхании, покорив зрителей своим талантом.

«Равнодушный красавец» продлил пребывание Поля в жизни Эдит, но ее чувство умерло. В августе 1941 г. на съемках фильма «Монмартр-на-Сене» она встретила высокого, элегантного мужчину — журналиста Анри Конте. Он был полной противоположностью Полю, но вошел в жизнь Пиаф не столько как ее очередной любовник, сколько как автор ее бессмертных песен, в которых она так нуждалась. К большому сожалению певицы, он не хотел жить в ее доме — был разгар немецкой оккупации, и каждый вечер он уходил к другой, обманывая Эдит, что у него нет ночного пропуска. Пиаф еще какое-то время боролась за него, но удержать не смогла.

К этому времени относится ее участие в антифашистском движении Сопротивления. Во время войны Эдит Пиаф почти не

появлялась на сцене, но, к удивлению многих, приняла предложение спеть в Германии. За это ее обвинили в сотрудничестве с немцами. Не все знали, что певица выступала в лагерях военнопленных и отдавала им полученные гонорары. Однажды она попросила руководство лагеря разрешить ей сфотографироваться на память с соотечественниками. В Париже из большой фотографии подпольщики сделали 120 маленьких и изготовили фальшивые документы для «французов, добровольно приехавших в Германию». Вернувшись в лагерь через несколько месяцев, Пиаф привезла эти документы в коробке с гримом и передала их военнопленным. Тому, кто сумел бежать, эти бумаги спасли жизнь.

За месяц до освобождения Франции от фашистов в жизни Эдит начался период, который она называла «фабрикой по производству певцов», продолжавшийся до самой ее смерти. Начала она с Ива Монтана и сразу же влюбилась в него по уши. Ив отвечал ей взаимностью и неоднократно предлагал ей стать его женой. Однако этот разговор он заводил всегда не вовремя — либо за едой, либо когда Эдит пила и ей хотелось подурачиться. Ив упорно продолжал называть ее своей невестой и то носил на руках, то ни с того ни с сего закатывал ей сцены ревности, и они часами орали друг на друга.

После первого удачного выступления Монтана в «Альгамбре» в отношениях между ними повеяло холодом, а после совместных съемок в кинофильме Марселя Блистэна «Безымянная звезда» они расстались. Уходя с триумфом после двухчасового сольного концерта на сцене «Этуаль», где до этого мог выступать только великий Морис Шевалье, Монтан обнял Пиаф в последний раз и сказал: «Спасибо. Я тебе обязан всем».

В начале 1946 г. Эдит решила заняться малоизвестным ансамблем «Друзья песни» и вывести его на большую эстраду. Когда ее спросили, как она собирается справиться с девятью молодыми людьми сразу, она ответила: «Нужно уметь меняться, в этом секрет вечной молодости». Одного воспитанника ей уже было мало. Вместе с ансамблем Эдит Пиаф в ноябре 1947 г. отправилась в турне по Америке.

Здесь, в Нью-Йорке она познакомилась со своей самой большой Любовью, которая сразу стерла все ее прошлое. Боксер Марсель Сердан готовился к своему первому матчу, а Эдит — к выступлению на сцене театра-кабаре «Версаль» — они оба собирались покорить Америку. «Это была моя настоящая и единственная любовь. Я любила. Я боготворила… Чего бы я ни сделала, чтобы он жил, чтобы весь мир узнал, как он был щедр, как он был безупречен».

Марсель Сердан заставил Эдит переродиться и избавил от горечи, которой было отравлено ее сердце. Он открыл в ней нежность, доброту и зажег яркий свет в ее душе. Ее спрашивали: «Как вы могли полюбить боксера? Это же сама грубость!» «Грубость, у которой стоило поучиться деликатности!» — парировала Эдит. Их нежные отношения ни для кого не были секретом, в том числе и для жены Сердана — Маринетты, живущей с сыновьями в Касабланке. Казалось бы, этим двум женщинам следовало ненавидеть друг друга.

Но когда Марсель погиб вместе со всей командой в авиационной катастрофе под Нью-Йорком, жаждущая утешения Маринетта позвала к себе Эдит, и та первым же самолетом вылетела в Касабланку. Затем осиротевшее семейство было доставлено в Париж, где Пиаф нянчилась с недавней соперницей и ее детьми с такой сердечностью, какой не удостаивала даже родственников.

А в тот вечер 27 октября 1949 г., когда стало известно о трагедии, Эдит должна была выступать в «Версале». Певица находилась в состоянии, близком к сумасшествию или самоубийству, но отказаться от концерта она не могла. «Свое выступление я посвящаю светлой памяти Марселя Сердана», — сказала она, когда увидела зал, и запела «Гимн любви» на свои собственные слова, положенные на музыку ее любимым композитором Маргерит Монно.

Она пела так, как никогда еще до этого не пела. И это была та одухотворенность исполнения, та торжественность и мощность подлинных чувств, которая заставляет тысячу человек превратиться в одного. Ее маленькое, невзрачное тело, одержимое величайшим духом, сообщало бессмертие ее погибшей во цвете лет любви. Со сцены Пиаф унесли в глубоком обмороке.

Странно, но в биографии Эдит Пиаф заметны некоторые печальные совпадения: двое ее любовников погибли в авиакатастрофах, а сама она четырежды попадала в автомобильные аварии. И ладно, если бы последствием были только сломанные ребра, изуродованная губа, рубцы на лице. В больнице, куда она попала после первой автокатастрофы, Пиаф спасали от боли морфием, к которому она в конце концов пристрастилась, как до этого привыкла к алкоголю.

Знаменитая певица прятала бутылки со спиртным в самых неожиданных местах квартиры, и наступил день, когда содержание алкоголя в крови достигло опасной концентрации — теперь она пьянела от нескольких стаканов пива. Иногда, уже основательно набравшись, она вдруг удирала на ночную прогулку

по питейным заведениям, щедро угощала засидевшихся там завсегдатаев и, не отставая от них, опрокидывала рюмку за рюмкой.

В какой-то момент, еще не потеряв над собой контроля, она принималась петь, и невольные слушатели поощрительно хохотали: «Во дает! Не отличишь от Эдит Пиаф!» А на рассвете в квартире Пиаф раздавался телефонный звонок, и неизвестный хозяин бара требовал от прислуги: «Немедленно приезжайте за своей мадам. Уже шесть часов, мы закрываемся, а она не хочет уходить и орет: „Я твоя!“ Нам пора спать. Захватите, кстати, чековую книжку, за мадам порядочно записано».

В ночь, когда ее окружило полчище скользких сороконожек, стало очевидно: у Пиаф — белая горячка. Ее увезли в лечебницу, откуда она тут же сбежала. Помещенная туда вновь, снова вырвалась домой. Она клялась, что с морфием покончено, и тем не менее кололась тайно. Поставщики зелья преследовали Эдит, навязывая свой «товар», а стоило ей отказаться — угрожали разоблачением. Чтобы откупиться от них, она заключала новые контракты на выступления, однако пристрастие к наркотикам давало себя знать. Однажды она не смогла выбраться из-за кулис на сцену, ей почудилось, что выход наглухо закрыт, в другой раз — запела, но, как оказалось, произносила бессмысленные слова, в третий раз — ухватилась руками за микрофон, чтобы не упасть. Она не слышала ни музыкантов, ни собственного голоса — он пропал.

Пение для Эдит превратилось в пытку, ее тело было покрыто синяками и струпьями, она не воспринимала окружающих. Одна клиника сменялась другой, в периоды же просветления Пиаф возвращалась к работе над новыми песнями, становясь, как и прежде, весьма придирчивой. «Для публики я воплощаю любовь. У меня все должно разрываться внутри и кричать — таков мой образ… Моя публика не думает, она как под дых получает то, о чем я пою».

В это время певица первый раз вышла замуж. Ее мужем в 1952 г. стал поэт и певец Жак Пиль, с которым они давно были знакомы по совместным выступлениям. Пиаф снова была счастлива, но жизнь все время складывалась так, что супруги постоянно были в разлуке, выступая с концертами в разных театрах, городах и странах. Может быть, это было и к лучшему — с характером Эдит трудно было ужиться. По существу, они не были связаны ничем: ни дома, ни семьи так и не получилось, и в 1956 г. они развелись.

Пиаф опять выступала с сольными концертами, хотя недоброжелатели, проведавшие о ее наркотической зависимости,

предвещали не просто провал, а скандальное отлучение ее от сцены. Она опять купалась в лучах славы — зрители, случалось, не отпускали ее по часу, несмотря на то, что программа была исполнена полностью. И опять в жизнь певицы вторгались ласковые и неутомимые мужчины, как правило, молодые, порою вдвое моложе ее. Они делили с ней постель, поскольку мужчин, которые говорили ей «Спокойной ночи!» и уходили, она попросту не признавала.

Как не признавала и тех, кто вместо того, чтобы заниматься любовью, пускался в рассуждения о работе, искусстве или собственном успехе. Однажды Пиаф сказала сестре: «Никогда не говори, что ты хорошо знаешь мужчину, пока не испытала его в постели. За одну бессонную ночь ты узнаешь о нем больше, чем за несколько месяцев самых задушевных бесед. Уж в постели-то они не врут!» Наверное, ее критерии были чрезвычайно высоки, так как при постоянном обилии поклонников она лишь дважды была замужем.

Симона Берто как-то подсчитала, сколько несчастий обрушилось на Эдит Пиаф в последние двенадцать лет жизни. Помимо четырех автокатастроф, в этом списке — попытка самоубийства, четыре курса дезинтоксикации, один курс лечения сном, три гепатических комы, приступ безумия, два приступа белой горячки, семь операций, две бронхопневмонии, внезапно обнаруженный рак.

В начале 1962 г. в больничную палату к Пиаф пришел с визитом обычный поклонник — двадцатисемилетний парикмахер Теофанис Ламбукас, который вышел оттуда ее любовником, молодым певцом Тео Сарапо. Они полюбили друг друга с первого взгляда и 29 октября того же года официально стали мужем и женой. Злые языки утверждали, будто Тео позарился на ее богатства и ради них принес себя в жертву. В действительности он получил в наследство только долги Эдит — 45 миллионов франков, которые добросовестно выплачивал кредиторам всю свою жизнь. Тео Сарапо стал довольно известным исполнителем — и его, как раньше Шарля Азнавура, Ива Монтана и других своих обожателей, Пиаф вывела в люди, превратив обыкновенного любителя в популярного певца. Псевдоним своему мужу она придумала сама, вспомнив, что «сарапо» по-гречески означает «я люблю тебя».

«Они любили друг друга необыкновенной любовью, — вспоминала Симона Берто, — той, о которой пишут в романах, о которой говорят: такого не бывает, это слишком прекрасно, чтобы могло быть на самом деле. Он не замечал, что руки Эдит скрючены, что она выглядит столетней старухой. Он никогда не

оставлял ее…»

Она сама оставила своего Тео 11 октября 1963 г., скончавшись у него на руках от отека легкого в их доме на Лазурном берегу. Хоронили Эдит Пиаф через три дня. Десятки тысяч парижан пришли на кладбище Пер-Лашез к большому гробу, в котором затерялось маленькое тело великой певицы. Проститься с давней любовью пришли и все «мальчики Пиаф», как называл их Шарль Азнавур. Но на сей раз они надели не голубые, а черные костюмы.

В тот вечер Тео хотел остаться в одиночестве. Он вернулся в перевернутую вверх дном квартиру, где пахло кладбищем от забытых цветов, и увидел лежащий на комоде деревянный лист с девизом Эдит: «Любовь все побеждает!»

Помпадур Маркиза де

Настоящее имя — Жанна Антуанетта Пуассон (род. в 1721 г. — ум. в 1764 г.)

Фаворитка французского короля Людовика XV, имя которой стало нарицательным в определении королевских любовниц.

Первая женщина в Версале с задатками премьер-министра.

Франция, законодательница европейского образа жизни середины XVIII столетия, выдвинула на первый план узаконенный в общественном мнении институт фаворитизма — королевских любовников и любовниц, долгое время оказывающих существенное влияние на формирование государственной политики в целом ряде наиболее влиятельных государств континента. Среди королевских фавориток одной из ярчайших звезд является знаменитая маркиза де Помпадур, игравшая огромную роль при дворе французского короля Людовика XV. Не любимая народом и презираемая в последующие столетия, она являет собой образец женщины, не обладавшей особой сексапильностью и темпераментом, но тем не менее оказавшейся способной привязать к себе мужчину, в данном случае короля, чьи потенциальные возможности требовали разнообразия сексуальных ощущений и намного превосходили ее собственные.

Мадам де Помпадур, урожденная Жанна Антуанетта Пуассон, родилась в буржуазной семье и, по мнению замкнутой касты придворной аристократии, была плебейкой. Ее отец, Франсуа Пуассон, служил поверенным в делах у финансистов братьев Пари, которые держали в руках всю экономику Франции. Мадам

Пуассон, славившаяся своей красотой, имела многочисленных любовников, среди которых был и господин Ленорман де Турнем, бывший посол в Швеции, а потом директор французской Ост-Индской компании. В хитросплетениях взаимоотношений Пуассон — Пари — Турнем биографы не разобрались по сей день. Некоторые из них, ища истоки происхождения Жанны Антуанетты, приписывают отцовство девочки Турнему или одному из братьев Пари. Это, однако, остается недоказанным. В то же время известно, что Франсуа считал ее своей дочерью.

Семья Пуассонов была богата. Но в 1725 г. отец семейства был заподозрен в махинациях с зерном, которое поставляли населению братья Пари. В Париже начался голод, и Франсуа едва успел бежать за границу, избежав таким образом ареста, но бросил семью на произвол судьбы. Судя по всему, он был уверен в том, что очаровательная жена сумеет выпутаться из ситуации. Расчет оказался верен. Дом пришлось продать, но богатый господин де Турнем позаботился о соломенной вдове и ее детях. Восемь лет спустя он поспособствовал возвращению из изгнания Франсуа Пуассона, который полностью оправдался от обвинений и получил должность, связанную с поставками для армии. Примечательно, что с тех пор Пуассоны и де Турнем жили одной семьей.

Жанну Антуанетту, отличавшуюся мягким, покладистым характером и удивительным обаянием, любили все. А мать, оценив красоту дочери, прочила ей большое будущее. «Вот лакомый кусочек для короля!» — говаривала она. А однажды гадалка предсказала Жанне Антуанетте, что она будет иметь власть над сердцем короля. С тех пор все в доме стали называть ее Ренетт — маленькой королевой.

Все это не могло не оказать влияние на воображение ребенка. С ранних лет Ренетт мечтала о дворцовых покоях и стремилась стать достойной их. Семейный бюджет позволил ей получить прекрасное по тем временам образование. Она умела петь, танцевать, играть на клавикордах, овладела ораторским мастерством, получила представление о садоводстве и ботанике. Уже в это время у Ренетт проявилась страсть к коллекционированию (она собирала редких экзотических птиц) и художественные наклонности. К числу ее талантов относились каллиграфия, прекрасное владение карандашом и кистью.

Быстро пролетели годы детства. Ренетт достигла брачного возраста, и господин де Турнем предложил своему племяннику, Шарлю-Гийому Ленорману д'Этиоль жениться на ней. Он же был готов оплатить приданое невесты и пообещал оставить племяннику в наследство все свое немалое состояние. Мечты

мечтами, но и Ренетт, и ее родители понимали, что другого такого случая может и не представиться. В марте 1741 г. состоялась свадьба. Господин д'Этиоль вскоре страстно влюбился в жену. В ответ на его уверения в любви Ренетт лукаво замечала, что никогда его не покинет, разве что ради короля.

К услугам мадам д'Этиоль было все — наряды, драгоценности, лучшие лошади и экипажи. Дом она отделала по своему вкусу, а муж специально для нее построил домашний театр с новейшим оборудованием. Но семейный круг был для нее явно тесен.

Чтобы не скучать и обратить на себя внимание, будущая фаворитка решила завести у себя салон. Женщина с таким умом, образованием и талантами вскоре привлекла к себе многих. В салоне мадам д'Этиоль стали бывать Монтескье, Фонтенель, Кребильон. С этого времени началась и ее дружба с Вольтером, который особо выделял ее среди знакомых женщин, а позже называл «искренняя и нежная Помпадур». О ней стало известно и при дворе, но доступ туда для людей ее положения был наглухо закрыт.

И все же прекрасная Ренетт нашла способ познакомиться с королем. Произошло это не с первого раза, но так или иначе она добилась своего. Супружеская пара имела небольшой замок в Сенарском лесу, в котором любил охотиться король. Несколько раз во время охоты навстречу Людовику попадалась красивая дама в изящной коляске. Заговорить друг с другом они не решились. Но король прислал господину д'Этиолю в подарок оленью тушу. Простодушный муж очень обрадовался и сохранил на память оленьи рога. Госпожа д'Этиоль увидела в этом очередное предзнаменование.

В феврале 1745 г. по поводу женитьбы дофина на испанской инфанте в Версале состоялся грандиозный бал, куда допустили и горожан. Всю ночь придворные дамы, рассчитывавшие занять вакантное место королевской фаворитки, гадали, под какой же маской скрывается Людовик. Он открыл лицо только под утро, заговорив с женщиной в наряде Дианы. Маска тут же открыла лицо. Это была мадам д'Этиоль. Разыграв смущение, она сделала вид, что хочет скрыться в толпе, но уронила платок, который король поднял. «Платок брошен», — зашептали придворные.

Опытные царедворцы сразу же поняли, что наблюдают начало нового романа короля. Однако вряд ли кто-нибудь из них мог себе представить, насколько длительным и прочным он будет.

Голубоглазая красавица-блондинка действовала расчетливо и осмотрительно. Положение королевской игрушки, которую привозят для коротких свиданий и увозят из дворца, как это было

в самом начале любовной связи, ее не устраивало. И мадам д'Этиоль показала королю письмо мужа, в котором тот умолял ее вернуться. Людовик был недоволен, но, поразмыслив, предложил ей перебраться во дворец.

Манеры новой фаворитки мало подходили для дворцовых покоев. Здесь царила своеобразная атмосфера со своим кодексом нравственности, особым языком и обычаями. Например, каждую женщину во дворце надлежало приветствовать реверансами разной глубины, в зависимости от ее происхождения и положения ее мужа. Существовала особая манера садиться и вставать. Походка придворных дам напоминала скользящую пробежку скорыми мелкими шажками, как будто двигалась не живая женщина, а заводная кукла. Во время разговора следовало глотать окончания слов, а отдельные слова употреблять было просто не принято. Всему этому Жанне Антуанетте предстояло научиться. Однако королю нравились ее простонародные выражения, вроде «мой поросеночек» или «мой голубок», хотя придворные видели в этом верх вульгарности. Впрочем, мадам д'Этиоль времени не теряла. Придворным манерам ее обучали аббат де Берни, прозванный Вольтером «Бабеттой-цветочницей» за цветистую манеру выражений, и маркиз де Гонто, один из ближайших друзей короля.

Вскоре Людовик по просьбе Жанны Антуанетты возвел ее в дворянское достоинство. Ей был дарован титул маркизы де Помпадур, владелица которого недавно скончалась, не оставив наследников. Очаровательная Ренетт стала владелицей родового герба — три башенки по голубому полю. А Вольтер и Берни по этому случаю сложили стихи, где Помпадур рифмовалось с «амур».

По отношению к королеве новая фаворитка избрала почтительный тон. Мадам (официальное обращение к королеве и ее дочерям), с которой прежние любовницы не церемонились, оценила это и скоро дала понять и мужу и придворным, что в качестве фаворитки предпочитает Помпадур кому бы то ни было. Известно ее высказывание: «Если королю так нужна любовница, то уж лучше мадам Помпадур, чем какая-либо другая женщина». Зато с принцами и принцессами крови Жанна Антуанетта не стеснялась. По словам племянника знаменитого министра Людовика XIII, герцога Ришелье, она едва приподнималась с кресла даже при появлении наследника престола, принимала у себя принцев и принцесс только тогда, когда они заранее просили об этом. Впрочем, в своих речах со всеми маркиза была неизменно вежлива, никогда не говорила гадостей о ком-либо и не позволяла сплетничать другим.

Чем дальше, тем больше король очаровывался умной и обаятельной любовницей. Он выполнял любое ее желание, наградил титулами и поместьями ее родных и близких друзей. Но обладавшая холодным темпераментом Помпадур сильно тревожилась о том, что не сможет долго играть роль пылкой любовницы. Она начала принимать афродизиаки и пищу, возбуждающую сладострастие, — ароматизированный шоколад с большим количеством ванилина, трюфели и супы с сельдереем. Это отрицательно сказалось на ее хрупком здоровье, и маркиза поняла, что ей следует изобрести иной способ сохранить привязанность Людовика. И скоро она нашла его.

«Король не должен скучать!» Этот девиз можно было бы написать на гербе Помпадур, как наиболее соответствующий всей ее деятельности при дворе. В ход шло все: организация пышных празднеств, балов и развлечений, перестройка старых дворцов и строительство новых, создание оранжерей и парков, покупка всевозможных картин, посуды, драгоценностей, в выборе которых маркиза демонстрировала отменный вкус. Благодаря ее усилиям во дворце появился любительский театр, где главные роли с успехом исполнялись фавориткой, обладавшей несомненным актерским талантом. Недаром ее считали одной из лучших любительских актрис Франции того времени, а уроки мастерства она брала у известного драматурга Кребильона.

Король никогда не скучал в обществе маркизы. Она была всегда весела и очень остроумна, знала бесчисленное множество веселых историй и даже полицейские донесения могла использовать для развлечения любовника. Благодаря прекрасной памяти Жанна Антуанетта могла читать наизусть целые пьесы. Она прекрасно пела, сама аккомпанируя себе на клавесине. Словом, через некоторое время Людовик уже не мог обходиться без своей прекрасной подруги, которая, воспользовавшись этим, со временем стала оказывать большое влияние и на государственные дела.

Впрочем, Жанну Антуанетту, при весьма лестных отзывах ряда историков о ее государственных талантах, нельзя отнести к числу крупных государственных деятелей. Она, занимая первое место среди приближенных короля, действительно оказывала значительную роль в решении многих государственных проблем. Однако ее советы часто шли не на пользу государству. При выборе министров она, впрочем, как и многие государственные деятели мужского пола до и после нее, руководствовалась своими личными симпатиями и антипатиями. А при решении государственных проблем иной раз попадала впросак.

Ряд исторических анекдотов приписывают маркизе манеру

решать внешнеполитические проблемы в зависимости от того, как тот или иной монарх относится непосредственно к ее особе. Едва ли не самым известным из них является рассказ о действиях Жанны Антуанетты после того, как ей стало известно, что прусский король Фридрих II назвал свою любимую собаку «Помпадур». Это будто бы послужило главной причиной заключения в 1756 г. договора между Францией и Австрией, направленного против Пруссии. Однако этот договор был восторженно встречен во Франции. Вольтер писал, что он «объединил королевские дома Франции и Австрии после двухсот лет заклятой вражды. Множество дипломатических соглашений и брачных союзов не смогло сделать того, что произошло в одночасье из-за недоброжелательности короля Пруссии, проявленной им по отношению к всемогущей особе [Помпадур], которую задели его грубые шутки…» Однако ни Вольтер, ни народ Франции тогда и не помышляли о кровопролитной войне, которая разразилась в результате этого договора и в европейской истории получила название Семилетней.

В ходе этой войны Франция в союзе с Австрией и Россией вполне могла оказаться победительницей. Тогда Людовик и Помпадур прослыли бы великими политиками. Однажды Фридрих, лишенный надежды на победу, даже помышлял о самоубийстве. Но приход к власти в России Петра III, большого поклонника прусского короля, отказавшегося от участия в войне, а также сокрушительное поражение французов под Росбахом привели Францию к полному краху. Подписанный 10 февраля 1763 г. Парижский договор оказался выгоден только Фридриху, превратившему свое маленькое провинциальное государство в одну из лидирующих европейских держав.

Все это стало причиной волнений во французском обществе, традиционно приписывавшем все несчастья государства королевским фавориткам. А Помпадур была одной из самых ненавистных, хотя зла никому не причиняла. По Парижу распространялись сотни «пуассонад» — памфлетов, скабрезных стишков и эпиграмм. Что бы она ни делала, все было плохо. Если в Версале давался бал, она была виновна в излишнем транжирстве, если бал отменялся, говорили, что фаворитка не хочет, чтобы король видел других женщин. Народное возмущение достигло таких размеров, что экипаж Помпадур перестал появляться на улицах Парижа, так как маркиза боялась подвергнуться оскорблениям. Во время поездок в монастырь к дочери ее карету забрасывали грязью, а в Опере фаворитку встречали издевательскими возгласами.

Все это, однако, относится к концу 50-х — началу 60-х гг. А

до этого времени Помпадур находилась в зените славы и почета, хотя и тогда не смогла избежать уколов самолюбия, а позже и тяжелых переживаний. От короля у нее была дочь Александрина, которую близкие звали уменьшительным именем Фан-Фан. Людовик любил ее. Придворные обращались к ней как к принцессе королевской крови. Однако в их глазах, да и по мнению отца, она все же была много ниже их по положению. Когда маркиза попыталась сосватать девочку с сыном герцога Ришелье, тот дал понять, что такой брак нежелателен. То же сделал и король, когда Жанна Антуанетта заметила, что Фан-Фан могла бы составить прекрасную пару с его незаконным сыном от мадам де Вентимиль. Наконец, десятилетнюю

Александрину просватали за юного герцога де Пикиньи. Но, к большому горю маркизы, в тринадцать лет девочка внезапно умерла от «конвульсий» (скорее всего от аппендицита) в монастыре, где воспитывалась. Жанна Антуанетта так никогда и не оправилась после этого удара. Она подурнела, а ее здоровье, и без того не слишком хорошее, сильно пошатнулось.

В начале 50-х гг. в отношениях между королем и маркизой произошли серьезные перемены. Помпадур заболела каким-то грибковым заболеванием, и врачи не смогли излечить ее. Король был вынужден прекратить интимные контакты с любовницей. Это, однако, никак не сказалось на влиянии фаворитки на него и государственные дела. Можно утверждать, что между ними установились близкие дружеские отношения, как между супругами, многие годы прожившими в счастливом браке.

Несомненно, что за долгие годы связи Помпадур смогла так прочно привязать к себе короля, что он просто не мог без нее обходиться. Вместе с тем свой новый статус маркиза не замедлила укрепить за счет изменения поведения, причем в очень своеобразной форме. Прежде всего Помпадур поспешила широко обнародовать факт прекращения интимных отношений с Людовиком. Она демонстративно перебралась в новые апартаменты, не связанные с покоями короля. Потом написала Папе Римскому письмо с уведомлением о прекращении греховной связи. Этот факт, да и многие другие, связанные с религиозными воззрениями фаворитки, исследователи оценивают по-разному. Взгляды маркизы, долгое время исповедовавшей идеи Просвещения (вспомним знаменитый тезис Вольтера: «Если Бога нет, то его следовало бы выдумать»), в первую половину жизни можно расценивать как атеистические. Известно, что она, как правило, не соблюдала постов и редко исповедовалась. Однако с начала 50-х гг. наблюдается резкий переход к прямо противоположному поведению. Жанна Антуанетта перестала

посещать театр (а тем более участвовать в представлениях), в постные дни не ела скоромное, объявила о своем намерении отказаться от румян и, по требованию иезуитов, отправила мужу письмо с просьбой принять ее в лоно семьи. Противники фаворитки считали все это сплошным лицемерием. Последний факт говорит в пользу такого мнения. Направляя письмо господину д'Этиолю, Помпадур ничем не рисковала. Было известно, что ее муж вполне доволен своей жизнью с очаровательной танцовщицей мадмуазель Рем, и его отказ принять жену никого не удивил. Однако многое может свидетельствовать и в пользу изменения мировоззрения фаворитки. Не одна она с возрастом пришла к осознанию духовной потребности в Боге и вере в него. Как бы то ни было, но неофитка именно благодаря перемене мировоззрения добилась статуса придворной дамы глубоко верующей королевы. На первом же приеме в ее покоях она появилась накрашенной сильнее обычного. Это, конечно, покоробило королеву, но ничуть не отразилось на положении маркизы, укрепившей свое и без того немалое влияние при дворе.

Новое положение фаворитки (имеется в виду ее отстранение от королевской постели) породило в среде придворных напрасные надежды на ее скорое падение. Возобновились попытки заменить ее не только в постели, но и в сердце короля. Однако Людовик не стремился к прочным отношениям с кем-либо. Линия поведения Помпадур вполне устраивала его и избавляла от многих хлопот, связанных с неизбежными интригами со стороны новой фаворитки. В удовлетворении своих сексуальных потребностей он предпочел пойти иным путем, и, как считали многие современники, в этом немалую помощь ему оказала бывшая любовница, по-прежнему остававшаяся всесильной фигурой при королевском дворе.

Надо сказать, что перешагнувший сорокалетний рубеж Людовик ничуть не утратил своего темперамента. Но чувственность его теперь пробуждалась только при виде молоденьких девушек. Их-то и стали поставлять ему услужливые придворные, а многие, как говорят, были «сосватаны» самой маркизой. Впрочем, ни одна из них никогда не переступала порога Версаля. Все эти кратковременные любовницы жили в Парк-о-Серф («Оленьем парке») — парижском квартале, где король имел несколько небольших домиков, построенных специально для любовных утех.

Этих девочек Помпадур не боялась. Своей камеристке она говорила: «Я хочу только одного, чтобы его [короля] сердце принадлежало мне, а всем этим малышкам никогда не удастся

отнять его у меня». И действительно, когда одна из них, по имени Луизон Морфиль, подученная придворной дамой, после любовных утех спросила короля: «А как поживает старая кокетка?» — Людовик очень рассердился и навсегда изгнал ее из Парк-о-Серф. И все же мук ревности Жанна Антуанетта избежать не смогла. На некоторое время ее соперницей стала дочь адвоката из Гренобля, мадмуазель Ромэн. Король привязался к ней. Когда красавица отказалась поселиться в Парк-о-Серф, он купил ей домик, где ее и навестила Помпадур. Увидев молодую женщину с сыном на руках, она опечалилась, но никак не проявила этого в присутствии короля. Через некоторое время ребенок умер, и Людовик забыл и эту привязанность. Маркиза, не доставлявшая ему физического наслаждения, по-прежнему первенствовала в его сердце.

Однако Жанна Антуанетта, всегда отличавшаяся слабым здоровьем, уже давно чувствовала себя скверно. Она страдала бессонницей, несварением желудка и одышкой. Последняя, очевидно, была связана с постепенным развитием туберкулеза. Весной 1764 г. она почувствовала себя совсем плохо. Стало ясно, что долго маркиза не проживет. Ее перевезли в Версаль, хотя, согласно правилам, умирать в королевском дворце никому не полагалось. Людовик нарушил этот обычай для Помпадур. Однако не присутствовал в момент ее смерти. После исповеди, как полагалось в таких случаях, он оставил ее. Мертвое тело не должно было находиться во дворце, и вечером его украдкой перенесли в траурный зал особняка Эрмитаж.

Всегда любивший ее Вольтер писал: «Вот и кончилась греза», «Рожденная искренней, она любила короля ради него самого; она обладала ясным умом и справедливым сердцем, а эти качества встречаются не каждый день». А плачущий Людовик, стоявший на холодном ветру без камзола и шляпы и наблюдавший за похоронной процессией с балкона, произнес: «Вот единственная дань, которую я могу ей воздать». Положение не позволило ему проводить в последний путь женщину, которая была ему очень дорога. Впрочем, место блистательной маркизы вскоре заняла госпожа Дюбарри, далеко уступавшая ей в интеллекте и обаянии, но заставившая короля забыть о том, что ему перевалило за шестьдесят.

Сапфо

(род. ок. 612 г. до н. э. — ум. ок. 572 г. до н. э.)

Великая древнегреческая поэтесса, глава музыкальной и поэтической школы.

«…Те, кому я
отдаю так много, всего мне больше мук причиняют».

Эти строки написаны еще две с половиной тысячи лет назад. Но как много наших современников могут сказать: «Да, и я ощущаю то же самое». А все потому, что любовь — это бессмертное чувство. Бессмертны и люди, его воспевающие.

В истории мировой литературы вряд ли можно найти поэтессу более страстную и более загадочную, чем Сапфо. Что мы знаем о ее жизни? Только то, что родилась она на острове Лесбос. Что мы знаем об острове Лесбос? Только то, что когда-то здесь жила Сапфо. Круг замкнулся. Потому всякому биографу волей-неволей приходится использовать непроверенные сведения, взятые из легенд. Их о великой Сапфо сложили великое множество. Вот пример: по сей день немало людей считают поэтессу первой женщиной, вкусившей плод нетрадиционной любви. Подобное заблуждение бытовало еще в древнем мире. Но вот что написал по этому поводу Лукиан: «Женщины Лесбоса действительно были подвержены этой страсти, но Сапфо нашла ее уже в обычаях и нравах своей страны, а вовсе не изобрела сама».

Лесбос — один из множества небольших островков, которыми щедро усеяно Эгейское море. Греки называли этот остров «блаженным», «счастливым», ведь земля Лесбоса плодородна, а его народ талантлив. И подтверждение этому — Сапфо. Она родилась в небольшом приморском городе Эрес в богатой аристократической семье, но рано осталась без родителей. У нее было три брата — Харакс, Ларих и Эвриг. Скорее всего, Сапфо воспитывалась в школе гетер. В этом заведении девушкам с юного возраста прививали умение держаться в обществе, поддерживать светский разговор и… сочинять. Здесь Сапфо изучила основы стихосложения, освоила декламацию. Но конечно, самое лучшее образование было бы бесполезно, не имей Сапфо врожденного таланта, божественного дара. Представьте себе эту хрупкую невысокую женщину, которая перед собранием сограждан поет-декламирует, играя на лире, пронизанные страстью строки:

«Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам…»

В 595 году до нашей эры на Лесбосе начались политические волнения, и юной Сапфо, как представительнице высшего класса, пришлось бежать на Сицилию. Здесь, судя по всему, она познакомилась с Алкеем, таким же, как она, лесбийским изгнанником. Поэт он был не менее известный и почитаемый, чем Сапфо. Их и по сей день можно увидеть изображенными вместе на уцелевших в вихре столетий древнегреческих вазах. Но если Сапфо была поэтессой, воспевающей любовь, то Алкей был известен прежде всего своей смелой гражданской лирикой — «песнями мятежа». Встретив Сапфо, этот неустрашимый человек стал писать и о чувствах…

Трудно представить внешность Сапфо. Вообще, лесбиянки славились своей притягательностью. Еще Гомер говорил, что женщины Лесбоса «красотой победили всех жен земнородных». Сапфо в одних источниках — златокудрая красавица, в других — черноволосая смуглянка, что далеко от античных канонов красоты. Вот как описывал Сапфо влюбленный в нее поэт Алкей:

«Сапфо святая! С улыбкой нежной, чистой,
С кудрями чудными цвета фиалки темной!»

Восторженный отзыв, не так ли? А вот Овидий вовсе не считал ее такой уж красавицей. В одном из его произведений Сапфо сама говорит о себе: «Если безжалостная природа отказала

мне в красоте, ее ущерб я возмещаю умом. Я невелика ростом, но своим именем могу наполнить все страны. Я не белолица, но дочь Кефая (Андромеда) нравилась Персею».

На родной остров она вернулась только через пятнадцать лет и поселилась в Митиленах. Ей было суждено обессмертить этот город. В историю поэтесса вошла под именем Сапфо Митиленской. Она вышла замуж за богатого мужчину, Креокла. У них родилась дочь. Молодая мать была счастлива:

«Есть прекрасное дитя у меня. Она похожа
На цветочек золотистый, милая Клеида».

О, этот цветок Сапфо не променяла бы «на всю Лидию, весь мой милый Лесбос». Но вскоре она потеряла мужа, а по некоторым данным, и дочь…

Что было делать молодой, богатой вдове на Лесбосе? Снова выйти замуж? Претендентов на руку Сапфо, надо полагать, было немало. Среди них — собрат по творчеству и товарищ по сицилийскому изгнанию Алкей. Но он тщетно пытался завоевать сердце «десятой музы», как называл Сапфо Платон. Ему так и не удалось переступить через порог дружбы.

«Хотел бы сказать тебе слово одно,
Да стыд говорить мне мешает».

Эти строки Алкей посвятил прекрасной Сапфо. Чего боялся поэт, которому когда-то не страшен был даже гнев тирана? Неужели так надменна и холодна была «страстная Сапфо»? Да и вообще, о каком душевном холоде можно говорить, если речь идет о женщине, написавшей: «Что касается меня, я буду отдаваться сладострастию, пока смогу видеть блеск лучезарного светила и восторгаться всем, что красиво!» Однако ее ответ на стихотворение Алкея оказался более чем надменным:

«Если б мысли твои были чисты, прекрасны,
С языка не рвалося нескромных речей, —
Никогда б тебе стыд не туманил очей
И слова твои были бы ясны».

Кто знает, почему Сапфо отказывала в любви своему талантливому другу. Быть может, все дело было в ее возрасте?

«Ты мне друг. Но жену
В дом свой введи
Более юную.
Я ведь старше тебя.
Кров твой делить
Я не решусь с тобой».

Что ж, замуж Сапфо выходить не стала. Она возглавила (или основала?) школу риторики и поэзии, которая получила название «Дом муз». «Музы» съезжались к Сапфо отовсюду. Среди ее учениц были и гречанки, и дочери чужих земель. Эрина Феосская, Анагра Милетская, Миртис Антодонская, Коринна Танагрская, Андромеда, Аттида — имена этих женщин, последовательниц Сапфо, сохранила история. О некоторых из них — восхищающие яркой чувственностью строки великой поэтессы. Да, она любила женщин. Как любила все прекрасное в мире. А что может быть красивее женского тела, женской души? К тому же такая любовь вполне укладывалась в рамки моральных воззрений Античности.

«…И каждый раз, как только я
С тобой сойдусь, от нежной встречи
Замлеет вдруг душа моя
И на устах немеют речи…
А пламя острое любви
Быстрей по жилам пробегает…
И звон в ушах… и бунт в крови…
И пот холодный проступает…
А тело, — тело все дрожит…
Цветка поблекшего бледнее
Мой истомленный страстью вид…
Я бездыханна… и, немея,
В глазах, я чую, меркнет свет.
Гляжу, не видя… сил уж нет…
И жду в беспамятстве… и знаю
Вот, вот умру… вот умираю».

Это отрывок из оды Сапфо «К моей любовнице». Ода посвящена любовнице ее брата Родопе. Она была куртизанкой в египетском городе Навкратисе, но Харакс, брат Сапфо, приехав в Египет по торговым делам, влюбился в эту женщину, выкупил ее из рабства и привез в Митилены. Поэтесса со всей присущей ей пылкостью души полюбила Родопу, но та осталась холодна. Сапфо оставалось только завидовать брату:

«Блаженством равен тот богам,
Кто близ тебя сидит, внимая
Твоим чарующим речам,
И видит, как в истоме тая,
Из этих уст к его устам
Летит улыбка молодая».

Можно себе представить, какие ссоры в семье Сапфо вызвала эта молодая женщина. Хараксу пришлось увезти Родопу назад в Навкратис, подальше от сестры-соперницы. Но то ли боги, с которыми Сапфо так свободно общалась в своих произведениях, решили отомстить за подопечную, то ли Хараксу просто не суждена была счастливая жизнь с Родопой, но он потерял ее. В эту прекрасную женщину влюбился сам фараон и сделал ее своей любовницей. «Бедный брат, охваченный любовью к прелестнице, воспылал страстью к ней, нанеся себе ущерб, соединенный с позором. Обеднев, он плавает на легких веслах по лазурному морю и теперь неудачно ищет богатств, неудачно потеряв их. Он ненавидит меня за неправдивые упреки. Вот что дала мне свобода, вот что дал мне любящий язык», — так писал Овидий о тогдашнем состоянии Сапфо.

Сапфо посвящала свои бессмертные творения и многим другим женщинам. Аттида, Иорго, Телезиппа, Анактория, Гонгилия — для кого из них звучал голос поэтессы: «Я спою для моей возлюбленной. Вперед, моя божественная лира, — говори!» Но любовь для Сапфо всегда неразрывно связана с ревностью, а значит, и со страданиями. «Я видела ее, она рвала цветы… молоденькая девушка, с цветочной гирляндой, опутывающей ее прекрасную шею», — это Сапфо написала об Аттиде. Эта ее ученица, пожалуй, чаще всего заставляла сердце поэтессы обливаться кровью в приступах ревности. Как часто Сапфо проводила в слезах ночи напролет, так и не дождавшись, что красавица Аттида разделит с ней ложе. «Неужели, Аттида, это она очаровала твое сердце! — восклицала ревнивица, имея в виду Андромеду. — Женщина дурно одетая, не знающая искусства походки, в одежде с длинными складками». И с горечью продолжала: «Любовь, разбившая мои члены, снова обуревает меня, сладострастная и лукавая, точно змея, которой нельзя задушить». Любовь часто приносила Сапфо боль. Шло время — и та или иная воспитанница покидала ее. Кто-то из них выходил замуж, и тогда Сапфо могла с грустной улыбкой сказать: «Что колечком своим так гордишься ты, дурочка!» А потом вылить тоску расставания в таких строках:

«Мертвой быть я хотела бы…
Плача, так она дом покидала мой.
Вот, что в миг тот сказала мне:
„О, как страшно страдаю я,
Псапфа! Нет, не хочу расставаться я!“
Ей же так отвечала я:
„С чистым сердцем езжай к себе,
Только помни, тебя как любила я…“»

Однако Сапфо писала не только о любви. «Сапфо, поющая о красоте, говорит прекрасным и сладким слогом — и об эротах, и о весне… и все прекрасные слова как бы вотканы в ее поэзию; некоторые же она изобрела сама», — писал о поэтессе Деметрий Фалерский. Ее стихотворения, описывающие природу родного Лесбоса, завораживают. Читая эти строки, мы как будто сами находимся на этой древней земле, где вечерами «сладко пахнет анис и медуница».

«Сверху низвергаясь, ручей прохладный
Шлет сквозь ветви яблонь свое журчанье,
И с дрожащих листьев кругом глубокий
Сон истекает».

Ее стихи действительно звучали «сладко», ведь писала Сапфо на прекрасном эолийском диалекте. Она использовала свой, особый стихотворный ритм. Впоследствии подобный стих был назван «сапфическим». Ее гимны, оды, эпитафии, элегии, застольные песни пользовались большой популярностью у современников благодаря возвышенности и в то же время поразительной простоте. Ведь Сапфо — обычная женщина, любящая красивые одежды, украшения, цветы; ее, как и всякую красавицу, больше всего страшит старость. Вчитайтесь в эти строки. Разве можно было более точно выразить страх перед грядущим уродством, безысходность и в то же время смирение?!

«Будет день — и к вам, молодые девы,
Старость подойдет нежеланной гостьей,
С дрожью членов дряблых, поблеклой кожей,
Чревом отвислым, —
Страшный призрак!»

…И смерть ее окутана легендой. Считается, что Сапфо

покончила жизнь самоубийством, бросившись с Левкадской горы в море. Поэтесса, воспевавшая любовь к женщине, искала в темных водах забвения из-за несчастной любви к надменному юноше! Предание повествует о молодом Фаоне, который за деньги перевозил людей с Лесбоса на противоположный берег. Однажды прекрасная Афродита обернулась старухой и воспользовалась услугами кормчего. Фаон не захотел брать деньги у старой женщины. Богиня щедро отблагодарила вежливого юношу, подарив ему особую волшебную мазь, которая сделала его самым прекрасным мужчиной на земле. В сети этой красоты и попала, говорят, уже немолодая Сапфо. Впрочем, вполне возможно, что речь в этой легенде идет вовсе не о нашей героине, а о другой Сапфо, известной куртизанке, жившей намного позднее поэтессы. Эта путаница в именах привела к тому, что в дальнейшем жизни двух различных женщин связали в одну биографию, создав образ талантливой, но изысканно-распутной лесбиянки.

К сожалению, судьба большинства произведений Сапфо неизвестна. В III–II вв. до н. э. все ее стихотворения и элегии были объединены в десять книг. В копиях эти сборники существовали еще в раннем Средневековье. Но в эпоху костров инквизиции огню предавали и менее «богохульные» книги…. Так или иначе, но долгое время бессмертные строки стихотворений Сапфо существовали только в виде цитат в работах других авторов. И все же, несмотря ни на что, мы и сегодня с удовольствием читаем слова любви, написанные две с половиной тысячи лет назад.

Сапфо стала наставницей в творчестве для Горация и Катулла. А Сократ говорил о ней как о своей наставнице в вопросах любви. Ведь любовь для Сапфо была не просто чувством, она стала ее дорогой на Олимп, тернистой и ухабистой. «Я любила, я многих в отчаянии призывала на свое одинокое ложе, но боги ниспослали мне высшее толкование моих скорбей… Я говорила языком истинной страсти с теми, кого сын Киприды ранил своими жестокими стрелами…. Пусть меня бесчестят за то, что я бросила свое сердце в бездну наслаждений, но, по крайней мере, я узнала божественные тайны жизни! Моя тень, вечно жаждущая идеала, сошла в чертоги Гадеса, мои глаза, ослепленные блестящим светом, видели зарождающуюся зарю божественной любви».

Саломе-Андреас Лу

(род. в 1861 г. — ум. в 1937 г.)

Выдающаяся женщина, стоявшая у истоков психоанализа, автор двадцати художественных произведений и 120 критических статей и трактатов, книги «Эротика», а также воспоминаний «Прожитое и пережитое». Любимая женщина философов Ницше и Рэ и поэта Рильке.

Бытует мнение, что мужчины обращают внимание на красивых женщин и предпочитают жениться на глупых. Умные дамы, презрительно именуемые «синими чулками», остаются в одиночестве, втайне мечтая о любви и семье. История жизни Лу Саломе опровергает эти постулаты, в который раз доказывая, что у каждого правила всегда есть исключения.

Наконец-то в 1861 г. обрусевший полунемец-полуфран-цуз Густав фон Саломе мог сказать о себе, что он абсолютно счастлив. К 54 годам он сделал неплохую карьеру при дворе Александра II, дослужившись до генеральского чина и дворянского звания. Дом его был богат и выходил окнами на Зимний дворец. В нем, с присущей немецким женщинам аккуратностью, заправляла его 40-летняя супруга Луиза, осчастливившая мужа шестью сыновьями, а теперь подарившая долгожданную дочь. Девочку нарекли именем матери, но в семье называли Лелей, Лелечкой. Она росла окруженная любовью родителей и преданной дружбой братьев. Маленькая принцесса среди своих рыцарей. Ее баловали, ею восторгались, но Луиза не стала капризной кокеткой или зловредным сорванцом. Вслед за братьями она тянулась к

знаниям, много читала, свободно владела французским и немецким языками, а вот русский знала похуже. Девочку интересовало все: культура, философия, политика. С подругами ей было скучно — у них на уме одни флирты и развлечения. Поэтому с отцом и братьями она была связана не только родственными, но и духовными узами. Общение с ними сформировало ее представление о мире, населенном мужчинами-защитниками, мужчинами-братьями. Позже Луиза скажет: «Весь мир казался мне населенным братьями».

Луизе исполнилось 17 лет, когда умер отец. Мир изменился. В образовавшуюся пустоту хлынули неуверенность и сомнения. Обуреваемая чувством непоправимой утраты, она бродила по Петербургу и однажды зашла в часовню голландского посольства. Пастор Гийо вел службу необычно. Его оригинальная, психологическая и философская трактовка Библии нашла глубокий отклик в душе Луизы. Она обратилась к нему за советом, и он стал ее духовным наставником. Пастор Гийо, человек образованный и интеллектуальный, открыл перед девушкой глубины философских мыслей Руссо, Канта, Спинозы. Юная барышня поразила его четкостью восприятия и рационально-философским складом ума, свойственными обычно людям, умудренными жизненным опытом. В течение двух лет их серьезные занятия перемежались доверительными личными беседами. Вскоре пастор почувствовал, что он не только покорен умом Луизы, но и влюблен. Его не смущала ни разница в возрасте (а ведь ему 42 года), ни то, что он женат и воспитывает двоих детей. Пастор готов был развестись и просить руки своей юной наставницы.

Мать Луизы, ничего не подозревающая о тайных занятиях дочери, пришла в ужас от такой перспективы. Но завороженно ловить каждое слово наставника и позволять нежно называть себя Лу (он не мог произнести домашнее имя Леля правильно) вовсе не означало, что девушка собирается замуж. Она прагматично, без ореола романтики и сентиментальности смотрела на жизнь и понимала, что, связав себя брачными узами, лишится свободы. Независимость женщины в семье — понятие нереальное, а Луиза фон Саломе не собирается попасть в кабалу. Она ожидала получить от контакта с мужчиной только интеллектуальное общение и дружескую привязанность. Пастора эти требования не устроили, и разрыв оказался неизбежным. В память о своей «первой большой любви» Саломе оставила за собой имя Лу, с которым она и вошла в историю.

Юной интеллектуалке, оставшейся без наставника, было необходимо продолжить учебу. В России XIX в. получить

серьезное образование женщина не могла, и в 1880 г. Лу вместе с матерью поехала в Швейцарию. В Цюрихском университете она становится слушательницей философско-теологического факультета и параллельно посещает лекции по истории искусств. Два года спустя Саломе из-за слабых легких переезжает в Италию и обосновывается в Риме. Лу сразу становится своей в кружке интеллектуалов, сплотившемся вокруг Мальвиды фон Мейзенбух. Эта добрая неординарная женщина принимала в своем салоне многих европейских знаменитостей и покровительствовала многообещающей молодежи. Здесь велись интереснейшие дискуссии на разнообразные темы, и всеми были отмечены недюжинный ум и чрезвычайная восприимчивость «молодой русской».

Пленила Лу и 32-летнего философа-моралиста Пауля Рэ. Ее красота не обладала совершенной классической чистотой, но это делало девушку еще обаятельней, а нестандартное для женщины отношение к наукам, семье и браку и вовсе выделяло из толпы сверстниц. Лу обращалась с мужчинами на равных: слушала, спорила, доказывала, отстаивала и опровергала. Никакого кокетства и лукавства. Открытость мыслей, чувств и симпатий. Пауль безумно влюбился. Идея Саломе снять дом, «наполненный цветами и книгами», и зажить в нем молодежной коммуной показалась ему интересной и многообещающей. Лу увлеченно описывала, что у каждого мужчины или женщины будет своя комната для работы, свободное же время все будут проводить в общей гостиной, а объединит всех дружба и интеллект. Рэ соглашался на все, так как надеялся на большее. Узнав, что мать Саломе вскоре возвращается в Россию (повлиять на дочь она не могла и только следила за ее гардеробом), он попросил руки ее дочери, но разгневанный ответ получил лично от Лу. Девушка ищет друзей, единомышленников, братьев по духу, но не женихов. Чтобы не потерять любимую, Пауль вынужден был остаться рядом на ее условиях.

Стараясь притупить все подозрения, Рэ написал своему другу Ницше и пригласил приехать в их интеллектуальную коммуну. Звала его и Мальвида Мейзенбух. Зная о желании Фридриха Ницше найти «хорошую жену», она расписала ему тонкий ум, богато одаренную натуру, отважный характер, непримиримость исканий и убеждений мадмуазель Саломе. Да и сама Лу после разговоров и прочтения книг «очень сурового философа» с воодушевлением ожидала встречи. Девушка предчувствовала, что с этим человеком она готова разделить его судьбу.

Их представили друг другу в соборе Св. Петра. Он говорил — она внимала. Ее взгляды, жесты, редкие фразы подтверждали

общее мнение: Лу именно тот человек, который способен понять одинокого философа и скрасить его жизнь. 42-летний Ницше влюбился, но не находил в себе мужества признаться в своих чувствах. Он не придумал ничего лучшего, чем попросить Пауля Рэ сделать предложение от его имени, а сам сбежал в Базель, где рассказывал друзьям, что в его судьбе появилась женщина и наполнила радостью все существование. Вернувшись, Ницше неожиданно для себя получил отказ. Не доверяя Рэ, Фридрих сделал повторное предложение, теперь уже лично, и снова: «Нет». Лу говорит об отношениях, основанных на духовной близости, с излиянием чувств при обсуждении философских, литературных и других тем, но без намека на интимность.

Однако Ницше, так же как и Пауль, не терял надежды на будущую взаимность. Их троица будоражила общественное мнение, но своенравную Лу это не беспокоило. Чтобы избежать ненужных слухов, она познакомилась с матерью Пауля и сестрой Фридриха. Им было интересно втроем, они много путешествовали и общались. Под впечатлением знакомства с Саломе у Ницше возник замысел необычного романа «Так говорил Заратустра», и исследователи его творчества предполагают, что именно Лу стала прообразом главного персонажа. А девушка, попав «под неизбежное очарование», исходившее от Ницше, открыла у себя писательский дар. Эта дружба, если забыть о влюбленности двух философов, носила исключительный характер, и позднее размышления о столь неординарных отношениях легли в основу трактата «Опыт дружбы».

Крах утопического проекта о дружбе между мужчиной и женщиной поздно или рано должен был наступить. Но причиной разрыва послужила всего лишь обычная шуточная фотография, идея которой принадлежала Ницше. Фридрих и Пауль запряглись в повозку, на которой восседала Лу с вожжами и кнутом, подгоняя двух знаменитых философов и скорчив при этом умилительную рожицу. За их спинами возвышалась гора с символическим названием Юнгфрау — девушка, девственница, символизирующая неприступность Саломе. У сестры Ницше не хватило чувства юмора оценить эту затею. Она начала планомерную атаку на брата, возбуждая его подозрительность и ревность к Паулю, и настраивала против Лу общих друзей. Ницше долго сопротивлялся нападкам и продолжал верить, что слова «Гимна жизни», который Саломе посвятила ему, свидетельствуют о любви: «Я люблю тебя, увлекательная жизнь, как только друг может любить друга; я люблю тебя, когда ты даешь мне радость или горе, когда я смеюсь или плачу, наслаждаюсь или страдаю; покидая тебя, я буду страдать и уеду от тебя с тем же чувством

горя, какое испытывает друг, вырываясь из объятий друга. Если у тебя даже не останется для меня больше радости, пусть! Мне останется твое страдание».

Но подозрения, подкрепленные излишней эмоциональностью и непримиримостью с гордой непреклонностью девушки, все же свели дружбу на нет. В прощальном письме Ницше звучит много упреков: «Я думаю, что никто так хорошо и так дурно, как я, не думает о вас. Не защищайтесь; я уже защищал вас перед самим собой и перед другими лучше, чем вы сами могли бы сделать это. Такие создания, как вы, выносимы для окружающих только тогда, когда у них есть возвышенная цель. Как в вас мало уважения, благодарности, жалости, вежливости, восхищения, деликатности… Но я еще не вполне разочаровался в вас, несмотря ни на что; я заметил в вас присутствие того священного эгоизма, который заставляет нас служить самому высокому в нашей натуре. Я не знаю, с помощью какого колдовства вы, взамен того, что дал вам я, дали мне эгоизм кошки, которая хочет только одного — жить…» Отъезд Ницше в 1884 г. был похож на бегство. Десять лет спустя Саломе написала одну из первых книг о гениальном философе «Фридрих Ницше в своих произведениях».

Пауль Рэ остался рядом с Лу, но она по-прежнему относилась к нему как к другу. Весть о том, что Саломе выходит замуж, была для него невыносима. Гибель Рэ в горах при странных обстоятельствах больше напоминала самоубийство.

Кто же сумел наложить брачные оковы на «свободолюбивую» Саломе? Этим «счастливчиком» оказался 40-летний профессор-иранист, потомок армянских князей, проведший детство на Яве и впитавший в себя две культуры — западноевропейскую и восточную. Фридрих Карл Андреас, получив, как и все воздыхатели, отказ, недолго думая, на глазах у потрясенной женщины вонзил себе в грудь нож. Брак состоялся в 1887 г., но к своему телу законного супруга Лу не подпустила. Она твердо продолжала отстаивать свое право выбора: женщина должна любить, испытывать оргазм, рожать и воспитывать ребенка только осознанно, исходя из своих желаний. Эти идеи легли в основу ее будущей книги «Эротика», которая была переведена на несколько европейских языков и выдержала пять переизданий. Эта нашумевшая книга стала настоящим бестселлером.

Казалось бы, что может рассказать об эротике Саломе, которая в течение всех лет совместной жизни отказывала в половой близости мужу и категорически не хотела становиться матерью. Но ее сексуальность была разбужена Георгом Ледебургом, известным политиком и будущим депутатом

парламента, с которым она познакомилась в 1892 г. в Берлине. Лу не устояла перед его обаянием, сердечностью и нежностью. Он с мужской твердостью и чувственностью разбудил в Саломе импульсивную, эмоциональную женщину. Лу почувствовала свою полноценность, наконец-то соединив интеллектуальную свободу с сексуальной. Она была настолько поражена нахлынувшими эмоциями, что решила развестись с мужем и выйти замуж за Георга. На этот раз Андреас был категорически против: он не хотел терять пусть строптивую, но любимую им женщину. Лу оказалась в западне между двумя мужчинами и решила этот вопрос радикально — оставила обоих и в 1894 г. уехала в Париж. Теперь она полностью раскрепощена и привлекает к себе мужчин не только своим оригинальным умом, но и импульсивным, эмоциональным, провокационным женским поведением. По многочисленным связям Лу в течение этого десятилетия можно изучать географию. В Париже ее любовником становится драматург Франк Ведекинд, в Вене — Ричард Бир-Ходоман, в России — доктор Савелий. Не остаются забытыми и писатели Артур Шницлер, Герхарт Гауптман и многие другие. И всегда это люди неординарные, с богатейшим творческим потенциалом — их Саломе, что называется, нутром чуяла и выделяла из толпы своих поклонников. И где бы Лу ни появлялась, вокруг нее сразу же образовывался круг из интеллектуалов, людей искусства, очарованных ее красотой, неповторимым обаянием и умом.

Так Саломе притянула на свою орбиту в 1897 г. Рене Мария Рильке. (Это потом по желанию Лу он сменит имя на более мужественное Райнер.) Эта женщина словно шагнула к нему «из мира красоты», о котором он грезил. 35-летняя Саломе была в расцвете своих интеллектуальных и сексуальных сил, и юный начинающий поэт двадцати одного года прикипел к ней душой. Шквал сердечных излияний ошеломил ее, она ощутила, что эта «любовь встретилась на ее пути как нечто само собой разумеющееся» и что юноша стал ее «первым истинным переживанием». Обладая необыкновенно тонким художественным вкусом, серьезно занимаясь историей, философией, религией и литературой (повести «Руфь», «Фенечка»), Саломе стала для Рильке тем мощным катализатором, который заставил во всей полноте раскрыться его богатейшие возможности. «Для Рильке, которому повседневная жизнь столь часто внушала страх, который не очень прочно стоял на земле, а, скорее, парил в воздухе или обретался в иной реальности, Лу означала твердую почву под ногами, опору и связь с действительностью. Ее жизнелюбие и жизнерадостность, ее беззаботность и уверенность в себе для него — своего рода душевная терапия. Лу была для

него той питательной почвой, в которой он мог пустить корни и пойти в рост».

А Саломе, благодаря юному возлюбленному, впервые смогла раскрыть весь спектр своих дарований: была ему возлюбленной, другом, матерью, наставницей и личным психотерапевтом.

«Была ты мне ближе и больше, чем мать,
Другом была — по-мужски настоящим,
Женою — другой такой не сыскать,
Но милым ребенком бывала ты чаще.
Нежнее тебя я людей не встречал
И тверже, когда меня жизни учила.
Ты небом была мне, началом начал.
Ушла ты — и бездна меня поглотила».[5]

Влюбленные сняли домик на окраине Берлина и первое время жили как муж с женой, а затем перебрались в дом ее мужа Андреаса. Райнер возился вместе с Лу на кухне и увлеченно изучал русский язык, покоренный ее рассказами о России. Часто Саломе тяготилась их отношениями. Она привыкла жить в радости, рядом, но не вместе, и «как кошка, которая хочет гулять сама по себе» (недаром Ницше называл ее эгоизм «кошачьим»). Ее раздражала эмоциональная неустойчивость и взвинченность Рильке и пугали страстные признания: «Оставайся со мной, иначе я не смогу жить».

Чтобы немного отдалить поэта от себя, она отправляет его в Италию (1898 г.) изучать искусство, но ему плохо без Лу и печальные «Песни девушек» и «Флорентийский дневник», который он вел специально для нее, явственно свидетельствуют о его подавленности и надеждах на встречу.

«Не видя тебя, я блуждаю во мгле,
Я, словно слепой, бреду по земле.
И дней сумасшедшая толкотня —
Как занавес, скрывший тебя от меня.
Я смотрю на него: не взовьется ли он,
Не объявится ли моей жизни закон,
Моей жизни смысл, моей жизни струя,
Но она же — погибель моя…»

Затем Саломе и Рильке дважды побывали в России (1899, 1900 гг.). Первый раз они поехали вместе с Андреасом, а второй — путешествовали вдвоем. Лу показывала Райнеру страну своего

детства, знакомила его с глубоко психологической культурой, организовывала встречи с писателями и художниками. Россия становится для поэта второй родиной: «Чем должен я России? Она сделала из меня то, что я есть…» — и добавляет, что без Саломе: «…никогда не смог бы найти свой жизненный путь». Результатом их связи, продлившейся четыре года, стал один из совершеннейших стихотворных сборников Рильке «Часослов», а Лу вдохновилась на написание самого известного своего романа «Родинка».

Вернувшись в Германию, Саломе рассталась с поэтом. Она устала от его экзальтации. Уравновешенная натура Лу не выдерживает обрушившейся на нее любви другого человека. Для Рильке это стало катастрофой (как раньше для Рэ и Ницше). «Я упал — и осколков уже не собрать»; «…ушла ты — и бездна меня поглотила». Но Саломе всегда уходила первая, а к Райнеру предъявила особые требования: запретила даже навещать ее, разве что в момент крайней необходимости. Рильке так и не пришел в себя после этого разрыва, хотя женился на ученице Родена Кларе Вестхоф; работая у этого великого скульптора секретарем, написал о нем прекрасную книгу и стал знаменит как поэт. Но потеряв Лу, он словно потерял себя и стал одинок. Три долгих года Райнер старался не вспоминать о ней, но забыть не смог. «Мне не у кого спросить совета, кроме как у тебя, — беспомощно жалуется поэт на свое одиночество в письме, — ты одна знаешь, кто я. Только ты можешь помочь мне, и я уже по первому письму ощутил ту власть, которую имеют надо мной твои спокойные слова. Ты можешь объяснить мне то, чего я не понимаю. Можешь подсказать, что мне делать».

Ответы Саломе больше походили на письма матери, увещевающей своего непутевого сына. Без лишних сантиментов она ссылается в них на своего нового любовника доктора Цимека Пинелесса, с которым она вступает в «дикий брак», поскольку сексуальные чувства к нему взяли верх над духовными. В общем, письма Саломе — это «психотерапия по переписке». Конечно, поэт нуждался даже в этой малости, и Лу долго и упорно делала вид, что он ей безразличен. Но постепенно письма становились все задушевнее, они несколько раз встречались, но только как друзья. Теперь Лу была покорена его талантом: «С этого Троицына дня я читала то, что выходило из-под твоего пера, не только твоими глазами, я воспринимала и одобряла написанное тобой как свидетельствование о будущем, к которому ты неудержимо шел. И с той поры я еще раз стала твоей — на сей раз по-иному, в своем втором девичестве».

Саломе убеждала Рильке, что его сила в страданиях, а ее — в

радости. Наверное, с ее стороны «истинной» любви не было. Рассуждая как психотерапевт о мучивших его неврозах, Лу забывала, что одной из основных причин его критических состояний была она сама. В безмерно умной, но эгоистичной женщине, жившей только для себя, не было той душевной теплоты и отзывчивости, в которых нуждался Рильке. Переписка велась до последних дней жизни поэта, умиравшего от редкой формы лейкемии, и Саломе, умевшая только радоваться жизни, оказалась совсем беспомощной утешительницей страждущему человеку, которого она превратила в настоящего поэта, для которого стала вечной «целью».

«Нет без тебя мне жизни на земле.
Утрачу слух — я все равно услышу,
Очей лишусь — еще ясней увижу.
Без ног я догоню тебя во мгле.
Отрежь язык — я поклянусь губами.
Сломай мне руки — сердцем обниму.
Разбей мне сердце — мозг мой будет биться
Навстречу милосердью твоему.
А если вдруг меня охватит пламя
И я в огне любви твоей сгорю —
Тебя в потоке крови растворю».[6]

Спустя два года после смерти Рильке (ум. в 1926 г.) Саломе издала книгу воспоминаний о поэте. Никакие неприятности или даже смерть не могли изменить однажды и навсегда сложившихся привычек и устремлений Лу. Она все время была полна творческих исканий и замыслов, занималась тем, что ее привлекало. Саломе писала книги и трактаты на самые различные темы: религия и философия, литература и театр, женщина в обществе и эротика. Пережив множество романов, очаровав десятки интеллектуалов и людей искусства мужского пола, она вернулась к Андреасу, который все знал о ее увлечениях, но отпускать на свободу не хотел. С 1903 г., в общем-то, окончились скитания Лу по странам и городам Европы. Муж получил место профессора в Геттингенском университете, и они купили дом в окрестностях города. Их семейные отношения не изменились. Но Лу начала понимать, что в погоне за своей свободой и независимостью от мужчин она лишила себя и мужа, и настоящего семейного счастья. Этому послужила связь Андреаса с их служанкой и рождение в 1905 г. у него внебрачной дочери Мари. Саломе отнеслась к этому событию спокойно и оставила малышку в своем доме, с интересом наблюдая со

стороны за развитием отцовских чувств Андреаса. И здесь в ней проявился психоаналитик. Через несколько лет Лу удочерила Мари. В ее творчестве появилась тема детства: истории на рождественские сюжеты, статьи о восприятии детьми религии, искусства, исследования по детской психологии. Саломе всерьез занялась психоанализом.

В 1912–1913 гг. Лу стала одной из лучших учениц Зигмунда Фрейда. Они познакомились годом раньше на съезде психоаналитиков в Веймаре. Саломе стала преданной сторонницей его идей и верным другом. Их отношения строились на тех принципах, которые всегда так ценила Лу: глубокое взаимопонимание, восхищение друг другом, интеллектуальная и духовная близость. Фрейд видел в Саломе женщину редких умственных и человеческих качеств и характеризовал ее как «в высшей степени понимающую». К ней он был привязан до конца жизни. Их связывали 25 лет дружбы и взаимопонимания. Лу была в прекрасных отношениях с женой и матерью Фрейда, а в соавторстве с его дочерью Анной работала над учебником по детской психике.

Национальное русское качество — самокопание — позволило Саломе стать настоящим специалистом. По признанию некоторых французских психологов, в вопросах бисексуальности она даже обогнала Фрейда. С 1914 г. Лу стала практикующим врачом-психологом и помогла многим своим пациентам. В воспоминаниях «Прожитое и пережитое» Саломе записала: «когда я возвращаюсь к моему прошлому, у меня появляется ощущение, что я жила в ожидании психоанализа с самого детства». Она была довольна своей жизнью и по-прежнему окружена мужчинами-братьями: Андреас, Фрейд и новый поклонник, издатель Эрнст Пфайфер. Рядом с Саломе до последних минут ее жизни, которая оборвалась 5 февраля 1937 г., была и приемная дочь Мари, которая заботливо, с любовью ухаживала за своей неординарной матерью.

На похоронах не было торжественных речей. На могилу легла простая плита без дат жизни и имени. Так завещала Лу Саломе-Андреас, словно, уходя в иной мир, хотел а вычеркнуть себя из этого. Но это не позволили сделать мужчины, любившие ее. Непокорная Лу стала частью их жизни и творчества. Ее имя неотторжимо от имени отца современного психоанализа — Фрейда, великого мудреца — Ницше и нежнейшего из поэтов — Рильке. Их любовь и поклонение стали лучшей эпитафией к жизни Лу.

Симпсон Уоллис Уорфилд

(род. в 1896 г. — ум. в 1986 г.)

Любовница, а потом жена Эдуарда VIII, короля Англии, который ради брака с ней отрекся от трона.

Автор книги воспоминаний «Сердце имеет свои права» (1956 г.).

Уоллис Уорфилд родилась 19 июня 1896 г. в Балтиморе (США) в весьма небогатой буржуазной семье. К генеалогическому древу жителей американского юга Уорфолфов, по утверждению специалистов, принадлежали и особы королевской крови, однако образ жизни родителей Уоллис ничем не отличался от типичного семейного уклада южан. Рано потеряв отца, девушка тем не менее получила хорошее образование, в основном благодаря энергии и предприимчивости матери. Она закончила один из привилегированных пансионов в Мэриленде, что дало ей возможность завести знакомства среди представителей высшего общества, и в свои семнадцать лет Уоллис танцевала в лучших гостиных Балтимора. Недостатка в поклонниках она не знала, хотя знатокам женской красоты того времени вряд ли могла показаться хорошенькой: крупный нос, тяжелый волевой подбородок, большие, но глубоко посаженные глаза. И все же мужчины легко теряли голову, очарованные ее остроумием и обаянием. К тому же она носила пикантную черную «мушку» на щеке… В родном городе Уоллис слыла законодательницей мод. Первая среди девушек сделала короткую стрижку, первая надела узкую юбку, первая стала одеваться в экстравагантном «мужском»

стиле. Облаченная в нарочито тесную блузку с широким отложным воротником, галстук и широкий лакированный ремень, подчеркивавший ее осиную талию, она являла собой новый тип женственности и сексуальности.

В возрасте 20 лет она стала женой лейтенанта Уинфилда (Эрла) Спенсера — пилота американской морской авиации. Брак этот нельзя было назвать счастливым: супруг много пил, и совместная жизнь продолжалась недолго — два года потребовалось Уоллис, чтобы понять, что с замужеством она поспешила. Зная, что ее консервативно настроенные родственники будут по религиозным соображениям против развода, она просто уехала от мужа-пьяницы. Этому событию предшествовали многочисленные безобразные сцены — напиваясь, Спенсер становился невменяем и неуправляем: дебоширил, крушил мебель. Однажды он запер Уоллис в ванной на всю ночь, в другой раз исчез из дома без каких-либо объяснений, и только через четыре месяца Уоллис узнала, что его перевели в Вашингтон. Уоллис также переехала в столицу, поддавшись уговорам мужа, обещавшего, что отныне все будет по-другому. Чуда не произошло: и на новом месте Эрл продолжал пить и буйствовать. Уоллис не выдержала…

Она по-прежнему пользовалась мужским вниманием — теперь уже в светских кругах Вашингтона. Разочарованная неудачным супружеством, Уоллис нашла утешение в маленьких радостях, которые просто сами шли навстречу молодой привлекательной женщине. Роман следовал за романом — в основном ее партнерами были дипломаты: итальянский аристократ князь Каэтани, военный атташе Аргентины дон Фелипе Эспил… Однажды, а точнее, 7 апреля 1920 г., в отеле «Дель Коронадо» в Сан-Диего (Калифорния) состоялся бал, на котором почетным гостем был принц Уэльский, молодой наследник британского трона, будущий король Эдуард VIII. На этом балу присутствовала и Уоллис. Она стояла в толпе дам, в приветственном реверансе склонившихся перед принцем, и с восторгом смотрела на его золотистые волосы и стройную фигуру в белом костюме. Но видение быстро исчезло: принц со свитой вскоре покинул зал. Возможно, это был намек судьбы.

В 1923 г. Спенсер получил назначение в Гонконг и снова стал уговаривать жену восстановить отношения. Особых иллюзий Уоллис не питала, но посетить загадочный Восток ей очень хотелось, и решение ехать в Китай было принято. Она прожила там около двух лет, преимущественно в Шанхае, продолжала крутить романы, не очень-то разбираясь в знакомствах. Но главное, что почерпнула она из этого путешествия, была наука

искусства любви, вернее, техники секса. Проститутки, прошедшие специальную подготовку в публичных домах Шанхая, практиковали Тао любви: приемы, многократно увеличивающие сексуальную энергию и неутомимость партнера. Впоследствии, когда в начале 30-х гг. король Георг V, отец Эдуарда, задумал собрать досье на миссис Симпсон, ее сомнительное шанхайское прошлое сильно «испортило анкету».

В 1925 г. произошло непоправимое: будущая герцогиня Виндзорская лишилась возможности иметь детей. Год спустя она вернулась в Штаты. Еще год ушел, чтобы получить развод от Спенсера, но к тому времени Уоллис уже успела познакомиться с англо-американским брокером Эрнестом Симпсоном, сыном крупного бизнесмена, человеком добродушным, а как выяснилось позднее — и умным. Вскоре они поженились и переехали в Лондон, где находился филиал фирмы Симпсона-старшего. Через сестру Эрнеста молодожены вошли в великосветские салоны английской столицы. Как-то раз, в ноябре 1930 г., они получили приглашение на званый вечер в доме общих друзей в Лейчертшире, где были представлены принцу Уэльскому, прибывшему со своей тогдашней любовницей Тельмой Фурнесс. Эдуард и Уоллис сразу потянулись друг к другу. Она вспоминала, что ее привлекли «его слегка взъерошенные, как от ветра, волосы, вздернутый нос и странное, задумчивое, едва ли не грустное выражение глаз, когда ему казалось, что на него никто не смотрит». Он же, отдав должное грациозности ее фигуры и непринужденности поведения, был тронут искренним интересом к нему и к его занятиям. Спустя годы он сделал интересное признание, которое многое объясняет: «Именно тогда я сделал важное открытие: отношения между мужчиной и женщиной могут носить характер интеллектуального партнерства. Оно и положило начало моей любви к ней».

Миссис Симпсон стала частой гостьей в Форт Бельведере, загородной резиденции принца, к ее услугам были яхты, самолеты и лучшие отели мира. Разумеется, их отношения не ограничивались лишь интеллектуальной и духовной близостью — по словам актрисы Джейн Сеймур, игравшей Уоллис в телевизионной постановке 1988 г., «она дала ему возможность почувствовать себя настоящим мужчиной». Причем не только в сексе: долгое время у них вовсе не было никаких интимных контактов, и Уоллис относилась к Эдуарду как заботливая няня к ребенку. Она его направляла, а он ей с радостью подчинялся. У принца, которого любили и почитали миллионы людей, не было ни одного близкого человека. Даже его любовницы держались в стороне, благоговея перед его титулом. Уоллис же со своими

«буржуазными манерами», шокирующими высший свет, запросто могла вытащить сигарету изо рта принца, когда его курение казалось ей неуместным. Она не стеснялась при посторонних отчитывать прислугу за мелкую провинность или учить ее, как делать сэндвичи для гостей. Одним словом, никакая не принцесса, а обычная — уютная и домашняя женщина. При этом, зная, как сделать Эдуарда более значимым в собственных глазах, она мастерски применяла искусство лести, постоянно внушая ему мысль, что он исключительная личность.

Надо сказать, что принц Эдуард Альберт Христиан Георг Эндрю Патрик Дэвид с детства был «белой вороной» в «стае» своих венценосных родственников, потомков королевы Виктории и ее супруга принц-консорта Альберта Саксен-Кобург-Готского (в 1917 г., в разгар Первой мировой войны король Георг V решил, что неприлично, воюя с Германией, по-прежнему носить немецкую «фамилию», и правящая в Британии династия стала именоваться Виндзорской). Будучи правнуком легендарной государыни, ставшей символом «доброй старой Англии», образцом пуританской нравственности, основательницей и хранительницей традиции суровых моральных устоев, нетерпимости к всяческим «отклонениям», Эдуард, как и все потомки королевы, воспитывался в том же духе. Однако характер его сложился совсем иным. Возможно, причиной тому был факт, что формирование его личности пришлось на время царствования деда, Эдуарда VII, бывшего в высшем свете притчей во языцех: он не гнушался амурных похождений, содержал любовниц, имел внебрачных детей, что не мешало ему активно заниматься политикой, подчас играя в этих делах даже слишком большую роль, вопреки сложившемуся в Британии государственному устройству. Именно в него, как говорят, а не в ханжу-прабабушку и очень схожих с ней по характеру родителей, уродился юный принц. Он не любил дворцовых церемоний, предпочитая им прогулки на природе, активные, временами даже буйные игры со сверстниками. В 1912–1914 гг., обучаясь в Модлин-колледже Оксфордского университета, Эдуард подружился с социалистами и пел вместе с ними «Марсельезу», аккомпанируя себе на банджо. Ходили слухи о его гомосексуальных пристрастиях — он сам подлил масла в огонь, когда однажды публично пошутил, что, мол, никогда не женится, поскольку слишком увлечен спортом и театром. Правда, слухи быстро рассеялись, когда у принца последовал один бурный роман за другим. В Первую мировую войну Эдуард служил штабным офицером на западном фронте, а также в Египте и Италии, и повсюду пользовался большой популярностью благодаря своему бесстрашию, общительности,

простоте. В 1919–1931 гг. он объездил почти весь мир с официальными и полуофициальными визитами.

Очень скоро Эрнест Симпсон понял, что соперничество с особой королевской крови ему не по плечу и не по карману и, как умный человек, тактично отошел на задний план. Уоллис же стала центром внимания. Она играла роль хозяйки на приемах, балах и уик-эндах в «Бельведере». Эдуард, зная слабость своей возлюбленной, буквально засыпал ее драгоценностями с истинно королевской щедростью. В то время появился даже анекдот — вероятно, исторический. Одна дама на приеме у принца удивилась тому, что миссис Симпсон носит слишком много бижутерии, которая совершенно не вяжется с ее изысканным туалетом. Сконфуженной леди тут же объяснили, что эта «бижутерия» стоит сотни тысяч фунтов и подарена Уоллис самим хозяином дома.

Как и подобает наследнику, Эдуард вел беспечный образ жизни, путешествовал, заводил романы, однако о женитьбе не помышлял. Почти до сорока лет он умудрялся избегать брака с какой-либо из европейских принцесс, хотя о красивом стройном принце вовсю шла молва как о наиболее завидном холостяке мира. В январе 1936 г. принц

Уэльский стал королем Эдуардом VIII. Он должен был теперь проститься с беззаботностью прежних дней и принять на себя груз государственных обязанностей. В первые месяцы царствования его встречи с Уоллис стали более редкими, и она решила, что любви их пришел конец, но однажды, встретив ее в обществе, король заговорил о женитьбе. Кончилось тем, что Эдуард VIII явился к мистеру Симпсону и прямо заявил: «Я не могу короноваться, если Уоллис не будет стоять со мной рядом». Что оставалось несчастному супругу, как не согласиться на развод. Слушание дела о расторжении брака в суде продолжалось девятнадцать минут. И вскоре «Таймс» разразилась сенсацией: «Король женится на Уоллис». Взбунтовались все: и королевское семейство, и правительство, и англиканская церковь, и светское общество. Простые люди не хотели видеть своей королевой «разведенку», а аристократия — американку.

В ноябре 1936 г. премьер-министр Англии Стэнли Болдуин предпринял решительную попытку образумить влюбленного монарха, напомнив, что его положение отличается от положения любого другого жителя империи. Одно дело — фаворитка, и другое — королева, жена короля. Эдуарду VIII было направлено от имени правительства письмо, в котором говорилось, что кабинет министров собирается в полном составе подать в отставку и сформировать новое правительство будет крайне

трудно, что сдерживать английскую прессу становится невозможным и спустя считанные дни король получит со страниц газет «полный набор удовольствий» по поводу его отношений с миссис Симпсон. Ответ был таков: «Если я могу жениться на ней, оставаясь королем, что ж, прекрасно. Но если правительство будет возражать против женитьбы, я готов уйти». Чуть позже Эдуард предложил компромисс — морганатический (неравнородный) брак, лишающий жену короля титула королевы, герба и состояния своего мужа (их дети также не имеют права наследования). К таким бракам принадлежал брак Александра II с княгиней Долгорукой (Юрьевской); женитьба великого князя Константина на княгине Лович; престолонаследника Австро-Венгерской империи Франца Фердинанда на графине Софье Хотек, как, впрочем, и многие другие. Еще в XVI веке из шести жен Генриха VIII четыре были «низкого происхождения». Людовик XIV вынужден был скрывать свой морганатический брак с блистательной мадам де Ментенон. Второй брак прусского короля Фридриха Вильгельма III с графиней Гарракской также был неравным.

В ответ на предложение короля Эдуарда VIII Болдуин ответил: «Морганатический брак потребует выработки специального билля, который необходимо будет провести через парламент, а парламент его никогда не пропустит».

В начале декабря газеты рассказывали о волнениях и пикетах, прокатившихся по стране, и выразили единодушное мнение английского народа: король должен остаться на троне. Эдуард был в отчаянии. Его друг Уинстон Черчилль озабоченно говорил: «Его величество находится на грани нервного срыва. Любовь короля к миссис Симпсон являет собой одно из самых сильных проявлений любви в истории человечества. Без сомнения, он не может жить без нее». Уоллис, не выдержав всеобщего возмущения, уехала из страны. 10 декабря 1936 г. Эдуард подписал 15 необходимых для отречения документов, один из которых начинался такими словами: «Я, Эдуард VIII, король Великобритании, Ирландии и британских доминионов, император Индии, настоящим заявляю о своем твердом и окончательном решении отречься от престола и выражаю желание, чтобы акт этот вступил в действие немедленно…» Эстафету принял младший брат Эдуарда — Альберт, герцог Йоркский (в мае 1937 г. он был коронован в Вестминстерском аббатстве как король Георг VI). На другой день этот документ был ратифицирован в парламенте, и «Его королевское высочество принц Эдуард», как объявили по радио бывшего короля, в последний раз обратился к английскому народу с трогательной

речью, написанной им самим: «Вы должны понять меня, когда я говорю вам, что для меня оказалось невозможным нести тяжелое бремя ответственности и исполнять обязанности короля настолько хорошо, насколько я бы этого хотел, без помощи и поддержки женщины, которую я люблю». К чести Уоллис надо сказать, что она старалась удержать короля от непоправимого поступка, но он ее не послушал. Позвонил по телефону и сообщил, что решающий шаг сделан. Кто-то из слуг утверждал позже, что она отчетливо произнесла: «Безмозглый дурень», — и разрыдалась.

3 июня 1937 г. миссис Уоллис Симпсон и его королевское высочество герцог Виндзорский, как именовался Эдуард после отречения, обвенчались. Никто из членов царствующего дома не присутствовал на свадьбе, уклонились от этого и многие старые друзья. Накануне брачной церемонии пришло послание от Георга VI, гласившее, что, хотя герцог и сохраняет за собой статус члена королевской семьи, его супруга теряет это право: согласно так называемому «Акту о лишении» титул «королевское высочество» не распространяется ни на жену герцога Виндзорского, ни на его потомков. «Отличный свадебный подарок», — с горькой усмешкой произнес Эдуард и велел ускорить приготовления к торжеству. Были куплены обручальные кольца из уэльского золота, выжжены на деревянной панели камина слова: «Эдуард — Уоллис — 1937» и сделан снимок на память. Когда фотограф попросил их принять счастливый вид, Уоллис ответила: «У нас всегда счастливый вид». Таинство свершилось в замке, неподалеку от французского городка Канде. Гостей было немного — шестнадцать человек, и среди них сын Черчилля Рэндолф, супруги Ротшильд, консул Великобритании в Нанте и первый секретарь британского посольства. «Да, — писал Ральф Мартин, автор книги „Женщина, которую он любил“, — замечательная была свадьба, особенно если учесть, что жених всего полгода назад занимал престол Британской империи и повелевал полумиллиардом подданных».

В 1937 г. супруги нанесли визит в Германию, где их принимали Гитлер и другие руководители Третьего рейха. Есть свидетельства, что фашисты рассматривали возможность возвращения Эдуарда на престол после победы над Великобританией. После майского вторжения немцев во Францию Виндзоры уехали на юг страны. В Берлине их переезд использовали в пропагандистских целях. Герцог с герцогиней еще только устраивались в гостиничном номере, а берлинское радио уже громогласно сообщило, что бывший король Великобритании с супругой вынужден бежать из Парижа в связи с решительными успехами немецкой армии. В июне 1940 г. Виндзоры переехали в

Испанию, а через месяц были уже в Португалии. В августе Уинстон Черчилль, ставший к тому времени премьер-министром, назначил Эдуарда губернатором Багамских островов, тогдашней колонии Великобритании. Победа в мае 1945 г. застала супругов в Нью-Йорке. Приближалась десятая годовщина их союза. «Прошли десять лет, но не любовь», — говорил герцог. После войны они снова оказались в Париже и поселились в доме, еще недавно служившем резиденцией Шарля де Голля. «Мой муж был королем, и я хочу, чтобы он жил по-королевски», — не то в шутку, не то всерьез заявила Уоллис.

В феврале 1952 г. умер король Георг VI, уступив престол Елизавете II. На похороны Эдуард поехал один — семья по-прежнему сторонилась герцога и герцогини Виндзорских, при дворе Уоллис именовали не иначе как «миссис Симпсон». Еще через год (тоже в одиночестве) герцог был зван на похороны так и не простившей его матери — королевы Марии. Королева Елизавета, известная своей корректностью, поздравила дядю в 1964 г. с 70-летием, а через два года чета Виндзорских впервые официально была приглашена в Лондон на открытие мемориальной доски в честь королевы Марии.

Жизнь текла размеренно и неспешно. Эдуард играл в свой любимый гольф, много читал и много курил. «Сколько раз я просила его бросить эту дурную привычку!» — сетовала Уоллис. Закончилось тем, что у него обнаружили рак горла. Весной 1972 г., когда стало известно, что герцог тяжело болен, королева, ее супруг и принц Чарлз во время своей поездки во Францию посетили его дом. Говорили, что, следуя протоколу, смертельно больной герцог встал с постели — встретить королеву подобающим образом. Тогда же произошло окончательное примирение Эдуарда с королевской семьей. Вскоре газеты сообщили, что 28 мая 1972 г. в своем парижском доме скончался герцог Виндзорский, он умер за месяц до своего 78-летия. Гроб с его телом был доставлен в Великобританию и погребен в королевской усыпальнице родового замка. Во время похоронной службы королева-мать нежно взяла Уоллис под руку, давая понять тем самым, что больше не испытывает к ней недобрых чувств. Кто-то сказал у могилы: «Человек, который отдал ради любви так много, это настоящее чудо». «Великая история любви завершилась, — писала газета „Сан“, как бы подводя итог этой необыкновенной истории человеческих чувств, — единственная и неповторимая романтическая история короля, расставшегося с короной ради любимой женщины». После смерти Эдуарда Уоллис потеряла интерес к жизни. Она пережила супруга на 14 лет, но в свете больше не появлялась, а последние восемь лет провела

прикованной к постели глубоким параличом. 24 апреля 1986 г. герцогини Виндзорской не стало. По завещанию Эдуарда, ее тело было доставлено в Англию и похоронено рядом с мужем. Говорят, что в те дни Елизавета II со слезами на глазах призналась близким, что все последние годы она оплачивала счета Уоллис…

Что бы ни говорили злопыхатели, брак этот был счастливым. Эдуард до самой смерти обожал супругу и охотно выполнял все ее капризы. Он сам обращался к своей жене, именуя Уоллис «ее королевским высочеством». Так же поступала и вся прислуга. В 1970 г. на приеме в Белом доме, отвечая на тост президента Ричарда Никсона, герцог сказал: «Мне необыкновенно повезло, что очаровательная юная американка согласилась выйти за меня замуж и на протяжении тридцати лет была мне любящим, преданным и заботливым спутником». Те же чувства испытывала и Уоллис. И на слова о том, как высоко ценит ее герцог, ответила: «Ну, теперь вы понимаете, почему я его полюбила».

Говорят, что Создатель в начале Времен разделил людские души на две части. Одну вложил в мужчину, другую — в женщину. И с тех пор мы бродим по свету в поисках именно своей половинки. Нашедшие — счастливы! Думается, не стоит высматривать в личности Уоллис Симпсон каких-то особых качеств, сделавших ее неотразимой. Просто Эдуарду повезло найти свою женщину, и он посчитал, что никто не сможет предложить ему большего. Еще на заре их отношений один астрологический журнал предсказал Эдуарду бурный роман: «Если принц влюбится, он скорее пожертвует чем угодно, даже короной, лишь бы не потерять предмет своей страсти». Так и случилось.

Сталлер Илона (Чиччолина)

(род. в 1951 г.)

Одна из самых знаменитых в мире порнозвезд. Феномен превращения секс-бомбы в политического деятеля, вызвавшего в обществе неоднозначную оценку. Смысл своей жизни она видит в борьбе с моральными предрассудками и запретами во имя расширения пространства Любви.

В 1998 г. гамбургская газета «Бильд» опубликовала сенсационное интервью современной «Мата Хари», которая в разгар холодной войны под агентурным псевдонимом «Божья коровка» выполняла спецзадания одной из восточноевропейских разведывательных служб. По ее словам, в семидесятые годы она, в частности, затащила в постель высокопоставленного боннского политика (объект «Герд») и «выведала у него важные правительственные секреты». «Должна сказать, что „Герд“ не смог устоять перед моей полупрозрачной голубой блузкой — мне понадобился всего час, чтобы поймать немца в свои амурные сети, — не без гордости говорила „Божья коровка“. — После бурных объятий жертва рассказала мне все, что требовалось. Боннец даже показал мне повестку дня правительственных заседаний».

Отважная сексотка продала информацию германского должностного лица своим восточноевропейским работодателям всего за 225 немецких марок. Что было с «Гердом» потом, она не знает. Теперь, как утверждает газета, многие боннские политики, часть которых перебралась вместе с нынешним кабинетом на

берега Шпрее, «опасаются, что откровения „Божьей коровки“ могут подорвать их репутацию». Бывшая контрразведчица пообещала раскрыть личность рейнского «Герда» перед наступлением XXI века. Под именем загадочной «Божьей коровки», пишет «Бильд», скрывалась известная итальянская порнозвезда Чиччолина (Сталлер) — крашеная блондинка с алебастровой кожей и круто изогнутыми бровями.

Илона Сталлер появилась на свет 26 ноября 1951 г. в столице социалистической Венгрии городе Будапеште в чиновничьей семье. Ее отец занимал крупный бюрократический пост в Министерстве иностранных дел, а мать работала образцово-показательным гинекологом. Илона хотела пойти по стопам матери и начала изучать медицину.

К этому времени относятся ее первые шаги на «тайном фронте». В перерывах между учебой Илона стала работать в престижной гостинице «Интерконтиненталь» в Будапеште. Она мечтала выйти замуж за иностранца и уехать из страны. Но вскоре скромной восемнадцатилетней горничной предложили сотрудничество венгерские спецслужбы, посулив хорошие деньги: «Мне пообещали платить тысячу долларов, и с этого момента я всегда носила с собой маленький магнитофончик, чтобы записывать мои разговоры с туристами, приглашавшими меня за столик. Я должна была выяснять, с какой целью они приезжали в Венгрию».

В ее задачи входило знакомиться с прибывавшими высокопоставленными гостями, входить в доверие, развлекать и собирать о них как можно больше информации. Венгерская Мата Хари проработала на Комитет государственной безопасности около года, но неожиданно ей вскружила голову страсть к археологии. Переболев раскопками, девушка заключила контракт с известным мадьярским модельным агентством M.T.1., поставившим на европейский рынок как минимум пол сотни супермоделей. Ее увлечение эротической фотосъемкой не нашло понимания на родине, и в 1976 г. Илона отправилась в Италию.

Помимо шикарной фотогеничной внешности Сталлер обладала красивым бархатным голосом, который помог ей устроиться на очень популярное «Лунное радио» в Риме. Здесь у нее быстро появилось собственное эротическое шоу и своя целевая аудитория. Радиослушателей она ласково называла «чиччолини» — словом, означающим в переводе с итальянского маленькое пухленькое шебутное существо вроде медвежонка, которое так и хочется крепко обнять.

Так Илона Сталлер превратилась в Чиччолину — поклонники попросту отказывались называть ее иначе. Уже через пару лет ее

популярность вышла за пределы столицы: она успешно дебютировала со своей программой на национальном телеканале 11A1. Но настоящей звездой Чиччолина стала после того, как начала вплетать в свои мягкие шоу политические нотки. Ее эфиры шли под девизом «Занимайтесь любовью, а не войной».

Попутно она довольно успешно снималась в порнофильмах. Экранный образ, в котором нашла себя Илона, назывался скромно: «мисс порочная невинность». Одним из ее первых кинофильмов была итальянско-гонконгская картина «Желтая Эммануэль» Битто Альбертини, которая появилась в прокате в 1976 г. Последний фильм, где снималась Чиччолина, если верить ее официальному сайту, был снят в 1994 г. Слухи приписывают ей участие в более чем пятистах порнографических лентах, сама же звезда говорит, что их было около двадцати, «после чего продюсер прекратил их выпуск — из-за нехватки денег».

В какой-то момент Илона-Чиччолина вдруг решила, что безумно любит природу и не может больше терпеть надругательств над ней. В 1979 г. она вступила в ряды Радикальной партии Италии. Ее шоу очень сильно «позеленели» — в них порнозвезда протестовала против испытаний ядерного оружия, требовала прекратить опыты над животными и ратовала за производство искусственных манто взамен натуральных. Ее борьба за сохранение окружающей среды приняла такой размах, что на нее обратили внимание власти. Итальянские спецслужбы получили команду — «Прекратить циклон Чиччолины».

И Сталлер пришлось убраться с национального телевидения — официально после того, как она продемонстрировала обнаженную грудь в одном из своих шоу. Тогда порнозвезда решила двинуть в большую политику, выступая от партии «зеленых» и радикалов.

В 1987 г., собрав 20 тысяч подписей, она выиграла избирательную кампанию и попала в итальянский парламент. На одном из первых же заседаний Чиччолина продемонстрировала уровень своей политической грамотности, чем вызвала у депутатов истерический хохот. Во время обсуждения вопроса об обороте «черных» наличных звезда простодушно спросила: «Черный нал — это деньги, вырученные от продажи черного кофе?»

В законодательном собрании Чиччолина боролась за сокращение оружия массового уничтожения и отмену 528-й статьи Конституции Италии «О морали и приличии». Она предлагала отменить цензуру в средствах массовой информации, выступала за предоставление правдивой информации о СПИДе и требовала ввести налог на автомобили, загрязняющие

окружающую среду. Одной из основных тем ее выступлений было привлечение внимания общественности к такой насущной проблеме, как запрет секса в тюрьмах и отсутствие уроков сексуального воспитания в школах.

Параллельно синьорина Сталлер продолжала заниматься любимым делом — сниматься в порнофильмах. К этому времени как раз относится картина «Возрождение Римской Империи», вошедшая в классику мирового эротического кинематографа. Накопленный на съемках богатый опыт Чиччолина использовала для создания собственной политической партии Любви. В своей деятельности она искренне считала, что сможет заставить людей всего мира полюбить друг друга. С этой целью она не раз приходила на заседания парламента, обнажив одну грудь.

Такая секс-миссия Илоны Сталлер нашла массу приверженцев по всему миру. «Центры поддержки Чиччолины» появились не только в соседних Франции, Швейцарии, Германии, Испании, Венгрии и Бельгии. Фанаты и сторонники нашлись у партии Любви в Греции, Израиле, Великобритании, Норвегии, Швеции и Финляндии, а также в далекой Канаде, Мексике, Парагвае, Аргентине, Уругвае и Японии. Однако родной итальянской общественности, по-видимому, не очень понравилась деятельность Чиччолины на депутатском поприще. После пятилетней напряженной работы в парламенте в 1992 г. она проиграла повторные выборы.

В 1988 г. Чиччолина познакомилась с Джеффри Лином Кунсом, американским биржевым дельцом германского происхождения. История любви была короткой, но бурной. После свадьбы в 1991 г. предприимчивый супруг, который к тому времени стал именоваться скульптором и художником-графиком, выдал «на гора» проект под названием «Сделано на небесах». На суд публики были представлены откровенные фотографии с запечатленными на них сексуальными утехами Чиччолины и Джеффа. Несколько позже Кунс увековечил в деревянной скульптуре свой любовный акт с супругой и выставил это произведение на Фестивале изобразительных искусств в Венеции.

После этого на «сладкую парочку», как из рога изобилия, посыпались заказы. Но каждый новый фильм приносил звезде не только деньги, но и побои ревнивого мужа. В конце концов он поставил условие — порно и политика или я. Чиччолина выбрала свободу: через год после свадьбы они развелись. Развод потянул за собой дележ имущества, склоки и самое главное — разлуку Илоны с любимым сыном Людвигом, который родился в июне 1992 г.

Вопрос, с кем будет жить ребенок, сразу стал камнем

преткновения. В 1993 г. отец ушел гулять с ним в римский зоопарк и оказался очень далеко от Италии — в США. Судебный процесс за опекунство над сыном длился 4 года, и все же мальчик достался отцу. «Они решили, что порнозвезда не может быть матерью, — злилась Чиччолина. — Но ведь я уже не снимаюсь в порнофильмах, тем более мой экс-муж тоже не ангел. Даже если они приедут ко мне на танках, я не отдам им Людвига!» Но решение американской Фемиды пришлось выполнять. Тогда Чиччолина неудачно попыталась выкрасть ребенка с помощью троих наркоманов, заплатив им 20 тысяч долларов. После нескольких дополнительных судебных заседаний сына все же вернули матери. За проявленное упорство в борьбе за сохранение своих материнских прав итальянский модный дом «Гаттинони» в 1998 г. признал Илону Сталлер «матерью года».

С начала девяностых годов Чиччолина не снимается в порнофильмах: «После того как родился мой сын Людвиг, мне не хочется больше этим заниматься. Это мой свободный выбор». Однако она не перестала делать эротические шоу — сегодня у Сталлер есть программа «Бриллиант», где она раздевается, поет и танцует. Секс-символами нашего времени она считает Аль Пачино и Майю Плисецкую. Илона все так же против любого насилия — сексуального, ядерного, танкового, газетного. Она занимается йогой, гуляет за городом, где чувствует себя ближе к природе.

Чиччолина больше не заседает в парламенте, а спокойно живет с сыном в фешенебельном пригороде Рима по соседству с итальянскими знаменитостями, футбольными звездами и Захир Шахом — королем Афганистана в изгнании. Звезда работает над автобиографией «Илона Сталлер — Чиччолина для тебя», в которой она хочет рассказать о Венгрии, своих школьных годах и первой любви.

С исторической родиной она никогда не порывала, сохранив для этого двойное гражданство: «Хотя очень многое связывает меня с Италией, я всегда считала себя венгеркой». Однажды Чиччолина приехала к семье на рождественские каникулы и во время прогулок с сыном по Будапешту «увидела множество бездомных людей, вынужденных укрываться от снега в картонных коробках». «Я посмотрела на погрустневшие глаза моего сына и приняла решение баллотироваться в парламент Венгрии».

Сталлер планировала принять участие в выборах как независимый кандидат в рабочем округе венгерской столицы Кобания, рассчитывая на легкий успех. Однако не сумела собрать даже скромные 750 подписей, необходимые по законодательству, для того чтобы просто баллотироваться в местный

законодательный орган. В своем поражении Сталлер, по традиции, обвинила своих политических оппонентов. По словам порнозвезды, ведущие партии «сделали все, чтобы исключить возможность конкуренции» с ее стороны.

А может, дело просто в неудачно проведенной предвыборной кампании: ни одного скандала или попытки обнажиться, как бывало с Чиччолиной прежде. Как известно, избиратель обычно клюет на деятельных претендентов. Поговаривают, что экс-королева порно выставит свою кандидатуру на выборах в Европарламент, а ее программной идеей будет запрет всех запретов. Только два ограничения, по мнению Чиччолины, должны существовать — на педофилию и зоофилию. Разумеется, это не должно препятствовать людям называть друг друга «рыбкой», «кошечкой» или «медвежонком».

Илона Сталлер больше любит рассказывать о себе незнакомым людям, нежели близким друзьям. В свои пятьдесят два года при росте 165 см она весит всего пятьдесят килограммов и имеет стандарты 90-60-89. Чиччолина встает в восемь утра, занимается гимнастикой и бодибилдингом. Обожает крепкие коктейли, особенно если ее угощает какой-нибудь политический деятель. По вечерам, соблюдая режим, отказывается от спагетти и обходится овощными салатами. Кинозвезда по праву гордится своей формой: «Все дело в состоянии души. Нужно ощущать себя молодой и соблазнительной. И конечно, много заниматься любовью, причем непременно с удовольствием».

Чиччолина по-прежнему не оставляет надежд на мирное урегулирование международных конфликтов тем способом, который принес ей мировую известность. Недавно она вновь предложила свою любовь иракскому лидеру Саддаму Хусейну в обмен на гарантию мира во всем мире. Однажды она уже обращалась к Хусейну с подобным предложением во время операции «Буря в пустыне». «Я бы сделала это, зажав нос и закрыв глаза. Я бы сделала это ради мира», — сказала Сталлер.

Чиччолина не боится завтрашнего дня — ей кажется, что она состарится и умрет только тогда, когда ей нечего будет сказать людям, а этот момент еще ой как далеко! Свой жизненный успех она объясняет внешней красотой и своим скандальным имиджем. «Я актриса, но никогда не играю, — говорит Илона. — Я чувствую, что люди любят меня, и многие из них — очень сильно. Но есть и те, у которых я вызываю обратные чувства. Это маньяки, которые ненавидят секс, и когда-нибудь кто-то из них может убить меня. Я не хочу закончить, как Джон Леннон». Илона Сталлер верит в реинкарнацию и надеется, что в следующей жизни будет розовой бабочкой или коровой, которая дает

хорошее молоко для хороших детей в мире, где все улыбаются.

В 2001 г. ей стукнуло полвека, но до сих пор на вопрос, сколько ей лет, Чиччолина отвечает — тридцать с небольшим.

Сталь Луиза Жермена де

(род. в 1766 г. — ум. в 1817 г.)

Выдающаяся французская писательница и мыслительница.

Автор романов «Дельфина» (1802) и «Коринна» (1807), трудов «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800), «О Германии» (1810).

Однажды мудреца спросили: «Что такое любовь?» Он ответил: «Это безмолвие, когда слова могут ранить; это терпение, когда твой ближний груб; это глухота, когда назревает ссора…» И не потому ли умные, сильные женщины часто бывают несчастны в сердечных делах? Гордость, тонкий, острый ум не позволяют им терпеть обиды, не замечать несправедливости в отношениях; молчать, когда правота на их стороне. «Любви нас не природа учит, а Сталь или Шатобриан», — так писал Пушкин об одной из самых просвещенных женщин конца XVIII — начала XIX века Луизе Жермене де Сталь. Однако, будучи своеобразной наставницей для всей европейской молодежи, сама она вряд ли нашла в любви счастье.

Анна Луиза Жермена Неккер родилась в семье известного швейцарского банкира, но юность ей было суждено провести в блистательной столице Франции. Дело в том, что король Людовик XVI пригласил ее отца, финансового гения, на пост министра. Потому, когда Жермене было около пятнадцати лет, ее семья переехала в Париж. Разрушительная буря революции еще не прошлась по его шикарным дворцам, дорогим магазинам, версальскому благополучию, не уничтожила на гильотинах цвет

нации. Еще кружились в золотых бальных залах беспечные пары… Тревожные порывы ветра ощущались разве что на грязных улицах, среди простого люда и в некоторых прогрессивных аристократических салонах. На таком дворянском собрании часто бывала и юная Жермена, ведь один из самых блистательных парижских салонов «держала» ее мать.

Что такое французский салон? Представьте себе собрание высшего общества, где каждый знатен — по происхождению или же по уму, где обсуждают королевскую политику и новинки литературы, слушают музыку, плетут любовные интриги, показывают новые шикарные наряды, наконец. Попасть сюда — большая честь для каждого. Ведь это замкнутый круг, особый мирок, в котором все вращается вокруг королевы салона, то есть хозяйки. Чтобы собрать это общество и удерживать его в своем доме долгое время, нужен недюжинный талант. Мать Жермены им, видимо, обладала и старалась научить этому искусству дочь. Вступать в светскую беседу девушке было еще рано — не доросла. А вот слушать не возбранялось. И она с удовольствием слушала о свободе и деспотизме, о необходимости предоставления нации законодательной власти, о Руссо и о «высокой» литературе. Здесь бывали все парижские знаменитости того времени. Скорее всего, и первая любовь настигла ее сердце тут, в материнской гостиной. Как было не влюбиться шестнадцатилетней девушке в одного из этих мужчин — знающих и понимающих все! Однако все это только догадки.

Жермена отнюдь не была красавицей. По французским меркам, она была слишком смуглой, да и черты ее лица не отличались особой тонкостью. Но огромные блестящие черные глаза девушки оставались навсегда в сердце того, кто в них хотя бы раз заглянул. Ведь он видел не пустой взгляд светской кокетки, думающей лишь о нарядах и кавалерах, а проницательный, почти мужской ум. Уже в юности тяга Жермены к знаниям, умение делать смелые, но вполне верные выводы поражали окружающих. В 15 лет она составила комментарий к знаменитой работе Монтескье «Дух законов», а в шестнадцать — отправила отцу анонимное письмо, в котором указала на недостатки его финансового отчета. В двадцать два года Жермена написала «Рассуждения о сочинениях и характере Ж. Ж. Руссо». Она упивалась его книгами, была в восторге от его «общественного договора». Разумные, гуманные герои романов Руссо презирали сословные предрассудки… Увы, самой Жермене не удалось их избежать.

14 января 1788 г. ей пришлось сделать «выгодную партию», выйти замуж за шведского посланника барона Эрика Магнуса

Сталь-Хольстейна. Брак этот оказался неудачным. Муж дал Жермене фамилию, под которой она прославилась, и… море разочарования. Эрика поражала несдержанность юной жены. Так, одна из современниц писала: «Я от души желаю, чтобы Сталь был счастлив, но, по правде сказать, плохо верю в это. Правда, его жена воспитана в правилах чести и добродетели, но она совершенно незнакома со светом и его приличиями, и притом такого высокого мнения о своем уме, что ее трудно будет убедить в ее недостатках. Она властолюбива и решительна в своих суждениях; она так уверена в себе, как ни одна женщина в ее возрасте и положении. Она судит обо всем вкривь и вкось, и хотя ей нельзя отказать в уме, но тем не менее из двадцати пяти высказанных ею суждений разве только одно бывает вполне уместным. Посланник не дерзает делать ей какое бы то ни было замечание из боязни оттолкнуть ее от себя на первых порах». В понимании Жермены брак должен был основываться не на «сословной совместимости», а на родстве душ, общих интересах, безграничной преданности друг другу. По крайней мере, именно об этом она мечтала когда-то, читая «Юлию, или Новую Элоизу» Руссо. А чем мог заинтересовать Жермену транжира и дамский угодник? Их семейное счастье могли укрепить дети, но дочь Густавина не прожила и двух лет. В глазах света брак между дочерью королевского министра и посланником, бароном казался безупречным. Но счастье, пусть и недолгое, Жермена нашла во внебрачных отношениях. И эту новую любовь ей принесла революция.

Граф Нарбонн при короле был военным министром. Падение Бастилии разрушило привычный уклад, и те, кто раньше «снимал сливки жизни», оказались в немилости у новой власти. Нарбонна ожидало острое лезвие гильотины. Но Жермена, увидевшая в этом мужчине свой идеал — ум, благородство, смелость, помогла ему бежать в Англию. Будучи женой посланника, а значит, и неприкосновенной особой, она могла помогать многим. Возникает вопрос: как случилось, что такая прогрессивная женщина, воспитанная на идеях неотвратимости революции, оказалась в ее оппозиции? Дело в том, что сначала Жермена, ее отец и друзья всем сердцем поддерживали революцию. Но когда праздник свободы обернулся массовым террором, де Сталь оказалась в лагере ее противников. Казнь короля и террор якобинцев она назвала «национальным позором». Ведь де Сталь представляла послереволюционную Францию как конституционную монархию английского типа с разделением властей, двухпалатной системой, с соблюдением свободы совести и слова. Через несколько лет она напишет труд «Рассуждения об

основных событиях Французской революции», в котором попытается проанализировать причины и последствия революции.

Что ж, вскоре женщина уехала подальше от «проклятой революции» и поближе к любимому — на берега туманного Альбиона. Жизнь Жермены в Англии — самое неоспоримое доказательство удивительной силы ее характера. Не каждая женщина XVIII века могла позволить себе, пренебрегая мнением окружающих, жить, как бы сейчас выразились, в гражданском браке с близким сердцу мужчиной, рожать от него детей и не скрывать этого. К сожалению, от самых ярких костров очень скоро остается только пепел. Так случилось и с чувствами Нарбонна и де Сталь. Законный муж прислал письмо, в котором просил жену вернуться домой. Жермена, недолго думая, забрала сыновей, которым, кстати, предусмотрительно оставила фамилию Эрика, и отправилась во Францию. Однако недолго она сидела у семейного очага.

В 1794 г. де Сталь встретила Бенжамена Констана. Их связывали не только чувства, но и схожие социально-политические взгляды. Жермена де Сталь и Бенжамен Констан считаются создателями буржуазно-либеральной партии во Франции. «Я никогда не видел лучшей женщины, более грациозной, более преданной, но я не видел также женщины, которая предъявляла бы столь настойчивые требования, сама не замечая этого, которая до такой степени поглощала бы жизнь всех окружающих и которая при всех достоинствах обладала бы более деспотической личностью; все существование другого человека, минуты, часы, годы должны быть в ее распоряжении. И когда она отдается своей страсти, происходит катастрофа вроде гроз и землетрясений. Она — избалованное дитя, этим все сказано», — писал Констан в дневнике. Но несмотря ни на что, он полюбил этого политика в юбке. Их отношения были долгими и тягостными — постоянные ссоры и постоянные примирения. Никто не хотел поступиться своей свободой. В итоге Констан женился на некой Шарлотте, простой женщине, с которой у него не могло бы возникнуть подобных проблем. Однако роман с Жерменой продолжался и после этой свадьбы, что принесло много боли трем сердцам. Историю своих взаимоотношений с Констаном де Сталь отразила в романе «Коринна, или Италия», наделив одного из героев, лорда Невиля, многими чертами любимого. Но, в отличие от Коринны, Жермена не умерла из-за постигнувшей ее несчастной любви. Ее ожидало долгое, полное новых знакомств путешествие, в которое ее «отправил» сам… Наполеон.

Как это случалось с впечатлительной Жерменой всегда,

сначала харизматическая личность императора ее поразила. Казалось бы, вот он, достойный Франции правитель!

Де Сталь даже писала ему восторженные письма. Но ее снова ожидало разочарование: все указывало на то, что страна приближается к диктатуре. Жермена де Сталь смело говорила об этом в своем салоне. Благодаря ее дару убеждения те, кто к ней приходили, вскоре начинали думать так же. «У нее был талант… возбудителя раздумий и новых чувств, ищущих запечатления в смелой мысли и прекрасной форме», — заметил один из исследователей ее творчества. Не удивительно, что Наполеон ненавидел эту женщину. Е. В. Тарле в книге «Наполеон» написал: «Он терпеть не мог знаменитую г-жу де Сталь еще до того, как разгневался на нее за оппозиционное политическое умонастроение, и возненавидел ее за излишний, по его мнению, для женщины политический интерес, за ее претензии на эрудицию и глубокомыслие. Беспрекословное повиновение и подчинение его воле — вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала». Жермена в долгу не оставалась и старалась уколоть императора побольнее. В предисловии к «Дельфине» она применила к Франции эпитет «безмолвная», указывая на отсутствие свободы слова в стране. После одной из пламенных речей, с которой выступил Констан против тирании и вдохновительницей которой явно была Жермена, ей предложили уехать из Парижа. Впереди были годы скитаний. Но и они не остудили пылкого сердца этой женщины.

В 1805 г. Жермена де Сталь побывала в Риме. Здесь она встретила сына португальского посла, дона Педро. Впрочем, его имя звучало несколько длиннее: дон Педро де Суса и Ольстейн, герцог Пальмелла. Когда они познакомились, Педро было двадцать пять, Жермене… Впрочем, говорить о возрасте женщины — дурной тон. Ее поразил этот высокообразованный юноша, не лишенный поэтического дара. Они бродили по древнему городу, слушали итальянских музыкантов, читали друг другу стихи. Этот роман длился около двух месяцев, но Жермена долго не могла его забыть.

В Швейцарии Жермена познакомилась с французским офицером, который покорил ее сердце. В своем выборе, она, кажется, как обычно, руководствовалась некими романтическими побуждениями: ее новый избранник был ранен на испанской войне и теперь находился на лечении. К тому же он был молод, красив и сам без ума от этой удивительной женщины. Учитывая разницу в положении и возрасте (де Сталь была старше возлюбленного приблизительно на двадцать лет), они поженились тайно.

Жермене де Сталь удавалось кокетничать даже с сильными мира сего. Долгое время в дворянских кругах России в моде был следующий исторический анекдот. Однажды во время своего пребывания в этой стране де Сталь сделала императору Александру комплимент: «Ваш характер, государь, — конституция вашей империи, а ваша совесть — ее гарантия». «Если бы это и было так, то я был бы только счастливой случайностью», — таким был ответ царствующей особы. Российский император не раз бывал и в парижском салоне Жермены, когда она смогла вернуться в Париж. Стоит отметить, что в «салонном искусстве» Жермена превзошла даже свою мать. В разное время ей удавалось «заманить» в свой салон таких знаменитостей, как Лафайет, Сиейес, Талейран, Жозеф и Люсьен Бонапарт, Август Шлегель, Сисмонди, Веллингтон, российский декабрист Волконский.

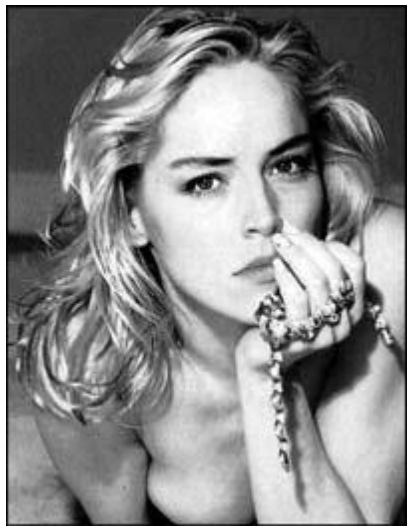
Жермена де Сталь много сделала на литературном поприще. Ее художественные произведения — это не просто повествования о любви. Это своеобразные манифесты свободной личности в закрепощенном мире. Героини ее романов, талантливые, честные в любви и дружбе, сталкиваются с предательством со стороны любимых, непониманием в семье, невозможностью проявить себя в этой жизни.

Обладая импульсивным, пламенным характером, воспевая в романах страстные натуры, Жермена де Сталь, тем не менее, писала довольно логичные литературоведческие и политические труды. Своим трактатом «О Германии» Жермена провозгласила новую эру в литературе. Она пыталась найти компромисс между классической и зарождавшейся в Германии романтической литературой. Поэт, писатель должны быть свободны от каких бы то ни было канонов, пусть даже античных, идеальных, считала она. Культура каждого народа своеобразна и следует отстаивать ее индивидуальность.

21 февраля 1817 г., поднимаясь по лестнице, Жермена де Сталь упала. Диагноз лекарей был неутешительным — кровоизлияние в мозг. Умерла она только летом, продержавшись до 14 июля, дня начала Великой французской революции. Прожив полную борьбы жизнь, нашла ли она в любви то, что искала всегда — бессмертие?

> «Ты называешь меня своей жизнью: называй меня своей душой;
> Я хочу, чтобы это слово существовало не один день;
> Жизнь быстро проходит, дуновенье гасит ее огонь;
> Но душа бессмертна так же, как любовь».

Стоун Шарон



(род. в 1958 г.)

Всемирно известная американская киноактриса, которая наряду с множеством почетных титулов обладает званием «Самой стервозной стервы планеты». Почему петербургское жюри присудило «статуэтку в бигуди» именно ей? Ведь известно, что одна половина участвовавших в опросе кинозрителей считает ее женщиной выдающейся, а вторая половина — обычной стервой. Видимо, одно другому не мешает.

Эту актрису недаром окрестили «Мэрилин Монро 90-х» — у них много общего. Обе они статные, роскошные блондинки с длинными ногами. Обе вышли из низов и пробивались к славе, не считаясь ни с чем, в том числе позируя перед фотокамерой в неглиже. Обе долго пребывали на вторых ролях, и даже число фильмов, предшествовавших успеху, у них одинаковое — 20. Обе вызвали фурор какими-то отдельными эпизодами на экране, прочно запомнившимися публике. Первая — взвихренной на улице широкой юбкой, обнажившей не только стройные ноги; вторая — сценой допроса в полиции, когда камера заглянула прямо между широко разведенных колен героини. И наконец, обе, придя к славе, стали строить из себя интеллектуалок, стремясь всячески отстраниться от имиджа секс-символа, который сделал их знаменитыми.

Шарон Стоун родилась 10 марта 1958 г. в маленьком скучном городке Мидвилл на канадской границе (штат Пенсильвания) в большой семье мастера-инструментальщика. Она была

некрасивой — высокой, костлявой и носила очки с толстыми линзами. Единственное, чем она могла похвастаться, — это своими мозгами: в тринадцать лет она имела высший среди ровесников коэффициент интеллекта. Стремление позировать и устраивать театральные представления сочеталось у нее с интересом к литературе, живописи и кино. Ее мать Дороти работала в библиотеке, отец Джозеф — на железной дороге. Он привил маленькой дочери любовь к огнестрельному оружию, которое стало с тех пор ее страстным хобби.

Колледж в Сегертауне она закончила в 15 лет со степенью бакалавра. С такими познаниями в американской глубинке делать было нечего. И родители не по годам смышленой девочки успокоились только после того, как вытолкали своего ребенка за порог. С легкой совестью они отдали несовершеннолетнюю Шарон в Эдинборский университет — подальше от безысходности провинциального существования.

Здесь юная Шарон по-прежнему выделялась на фоне сверстников своим высоким интеллектом, но ей хотелось отличиться в другом: «Я заставила себя осознать свои возможности. Сначала покрасила волосы в черный, потом в каштановый и, наконец, в рыжий цвет. Свою внешность я рассматривала как задачку». С поставленной задачей она справилась, о чем свидетельствовали регулярные победы на разнообразных конкурсах красоты. Первые успехи вдохновили выпускницу университета (по специальности «Креативное создание текстов»), и она подалась в Нью-Йорк. Поближе к «цивилизации».

К концу семидесятых годов Шарон Стоун прошла очень длинный и тернистый путь: от продавщицы в «Макдональдсе» до успешной модели в Нью-Йоркском агентстве Эйлин Форд. Здесь она получила контракт на рекламирование автомобилей фирмы «Форд» как по телевидению, так и с уличных плакатов. Кроме того, она активно рекламировала свою фигуру («Диет-пепси»), волосы («Клэрол»), смазливое личико («Ревлон»). Но даже появление на обложках таких престижных изданий, как «Эль» и «Вог», не смогло удовлетворить ее честолюбия, и она отправилась на завоевание Голливуда.

Первые десять лет калифорнийской жизни прошли вяло и неубедительно: ушлые постановщики не торопились включать пришлую «звезду» в свои кинопроекты. Шарон Стоун зарабатывала на жизнь в местных ресторанчиках: подавала заказы, мыла посуду. И попутно снималась на второстепенных ролях в фильмах класса «Б».

После 30-летнего рубежа ситуация обострилась: Шарон

решила прорываться. Первое, что она предприняла, — согласилась на съемку и поместила свое фото в журнале «Плейбой». «Если и этот вариант не пройдет, то я вернусь домой!» — повторяла она про себя. Шаг с обложки «Плейбоя» на киноэкран был стремительным, режиссеры сразу обратили внимание на очередную милашку.

Кинокарьеру Шарон Стоун начала все же недурно. Впервые на экране она появилась всего на три секунды в окне поезда, проезжающего мимо главного героя. Но зато это произошло в фильме самого Вуди Аллена «Воспоминание о звездной пыли» в 1980 г., и мэтр даже обратил на нее внимание. Впрочем, она уже не заблуждалась на свой собственный счет и знала свое место в Голливуде.

Потом были какие-то безликие и бесконечные «Смертельные блага» и «Непримиримые противоречия», где Шарон активно предлагали «обнажиться и подвигаться». Что она безропотно и выполняла. Это были уже восьмидесятые, шедшие под девизом «Надо играть в кино, потому что надо же что-то делать и на что-то жить». Не брезговала она и телесериалами. Дело дошло даже до «Полицейской академии». Дальше, как говорится, уже некуда…

Путь ее не был усыпан розами. Достаточно сказать, что пять раз она была на грани жизни и смерти: в детстве чуть не утонула, в двенадцать лет упала с лошади, получив тяжелые увечья и рваную рану груди, выжила после автокатастрофы, вылечилась от инфекционного менингита и не поверила врачам, ошибочно диагностировавшим у нее рак груди. Проблемы со здоровьем не сломили, а лишь закалили эту целеустремленную женщину, сделав ее почти неуязвимой в циничном мире кино, где судьба человека гораздо легче разрушается, чем формируется.

О личной жизни Шарон Стоун в тот период ходят совершенно несуразные слухи, уличающие ее в многочисленных лесбийских связях. В том числе с канадской певицей К. Д. Лэнг, известной своей неприкрытой страстью к женщинам. Способствовали слухам сомнительные вечеринки в загородных отелях и желание иметь в качестве обслуживающего персонала непременно одних женщин, а также ее высказывания типа: «Если бы мне пришлось начать жизнь заново, я бы хотела навсегда отказаться от мужского общества — лживого и подлого. Идея женской дружбы меня несказанно привлекает. Я абсолютно чужда мужчинам, они используют меня, как животные, а потом бросают, как сломанную игрушку». Тем не менее в это время она дважды побывала замужем. Первый брак был краткосрочным, и Стоун тщательно его скрывает. Вторым мужем на протяжении двух лет (1984–

1986 гг.) был телепродюсер Майкл Гринберг. Развод с ним Шарон переживала очень тяжело.

Все же «подлые обманщики-мужчины» иногда могут принести счастье. Так, однажды сексапильность «звезды фильмов категории „Б“» не на шутку взволновала знаменитого голландского режиссера Пола Верховена, который уже несколько лет работал в Голливуде. Естественно, Шарон не упустила своего шанса. Вскоре, как честный человек, Верховен был просто обязан снять ее в своем фильме. Один за другим выходят «Вспомнить все» с Арнольдом Шварценеггером (1990 г.) и «Основной инстинкт» с Майклом Дугласом (1992 г.), вознесшие Шарон Стоун на кинематографический Олимп. Верховен был тут же брошен и забыт, а Стоун уже примеряла к себе титул «кинозвезды мирового значения».

Роль богатой порочной интеллектуальной писательницы Кэтрин Трэмел в «Основном инстинкте» сделала Шарон Стоун символом феминизма девяностых годов. Главная героиня фильма получилась у Стоун запоминающейся и неоднозначной. То неприступно холодная, то бешено страстная, то высокомерно лживая, то предельно искренняя, непредсказуемая и удивительно красивая, она привлекла сердца не только мужчин, но и женщин. Потом ей пришлось долго доказывать в прессе, что она отнюдь не бисексуальна, как ее героиня, чему зрители все равно не поверили.

Женщины не давали актрисе прохода, заваливали ее мешками писем, в которых благодарили за то, что она помогла им по-новому взглянуть на самих себя. Подобно героине фильма, миллионы свободолюбивых домохозяек решили раз и навсегда покончить с мужским диктатом, выбросить фартук на помойку и уйти с кухни, громко хлопнув дверью. Когда роль так резонирует в зрительской аудитории, значит, актриса попала в самую десятку общественных ожиданий и смогла убедить всех в правоте своей героини.

К этой роли Шарон шла долго, путем многолетних рассуждений типа: «Все места уже заняты. Сексуальная брюнетка — есть (Деми Мур), сексуальная блондинка — есть (Ким Бессинджер), очаровательная нимфетка — есть (Джулия Робертс). Остальные не в счет». И по всему получалось, что катастрофически не хватало чертовски сексуальной холодной стервы. На дворе между тем была Америка 90-х, символом которой считалось понятие «политкорректность», а Шарон уже нечего было терять. И заблуждаются те, кто утверждает, будто знаменитой ее сделало отсутствие нижнего белья в «Основном инстинкте». «Как бы не так! — заводится в таких случаях

Стоун. — Просто я из того сорта людей, которые просчитывают успех, — как некоторые свои банковские счета».

Она впитала в себя цинизм своего времени. Никакой самый сногсшибательный поцелуй, ни интимная близость не способны укротить ее самость. В кино Шарон методично начинает расправляться с партнерами то посредством ножа для колки льда, то ножниц, то кольта, наказывая мужчин за их многовековое самодовольство по отношению к женщинам. Если трезво взглянуть на проблему взаимоотношения полов, что сделала Шарон Стоун еще в период своей модельной юности, то можно свести все к очевидному выводу: наверху тот, кто лучше умеет использовать другого. Это не исключает влюбленности и прогулок под луной. Отсюда и основная жизненная заповедь Шарон: «Никогда не спи с типом, у которого проблем больше, чем у тебя».

Действительно, если верить журналистам, то мужчины, которым она что-то позволяла, охотно взваливали на себя часть ее проблем: продюсеры Билл Макдональд и Бобби

Вагнер; кинорежиссеры Пол Верховен и Барри Левинсон; актеры Майкл Дуглас и Дензел Заппа; певец Дуайт Йок; бизнесмен Майкл Беназепа. «Разве можно обвинять меня в потребительстве! — удивлялась Шарон. — Мне мужчины дают одно, я взамен им другое. И это нормально…»

После грандиозного успеха «Основного инстинкта» и последовавшей за ним «Щепки» (за съемки в которых она получила 300 тысяч и два с половиной миллиона долларов, соответственно) Стоун решает переквалифицироваться, наконец, в «серьезную актрису», уйти от навязанного ей образа «роковой женщины». Она объявляет о своем намерении никогда больше не сниматься в эротических сценах. Кроме того, она решает в судебном порядке разобраться с Полом Верховеном, показавшим скандальные кадры допроса в «Основном инстинкте» без ее согласия.

Режиссера наказать не удалось, но зато отныне Американская ассоциация актеров, с легкой руки Шарон Стоун, предлагает заинтересованным сторонам заключать специальные дополнения к обычному контракту. Эти дополнения получили название «Поправка о наготе». Теперь актеры получили все права на собственные изображения: никто, ни одна живая душа не может тиражировать либо запускать в свободный прокат картинки маломальски значимых половых признаков актера.

Возомнившую о себе невесть что актрису вскоре поставили на место: за роли в фильмах «Перекресток» и «Специалист» в 1994 г. она получает сразу две «Золотые малины» от американских

кинокритиков. Первую — за худшую женскую роль года, а вторую, вместе с Сильвестром Сталлоне, — за худший экранный дуэт. Критикам и этого было мало: два года спустя она вновь признана худшей актрисой в новом имидже, теперь уже за фильмы «Дьявольщина» и «Последний танец».

Но киноведы все же были к ней несправедливы. В это же время был и «Год оружия» Джона Франкенхаймера, замечательный политический детектив об итальянских «красных бригадах», и феминистский вестерн «Быстрый и мертвый», в котором Шарон Стоун демонстрировала свое умение мастерски стрелять (и который она даже продюсировала сама), а кроме того, вывела в число главных героев мало кому тогда известного Леонардо Ди Каприо. Он же, неблагодарный, позже отзовется о своей благодетельнице как о «надменной стерве, строящей из себя неизвестно что».

Было, наконец, «Казино», за которое она удосужилась похвалы Роберта Де Ниро, номинации на «Оскар», премии иностранных киножурналистов, аккредитованных в Голливуде, «Золотого глобуса». Это был уже настоящий успех, заставивший наконец-то иначе взглянуть на актрису, которую до того воспринимали лишь как «девочку без трусиков».

Но все перечисленные удачи — скорее исключения из правила, правила Роковой Блондинки, Подружки и Врага главного героя одновременно. Она, как умная женщина, и сама это понимает. Ум и сексапильность ей удается совмещать без риска для собственной карьеры. В чем, в чем, а в прагматичности ей никак нельзя отказать. Совсем недавно она приняла предложение парфюмерной фирмы «Ральф Лорен» стать лицом их новых духов. Шарон Стоун по условиям контракта получит 15 миллионов долларов, став, таким образом, самой дорогой актрисой, когда-либо снимавшейся для рекламы.

Стремительно налетевшая на Шарон слава сломала устоявшуюся привычную картину ее мира. Если с карьерой все было понятно — стерва-искусительница победоносно шествовала по киноэкранам, то личная жизнь перевернулась с ног на голову. Так, на приеме по поводу очередной голливудской премьеры актер Ричард Гир, вручая Шарон свою визитку, заметил: «Детка, мы созданы друг для друга, почему нам не быть вместе?» Тут же разорвав карточку в клочья, Шарон рассмеялась: «Ты уже не в моей лиге, ковбой!»

Вряд ли Шарон верила сама себе, когда заявила журналистам в 1997 г., что в сорок лет, то есть через год, выйдет замуж. С просьбой подыскать достойную кандидатуру она даже обратилась в элитное брачное агентство, предложив 100 тыс. долларов за

подходящий вариант. Требовался богатый жених, не связанный с шоу-бизнесом (совет психологов), а предложения руки и сердца, исходящие от членов королевских семей, она обещала рассматривать особенно тщательно. Вдохновленный перспективой принц Альберт слал ей букет за букетом, и Шарон полушутя говорила, что не прочь, вслед за Грейс Келли, стать принцессой Монако.

Но почему-то из этой затеи ничего не вышло. Потом Шарон Стоун сменила принца на ближневосточного шейха, а шейха — на короля. «Короля юмора» — так ласково называла она свою новую пассию — французского миллионера Мишеля Бенасера. Он был одним из немногих мужчин, способных ее развеселить. Но и от Мишеля со временем остались лишь смутные воспоминания да кольцо с бриллиантами на указательном пальце.

В июле 1997 г. на съемочной площадке фильма «Сфера» Шарон познакомилась с главным редактором ежедневной газеты «Сан-Франциско Экзаминер» Филом Бронштейном. За крутой нрав, внешний вид и пристрастие к сигарам Фила называли мачо. Он курсировал от законной жены к молоденькой любовнице и обратно. Кто-то, возможно, решил бы не соваться в его насыщенную личную жизнь. Но Шарон не «кто-то», и подобные глупости ее никогда не смущали. Деятельная дама перебралась из опостылевшего Лос-Анджелеса в Сан-Франциско и поселилась в роскошных апартаментах прямо напротив офиса Бронштейна.

Фил не строил из себя недотрогу и, несмотря на чрезвычайную занятость, легко выкраивал время для свиданий с голливудской дивой. Шарон была в восторге, она влюбилась в мачо по уши. До этого она не раз сетовала: на съемочной площадке, дескать, была рядом с Де Ниро, Сталлоне, Шварценеггером, а в жизни попадалась только мелкая рыбешка. Но наконец-то появился человек, который не считал ее ни стервой, ни куклой Барби. Он смог убедить ее в том, что она слабая женщина, и стал о ней заботиться. И в характере Стоун произошли серьезные изменения, возможно, необратимые: «Я поняла, что супружество — это для очень взрослых людей. Что это отношения, в которых невозможно бросить телефонную трубку или хлопнуть дверью, когда этого хочется. Это жизнь, которую надо проживать вместе — проживать, как процесс, понимаете? Мне уже очень давно не приходилось жить с кем-то вместе, под одной крышей. Я забыла, как это делается. И если случалось, что кто-то надолго задерживался в моем доме, то самым радостным был момент, когда этот кто-то наконец уходил. А сейчас я учусь делить жилье с Филом. Оказывается, это возможно! И даже интересно, пожалуй».

Свадьба, на которую Шарон потратила миллион долларов (очень скромно, по голливудским меркам), стала неожиданностью для всех ста пятнадцати гостей. Идя к Стоун и Бронштейну 14 февраля 1998 г., они думали, что будет вечеринка, посвященная Дню святого Валентина. Но пара устроила грандиозный сюрприз…

Раньше ее не видели такой спокойной и расслабленной: «Я никогда столько не спала. Я брожу по дому в пижаме, любуясь океаном. Грызу яблоки, пью чай. Необходимость принять ванну и сменить пижаму до возвращения Фила домой не позволяет мне впасть в апатию. И сам город… В Лос-Анджелесе люди только и занимаются тем, что обсуждают друг друга. В лицо улыбаются, а за глаза распинают. А в Сан-Франциско всем наплевать, кто я такая, никто на меня не пялится, не останавливает на улице».

Тоскует ли она по своему прежнему скандальному поведению? Время от времени да: «Иногда я вспоминаю те годы с ностальгией. Поступать так, как я поступаю сейчас — все равно что наркоману отказаться от наркотиков. Раньше везде, где я появлялась, слышала, как скандируют мое имя. Сегодня — если кто-то бежит за мной с воплями, так это потому, что я ушла, забыв заплатить по счету».

Долгое время Шарон Стоун была зациклена только на себе, считала себя центром мироздания и причиняла много зла окружающим. Сейчас она предпочитает отдавать долги. Благотворительный фонд «Планета Надежды», основанный ею вместе с родной сестрой Келли, занимается организацией летних лагерей, групп «продленного дня» в школах и курсов компьютерной грамотности для бездомных мексиканских детей. Шарон самолично разработала дизайн чемоданчиков для косметики, чтобы вырученные от их продажи деньги отдать Американскому фонду исследований в области СПИДа, председателем которого она является. Кроме этого, она принимает активнейшее участие во всевозможных благотворительных аукционах.

В мире шоу-бизнеса не принято интересоваться возрастом звезд. Шарон же угораздило заявить во всеуслышание о своем сорокалетии. Теперь она видит, как ее одногодки спокойно играют роли, которые ей не предлагают просто потому, что публика помнит про ее возраст. Стоун порой кусает локти, но пытается относиться к обидам философски: «Ну да, когда-то мои героини были моложе героев. Это время прошло. Теперь я хочу играть с молодыми мужчинами. Вот Джонни Депп, например. Отличный вариант».

И в семейной жизни Шарон и Фил не считали, что сорок лет

— совсем уж безнадежный возраст для того, чтобы впервые стать матерью. Шарон целый год поила мужа специальными отварами и пускалась на прочие «военные» хитрости. Газетчики ожидали появления ребенка не меньше самой Стоун, фотографы даже слегка подрисовывали ей на снимках животик. Но все попытки забеременеть заканчивались выкидышами.

А потом грянул гром среди ясного неба: у Фила случился инфаркт. Когда это произошло, Шарон, по ее словам, захотелось выскочить на улицу и разрыдаться, как маленькой девочке. Внезапно она поняла, что может потерять любимого мужа. Так Стоун впервые осознала, что молодость закончилась. В доли секунды она переоценила свою жизнь и решила с этого дня посвятить себя семье, а не карьере. И растерянность быстро сменилась решительностью.

Коварная соблазнительница ухаживала за бледным, исхудавшим мужчиной, опутанным проводками медицинских приборов, как самая заботливая медсестра. Она бдительно следила за тем, чтобы он не напрягался, соблюдал диету. И сама из супружеской солидарности перешла исключительно на овощи и фрукты, попутно похудев и избавившись от целлюлита.

Шарон была так счастлива, что здоровью Фила больше ничто не угрожает, что, когда в декабре 1999 г. врачи вынесли ей приговор «бесплодие», она на удивление мало расстроилась: «Мы решили усыновить ребенка. Сколько можно тянуть с этим — жизнь идет, и никто не знает, что будет через год или два».

Весной 2000 г. адвокат по усыновлению разыскал в Техасе несовершеннолетнюю пару будущих родителей. Сами они не чувствовали себя готовыми к тому, чтобы иметь детей, но были довольны, что их сын, вместо того чтобы попасть в приют, обретет настоящую семью. Так малыш нашел новых родителей еще до рождения. Шарон и Фил забрали его в Сан-Франциско, когда ребенку исполнилась неделя, и назвали Роан Джозеф. Первое имя дал Фил, оно из мифологии и в переводе означает «тюлень» — волшебное животное кельтов. А второе имя дала Шарон, в честь своего отца.

Для родителей ребенок стал потрясением, ведь у Фила тоже никогда не было детей. Шарон обстоятельно подготовилась к появлению младенца: зачитала до дыр книгу доктора Спока и прочие пособия по воспитанию, прошла школу молодых мам, где учили, как ухаживать за малышами, но даже представить не могла, что держать на руках живое существо — это так потрясающе. «Он — мой замечательный маленький Будда. Ест как чемпион, спит мирно, а мы бережем его как зеницу ока». Шарон Стоун пока не доверяет ребенка никаким няням. Теперь она

твердо знает, что основной инстинкт бывает только материнским.

Суслова Аполлинария Прокофьевна

(род. в 1839 г. — ум. в 1918 г.)

Возлюбленная писателя Ф. Достоевского и жена философа В. Розанова. Эта женщина — феномен патологического эгоизма и изощренного садизма по отношению к своим близким. Всю свою жизнь она причиняла окружающим боль и унижения. Однако было что-то, что как магнитом удерживало одаренных людей вблизи нее, что побуждало их называть ее своей любимой.

На одном из студенческих вечеров бывший каторжник, а ныне популярный писатель Федор Михайлович Достоевский читал главы своего романа «Записки из Мертвого дома». После выступления к нему подошла стройная молодая девушка. Это была 22-летняя слушательница Петербургского университета Аполлинария Суслова. В ее низком, несколько медлительном голосе и во всем внешнем облике чувствовалось странное соединение силы и женственности.

По происхождению Аполлинария была крестьянкой. Она родилась в 1839 г. в селе Панино Нижегородской губернии в семье Прокофия Суслова, бывшего крепостного, ставшего благодаря своей расторопности управляющим имениями графов Шереметевых. В шестидесятых годах он переехал в Петербург, стал зажиточным купцом, а потом и собственником фабрики в Иваново-Вознесенске. Дочерям он дал отличное воспитание: сначала они учились языкам и манерам в московском частном пансионе, а затем уехали в Петербург. Аполлинария поступила в университет, а Надежда — в Военно-Хирургическую академию.

Впоследствии Надежда стала первой женщиной-врачом в России и сыграла значительную роль в истории высшего женского образования.

Дочь Достоевского утверждает, будто Суслова, девица страстная и смелая, написала своему кумиру «простое, наивное и поэтическое письмо — объяснение в любви», которое и положило начало их отношениям.

Относительно существования письма Аполлинарии достоверных свидетельств нет. Зато сохранился очерк Сусловой «Покуда», опубликованный в 1861 г. в журнале «Время», редактором которого был Ф. Достоевский. Рассказ слабый и малооригинальный, не отличающийся никакими художественными достоинствами. Вообще природа не дала Аполлинарии писательского таланта, но зато не обидела в другом. «Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мне кажется, ее можно всю в узел завязать и перегнуть надвое… Волосы с рыжим оттенком. Глаза настоящие кошачьи, но как гордо и высокомерно умеет она ими смотреть». Такой видит ее Достоевский глазами главного героя романа «Игрок» Алексея Ивановича. Он готов по первому ее требованию шагнуть в пропасть или — для чего требуется еще большая отвага — стать посмешищем целого города. «Ведь она и других с ума сводит», — лепечет Алексей Иванович в свое оправдание, и это — чистая правда.

Суслова «действительно была великолепна, я знаю, что люди были совершенно ею покорены, пленены». Это свидетельствует не герой романа и даже не его автор, а философ Василий Розанов, один из тех, кто был до такой степени ею «пленен совершенно», что предложил выйти за него замуж. В то время, когда его будущая жена обнималась с Достоевским, ему было пять лет от роду, и кто бы мог подумать, что два десятилетия спустя между ним и любовницей знаменитого писателя будут столь близкие отношения.

«Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее». Слова эти вырвались у Ф. Достоевского в апреле 1865 г., но он мог повторить их и пять и десять лет спустя, когда писал с нее своих героинь, — писал, откровенно любуясь ими, восхищаясь и ужасаясь.

Черты Сусловой присущи целому ряду женщин из его романов: Дуне, сестре Раскольникова («Преступление и наказание»), Настасье Филипповне и Аглае («Идиот»), Ахмаковой («Подросток»), героине «Вечного мужа», Лизе («Бесы»), Катерине («Братья Карамазовы») и конечно же Полине из «Игрока». Уже один этот перечень показывает, до чего Аполлинария «пронзила»

Достоевского. Но возникает вопрос: оттого ли персонажи его романов похожи на Суслову, что сердце его было занято ею, или же он полюбил ее за соответствие тому типу женщины, которое создала его творческая фантазия? Описывал ли он в своих произведениях собственную биографию или в жизни выбирал тех, кто походил на героинь его романов, воплощая его мечты и тайные стремления? Но ответить полностью на эти вопросы — значит разрешить одну из самых сложных и противоречивых проблем психологии творчества великого писателя.

В Аполлинарии очень резко выступали те стороны ее характера, которые Достоевский вообще считал ключевыми для объяснения человеческой природы: она совмещала в себе самые противоречивые наклонности. Ее темперамент одинаково проявлялся и в любви и в ненависти. Суслова быстро увлекалась, строила идеальные образы — и резко разочаровывалась. А так как она не умела прощать и не знала снисхождения, это разочарование немедленно превращалось в иронию и беспощадность, в гнев и жестокость. Аполлинария сама порою от этого страдала, ее требования к жизни и людям фатально обрекали ее на поражения и удары, и это бросало трагическую тень на все ее существование — Достоевский это чувствовал и еще больше любил ее. Он порою, точно в зеркало, вглядывался в эту молодую девушку: в ней самой волновалось то, что он пытался вложить в свои романы, и в ней было больше «достоевщины», чем в ряде его героев и героинь.

Итак, осенью 1861 г. весьма требовательный редактор Ф. Достоевский напечатал в своем журнале посредственный очерк не известной никому сочинительницы. Объяснение этому удивительному событию следует искать в особых отношениях редактора и молодой дебютантки. Это первая документально зафиксированная веха в истории их связи. Дальше подобных вех будет множество, их роман растянется надолго, но главные его события произошли в течение последующих двух лет.

Судя по разным указаниям в дневнике и письмах Сусловой, Достоевский был ее первым мужчиной и первым сильным увлечением. Она потом рассказывала за границей мало знавшим ее людям, что до 23 лет никого не любила и что ее первая любовь была отдана сорокалетнему человеку: на внешность и возраст она внимания не обращала. Аполлинария, как и все ее революционно настроенное окружение, не видела ничего дурного в свободе тела, и если она оставалась девушкой до знакомства с Достоевским, то причиной этому были не моральные запреты, а отсутствие того, кого она могла бы полюбить. А раз она полюбила, никакого вопроса о физическом сближении для нее не существовало: оно в

ее глазах было нормально и естественно, и она отдалась «не спрашивая, не рассчитывая». Суслова видела в Достоевском писателя, известность которого все увеличивалась, она чувствовала огромный моральный и умственный размах его произведений. Весь ее подспудный идеализм, вся романтика «нигилистки», скрывавшей мечты под маской холодного рационализма, неудержимо влекли ее к этому некрасивому и больному мужчине.

Для Ф. М. Достоевского это были годы, когда умирала его тяжело болевшая жена Мария Дмитриевна, когда главной его заботой был журнал «Время», неожиданно запрещенный правительством. По этой причине ему пришлось отложить запланированный отъезд с Аполлинарией за границу. Она уехала одна и в письмах звала его в свои объятия. Однако прошло совсем немного времени и писем вдруг не стало.

Он сумел вырваться в Париж через три месяца разлуки, обеспокоенный ее долгим молчанием. Но это не помешало ему задержаться еще на несколько дней в Висбадене, чтобы попытать счастья, играя в рулетку. Как могло случиться такое — ведь все мысли его были о любимой? А вот как: «…с самой той минуты, как я дотронулся… до игорного стола и стал загребать пачки денег, моя любовь отступила как бы на второй план», — говорит Достоевский устами «игрока» Алексея Ивановича.

Но вот три дня прошли, страсть утолена, выигрыш в пять тысяч франков (а то был редкий случай, когда фортуна отнеслась к нему благосклонно) распределен между умирающей в Петербурге женой и ждущей его в пансионе на берегу Сены любовницей. Он двинулся дальше, вновь беспокоясь об отсутствии почты.

Письмо ждало его в Париже: «Ты едешь немножко поздно… Еще очень недавно я мечтала ехать с тобой в Италию, даже начала учиться итальянскому языку: все изменилось в несколько дней. (Сперва она написала „в неделю“, потом зачеркнула). Ты как-то говорил мне, что я не могу скоро отдать свое сердце. Я его отдала по первому призыву, без борьбы, без уверенности, почти без надежды, что меня любят… Не подумай, что я порицаю себя. Я хочу только сказать, что ты меня не знал, да и я сама себя не знала. Прощай, милый».

Самое, пожалуй, впечатляющее тут — это слова: «Не подумай, что я порицаю себя». Она совершила явную глупость, отдала сердце какому-то проходимцу, но совершенно не винит себя в этом.

Какой нашел ее Достоевский в Париже? «Лицо ее было очень бледно, беспокойство и тоска сказывались на нем, смущение и

робость были в каждом движении, но в мягких и кротких чертах проглядывала несокрушимая сила и страсть». Это не портрет, это — автопортрет Сусловой в ее автобиографической повести «Чужая и свой», фрагменты которой она дословно переписала из своего дневника. Из этой характеристики следует, что Аполлинария знала себе цену. В одном месте она описывает мимоходом «свой стройный величавый стан», в другом упоминает о краске стыдливости, что подступила к «благородному челу», в третьем роняет вскользь, что на лице ее лежала «не всем видимая, но глубокая печать того рокового фанатизма, которым отличаются лица мадонн и христианских мучениц». Позже В. Розанов, хорошо изучивший собственную супругу, конкретизирует ее «мученический» облик, назвав Аполлинарию «хлыстовской богородицей поморского согласия».

Бурное выяснение отношений Достоевского и Сусловой закончилось тем, что отвергнутый любовник смирился со своей участью и на правах друга, который ни на что больше не претендует и не надеется, предложил сопровождать ее в поездке по Италии. В этом путешествии Аполлинария помыкала им как хотела.

«Я действительно готов за нее голову мою положить», — обреченно признается Достоевский устами Алексея Ивановича. «Если бы даже она и не любила меня нисколько, все-таки нельзя бы, кажется, так топтать мои чувства и с таким пренебрежением принимать мои признания… Ей было приятно, выслушав и раздражив меня до боли, вдруг меня огорошить какою-нибудь выходкою величайшего презрения и невнимания». Сказано это о героине романа «Игрок» Полине, которая временами смотрела на Алексея Ивановича «с выражением бесконечной ненависти», но бесспорно относится к реальной Полине — Аполлинарии.

Быть может, Достоевский стал жертвой собственной мнительности? Увы… «Мне говорят о Федоре Михайловиче. Я его просто ненавижу. Он так много заставлял меня страдать, когда можно было обойтись без страдания». Суслова имеет в виду не эту совместную заграничную поездку, а период их свиданий в Петербурге, когда он встречался с ней тайком от жены.

Ослепленная первой любовью, которая, по ее словам, была «красива, даже грандиозна», она ни на что не обращала внимания, но замечала все. Она упрекает Достоевского в том, что он относится к их связи с известной долей рационализма, встречаясь с ней «по расписанию», не хочет ради нее развестись с больной женой и вообще всячески унижает, обращаясь с ней, как с обыкновенной любовницей. Аполлинария отыгралась в полной мере, когда пришел ее черед. «Бывали минуты (а именно каждый

раз при конце наших разговоров), что я отдал бы полжизни, чтоб задушить ее!» — говорит Алексей Иванович.

Сам Достоевский более сдержан в своих откровениях: «Аполлинария — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт… Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, жалуется и упрекает меня беспрерывно… Она меня третировала всегда свысока».

Его колют, упрекают, третируют, но автор «Униженных и оскорбленных» не покидает свою мучительницу. Почему? Уж не находит ли он во всем этом, как и герой его «Записок из подполья», «своего рода наслаждение, разумеется, наслаждение отчаяния, но в отчаянии-то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда уж очень сильно сознаешь безвыходность своего положения». Достоевский писал «Записки из подполья» сразу после путешествия с Аполлинарией, где он имел возможность в полной мере испытать «наслаждение… от слишком яркого сознания своего унижения».

«Хлыстовская богородица» не видела удовольствия в подобных отношениях. Он же так их ценил, что, встретившись с Аполлинарией после двухлетней разлуки, несколько раз делал ей предложение. «Он давно предлагает мне руку и сердце и только сердит меня этим», — записала Суслова в своем дневнике. Она не только отклонила все его предложения о замужестве, но после трех лет любви, измен, ссор и примирений объявила, что им пора расстаться, ибо никакого общего будущего у них быть не может.

Весной 1866 г. Аполлинария уехала к брату в деревню. Она и Достоевский простились, отлично зная, что пути их больше не пересекутся. Дочь Достоевского утверждала, что однажды в конце семидесятых годов они встретились, но он демонстративно не узнал ее. Возможно, все было не так, и Достоевский просто не сразу ее узнал, но этого было достаточно, чтобы Суслова смертельно обиделась. Вообще весь этот случай маловероятен, так как сложно представить себе, что Федор Михайлович мог забыть или не узнать той, кого он три года любил трудной, восторженной и большой любовью; той, которая оставила жгучий след в его душе. Десять лет разлуки не могли изгладить из памяти ее образ. Он вздрагивал, когда при нем упоминали ее имя; он переписывался с нею, скрывая это от молодой жены; он неизменно возвращался к описанию ее в своих произведениях; он до самой смерти пронес воспоминание о ее ласках и ее ударах. В глубине своего сердца он навсегда остался верен своей обольстительной, жестокой и неверной подруге.

Как считала Аполлинария, возвращение из-за границы должно было круто изменить ее судьбу, она хотела вырваться из тины пошлости, которая засасывала ее в Европе. В Петербурге она нанесла окончательный удар по прошлому, порвав с Достоевским, от которого, по ее мнению, и пошли все беды. Теперь она была свободна и могла начать новую жизнь. Но свобода принесла ей мало радости.

Поначалу она занялась общественной деятельностью и воплотила свою давнюю мечту о просвещении простого народа. Сдав экзамен на звание учительницы в 1868 г., она поселилась в селе Иваново Владимирской губернии и открыла школу для крестьянских детей. Об этом немедленно стало известно в Петербурге: «революционерка» Суслова находилась под надзором полиции и у нее неоднократно производились обыски. Во время одного из таких обысков она уничтожила все письма Достоевского к ней, выбросив их в уборную.

Школу через два месяца закрыли. В архиве Третьего отделения сохранилась запись, что Аполлинария Суслова «известна за одну из первых нигилисток, открыто заявлявших свое учение, и за границей имела близкие сношения с лицами, враждебными правительству». Кроме этого, жандармы обвиняли ее в том, что она носит синие очки, коротко стриженные волосы, в суждениях слишком свободна и не ходит в церковь.

Одно время Суслова занималась литературным трудом. О личной жизни ее ничего не известно. В 1872 г. поборница женской эмансипации появилась в Петербурге на только что открытых курсах Терье — первом женском высшем учебном заведении в России. Одетая в темное, серьезная и сосредоточенная, она обращала на себя внимание и привлекала взгляды своей таинственностью. Но курсов она не окончила: наука, по-видимому, надоела ей так же быстро, как и все остальное.

Некоторое время Аполлинария жила у брата в Тамбовской губернии, часто разъезжала по стране, но чем занималась — неизвестно. В конце семидесятых годов она встретила в Петербурге 24-летнего провинциального учителя Василия Васильевича Розанова, будущего журналиста, писателя и философа. Она вышла за него замуж в 1880 г., еще при жизни Достоевского, которого ее новый муж боготворил. Впоследствии в своих произведениях он объявлял себя его учеником. Брак с бывшей возлюбленной учителя имел для Розанова ритуальный характер. Сама мысль о том, что он будет спать с той самой женщиной, с которой когда-то жил Достоевский, приводила его в мистически-чувственный восторг. Аполлинария была старше его

на 16 лет, но «сохранила черты былой, поразительной красоты», чем и покорила молодого учителя. Ее портрет того времени изображает сидящую очень прямо женщину, волосы разделены пробором и обрамляют небольшую красивую голову; правильное, словно выточенное лицо сухо и строго; взгляд больших грустных глаз открыт и горд; властный, слегка широкий рот резко очерчен; у нее прекрасные руки, опущенные в томном жесте усталости.

Замуж Суслова вышла, вероятно, из любопытства, скуки, а может, и плотского желания, восходившего к дням ее близости с Достоевским. А для Розанова именно физическая любовь была на первом месте, превращая жизнь в душный плен, в наслаждение рабством. Он тоже был одержимый, как и его предшественник, хотя и по-другому, не по-гениальному. Но в его речах о святости объятий, о великой мистерии брачной постели чувствовалась такая убедительность, что близость с ним обещала Аполлинарии какое-то высшее оправдание и освящение ее собственной чувственности.

Однако эти надежды не сбылись. Их брак оказался неудачным и превратился для супругов в невыносимое испытание. С первых дней совместной жизни Суслова преследовала мужа своей чудовищной ревностью и устраивала ему дикие сцены. Она быстро разочаровалась в половом мистицизме Розанова: по ее мнению, он попросту прикрывал им свое «слюнявое и липкое сладострастие». Но в ней самой с возрастом развилась похотливость, и она засматривалась на молодых студентов. Одному из них, другу мужа, она начала делать недвусмысленные намеки, а когда они были отвергнуты, написала на него донос в полицию. Молодой человек был арестован, и Аполлинария спокойно рассказывала о своей мести.

В 1886 г., не прожив с мужем и шести лет, она обвинила его в супружеской неверности, бросила и уехала к отцу в Нижний Новгород. Любвеобильный Розанов действительно изменял своей жене, но власть ее над ним была такова, что он тут же стал слезно молить ее о возвращении. На письма и призывы мужа она отвечала со свойственной ей жестокостью и грубостью: «ты не собака, а потому нечего выть». Но когда Розанов сошелся с другой женщиной, Варварой Дмитриевной Бутягиной, и прижил от нее детей, Аполлинария наотрез отказалась дать ему развод и на протяжении пятнадцати лет всячески над ним издевалась. Новая семья Розанова считалась «незаконным сожительством», а его дети были лишены гражданских прав.

Борьба между Сусловой и ее бывшим мужем продолжалась с перерывами, уловками и интригами вплоть до 1897 г., когда Розанов согласился дать ей отдельный вид на жительство. Но

прошло еще пять лет, прежде чем Аполлинария пошла на уступки: она была несговорчива и упорна, с друзьями, которых муж подсылал для переговоров, говорила о нем со злобой, почти с ненавистью, и называла его «продажной тварью и лжецом».

Окружающие очень страдали от ее властного, нетерпимого характера. Известно, что, уйдя от Розанова, она взяла к себе воспитанницу, но та будто бы не выдержала трудной жизни и утопилась. Старик отец, у которого она жила, писал о ней: «Враг рода человеческого поселился у меня теперь в доме, и мне самому в нем жить нельзя».

Вскоре Суслова переехала в Крым и обосновалась в Севастополе в собственном доме, который содержала в образцовом порядке. Внешне отличалась худощавостью, гордым станом и производившей незабываемое впечатление наружностью. Страсти, вероятно, не перестали волновать ее и в преклонные годы. Во время Первой мировой войны она неожиданно проявила себя ревностной патриоткой и примкнула к организациям реакционного толка. Жизнь с Розановым, сотрудником «Нового Времени», антисемитом и монархистом, очевидно, не прошла для нее даром, и она разделяла некоторые его взгляды.

Аполлинария Суслова умерла в 1918 г., вряд ли подозревая, что по соседству с ней, на том же крымском побережье, в тот же самый год закончила свои дни женщина, которая пятьдесят лет тому назад заняла ее место в сердце любимого человека и стала его женой — Анна Достоевская.

Тейлор Элизабет

Полное имя — Элизабет Розамунд Тейлор (род. в 1932 г.)

Без этой необычайно красивой женщины с фиалковыми глазами, бархатными бровями, ярким и скандальным характером трудно представить себе историю Голливуда. Капризная, своевольная, грешная, жестокая, разодетая и увешанная драгоценностями, она олицетворяла собой «вечную женственность», столь притягательную в жизни и искусстве.

«Первая красавица Голливуда… божественная и легендарная… влекущая и обольстительная… сверкающая и незабываемая… любящая и страдающая мать… первоклассная актриса… обладательница трех „Оскаров“…»

«Фальшивая и скандальная… пустая и порочная… болезненная и патологическая в обжорстве… алкоголичка и наркоманка… буйная и клокочущая от постоянной сексуальной неудовлетворенности… страстная собирательница уникальных нарядов и драгоценностей…»

Эти слова в разное время говорили об одной и той же женщине — знаменитой американской актрисе кино, театра и телевидения Элизабет Тейлор.

Элизабет родилась в Лондоне 27 февраля 1932 г. в семье американцев Фрэнсиса и Сары Тейлор. Ее отец был торговцем произведениями живописи и скульптуры, а мать — актрисой. С началом Второй мировой войны родители вернулись в США и поселились на юге Калифорнии. Здесь, в самом модном районе Лос-Анджелеса — Беверли-Хиллз отец открыл художественную

галерею.

В Беверли-Хиллз кинозвезда проживает и сейчас — в трехэтажном особняке, закрытом от посторонних глаз высокой оградой и защищенном специальной аппаратурой слежения. Тейлор есть чего опасаться: в ее доме собрана богатейшая коллекция живописи, драгоценностей и нарядов. Достаточно сказать, что ей принадлежит уникальное колье с царственным бриллиантом «Тадж Махал», жемчужина «Ля Перегина», подаренная Марии

Тюдор в 1554 г., бриллиант Круппа в 33,3 карата и «Картье-Бретон» в 62,42 карата. Она собирает полотна Ван Гога, Дега, Моне, Ренуара, Модильяни. Коллекционирует роскошные автомобили стоимостью несколько сотен тысяч долларов. Наряды ей шьют величайшие модельеры, признанные асами своей профессии: канадец Ллойд Дэвид Клейн и итальянец Валентино Гаравани.

На протяжении нескольких десятилетий Элизабет Тейлор строго совмещает два стиля — классический и романтический, что придает ей грациозность, естественность, женственность и обольстительность.

В семнадцать лет ее закружил водоворот любовных страстей и она очутилась в центре внимания «желтой» прессы. Юную Элизабет преследовало множество увлечений, самым громким из которых был ее роман с миллиардером Говардом Хьюзом, ставший сенсацией года. Но в уже мае 1950 г., когда ей исполнилось восемнадцать лет, она заявила журналистам: «Верьте мне, с бурными романами покончено навсегда».

Эти опрометчивые слова Элизабет произнесла на пороге церкви, куда ее в подвенечном платье привел двадцатичетырехлетний миллионер Ник Хилтон, сын короля знаменитых отелей, обслуживающих богатых клиентов во всех уголках мира. Так Тейлор стала обладательницей большого количества акций империи Хилтона, автомобиля «кадиллак», обручального кольца стоимостью 50 тыс. долларов и уникальных норковых шуб.

Однако столь блистательного мужа она смогла выдержать всего лишь около года. Эмоции прошли быстро: «В любви нужна гармония… Как только она улетучивается, наступает охлаждение и становится довольно жестко и неуютно. Апатия возникает от будничных впечатлений, которые наслаиваются ежедневно. Наступает момент, когда от них нужно избавляться…» Молодой, стройный и на вид скромный красавец на поверку оказался алкоголиком. А слова, сказанные Тейлор после церемонии бракосочетания, еще долго цитировались журналистами.

После первого неудачного семейного опыта Элизабет влюбилась в английского актера Майкла Уиндинга. Ей было двадцать лет, ему — сорок. Этот брачный союз был более прочен и продержался пять лет — до 1957 г. За время совместной жизни с «абсолютным джентльменом» Элизабет родила ему двух сыновей. Как будто все было хорошо, но постоянная занятость начинающей актрисы на съемочной площадке практически не оставляла времени для семьи. В результате последовал разрыв, который окончился разводом.

Весной 1958 г. Элизабет Тейлор, карьера которой стремительно пошла вверх, получила предложение сыграть одну из главных ролей в фильме «Кошка на раскаленной крыше». Сценарий ей не понравился, и она собиралась его отклонить. Уговорил ее сниматься знаменитый продюсер Майкл Тодд, который был к тому времени ее третьим мужем. «Ты обязательно получишь „Оскара“ за эту роль», — сказал он, намекая на схожие черты характера героини фильма и своей молодой жены, в жизни которых секс занимал огромное место.

Майкл Тодд был одним из самых инициативных и удачливых дельцов Голливуда. Его грандиозная картина «Вокруг света за 80 дней», к участию в которой он привлек около двадцати ведущих актеров, побила в то время все рекорды популярности. Он любил устраивать пышные премьеры, где, как писали газеты, «кроме знаменитостей, демонстрировались индийские и африканские слоны, а шампанское для гостей поставлялось цистернами…»

Пятидесятидвухлетний продюсер и двадцатишестилетняя кинозвезда казались идеальной парой, Тейлор даже приняла ради него иудейское вероисповедание. Однажды шутник М. Тодд поведал друзьям, чем скреплен их нерушимый семейный союз: «У Элизабет покладистый характер. Если она начинает метать громы и молнии, я просто покупаю ей какой-нибудь крохотный бриллиантик за 80 тысяч долларов, и на четыре дня в доме устанавливается райская атмосфера».

Майкл и Лиз были неразлучны. Когда начались съемки фильма «Кошка на раскаленной крыше», супруг даже перенес офис своей фирмы на территорию студии «Метро Голдвин Майер». Каждый день он приходил в просмотровую вместе с женой оценивать отснятый материал. «Мы жили с такой интенсивностью, — вспоминала Элизабет, — что многим любящим парам хватило бы на целую жизнь. Я страстно любила Майкла с его порой безумными причудами…»

Однако их счастье оказалось недолгим. 4 марта 1958 г. Тодд вылетел из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк на торжественный прием, устроенный в его честь. Над штатом Нью-Мексико его личный

самолет, названный в честь жены «Счастливая Лиз», попал в грозовой шторм и рухнул на землю. Весть о катастрофе стала для Элизабет Тейлор ударом, от которого она долго не могла оправиться. В память о погибшей любви осталась девочка, названная именем матери.

Актриса тяжело переживала трагедию. Похороны Майкла вывели Тейлор из нормального состояния: «Все было так ужасно. На всем пути следования похоронной процессии люди не переставали вопить: „Лиз, покажись!“, „Лиз, сними вуаль, мы хотим видеть тебя!“ Когда гроб был опущен в могилу, я попросила всех отойти и опустилась на колени. Но толпа прорвала цепь полицейских и ринулась ко мне… Мою вуаль разорвали в клочья — на сувениры. Как только люди могут быть такими?..»

После смерти любимого мужа она никого не хотела видеть и принимать, находясь в глубокой депрессии. На помощь пришел живший по соседству друг погибшего, молодой певец Эдди Фишер. Своим постоянным присутствием он смог вывести Элизабет Тейлор из состояния одиночества и отчаяния. В 1959 г. он стал ее четвертым мужем.

Эдди был очень уравновешенный, стеснительный, интеллигентный мужчина, без памяти влюбленный в свою знаменитую соседку. Ради Тейлор он пошел на громкий бракоразводный процесс с известной актрисой Дебби Рейнольдс и с мая 1959 г. уже сопровождал повсюду свою новую жену. Через два года супруги отправились за границу на съемки легендарного фильма «Клеопатра».

Пресса, информирующая о самой дорогостоящей за полувековую историю Голливуда постановке, решила подбросить публике интригу: с кем сейчас живет блистательная Тейлор — с законным мужем Эдди Фишером, режиссером Джозефом Манкевичем или Ричардом Бартоном, исполнителем роли Марка Антония?

Журналисты, как ни странно, оказались не далеки от истины. Английский актер Ричард Бартон был тем мужчиной, о котором Тейлор тайно мечтала со времени их первой встречи шесть лет назад. В его коренастой, ловко скроенной фигуре ощущалась недюжинная сила, во взгляде — испепеляющая страсть, в характере — несгибаемая твердость и эмоциональность. Элизабет не могла оставаться равнодушной. Она высоко ценила старания своего мужа Эдди Фишера, который беспрекословно ходил за женой и носил ее тяжелое норковое манто, но тайная страсть все росла.

Съемки фильма «Клеопатра», проходившие в окрестностях

итальянской столицы приковали к себе внимание всего мира. Двое влюбленных — Бартон и Тейлор — на протяжении нескольких месяцев обеспечивали работу десяткам пронырливых репортеров, которые спешили передать в редакции своих изданий свежие новости о том, как развивается их роман. Это было неслыханно, почти чудовищно: любовники открыто нарушали супружескую верность, прелюбодействуя, «служили дьяволу», по меткому выражению Ватикана. Кинозвезды бездумно освободили себя от лицемерия, став символами нового времени — эпохи раскрепощенной сексуальности.

В 1964 г. любовники решили узаконить свои отношения: Тейлор стала второй женой Бартона, а он — ее пятым мужем. Венчание состоялось в канадском городе Торонто, где они восхитительно провели свой медовый месяц.

«Амурная афера с американской мадонной» не нравилась не только католической церкви и американскому госдепартаменту, но и друзьям Бартона, которых он оставил в Великобритании. Актер разорвал контракт с шекспировским театром, где его законно считали единственным наследником великого Лоренса Оливье, исполнителем главных ролей в пьесах Шекспира. Все предостерегали Бартона относительно Тейлор, этого «чудовища», намекали ему, что он заключил фаустовский союз и продал свой талант за богатство и любовь. Из Лондона телеграфировал Оливье: «Ты хочешь быть известным драматическим актером или стать фирменным товаром?»

Но Ричард и Элизабет находились в любовном опьянении, длившемся долго и ставшем всеобщим достоянием. С этого времени они жили в состоянии беспрерывного веселья, сенсаций, новых грехопадений. Их жизнь выставлялась на всеобщее обозрение фотографами и журналистами. Если их приглашали в гости, то хозяева приема устанавливали скрытые камеры, чтобы зафиксировать их животные страсти. Это были действительно две необузданные, вакхические натуры, которые со скандалами странствовали в мире кино и обществе, оставаясь секс-аттракционом десятилетия.

Ричард Бартон был на шесть лет старше Элизабет. Журналистам в это время звезда признавалась: «Мое счастье, что я стала его женой. По своей натуре Ричард — не обычный мужчина. Правда, он еще продолжает носить в себе след джунглей, где многое подчинено физической силе и неуемной раскованной страсти. Но от этого в жилах любой женщины закипает кровь. Он мужик прямолинейный, но добрый и честный. Он беспокоится обо мне, моих денежных расходах. Все мои заработки перечисляются в детский фонд… Я нисколько не

сожалею, что уже буду не миссис Лиз Тейлор. Хочу быть женой Ричарда Бартона… Хочу быть его тенью. Может, мои слова вам покажутся смешными, но с ним я могу жить в пустыне и в шалаше…»

А пока они проводили свое свободное время в экзотических странах, покупали безумно дорогие произведения искусства и драгоценности, белоснежную яхту и реактивный самолет. В поездках их сопровождали бесчисленные телохранители, прислуга, парикмахеры и горничные, которые были постоянно начеку, ожидая от «сенсационной пары» любого поступка, выходящего за рамки приличия.

Однажды Элизабет Тейлор спросили, как она отреагирует на известие, что Бартон влюбился в другую женщину. Подумав, она спокойно ответила: «В наши дни мужчины средних лет любят ухаживать за совсем молоденькими девушками. Однако пока у Ричарда я этого не наблюдала. Думаю, ему нет надобности сдерживать свою неуемную страсть. Я ведь нахожусь рядом! Женщина я настолько любящая и темпераментная, что нашла в себе силы не только выйти за него замуж, но и продолжать жить с ним…»

Поскольку у них не было собственных детей, супруги решили взять ребенка из сиротского приюта. Выбор Элизабет пал на немецкую девочку Марию, которая после перенесенной операции чудом осталась в живых и была прикована к постели. Тейлор приложила все свои силы, чтобы выходить приемную дочь. После длительного лечения она стала здоровым ребенком, красивой девушкой, которая впоследствии обрела любовь и создала свою семью.

Супружеская пара дополняла друг друга не только в сексе, но и в творчестве. Ведь Ричард Бартон, сойдясь с Тейлор, вынужден был уехать в Америку, где его не знали, и начать с нуля свою жизнь в искусстве. Благодаря большому драматическому таланту дебют Бартона на бродвейской сцене превратился в его триумф. Вместе с женой они снялись в фильмах, которые принесли им признание: «Укрощение строптивой», «Отель „Интернациональ“», «Кто боится Вирджинии Вулф?».

«Самая дорогая мне роль — Вирджиния. И не только потому, что за нее я получила второго „Оскара“. Она из тех редких ролей, которые будоражат фантазию и интеллект. Тогда мне было тридцать два года…» — рассказывала Тейлор. Для того чтобы войти в образ пятидесятилетней обрюзгшей женщины, актриса поправилась на 10 килограммов, а свое красивое лицо превратила в уродливую маску опустившегося человека. Она так вошла в роль обжоры и алкоголички, что остановиться уже не могла.

Пристрастие к выпивке постепенно переросло у них с Бартоном в длительные и порой безобразные запои. После очередной пьяной ссоры в 1974 г. они решили разойтись.

Не прошло и полгода, как Тейлор вышла замуж в шестой раз — и вновь… за Ричарда Бартона. Знаменитые актеры и любовники дважды разводились и дважды вступали в брак, интуитивно чувствуя, что жить и творить друг без друга им очень тяжело. Тейлор признавалась, что панически боится момента, когда она останется без Ричарда: «Каждый день меня ждет опасность потерять его. Он нужен мне, чтобы я была счастливой… Он является центром моей жизни…» Однако, не прожив вместе и года, супруги снова развелись, теперь уже окончательно.

Тем временем Бартон спивался: «В хорошие дни проглатывал по три бутылки водки, однако на этом, естественно, вечер не заканчивался…» Ежедневный расход табака возрос до ста сигарет. В августе 1984 г. его похоронили. Смерть Бартона, с которым они к тому времени давно расстались, тем не менее была для Элизабет сильнейшим потрясением.

Несмотря на то что личная жизнь Тейлор после развода с Бартоном «рассыпалась», сила ее сексуальности была настолько велика, что буквально через пару месяцев она вышла замуж в седьмой раз — за видного республиканца Джона Уорнера. Элизабет отказалась от алкоголя и начала новую жизнь. Вместе с супругом, который решил стать сенатором, она ездила по городам Америки, производя незабываемое впечатление на избирателей. Уорнер получил пост сенатора от штата Вирджиния во многом благодаря известности своей жены, за что его поначалу так и называли — «Сенатор Элизабет Тейлор».

Была счастлива Лиз, был счастлив Джон, радовались миллионы простых американцев. Их «божественная» кинозвезда наконец-то успокоилась. Людям хотелось верить, что это ее последний брак. Но Тейлор и на этот раз удивила всех. Пять лет тихого семейного счастья, о котором она всегда так мечтала, не смогли окончательно повлиять на ее капризный и слабовольный характер. Вновь происходит нервный срыв, после которого она навсегда решает остаться в одиночестве: «Джон был действительно прекрасным мужчиной. Однако он без остатка отдавал себя своей работе. Для меня в его жизни не было места. Сенат — слишком важный и сильный соперник. Вести с ним борьбу трудно, а тем более ее выиграть. Роль жены сенатора абсолютно оглупляющая. Но я не обвиняю моего экс-супруга…»

После развода с Бартоном и за годы жизни с Уорнером Элизабет, по ее собственному признанию, «ела очень много, чтобы компенсировать себе все то, чего мне вдруг стало не

хватать. Прежде всего веры в себя!.. Я утешалась, только когда находила что-нибудь вкусненькое из еды или питья. Через некоторое время это стало самым главным моим занятием в жизни…» Она растолстела до такого состояния, что называла себя «заплывшей жиром толстячкой» и «розовой свинкой». Отбросив колебания, Тейлор решилась пройти курс лечения в специальной клинике, созданной для алкоголиков. Здесь она надеялась с помощью врачей забыть о выпивке и наркотиках, которые принимала от невыносимых болей в спине. Нужно сказать, что с самого раннего детства Тейлор была не в ладах со своим здоровьем: травма позвоночника, разрыв горла куриной косточкой, повреждение правого глаза, инфекция в ротовой полости, хроническое воспаление легких, угроза ампутации ноги из-за инфекционного заражения… Подсчитано, что она лежала в госпиталях тридцать шесть раз, восемнадцать раз ее оперировали и пятнадцать раз она проходила различные курсы лечения. Знаменитая кинозвезда перенесла два кесарева сечения, несколько абортов, четыре остановки дыхания, клиническую смерть. Была даже попытка самоубийства. Но и в инвалидной коляске, страдающая от болей, Тейлор продолжала ощущать себя женщиной.

В молодежной толпе пациентов клиники она своим острым взглядом сразу же выделила мужчину средних лет и влюбилась в него. Им оказался тридцатидевятилетний рабочий-строитель Лэрри Флоренски. Когда его выписывали из больницы, Лиз записала в своем дневнике: «Мой самый дорогой зверь Лэрри только что покинул клинику. Мне его ужасно не хватает…»

В 1991 г. Лэрри Флоренски стал восьмым мужем Элизабет Тейлор. До встречи с ним она часто повторяла: «За всю свою жизнь я по-настоящему любила двух человек: Майкла Тодда и Ричарда Бартона». Теперь она считала, что в новом браке снова обрела свое счастье: «Рядом с Лэрри я, кажется, счастлива, как со своей первой любовью. Я нахожусь сейчас в прекрасной душевной и физической форме».

Увы, стареющей кинозвезде скоро наскучил и этот ее супруг, и брак опять закончился скандальным разводом: «Я знаю, что я вульгарна, но ведь вы и не хотите, чтобы я стала другой, не правда ли?» После расставания с Флоренски Элизабет решила больше никогда не выходить замуж. «Нет, конечно, если подвернется умный, интеллигентный, обожающий меня мужчина с чувством юмора, то я согласна делить с ним кров, — уточняет непредсказуемая Лиз. — Но еще раз замуж — никогда».

У Элизабет Тейлор, кроме законных браков, были многочисленные романтические увлечения. Если верить прессе,

то «голландец Генри Уайнберг судился с нею за то, что кинозвезда якобы незаконно пользовалась его любимыми духами! С мексиканским адвокатом Виктором Луна она объехала весь свет в начале 80-х гг. Киноактер Уоррен Битти, секс-символ Голливуда, также был ее мимолетным увлечением…» Лиз была в близких отношениях с мультимиллионером Малкольмом Форбстом, актерами Джеймсом Дином, Роком Хадсоном, Энтони Перкинсом и певцом Майклом Джексоном.

Личная жизнь суперзвезды была удивительно бурной и не всегда счастливой, любовные приключения в ней ежечасно соседствовали с сердечными разочарованиями. На вопрос, любит ли Элизабет Тейлор мужчин, ее старая подруга Ширен Хорнби с улыбкой отвечает: «Конечно! Но она любит и женщин, и детей, и лошадей, и попугаев, и собак, и кошек. А больше всего она любит быть дома с семьей и лакомиться сосисками с пюре…» Сама же Тейлор свое отношение к сильному полу высказала так: «Если он — настоящий мужчина, то создан для того, чтобы возбуждать нашу кровь. В своей жизни я не была обижена вниманием красивых мужчин. Они любили меня. Я отвечала им тем же…»

Сейчас легендарная звезда уже не снимается в кино, но с любимой работой не расстается. Недавно она отпраздновала свое сотое представление на сцене нью-йоркского театра. Тейлор возглавляет Американский центр по борьбе со СПИДом, собирает средства на лечение больных, выступая по радио и телевидению, а также передала в фонд помощи инфицированным часть своих драгоценностей. За активную деятельность в области борьбы со СПИДом актриса получила своего третьего «Оскара», а за заслуги на ниве искусства королева Великобритании Елизавета II присвоила ей титул «Кавалерственной дамы».

Во всем мире известна продукция парфюмерной фирмы, которая принадлежит Тейлор. Производимые там духи соответствуют характеру и образу жизни суперзвезды: «Белые бриллианты», «Страсть», «Страсть для мужчин». Элизабет решила создать коллекцию бижутерии, которая бы внешне не отличалась от ее подлинных драгоценностей. Единственное отличие должно заключаться в доступной цене, чтобы любая женщина могла себе позволить покупку «уникальных бриллиантов».

Все знают беспокойную душу и взбалмошный характер Элизабет Тейлор. И сегодня, когда в ее жизни возникают трудности, она, озаряясь своей чарующей улыбкой и всем своим видом создавая праздничное настроение, пытается разрешить их. «Я очень люблю жизнь, — уверяет легенда XX столетия. — Я наслаждаюсь ею. Я благодарю Бога, даровавшего мне необходимый „запас прочности“. И я счастлива, что нашла в себе

достаточно сил, чтобы вовремя остановиться…»

Тернер Лана

Настоящее имя — Джулия Джин Милдред Фрэнсис (род. в 1920 г. — ум. в 1995 г.)

Легендарная кинозвезда, не сходившая с экрана три с половиной десятилетия и снявшаяся более чем в полусотне фильмов. Элегантная блондинка с прекрасной фигурой и точеным, надменным лицом. Неугасающий интерес к ее личности был вызван не столько актерским талантом, сколько бесконечными романами и браками, о которых постоянно писала пресса.

Красивая голливудская легенда повествует о том, как однажды к сидящей в баре обыкновенной девушке подошел неизвестный мужчина и спросил: «Девочка, а тебе часом не хотелось бы стать звездой?» Получив утвердительный ответ, он тут же пригласил ее на съемочную площадку, и на следующий день она проснулась знаменитой. Ради такого вопроса сотни красивых девушек, свято верящих в подобные сказки, просиживают за рюмочкой в близлежащих к киностудиям кафе не один десяток лет. Но этот вопрос был задан именно Лане Тернер. Согласно ее мемуарам, именно с этого момента началось ее стремительное восхождение.

Легенда, естественно, несколько отличается от реальной жизни. В действительности пятнадцатилетняя Лана, которую звали тогда Джуди, приехала с матерью в Калифорнию из небольшого городка Уоллес, штат Айдахо, где она появилась на свет 8 февраля 1920 г. Ее отца убили, когда девочке было десять лет — картежный шулер, он однажды сорвал большой куш, но по

дороге домой был ограблен и задушен собственным носком, в котором был спрятан выигрыш. Некоторое время Джуди жила в приемной семье, до тех пор, пока не выяснилось, что ее там регулярно избивают. В поисках лучшей доли мать, которая была старше дочери лишь на 17 лет, взяла ее с собой и переехала на новое место жительства. Там она устроилась на работу в салон красоты, а Джуди тем временем слонялась без дела по окологолливудским забегаловкам.

В одной из них ее и заметил У. Р. Вилкерсон — главный редактор журнала «Голливуд Репортер» — и спросил, не хочет ли она стать кинозвездой. Молодая девушка приглянулась Вилкерсону, но делать из нее актрису на самом деле он не собирался. Джуди устраивала его в качестве любовницы, не более.

Однако попытки сдержать слово и сделать из своей подруги звезду все же предпринимались. Вилкерсон передал Джуди агенту Зеппо Марксу, который водил девушку по киностудиям, демонстрируя ее возможности режиссерам. Несмотря на внешние данные, никто так и не увидел в ней актрису. В конце концов и Вилкерсон отказался от этой затеи.

Спустя год после знаменательной встречи Джуди со своим первым «импресарио» произошел тот самый «счастливый случай», который и сделал ее известной. Режиссеру М. Ле Рою для фильма «Они не забудут» требовалась молоденькая школьница в берете, свитере и узкой юбочке, обладающая эффектной внешностью. Джуди устраивала его по всем параметрам. По сценарию фильма, героиня появлялась на экране всего на четыре минуты в самом начале, после чего ее за кадром насиловали и убивали, а все остальное время было посвящено расследованию совершенного преступления. Но зритель при этом не должен был забыть главную героиню до тех пор, пока фильм не кончится. И это, как ни странно, удалось. Более того, своим столь кратким появлением на экране Джуди, теперь уже — Лана Тернер, навсегда врезалась в память американцев. Возможно, потому, что по тем временам у нее был необычно тонкий бюстгальтер, довольно реалистично подчеркивавший ее формы. Всего за несколько минут экранного времени Тернер показала практически все, чем впоследствии обогатила мировую кинематографию.

В книге своих воспоминаний «Лана — леди, легенда, правда», вышедшей в 1983 г., она писала: «Этот образ намертво приклеился ко мне и преследовал меня всю мою карьеру. Даже когда я стала роскошной дамой, обвешанной драгоценностями, все по-прежнему видели во мне девочку в обтягивающем свитере — объект вожделения, невинно-порочный символ эротических

фантазий».

В 40-е гг., еще задолго до появления Мэрилин Монро, киноактрисы Лана Тернер, Рита Хейуорт и Ава Гарднер уже заслужили звание секс-символов Америки. Солдаты во время войны развешивали их фотографии по стенам казарм и рисовали их портреты на фюзеляжах самолетов. Отличие Ланы от подруг заключалось в том, что она была среди них в наименьшей степени актрисой, если вообще умела играть. Весьма точно относительно ее актерского дарования высказался драматург Тэннесси Уильямс: «Ей и не требуется уметь играть: лицедейство может сексуальную богиню лишь испортить».

Несколько раз Тернер попадались хорошие режиссеры, которым удавалось раскачать «сексуальную богиню» на кое-какие правдоподобные эмоции. Но большинство постановщиков не видели в этом никакого смысла: ее просто не воспринимали всерьез. За пределами же съемочной площадки свежеиспеченная звезда вела шумный и беспорядочный образ жизни. По мере того как она все больше увязала в пучине растиражированных прессой личных скандалов, ей предлагали все больше ролей, с этими событиями перекликавшихся. К тому же ее имя, скандальная репутация и умение целоваться с партнерами на экране были способны спасти даже самый слабый фильм, поэтому чаще всего Лану использовали в качестве яркой приманки для простодушных зрителей.

После знаменательного дебюта в фильме «Они не забудут» Тернер была приглашена на студию «Метро Голдвин Майер», где в ней первоначально видели удачную замену Джоан Кроуфорд. В самом начале карьеры Лане предлагали роли девушек неблагородного происхождения, поднимающихся на самый верх социальной лестницы благодаря своим незамысловатым дарованиям. Ей пришлось играть «золушек» со скверной родословной, на голливудский манер реализующих американскую мечту. Примечательно, что эти роли как отрезало по достижении ею статуса звезды: она столь прочно вошла в образ кинобогини, что через несколько лет распознать в ней простушку было уже невозможно.

Среди своих киносоперниц Тернер была самой органичной. Как бы незатейливы и чисты ни были ее героини, внешний облик Ланы всегда обещал нечто большее. Сквозь глянец ее ухоженных и богато декорированных будуарных дам всегда проступала вызывающая непорочность девочки в обтягивающем свитере. Показательно, что ее сценическое имя, Лана, так и осталось в киноиндустрии никем не занятым до конца столетия.

В перерывах между крохотными ролями Тернер вынуждена

была посещать актерскую школу при студии «Метро Голдвин Майер». В школе она была особо дружна с Микки Руни, партнером по ужасно длинному «семейному фильму», прообразу нынешних телевизионных сериалов. В опубликованных в 1991 г. мемуарах Руни признается, что Лана Тернер была в то время его постоянной подружкой, которая все ему позволяла. Однажды дело дошло даже до аборта — довоенный Голливуд не прощал внебрачных связей.

Жить вместе любовникам в те годы тоже не дозволялось. У тех, кто хотел быть на виду и старался соблюсти приличия, оставалось одно средство — законный брак. Девятнадцатилетняя Лана не стала привлекать к себе нездоровый интерес вездесущих журналистов и собралась выйти замуж. Правда, не за Руни, который ей к тому времени уже надоел, а за своего нового любовника, преуспевающего адвоката Грега Баутцера. Однако это не входило в планы самого Баутцера и его подруги Кроуфорд, поэтому разуверившаяся в любви Тернер упала в объятия известного музыканта Арти Шоу.

В то время Лана не догадывалась, что любимым выражением Арти было: «Если хочешь затащить кого-нибудь в постель, непременно женись». Исповедуя этот принцип, он умудрился жениться восемь раз — на один раз больше самой Тернер.

Интеллектуал А. Шоу считал свою молодую жену «не способной ни на что тупицей» и относился к ней соответственно. Все, на что, по его мнению, она была годна — это исполнять обязанности домохозяйки. Но и с ними она справлялась плохо. Их совместная жизнь закончилась после очередного скандала, когда Арти вывалил на пол приготовленный Ланой ужин. После чего Тернер, по совету своего адвоката, вызвала такси и уехала из дома, чтобы больше туда не возвращаться.

Вырвавшись на свободу, Лана пустилась в загул. Владелец киностудии Л. Б. Майер время от времени призывал ее одуматься, так как до него постоянно доходили слухи о ее похождениях — один невероятнее другого. По его словам, «у нее были мораль и хватка мужчины. Она брала сама все, что хотела. В этом смысле она была абсолютно аморальна. Если она видела юношу соответствующего экстерьера, то тут же делала ему знак зайти к ней в костюмерную». Своим поведением она компрометировала студию, но увещевания босса помогали мало.

Успокоилась она только тогда, когда во второй раз вышла замуж. Ее новым мужем стал Стефан Крейн, выдававший себя за наследника табачной империи, а в действительности оказавшийся мелким спекулянтом. Он имел связи в мафиозной среде и приторговывал произведениями искусства. Конец этому

браку был положен, как только Тернер стало известно, что отец Крейна никакой не миллионер, а всего лишь владелец маленького табачного магазина. Более того, оказалось, что новоиспеченный супруг еще не разведен со своей предыдущей женой, и ребенок, которого должна была вот-вот родить Лана, мог оказаться незаконнорожденным.

Роды были трудными: сказался перенесенный аборт, после которого ее преследовали бесконечные выкидыши. Кроме этого, у нее была редкая группа крови, никак не желавшая сочетаться с кровью партнера. Родившуюся дочь Шерил чудом удалось спасти при помощи полного переливания крови сразу же после родов. Больше детей у Ланы не было.

Конечно, зрители были довольны, когда видели на экране скандальную Лану Тернер в объятиях Кларка Гейбла или Роберта Тэйлора. Но тогда руководство студии было даже обрадовано ее материнством: подорванному дебошами разгульному имиджу Тернер требовалось добавить кое-что от «мадонны с младенцем». Фотографии Ланы с дочерью украсили статьи, посвященные ее новому фильму «Почтальон всегда стучит дважды». Не родись у нее ребенок, студия шла на крупный риск: убийство и запретная любовь в основе сюжета в сочетании с подмоченной репутацией кинозвезды грозили фильму провалом. По счастливому стечению обстоятельств, фильм имел оглушительный успех. На премьере, дабы подчеркнуть невинность, Тернер была в белом. Ребенок на снимках очень ее украшал.

Ее третий муж, бизнесмен Роберт Топпинг, в отличие от С. Крейна, был настоящим миллионером. Лана выскочила замуж, не раздумывая ни минуты. Это случилось в 1948 г. Свадебные торжества были столь роскошны и вульгарны, что пресса просто захлебывалась едкими комментариями. Не обошлось без скандала и на этот раз: священник отказался благословить брак, так как жених был недостаточно долго разведен с предыдущей женой. Свадебное путешествие по Европе и вовсе обернулось катастрофой. В обнищавшем Лондоне, пережившем ужасы войны с фашизмом, сверкающая драгоценностями пара выглядела такой оскорбительной нелепостью, что однажды разъяренная толпа забросала молодоженов камнями.

Но и этот брак не оправдал ее надежд. Очень скоро Топпинг стал стремительно разоряться и с горя пристрастился к спиртному. Каждый вечер, напившись до беспамятства, он избивал свою жену, а утром униженно извинялся. Так продолжалось изо дня в день и закончилось тем, что Лана вскрыла себе вены кухонным ножом. Эта «хирургическая операция» была проделана напоказ, поэтому звезду без труда

удалось спасти. С третьим мужем Тернер не прожила и пяти лет.

В кино тем временем все шло замечательно. Ее дебют в цветной кинокартине «Три мушкетера», в которой она сыграла роль леди Винтер, был просто обречен на успех. Газеты писали: «Больше костюмов, больше цвета и больше бюста мисс Тернер никогда еще не было в кинематографе».

В 1953 г. на съемках фильма «Негодяй и красавица» Лана встретила своего четвертого мужа — актера Лекса Баркера, прославившегося исполнением ролей Тарзана и Виннету. Название фильма оказалось пророческим: новый муж больше интересовался маленькой дочерью Ланы Тернер, чем ею самой. Скандала избежать не удалось, и Баркер был вынужден уехать в Европу. Двадцать лет спустя, когда 53-летнего актера свалил обширный инфаркт, его бывшая жена сказала: «Странно, что Господь Бог позволил ему жить так долго».

После некоторого перерыва Тернер получила роль матери, жертвующей собой ради дочери, в мелодраме «Усадьба Пейтонов», название которой стало символом тайного прелюбодейства провинциальных американцев. За этот фильм она была выдвинута на «Оскара». К этому периоду относится самая скандальная история, произошедшая с Ланой и ее новым страстным любовником, сицилийцем Джо Стилом.

Добропорядочный владелец магазина сувениров Стил, настоящее имя которого Джонни Стомпанато, работал на главу местной гангстерской группировки Микки Коэна. Существует версия, что Стомпанато стал любовником Ланы Тернер по приказу своего босса, который таким образом хотел просочиться в высший свет Голливуда. Поначалу их связь была романтичной и многообещающей. Стомпанато носил на шее золотую цепочку с надписью по-испански: «Джонни, моей главной любви» и неотлучно находился рядом с Ланой — дома и на работе. Однажды он даже подрался на съемочной площадке с актером Шоном Коннери, небезосновательно приревновав его к своей подружке.

Однако все более бесцеремонное вмешательство мафиози в жизнь и финансовые дела кинозвезды вскоре разрушили и эту идиллию. Пресса вновь смаковала подробности трагедии, разыгравшейся в доме Тернер: во время шумной ссоры, когда Лана отказалась платить игорные долги Джонни, а он угрожал извести всю семью, четырнадцатилетняя Шерил схватила разделочный нож и ударила им обидчика матери прямо в живот. Через несколько минут Стомпанато скончался. Считается, что истинным виновником смерти своего любовника была Лана, а ее несовершеннолетняя дочь лишь взяла вину на себя, так как по

закону ей ничего не грозило.

Семья Джонни попыталась организовать показательный судебный процесс. В прессу при непосредственном участии босса мафии Коэна попали полные страсти любовные письма Ланы к убитому, занявшие на два дня полосы всех американских газет. И хотя скандал был поистине феерическим, он странным образом лишь увеличил славу Тернер. Всю эту историю, изменив фамилии главных героев, подробно описал Г. Роббинс в романе «Куда ушла любовь». Книга была впоследствии экранизирована Э. Дмитриком с Бетт Дэвис в главной роли.

Фильмы, в которых появлялась Лана после того, как улеглись страсти, были слезливыми мелодрамами: иногда в кассах вместе с билетами на них выдавались носовые платки. Жанр, в котором она блистала, впоследствии был окончательно вытеснен телевизионными «мыльными операми».

Тернер выходила замуж еще три раза. Ее пятый муж — биржевой маклер Фред Мэй был обыкновенным человеком, не принадлежавшим к миру богемы. Он по-настоящему помогал ей в воспитании дочери, сбегавшей из закрытой школы, куда Шерил была помещена по определению суда. Но Ф. Мэй был таким скучным, что Лана не выдержала с ним и двух лет.

В 1966 г. она уже была замужем за Бобом Итоном, веселым молодым человеком, который мечтал стать продюсером. Вместе с К. Иствудом он пытался организовать в Европе «общество любителей вестернов», но при первых же трудностях легко отказался от этой затеи. Тернер дорожила этим браком, потому что Боб не страдал никакими комплексами и не из чего не делал проблем. Правда, с такой же легкостью он относился и к семейным отношениям: стоило Лане уехать во Вьетнам с концертами для американских солдат, как ее муж столь бурно стал развлекаться с девицами прямо у себя в доме, что это могло привести к очередному громкому скандалу. В итоге им пришлось расстаться.

Последний брак Ланы Тернер не продлился и трех месяцев. Она полюбила Рональда Данте, гипнотизера из ночного клуба, который удрал от нее в Аризону, прихватив с собой на память о жене 35 тысяч долларов. Вскоре он был арестован полицией за попытку убийства своего сообщника. Лишь после развода Тернер узнала, что настоящая его фамилия была Пеллер, а сам он числился находящимся в розыске мошенником. В кругленькую сумму ей обошлись адвокаты, пытавшиеся отучить Данте-Пеллера от дурной привычки давать во все газеты объявления с ее фотографией. В них он уверял, что только под его гипнозом Лане Тернер удается поддерживать такую великолепную физическую

форму. Через год после того, как они расстались, он позвонил ей, выяснил, когда она будет дома, и вновь настолько обаял, что Лана назначила ему вечером свидание. Однако бывший муж не стал дожидаться, когда кинозвезда вернется домой, выбил входную дверь и умыкнул все деньги и драгоценности.

Уйдя из кино в конце 70-х гг., Лана Тернер снималась на телевидении, играла в театре, безуспешно пыталась поставить фильм ужасов. Ее приглашали работать все реже, поскольку от всех пережитых несчастий ей требовалось каждый час делать пару глотков водки. Когда она выходила в свет, репортеры больше не окружали ее плотным кольцом, выясняя, кто ее сегодня сопровождает. Под фотографией писали просто — «Звезда прошлых лет Лана Тернер со спутником».

Лана Тернер умерла 25 июня 1995 г., но прежде она успела написать мемуары, вылечиться от алкоголизма и совершить странное путешествие в Египет: она верила, что в «прошлой жизни» была там принцессой.

В реальной жизни ее девизом было: «Однажды звезда — всегда звезда». Безупречная прическа и маникюр, белая лиса на плечах. Даже как-то, когда загорелся отель, в котором она остановилась, и ей пришлось спасаться по пожарной лестнице, она вышла к журналистам из пламени в идеальном макияже, с неизменной пачкой сигарет в руках. Ни разу никто не видел ее слез, она сама первая смеялась над всеми своими бедами, катастрофами и глупостями. И это именно она научила столь классно целоваться Кларка Гейбла, Фрэнка Синатру, Роберта Тэйлора, Дина Мартина, Джеймса Стюарта и еще около трехсот обитателей Голливуда. К большому удовольствию зрителей, толпами валивших на фильмы с ее участием.

Форнарина

Настоящее имя — Маргарита Лути (род. ок. 1496 г. — ум.?)

Возлюбленная Рафаэля Санти — гениального художника эпохи Высокого Возрождения.

Любовь и коварство. Гениальность и злодейство. Как часто возвышенное и низменное идут рядом. Наш мир несовершенен. Светлые чувства и талант почему-то вызывают у некоторых черную зависть. С именем Рафаэля (1483–1520 гг.) связано много романтических легенд, а его творчество стало синонимом чувства меры, красоты, совершенства и грации в искусстве. Среди огромного количества живописных работ священной и неисчерпаемой темой для художника стали образы Мадонн. По словам Дж. Вазари, они кажутся «скорее вылепленными из плоти и крови, нежели красками и рисунком». «Прекрасна, как Мадонна Рафаэля» — эти слова вот уже больше четырех веков звучат высшей похвалой духовной и физической красоте женщины, гимном ясному и горькому материнскому счастью.

Исследователей творчества гения эпохи Возрождения удивлял тот факт, что все образы Мадонн римского периода творчества художника объединяют общие черты. Кто же была та женщина, которую он рисовал с таким упоением? Долгое время легенда о прекрасной возлюбленной Рафаэля Форнарине считалась мифом. Внешне общительный и открытый, художник редко с кем бывал откровенен. У него было много знакомых, но мало друзей. К ним относились ученики и наследники его состояния Д. Романо, Ф. Пенни, а также знаменитые люди того

времени: А. Киджи, Б. Кастальоне, Б. Биббиена, П. Бембо. В письмах последних двух в основном и содержатся отдельные сведения о личной жизни Рафаэля, его увлечениях и развлечениях. Один сватал за него свою племянницу, другой был восторженным поэтом, считавшим любовь святым чувством.

Наверное, из их воспоминаний вначале появилось имя любовницы художника — Маргарита Лути, а затем почему-то сразу две ее биографии. В основе одной лежала возвышенная светлая любовь девушки к Рафаэлю. Из другой она предстает величайшей злодейкой, очаровавшей гения и сведшей его в могилу раньше срока. Не существовало в XVI в. досужих папарацци, которые отследили бы каждый шаг знаменитого художника, и поэтому любовная связь Рафаэля и Форнарины спустя годы была истолкована двояко, хотя жизненная канва в обеих версиях одинакова.

Преуспевающий сиенский пекарь Лути был изгнан из родного города тираном Петруччи. Он бежал в Рим с дочерью и сестрой и здесь обратился за помощью к своему земляку Агостини Киджи (Чиги), чье богатство и власть простирались до самого папского престола. Так он обзавелся щедрым покровителем, который подарил ему маленький домик и предоставил кредит. Пекарь нанял учеников и помощников. Эти шустрые юноши не сводили глаз с его красавицы-дочери Маргариты, прозванной Форнариной — Булочницей. Ей было всего 17–18 лет (год рождения точно не известен), но по обычаям того времени она уже была на выданье и имела жениха — Томазо Чинелли, пастуха в одном из имений Киджи. На его загородной вилле Фарнезина в то время расписывал стены Рафаэль. Однажды он заметил в парке гуляющую девушку и понял, что ее красота достойна быть навечно запечатленной. Маргарита прикинулась скромницей и отправила художника к отцу и жениху — просить разрешения.

Говорят, за 50 золотых монет пекарь позволил Рафаэлю рисовать дочь сколько его душе угодно и переговоры с будущим зятем взял на себя. Томазо, с нетерпением ожидающий свадьбы, стал упрекать Маргариту в намерении изменить своему слову: ведь Рафаэль, как и большинство богатых мужчин того времени, вел распутную жизнь, пользуясь услугами куртизанок разного уровня. Чтобы отделаться от навязчивого жениха, ставшего преградой к невиданным богатствам, девушка даже торжественно поклялась в церкви Санта-Мария дель Пополо выйти за него замуж. У Томазо сомнений не осталось, ведь она давно принадлежала ему телом, а теперь, как он полагал, и духом.

Сама же Маргарита даже не подозревала, кого она поймала в свои сети. Избалованный любовью и преклонением женщин

Рафаэль впервые влюбился. Он засыпал этого «ангела» подарками, принимал ее как именитую гостью и рисовал, рисовал, рисовал. Первое время Форнарина скромно оставалась моделью. Единственная ночь, проведенная Рафаэлем с «абсолютно невинной», но опытной женщиной заставила художника потерять голову. За 3000 тыс. золотых монет не страдающий предрассудками отец позволил ему забрать дочь на любой срок.

Рафаэль поселил Маргариту на роскошной вилле, одел, как принцессу, осыпал драгоценностями и даже забросил работу. Целый год он пренебрегал заказами папы Юлия II, полагая, что станцы в Ватикане менее важны, чем прекрасная ненасытная любовница. А раздраженный приостановкой работ Агостино Киджи предложил Рафаэлю поселиться на своей вилле Фарнезина — конечно, вместе с Маргаритой. Ловкая интриганка и здесь не оплошала. Оправдываясь, что любимый из-за нее теряет заказы, а следовательно — деньги и славу, она согласилась покинуть «их гнездышко». Сама же Форнарина преследовала сразу две цели: оградить себя от разгневанного изменой жениха и приблизиться к более богатому и могущественному покровителю — Киджи.

Стареющий банкир «попался» на юные прелести Маргариты, которые она ему беззастенчиво предложила. Он спас ее от «домогательств» Томазо. Пастуха связали и доставили в монастырь Санто-Козимо, настоятель которого, двоюродный брат Киджи, обязался продержать того в темнице сколько понадобится. Рафаэль же оставался в неведении о вероломстве своей возлюбленной. Он не слушал увещеваний друзей и учеников. Говорят, в одном из разговоров между талантливыми учениками художника Перино-дель-Вага и Джулио Романо последний откровенно признался: «Если бы я нашел ее в своей постели, то скорее бы перевернул матрац на другую сторону, чем лег рядом с ней».

Маргарите было мало двух влиятельных любовников, она без зазрения совести кокетничала с учениками и помощниками Рафаэля, хотя те избегали любого контакта с ней. В 1518 г. на Форнарину позарился юный болонец Карло Тирабоччи. Он даже гордился, что спит с любовницей своего учителя, а то, что остальные ученики порвали с ним все отношения, считал завистью. Молодые люди повздорили. Дело окончилось дуэлью. Перино-дель-Вага убил Тирабоччи. Правду от Рафаэля скрыли. А Форнарина вскоре нашла болонцу замену.

Только Рафаэлю ни одна женщина не могла заменить Маргариту. В течение шести лет днем он работал, а ночи превращал в изнурительный любовный костер, на котором

сгорало его здоровье. Художник слабел на глазах. Врачи, не догадываясь о причинах недомогания, раз за разом пускали ему кровь. Но только Рафаэлю становилось лучше, он вновь попадал в вампирские объятия Форнарины. Физические силы художника иссякли. Кардинал, принесший последнее благословение от папы Льва X, потребовал изгнать из комнаты умирающего продажную женщину. Маргарита цеплялась за ножки кровати и превосходно разыгрывала отчаяние. Лишь в последние часы своей жизни Рафаэль осознал: женщина, которую он изображал светлой Мадонной, имела черную душу.

Маргарита не тосковала о покойном. По завещанию она получила приличную сумму и могла в дальнейшем вести роскошную жизнь. Особым покровительством она пользовалась у Агостино Киджи. Не пропускали шикарную куртизанку и другие состоятельные мужчины. Она даже предложила свои объятия бывшему жениху, бежавшему из монастыря, но Томазо с презрением бросил ей в лицо горсть земли. Маргарита Лути окончила свою жизнь в монастыре, но как она туда попала и когда умерла, неизвестно. Такова первая версия биографии прекрасной Булочницы.

Но возможно ли, чтобы художник, читающий человеческие души по глазам, не сумел заметить низменных мыслей, царивших в этой прелестной головке? Ведь не ради «красного словца», не ради желания очистить образ Рафаэля от скверны появилась вторая легенда — чистая, возвышенная, идеальная, как произведения самого художника.

…В дом пекаря Франческо Лути привел Рафаэля покровительствующий семейству Агостино Киджи. Одного взгляда было достаточно художнику, чтобы понять — такой красивой женщины, как Маргарита, он еще не видел. Она походила на прекрасную скульптуру: точеный стан, мягкая линия шеи, налитая юным соком грудь, рот по классическим меркам маленький, а нос чуть длиннее, чем нужно. Но глаза… Темные, пылающие угли. В них столько жизни, добра, ласки. Маргарита тоже присматривалась к знаменитому художнику: выглядит, как юный князь, хотя ему минул 31 год, манеры изысканны, но без надменности, и обращается к ней, дочери простого пекаря, как к знатной патрицианке. А когда он улыбнулся, девушка почувствовала, что прекраснее мужчины она не встречала. Ведь недаром говорили, что Рафаэль порождал вокруг себя гармонию и привлекал к себе людей редкими душевными качествами. По словам Вазари, его можно было считать не человеком, «но смертным Богом».

Рафаэль испросил разрешение отца Маргариты рисовать ее, а

один из набросков подарить девушке. Агостино Киджи тут же прикинул в уме, сколько увесистых дукатов может стоить такой эскиз, ведь кардиналы и герцоги соперничали друг с другом за честь иметь картину Рафаэля. Первые сеансы проходили под неусыпным надзором тетки. Художник ловил себя на мысли, что мечтает остаться с девушкой наедине, а иногда спохватывался и вспоминал, что он обещал жениться на племяннице влиятельного кардинала Биббиена — Марии Довици, и тут же гнал от себя эти мысли. Рафаэль, как мог, затягивал сеансы, и когда тетка оставляла их на минутку, они просто смотрели друг на друга. Под его взглядом Маргарита расцветала, как дивный цветок.

«Я покорился, стал жертвой зноя любовного», — прочитала как-то Форнарина на одном из набросков. Она сразу же поверила, что эти строки посвящены ей, и согласилась на свидание в сумерках у храма Санта Мария ин Трастевере, находившегося в квартале бедноты, где нравы были попроще, ведь честная девушка не выходила вечером без сопровождения. Они разговаривали и целовались. Рафаэль признался в любви, но сразу же предупредил, не раскрывая причин, что жениться не сможет: у него был долг перед невестой, и еще, полагают биографы, папа Юлий II обещал художнику кардинальский сан. Это было вполне допустимо, ведь еще в 25 лет он получил «место секретаря апостолических бреве» — сан весьма значительный даже для молодых прелатов.

Рафаэль предоставил девушке право сделать выбор самостоятельно. Форнарина ответила согласием: между позором и монастырем она выбрала любовь. Художник посвятил в свои планы Агостино Киджи и купил у него за 4000 дукатов дом в новом районе Рима, где Маргариту никто не знал. Чтобы не было лишних разговоров о ней как о содержанке, он сразу оформил половину дома у нотариуса на ее имя. Для переезда влюбленные выбрали время, когда Франческо Луги уехал из города по делам банкира. В доме было приведено в порядок всего несколько комнат, да и мебели не хватало. Все средства художника ушли на покупку жилья, но на платья, туфельки и украшения для любимой он не поскупился. Красота Маргариты получила достойную оправу.

Девушка боялась даже выйти из дома. Среди ее новых знакомых были только ученики и помощники художника, и «прекрасная Империя» — бывшая знаменитая куртизанка, а теперь верная возлюбленная Агостино Киджи, родившая ему дочь. Две красивые женщины нашли общий язык: им нечего было делить, каждая любила своего мужчину, но знала, что никогда не станет законной женой. Империя давно смирилась с этим, а

Маргарита только начала привыкать. По совету образованной, разбирающейся в искусстве и литературе куртизанки она занялась изучением греческого языка, много читала, чтобы быть достойной своего гениального возлюбленного. Но вся ее неуверенность в себе исчезала, лишь только Рафаэль после долгого трудового дня возвращался домой. Форнарина никогда не задавала ему тревожащих душу вопросов, не выдвигала требований и даже не подозревала, какую волну интересов и слухов вызвала своим появлением в доме Рафаэля. Их жизнь оставалась для всего Рима тайной. А они любили друг друга самозабвенно, и так же самозабвенно он писал ее портреты: одетую в богатое платье патрицианки, обнаженную, прикрытую лишь легкой, прозрачной вуалью и, конечно, Мадонной. Маргарите казалось, что именно в эти часы они были особо близки. Она могла целый день терпеливо простоять у окна ради светлых мгновений счастья.

Маргарита видела, с какой любовью Рафаэль накладывает каждый штрих. Может быть, поэтому линии на портретах так и струятся, навеки запечатлевая редчайший эталон незамутненной женской красоты. Форнарина ощущала каждой клеточкой тела эти нежнейшие прикосновения кисти. А Рафаэль до последних дней жизни был покорен ее совершенством, теплом и нежностью. «Я побежден, прикован к великому пламени, которое меня мучает и обессиливает. О, как я горю! Ни море, ни реки не могут потушить этот огонь, и все-таки я не могу обходиться без него, так как в своей страсти я до того счастлив, что, пламенея, хочу еще больше пламенеть».

Из-за этой страсти он из года в год откладывал необходимость жениться на племяннице кардинала, оправдываясь большим количеством заказов. И это тоже было правдой. Последние годы жизни Рафаэль работал на износ. К должности придворного живописца при папском дворе с 1514 г. добавилась обязанность главного архитектора Ватикана, а через год — и «комиссара древности», «префекта всех камней». Эта работа, в особенности охрана памятников римской античности, отнимала много сил и времени. А еще ему так хотелось переносить на картины новые воплощения Маргариты, лицо которой излучало море доброты.

Художник создал неповторимый образ Богоматери — знаменитую «Сикстинскую Мадонну» (1513–1514 гг.) для монастырской церкви Святого Сикста в далекой маленькой Пьяченце. И, глядя на этот нежный, полный затаенной грусти облик, пробуждающий душевное волнение, можно лишь представить, с каким трепетом он переносил на холст черты

своей единственной возлюбленной — Маргариты Лути. Написать столь светлый образ женщины Рафаэль мог, только глядя в ясные глаза, в которых светилась кристально чистая душа.

Шесть лет тихого домашнего счастья и напряженной работы. Маргарита видела, как изо дня в день наваливается на любимого усталость: темные тени под глазами, отсутствие аппетита, бессонные ночи. Он не уставал от ее присутствия и никогда не скучал рядом с ней. С тех пор, как умерла Империя, у Маргариты не осталось друзей, а с переездом в новый дом, который находился в аристократическом районе, она даже перестала выходить на прогулки. В любой день Форнарина могла вернуться под отчий кров, ведь отец звал ее и обещал, что дочь не услышит ни одного упрека. Франческо Лути уже давно рассчитался с долгами и теперь процветал. При соответствующем приданом Маргарита могла стать женой какого-нибудь подмастерья или ремесленника. Рафаэль записал в банке на ее имя две тысячи дукатов, «развязав ей руки», да и банкир поглядывал на женщину своего друга призывным взглядом. Но Маргарита знала, что если Рафаэль когда-нибудь покинет ее, то ей уже ничего не будет нужно. Даже перебравшись с художником на виллу Агостино, где он расписывал стены, она не поддалась соблазну заменить здесь Империю. Форнарина позировала для мифологических красавиц Психеи и Венеры. Фрески на вилле Фарнезина стали еще одним памятником любви художника к Маргарите.

Рафаэль шатался от усталости. После очередного похода в каменоломни, где нашли античную статую, он слег с лихорадкой. Физические силы, в отличие от творческих, оказались не безграничны. Художник успел завещать свое состояние единственной любимой женщине, друзьям и ученикам. Полдома, шесть тысяч золотых дукатов и незаконченную картину «Мадонна с птичкой» получила по завещанию Маргарита.

«В заключение я рассматриваю девицу Марию Биббиена, которую я из-за множества дел и хлопот не смог повести к алтарю, как мою супругу. Она может именовать себя — если ей это благоугодно — супругой нашего чистого союза». Слышала ли эти слова завещания Форнарина? Ведь она не отходила от постели Рафаэля ни на минуту, меняла компрессы, кормила фруктами. Когда пришел кардинал Биббиена, чтобы дать отпущение грехов, и попросил женщину удалиться из дома, ее волновало только одно: кто подаст лекарства, сменит белье, сварит суп. Она словно приросла к земле. Никто не слышал, что тихо произнесла Рафаэлю перед уходом Маргарита, до кардинала донесся лишь сдавленный голос художника: «Очень… тебя… люблю…» Он понял, почему его племянница так и осталась в

невестах. «Я провожу вас к карете, Мадонна Маргарита», — сказал прелат, увидев, как без единого звука, чтобы не потревожить любимого, она рыдает в соседней комнате.

Маргарита ждала своего приговора на вилле Киджи.

Рафаэль умер в Страстную Пятницу, 6 апреля 1520 г. В это день ему исполнилось 37 лет. Жизнь в миру закончилась и для Маргариты. Она не воспользовалась огромным богатством и ушла в монастырь, оплакивая смерть единственного любимого ею мужчины.

Какой же на самом деле была Форнарина? Ангелом или демоном? Это, наверное, так и останется загадкой. Неизменно только одно — она была Вдохновительницей Рафаэля.

Черубина де Габриак

Настоящее имя — Елизавета Ивановна Дмитриева, в замужестве Васильева (род. в 1887 г. — ум. в 1928 г.)

Русская поэтесса Серебряного века, она же — загадочная итальянка Черубина де Габриак, в которую был влюблен весь литературный Петербург.

«Две планеты определяют индивидуальность этого поэта: мертвенно-бледный Сатурн и зеленая Венера. Их сочетание говорит о характере обаятельном, страстном и трагическом. Венера раскрывает ослепительные сверкания любви: Сатурн чертит неотвратимый и скорбный путь жизни». Таким предстает поэтесса Елизавета Дмитриева, более известная под псевдонимом Черубина де Габриак, ставшим одной из самых удачных литературных мистификаций XX в., в гороскопе, составленном Максимилианом Волошиным.

Ненастным ноябрьским утром 1909 г. на окраине Петербурга, в том самом месте, где Александр Пушкин стрелялся с Эдмоном Дантесом, два человека стояли друг против друга с поднятыми пистолетами. Причина дуэли была стара как мир: была задета честь женщины. Секундант отсчитал двадцать пять шагов, и противники медленно подошли к барьеру. Грянул выстрел. Когда дым рассеялся, оба стояли на прежних местах.

«Я требую, чтобы этот господин стрелял!» — воскликнул сделавший выстрел. Его противник, растерянно улыбаясь, удивленно смотрел на свое оружие — пистолет дал осечку. «Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, — боясь, по

неумению стрелять, попасть в него. Не попал, и на этом наша дуэль окончилась. Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались». Так завершилась дуэль между двумя поэтами Серебряного века: Николаем Гумилевым и Максом Волошиным. А женщину, честь которой защищал Волошин, звали Елизавета Дмитриева, больше известная в литературных кругах как Черубина де Габриак.

Елизавета Дмитриева родилась 31 марта 1887 г. в Петербурге, в небогатой дворянской семье. Отец, Иван Васильевич работал школьным учителем чистописания, мать, Елизавета Кузьминична — акушеркой. В семь лет девочка заболела туберкулезом легких и костей, следствием которого на всю жизнь осталась хромота. Однако, несмотря на то что Лиля, как ее называли, часто была прикована к постели, осенью 1896 г. она поступила в находившуюся по соседству с домом женскую гимназию и хорошо училась.

Начиная с 1900 г. Дмитриева стала писать стихи. К этому времени относится случай, когда бывавший в их доме близкий знакомый матери, к которому она была неравнодушна, увлекся тринадцатилетней Лилей, «требовал от нее любви» и принудил ее вступить с ним в интимную связь. Мать отнеслась к этому случаю достаточно странно — «она была на его стороне» и осуждала свою дочь за то, что та «не смогла его полюбить». Этот случай, сложные взаимоотношения в семье и последовавшая вскоре смерть отца способствовали возникновению у девочки особенного мироощущения. Она погрузилась в мистически-религиоз-ный внутренний мир, который стал для нее миром необычайной свободы, где обстоятельства жизни переосмысливались и теряли свою однозначность.

Весной 1904 г., закончив с медалью гимназию, Дмитриева поступила в Императорский Женский Педагогический институт, где училась сразу по двум специальностям: средней истории и французской средневековой литературе. Романтические ожидания молодой девушки искали выхода. В этот период она влюбляется в некоего Леонида, завязывает переписку с юношей из Тюбингена Удо Штенгеле (с целью влюбить его в себя) и общается с сотрудником Публичной библиотеки философом Э. Л. Радловым.

Осенью 1906 г. в качестве вольнослушательницы Лиля посещала лекции по испанистике и старофранцузскому языку на романском отделении Петербургского университета. Здесь она познакомилась с сыном профессора медицины студентом Всеволодом Васильевым и дала обещание выйти за него замуж. Свое слово впоследствии она сдержала.

Летом следующего года Дмитриева уехала в Сорбонну слушать лекции по испанской средневековой истории и литературе. В Париже в студии художника Себастьяна Гуревича, который писал ее портрет, она познакомилась с молодым поэтом Николаем Гумилевым. Во Франции она продолжает писать стихи, интересуется литературой и оккультизмом, встречается с новыми друзьями:

> «Когда выпадет снег!» — ты сказал и коснулся тревожно
> моих губ, заглушив поцелуем слова.
> Значит, счастье — не сон. Оно здесь! Оно будет возможно,
> когда выпадет снег.

Вернувшись в январе 1908 г. домой, Елизавета стала свидетелем трагической смерти двадцатичетырехлетней сестры Антонины от заражения крови при родах и самоубийства ее мужа, который решил умереть вместе с женой. В этот период произошла первая встреча Лили Дмитриевой с поэтом и художником Максом Волошиным. Они познакомились на одной из литературных сред в доме Вячеслава Иванова 22 марта 1908 г. Волошин сделал в своем дневнике такую запись: «Лиля Дмитриева. Некрасивое лицо и сияющие, ясные, неустанно спрашивающие глаза». Сама Лиля в это время писала:

> «Ты помнишь высокое небо из звезд?
> Ты помнишь, ты знаешь, откуда, —
> Ты помнишь, как мы прочитали средь звезд
> Закон нашей встречи, как чудо?»

Спустя месяц после этой встречи Волошин уехал в Париж, вслед ему полетели письма. Лиля рассказывала ему о самом важном: о постоянной горечи от невозможности творить так, как ей хочется: «Меня так часто тянет писать, и я так часто пишу, но я ведь знаю, хорошо знаю, что это не то, что все это бледно и серо… Путь искусства — путь избранных, людей, умеющих претворять воду в вино». Себя же она считала скромной учительницей Петровской женской гимназии с заурядными внешними данными и отсутствием таланта.

Ей всегда не хватало веры в собственные силы. Слава богу, теперь эту веру в нее вселяли волошинские письма: «Если вы говорите, что я имею право писать стихи, то это снимает с меня чувство вины, и я буду их писать». Волошин вернулся в

Петербург, они часто встречались, много разговаривали. Но восьмимесячная откровенная переписка не сделала их ближе: он «казался тогда для меня недосягаемым идеалом во всем. Ко мне он был очень мил». Пока они оставались просто друзьями и единомышленниками.

Судьба не замедлила предложить иллюзию другой близости, к которой так стремилась пылкая натура Лили Дмитриевой. Весной 1909 г. на лекции в Академии художеств, где был и Волошин, она вновь встретила Николая Гумилева. Они стали часто видеться, писали друг другу стихи, ходили на поэтические вечера и возвращались на рассвете домой. Гумилев был влюблен: «Не смущаясь и не кроясь я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей». Несколько раз он делал Дмитриевой предложение, но она всегда ему отказывала. «Воистину, он больше любил меня, чем я его. Он знал, что я не его невеста, видел даже моего жениха. Ревновал. Ломал мне пальцы, а потом плакал и целовал край платья».

Несмотря на бурный роман с Гумилевым, Дмитриевой казалось, что понимание возможно лишь с одним человеком — с Волошиным. Окунувшись с головой в литературную жизнь столицы (на собраниях Поэтической Академии ее окружали С. А. Ауслендер, Ю. Н. Верховский, Н. С. Гумилев, И. фон Гюнтер, А. К. Герцык, В. В. Гофман, О. Э. Мандельштам, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, А. М. Ремизов, К. А. Сюнненберг, А. Н. Толстой), она и не заметила, как он пропал из Петербурга, уехав домой в Коктебель.

Летом Лиля решается на поездку в Крым. Гумилев, совершенно не подозревая о чувстве Дмитриевой к Волошину, едет вместе с ней. Уже в дороге она чувствует: там, куда они направляются, что-то произойдет. Трое суток в поезде, от Феодосии на извозчике по кромке моря — и вот они в Коктебеле. Предчувствие не обмануло ее. Прошло всего несколько дней, и Лиля узнала то, чего так долго ждала: Волошин любит ее.

Алексей Толстой, гостивший в то время в волошинском доме, вспоминал: Гумилев «с иронией встретил любовную неудачу: в продолжение недели он занимался ловлей тарантулов. Его карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Затем он заперся у себя в чердачной комнате дачи и написал замечательную поэму „Капитаны“. После этого он выпустил пауков и уехал».

Лиля, разумеется, осталась, она была счастлива. Мужчина, так долго казавшийся недосягаемым, отвечал ей взаимностью. Стихи в ту пору писались легко как никогда. Лето закончилось, Волошин и Лиля, а также тетрадка с новыми стихами возвращаются в Петербург. Волошина ждет работа в новом

литературном журнале Сергея Маковского «Аполлон», а Дмитриеву — унылая работа в женской гимназии и частные уроки.

Столица встретила их хорошей новостью: в одном из журналов наконец-то напечатана подборка ее стихов. Правда, в Петербурге ее ждет и Гумилев, который никак не может смириться с ролью отвергнутого любовника. Между ними состоялось последнее объяснение, в результате которого Гумилев получил решительный отказ выйти за него замуж. Любовь превратилась в ненависть: «Ну тогда вы узнаете меня». С тех пор он стал мстить и ей, и Волошину — стихи и переводы Дмитриевой, которые Макс приносил в «Аполлон», неизменно отвергались.

Как же быть, если Гумилев настроил редакцию журнала против поэтессы Дмитриевой? Решение, найденное Волошиным, было гениально: нужна другая поэтесса. Придумать псевдоним, соответствующий романтическому содержанию Лилиных стихов — коням, плащам и шпагам, было несложно. Аристократическая фамилия на французский манер «де Габриак» появилась после незначительной корректировки демонического имени Габриах — так звали «беса, защищающего от злых духов». Имя Черубина взяли от «черного» Херувима, заменив отдельные буквы. Волошин составил сопроводительное письмо к стихам, а Лиля переписала его своей рукой.

Вскоре редактор «Аполлона» получил письмо на надушенной бумаге с траурным обрезом, написанное изящным почерком. Девиз на сургучной печати гласил: «Горе побежденным!» Уже на следующий день С. Маковский в большом волнении читал друзьям произведения Черубины:

«Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче,
Я, как миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и горче».

Алексей Толстой слушал стихи, знакомые ему по Коктебелю, и краснел от смущения. «Молчи. Уходи», — шепнул ему Волошин. Толстой поспешно раскланялся и удалился. «Вот видите, Максимилиан Александрович, я всегда вам говорил, что вы мало обращаете внимание на светских женщин, — говорил Маковский. — Посмотрите, какие одна из них прислала мне стихи! По-моему, так в Петербурге еще никто не писал!»

Маковский немедленно написал ответ: он рассыпался в комплиментах и просил прислать все, что у нее есть в старых

тетрадях. Но когда письмо было готово и конверт запечатан, вдруг обнаружилось: поэтесса не указала своего адреса. Вечером Волошин рассказал обо всем Дмитриевой и предложил: «Позвони ему и дай какой-нибудь адрес». Она позвонила на следующий же день.

В их телефонных беседах, которые стали со временем очень частыми, родилась биография Черубины — ее не нужно было даже придумывать, впечатлительный Маковский сам все «угадывал»: восемнадцатилетняя католичка, нервная, возбудимая; живет в особняке «на Островах» под строжайшим надзором отца-деспота и монаха-иезуита, ее исповедника. Слухи о прекрасной во всех отношениях молодой поэтессе очень скоро вышли за редакционные стены. Молва такова: кто она такая — неизвестно. Откуда явилась — тоже. Говорят, она то ли француженка, то ли испанка. Говорят еще, что она изумительной красоты, но никому не показывается. Ее стихами восхищался весь литературный Петербург.

Но не только стихи возбудили воображение Сергея Маковского: «Голос у нее оказался удивительным — никогда, кажется, я не слышал более обворожительного голоса». По вечерам он показывал Волошину письма, которые тот сам же накануне сочинял. «Какая изумительная девушка! — восхищался Маковский. — Я всегда умел играть женским сердцем, но теперь у меня каждый день выбита шпага из рук».

Казалось бы, интрига развивается успешно: чудесный миф помогает Лиле увидеть свои стихи на страницах «Аполлона». В то же время общая тайна наполняет особым смыслом взаимоотношения с Волошиным. Весь литературный Петербург бредит Черубиной, не подозревая подвоха. В ежедневных телефонных разговорах с загадочной поэтессой Маковский настойчиво требует свидания. Уклоняться от встречи становится все трудней.

Черубина долгое время ловко уходила от преследования: то она болела воспалением легких, то собиралась постричься в монахини и, в конце концов, «уехала» ненадолго в Париж. «Только тут понял я, — писал потом Маковский, — до какой степени я связан с ней, с ее волшебным голосом и недоговоренными жалобами. Я убедился окончательно, что давно уже увлекаюсь Черубиной вовсе не только как поэтессой, — я убедился, что все чаще и взволнованнее мечтаю о ее дружбе, о близости к ней, о звучащей в ее речах и письмах печальной ласке. Слов влюбленности между нами еще не было произнесено, но во всех интонациях наших бесед они подразумевались, и было несколько писем от нее, которые я знал наизусть…»

В отсутствие Черубины Маковский так страдал, что писатель Иннокентий Анненский однажды не выдержал: «Сергей Константинович, да нельзя же так мучиться. Ну поезжайте за ней. Истратьте сто, — ну двести рублей, оставьте редакцию на меня… Отыщите ее в Париже».

1909–1910 гг. воистину стали эпохой Черубины — все «аполлоновцы» были влюблены в нее, никто не сомневался в ее красоте и таланте. Поэт и философ Вячеслав Иванов восторгался ее искушенностью в «мистическом эросе», художник Константин Сомов «до бессонницы» влюбился в воображаемую внешность удивительной незнакомки: «Скажите ей, что я готов с повязкой на глазах ездить к ней на Острова в карете, чтобы писать ее портрет, дав ей честное слово не злоупотреблять доверием, не узнавать, кто она и где живет».

Однако раздавались и голоса скептиков: если она так хороша, то почему столь усердно прячет себя? А проницательный Иннокентий Анненский сказал как-то Маковскому: «Нет, воля ваша, что-то в ней не то. Не чистое это дело». Особенно «доставалось» Черубине от некоей поэтессы Елизаветы Ивановны Дмитриевой, у которой часто собирались к вечернему чаю писатели из «Аполлона». Сергей Маковский не был с ней лично знаком, до него только доходили ее меткие, остроумные эпиграммы и пародии на Черубину.

Лиля чувствовала, что Черубина стала более реальной, чем она сама. Юную красавицу испанку любили, ею бредили, о встрече с ней мечтали. Где в этой истории место для невзрачной и хромой поэтессы Дмитриевой? Кстати, неприглядная внешность Е. И. Дмитриевой была обманчива. Вот как описывает ее один из авторов «Аполлона» немецкий поэт Иоганнес фон Гюнтер: «Она была среднего роста и достаточно полна. Большая голова и лицо бледное и некрасивое. Казалась, однако, очень обаятельной, когда делала шуточные замечания. И делала она их часто и была не только насмешлива, а владела хорошей дозой здорового юмора. В разговоре она бывала очень забавной».

Не то чтобы она приняла решение положить конец интриге. Вероятнее всего, это был некий ненамеренный бунт личности, подавленной своим двойником. Позже Марина

Цветаева напишет: «Влюбился весь „Аполлон“ — имен не надо. Их было много, она — одна. Они хотели видеть, она — скрыться. И вот — увидели, то есть выследили… Как лунатика — окликнули и окликом сбросили с башни ее собственного Черубининого замка — на мостовую прежнего быта, о которую разбилась вдребезги».

Когда в очередной раз Лиля услышала: «Теперь вы

издеваетесь над Черубиной де Габриак, потому что ваши приятели, Макс и Гумми (Гумилев), влюбились в эту испанку?» — у нее вырвалось: «Черубина де Габриак — это я…»

Новость быстро распространялась. Писатель Михаил Кузмин, не разделявший всеобщего восхищения творчеством Черубины, тут же отправился к редактору «Аполлона», чтобы «положить конец недостойной игре». Его рассказом Маковский был шокирован: «Я перестал „не верить“ лишь после того, как на мой телефонный звонок по номеру, указанному Кузминым, действительно отозвался — тот, ее, любимый, волшебный голос». Но и тогда он продолжал надеяться, что все кончится к лучшему: «Ну что же, пусть исчезнет загадочная рыжеволосая „инфанта“, ведь я и раньше знал, что на самом деле она не совсем такая, какой себя рисует. Пусть обратится в какую-то другую, в какую-то русскую девушку, „выдумавшую себя“, чтобы вернее мне нравиться, — ведь она добилась своим умом, талантом, всеми душевными чарами того, что требовалось: стала близкой мне той близостью, когда наружность, а тем более романтические прикрасы, перестают быть главным, когда неотразимо действует „сродство душ“». С. Маковский предложил ей встретиться у него дома.

В десять вечера раздался звонок, горничная впустила гостью. Дверь медленно, как ему показалось, очень медленно открылась. В комнату вошла, сильно прихрамывая, невысокая, довольно полная темноволосая женщина. По признанию С. Маковского, Дмитриева «была на редкость некрасива». «Простите меня, если я причинила вам боль, — сказала она, и на ее глазах показались слезы, и голос, которым он привык любоваться, обратился в еле слышный шепот. — Сегодня, с минуты, когда я услышала от вас, что все открылось, с этой минуты я навсегда потеряла себя: умерла та единственная, выдуманная мною „я“, которая позволяла мне в течение нескольких месяцев чувствовать себя женщиной, жить полной жизнью творчества, любви, счастья. Похоронив Черубину, я похоронила себя и никогда уж не воскресну…»

Она ушла. Больше они ни разу не встречались. Второй номер «Аполлона» с подборкой из двенадцати стихотворений Черубины де Габриак вышел, когда тайна ее была уже раскрыта. Маковский через год женился и поставил последнюю точку в истории своей любви — посвятил Черубине сонет, содержание которого быстро выветрилось из его памяти. «Только с годами я понял, что это мое увлечение призраком оставило во мне след, царапина никогда не заживала совсем».

Как будто ничего не случилось, М. Волошин продолжал

посвящать «Черубине де Габриак» свои стихи и искренне верил, что теперь поэтесса уже сама «сможет создать свою поэтическую индивидуальность, которая гораздо крупнее и глубже… Черубина — тот ключ, которым я попытался открыть глубоко замкнутые родники ее творчества». Но он ошибся. Как только мистификация была раскрыта, Лиля не смогла больше не только писать стихи, но и встречаться с Волошиным. Все ее таланты — и поэтический, и женский — унесла с собой в небытие Черубина де Габриак.

В марте 1910 г. в последнем письме к Волошину перед разлукой она писала: «Я стою на большом распутье. Я ушла от тебя. Я не буду больше писать стихи. Я не знаю, что я буду делать. Макс, ты выявил во мне на миг силу творчества, но отнял ее от меня навсегда потом. Пусть мои стихи будут символом моей любви к тебе». Его прощальным ответом было стихотворение:

«Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед…
Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам…»

Звезда Черубины вспыхнула, ослепила многих — и погасла, оставив на небосводе лишь бледный след. И на этот след тенью легла история дуэли Гумилева и Волошина. В момент дуэли Гумилев, отдававший дань всеобщему поклонению перед Черубиной, еще не знал настоящего имени незнакомки. И оскорбление он нанес реальной Лиле Дмитриевой, отомстив за отказ выйти за него замуж. Волошин заступился за ее честь. 19 ноября 1909 г. в мастерской художника А. Я. Головина, при большом скоплении людей, Волошин дал пощечину Гумилеву, после чего дуэль между ними была неизбежна. В наступившей тишине эхом прозвучали слова Иннокентия Анненского: «Достоевский прав. Звук пощечины действительно мокрый».

Ослепительный и короткий век Черубины де Габриак закончился. Но продолжалась жизнь ее автора. В 1911 г. Елизавета Ивановна вышла замуж за Всеволода Николаевича Васильева и стала носить его фамилию. Муж, по профессии инженер-гидролог, постоянно находился в разъездах и брал ее с собой. Но, несмотря на то что, по словам поэтессы, из ее жизни ушло искусство, образ Черубины навсегда остался в душе Е. Васильевой. Весной 1916 г. она признавалась М. Волошину:

«Черубина для меня никогда не была игрой», летом 1922 г. писала ему же: «Я иногда стала думать, что я — поэт. Говорят, что надо издавать книгу. Если это будет, я останусь „Черубиной“, потому что меня так все приемлют и потому что все же корни мои в „Черубине“ глубже, чем я думала».

Нет сомнений, что в новой, советской действительности Черубина де Габриак не смогла бы возродиться. Но Елизавета Васильева сумела найти свою дорогу. В начале 20-х гг. она оказалась в Екатеринодаре, где познакомилась с Самуилом Маршаком. Там они задумали и создали «Детский городок», где имелись различные мастерские, библиотека, театр. Самостоятельно и в соавторстве с Маршаком она писала пьесы для детского театра, прозу, переводила с испанского и французского. Позже Самуил Яковлевич Маршак признавался, что именно благодаря Васильевой стал писать для детей.

Когда Маршак уехал в Петроград, он вызвал туда и Елизавету Ивановну, и какое-то время они там работали вместе в Театре юных зрителей. Здесь она встретила свою последнюю любовь — востоковед и антропософ Юлиан ГЦуцкий был на десять лет моложе ее. Ему Васильева посвятила множество своих стихотворений. «В мою жизнь пришла любовь. Ты и он — первая и последняя точки моего круга», — писала она Волошину.

Вскоре на долю Васильевой выпали тяжелые испытания: в вину ей ставили приверженность антропософии, ведь до революции по делам «Антропософского общества» она ездила в Германию, Швейцарию и Финляндию. Начиная с 1921 г. у нее в доме производились обыски, затем последовали вызовы в НКВД, и, наконец, летом 1927 г. Васильеву арестовали и по этапу отправили в ссылку на Урал. Оттуда она перебралась в Среднюю Азию, где работал ее муж.

В последнем письме к Волошину в январе 1928 г. она писала из Ташкента: «…так бы хотела к тебе весной, но это сложно очень, ведь я регистрируюсь в ГПУ и вообще на учете. Очень, очень томлюсь… Следующий раз пошлю стихи… Тебя всегда ношу в сердце и так бы хотела увидеть еще раз в этой жизни». Однако этой мечте не суждено было осуществиться.

В ночь на 5 декабря 1928 г. Е. И. Васильева скончалась от рака печени в больнице им. Полторацкого в Ташкенте. Елизавета Ивановна ушла, оставив немало недомолвок. Максимилиан Волошин, автор рассказа о блистательно разыгранной им в 1909 г. мистификации, продолжал мифотворчество. Мы никогда не узнаем, как все было на самом деле. Эпоха символизма хранит свои тайны и не раскрывает смысл символов. Черубина де Габриак так и останется для нас волнующей загадкой.

И сложная, трагическая судьба женщины, скрывавшейся под этим именем, тоже сокрыта завесой. Мы можем знать факты, но ничего не узнаем о чувствах, о радости и страдании. «Из этого мира я уйду неразгаданной», — писала она в одном из писем к Волошину. Но остались ее стихи — удивительная поэзия Серебряного века — о Боге, о мире и, прежде всего, о любви:

«Надломилось, полно кровью
Сердце, как стекло.
Все оно одной любовью
Истекло».

Шанель Коко

Настоящее имя — Габриэль Шанель (род. в 1883 г. — ум. в 1971 г.)

Ее фамилия давно стала символом эпохи, стиля и высочайшего класса моды. Ее жизнь была полна множества любовных романов, однако ни один из них так и не закончился браком. Смыслом ее жизни стала работа.

Если Первая мировая война перевернула внутренний облик мира, то ее современница Коко Шанель помогла ему измениться внешне, угадав неудержимое стремление времени к свободе и простоте. Обладая неимоверной славой и влиянием, она так и не смогла устроить свою личную жизнь. Однако в сочувствии знаменитая модельерша, которую соотечественники звали просто Мадемуазель, не очень-то нуждалась. Она вошла в историю с парадного входа, в компании гениальных драматургов и художников, бизнесменов и представителей самых знатных фамилий Европы. А если ей чего-то не хватало для самоутверждения, то она запросто могла и приврать: «Вранье не требовало от меня никаких усилий. Воображение способствовало украшению моего вранья, оживляя его патетическими эпизодами».

О ее детстве известно немного. Габриэль родилась 19 августа 1883 г. в городе Сомюре на западе Франции в семье ярмарочного торговца Альбера Шанель и его подружки Жанны Деволь. Постоянного жилья они не имели. Если дела шли неплохо, они позволяли себе завести примитивное хозяйство и обосноваться в

какой-нибудь заброшенной лачуге, которую нормальные люди старались обходить стороной. Ее мать мыла, чистила и гладила в чужих домах, отец торговал галантерейным товаром на рынке.

Всю свою жизнь легендарная Мадемуазель стеснялась своего убогого детства. Она боялась, что журналисты могут узнать о ее внебрачном происхождении, о смерти матери от астмы и истощения, о том, что отец ее попросту бросил, сдав в двенадцатилетнем возрасте в приют. Габриэль даже придумала свою собственную легенду об уютном и чистом доме двух строгих тетушек, которых в реальности не существовало. Еще в приюте она начала сочинять историю своей жизни: «Я не сирота. Мой отец поехал в Америку. Он скоро приедет и купит большой дом».

После семилетнего пребывания в Обазине — сиротском приюте для девочек Габриэль была переведена в пансион Святой Богородицы в городе Мулен. Здесь она провела еще два года взаперти, а когда ей исполнилось двадцать лет, монахини подыскали ей работу в трикотажном магазине по соседству с пансионом. Габриэль быстро заслужила уважение новых хозяев и заказчиков — она мастерски шила женскую и детскую одежду.

Именно тому времени Шанель обязана своим знаменитым прозвищем, под которым она стала известна всему миру. В свободное от работы время молодая швея пела в «Ротонде» — кафешантане, где развлекались офицеры 10-го полка конных егерей. Компания в нем собралась отборнейшая: одновременно Сен-Жерменское предместье и цвет местного общества. В репертуаре Габриэль был очень модный в кавалерийской среде шлягер: «Кто видал Коко у Трокадеро?» Отсюда и берет свое начало легендарное имя — «Коко Шанель». Правда, сама Мадемуазель не любила вспоминать о своей певческой карьере и объясняла это прозвище по-своему: «Мой отец обожал меня и называл цыпленочком (по-французски — коко)».

Вообще мотив презрения к собственному происхождению, к нищете, окружавшей ее в детстве, преследовал Шанель на протяжении всей ее жизни. Этот комплекс стал одним из основополагающих в ее бурной деятельности, в ее стремлении любыми путями добиться успеха и признания. Ей хотелось спастись от унижений и забыть детство без ласки и любви, пустоту и одиночество.

Уже в двадцать лет она приходит к выводу, что главное в жизни — это деньги. И поэтому, когда в 1905 г. на ее пути повстречался молодой буржуа, офицер пехотного полка Этьенн Бальсан, несший с собой праздную и роскошную жизнь, Коко бросилась ему на шею. В ее глазах он был настоящим мужчиной, имел деньги и умел ими распоряжаться.

Этьенн, вышедший вскорости в отставку, купил замок неподалеку от Компьеня, в Руайо, и решил заниматься разведением лошадей и принимать участие в скачках. Поселившись в замке, Коко пользовалась всеми преимуществами новой жизни: валялась в постели до полудня, пила кофе с молоком и читала дешевые романы. Но Бальсан не считал Коко той женщиной, на которую стоит тратить свои деньги, и Шанель это прекрасно ощущала: она жила в маленькой и неуютной комнате замка, любовник не помогал ей завязывать знакомства, Коко приходилось самой ходить за покупками в деревенскую лавочку и довольствоваться только тем, что там продавалось.

Весной 1908 г. Коко познакомилась с приятелем Этьенна — Артуром Кейпелом, по прозвищу Бой — молодым англичанином с черными прямыми волосами и матовым цветом лица. Артур предложил приглянувшейся ему мадемуазель Коко открыть шляпный магазин и обещал финансовую поддержку. Впоследствии он стал ее партнером в делах и личной жизни.

Однако именно Этьенну Бальсану она обязана началом своей карьеры. Этьенн давно хотел занять поднадоевшую ему подружку каким-либо делом, чтобы под благовидным предлогом убрать ее из своего замка. Сначала Коко поселилась в Париже в его холостяцкой квартире на первом этаже дома № 160 по бульвару Мальзерб, где он с подружками обычно «занимался глупостями». Здесь Шанель и стала делать и продавать свои шляпы. Забавно, что все бывшие любовницы Этьенна стали первыми покупательницами шляпок Мадемуазель. Они же расширили круг ее клиенток за счет своих подруг. Дела пошли в гору, и вскоре эта холостяцкая квартирка стала слишком тесной.

В конце 1910 г. Коко окончательно порвала с Этьенном Бальсаном и стала открыто жить с Боем Кейпелом. Взяв предложенные деньги у своего нового любовника, она перебралась в дом № 21 по улице Камбон и открыла там свое ателье со смелой вывеской «Моды Шанель». Скоро эта улица станет известна всему миру и будет связана с ее именем в течение полувека.

Это было лучшее время в жизни Мадемуазель — она любила и была любима. Нет ни малейшего сомнения, что она страстно хотела выйти замуж за Боя. Счастье, респектабельность, уважение общества — вот что вместе с состоянием принес бы ей этот брак. Но Артур никогда не говорил на эту тему, хотя от всех своих подружек всегда возвращался к «маленькой Коко». Начиная с 1913 г. Шанель перестала надеяться. Теперь она испытывала только стремление к независимости.

Для того чтобы освободиться от окружающего мира, от

мужчин и от любви, оставалось одно средство — работа. Она впряглась в нее с ожесточением и азартом. После упущенной возможности добиться счастья у нее было много неизрасходованных сил. В 1913 г. Коко открывает свой бутик в Довиле, быстро набирая себе постоянную клиентуру, и по-прежнему продолжает встречаться с Боем.

Несмотря на то что их связь не прекращалась, у ее любовника были другие планы. В 1918 г. во время пребывания в Англии Артур познакомился с младшей дочерью барона Риббсдейла Дианой и вскоре сделал ей предложение. Вернувшись в Париж, Бой никак не решался сообщить эту новость Габриэль. Он находил тысячу причин, чтобы оттянуть момент признания. В конце концов, не выдержав, Шанель решила облегчить ему задачу и начала этот неприятный разговор сама.

Через некоторое время дела потребовали от Артура более частых посещений Парижа. И хотя он официально был помолвлен с Дианой, продолжал приезжать к Габриэль, как и прежде. Короче говоря, она теряла Боя и не теряла его. Тогда в ее доме появились мужчины, и они были богаче, красивее и знатнее, чем самые именитые молодые женщины, с которыми знался теперь Бой. Она притупляла свое горе любовниками, как другие заглушали бы его вином.

В конце декабря 1919 г. Париж облетело известие о гибели Артура Кейпела в автомобильной катастрофе. Один из друзей взялся сообщить об этом Шанель. Тогда впервые она не смогла скрыть то, что чувствует, — ее лицо исказила гримаса, в которой выражалась неподдельная скорбь. Она сразу же выехала к месту аварии, но опоздала. Тело уже увезли, все было кончено: после восемнадцати часов пути она так и не увидела любимого.

На следующее утро Габриэль одна приехала к месту катастрофы. Обуглившаяся машина Боя стояла у обочины. Коко обошла машину, прикладывая к ней руки, затем села на дорожный столб и зарыдала. Шанель умела плакать, но только тогда, когда ее никто не видел.

Летом 1920 г. в Биаррице, где у Коко Шанель открылся еще один бутик, произошла ее встреча с русским эмигрантом — великим князем Дмитрием Павловичем, переросшая затем в обоюдное увлечение. Впрочем, связь 38-летней модельерши с 29-летним великим князем, отправленным царем в январе 1917 г. в изгнание за участие в убийстве Распутина, просто увлечением не назовешь. Роман был коротким, но бурным.

Знакомством с великим князем она обязана выдающемуся хореографу Сергею Дягилеву, имя которого гремело в начале XX в. по всей Европе. Его «Русские сезоны» считались в то время

вершиной балетного искусства. Мадемуазель восхищалась русским балетом, часто ходила в театр на выступления В. Нижинского, ставшего впоследствии «звездой» дягилевской труппы. Даже покорившее мир строгое черное платье от Шанель придумано было ею в театре, когда Коко вдруг поняла, что ее раздражает буйство цветов в нарядах сидящей в зале публики.

Но с самим Дягилевым встреча произошла позднее, на закате его карьеры. Шла Первая мировая война, и европейцам было не до балета. Дягилев был на грани нервного срыва из-за провала премьеры «Весны священной» И. Стравинского: зрители не приняли ни новаторской музыки, ни хореографического эксперимента. Он решил сделать вторую постановку балета, но денег на нее не было.

Удача улыбнулась хореографу в лице Коко — она быстро исправила ему настроение, вручив чек на необходимую сумму. Дягилев ожил, сформировал новую труппу и не стеснялся в случае надобности обращаться за помощью к Мадемуазель, ставшей его близким другом. Коко бесплатно создала костюмы для нескольких его спектаклей и продолжала оказывать финансовую помощь. «Я был у принцессы П., — рассказывал С. Дягилев, — она дала мне 75 тысяч». И слышал в ответ: «Но она же знаменитая американская дама, а я — всего-то французская модельерша, вот вам 200 тысяч». На этого человека она денег не жалела. До конца своей жизни Мадемуазель повторяла, что Дягилев был ее главным и единственным учителем.

С. Дягилев ввел Коко в мир русского Парижа, и с тех пор на улице Камбон зазвучала русская речь. Эмигранты, спасавшиеся от большевиков за границей, были здесь никому не нужны, и работа у Шанель оказалась для многих находкой. Дмитрий Павлович давал Коко советы, как вести себя с русскими. Посетителей у входа встречал бывший губернатор Крыма граф Кутузов. Великая княгиня Мария Павловна, которая, если бы не революция, должна была стать королевой Швеции, возглавляла мастерскую русской вышивки. Сохранились впечатления Мадемуазель: «Русские меня всегда восхищали. Их любимое „все, что твое, то и мое“ приводило меня в состояние опьянения. Все славяне отличаются утонченностью, естественностью, даже самые несчастные из них незаурядны».

Во время автомобильного турне по Франции в городе Грасс Дмитрий познакомил Коко с выходцем из России, выдающимся химиком-парфюмером Эрнестом Бо, отец которого работал при русском дворе. Эта встреча оказалась счастливой для обоих. Через год кропотливой работы и длительных экспериментов Эрнест расставил перед новой хозяйкой десять пузырьков, разбив

их на две группы. Одна половина была пронумерована от 1 до 5, вторая — от 20 до 24. Шанель выбрала образец с номером 5, а когда химик спросил, почему именно этот, ответила: «Я показываю свою коллекцию 5 мая, то есть 5 числа 5 месяца. Возьмем и пузырек с цифрой 5, надеюсь, этот номер принесет духам счастье». Дизайнеры заключили золотистую жидкость в простой прямоугольный флакон со скромной этикеткой. В результате мир получил духи «всех времен и народов», успех которых пережил своих создателей.

После расставания с Дмитрием Павловичем Коко приехала в Париж и заняла лучшую квартиру в особняке графов Пийе-Виль. Именно в этом доме завязалось то, что стало для нее последним шансом уходящей молодости. Здесь, в предместье Сент-Оноре, укрытом тенистой листвой огромных деревьев, ее любил поэт Пьер Реверди. Внук ремесленника и сын винодела, он был такого же простого происхождения, как и сама Габриэль.

Наконец-то Шанель встретила друга, судьба которого во многом перекликалась с тем, что она сама пережила в детстве. Жизнь еще ни разу не сводила ее с человеком, который бы так ее понимал. Много позже, когда пришло время одиночества и старости, только имя Реверди казалось ей достойным того, чтобы быть соединенным с именем «Великой Шанель».

В ее доме было полное собрание сочинений Пьера Реверди в оригинальных изданиях (некоторые даже с иллюстрациями Пикассо) и почти все его рукописи. В каждой из книг были дарственные надписи, подобные этой: «Моей великой и дорогой Коко от всего сердца и до последнего его биения». И так с 1921 г. по 1960 — год его смерти.

Однако потеряла она своего любимого гораздо раньше. Весной 1926 г. Пьер сжег часть своих рукописей и уехал из Парижа в добровольное изгнание. Оставшиеся тридцать лет своей жизни он провел в одиночестве. Реверди находил в этом источник вдохновения, а Габриэль суждено было в очередной раз смириться с поражением и хранить в своем сердце память о том времени, когда они были вместе.

К середине 20-х гг. бурный период увлечения богемой, который условно можно назвать «русским», постепенно сошел на нет. Стал затворником П. Реверди, умер С. Дягилев, в США перебрался И. Стравинский, одно время очень увлекавшийся Шанель. В жизни Коко появился герцог Вестминстерский, роман с которым длился целых 14 лет. Эта непривычно долгая для Мадемуазель любовная связь ввела ее в иную среду — мир английской аристократии.

Когда Шанель впервые встретила герцога Вестминстерского,

она сказала: «Наконец я нашла плечо, на которое могла опереться, дерево, к которому могла прислониться». К этому времени он был женат уже несколько раз, она не была замужем ни разу. Ей льстило, что в его жилах течет королевская кровь, что он самый богатый человек на свете. Принадлежность нового ухажера к сильным мира сего была для нее лишь подтверждением искренности его поведения и выгодно отличала от многих других ее поклонников, которым были нужны ее деньги, а не она сама.

Герцога все звали Вендор (такое прозвище ему дал дед по имени любимой лошади, выигравшей дерби), а Коко называла любимого по-своему — Бонни. Курьеры сновали из Лондона в Париж, доставляя письма, полные страсти. В подтверждение глубины чувств герцог самолетом отправлял Коко корзины фруктов, собранных им в собственных оранжереях, и орхидеи из теплиц Итонхолла. Однажды, посылая ей ящик с овощами, герцог на дне спрятал огромных размеров изумруд. Он осыпал Коко драгоценностями и поистине бесценными подарками.

Как-то он подарил ей уникальный комод XVII в., выполненный в китайском стиле, который потом долгие годы украшал гостиную на улице Камбон. Коко принимала там своих гостей. Полусидя-полулежа, восседала она на своей знаменитой бежевой софе, окруженная знаменитостями, и верила, что центр мироздания находится в ее доме. Интересно, что Коко никогда не ночевала там, а уходила спать в фешенебельный отель «Риц», в котором всегда снимала апартаменты.

С 1926 по 1930 гг. ее самым желанным гостем был Бонни. Она верила все это время, что их любовь увенчается браком. В каждом из домов, куда возил ее герцог, она видела долгожданный окончательный приют, часто пропадала в Англии, путешествовала на его яхтах. Ей пришлось всерьез изучать план гостиных, галерей и прихожих Итонхолла. Кое-как она разобралась с целым батальоном лакеев, которым командовал метрдотель, важный, как генерал. На уикэнды к Бонни обычно собиралось около шестидесяти приглашенных, среди которых часто бывал Уинстон Черчилль с женой, самые близкие его друзья. Обеды проходили под музыку, а иногда из Лондона даже привозили целый театр.

Навсегда запечатлелись в памяти Коко удивительная мягкость английских газонов, изобилие цветов и высокий профессионализм садовников. Шанель всем своим существом перевоплотилась в англичанку. И главное, это нашло отражение в ее моделях того времени, которое смело можно назвать «английским периодом» в ее жизни. Если бы Мадемуазель смогла родить наследника герцогу, она стала бы его женой. До 1928 г., пока страсть в нем была сильна, он желал этого. Коко было сорок

шесть лет, когда она стала ходить на консультации к врачам, но было слишком поздно — природа воспротивилась ее мечте. Бонни страдал не меньше своей любимой, но был вынужден жениться на другой.

Шанель опять с головой ушла в работу. Успех сопутствовал ей во всех ее начинаниях. Она находилась в зените славы и, несмотря на возраст (ей уже было за 50), продолжала пользоваться завидным успехом у мужчин.

В 1940 г., с началом Второй мировой войны, Германия оккупировала Францию, и жизнь преуспевающего модельера Коко Шанель вошла в «немецкий период». Поначалу Шанель заняла вполне патриотическую позицию — показав свою коллекцию одежды в сине-бело-красных тонах (цветах государственного флага Франции), она сильно рисковала. А затем нашла для себя новое занятие, менее безобидное, чем создание моделей или производство духов: новым увлечением мадемуазель Коко стал атташе германского посольства и одновременно агент абвера Ганс Гюнтер фон Динклаге, который был моложе ее на 15 лет.

Они поселились в доме над ее магазином и почти не выходили на улицу. Видимо, от вынужденного безделья Шанель решила ввязаться в авантюру — вписать свое имя в анналы мировой истории и стать ангелом-спасителем мира. Она принимает участие в эпопее, связанной с попытками заключения мира между западными союзниками и Германией. Через фон Динклаге она предложила свои услуги Вальтеру Шелленбергу — шефу политической разведки СС, который был одним из тех в нацистском руководстве, кто вынашивал идею сепаратного мира. По приглашению нацистов Коко приехала в Берлин для обсуждения деталей ее плана. Смысл его заключался в использовании личных связей Шанель с У. Черчиллем для установления двухсторонних контактов. Однако успеха эта миссия не имела — британский премьер тяжело болел и в то время никого не принимал, о чем Коко лично сообщила Шелленбергу в декабре 1943 г.

После освобождения Парижа Шанель, чье сотрудничество с оккупантами было очевидным, была сразу же задержана сотрудниками «Комитета по чистке», сформированного из отрядов движения Сопротивления. Но за решеткой она пробыла недолго. Ее выпустили вечером того же дня, и она позаботилась оповестить знакомых, что произошло досадное недоразумение. Она легко отделалась — и за более невинные вещи, чем роман с нацистом и сотрудничество с СС, тогда можно было лишиться всего. А о Шанель забыли. Ходили слухи, что генерала де Голля попросил сделаться забывчивым тот самый Черчилль, старый

друг ее Бонни. То ли он все же получил информацию о том, что с ним хотела встретиться Коко-парламентер, то ли просто вспомнил без пяти минут герцогиню Вестминстерскую. Впрочем, точно этого никто никогда не подтвердил.

Единственное, чего потребовали от Коко новые власти в обмен на свободу, — немедленного отъезда из страны. Пришлось на добрый десяток лет залечь на дно, без борьбы оставив профессиональное поле во владение всем желающим. А модельеры в послевоенной Франции стали появляться, как грибы после дождя.

Она перебралась в Швейцарию, где неожиданно возобновилась ее связь с Вальтером Шелленбергом, к которому Шанель, несмотря ни на что, испытывала симпатию. Из всех нацистских преступников, представших перед Нюрнбергским трибуналом, этому эсэсовцу был вынесен самый мягкий приговор — шесть лет тюремного заключения. Коко регулярно писала ему письма в камеру, и когда Шелленберг вышел на свободу в 1951 г., продолжала его поддерживать, в том числе материально. Через год, когда он умер, Шанель взяла на себя все расходы по его похоронам.

Коко Шанель жила в Швейцарии, пока не умер последний свидетель ее авантюры. А затем вернулась в Париж — к новому поколению модельеров и модниц, давно уверенных, что «Шанель» — это только марка духов. Она сняла в своем любимом парижском отеле «Риц» те самые маленькие двухкомнатные апартаменты, откуда в 1945 г. сбежала за границу и которые будут ее единственным домом в течение оставшихся восемнадцати лет.

Забылись страсти и переживания военных и послевоенных лет. Все вернулось на круги своя, и семидесятилетняя Коко снова взялась за моду. Когда Марлен Дитрих спросила у Шанель, зачем ей это нужно, она объяснила свое возвращение к главному занятию просто: «Потому что я умирала от тоски». После более чем холодного приема на родине Коко взяла реванш в немыслимо короткий срок — за год. То, что с треском провалилось в Париже, было слегка переработано и показано за океаном. Американцы устроили ей овацию — в США состоялся триумф «маленького черного платья» — символа эпохи. Оставшиеся годы прошли под знаком нового расцвета ее творческого таланта: «Любая мода выходит из моды, стиль — никогда».

Шанель по-прежнему выглядела неотразимой. Однажды, сбежав с нудной вечеринки, она пошла полюбоваться морем. На пустынном пляже ей повстречался незнакомец, который, оглядев ее с головы до ног, заметил: «Такой шикарной женщине

небезопасно ходить одной». Коко разрешила ему себя проводить. У дверей отеля молодой человек деловито спросил: «Я к вам? Или вы ко мне?»

Несмотря на великое множество людей, которые окружали ее на протяжении всей жизни, она так и осталась одинокой. В день ее смерти, когда ей было 87 лет, рядом оказалась только горничная. 10 января 1971 г. Шанель вернулась с прогулки в свой гостиничный номер и, не раздеваясь, прилегла на кровать. Через несколько минут из ее спальни послышался хрип. Горничная кинулась к Шанель, но та вдруг задышала ровнее и внятно сказала: «Вот так вас оставляют умирать».

Похоронили Великую Мадемуазель по ее завещанию не в Париже, а в швейцарской Лозанне, где, по ее словам, у нее возникало чувство защищенности.

Шнайдер Роми

Настоящее имя — Розмари Магдалена Альбах-Ретти (род. в 1938 г. — ум. в 1982 г.)

Знаменитая австро-немецкая и французская киноактриса, «вечная невеста» Алена Делона. Автор книги-дневника «Я — Роми».

Роми Шнайдер была актрисой в шестом поколении. Ее бабушку, Розу Ретти, которая царствовала на венской сцене более полувека, называли «австрийской Сарой Бернар». Отец Вольф Альбах-Ретти слыл живым воплощением «венского шарма» — изящный, галантный, элегантный, он пленял поклонниц театра и кино в салонных мелодрамах и водевилях. Мать Магда Шнайдер — мягкая, грациозная, деловая женщина, возведенная критиками в ранг «звезды» немецкого кинематографа, была ему достойной парой. Родившаяся в Вене 23 сентября 1938 г. Розмари Магдалена с детских лет попала в артистическую среду.

Это было страшное для Германии и всего мира военное время. Мать ушла из кино и увезла Роми и ее младшего брата Вольфа-Дитера в небольшую деревушку, где была относительно тихая и спокойная жизнь. В 1943 г. актерская семья распалась. Беззаботный отец тяготился семейными проблемами. В жизни, как и на сцене, он предпочитал оставаться неотразимым любовником. Родители развелись. Магда Шнайдер после окончания войны вынуждена была вернуться на сцену, чтобы содержать детей, которые воспитывались у бабушки и дедушки.

В 1949 г. Роми отдали в католическую школу-интернат близ Зальцбурга. Ни разу девочку не забрали домой на каникулы. Ее

отдушиной было рисование и школьные спектакли. По воспоминаниям одной из сестер-монахинь, у Роми почти не было личных вещей, так как мать ей никогда ничего не присылала, да и навещала лишь изредка, а отец и вовсе не появлялся.

Магда вспомнила о дочери лишь в 1953 г. Она к тому времени удачно вышла замуж за богатого предпринимателя Блатцхайма и вернулась в кинематограф. По сценарию фильма «Когда зацветет белая сирень» у нее была дочь, и Магда решила, что симпатичная, слегка курносая, розовощекая Роми вполне справится с ролью. Реклама «Магда Шнайдер со своей прелестной дочкой Роми!» не только поддержала пошатнувшуюся популярность австрийской актрисы, но и подарила Розмари Альбах-Ретти псевдоним — Роми Шнайдер. Ее юношеская непосредственность очаровала зрителей и режиссеров. Юной актрисе сразу же предложили следующую роль («Фейерверк») — и снова успех. Принятое ею в интернате решение стать художницей по тканям и дереву было сразу забыто.

«Все, что было мне известно, я выучила с помощью кино. Ведь мне было четырнадцать лет, когда я покинула школу и начала сниматься, — вспоминала впоследствии актриса. — Мне трудно воспринимать себя объективно, я ничего не помню из моего детства, которое фактически состояло из непрерывной работы в павильоне». После фильма «Юность королевы» (1954 г.) о Роми заговорили как о восходящей «звезде» немецкого кинематографа.

Режиссеры засыпали ее предложениями, но выбирать роли ей не пришлось. Эту миссию взяла на себя мать, а отчим вкладывал гонорары падчерицы в свой бизнес. В коммерческую сеть Блатцхайма вскоре вошли три отеля, 12 ресторанов, несколько варьете и артистических кабачков.

А в своей газете он стал публиковать сведения «из первых рук» о личной жизни приемной дочери. Даже первое увлечение Роми обаятельным молодым актером Хорстом Бухгольцем стало достоянием прессы. Мать и отчим полагали, что таким образом создают юной актрисе дополнительную рекламу. А в душе Роми назревал кризис: с одной стороны, она была избалованной, окруженной вниманием и заботой, тщеславной и себялюбивой девушкой, а с другой — ощущала себя обделенной и обиженной.

Любимица немецкой публики за пять лет снялась в 12 картинах, но в памяти зрителей надолго осталась как непревзойденная исполнительница роли Сисси (Зисси) — императрицы Елизаветы Австрийской, о которой в народе складывали легенды. Роми была настолько естественной в этой костюмированной «мыльной опере», что когда в 50-е гг. в Вене Елизавете Австрийской поставили памятник, статуе придали

черты Шнайдер. В историю кинематографа юная актриса вошла в кружевах и пышных юбках. Этот образ муссировался режиссерами из картины в картину, и Роми готова была бежать на край света, лишь бы избавиться от надоевших париков.

Два фильма из задуманной режиссером Э. Маришкой четырехсерийной «альпийской баллады» о Сисси были восторженно встречены не только в Европе. С триумфом прошла в 1957 г. туристическая поездка Роми с матерью по Америке. Но здесь ее ожидало и внезапное фиаско — пробы на голливудской студии закончились провалом. Впервые юная актриса задумалась об отсутствии у нее серьезной актерской школы. Ее желание поступить в «Актерскую студию» Ли Страсберга мать пресекла категорическим напоминанием — ее время расписано по часам на несколько лет вперед.

Роми смиренно снялась в «Судьбоносных годах императрицы», но эта роль «стояла ей костью в горле». От участия в четвертой серии она решительно отказалась и доказала всем, а в первую очередь себе, что в состоянии сыграть героиню, переживающую на экране сложный душевный кризис («Девушки в униформе», 1958 г.). Обожавшие Шнайдер немцы нарекли ее «Невестой Германии», для семьи она стала «курицей, несущей золотые яйца». Ей надоела постоянная опека и зависимость. Вот и контракт на участие в фильме «Кристина» мать подписала, даже не посоветовавшись с дочерью. Эти съемки перевернули жизнь Роми.

Первая встреча молодой, но знаменитой актрисы и никому не известного начинающего актера произошла в парижском аэропорту. «Помню каждую мелочь… Мы прилетели в Париж, где уже на аэродроме французская кинокомпания организовала встречу прессы со мной и моим будущим партнером. У трапа стоял чрезвычайно красивый, чрезвычайно молодой и чрезвычайно модно одетый человек — Ален Делон. Он не говорил по-английски, а я по-французски. Мы пытались разговаривать, мешая отдельные слова разных языков. С настоящим Аленом я познакомилась уже позже, в Париже. Это был еще совсем юный, растрепанный и дикий молодой человек в голубой джинсовке и спортивной майке. Он всегда и всюду опаздывал и с невероятной скоростью носился по улицам Парижа в своем „рено“. О нем постоянно рассказывали всяческие небылицы. Сначала мы совсем не понравились друг другу. Мы так ссорились, что Жан Клод Бриали, наш партнер по фильму, вынужден был постоянно быть рядом с нами, тщетно пытаясь примирить нас», — записала Роми в дневнике. Ален был невоспитан, она — жеманна, он грубил, она дулась, он насмехался, она презирала. «Надутая немецкая гусыня,

пресная венская булка», — бурчал Делон себе под нос. Роми капризничала, как королева, но все чаще заинтересованно поглядывала в его сторону — он был таким естественным, каким-то… настоящим, совершенно непохожим на окружавших ее ранее мужчин.

Как раз в это время состоялся кинофестиваль в Брюсселе. Впервые они не ссорились. Недоразумения остались в прошлом. Оказалось, что при всех различиях взглядов, манер, воспитания, поведения молодых людей объединяет не только влюбленность. Их роднила какая-то духовная близость, которая до конца жизни будет притягивать их друг к другу.

Съемки закончились, но Роми была счастлива, впервые она искренне любила и была любима. Франсуаза Саган, близкий друг Шнайдер и Делона, вспоминала: «Она испытала с Аленом такую любовь, которая дается не каждой девушке. Это была настоящая юная любовь. Ален был мужчиной ее жизни, и Роми отдала бы все на свете, чтобы быть его женой». Да и как можно было не влюбиться «императрице» в оживленного, яркого, остроумного «сына улицы». Роми пошла на открытый бунт: она не вернулась домой. «Это был настоящий побег. Я такая. Во всем иду до конца, расходую себя без остатка. Любить могу только всем сердцем… Я была счастлива — я не обманулась: чувство мое оказалось взаимным… Разлука была невыносима обоим. Теперь мы принадлежали только друг другу… Оба молодые, независимые…»

Любовь подарила Роми новый, полный свободы мир взамен расчетливого и рационального. Немецкая публика так и не простила ей бегства к «какому-то французику». «Мы любили ее, пока она оставалась Сисси, и возненавидели, когда она убежала в Париж с юношей по имени Ален Делон. Жаль, что она стала продажной девкой…»

Семья смирилась. Влюбленные поселились в крохотной квартирке Алена и были счастливы. Делон мужественно перенес «пытки» помолвкой, которая произошла в Лугано 22 марта 1959 г. Отчим Роми обставил это событие с буржуазной помпой: стрекот кинокамер, вспышки фотоаппаратов, ликование газет и телевидения. Ален откровенно грустил в этом балагане. Позже он с досадой вспоминал: «Роми принадлежит к тому слою общества, который я ненавижу больше всего на свете. Правда, нет в этом ее вины, но все равно она дитя этого общества. За пять лет я не смог искоренить в ней того, что внушалось ей все двадцать лет ее предыдущей жизни… В ней было две Роми. Одну из них я безумно любил. Вторую так же безумно ненавидел…»

Спустя годы Роми тоже критически оценила их союз: «Никто не в состоянии до конца преодолеть влияние своего круга. Ни

Ален, ни я не оказались на это способны, поэтому наши отношения с самого начала были обречены. Но в ту пору мы еще об этом ничего не знали, или, вернее, не хотели знать… По крайней мере, я». Но это слова женщины, которая уговорила сама себя в необходимости расстаться с единственным любимым мужчиной.

Первое время их совместная жизнь была безоблачной. Правда, несколько тучек все время напоминало о возможном ненастье. Несмотря на то что каждый год Шнайдер снималась в трех фильмах, у французской публики она успеха не имела, тогда как Ален с каждой новой картиной становился все более знаменит. Роми понимала, что ей надо изменить свое артистическое амплуа, влиться в новаторскую, творческую атмосферу французского кино. Но «провинциалку» принимали только как спутницу восходящей звезды — Алена Делона. А еще Роми мечтала о замужестве, о настоящем семейном счастье. Помолвка же затянулась на пять лет.

Шнайдер поначалу смирилась, попыталась отказаться от привычек, связей, известности и славы. Женщина на время вытеснила актрису, пока ее не заметил Лукино Висконти. Он открыл Делона, а затем «занялся» Роми. Знаменитый режиссер создал из «маленькой симпатичной булочки» женщину, полную шарма, и актрису, «сдирающую с себя кожу». Законодатели французской моды Коко Шанель и куафер Александр превратили любимицу западногерманских бюргерш в новый образец женщины, соединив изящество и шик с обольстительностью и элегантностью. Теперь ее лицо поражало благородством пропорций и красотой, которую называли мерцающей, — чем больше зрители вглядывались в него, тем более притягательным оно казалось.

Великий Лука, как звали в кинематографических кругах Висконти, привлек Роми вначале на театральную сцену («Как жаль ее развратницей назвать»). Именно в этот период она почувствовала, что многие из окружения Алена заинтересованы в ее судьбе. В театральной игре Роми не хватало школы, но она полностью раскрылась как актриса в одной из новелл фильма «Боккаччо-70» — «Работа». Висконти подарил Франции новую звезду.

Теперь у Роми было все: любовь и работа. Правда, видеться они с Делоном стали реже, но уж такова актерская судьба. Она снималась в Италии, Англии, США. Роми тосковала по Алену, чувствовала, что разлука затягивается, становилась агрессивной, устраивала скандалы на съемочной площадке и ощущала себя «невыносимым маленьким монстром». Телефонные разговоры и

короткие встречи не предвещали ничего дурного.

Последнее свидание «вечной невесты Алена Делона» и ненавидящего брачные узы «жениха» состоялось в Риме. Он был нежен и внимателен, она — беззаботно счастлива, а вернувшись в Голливуд, Роми обнаружила во всех американских газетах объявление о помолвке Алена и актрисы Натали Бартелеми. Делон прислал вслед трогательное пространное письмо с благодарностью за счастливые совместные годы и сожалениями по поводу необходимости расстаться: «Благоразумие заставляет меня сказать тебе „Adieu!“ Наш брак с самого начала был обречен. Из-за нашей профессии он не мог быть долгим. Возвращаю тебе свободу и навсегда оставляю тебе свое сердце!» В августе 1964 г. Ален женился, а 1 октября уже стал отцом…

После предательства Делона и пережитой трагедии Роми решила, что пора учиться жить «вне кино и сцены», и казалось, что ей это удалось. Она покинула Париж, окунулась с головой в работу. Снять тяжесть с души и творческое перенапряжение ей давно уже помогали лишний бокал вина, а иногда и таблетки. Вне павильона она оставалась безучастной и вялой, пока в апреле 1965 г. на роскошном приеме в новом ресторане отчима в Берлине не познакомилась с немецким актером и театральным режиссером Гарри Мейеном (настоящее имя Гарральд Гаубеншток). Она убедила себя, что «смогла бы прожить всю жизнь» с ним. «Годы, проведенные с Аленом, были дикими, безумными. С Гарри я наконец-то успокоилась. Девять месяцев я уже не снималась, но во мне нет того мучительного ощущения пустоты, которое обычно раньше возникало. Сейчас я даже могу представить, что когда-нибудь распрощаюсь с кино…»

Гарри был старше на 14 лет, он развелся с женой, и 15 июля 1966 г. они с Роми поженились. Она ждала ребенка, отказалась от всех съемок. 3 декабря 1966 г. родился сын Давид Кристофер. Роми, привыкшая к вниманию и заботе только о ней, тем не менее оказалась прекрасной матерью. Она была спокойна и счастлива.

Три года Шнайдер не появлялась в кинопавильонах, и три недели съемок («Отли») в Англии в разлуке с сыном и мужем были для нее настоящей мукой. Но только лишь Роми предложили роль во Франции в фильме «Бассейн» (1968 г.), да еще с Аленом Делоном, она забыла, что нашла «с Гарри спокойствие и уверенность», и уехала в Париж. Муж не возражал, полагая, что чувства к бывшему жениху остались в прошлом, а для жены «это хорошая реклама».

Ален, предложивший режиссеру пригласить Шнайдер, признавался: «Роми, конечно, изменилась, но я никак не могу

этого осознать… Когда мы с ней познакомились, она была такой молодой — совсем девочкой! Я нахожу, что она превратилась в леди. Сейчас у меня нет любимой женщины, и я просто провожу время с девочками… Конечно, есть работа и сын… А то, что были когда-то обручены, давно забыто. И мы будем любить друг друга точно по сценарию».

Но чем упорней Ален и Роми доказывали, что они просто друзья и партнеры, тем настойчивее вездесущие журналисты следили за каждым шагом звездного дуэта: жаркие объятия в аэропорту, записки, цветы, подслушанные фразы — все стало достоянием прессы. Гарри Мейен был оскорблен грязными намеками, а Роми — его упреками. Она вновь погрузилась в работу. С каждым фильмом актриса все выше поднималась на кинематографический Олимп. Шнайдер 70-х стала олицетворением женственности — то целомудренно-чистой, то зовуще-чувственной, то агрессивно-сексуальной. Она была признана журналом «Пари-матч» ведущей звездой французского кино. Но счастливое супружество осталось в прошлом.

Весной 1973 г., когда Гарри потребовал развода, их ничего уже не связывало, кроме сына и угрызений совести Роми за разрушенную мужу жизнь. Шнайдер поселилась в Париже и забрала к себе сына. В ее судьбу вошел молодой красивый итальянец Даниэль Бьязини (Биасини), сценарист и режиссер документального кино. Он отчаянно напоминал Роми молодого Алена Делона, и она предложила ему стать ее секретарем. Даниэль был внимательным и заботливым, а Роми так хотелось иметь рядом надежную опору.

Уверенная, что теперь у нее надежный «тыл», Шнайдер продолжала напряженно работать. Она стала той актрисой, которая не боится выглядеть на экране непривлекательной. За роль уродливой, отталкивающей своей агрессивностью Надин в фильме «Главное — любовь» Роми была удостоена самой престижной кинематографической награды Франции — премии «Сезар». Газеты тех лет были наполнены восторженными высказываниями об актрисе. Но лучше всех, наверное, почувствовал глубину ее таланта Ж. Кокто: «Искусство — это то, что превращает тайну в свет. Этот комплимент я хотел бы адресовать Роми Шнайдер, настоящей трагической художнице».

Творческому успеху сопутствовало и личное счастье. После двухлетнего бракоразводного процесса с Гарри Мейеном Роми наконец-то получила свободу, отдав за это половину своего состояния — полтора миллиона марок. В декабре 1975 г. она вышла замуж за Даниэля. Роми ждала от него ребенка и не могла допустить, чтобы он рос без отца. «Всю жизнь я пыталась собрать

под одной крышей мужчин, детей, профессию, успех, деньги, свободу, уверенность, счастье. В первый раз все рухнуло. С Даниэлем я делаю новую попытку». Роми чувствовала себя защищенной, да и сын нашел общий язык с отчимом.

Автомобильная катастрофа, в которую супруги попали через неделю после свадьбы, была первым ударом по надежде Роми на счастье: ребенка сохранить не удалось. А в марте ушел из жизни один из ее лучших друзей — Л. Висконти. Теперь Шнайдер «светилась» только на экране («Женщина в окне», «Мадо»). Режиссер К. Сотэ писал с тревогой: «Она пьет слишком много после съемок. Для нее это единственная возможность избавиться от постоянных страхов». Этот страх вновь потерять ребенка давил на Роми. Нервная, издерганная, она вновь попала в аварию, правда, без столь болезненных последствий. Семимесячную девочку нарекли Сара Магдалена. Актриса на два года отказалась от съемок, с радостью наблюдая, как подрастает так похожая на нее дочь. Дольше усидеть дома она не смогла. Шнайдер не была создана для повседневности — кинопавильон стал частью ее «я». За редкостную, совершенную игру в фильме «Простая история» (1978 г.) актриса получила вторую премию «Сезар».

Но напряжение не отпускало Роми. 15 апреля 1979 г. свел счеты с жизнью, повесившись на балконе своего дома, Г. Мейен. Ее преследовало чувство вины, что в свое время она вырвала его из семьи, оторвала от успешной карьеры, превратив в «домохозяйку», забрала сына. «Отпущение грехов» она находила в работе, которая стала для нее своеобразным наркотиком, но подрывала здоровье.

С Роми творилось что-то неладное. Ощущение грядущей беды не покидало ее ни на минуту. В очередной раз она поняла, что счастливый брак был лишь игрой ее воображения. Роми хотелось быть слабой, но она постоянно давила на Даниэля, навязывая ему свое мнение. Он оказался волевым человеком, и то, что раньше ей так нравилось в нем, теперь вызывало лишь раздражение и агрессию. Развод обошелся Шнайдер в «кругленькую сумму», но не это угнетало ее. Сын не понял этого разрыва и остался жить в семье Бьязини, как и дочь Сара. Девочка еще не осознавала происшедшего, но 14-летний Давид не мог не видеть тех потоков грязи, что выливались на его мать в прессе.

Роми не умела жить одна. С 1981 г. ее везде сопровождал молодой человек — ее новый секретарь Лорен Петэн. Но она предчувствовала, что счастлива уже никогда не будет: всех мужчин она сравнивала с Аленом, и всегда в его пользу. Это был ужасный год: перелом ноги, тяжелейшая операция по удалению почки, ужасная боль и 25-сантиметровый шрам, обезобразивший

ее тело. Но, к радости Роми, наконец она нашла общий язык с сыном. Давид был рад, что мать купила для них дом в маленькой деревне Буаси. Он величал ее «матушкой Кураж», вникал, как взрослый, в дела и одобрил сценарий следующего фильма. Изредка Роми навещал Ален Делон. В его душе тоже не было мира: грязные слухи, наговоры, бесцеремонное вмешательство в интимную жизнь стали расплатой за славу. Оба ощущали себя одинокими и затравленными. Бурные чувства сменились родственной тягой друг к другу.

Затишье было временным. 5 июля 1981 г. ужасная нелепая смерть унесла ее любимого сына: перелезая через ограду виллы Бьязини, он потерял равновесие и животом напоролся на острые железные пики. Друзья, глядя на Роми, думали, что она не переживет этого горя. Делон, прервав съемки, прилетел из Рима и взял на себя все хлопоты по похоронам. Они вновь были рядом, раньше их связывала любовь — теперь несчастья, сыпящиеся на Шнайдер. Забросив все дела, Ален большую половину 1981 г. не оставлял Роми. Он старался вырвать ее из страшного оцепенения: «Смотри, мы все еще самые лучшие! Мы с тобой еще лет двадцать можем быть первыми номерами», — шутил он перед журналистами на кинофестивале, где они были признаны лучшими актерами французского кино. И те с восторгом узнали, что для звездной пары готов новый сценарий «Один против другого».

Но пока Роми жила одной мыслью — воплотить на экране сценарий, который одобрил ее сын. Каждая реплика из фильма «Прохожая из Сан-Суси» напоминала ей о собственной жизни. Только на съемочной площадке она возрождалась к жизни, а вне ее не находила себе места: сменила за год два десятка квартир, бессонными ночами писала письма знакомым и близким и часами разговаривала с сыном — она постоянно видела его рядом.

Фильм «Прохожая из Сан-Суси» вышел на экраны в апреле 1982 г. с подзаголовком «Давиду и его отцу». Роми решила, что «жизнь должна идти дальше», ведь у нее оставалась Сара. Она переселилась в деревенский дом, разбила сад, посадила цветы, завела кошек и собак и старалась не бывать в Париже и на людях. Дочь и окруживший ее заботой Лорен Петэн были единственными людьми, которых она могла видеть постоянно. А чтобы не слышать «зова пропасти», она одурманивала себя алкоголем и транквилизаторами.

Вечером 29 мая 1982 г., вернувшись из ресторана, Роми, по обыкновению, села писать письма. Когда на рассвете Лорен зашел в ее комнату, она продолжала сидеть у стола, но сердце ее не билось. Все парижские газеты вышли с сенсационными

заголовками: «Роми Шнайдер покончила с собой!» Но врачи сообщили, что скоропостижная смерть была естественной — Роми умерла от разрыва сердца.

Ален Делон, узнав о трагедии, бросился на помощь полностью раздавленному случившимся Петэну, взял на себя организацию похорон своей бывшей невесты. Он позаботился, чтобы рядом с ней, под одной плитой покоился и сын Давид. Через неделю «Пари-матч» опубликовала его своеобразную эпитафию, обращенную к Роми: «Прощай, моя куколка». С большой искренностью и горечью он говорил о преждевременном уходе прекрасной актрисы и женщины, которая была частью его жизни. «Мне говорят, что ты мертва. Виноват ли в этом я? Да, это из-за меня твое сердце перестало биться». Любовь Роми Шнайдер к Алену Делону и его собственное предательство были первой ступенью в тот душевный ад, в котором она жила после их разрыва. Он испугался любить в полную силу, а она не смогла разлюбить.

notes

Примечания

1

Куртуазная любовь — форма взаимоотношений между рыцарем и женщиной благородного происхождения, возникшая на рубеже XI–XII вв. на юге Франции — в Аквитании, Тулузе, а со временем распространившаяся на север страны. Для нее характерен культ Прекрасной Дамы — идеальная любовь и вассальное подчинение возлюбленной.

2

До самой смерти Алиенор подписывалась «королева Англии благодаря гневу Божьему».

3

Мифическая героиня, которая после смерти своего супруга превратилась в источник.

4

По мнению историка В.П.Наумова, «Петр III страдал маниакально-депрессивным психозом в слабой стадии (циклотомией) с неярко выраженной депрессивной фазой».

5

Здесь и ниже перевод С. Петрова.

6

Перевод А. Немировского.